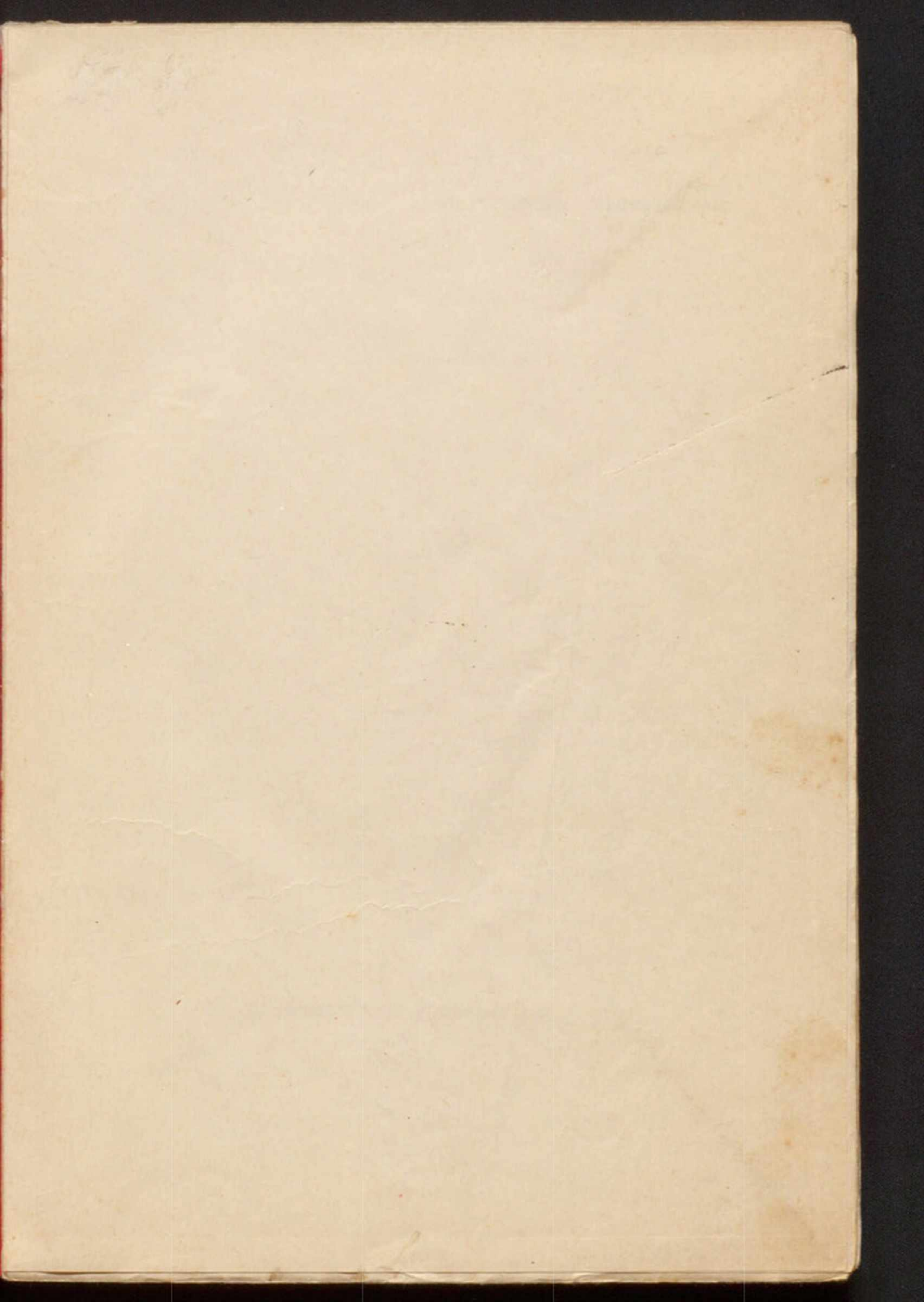
ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ

1917-1920



И. Н. Оприцъ

Лейбъ-Гвардіи Казачій Е. В. полкъ въ годы революціи и гражданской войны 1917-1920

«ЧЕСТЬЮ, СЛАВОЮ, ВѢРОЮ, ПРАВДОЮ И ЛЮБОВЬЮ».

(Слова выбитыя въ 1875 году на полковой медали въ память исполнившагося въ семъ году столѣтія Лейбъ-Гвардіи Казачьяго Е В. полка).

Изданіе В. Сіяльскаго

ПАРИЖЪ

1939

Этой книги издано четыреста экземпляровъ, изъ коихъ одинъ лит. А. и сто пятьдесятъ номерованныхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее описаніе дѣятельности, въ годы революціи и гражданской войны, Лейбъ Гвардіи КАЗАЧЬЯГО полка издается въ исполненіе постановленія общаго собранія г. г. офицеровъ полка, въ воздаяніе должнаго памяти жертвенно, съ оружіемъ въ рукахъ почившихъ въ борьбѣ однополчанъ, а равно и для сохраненія нужныхъ для будущаго матеріаловъ.

Предлагаемая книга отнюдь не претендуетъ дать исторію гражданской войны въ ея цѣломъ, какъ не претендуетъ на изображеніе полной картины участія въ борьбѣ всего казачества. Однако изложеніе работы полка внѣ связи съ общимъ ходомъ событій было бы непонятнымъ, ибо, въ условіяхъ гражданской войны, именно факторы быстро мѣнявшейся общей обстановки въ значительной степени обуславливали форму и направленіе полковой дѣятельности.

Поэтому паралельно подробному изложенію дѣятельности полка кратко излагается и общій ходъ событій, оцѣниваемыхъ исключительно съ точекъ зрѣнія строевого офицера фронта.

Вынужденная объемомъ книги краткость обрисовки общей обстановки побудила составителя подкрѣпить свое изложеніе ссылками на капитальные труды аторитетныхъ авторовъ, гдѣ интересующіеся и могутъ найти полное описаніе той или иной фазы событій.

Дѣятельность полка изложена строго на основаніи показаній участниковъ-однополчанъ, путемъ согласованія и тщательной свѣрки какъ съ архивными данными, такъ и съ сохранившимися полковымъ и нѣкоторыхъ сотенъ дневниками боевыхъ дѣйствій.

Составитель настоящей полковой хроники проситъ принять глубочайшую благодарность:

Донского Атамана генерала отъ кавалеріи П. Н. Краснова, командира Донского корпуса генералъ-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова и нач. 1-ой Донской Конной дивизіи ген. В. А. Дьякова, давшихъ весьма цѣнныя для полка свои комментаріи и дополненія.

Всѣхъ однополчанъ своими обширными письменными показаніями давшихъ матерьялъ для текста и своимъ жертвеннымъ порывомъ обезпечившихъ въ значительной степени денежную сторону изданія. (Особо цѣнными по ихъ обстоятельности, являются записки В. И. Фарафонова, К. Р. Поздѣева Н. В. Номикосова, Ю. А. Черемшанскаго, Н Г. Евфимьева, Ю. А. Агафонова

и, по ихъ незаурядной наблюдательности, записки Н. П. Ефремова и Ю. А. Могилянскаго).

Хранителя Донского Архива въ Прагѣ полковника М. А. Ковалева, любезно присылавшаго всѣ необходимыя справки и копіи нѣкоторыхъ документовъ Донского Архива и Ген. Штаба генерала Н. Ф. Эрна, по порученію полка составившему въ 1923 году, частично использованную здѣсь въ начальныхъ главахъ, сводку показаній ряда офицеровъ полка.

Издателя полковника В. П. Сіяльскаго, вложившаго въ дѣло выпуска книги много добросовѣстности и своего богатаго издательскаго опыта.

Б. П. Попова и К. Р. Поздѣева любезно выполнившихъ помѣщенныя въ книгѣ карты и схемы и С. Ф. Ефремова, выполнившаго рисунокъ обложки.

Апрѣль 1939. И. О.

Курбевуа — Францiя.

СПИСОКЪ Г. Г. ОФИЦЕРОВЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА,

Убитыхъ въ вооруженной борьбѣ съ большевиками въ 1918, 1919 и 1920 г. г.

А. Убитые въ вооруженной борьбѣ съ большевиками.

1. Генералъ-маіоръ **Орловъ** Иванъ Давыдовичъ.	Командуя Донской дивизіей, 14 февраля былъ захваченъ и убитъ большевиками, при взятіи ими гор. Новочеркасска.
2. Есаулъ **Рыковскій** Яковъ Федоровичъ.	Убитъ въ конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ 31 марта 1918 г.
3. Есаулъ **Плеве** Николай Павловичъ.	Убитъ въ конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ 31 марта 1918 г.
4. Подъесаулъ **Кутейниковъ** Сергѣй Сергѣевичъ.	Убитъ въ бою подъ х. Мишкинымъ 1 апрѣля 1918 г.
5. Вольноопр. **Чернозубовъ** Константинъ Николаевичъ	Убитъ въ бою подъ Новочеркасскомъ 25 апрѣля 1918 г.
6. Подъесаулъ **Персидскій** Юрій Петровичъ.	Убитъ красными въ Новочеркасскѣ 13 марта 1918 г.
7. Подъесаулъ **Чеботаревъ** Михаилъ Михайловичъ	Убитъ красными въ Новочеркасскѣ 13 марта 1918 г.
8. Есаулъ **Пашковъ** Александръ Тимофѣевичъ	Убитъ въ конной атакѣ у х. Мечетнаго 19 февраля 1919 г.
9. Сотникъ **Дубенцевъ** Георгій Федоровичъ	Убитъ въ конной атакѣ у х. Мечетнаго 19 февраля 1919 г.
10. Сотникъ **Солтысовъ** Константинъ Конст-ичъ.	Умеръ отъ пулевого раненія въ животъ, полученнаго въ пѣшей атакѣ х. Семимаячнаго 19 февраля 1919 г.
11. Хорунжій **Денисовъ** Борисъ Максимовичъ.	Убитъ въ конной атакѣ у д. Булахово 28 марта 1919 г.
12. Сотникъ **Усачевъ** Иванъ Купріяновичъ.	Убитъ въ конной атакѣ у д. Морозовки 11 августа 1919 г.
13. Хорунжій **Филатьевъ** Владиміръ Георгіевичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ у с. Андреевки 10 августа 1919 г.
14. Сотникъ **Анищенковъ** Левъ Ивановичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ подъ Лисками 8 сентября
15. Хорунжій **Иловайскій** Иванъ Дмитріевичъ	Скончался отъ сквозного пулевого раненія въ грудь, полученнаго въ атакѣ подъ Лисками 8-го сентября 1919 г.
16. Сотникъ **Грековъ** Борисъ Петровичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ подъ Морозовкой 11 августа 1919 г.
17. Войск. старш. **Болдыревъ** Александръ Никандровичъ.	Умеръ отъ менингита, явившагося слѣдствіемъ полученнаго имъ раненія въ голову въ бою подъ г. Бѣловодскомъ 29 мая 1919 г.
18. Есаулъ **Боковъ** Петръ Алексѣевичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ подъ Александровскимъ поселкомъ 22 октября 1919 г.
19. Хорунжій **Поповъ** Иванъ Ивановичъ.	Убитъ въ конной атакѣ подъ кол. Либенау 14 августа 1920 г.
20. Прикомандиров. къ полку шт.-кап. **Романенко.**	Убитъ въ разъѣздѣ при отходѣ въ Крымъ 18 октября 1920 г.

Б. Безъ вѣсти пропавшие въ боевой обстановкѣ.

21. Подъесаулъ **Туркинъ.** Владиміръ Ивановичъ.	Заболѣвъ въ строю полка сыпнымъ тифомъ, при эвакуаціи съ фронта пропалъ безъ вѣсти 26 октября 1919 г.
22. Вольноопредѣляющійся **гр. Орловъ-Денисовъ.** Владиміръ Васильевичъ.	Заболѣвъ въ строю полка сыпнымъ тифомъ и будучи эвакуированъ въ дивизіонный лазаретъ, при отходѣ на Новороссійскъ, вмѣстѣ съ лазаретомъ пропалъ безъ вѣсти 13 марта 1920 г.

В. Скончавшіеся въ полковомъ лазаретѣ отъ эпидемическихъ, на фронтѣ, заболѣваній.

23. Сотникъ **Чекуновъ 3-й** Александръ Яковлевичъ.	Умеръ 7 ноября 1919 г. отъ сыпного тифа.
24. Хорунжій **графъ Граббе** Николай Александров.	Умеръ 18 декабря 1919 г. отъ холерины.
25. Полковникъ **Мишаревъ** Александръ Андреевичъ	Умеръ 14 іюля 1920 г. отъ тифа, осложнившагося крупознымъ воспаленіемъ легкихъ.
26. Полк. священникъ, прот. **отецъ Лебедевъ** Сергій Михайловичъ	Умеръ 3 февраля 1920 г. отъ сыпного тифа.
27. Полк. врачъ **Виноградовъ** Веніаминъ Александр.	Умеръ 4 февраля 1920 г. отъ сыпного тифа.

Г. Лейбъ-Казаки, убитые въ бояхъ внѣ строя полка.

28. Есаулъ **Карповъ** Петръ Николаевичъ	Убитъ 12 февраля 1918 г. при оборонѣ подступовъ къ Новочеркасску.
29. Подъес. **кн. Радзивилъ** Станиславъ Антоновичъ.	Убитъ сражаясь въ составѣ польской арміи, 6-го января 1920 г. (куда перевелся послѣ революціи)
30. Подъес. **Болдыревъ** Сергѣй Владиміровичъ	Убитъ сражаясь въ составѣ Сѣверной Арміи генерала Миллера.
31. Есаулъ **Соколовъ** Анатолій Клавдіевичъ	Убитъ сражаясь въ составѣ Арміи адмирала Колчака.

Д. Разстрѣлянные большевиками отставные офицеры полка.

32. Есаулъ **Поповъ** Евгеній Николаевичъ.	15-го февраля 1918 года въ Новочеркасскѣ.
33. Полковникъ **Краснянскій** Иванъ Филипповичъ.	16 февраля въ г. Новочеркасскѣ.
34. Полковникъ **Сариновъ** Илья Васильевичъ.	Въ январѣ 1920 г. при отходѣ на Кубань.

СПИСОКЪ ГГ. ОФИЦЕРОВЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА,

раненыхъ въ бояхъ съ красными въ 1918-1920 годахъ.
(За исключеніемъ скончавшихся отъ полученныхъ раненій, кои показаны въ спискѣ убитыхъ).

№	Чинъ и фамилія	Гдѣ раненъ	Когда раненъ	Куда раненъ
1.	Подъесаулъ В. С. Чеботаревъ	Въ пѣш. бою подъ г. Александро - Грушевскомъ.	20 апрѣля 1918 г.	Раненъ пулей въ грудь навылетъ.
2.	Есаулъ Н. В .Кононовъ	Въ Степномъ походѣ.	Въ мартѣ 1918 г.	Контузія въ голову.
3.	Хорунжій Н. Д. Ляховъ	Въ кон. атакѣ подъ г. Екатеринодаромъ	31 марта 1919 г.	Раненъ пулей въ шею.
4.	Войск старшина Н. В. Номикосовъ	Въ пѣш. бою подъ х. Семимоячнымъ	19 февраля 1919 г.	Контуженъ въ голову снарядомъ.
5.	Войск. старшина Н. В. Номикосовъ	Тамъ же	19 февраля. 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
6.	Есаулъ С. П. Полковниковъ	Тамъ же	Тогда же.	Раненъ пулей въ пахъ.
7.	Полковникъ В. И. Фарафоновъ	Въ кон. атакѣ подъ х. Мечетнымъ	Тогда же.	Раненъ осколкомъ гранаты въ лицо.
8.	Сотникъ М. М. Ротовъ	Тамъ же	Тогда же.	Подмятый убитой подъ нимъ снарядомъ лошадью, получилъ переломъ 4-хъ реберъ и ключицы.
9.	Полковникъ В. А. Дьяковъ	Въ пѣш. бою подъ х. Рубежнымъ	22 февраля 1919 г.	Раненъ пулей въ руку.
10.	Хорунжій Г. А. Дубенцевъ 2-й	Тамъ же	Тогда же.	Раненъ пулей въ грудь.
11.	Хорунжій Б. М. Денисовъ	Тамъ же	Тогда же.	Раненъ пулей въ щеку.
12.	Хорунжій О. А. Балабинъ	Тамъ же	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
13.	Сотникъ И. И. Какуринъ	Тамъ же	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
14.	Сотникъ Ю. М. Кобіевъ	Въ кон. атакѣ подъ Великокняжеской (будучи въ приком. къ 2-му Кабардинскому полку).	Въ мартѣ 1919 г.	Раненъ пулей въ грудь навылетъ.
15.	Войск старшина И. Г. Шаминъ	Въ пѣш. бою подъ Илларіей	20 марта 1919 г.	Раненъ пулей въ голову.
16.	Подъесаулъ В. И. Туркинъ	Тамъ же	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
17.	Хорунжій П. П. Прокофьевъ	Тамъ же	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
18.	Вольноопредѣл. А. В. Реми	Въ конной атакѣ подъ Успенкой.	23 марта	Раненъ пулей въ ногу.
19.	Сотникъ Ю. А. Могилянскій	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ бедро.

№	Чинъ и фамилія	Гдѣ раненъ	огда раненъ	Куда раненъ
20.	Есаулъ Б. Ф. Дубенцевъ 1-й	Въ пѣш. бою Орѣховымъ	25 марта 1919 г.	Раненъ пулей въ ухо.
21.	Есаулъ Ф. Ф. Рыковскій	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ щеку и челюсть.
22.	Сотникъ Б. П. Грековъ	Тамъ же.	26 марта 1919 г.	Тяжело контуженъ снарядомъ.
23.	Сотникъ Г. А. Чекуновъ 2-й	Въ бою подъ Городищемъ.	28 мая 1919 г.	Оцарапано пулей горло.
24.	Есаулъ Б. Ф. Дубенцевъ 1-й	Въ конной атакѣ подъ Луганскомъ.	4 мая 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
25.	Сотникъ С. А. Чекуновъ 1й	Въ конной атакѣ подъ Бѣловодскомъ.	29 мая 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
26.	Войск. старшина С. Н. Красновъ	Въ конномъ бою подъ Бутурлиновкой.	19 іюля 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
27.	Войск. старшина С. Н. Красновъ	Въ конномъ бою за В.-Архангельское.	20 іюля 1919 г.	Раненъ пулей въ руку.
28.	Подъесаулъ А. А. Грековъ	Въ пѣшемъ бою за В. Архангельское.	20 іюля 1919 г.	Раненъ пулей въ грудь.
29.	Войск. старшина С. П. Полковниковъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ мышцы лѣв. ноги.
30.	Войск. старшина С. П. Полковниковъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей съ раздробленіемъ подъема ноги.
31.	Сотникъ И. И. Какуринъ	Тамъ же.	Тогда же	Раненъ пулей въ область поясницы.
32.	Сотникъ Б. П. Грековъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
33.	Хорунжій В. Г. Филатьевъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
34.	Вольноопредѣл. графъ Ребиндеръ	Въ конной атакѣ подъ Морозовкой.	11 августа 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
35.	Сотникъ В. С. Семилѣтовъ	Въ пѣшей атакѣ подъ Морозовкой.	Тогда же.	Раненъ пулей въ спину съ выходомъ въ пахъ.
36.	Полковникъ К. Р. Поздѣевъ	Въ пѣшей атакѣ подъ Морозовкой.	Тогда же. 17 августа	Контуженъ тяжел. снарядомъ въ спину.
37.	Сотникъ С. А. Чекуновъ	Въ пѣшемъ бою подъ Сергѣевкой	1919 г. 8 сентября	Раненъ пулей въ пахъ.
38.	Подъесаулъ А. С. Моргуновъ	Въ пѣшей атакѣ Лисокъ.	1919 г. 11 сентября	Раненъ легко шрапнельн. пул. въ плечо.
39.	Войск. старшина Н. П. Воронинъ	Въ пѣш. бою подъ Бабками.	1919 г.	Раненъ пулей. обѣ ноги.
40.	Подъесаулъ Н. Г. Ефимьевъ	Въ пѣш. бою подъ Бабками.	Тогда же.	Раненъ въ грудь пулей навылетъ.
41.	Подъесаулъ А. С. Моргуновъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ легко пулей въ руку.
42.	Хорунжій Н. М. Поляковъ	подъ Гнилушей. Въ пѣшемъ бою	25 сентября 1919 г.	Контуженъ въ голову снарядомъ.

№	Чинъ и фамилія	Гдѣ раненъ	Когда ранен	Куда раненъ
43.	Хорунжій Г. А. Дубенцевъ 2-й	Въ пѣш. бою подъ Макогоновымъ.	4 октября 1919 г.	Раненъ пулей въ руку.
44.	Хорунжій Н. М. Поляковъ	Въ пѣш. бою подъ Александровскимъ п.	21 октября 1919 г.	Раненъ снарядомъ въ въ грудь.
45.	Полковникъ К. Р. Поздѣевъ	Тамъ же.	22 октября 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
46.	Полковникъ И. Н. Оприцъ	Въ пѣш. бою подъ Александровск. пос.	24 октября 1919 г.	Контузія (внутр. косоглазіе лѣваго глаза, пораженіе слуха и внутреннее кровоизліяніе подъ пр. кол.).
47.	Полковникъ И. Н. Оприцъ	Въ пѣшемъ бою у Таловой.	24 октября 1919 г.	Тяжело раненъ пулей въ пахъ.
48.	Сотникъ Г. А. Чекуновъ	Въ пѣш. бою подъ Богучаровымъ.	2 декабря 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
49.	Хорунжій И. И. Поповъ	Въ конномъ бою тамъ же.	Тогда же.	Пробита ключица пулей.
50.	Хорунжій Г. А. Дубенцевъ 2-й	Подъ Новороссійск.	12 марта 1920 г.	Раненъ тремя пулями въ ноги.
51/52	Полковникъ К. Р. Поздѣевъ	Въ конномъ бою подъ Эристовкой-Трактиромъ.	11 августа 1920 г.	Раненіе осколк. снаряда въ ногу и общая воздушная контузія.
53.	Подъесаулъ П. Н. Кутейниковъ	Тамъ же.	Тогда же.	Контуженъ снарядомъ въ голову.
54.	Полковникъ И. Г. Шаминъ	Въ конномъ бою у Щербаковки.	12 августа 1920 г.	Легко раненъ пулей въ ногу.
55.	Подъесаулъ М. М. Ротовъ	Въ конномъ бою у Щербаковки.	Тогда же.	Конт. снар. въ бокъ.
56.	Сотникъ Л. А. Упорниковъ	Въ конной атакѣ кол. Шензее.	14 августа 1920 г.	Раненъ пулей въ шею навылетъ.
57.	Хорунжій В. В. Обуховъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ пахъ.
58.	Хорунжій Б. В. Ананьевъ	Въ конной атакѣ кол. Шпарау.	22 августа 1920 г.	Раненъ пулей въ бедро.
59.	Хорунжій Н. Н. Ефремовъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ ногу.
60.	Есаулъ Г. Н. Агафоновъ	Тамъ же.	Тогда же.	Конт. снар. въ голову.
61.	Хорунжій Г. П. Мигулинъ	Тамъ же.	Тогда же.	Конт. снар. въ голову.
62.	Вольноопредѣл. Г. Ю. Ивановъ	Въ конной атакѣ у Бегимъ Чокрака.	18 августа 1920 г.	Раненъ пулей въ руку.
63.	Хорунжій А. Д. Мокровъ	Въ конной атакѣ подъ Андреевкой.	9 сентября 1920 г.	Легко раненъ пулей въ поясницу.
64.	Полковникъ И. Г. Шаминъ	Въ бою подъ Н.-Никольской.	14 сентября 1920 г.	Тремя пулями раненъ въ ноги.
65.	Подъесаулъ А. М. Жеребковъ	Въ конной атакѣ подъ Покровской.	19 сентября	Раненъ пулей въ грудь.

№ Чинъ и фамилія	Гдѣ раненъ	Когда раненъ	Куда раненъ
66. Есаулъ А. К. Авиловъ	Въ конномъ бою подъ Бѣлозеркой.	17 октября 1920 г.	Раненъ пулей въ животъ.
67. Генералъ-маіоръ К. Р. Поздѣевъ	Въ конной атакѣ подъ Елизаветовкой.	18 октября 1920 г.	Раненъ пулей въ тазъ и въ позвоночникъ.
68. Сотникъ Смерткинъ (прик.)	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
69. Хорунжій Г. П. Мигулинъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ ногу съ раздробл. кости.
70. Подъесаулъ А. С. Моргуновъ	Въ конной атакѣ у Воинки.	29 октября 1920 г.	Раненъ пулей въ руку.
71. Хорунжій А. Д. Мокровъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ поясницу.
72. Хорунжій Г. С. Фабрицкій	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
73. Есаулъ Г. Н. Агафоновъ	Тамъ же.	Тогда же.	Тяжело контуженъ въ голову снарядомъ.

ГЛАВА I.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1917 ГОДА.

Отводъ Лейбъ Гвардіи Казачьяго Его Величества полка, въ составѣ 3-ей Гв. Кав. дивизіи *), въ январѣ 1917 г., изъ окоповъ въ тылъ для отправки въ Петроградъ. — Отмѣна отправки. — Первыя извѣстія о начавшейся въ Петроградѣ революціи. — Высочайшій манифестъ и присяга Временному Правительству. — Дѣятельность Правительства и начавшійся развалъ Арміи. — Офицерская работа по сохраненію боеспособности полка. — Политическая дѣятельность офицеровъ полка по казачьей линіи. — Правленіе казаковъ Юго-Западнаго фронта, его составъ и дѣятельность. — Выдвиженіе спѣшенныхъ частей полка въ окопы. — Инцидентъ съ сотникомъ В. Н. Ефремовымъ. — Поискъ развѣдчиковъ полка 21-го мая. — Дѣйствія полка 18-го іюня. — Отводъ частей къ коноводамъ и выходъ на позицію въ іюлѣ. — Тарнопольскій разгромъ Арміи и его слѣдствія. — Перемѣны въ составѣ полка за первую половину 1917-го года.

Въ январѣ 1917 года, Лейбъ Гвардіи Казачій Его Величества полкъ, въ составѣ 5-ти сотенъ и пулеметной команды, входилъ въ составъ 3-ей Гв. Кав. дивизіи (ген. Араповъ) и Гв. Кав. Корпуса (ген. Ханъ-Нахичеванскій). 6-ая сотня находилась въ командировкѣ при 1-омъ Гв. Корпусѣ.

Чередуясь дивизіями, Гв. Кав. Корпусъ занималъ участокъ оборонительной линіи на рѣкѣ Стоходѣ, въ раіонѣ Витонежа. Коноводы полка, вслѣдствіе затрудненій въ доставкѣ фуража изъ тыла, при полномъ его отсутствіи въ боевомъ раіонѣ, размѣщались въ 70 верстахъ отъ позиціи, по близости отъ узловой станціи Ровно.

---

*) 3-ья Гв. Кав. дивизія состояла изъ:
1) Л. Гв. Уланскаго Его Величества полка,
2) Л. Гв. Гродненскаго Гусарскаго полка,
3) Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка,
4) Л. Гв. Атаманскаго Е. И. В. Г. Наслѣдника Цесаревича полка,
5) Л. Гв. Сводно-Казачьяго полка,
6) Л. Гв. 6-ой Дон. Каз. Его Величества и Л. Гв. 3-ой Конной батарей
и 7) изъ 8-эскадроннаго Л. Гв. 3-го Стрѣлковаго полка (состоявшаго изъ старыхъ солдатъ 3-ей Гв. пѣхотной дивизіи, и имѣвшаго офицерскій составъ изъ всѣхъ пяти полковъ 3-ей Гв. Кав. дивизіи).

Къ этому времени вся убыль полка за войну была покрыта частью старыми казаками, прежде служившими въ полку, частью молодыми — призывовъ 15-го и 16-го годовъ, кои, усиленной работой офицерскаго состава, во время пребыванія полка внѣ окоповъ, были доведены до отличнаго, не уступавшаго кадровымъ казакамъ, состоянія обученія.

Каждая сотня располагала не только полнымъ штатнымъ составомъ урядниковъ, кончившихъ учебную команду еще до войны, но еще и солиднымъ запасомъ «вицовъ» (приказныхъ, кончившихъ учебную команду и за отсутствіемъ вакансіи не занимавшихъ должности урядника). Кромѣ того, въ каждой сотнѣ имѣлось два-три десятка приказныхъ, урядниковъ и вахмистровъ, произведенныхъ за боевыя отличія (Георгіевскіе кресты).

Одѣты и снаряжены люди были великолѣпно: всѣ въ построенныхъ попеченіемъ полка теплыхъ мѣховыхъ полушубкахъ и сѣрыхъ папахахъ. Конскій составъ былъ въ отличномъ состояніи. Строевая подготовка и внутренній порядокъ въ полку не оставляли желать лучшаго.

Уже съ ноября 1916 года, въ полкахъ 3-ей Гв. Кав. дивизіи ходили слухи о предстоявшемъ отправленіи на охранную службу въ Петроградъ.

7-го января 1917-го года дивизія была смѣнена въ окопахъ 13-ой Кав. дивизіей и отправлена по жел. дорогѣ, черезъ Радзивиловъ, въ городъ Ровно, для погрузки на Петроградъ.

По прибытіи въ Ровно, Уланскій Его Величества полкъ, готовый къ отбытію въ столицу, уже размѣстился въ вагонахъ. Остальные полки, въ ожиданіи погрузки, подтянувъ коноводовъ и свои обозы, расположились въ самомъ городѣ.

Погрузка, однако, не состоялась, и 10-го января дивизія была разведена по окрестнымъ деревнямъ.

Часть января и весь февраль дивизія простояла на мѣстѣ, числясь въ армейскомъ резервѣ Особой Арміи Юго-Западнаго фронта.

25-го января, за отсутствіемъ фуража въ раіонѣ Ровно, дивизія была переведена еще верстъ на 40 въ тылъ, гдѣ стала по деревнямъ*).

Въ этомъ глухомъ, отдаленномъ отъ позиціи и жел. дороги, раіонѣ, война совершенно не чувствовалась, и полкъ жилъ мирной жизнью.

Каждый день производились строевыя занятія. Особенное вниманіе обращалось на обученіе штыковымъ уколамъ, самоокапыванію, метанію ручныхъ гранатъ и пользованію противогазами, съ пріученіемъ работать въ противогазовыхъ маскахъ. Иногда производилось пробное обкуриваніе удушливыми газами. Не были забыты и конныя занятія: смѣнная ѣзда, рубка, уколы, джигитовка, барьеры, взводное и сотенное ученія чередовались другъ съ другомъ. Разъ въ недѣлю велись особыя занятія съ молодыми офицерами, вышедшими въ полкъ во время войны, и кромѣ того со всѣми офицерами полка, знакомя послѣднихъ со всѣми новинками военной техники и позиціонной войны.

Офицерское собраніе функціонировало при штабѣ полка въ д. Невѣр-

---

*) Штабъ полка, 2-я сотня, обозъ и команда связи въ д. Невѣрково, сотня Его Величества, 3-я сотня и пулеметная команда въ д. Липки, 4-я и 5-я сотни въ д. Волкашевъ.

ково и дивизіонное въ д. Липкахъ; по воскресеньямъ бывали общіе товарищескіе завтраки съ трубачами, на которыхъ присутствовали всѣ офицеры полка, а часто и гости, офицеры сосѣднихъ полковъ и мѣстные помѣщики.

Настроеніе въ полку было хорошее и бодрое. Усталости отъ войны почти не чувствовалось. Хотя и надоѣло нѣсколько продолжительное пассивное сидѣніе въ болотахъ Стохода, но на фронтѣ всѣ видѣли и чувствовали, какъ росла мощь нашей артиллеріи, видѣли громадные запасы подвезенныхъ снарядовъ, видѣли усиленіе военно-техническихъ средствъ и обиліе людскихъ резервовъ въ тылу*). Отъ офицера до казака включительно въ полку всѣ вѣрили, что мартовское наступленіе приведетъ къ побѣдѣ и къ окончанію войны. Сытые, хорошо одѣтые, дисциплинированные казаки вѣрили своимъ офицерамъ и готовы были исполнить свой воинскій долгъ. Но Богъ судилъ иное.

26 февраля вечеромъ послѣдовалъ приказъ: полку быть готовымъ къ переходу въ г. Ровно для погрузки тамъ въ вагоны и отправки въ Петроградъ. Для этой цѣли было приказано привести сотни въ полную готовность къ выступленію, загрузить обозы и ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Утромъ 27 февраля послѣдовало распоряженіе объ отмѣнѣ этого приказанія, и полкъ остался на мѣстѣ.

Въ началѣ марта появились первые слухи о какихъ-то событіяхъ въ Петроградѣ. По справкѣ въ штабѣ корпуса выяснилось, что, хотя штабъ и не располагаетъ исчерпывающими свѣдѣніями, но по ходу событій видно было, что они принимаютъ серьезный оборотъ, такъ какъ Государственной Думой предъявлено Государю Императору предложеніе отречься отъ престола.

Этой жуткой, какъ громомъ поразившей вѣсти, никто не хотѣлъ вѣрить. Дерзость Думы казалась слишкомъ чудовищной и потому невѣроятной. Командиръ корпуса, генералъ Ханъ Нахичеванскій, зная настроеніе частей, послалъ отъ имени Гвардейской конницы телеграмму Государю Императору, въ которой, умоляя Его Величество не отрекаться отъ Престола, предлагалъ поддержку всего корпуса.

Извѣстіе о посылкѣ этой телеграммы было принято Л. Гв. въ Казачьемъ Е. В. полку съ большимъ удовлетвореніемъ. Настроеніе повысилось, ждали срочнаго вызова дивизіи въ Петроградъ, были снова составлены расчеты на эшелоны, и полкъ ждалъ приказа о погрузкѣ. Вмѣсто желаннаго приказа — пришли Манифесты объ отреченіи Государя Императора и Великаго Князя Михаила Александровича и вѣсть о переходѣ власти Временному Правительству.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ и отвѣтъ Государя Императора на посланную Его Величеству телеграмму: «Не сомнѣвался въ чувствахъ Гвар-

---

*) По свѣдѣніямъ Главнаго штаба, до 1 февраля было мобилизовано въ 1914 году 4.700.000, въ 1915-16 г. г. 9.675.000, причемъ убыль 1914-16 г. г. исчислялась въ 63.074 офицера и 5.975.000 солдатъ.

Справка: Военно-Учебный Архивъ. Дѣло 1073. стр. 83. «Армія въ Февральской революціи». Генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Мартыновъ.

дейской Кавалеріи. Прошу подчиниться Временному Правительству. Николай».

То были уже не слухи, а ужасная роковая дѣйствительность; сумрачно полкъ принялъ ее: разумъ отказывался понять происшедшее, сердцемъ чувствовалось непоправимое несчастіе, государственная катастрофа, начало печальнаго окончанія войны и второго Смутнаго времени. Передъ полкомъ стали во всей обнаженной яркости два вопроса: съ одной стороны, полное безсиліе измѣнить ходъ развернувшихся уже событій, съ другой — продолжающаяся война требовала исполненія долга по защитѣ родной территоріи — полку оставалось лишь молча, затаивъ душевную муку, покориться послѣднему Манифесту своего Государя.

Въ штабѣ корпуса, послѣ самоубійства Начальника Штаба генерала барона Винскена, застрѣлившагося непосредственно за полученіемъ манифеста объ отреченіи Государя, царили растерянность и неразбериха.

Въ полку при прочтеніи Манифеста объ отреченіи Государя у многихъ на глазахъ стояли слезы.

Командиромъ полка было приказано немедленно построить каждую сотню и прочесть казакамъ Манифестъ Государя. Вотъ разсказъ очевидца, ярко иллюстрирующій настроеніе въ полку:

«Вечеръ, уже совсѣмъ темнѣло, на дворѣ оттепель и моросить дождикъ. На большой площади с. Липки построена сотня Его Величества. Старые казаки, вѣрно прослужившіе не одинъ годъ своему Императору и честно носившіе Его вензеля, замѣтно волновались при приближеніи офицеровъ сотни. Подъесаулъ Полковниковъ потребовалъ фонарь и, ставъ передъ серединой строя, сталъ читать подавленнымъ голосомъ. Вахмистръ сотни, подхорунжій Глуховъ, держалъ фонарь, руки его дрожали, и при слабомъ свѣтѣ были замѣтны крупныя слезы. Чтеніе кончилось. Казаки стояли, опустивъ головы, изрѣдка гробовую тишину нарушали тяжелые вздохи изъ строя. Первымъ заговорилъ вахмистръ. «Ваше высокоблагородіе, что же теперь будетъ?» спросилъ онъ подъесаула Полковникова, но тотъ только махнулъ въ отвѣтъ рукой, зарыдалъ и отошелъ въ сторону. Послѣ команды, казаки молча сумрачно начали расходиться по хатамъ, но многіе остались на площади, стали обмѣниваться мнѣніями... Вопросъ: «Что теперь будетъ?» грозно стоялъ передъ каждымъ»...

МАНИФЕСТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Божьей милостью, Мы, Николай Вторый, Императоръ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая...

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти 3 года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе, и начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь героической Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало, до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія усилія, и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія Наша, совмѣстно съ славными Нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную власть.

Не желая разставаться съ любимымъ Сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу.

Благословляя Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго, заповѣдаемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу, во имя горячо любимой Родины.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества въ исполненію своего святого долга передъ нимъ повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Гор. Псковъ. НИКОЛАЙ.
2 марта, 15 час. 1917 г.

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ. Одушевленный единой со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять Верховную власть, если такова будетъ воля Великаго народа Нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ учредительномъ собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству по почину Государственной Думы, возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Петроградъ. МИХАИЛЪ.
3 марта 1917 г.

Кромѣ приведенныхъ выше двухъ Манифестовъ, нѣсколько позже былъ выпущенъ приказъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, отъ 8-го марта 1917 года, за № 371, въ коемъ Начальникъ Штаба доводилъ до свѣдѣнія Арміи слова прощальнаго привѣта отрекшагося Государя Императора.

По распоряженію Военнаго Министра Гучкова, приказъ этотъ дальше штабовъ фронта не пошелъ.

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя Мною войска. Послѣ отреченія Мною за Себя и за Сына Моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Господь вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ, доблестныя войска, отстоять Родину Нашу отъ злого врага. Въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій, и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечества и его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно Нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу. Твердо вѣрю, что не угасла въ васъ безпредѣльная любовь къ Нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Св. Великомученикъ и Побѣдоносецъ Св. Георгій.

8 марта 1917 г. НИКОЛАЙ».

Черезъ нѣсколько дней, въ началѣ марта, части Гвардейскаго Кав. корпуса были приведены къ присягѣ Вр. Правительству. Мрачная церемонія. Было тяжело присягать Правительству, которому никто не вѣрилъ. По общему желанію офицеровъ и по приказанію командира полка, не играли трубачи. Мрачнымъ четвероугольникомъ стояли ряды полка. Сумрачныя лица у всѣхъ. Въ центрѣ — штандартъ, и чувствовалось офицерамъ, что присягаютъ они только ему — своему штандарту, жалованному еще Императоромъ Александромъ II, въ день столѣтняго юбилея, Его орлу, Его коронѣ. Передъ каждымъ офицеромъ вставала новая задача, несмотря на трудныя почти безнадежныя условія — сохранить полкъ около своего штандарта до лучшихъ временъ... а что они наступятъ, вѣрилъ почти каждый... Особенно тяжело было подписывать листъ присяги Правительству, къ составу коего не было довѣрія. Настроеніе офицеровъ раздѣлялось и казаками, и слова присяги, обычно не возбуждавшія сомнѣній, обсуждались на всѣ лады. Особенное волненіе среди казаковъ возбудили слова: «обязываюсь... какъ солдатъ»; значительная часть казаковъ добавляла, расписываясь, слова: «но отъ своего казачьяго званія не отказываюсь»...

Въ первой сотнѣ, передъ самой присягой, казаки черезъ взводнаго урядника Благородова просили выяснить: присягало ли само Временное Правительство Россіи?

Кончилось чтеніе текста присяги. Безъ игры трубачей, полкъ молча посотенно разошелся по квартирамъ; сумрачная церемонія кончилась.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ Временнаго Правительства было торжественное заявленіе о твердомъ намѣреніи продолжать войну въ тѣсномъ контактѣ съ союзниками до побѣднаго конца. Однако же — дальнѣйшія мѣропріятія Правительства свидѣтельствовали объ обратномъ: вмѣсто энергичнаго Великаго Князя Николая Николаевича, популярнаго въ арміи, военныя дарованія котораго признавались и нашими врагами — германцами, Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ назначенъ безпринципный генералъ-адъютантъ Брусиловъ. Выдвинувшіеся во время войны генералы, какъ, напримѣръ, графъ Келлеръ, Гурко, Калединъ, Лечицкій и др., были уволены въ отставку. Отнынѣ стажемъ для командованія крупной частью арміи являлась степень революціоннаго рвенія и сочувствія революціоннымъ новшествамъ. Всѣ эти смѣщенія, а главное — «перемѣны фронта» или своеобразное «самоустраненіе», выражавшееся въ полномъ прекращеніи руководства офицерами, многими ранѣе нами уважаемыми генералами, занимавшими высокіе посты, — больно переживалось каждымъ офицеромъ полка, чувствовавшимъ, какъ Армія, такъ и Россія незамѣтно но вѣрно катится въ пропасть.

Вскорѣ вышли памятный приказъ № 1 и Декларація Правъ Солдата, — упразднявшіе всѣ уставы Россійской Арміи и разрушившіе всѣ основы военнаго дѣла. Работа офицеровъ была поставлена въ невозможныя условія. Вышеупомянутыми распоряженіями Временнаго Правительства во всѣхъ воинскихъ единицахъ, до сотенъ включительно, вводились выборные комитеты, коллегіальные и безотвѣтственные — съ неопредѣленной компетенціей; дисциплинарныя взысканія оставлялись только въ видѣ простого ареста, абсолютно непримѣнимаго въ условіяхъ войны, чѣмъ, слѣдовательно, командный составъ лишался дисциплинарной власти и, наконецъ, декларація правъ давала солдату всѣ политическія права, чѣмъ Армія была брошена въ разгаръ политическихъ страстей.

Ко всему командному составу были приставлены комиссары, являющіеся какъ бы посредниками между офицерами и солдатами и контролерами съ революціонной точки зрѣнія всѣхъ распоряженій начальника. Безъ санкціи комиссара ни одинъ приказъ, даже изъ разряда, именуемаго Временнымъ Правительствомъ «боевымъ», не являлся обязательнымъ для исполненія. Стажемъ для комиссара являлось, конечно, не знаніе военнаго дѣла, а политическая благонадежность. Поэтому въ комиссары часто попадали полуинтеллигенты (нерѣдко съ тюремнымъ стажемъ), писаря, шофферы, телеграфисты, мало прослужившіе въ Арміи и выдѣлившіеся своими демагогическими рѣчами и поведеніемъ. Разумѣется, своего перваго назначенія — сглаживать отношенія между законнымъ составомъ и солдатами, они исполнить не смогли, ибо не только не поддерживали вѣру въ офицеровъ, но часто, по невѣжеству, главнымъ же образомъ преднамѣренно, ее роняли.

Естественно, что при такихъ условіяхъ русскій солдатъ, сильный вѣрою въ своего офицера (считавшійся по справедливости лучшимъ солдатомъ въ мірѣ, когда впереди былъ офицеръ), превратился сразу въ звѣря — а Армія въ безумное стадо, — когда эту вѣру въ солдатѣ подорвали. Подорвать же эту вѣру въ офицера, въ наскоро мобилизованныхъ, почти не обученныхъ, за отсутствіемъ времени, и мало дисциплинированныхъ солдатахъ было тѣмъ

легче, что офицерскій составъ въ 1917 году, особенно въ пѣхотѣ, сильно разнился отъ кадроваго офицерскаго состава, погибшаго на поляхъ сраженій въ первые годы войны. Армія была пополнена молодежью, наскоро, въ 4 мѣсяца, подученной, лишенной воинскихъ познаній и воинскаго воспитанія. Много было офицеровъ изъ круга мобилизованной, симпатизирующей марксизму, русской интеллигенціи. Разношерстность офицерскаго состава Русской арміи того времени не могла дать той сплоченности, которая только и могла стать защитой и опорой отъ демагогіи и нарушенія основъ военнаго дѣла.

Въ Армію была занесена Временнымъ Правительствомъ политика. Началась подготовка къ выборамъ въ Учредительное собраніе. Революціонныя партіи повели бѣшеную агитацію, въ погонѣ за голосами, старались перещеголять одна другую въ количествѣ сулимыхъ жизненныхъ благъ. Имѣя дѣло съ неразвитой, неграмотной массой, агитаторы затрагивали самыя низменныя стороны человѣческой натуры, будя въ солдатѣ звѣря.

Газеты говорили о туманныхъ «завоеваніяхъ революціи», о тѣхъ же завоеваніяхъ и благахъ революціи говорили солдату на всѣхъ митингахъ «правительственные» комиссары; агитаторы сулили окончаніе войны и передѣлъ земли, «декларація правъ солдата» освободила его отъ всѣхъ обязанностей и также предоставляла ему новыя права. Казалось, жизнь солдата должна была рѣзко улучшиться. Въ дѣйствительности же вышло наоборотъ: положеніе солдата ухудшилось; разруха транспорта, разруха органовъ снабженія, расхищеніе и перехватываніе довольствія фронта тылами сказалось въ ухудшеніи довольствія и недостаткѣ предметовъ обмундированія.

Между тѣмъ, война продолжалась попрежнему и, слѣдовательно, оставались въ силѣ и обязанности солдата. Кто же долженъ былъ призывать солдатъ къ исполненію своихъ обязанностей, кто долженъ былъ напоминать ему объ его долгѣ передъ Родиной?

Только одинъ офицеръ.

Правда, о «революціонномъ долгѣ» изрѣдка говорило и Временное Правительство; но это были только красивыя фразы: Правительство отмѣнило смертную казнь; деклараціей сводились на-нѣтъ дисциплинарныя взысканія; изъ тюремъ была выпущена масса преступниковъ, чѣмъ солдату ясно вдалбливалась «революціонная безотвѣтственность».

Офицеръ говорилъ о долгѣ, требовалъ несенія тяжелой службы. Темному человѣку этотъ офицеръ, ничего не сулящій, а только требующій службы, сталъ представляться тормазомъ къ претворенію въ жизнь туманныхъ «благъ». Солдаты начали волноваться, во многихъ частяхъ начались самосуды надъ офицерскимъ составомъ.

Часть солдатъ ринулась въ отпуска, терроризуя врачебныя комиссіи, ихъ раздававшія, часть же просто разъѣзжалась, дезертируя съ фронта. Поѣзда брали съ боя. Распоясанная, потерявшая всякую дисциплину солдатская масса хозяйничала на станціяхъ и внесла полную дезорганизацію въ порядокъ желѣзнодорожнаго движенія.

Такова была общая картина развала Русской Арміи, приведенная съ цѣлью указать, въ какой общей обстановкѣ приходилось нести службу Лейбъ-Гвардіи Казачьему Его Величества полку.

Въ серединѣ марта изъ состава Гвардейскаго Кавалерійскаго корпуса была выдѣлена I Гв. Кавалерійская дивизія для водворенія и поддержанія хотя бы видимости порядка въ тыловомъ раіонѣ. Остальныя части корпуса, и въ томъ числѣ Л.-Гв. Казачій Его Величества полкъ, до середины апрѣля простояли въ полномъ бездѣйствіи въ окрестностяхъ Ровно.

Ровненскій желѣзнодорожный узелъ былъ забитъ потерявшей воинскій видъ солдатчиной, кругомъ шла бѣшеная агитація противъ всего святого и вѣрнаго долгу. И, несмотря на бушующее кругомъ солдатское море, полкъ, именовавшійся тогда уже, согласно приказу Временнаго Правительства, Лейбъ-Гвардіи Казачьимъ полкомъ, держался пока еще относительно хорошо, выдѣляясь своей сплоченностью и дисциплиной.

Составъ старыхъ казаковъ, связанныхъ боевой спайкой, еще не сбитыхъ съ толку революціонной пропагандой и хорошо знавшихъ своихъ офицеровъ, — продолжалъ вѣрить въ нихъ. Во всѣ комитеты казаки наравнѣ съ выборными казаками неукоснительно проводили и офицеровъ.

Офицерскій составъ полка, тщательно подобранный, сплоченный и дружно живущій, не имѣлъ въ своей средѣ демагоговъ, и поэтому работа избранныхъ казаками офицеровъ вполнѣ гармонировала съ обще-офицерской работой по сохраненію полка въ эти трудныя минуты.

Предсѣдателемъ перваго полкового комитета былъ избранъ старшій полковникъ Ал. Андр. Мишаревъ, человѣкъ безупречной честности и порядочности. Полковой комитетъ, имъ направляемый, занялся исключительно хозяйственными дѣлами и вопросами, не вторгаясь ни въ политику, ни въ строевое управленіе полкомъ.

Хозяйство въ полку велось за все время войны безупречно, не было въ полку и тѣни злоупотребленій: казаки были всегда хорошо одѣты, лошади и люди сытно накормлены — почему въ обсужденіи хозяйственныхъ дѣлъ полковымъ комитетомъ отсутствовалъ элементъ недовѣрія или обиды, который, къ сожалѣнію, доминировалъ въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ и часто приводилъ къ роковымъ послѣдствіямъ. Хотя въ составъ перваго комитета и попало нѣсколько крикуновъ — бывшихъ артельщиковъ и фуражировъ, отстраненныхъ въ свое время за неспособность, либо недобросовѣстность, и таившихъ обиду, но они были въ меньшинствѣ и поэтому держались тихо и скромно, и предсѣдателю комитета полковнику Мишареву, опираясь на выбранныхъ въ комитетъ офицеровъ и разумныхъ казаковъ, удавалось сглаживать шероховатости и пренія направлять по желательному руслу.

Что же касается сотенныхъ комитетовъ, то и въ нихъ первоначально казаки неукоснительно вмѣстѣ съ казаками выбирали и своихъ офицеровъ, благодаря чему удалось и эти комитеты держать въ рамкахъ чисто хозяйственныхъ интересовъ, не допуская ихъ вмѣшательства въ общую строевую жизнь полка.

Несмотря на приказъ № 1, дисциплина въ полку первые мѣсяцы революціи поддерживалась въ старомъ видѣ, выправка у людей мало измѣнилась. Измѣнилась внѣшняя сторона, какъ, напримѣръ, установилось обращеніе на «вы», причемъ изъ казаковъ никто не обижался, если по старой привычкѣ имъ говорили «ты», а бывали даже случаи, что казаки просили, чтобы офицеры по-старому говорили имъ на «ты». Отмѣна титулованія «ваше высокоблагородіе» и т. д., какъ и отмѣна отданія чести съ остановкой во фронтъ всѣмъ офицерамъ своего полка, согласно существовавшей до революціи старой полковой традиціи, туго прививались, и первоначально офицерамъ приходилось даже дѣлать казакамъ замѣчанія. Но когда делегаты отъ полка начали сталкиваться на многочисленныхъ въ то время съѣздахъ и комитетахъ съ делегатами другихъ частей, которые учили, какъ дѣлить полковыя и сотенныя суммы, какъ брать «до рукъ» свое начальство, — положеніе офицеровъ сильно затруднилось.

Слыша, что нѣкоторые кавалерійскіе полки подѣлили уже полковыя экономическія и эскадронныя суммы, полковой комитетъ одно время началъ подбираться къ полковымъ суммамъ и просилъ командира полка генералъ-маіора Грекова сообщить комитету, какъ ведется хозяйство полка и куда расходуются суммы. Командиръ полка приказалъ полковому комитету собраться въ школѣ д. Волкашевъ и придя туда съ дѣлопроизводителемъ и всѣми необходимыми книгами, самъ далъ отвѣты на всѣ вопросы и указалъ, какъ расходуются суммы въ полковомъ хозяйствѣ. Казаки впервые увидѣли всю сложность механизма полкового хозяйства, поняли безупречность веденія его въ полку и успокоились, тѣмъ болѣе, что командиръ полка рѣшительно заявилъ, что не позволитъ дѣлить казенныя деньги. Не были раздѣлены и сотенныя суммы.

Значительно сложнѣе обстояло дѣло въ вопросѣ фуражнаго довольствія: революціонными порядками ж.-д. транспортъ быстро сталъ разстраиваться, и интенданство оказалось не въ состояніи подвозить полностью потребное для арміи количество продовольствія и фуража.

Въ мартѣ 1917 года, Временнымъ Правительствомъ былъ выпущенъ приказъ объ установленіи нормъ довольствія людей и лошадей, причемъ относительно первыхъ указывалось, что такое-то количество продуктовъ будетъ отпускаться интендантствомъ натурой, а за недостающее до нормы будутъ отпускаться «деньги для раздачи на руки»; что же касалось довольствія лошадей, то здѣсь указывалось, что при сохраненіи прежней дачи въ 12 фунтовъ зерна, лишь 7 фунтовъ будутъ выдаваться интендантствомъ натурой, стоимость же 5 фунтовъ «будетъ выдаваться деньгами».

По точному смыслу общихъ нормъ войскового хозяйства, слова приказа, касающіяся довольствія лошадей, «выдавать деньгами», надлежало пони-

мать, какъ отпускъ интендантствомъ денегъ на заготовленіе фуража попеченіемъ самихъ частей.

Однако, въ полосѣ фронта, и въ особенности въ мѣстахъ стоянки Гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, все возможное уже давно было полками закуплено и съѣдено лошадьми. Полкъ ухитрялся кое-что закупать, засылая фуражировъ на нѣсколько переходовъ глубже въ тылъ, но о полученіи вагоновъ для организаціи закупокъ и подвоза изъ болѣе далекаго тыла невозможно было и мечтать.

Казаки, основываясь на злополучной редакціи упомянутаго выше приказа Временнаго Правительства, а также на томъ обстоятельствѣ, что служили на собственныхъ, а не на казенныхъ лошадяхъ, потребовали выдачи денегъ за фуражный недоѣдъ на руки.

Положеніе осложнялось тѣмъ, что деньги недоѣда лошадей, въ силу ряда положеній о хозяйствѣ въ войскахъ, не подлежали даже зачисленію въ экономическія полковыя суммы (кстати сказать, давно достигшія предѣльной для полка суммы, почему все вновь поступающее надлежало сдачѣ въ казну), а подлежали показанію къ зачету при исчисленіи очередной требовательной вѣдомости, т. е. уходили обратно въ казну. Казаки не понимали, да, впрочемъ, не только однѣ головы рядовыхъ казаковъ не могли понять положенія, при коемъ Временное Правительство устанавливаетъ выдачу казною денегъ, кои подлежатъ сдачѣ обратно въ казну.

Разрѣшеніе вопроса о выдачѣ фуражныхъ денегъ на руки превосходило компетенцію строевого начальства, на которомъ лежала бы вся матеріальная и моральная отвѣтственность за незаконную раздачу казенныхъ денегъ.

Запросы о разъясненіи приказа въ высшія инстанціи очень долго оставались безъ отвѣта, казаки волновались, создавалась масса осложненій и умножились тренія команднаго состава съ полковыми и сотенными комитетами.

Только въ іюнѣ пришло довольно туманное разъясненіе интенданта нашей Особой Арміи, въ коемъ говорилось, что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ выдачѣ денегъ фуражнаго недоѣда казакамъ, «если то разрѣшитъ ближайшее строевое начальство». Основываясь на этомъ разъясненіи, начальникъ дивизіи разрѣшилъ выдачу денегъ, при условіи представленія казаками счетовъ за купленный фуражъ.

Командиръ полка, основываясь на приказѣ начальника дивизіи, былъ вынужденъ также разрѣшить, обусловивъ выдачу денегъ предварительной повѣркой казачьихъ счетовъ составомъ сотенныхъ комитетовъ.

На практикѣ разрѣшеніе выдачи фуражныхъ денегъ на руки привело къ тому, что завѣдывающій хозяйствомъ еженедѣльно сталъ получать для оплаты, отъ каждой сотни, цѣлые тюки мелкихъ казачьихъ «счетовъ», хотя и завѣренныхъ сотеннымъ комитетомъ, но явно фиктивныхъ.

Въ полку быстро развилась эпидемія игры въ карты, конскій же составъ, еще такъ недавно бывшій въ блестящемъ состояніи, быстро сталъ приходить въ упадокъ.

Особенно страдали лошади «безхозяйскія», принадлежащія казакамъ, отсутствующимъ по раненію, болѣзни или находящимся въ отпускахъ, ибо

имъ уборщики не додавали даже фуражъ, поступавшій отъ интендантства натурой, подкармливая этой недодачей собственныхъ лошадей.

Если работа сотенныхъ и полковыхъ комитетовъ первоначально ограничивалась лишь областью чисто хозяйственныхъ интересовъ, то совершенно иная картина царила въ высшихъ комитетахъ ,дивизіонныхъ, корпусныхъ, армейскихъ и т. д., гдѣ главную роль играли выброшенные революціей на поверхность люди марксистскаго толка, сторонники борьбы классовъ, внушавшихъ солдату взглядъ на офицера, какъ представителя враждебнаго «буржуазнаго» класса.

Въ казачествѣ вопросы соціальные и политическіе остроты не имѣли и марксистскія *) теченія отсутствовали, но все же непрерывно изо дня въ день культивируемое свыше и со стороны недовѣріе къ офицеру не могло не оказывать вліянія и на казаковъ.

Офицеры полка скоро поняли, что твердое исполненіе послѣдней воли отрекшагося Державнаго Шефа — продолженіе войны съ нѣмцами до конца, а, слѣдовательно, сохраненіе полка — требуетъ энергичной работы и въ области политической, и соціальной.

Хотя бы для парированія вредной агитаціи, возникла мысль, въ противовѣсъ армейской комитетской организаціи, гдѣ главенство было въ рукахъ марксистовъ, создать новую организацію по чисто казачьей линіи, связавъ ее съ Атаманомъ и еще пока здоровымъ донскимъ станичнымъ тыломъ.

На Дону острыхъ соціальныхъ противорѣчій не существовало, и поэтому, несмотря на недовольство населенія, вызваннаго сильнымъ разореніемъ казачества тремя годами войны и относительнымъ обѣдненіемъ края, революція здѣсь протекала въ болѣе спокойной формѣ.

Живая связь съ Дономъ поддерживалась въ полку отпускными, и офицеры были хорошо освѣдомлены о всемъ тамъ происходящемъ.

Уже въ мартѣ 1917 года, инціативой офицеровъ бригады была создана комиссія изъ офицеровъ, делегатовъ отъ Л. Гв. Казачьяго, Л. Гв. Атаманскаго и Л. Гв. Сводно-Казачьяго полковъ, для выработки обще-казачьей политической программы для фронта.

Отъ Лейбъ-Казаковъ въ комиссію вошли делегатами: есаулъ В. И. Фарафоновъ, подъесаулъ Я. Рыковскій и подъесаулъ Черемшанскій. Предсѣдателемъ комиссіи былъ выбранъ Л. Гв. Своднаго Казачьяго полка (Забайкалецъ) подъесаулъ Самсоновъ, оказавшійся на большой высотѣ и давшій совмѣстно со своимъ братомъ (кажется, юристомъ по образованію) большую и цѣнную работу.

Въ началѣ апрѣля былъ выработанъ проектъ программы, которую, въ главныхъ чертахъ, можно свести къ нижеслѣдующимъ положеніямъ:

---

*) Отмѣтимъ здѣсь полную неподготовленность и неосвѣдомленность въ вопросахъ политическихъ и соціальныхъ не только простыхъ казаковъ, но почти въ равной степени и офицерскаго состава полка, сильно затруднявшія борьбу съ указанной выше пропагандой.

1) Всѣ казачьи земли, съ нѣдрами и водами, принадлежатъ казакамъ, какъ завоеванныя кровью предковъ.

2) Казачьи войска управляются выборными Атаманами и выборными казачьими Кругами.

3) Всѣ разбросанныя по фронтамъ отдѣльныя казачьи части сводятся въ бригады и дивизіи съ соотвѣтствующимъ command составомъ изъ казаковъ.

4) Въ Новочеркасскѣ учреждаются Общеказачьи Артиллерійскія и Военныя училища и гражданскія высшія учебныя заведенія.

5) Всѣ казачьи войска для взаимной помощи образуютъ Союзъ Казачьихъ Войскъ. Во главѣ союза стоитъ Верховный Кругъ изъ представителей Войсковыхъ Правительствъ всѣхъ Войскъ.

6) При высшихъ Армейскихъ Комитетахъ на фронтахъ образовываются отдѣльныя казачьи фракціи, изъ выборныхъ казачьихъ делегатовъ отъ полковъ.

7) Періодически должны устраиваться съѣзды казачьихъ делегатовъ, со всѣхъ фронтовъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся казачьихъ интересовъ и согласованія по нимъ рѣшеній.

8) По окончаніи войны всѣ казачьи части должны вернуться въ свои края съ оружіемъ и со своей артиллеріей.

Немедленно по выработкѣ программы, съ ней были ознакомлены всѣ казаки бригады, созданы полковые и бригадные круги изъ выборныхъ офицеровъ и казаковъ. Казаки проявили большой интересъ къ дѣлу, и программа была проработана и утверждена бригаднымъ кругомъ, а затѣмъ и напечатана въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Съ разрѣшенія командировъ полковъ, «революціоннымъ» порядкомъ были командированы для агитаціи, отъ каждаго полка по 4 офицера и по 50 казаковъ въ казачьи полки фронтовъ и въ Казачьи Края. Отъ Лейбъ-Казаковъ на Донъ были посланы рядовые казаки; въ казачьи полки 1-й Донской, 2-й Терской и Уссурійской дивизіи поѣхалъ подъесаулъ К. Р. Поздѣевъ; во 2-ю Сводно-Казачью и Кубанскую — сотникъ П. Кутейниковъ; на Терекъ — подъесаулъ Ю. А. Черемшанскій и на Кубань — подъесаулъ Чеботаревъ Б.

Приведемъ краткую выписку изъ дневника одного изъ делегатовъ — подъесаула К. Р. Поздѣева: «...Около 19 апрѣля я былъ въ 1-й Донской дивизіи ,стоявшей на отдыхѣ въ городѣ Ананьевѣ Херсонской губерніи. Выступая на собраніи комитетовъ дивизіи, я передалъ привѣтъ отъ Гвардейской Казачьей бригады и объяснилъ подробно значеніе программы.

Вопросы программы настолько заинтересовали казаковъ, что назрѣвшіе въ дивизіи эксцессы, съ выраженіемъ недовѣрія офицерскому составу, были сорваны, и казаки занялись обсужденіемъ общеказачьей программы.

Во 2-ой Терской дивизіи успѣхъ былъ такой же.

Въ Уссурійской бригадѣ, подъ вліяніемъ соціалистической агитаціи со стороны, казаки-уссурійцы, до моего пріѣзда собирались, выписываться изъ рядовъ казачества, познакомившись съ нашимъ проектомъ организаціи ка-

зачества на фронтѣ, рѣшили не отставать отъ всѣхъ и присоединиться къ намъ»...

Какъ сказано выше, отъ Лейбъ-Казаковъ на Донъ были посланы для агитаціи лишь рядовые казаки. Большого толка не получилось, ибо часть программы, касающаяся внутренняго устройства края, ничего новаго здѣсь не представляла, часть же, касающаяся созданія политической организаціи фронтовыхъ частей, связанной непосредственно съ краевой властью, должнаго интереса не вызвала.

Причинами неудачи являлись недостаточная политическая грамотность нашихъ делегатовъ, а также недооцѣнка въ Новочеркасскѣ значенія для Края сохраннія въ фронтовыхъ частяхъ твердой анти-марксистской идеологіи, требующей захвата инициативы борьбы съ вредными казачеству вліяніями въ свои руки.

Отчасти причиной неудачи являлось то обстоятельство, что въ казачьихъ верхахъ главенствовали представители краевой интеллигенціи, обладавшіе недостаткомъ, общимъ всей россійской, — страстной любовью къ фразеологіи, почему даже, несмотря на появленіе въ іюнѣ у власти на Дону крупнаго, честнаго и умнаго человѣка, коимъ былъ генералъ Калединъ, на практикѣ оказывалось слишкомъ много болтовни и слишкомъ мало дѣла.

Весьма цѣннымъ результатомъ почина г. г. офицеровъ Гв. Каз. бригады явилось созданіе казачьей фракціи при Армейскомъ комитетѣ Особой Арміи. Исторія образованія фракціи и ея развитія слѣдующая:

Въ составъ Собранія выборныхъ Особой Арміи, какъ именовался Армейскій комитетъ, въ городъ Луцкъ 26 марта были командированы делегаты 3-ей Гв. Кав. дивизіи, и въ числѣ ихъ Лейбъ Гвардіи Казачьяго полка подъесаулъ Черемшанскій.

Армейскій Комитетъ въ большинствѣ состоялъ изъ солдатской нестроевщины и делегатовъ техническихъ частей, рабочихъ по происхожденію.

Комитетъ весьма быстро лѣвѣлъ, и подъесаулъ Черемшанскій скоро убѣдился въ невозможности продуктивной работы.

По его иниціативѣ, казачьи делегаты вышли изъ состава Армейскаго Комитета и образовали самостоятельную, параллельную Комитету, Казачью фракцію Особой Арміи. Вскорѣ къ фракціи примкнули казачьи депутаты сосѣдней XI-ой Арміи, и фракція приняла наименованіе «Исполнительнаго Комитета Совѣта Казаковъ Особой и XI-ой Армій». Въ іюлѣ, въ виду специфическаго значенія, кое начали уже получать слова «совѣты» и «комитеты», казачій комитетъ переименовался въ «Правленіе Казаковъ Особой и XI-ой Армій».

Предсѣдателемъ Правленія былъ избранъ подъесаулъ Черемшанскій, а секретаремъ — подъесаулъ Шумилинъ (отдѣльной Донской сотни).

«Фракція», «Комитетъ», а затѣмъ и «Правленіе» помѣщалось въ небольшой комнаткѣ по Шоссейной улицѣ №93. На полу этой каморки, въ рѣдкіе отъ работы часы, спали вповалку и предсѣдатель подъесаулъ Черемшанскій, и секретарь подъесаулъ Шумилинъ.

«Правленіе» развило лихорадочную работу, принеся много пользы, парализуя вредныя казакамъ начинанія Армейскаго Комитета и беря попадавшіе въ Армейскій Комитетъ казачьи вопросы въ свои руки.

Подъесаулъ Черемшанскій, обладая большой энергіей и совершенно исключительными агитаціонными способностями, принесъ много пользы поѣздками въ казачьи полки Особой и XI-ой Армій. Въ случаяхъ возникновенія въ нихъ волненій, ему легко удавалось забивать нежелательныхъ агитаторовъ и успѣшно возстанавливать нарушенный порядокъ.

---

14 іюля подъесаулъ Черемшанскій ѣздилъ делегатомъ въ Петроградъ на учредительный съѣздъ Союза Казачьихъ Войскъ. Онъ возилъ проектъ развертыванія Гвардейской Казачьей бригады въ Гвардейскую Общеказачью дивизію, включеніемъ въ ея составъ Гвардейскихъ Кубанскихъ и Терскихъ сотенъ Конвоя. Этимъ путемъ бригада хотѣла избавиться отъ опеки дивизіоннаго комитета 3-ей Гв. Каз. дивизіи, гдѣ преобладали солдаты. Проектъ былъ 21-го іюня утвержденъ съѣздомъ, однако осуществленіе его, согласно принятой резолюціи, было передано на усмотрѣніе Ставки Верховнаго Главнокомандующаго. Проектъ былъ похороненъ Ставкою, какъ впослѣдствіи былъ ею же проваленъ выдвинутый Правленіемъ казаковъ Юго-Зап. фронта проектъ о сохраненіи поста Походнаго Атамана, какъ необходимаго центра связи предполагаемой единой организаціи казачества на фронтѣ.

Въ іюлѣ, въ Бердичевѣ, гдѣ находился штабъ Юго-Зап. фронта, по иниціативѣ Правленія казаковъ Особой и XI-ой Армій, состоялся съѣздъ казачьихъ делегатовъ фронта. На съѣздѣ, на общемъ, относительно дружномъ казачьемъ фонѣ, рѣзко выдѣлилась небольшая группа казаковъ, руководимая уральцемъ докторомъ Ружейниковымъ (соціалъ-демократъ, впослѣдствіи перешедшій къ большевикамъ). Однако, группа эта успѣха не имѣла, и съѣздъ передъ разъѣздомъ учредилъ постоянное Правленіе Юго-Западнаго фронта. Предсѣдателемъ Правленія былъ избранъ Лейбъ Казакъ подъесаулъ Черемшанскій, а секретаремъ подъесаулъ Шумилинъ. Въ число членовъ Правленія были избраны: Лейбъ Гвардіи Казачьяго полка сотникъ П. Кутейниковъ; Терскаго войска сотникъ Старицкій; Сибирскаго войска, трубачъ Л. Гв. Сводно-Казачьяго полка, подхорунжій Ильиныхъ; Семирѣченскаго войска (бывшій фельдшеръ) сотникъ Шатовъ и нѣсколько хорошо настроенныхъ рядовыхъ казаковъ разныхъ полковъ и отдѣльныхъ сотенъ фронта.

Вновь образовавшееся Правленіе казаковъ Юго-Западнаго фронта полностью приняло программу Гв. Каз. бригады и рѣшило ее широко распространить.

Программа и привѣтственное постановленіе Правленія особой делегаціей, возглавляемой сотникомъ Кутейниковымъ, были вручены генералу П. Н. Краснову, въ то время командовавшему 2-ой Сводно-Казачьей дивизіей.

Ген. Красновъ принялъ делегацію, но отъ оцѣнки программы отказался. Интересно, что весьма холодный пріемъ программа встрѣтила въ лицѣ будущаго Предсѣдателя Войскового Круга В. А. Харламова, въ то время занимавшаго должность комиссара Временнаго Правительства на Кавказѣ. Послѣднему программа была представлена лично ѣздившимъ на Кавказъ, къ Терскому Атаману ген. Караулову, подъесауломъ Черемшанскимъ. В. А. Харламовъ нашелъ, что программа «слишкомъ схематична», «разработка конституціи — дѣло войсковыхъ Правительствъ» и фронту «надлежитъ ждать», пока послѣдніе изрекутъ свои решенія.

В. А. Харламовъ не умѣлъ оцѣнить основной цѣли начинанія, заключавшейся въ попыткѣ вырвать фронтовое казачество изъ сѣти солдатскихъ Армейскихъ Комитетовъ (въ коихъ верхъ брали марксисты), связавъ его непосредственно со своимъ, тогда еще здоровымъ, станичнымъ тыломъ.

На этомъ пока и остановимся. Къ дѣятельности Правленія казаковъ Юго-Западнаго фронта вернемся въ слѣдующей главѣ.

Для полноты картины политической дѣятельности офицеровъ полка, отмѣтимъ ниже, въ слѣдующей главѣ, участіе ихъ въ попыткѣ образованія Всероссійскаго Офицерскаго Союза, ликвидированнаго Керенскимъ послѣ Корниловскаго выступленія.

Отмѣтимъ также, что по убѣжденіямъ всѣ офицеры полка, безъ исключенія, были монархистами, полагая, что внѣ Монархіи Россія, представляющая собою конгломератъ не только народовъ но и расъ, разбросанныхъ на громадной территоріи, существовать, какъ великая держава, не смогла бы.

При этомъ, Монархія представлялась, какъ строй надклассовый, т. е. не связывалась офицерами съ какими-либо опредѣленными взаимоотношеніями классовъ и сословій, присущими въ прошломъ тому или другому царствованію, хотя бы и послѣднему.

Однако, отмѣченная выше неосвѣдомленность въ вопросахъ политическихъ и полное невѣжество въ вопросахъ соціальныхъ, исключала возможность точно осознать и оформить вопросъ о Монархіи, что въ сильной степени обезоруживало офицеровъ и не дало возможности развить сколько-нибудь значительную работу въ этомъ направленіи.

Своихъ монархическихъ убѣжденій офицеры не скрывали, и не было случая, чтобы кто-либо одѣлъ красный бантъ или привѣтствовалъ бы строй, установившійся послѣ отреченія Государя.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что на почвѣ монархическихъ убѣжденій офицеровъ за всю революцію не было ни одного случая столкновенія съ рядовыми казаками, проявивши въ этомъ вопросѣ глубокое безразличіе.

Въ началѣ aпрѣля 3-ья Гвардейская Кавалерійская дивизія снова заняла свой участокъ окоповъ на Стоходѣ.

Приказъ о выступленіи спѣшенныхъ частей въ окопы полкъ получилъ непосредственно послѣ Пасхи. Изъ каждой сотни пошло по 55 штыковъ, при двухъ офицерахъ. Остальное осталось при коноводахъ и обозѣ, на старыхъ квартирахъ въ раіонѣ д. д. Липки — Невѣрково. Кромѣ того, на фронтъ выступила пулеметная команда со спѣшенными номерами и, для службы связи при штабѣ дивизіи, былъ посланъ одинъ взводъ въ конномъ строю (отъ 3-й сотни). Офицеры съ радостью приняли этотъ приказъ, такъ какъ сотни отрывались отъ всякихъ комитетовъ и ихъ пагубнаго вліянія.

Утромъ 13-го апрѣля полкъ, въ конномъ строю, выступилъ изъ своей стоянки и въ тотъ же день, къ вечеру, прибылъ въ г. Ровно, откуда коноводы повели лошадей обратно, а спѣшенныя части подъ командой полковника Зубковскаго, на слѣдующее утро погрузились въ эшелоны. На желѣзной дорогѣ уже царилъ полный безпорядокъ: долго не подавали состава и только послѣ долгихъ препирательствъ съ комиссаромъ станціи эшелоны, съ большимъ опозданіемъ, отошли.

На разсвѣтѣ 15-го апрѣля, части полка выгрузились на ст. Рожище и двинулись походнымъ порядкомъ въ дер. Невольное, расположенную въ 5 верстахъ отъ передовой линіи окоповъ. Противникъ съ змѣйковаго аэростата замѣтилъ движеніе полка и началъ артиллерійскій обстрѣлъ деревни, до которой полкъ еще не дошелъ и въ которой находились лишь конный взводъ подъесаула герцога Лейхтенбергскаго и команда связи съ сотникомъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ. Полкъ остановился, залегъ въ канавѣ вдоль дороги и съ наступленіемъ темноты вошелъ въ деревню. Во время обстрѣла одинъ снарядъ разрушилъ избу, во дворѣ которой стоялъ конный взводъ. Убитъ былъ казакъ Бурняшевъ, контужены легко — подъесаулъ герцогъ Лейхтенбергскій и тяжело сотникъ графъ Муравьевъ-Амурскій.

Ночью полкъ смѣнилъ пѣхотную частью, стоявшую въ резервѣ I-й бригады въ ур. Мокрыско. Казаки и офицеры расположились въ блиндажахъ и землянкахъ, построенныхъ въ небольшомъ лѣсу. Въ этомъ раіонѣ полкъ простоялъ дней 10, въ полномъ бездѣйствіи, иногда только посылая по ночамъ команды для рытья окоповъ или ихъ исправленія на участокъ Л. Гв. Уланскаго полка, въ резервѣ котораго полкъ находился. Въ этотъ періодъ были командированы нѣсколько офицеровъ для рекогносцировки тыловыхъ позицій и для исправленія картъ.

Въ ночь съ 25 на 26-ое апрѣля спѣшенныя части полка смѣнили уланъ въ окопахъ, на лѣво-фланговомъ участкѣ дивизіи у колоніи Марьяновки. 1-я сводная сотня (1-ая и 3-ья сотни) подъ командой подъесаула Полковникова, заняла позиціи на правомъ флангѣ полка, войдя въ связь съ Л. Гв. Атаманскимъ полкомъ, занимавшимъ окопы у дер. Богушовка; далѣе расположились 2 сводная сотня (4 и 5 сотни), подъ командой подъесаула Я. Рыковскаго, и на лѣвомъ флангѣ полка, на стыкѣ со 2 Гв. кавал. дивизіей, 2-я сотня подъ командой хорунжаго Кобіева. Штабъ полка — въ блиндажахъ въ лѣсу юго-западнѣе колоніи Марьяновки.. Пулеметная команда была распредѣлена по сотнямъ.

Сооруженная больше года тому назадъ на Стоходскомъ болотѣ оборонительная позиція состояла изъ окоповъ насыпного типа. Блиндажи, съ однимъ или съ двумя накатами тонкихъ бревенъ, были скорѣе похожи на землянки и не являлись защитой отъ артиллерійскаго огня. Убѣжищъ и лисьихъ норъ не было. Окопы насыпного типа требовали большого ухода, иначе песокъ легко расползался. Съ началомъ революціи солдаты перестали поддерживать работой исправное состояніе окоповъ, и они быстро разрушались. Лейбъ-Казакамъ пришлось занять окопы, запущенные почти двухмѣсячнымъ бездѣйствіемъ: проволочное загражденіе, хотя и тянулось въ двѣ линіи, но во многихъ мѣстахъ было проходимо; окопы частью завалились и были сильно загрязнены.

Непосредственно за окопами, за проволочнымъ загражденіемъ, протекала рѣка Стоходъ, вдоль которой тянулось трудно проходимое болото, шириною до 2-хъ верстъ, съ небольшими островами. Позиція противника находилась на противоположномъ берегу, на опушкѣ густого лѣса. Противникъ почти не тревожилъ. Казаки безпрепятственно ходили по надъ окопами, и только если собиралась большая группа въ 19-20 человѣкъ, то нѣмцы начинали обстрѣлъ очень мѣткимъ ружейнымъ, а иногда и артиллерійскимъ огнемъ. Довольно часто, ведя воздушную развѣдку, дѣлали налеты непріятельскіе аэропланы, иногда бросая бомбы по тыламъ и вызывая огонь нашихъ зенитныхъ батарей.

Служба полка носила характеръ сторожевого охраненія. Днемъ выставлялись только наблюдатели, ночью секреты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ караулы и заставы. Изрѣдка высылалась развѣдка. На случай тревоги назначалась дежурная часть. Связь была хорошо налажена: каждая сотня была соединена телефономъ со штабомъ полка, сосѣдними участками, артиллерійскими наблюдателями и съ 3-ей батареей Л. Гв. Конной Артиллеріи. На случай газовыхъ атакъ были приготовлены костры, наблюдатели имѣла колокола изъ шрапнельныхъ стакановъ, а люди снабжены противогазами.

Офицеры жили въ отдѣльныхъ блиндажахъ при каждой сводной сотнѣ. Тутъ же находился телефонъ, посыльные и присланные для связи. Собраніе было устроено въ блиндажѣ при штабѣ полка. Тамъ же стояли походныя кухни, откуда горячая пища въ ведрахъ разносилась по окопамъ.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ ближайшемъ тылу въ походной полковой церкви служилась Божественная Литургія.

Въ окопахъ полкъ простоялъ 10 дней, послѣ чего отошелъ въ раіонъ госп. двора Тихотина.

Простоявъ въ резервѣ до 16-го мая, полкъ снова, смѣнивъ уланъ, занялъ старыя позиціи на Стоходѣ.

Надежды офицеровъ на улучшеніе настроенія казаковъ, въ связи съ условіями боевой службы въ окопахъ, не оправдались.

Раньше было сказано, что полкъ въ Мокрыско смѣнилъ пѣхотную часть. Солдаты этой части, разболтанные, грубые, озлобленные, произвели тягостное впечатлѣніе не только на офицеровъ, но и на казаковъ. Однако, близость деморализованныхъ солдатъ оказывала вредное вліяніе на менѣе стойкихъ людей. Кромѣ того благодаря сосѣдству солдатъ, появилась въ изобиліи ре-

волюціонная литература, въ видѣ газетъ, брошюръ и листовокъ, дѣйствующая разлагающимъ образомъ.

Если въ тылу, при лошадяхъ, гдѣ казаки были заняты уборками, гдѣ производились занятія и гдѣ они нерѣдко помогали по хозяйству хозяевамъ, у которыхъ они стояли по хатамъ, досугъ казака былъ заполненъ, то здѣсь, въ окопахъ, на пассивномъ участкѣ, свободнаго времени некуда было дѣвать.

Помимо чтенія революціонныхъ изданій, безгранично процвѣтала карточная игра, съ ея неизбѣжными послѣдствіями: воровствомъ, продажей казеннаго имущества и ссорами между собой.

Условія жизни въ окопахъ во время революціи затруднились. Ухудшилась пища, ибо продукты теперь были исключительно интендантской поставки: хлѣбъ выдавался черствымъ, мясо обычно замѣнялось солониной, либо вяленой рыбой; мыло, табакъ, чай, сахаръ выдавались очень нерегулярно, причемъ послѣдній часто теперь замѣнялся отвратительнаго качества изюмомъ и черносливомъ.

Въ землянкахъ и блиндажахъ, запущенныхъ съ начала революціи, было тѣсно и грязно. Людей заѣдали комары, блохи и вши.

Приведемъ выдержку изъ дневника очень вдумчиваго наблюдательнаго офицера, хор. Ник. Петр. Ефремова, характеризующую настроеніе казаковъ въ полку: «...Подъ вліяніемъ плохихъ условій жизни, агитаціи въ печати, безтолковыхъ дѣйствій Правительства и близкаго сосѣдства съ неказачьими частями, настроеніе казаковъ въ концѣ апрѣля, съ переходомъ въ окопы, измѣнилось къ худшему. Появилась озлобленность, неопредѣленно къ кому направленная. Враждебность къ офицерамъ полка, однако, до случая Вас. Ефремовымъ, не было»...

Словомъ, духъ въ полку понизился, и создалось повышенно-нервное нанастроеніе.

Въ концѣ апрѣля, въ связи съ отъѣздомъ въ отпускъ командира полка ген. А. М. Грекова, полк. Мишаревъ отбылъ къ коноводамъ, а въ командованіе спѣшенными сотнями вступилъ есаулъ В. И. Фарафоновъ.

Въ этотъ періодъ случился грустный инцидентъ, жертвою коей сдѣлался одинъ изъ хорошихъ офицеровъ полка, сотникъ Вас. Ник. Ефремовъ.

Распоряженіемъ высшаго начальства въ полкъ были присланы 2 или 3 медали, выданныя французскимъ правительствомъ для раздачи отличившимся казакамъ.

Командирамъ сотенъ было приказано прислать соотвѣтствующія представленія къ наградѣ.

Замѣнявшій въ окопахъ к-ра 3-ей сотни ,сотникъ В. Ефремовъ сначала хотѣлъ представить къ этой наградѣ ур. Коновалова. но затѣмъ, переговоривъ съ офицерами сотни и вахмистромъ, передумалъ и послалъ представленіе на другого, болѣе достойнаго казака.

Уряднику Коновалову стало объ этомъ извѣстно, и онъ, открыто выражая свое недовольство, сталъ будировать среди казаковъ сотни противъ сотника Ефремова *).

Вахмистръ доложилъ объ этой агитаціи сотнику Ефремову, который, вызвавъ Коновалова **) въ свой блиндажъ, заявилъ ему, что право предоставленія къ наградамъ принадлежитъ исключительно начальнику и обсужденію казаками не подлежитъ, почему онъ приказываетъ вредную агитацію прекратить и болѣе къ этому вопросу не возвращаться.

На слѣдующій день сотникъ Ефремовъ вышелъ пройтись позади окопа.

Къ нему подошелъ Коноваловъ и дерзкимъ тономъ потребовалъ объяснить, почему его представленіе къ французской медали было отставлено.

Сотникъ Ефремовъ отвѣтилъ, что онъ уже говорилъ Коновалову, что право предоставленія есть право начальника и разговаривать на эту тему не будетъ и не желаетъ.

«А я желаю разговаривать», дерзко отрѣзалъ Коноваловъ. Сотн. Ефре-

---

*) Сотникъ Вас. Ник. Ефремовъ — потомокъ славнаго донского рода, давшихъ полку нѣсколько поколѣній достойныхъ, коренныхъ офицеровъ, — былъ относительно молодымъ офицеромъ

Очень горячій и, по молодости лѣтъ, иногда несдержанный, онъ былъ часто неровенъ съ казаками и, будучи по службѣ строгимъ и требовательнымъ, не пользовался въ ихъ средѣ популярностью.

**) Урядникъ Коноваловъ происходилъ изъ интеллигентной дворянской семьи и имѣлъ брата, подполковника Генеральнаго Штаба (произведеннаго впослѣдствіи, во время гражданской войны на Дону, въ генералы).

Въ Лейбъ-Казачьемъ полку не дѣлалось различій между казаками по классовому признаку, и урядникъ Коноваловъ несъ службу, безъ какихъ бы то ни было поблажекъ, наряду съ другими рядовыми казаками.

Въ 1916 году урядникъ Коноваловъ, будучи посланъ на развѣдку по закупкѣ въ тылу фуража, познакомился тамъ съ группой пѣхотныхъ солдатъ, дезертировъ, бродившихъ по тыламъ и занимавшихся тамъ грабежомъ и воровствомъ. Въ одной деревнѣ эти солдаты убили и ограбили одинокую старую женищну. Спустя нѣкоторое время дезертиры-грабители были арестованы, причемъ судебнымъ слѣдствіемъ было установлено соучастіе какого-то казака. Дознаніе, произведенное въ Лейбъ-Казачьемъ полку, установило участіе урядника Коновалова. Участіе въ убійствѣ урядникъ Коноваловъ категорически отрицалъ, однако, послѣ опроса судебнымъ слѣдователемъ, онъ, по обвиненію въ соучастіи, былъ преданъ суду Особой Арміи, съ оставленіемъ подъ надзоромъ въ сотнѣ.

Висѣвшая надъ головой перспектива суда угнетала Коновалова, и онъ вызвалъ въ полкъ своего брата. Заступничество пріѣхавшаго брата не помогло: случай грабежа въ Лейбъ-Гвардіи Казачьемъ полку былъ исключеніемъ, и ни командиръ полка, ген. Грековъ, ни командиръ сотни, подъесаулъ Кононовъ, не согласились заминать дѣла.

Съ приходомъ революціи, общая картина развала и безнаказанности кругомъ возбудили въ урядникѣ Коноваловѣ надежду отвертѣться отъ суда.

Урядникъ Коноваловъ цѣплялся и за французскую медаль въ надеждѣ, что самый фактъ представленія къ наградѣ не то облегчитъ, не то избавитъ его отъ отвѣтственности.

мовъ приказалъ ему итти въ окопъ, на свое мѣсто. Ур. Коноваловъ не только не пошелъ, куда было приказано, но продолжалъ говорить дерзости.

Сотникъ Ефремовъ, выведенный изъ себя, выхватилъ револьверъ (какъ потомъ оказалось, незаряженный) и скомандовалъ: «Направо», Коноваловъ повернулся, но поворотъ вышелъ не въ сторону окопа. «Кругомъ, — поправился сотникъ Ефремовъ, — въ окопъ — маршъ!».

Ур. Коноваловъ скрылся въ окопѣ, но тамъ, очутившись среди казаковъ, 3-ей сотни, сталъ кричать, что сотн. Ефремовъ, угрозой револьвера., производилъ ему «занятіе поворотами», что «офицеры всѣхъ насъ перестрѣляютъ... ребята, берите винтовки, надо Ефремова арестовать..»

Казаки 3-ей сотни выскочили изъ окопа и пошли съ винтовками на перевѣсъ на сотника Ефремова.

Случайно находившіеся неподалеку к-ръ 5-ой сотни подъесаулъ Я. Рыковскій и ст. оф. 4-ой сотни подъесаулъ Плеве, увидя казаковъ, заряжавшихъ винтовки, кинулись къ нимъ навстрѣчу.

Подъесаулу Рыковскому удалось остановить сотню. Быстро опросивъ сотн. Ефремова, онъ отправилъ его съ подъесауломъ Плеве къ командующему спѣшенными сотнями, есаулу В. Фарафонову, а затѣмъ, не безъ труда, отвелъ казаковъ въ окопъ обратно.

Возбужденіе въ сотнѣ не улеглось и черезъ нѣкоторое время къ блиндажу командира полка прибыло 5 казаковъ, заявившихъ, что они командированы сотней для ареста сотника Ефремова и отправки его для суда въ Армейскій Комитетъ.

Ес. Фарафоновъ, въ блиндажѣ котораго сидѣлъ сотн. Ефремовъ, отвелъ дальше отъ блиндажа въ лѣсъ, возбужденныхъ до крайности и вооруженныхъ винтовками, казаковъ и здѣсь приказалъ доложить, въ чемъ дѣло.

Казаки заявили, что сотня требуетъ ареста, ибо иначе «онъ, сотн. Ефремовъ, всѣхъ насъ перестрѣляетъ».

Ес. Фарафоновъ заявилъ, что какъ командиръ полка онъ не допуститъ ареста казаками офицера, да и кромѣ того, имъ уже сотн. Ефремовъ арестованъ впредь до разбора всего дѣла.

Увидѣвъ проходившаго случайно офицера 4-ой сотни, кн. Н. П. Трубецкого, ес. Фарафоновъ быстро къ нему подошелъ и тихимъ голосомъ приказалъ немедленно, скрытно отъ казаковъ, увезти сотн. Ефремова на фольваркъ, отстоявшій въ 4-хъ верстахъ, куда съ наступленіемъ ночи долженъ былъ отойти въ резервъ дивизіи Л. Гв. Казачій полкъ.

Вернувшись къ «делегатамъ», онъ объяснилъ имъ несуразность ихъ опасенія и требованія и отослалъ ихъ обратно въ окопъ.

Ночью полкъ отошелъ въ резервъ къ фольварку, а на утро, передъ штабомъ полка выстроились развернутымъ строемъ (составляющіе 1-ую спѣшенную сводную сотню), вооруженные винтовками, казаки 1-ой и 3-ей сотенъ, съ требованіемъ выдачи имъ для ареста сотника Ефремова.

Есаулъ Фарафоновъ, съ нѣсколькими офицерами, бывшими въ штабѣ, вышелъ и громко поздоровался.

Сотни отвѣтили по уставному.

На вопросъ, почему пришли съ винтовками, послышались голоса: «Не вѣримъ офицерамъ, они насъ перестрѣляютъ...»

Ес. Фарафоновъ, указавъ на абсурдность этого заявленія и обративъ вниманіе казаковъ на то, что какъ онъ самъ, такъ и офицеры вышли безъ оружія, объяснилъ, что желаетъ, чтобы винтовки были составлены въ козлы и скомандовалъ:

«Передняя шеренга — кру-гомъ!»

Шеренга повернулась.

«Составь!» — Винтовокъ не составили.

Есаулъ Фарафоновъ и командиры сотенъ начали уговаривать казаковъ образумиться.

Казаки упорствовали на арестѣ сотника Ефремова и даже раздавались, — правда, отдѣльные — голоса, дерзко заявлявшіе, что пойдутъ арестовывать сами.

Уговоры тянулись болѣе 5-ти часовъ. Казаки упорствовали, не расходились, возбужденіе то падало, то возрастало.

Дабы кончить тягостную и недостойную сцену, есаулу Фарафонову пришлось согласиться на арестъ и отправленіе сотника Ефремова подъ казачьимъ конвоемъ въ штабъ дивизіи.

Здѣсь сотникъ Ефремовъ былъ немедленно освобожденъ и на слѣдующій же день уволенъ въ продолжительный отпускъ.

Командующій полкомъ полковникъ Мишаревъ спѣшно вызвалъ въ полкъ судебнаго слѣдователя Особой Арміи.

Послѣдній прибылъ и произвелъ дознаніе, причемъ большая часть казаковъ отъ дачи показанія уклонилась. Казаки прибытіемъ слѣдователя были сильно смущены. Струсилъ и Коноваловъ, въ своихъ показаніяхъ валившій свою вину на другихъ казаковъ и старавшійся запутать всю сотню.

Слѣдователь же, въ частномъ разговорѣ съ командиромъ полка, сообщилъ, что буквально заваленъ аналогичными дѣлами, но болѣе серьезнаго характера, чѣмъ данное, по его опредѣленію, «сравнительно пустяковое» и «благополучно кончившееся».

Въ дѣйствіяхъ ур. Коновалова и приказныхъ той же 3-ей сотни — братьевъ Логвиновыхъ, казаковъ 1-ой сотни — Серапіонова и Свинарева, онъ нашелъ составъ преступленія бунта и подстрекательства къ бунту ,въ условіяхъ нахожденія сотни въ боевой обстановкѣ, что оправдывало угрозу револьверомъ сотника Ефремова.

Наряду съ этимъ, сообщилъ, что безполезно арестовывать подслѣдственныхъ, такъ какъ всѣ арестованные имъ, немедленно же по прибытіи въ Луцкъ, освобождаются Армейскимъ Комитетомъ, разгуливаютъ свободно по городу и открыто грозятся его, слѣдователя, убить.

Въ результатѣ преступленіе казаковъ осталось безнаказаннымъ. Казаки 1-ой и 3-ей сотенъ, хотя и присмирѣли, но атмосфера въ полку нѣсколько напряглась, и между офицеромъ и казакомъ былъ заложенъ прочный камень взаимнаго недовѣрія. Камень этотъ, внеся элементъ личной обиды, усложнилъ взаимное пониманіе казаковъ и офицеровъ и затруднилъ работу послѣднихъ.

Между тѣмъ, инцидентъ съ ур. Коноваловымъ отнюдь не служилъ доказательствомъ полнаго разложенія 3-ей сотни.

Достаточно будетъ отмѣтить, что въ дальнѣйшемъ, въ трудные дни попытки переворота ген. Корнилова и, въ особенности, въ послѣдовавшіе дни опредѣлившейся неудачи, именно казаки 3-ей сотни несли охрану Штаба Гвардейскаго Кавал. Корпуса, твердо и спокойно держась своихъ офицеровъ. И только благодаря ихъ стойкости Штабъ Корпуса былъ предохраненъ отъ эксцессовъ со стороны своихъ солдатскихъ командъ и комитетовъ.

Случай съ ур. Коноваловымъ являлся заурряднымъ бунтомъ на почвѣ разрушенныхъ революціоннымъ законодательствомъ всѣхъ нормальныхъ устоевъ быта воинской части и ряда сцѣпленія случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ ,сыгравшихъ роль толчка по отношенію къ наполненному взрывчатыми вещестами снаряду.

Главнымъ изъ этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ являлись испытываемыя лишенія въ пищѣ и условіяхъ жизни на позиціи, не компенсируемыя, какъ то было до революціи, вѣрой къ конечную побѣду, о малой вѣроятности коей теперь казаку говорилъ видъ быстро разлагавшейся солдатской массы.

Вскорѣ послѣ инцидента вернулся со съѣзда при Ставкѣ, куда ѣздилъ делегатомъ офицеровъ полка, командиръ 3-ей сотни подъесаулъ Кононовъ.

Одновременно пришло въ полкъ предписаніе Штаба Особой Арміи съ вызовомъ ур. Коновалова на судебное разбирательство дѣла о грабежѣ.

Подъесаулъ Кононовъ построилъ сотню, прочиталъ предписаніе, приставилъ къ ур. Коновалову часовыхъ и отправилъ его въ Штабъ Арміи.

Послѣ команды «разойтись» казаки подходили къ командиру сотни и робко и несмѣло высказывали сожалѣніе о случившемся въ окопахъ, обвиняя всецѣло одного урядника Коновалова.

Дальнѣйшая служба 3-ей сотни проходила въ полномъ порядкѣ, вплоть до прихода полка на Донъ.

Несмотря на приведенную выше картину мрачной обстановки, офицеры полка продолжали свою безотрадную тяжелую работу по сохраненію полка, проявляя незаурядный тактъ и полное самоотверженіе.

Только благодаря этой работѣ полкъ продолжалъ оставаться относительно боеспособнымъ въ бушующемъ кругомъ солдатскомъ океанѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію боевой дѣятельности Л. Гв. Казачьяго полка этого періода.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца на фронтѣ господствовало полное затишье. Сначала противъ боевого участка полка стояла спѣшенная австро-венгерская конница, въ половинѣ мая ее смѣнила германская пѣхота. Частямъ дивизіи было предложено произвести поиски развѣдчиковъ въ расположеніе противника, съ задачей захватить плѣннаго и выяснить наименованіе части. Командующій полкомъ поручилъ произвести поискъ сотнику Ф. Ф. Рыковско-

му, вызвавъ охотниковъ со всего полка. Желающихъ итти на развѣдку оказалось больше, чѣмъ надо было.

Произведя съ 20-ю казаками предварительно развѣдку мѣстности, сотникъ Рыковскій остановилъ свой выборъ на прилегающемъ къ позиціи противника урочищѣ, гдѣ находился отдѣльный непріятельскій полевой караулъ. Къ нему были изучены всѣ подступы, какъ и расположеніе проволочныхъ загражденій.

Въ ночь съ 20-го на 21-ое мая развѣдчики, переправившись черезъ Стоходъ, выступили съ расчетомъ пройти загражденія противника передъ самымъ разсвѣтомъ. Прорѣзавъ проходъ въ проволокѣ въ двухъ мѣстахъ, развѣдчики подошли незамѣченными къ окопу, занятому нѣмецкимъ карауломъ, бросили въ него нѣсколько гранатъ, чѣмъ обратили нѣмцевъ въ бѣгство. Въ окопѣ остался только одинъ раненый осколкомъ гранаты въ животъ германскій часовой, который продолжалъ сопротивляться и былъ взятъ въ плѣнъ, получивъ еще нѣсколько штыковыхъ ранъ. Между тѣмъ, германцы по всей линіи открыли ружейный и пулеметный огонь. По сигнальной ракетѣ, выпущенной сотникомъ Рыковскимъ, наша батарея открыла заградительный огонь, и развѣдчики благополучно отошли.

Такимъ образомъ, поискъ блестяще удался: задача была выполнена почти безъ потерь, если не считать 3-хъ легко раненыхъ казаковъ, оставшихся въ строю. Доставленный тяжело раненымъ плѣнный германецъ назвалъ себя рядовымъ 143-го Ландвернаго полка Рихардомъ Куфельднеромъ, уроженцемъ Меца. (Часа черезъ два, послѣ сдѣланной врачемъ Евфановымъ перевязки, плѣнный скончался). Съ нимъ были взяты его винтовка, патроны, бомбы и полное снаряженіе. Въ другихъ частяхъ дивизіи поиски никакихъ результатовъ не дали.

Такое дѣло, въ нормальныхъ условіяхъ незначительное, теперь, когда русская армія, разлагаясь, быстро теряла свою боеспособность, оказалось достойнымъ вниманія... (По всему фронту арміи шло братаніе, и вдругъ нашлась часть, успѣшно выполнившая боевую задачу). Высшее командованіе отмѣтило это дѣло настолько, что дѣйствія партіи развѣдчиковъ сотника Рыковскаго попали въ сводку Ставки Верховнаго Главнокомандующаго всѣми Русскими Арміями отъ 25 мая. Кромѣ того, и въ приказѣ по Особой Арміи была объявлена благодарность всѣмъ участникамъ развѣдки, а также и всему полку ,который ставился въ примѣръ другимъ частямъ. Сотникъ Рыковскій былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, а всѣ участники-казаки получили Георгіевскіе кресты и медали.

22-го мая, на слѣдующій день послѣ поиска развѣдчиковъ, германцы, сосредоточивъ три батареи легкой и тяжелой артиллеріи, повидимому съ цѣлью наказать, начали обстрѣлъ участка 1-й сотни, откуда вышли развѣдчики. Площадь обстрѣла была, примѣрно, въ 250 саж. въ глубину и по фронту. Люди покинули, по приказанію ,всѣ блиндажи и, оставивъ только наблюдателей, по ходамъ сообщенія перешли на сосѣдніе участки. Обстрѣлъ продол-

жался около часу. Въ результатѣ — проволочное загражденіе было разрушено во многихъ мѣстахъ, завалилось нѣсколько блиндажей и часть окоповъ, прервалась и телефонная связь. Убитыхъ и раненыхъ не было, за исключеніемъ одного телефониста, легко раненаго осколкомъ въ руку.

28-го мая на разсвѣтѣ, развѣдчики противника подходили къ нашимъ позиціямъ, но во-время замѣченные казачьими секретами, были отбиты ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Въ это время коноводы стояли на старыхъ квартирахъ въ раіонѣ д. д. Липки — Волкашовъ — Невѣрковъ. Жизнь казаковъ и офицеровъ протекала въ лучшихъ условіяхъ, казаки были заняты уборкою, на каждаго приходилось по нѣсколько лошадей; политикой занимались меньше, настроеніе было лучше ,чѣмъ на позиціяхъ, и вообще жизнь носила почти мирный характеръ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ долженъ былъ собраться въ Новочеркасскѣ большой Войсковой Кругъ для выбора Атамана. Отъ Л. Гв. Казачьего полка делегатами были посланы подъесаулъ С. Красновъ и подъесаулъ Я. Рыковскій. На бригадномъ кругу были намѣчены кандидатами на постъ Атамана — Командующій 8-й Арміей генералъ А. М. Калединъ и начальникъ 2-й Казачьей Сводной дивизіи генералъ П. Н. Красновъ. Тогда же для делегатовъ полка былъ выработанъ наказъ въ духѣ казачьей программы, о которой говорилось выше.

Командиръ полка генералъ-маіоръ Грековъ вернулся изъ отпуска, и полковникъ Мишаревъ выѣхалъ въ окопы командовать спѣшенными частями полка.

Генералъ Грековъ вскорѣ вновь отбылъ въ отпускъ, впредь до увольненія (по сердечной болѣзни) въ отставку, передавъ полкъ уже окончательно полковнику Мишареву.

Передъ уходомъ генералъ Грековъ оказалъ полку величайшую услугу срочнымъ вывозомъ изъ Петрограда въ Новочеркасскъ всѣхъ полковыхъ регалій и предметовъ богатаго полкового музея.

Этой мудрой и своевременной предусмотрительности ген. Грекова полкъ обязанъ сохранностью своихъ цѣнностей. (Исторія и порядокъ вывоза полкового музея и регалій изложены подробно въ очеркѣ И. Н. О. «Очеркъ исторіи музея Л.-Гв. Каз. Е. В. п.»).

13-го іюня срочно были вызваны на позицію всѣ офицеры; при коноводахъ осталось по одному офицеру на сотню. Армія готовилась къ Тарнопольскому наступленію 18го іюня.

10-го іюня спѣшенныя сотни полка заняли новыя позиціи у д. Богушов-

ка, гдѣ прежде стояли Атаманцы: 2-я, 4-я и 5-я сотни заняли окопы по берегу Стохода, вдоль дер. Богушовка, а 3-я сотня — на островѣ Березовомъ. Изъ всей деревни Богушовки не разрушенными оставались всего три избы — въ 1 верстѣ на югъ отъ окоповъ. Тамъ расположился штабъ полка и 1-я сотня въ резервѣ.

18-го іюня Верховный Главнокомандующій приказалъ арміямъ Юго-Западнаго фронта перейти въ наступленіе, причемъ главный ударъ предполагался въ направленіи Броды — Тарнополь. На Ковельскомъ направленіи произведена должна была быть демонстрація — причемъ надежды на удачу такъ было мало даже у высшаго командованія ,что не было дано особыхъ задачъ на случай развитія успѣха этой демонстраціи. Боевому участку Гв. Кавалерійской дивизіи было приказано: пѣхотѣ Стрѣлковаго полка 3 Гв. Кав. див. овладѣть позиціями противника у д. Свидники, а Л. Гв. Казачьему и Л. Гв. Атаманскому полкамъ — произвести поиски развѣдчиками за рѣку Стоходъ крупными партіями и этимъ обезпечить наступленіе эскадроновъ стрѣлковъ. Достигнуть передовыхъ позицій противника всѣ части должны были одновременно на разсвѣтѣ 18-го іюня.

Задача была задана дней за пять, и необходимо было произвести подготовительныя работы и развѣдку. Артиллерія боевого участка была усилена нѣсколькими прибывшими изъ резерва тяжелыми и легкими батареями, и съ 14-го іюня началась артиллерійская подготовка. Ежедневно на воздушную развѣдку начали вылетать наши аэропланы.

Въ Л. Гв. Казачьемъ полку руководство поисками было возложено на командира 1-й сотни подъесаула Поздѣева. Изъ охотниковъ всего полка была составлена партія развѣдчиковъ въ 75 казаковъ при 3-хъ офицерахъ (подъесаулахъ: С. Полковниковѣ, М. Чеботаревѣ и Ю. Персидскомъ). Въ теченіе нѣсколькихъ ночей развѣдчиками была произведена рекогносцировка мѣстности, подступовъ, проволочныхъ загражденій и позицій противника. Мѣстомъ удара былъ выбранъ участокъ позиціи противника, выдающійся впередъ у острова Мычкова, занятый заставой противника. Передъ позиціей противника тянулось пять рядовъ проволочныхъ загражденій. Переходъ на ту сторону Стохода былъ очень тяжелъ: приходилось идти по поясъ въ водѣ. Къ тому же ночи были лунныя, и для развѣдки нужно было пользоваться временемъ отъ захода луны (около часу ночи) до зари (которая начинала заниматься около 3-хъ часовъ утра).

Въ ночь съ 17-го на 18-ое іюня партія развѣдчиковъ перешла на островъ Мычковъ, куда былъ проведенъ телефонъ и гдѣ находился на наблюдательномъ пунктѣ командиръ взвода 3-й батареи Л. Гв. Конной артиллеріи, подпоручикъ Апрѣлевъ. Оставивъ на островѣ въ видѣ резерва 20 казаковъ, въ 12½ часовъ ночи развѣдчики двинулись впередъ и, пройдя болото, подошли къ рощицѣ, гдѣ стояла непріятельская застава. Раздѣлившись на три группы, каждая въ 15-20 казаковъ, подъ начальствомъ офицера, развѣдчики начали рѣзать проволоку. Первые два ряда проволоки (бывшей русской) были перерѣзаны минутъ въ 15. Далѣе начиналось загражденіе чисто нѣмецкаго типа: крестовины изъ желѣза, квадратная толстая проволока съ очень сложной формой плетенія. Надъ однимъ проходомъ провозились свы-

ше 15 минутъ. Повидимому, противникъ услышалъ звонъ перерѣзываемой проволоки. Часовй пустилъ ракету, упавшую въ резервѣ. Развѣдчики припали къ землѣ ,а когда ракета потухла, вновь принялись за работу. Минутъ черезъ пять вновь взвилась ракета, которая упала въ двухъ шагахъ впереди развѣдчиковъ. Снова пришлось всѣмъ припасть къ землѣ. Прорѣзавъ проходъ и во второмъ нѣмецкомъ ряду, развѣдчики подползли къ послѣднему, но тутъ уже начало свѣтать. Германскій часовой замѣтилъ казаковъ, выстрѣлилъ и побѣжалъ назадъ. Вскорѣ по всей линіи затрещала ружейная и пулеметная стрѣльба. Развѣдчики пустили сигнальную ракету: наша артиллерія начала обстрѣливать заставу. По всей линіи у нѣмцевъ начались крики, звонки, и стрѣлки ихъ начали распространяться вправо и влѣво. Въ тылъ развѣдчикамъ начали бить два пулемета. По красной ракетѣ ,пущенной развѣдчиками, артиллерія наша сосредоточила огонь по пулеметамъ, и развѣдчики начали отходить. Нѣмецкая артиллерія открыла заградительный огонь — появились раненые, которыхъ казаки несли на рукахъ. У противника появился шаръ, и очень низко поднялся аэропланъ. Уже совсѣмъ разсвѣло. Подъ огнемъ противника, неся своихъ раненыхъ, развѣдчики добрались до Мычкова острова, а затѣмъ и до окоповъ.

Задача демонстраціи была выполнена удачно. Потери полка — легко контужены подъесаулы Поздѣевъ и Чеботаревъ, 2 казака — тяжело ранены и 10 легко. Всѣ участники были представлены къ наградамъ. Полкъ получилъ рядъ благодарностей отъ высшаго начальства.

21-го іюня части полка были смѣнены Л.-Гв. Гродненскимъ Гусарскимъ полкомъ и отошли въ резервъ къ коноводамъ, которые перешли въ раіонъ ст. Киверцы — д. д. Озерки — Своз. Расположившись на обывательскихъ квартирахъ по деревнямъ, казаки начали приводить въ порядокъ обмундированіе и снаряженіе и занялись чисткой лошадей.

Полкъ зажилъ относительно мирной жизнью. 29-го іюня, а затѣмъ 5-го іюля праздновались сотенные праздники 3-й и 2-й сотенъ. Казакамъ было выдано нѣсколько бочекъ вина, пріѣзжали изъ сосѣднихъ частей гости. Праздники прошли весело и, несмотря на царящій кругомъ революціонный угаръ, отношеніе казаковъ къ своимъ офицерамъ было искреннее и вполнѣ дружелюбное.

7-го іюля спѣшенныя части полка вновь смѣнили Л. Гв. Гродненскій Гусарскій полкъ и заняли окопы у д. Богушовки, гать на стар. Мосоръ и переправу на Сосновый островъ. 3-я сотня въ полномъ составѣ пошла въ отдѣлъ, для службы связи и охраны штаба корпуса, гдѣ оставалась до самаго конца пребыванія полка на германскомъ фронтѣ.

Въ окопахъ части полка простояли до двадцатыхъ чиселъ іюля, послѣ чего отошли къ коноводамъ въ раіонъ д. Своз.

Здѣсь полкъ получилъ свѣдѣнія о разгромѣ Русской Арміи подъ Тарнополемъ и объ ея ускоренномъ отходѣ.

Во второй половинѣ іюня и началѣ іюля, въ исполненіе общаго плана, при-

нятаго союзниками, Керенскій съ Брусиловымъ рѣшили произвести, до сего времени откладываемое изъ-за революціоннаго развала наступленіе на участкѣ нѣсколькихъ армій.

Первые дни наступленія, особенно на участкѣ 7-й и 11-й армій, дали успѣхъ, и Керенскій торжествовалъ: «Сегодняшній день, писалъ онъ, положилъ предѣлъ злостнымъ клеветническимъ нападкамъ на новую организацію Армію ,построенную на демократическомъ началѣ»...

Однако, первоначальный успѣхъ, купленный цѣною гибели подобранныхъ путемъ подбора лучшихъ элементовъ Арміи и громаднаго количества убитыхъ офицеровъ, въ процентномъ отношеніи никогда и нигдѣ не бываломъ, быстро смѣнился полной катастрофой.

Арміи, корпуса, дивизіи и полки, несмотря на свое численное и, первый разъ за всю войну, артиллерійское превосходство, бѣжали, не только теряя плоды успѣха и бросая исходныя позиціи, но безъ боя отдавая и укрѣпленныя позиціи тыла.

Фронтъ былъ широко открытъ, и нѣмцы могли продвигаться церемоніальнымъ маршемъ.

Стала извѣстной телеграмма командующаго одной изъ Армій, генерала Корнилова, отъ 11-го іюля, начинающаяся словами: «Армія обезумѣвшихъ темныхъ людей, не ограждаемыхъ властью отъ систематическаго разложенія, бѣжитъ...»

Въ своей телеграммѣ, Корниловъ, указывая, что дисциплина была расшатана мѣрами Правительства, требовалъ принятія рѣзкихъ мѣръ, вплоть до введенія смертной казни на фронтѣ.

Керенскій и Временное Правительство, напуганные катастрофой, на этотъ разъ сдали: на фронтѣ была введена смертная казнь, и офицерамъ въ бою была предоставлена полнота власти. Главное же, былъ убранъ безпринципный Верховный Главнокомандующій генералъ Брусиловъ и замѣщенъ генераломъ Корниловымъ.

Какъ будто бы создались условія для перелома общей обстановки въ Россіи въ сторону здраваго смысла.

Строевое офицерство вздохнуло свободнѣе.

Однако, не надолго, ибо... такъ было угодно нѣмцамъ:

Нѣмцы не наступали: въ ихъ расчеты пока не входило развивать свой успѣхъ. Фронтъ, оторвавшись отъ противника, остановился, и наступило затишье.

Оправился отъ страха Керенскій... и занялъ свою прежнюю позицію. За нимъ пошла и революціонная демократія, ибо побѣда здраваго смысла ею учитывалась, какъ посягательство на ея бытіе. Такое же отношеніе проявили, было затихшіе, войсковые комитеты всѣхъ ранговъ, быстро убѣдившіеся, что «нѣтъ той силы, которая могла бы претворить грозныя слова въ дѣйствительность».

«Курсъ, было взятый на Корнилова, получилъ въ солдатской массѣ значеніе контръ-революціи» *).

---

*) Очерки ген. Деникина.

Положеніе строевого офицерства рѣзко ухудшилось...

Въ разсмотрѣнный нами періодъ въ офицерскомъ составѣ полка произошли слѣдующія перемѣны:

Командиръ полка генералъ-маіоръ А. Грековъ выбылъ въ отпускъ впредь до увольненія въ отставку по болѣзни сердца. Въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ А. Мишаревъ. Бывшій въ командировкѣ, помощникомъ командира стрѣлковаго полка дивизіи старшій полковникъ В. Упорниковъ принялъ 21-й Донской Казачій полкъ. Его мѣсто, съ производствомъ въ полковники, заступилъ командиръ 1-й сотни есаулъ В. Дьяковъ. Полковникъ М. Власовъ принялъ 7-й Донской Казачій полкъ. Должности помощниковъ командира полка приняли: по строевой части — командиръ 5-й сотни есаулъ В. Фарафоновъ, по хозяйственной части — командиръ 4-й сотни есаулъ И. Оприцъ (въ первыхъ числахъ августа оба произведены въ полковники), 4-ю сотню — подъесаулъ Н. Номикосовъ, 5-ую сотню — подъесаулъ Я. Рыковскій, 1-ю сотню — подъесаулъ К. Поздѣевъ. Пулеметную команду — подъесаулъ Б. Чеботаревъ.

Выбыли изъ полка: полковникъ Зубковскій, командиръ 2-й сотни есаулъ Б. Деминъ и хорунжій В. Ефремовъ. Эвакуированъ по болѣзни въ Петроградъ сотникъ Б. Дьяковъ.

Вернулся въ полкъ есаулъ М. Алфераки, бывшій въ командировкѣ на Дону, адъютантомъ Донского Атамана (вскорѣ принявшій 2-ю сотню).

Въ Ялтѣ, въ военномъ госпиталѣ застрѣлился офицеръ полка, выпуска 1915 года, сотникъ Юрій Владиміровичъ Ивановъ-Дивовъ.

Онъ былъ эвакуированъ съ фронта въ концѣ 1916 года, вслѣдствіе тяжелой контузіи, повлекшей параличъ ногъ.

Революція подѣйствовала на него угнетающе. Революціонная разруха, коснувшаяся распорядковъ въ госпиталѣ, девершила остальное, и въ маѣ онъ покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ револьвера.

ГЛАВА II.

КОНЕЦЪ 1917 ГОДА.

Службэ и жизнь полка въ тыловомъ раіонѣ. — Значеніе офицерской работы. — Ухудшеніе положенія офицерскаго состава. — Выступленіе Генерала Корнилова и его послѣдствія. — Агитація Крюкова. — Объѣзды комиссаровъ. — Переходъ полка въ раіонъ Дубно. — Катастрофическое положеніе фронта. — Захватъ власти большевиками. — Погрузка полка на ст. Дубно и Каменецъ. — Переѣздъ полка на Донъ. — Прибытіе эшелоновъ въ Таганрогъ.

Послѣ неудачнаго Тарнопольскаго наступленія и стихійнаго отхода нашей арміи на югъ, Гвардейскій Кавалерійскій корпусъ, какъ болѣе боеспособный, перебрасывается въ XI-ю армію, въ виду создавшагося тамъ угрожающаго положенія. Полкъ 3-го августа выступилъ изъ д. Своэъ и перешелъ въ раіонъ д. Даниловки, верстъ на 180 къ югу. Это передвиженіе полкъ совершилъ походнымъ порядкомъ въ 10 переходовъ, пройдя станцію Киверцы, кол. Малеванку, д. Погорѣльцы, гор. Дубно, дер. Антоновцы и д. Садки.

Здѣсь офицеры съ особеннымъ рвеніемъ продолжали свою работу надъ сохраненіемъ полка.

А работы было много.

Старый составъ казаковъ быстро таялъ: хотя дезертирства полкъ совершенно не зналъ, но дѣйствовалъ рядъ другихъ причинъ.

На первомъ мѣстѣ стояло широкое увольненіе врачебными комиссіями фронта буквально всѣхъ желающихъ на поправку, по болѣзни въ отпускъ.

На основаніии распоряженія Временнаго Правительства, кромѣ увольняемыхъ по болѣзнямъ, былъ установленъ опредѣленный процентъ отпускныхъ, на срокъ въ 3 недѣли, съ возвращеніемъ коихъ увольнялись слѣдующіе, по очереди, устанавливаемой сотенными комитетами.

Командировки делегатовъ на съѣзды, на выборы, въ составъ комитетовъ и т. д. вызывала также большой расходъ людей. Пришлось вытребовать пополненіе изъ 18-й Донской запасной сотни, стоявшей въ станицѣ Каменской.

Думалось, что съ Дона получимъ крѣпкихъ и морально здоровыхъ казаковъ.

Когда же въ сентябрѣ прибыла команда пополненія въ составѣ 300 казаковъ, то обнаружилось, что казаки пополненія разболтаны и разложены пропагандой въ большей степени, нежели наши старые казаки въ полку на

фронтѣ. Среди прибывшихъ были почти явные большевики, какъ, напримѣръ, казакъ станицы Митякинской — Кривушевъ, чего до сего времени въ полку не было. Хуже всего было то, что казаки типа Кривушева пользовались большимъ вліяніемъ въ средѣ прибывшихъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ числѣ команды были прекрасные морально-здоровые казаки, вродѣ Федора Кудинова (4-й сотни), однако, послѣдніе были въ меньшинствѣ.

Офицерами полка была сдѣлана энергичная попытка взять прибывшихъ казаковъ въ свои руки, начавъ правильныя строевыя занятія съ ними. Поднялся крикъ, шумъ: «Опять обученіе отданію чести, маршировкѣ — это старый режимъ»... и т. д.

Молодежь была поддержана старыми казаками, такъ какъ занятія мѣшали использовать прибывшихъ полностью по служебнымъ нарядамъ и тѣмъ облегчить службу старыхъ казаковъ.

Послѣ упорной борьбы занятія пришлось сократить, а затѣмъ и прекратить

Съ переходомъ полка въ новый раіонъ, политическая атмосфера стала сильно сгущаться.

Наступилъ періодъ большевистской пропаганды на фронтѣ, чему сильно способствовала двойственная политика Временнаго Правительства.

Какъ отмѣчено было выше, Временное Правительство во главѣ съ Керенскимъ, послѣ Тарнопольской катастрофы не долго поддерживало спасительныя начинанія Корнилова и скоро снова заняло прежнюю партійную позицію, попадая все въ большую зависимость отъ Петроградскаго Совдепа.

Послѣдній же быстро обольшевичивался.

Въ этихъ условіяхъ отчаянныя усилія Корнилова и командного состава могли лишь замедлить темпъ развала арміи и только отдалить фатальный исходъ конечнаго пораженія.

Во имя спасенія государства, нужно было срочно и во что бы то ни стало вырвать Правительство изъ зависимости Совдепа и парализовать большевистскія теченія въ странѣ.

Корниловъ, послѣ бесѣды съ посланнымъ къ нему Керенскимъ Львовымъ, полагая, что дѣйствуетъ съ вѣдома Керенскаго, сосредоточилъ подъ Петроградомъ корпусъ генерала Крымова, съ цѣлью распустить Совдепъ и образовать твердое правительство (намѣреваясь предоставить въ немъ мѣсто и Керенскому).

Керенскій, ведшій двойную игру, и на командованіе, и на Совдепъ, въ послѣднюю минуту предалъ Корнилова, объявивъ его измѣнникомъ, смѣщеннымъ съ поста Верховнаго Главнокомандующаго.

Генералъ Крымовъ застрѣлился.

Керенскій 1-го сентября арестовалъ генерала Корнилова, а 4-го сентября выпустилъ изъ тюрьмы рядъ большевиковъ, во главѣ съ Бронштейномъ-Троцкимъ, работавшихъ на нѣмецкія деньги по заданіямъ нѣмецкаго командованія.

Такимъ образомъ, въ жертву своимъ партійнымъ симпатіямъ, Керенскій принесъ высшіе интересы Россійскаго Государства, косвенно окончательно предавая аппаратъ власти подъ прямое вліяніе большевиковъ.

Дальнѣйшій ходъ событій не подлежалъ сомнѣнію — война съ нѣмцами была безвозвратно проиграна. Уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ исчезъ съ горизонта, ненужный теперь большевикамъ, Керенскій, а дальше... партійныя симпатіи Керенскаго были оплачены Россіей потерей громадныхъ территорій и многихъ милліоновъ населенія.

«Оформилъ» — Бронштейнъ-Троцкій въ Брестъ-Литовскѣ.

Какъ же отражались указанныя событія въ Л. Гв. Казачьемъ полку?

Недовѣрчивое отношеніе офицерскаго состава къ Керенскому и лицамъ его окруженія, отмѣченное въ началѣ предыдущей главы, измѣнилось въ періодъ послѣ Тарнопольской катастрофа, въ отрицательное, вѣрнѣе — презрительное. Керенскій расцѣнивался теперь, какъ величина, близкая къ нулю, и столкновеніе съ нимъ Корнилова разсматривалось, какъ непосредственная борьба Корнилова съ Петроградскимъ Совдепомъ.

Въ этой борьбѣ, съ одной стороны, стоялъ генералъ Корниловъ, доблестный боевой генералъ, глубокій патріотъ, энергичный, смѣлый и честный человѣкъ, дѣлавшій отчаянную попытку спасти высшіе интересы Родины, съ другой же стороны стояли люди революціонной накипи, приносившіе въ жертву узкому партійному своекорыстію и низкому эгоизму судьбы не ими созданнаго Великаго Россійскаго Государства.

Ясно, что все сочувствіе офицеровъ было на сторонѣ Корнилова .

Рядовые казаки плохо разбирались въ происходящемъ, но все же, въ случаѣ побѣды Корнилова ,лучшая часть, въ силу здороваго инстинкта государственности, пошла бы за офицерами, другая же часть, хотя и отравленная деклараціей правъ солдата, все же затихла бы и, въ короткій срокъ, работой офицеровъ, была бы приведена въ порядокъ.

Офицерскій составъ полка полностью входилъ въ Офицерскій Союзъ, образованный послѣ съѣзда при Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ маѣ, гдѣ делегатомъ отъ полка присутствовалъ подъесаулъ В. Кононовъ.

Этотъ съѣздъ принялъ во имя гибнувшей Родины рядъ скромныхъ резолюцій, требовавшихъ лишь мѣръ для подъема боеспособности арміи и твердой въ этомъ отношеніи политики власти.

...«Единственная корпорація среди всѣхъ классовъ, профессій, сословій, проявившихъ общее стихійное стремленіе рвать отъ Государства, выпустившаго изъ рукъ возжи, все, что возможно въ своихъ частныхъ интересахъ — офицерство ничего не просило для себя лично»... — отмѣчаетъ участникъ съѣзда генералъ А. Деникинъ.

Съѣздъ разъѣхался, оставивъ при Ставкѣ постоянный комитетъ Офицерскаго Союза.

Связь съ комитетомъ Союза поддерживалась черезъ особыя въ каждой дивизіи «пятерки», состоявшіе изъ офицеровъ полковъ дивизіи.

Корниловское выступленіе, информація о коемъ шла черезъ пятерку дивизіи, встрѣтило въ полку горячее сочувствіе всѣхъ офицеровъ.

3-я сотня съ командиромъ сотни есауломъ Кононовымъ, при офицерахъ: подъесаулѣ Полковниковѣ и подъесаулѣ герцогѣ Лейхтенбергскомъ, несла службу при штабѣ Гв. Кав. корпуса, съ задачей охранять штабъ отъ эксцессовъ со стороны превратившихся въ вооруженныя банды бывшихъ частей Россійской Арміи.

Въ день ,назначенный для выступленія Корнилова, — 28-го августа — подъесаулъ герцогъ Лейхтенбергскій прочно и рѣшительно занялъ казаками помѣщеніе службы связи корпуса, гдѣ находились всѣ аппараты телефона, телеграфа и Юза. Подъесаулъ Полковниковъ занялъ помѣщеніе безпроволочнаго телеграфа и окружилъ мелкими патрулями все помѣщеніе Штаба, не пропуская никого постороннихъ.

Сообщенія, идущія во вредъ ген. Корнилову, какъ и отчаянные вопли Керенскаго: «всѣмъ ,всѣмъ, всѣмъ», задерживались и никуда не пропускались. Сотня была въ боевой готовности.

День выступленія ген. Корнилова, благодаря принятымъ мѣрамъ, прошелъ спокойно, однако, въ послѣдующіе дни свѣдѣнія о неудачѣ выступленія и о смѣщеніи ген. Корнилова проникли со стороны въ комитеты частей корпуса.

Корпуснымъ комитетомъ былъ назначенъ по близости Штаба корпуса, общій митингъ, съ цѣлью принятія какихъ-то очень рѣшительныхъ и злобныхъ мѣръ противъ комсостава.

Масса солдатъ сосредоточилась въ расположеніи Штаба.

3-я Лб. Каз. сотня построилась въ полной боевой готовности.

Близость вооруженной и твердой силы безпокоила и смущала собравшуюся толпу, митингъ прошелъ вяло и относительно быстро разошелся, не принявъ никакого рѣшенія.

Съ выяснившейся неудачей отчаянной попытки генерала Корнилова проигрышъ войны былъ несомнѣненъ.

Однако, послѣ Корнилова оставался еще генералъ Калединъ, чей голосъ такъ мощно звучалъ на Московскомъ Совѣщаніи, встрѣтивъ живой откликъ въ офицерскомъ сердцѣ.

Отсюда вытекала новая задача: сохранить боеспособность полка и довести его до Дона, въ распоряженіе генерала Каледина.

Когда пришла телеграмма Керенскаго о ликвидацiи Корниловскаго движенiя, началась бѣшеная агитацiя противъ офицерскаго состава. Въ полкъ прибылъ «товарищъ» Михайловъ, членъ фронтового комитета, который, собравъ казаковъ, въ чисто демагогической рѣчи громилъ выступленiе генерала Корнилова, дѣлая ударенiе на томъ, что это была «контръреволюцiя». Офицерамъ онъ выражалъ коллективно недовѣрiе и рекомендовалъ казакамъ слѣдить за ними.

Къ этому перiоду относится и первое сильное столкновенiе офицеровъ полка съ казаками на почвѣ закона о демократизацiи армiи. Выдержавъ предварительныя экзаменацiонныя испытанiя, еще въ iюлѣ подали докладныя записки о производствѣ въ офицеры подхорунжiе Меркуловъ и Кузнецовъ и трубачъ Крюковъ. Общество офицеровъ ничего не имѣло противъ производства въ полкъ Меркулова и Кузнецова, но не желало видѣть въ своей средѣ Крюкова, недостойнаго во всѣхъ отношенiяхъ казака. Тогда Крюковъ повелъ среди рядовыхъ казаковъ сильную агитацiю противъ офицеровъ и одновременно обратился за защитой въ высшiе революцiонные комитеты и въ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Все это создало въ полку тяжелую атмосферу, такъ какъ офицеры рѣшили поставить на своемъ и въ полкъ Крюкова не принимать. Командиръ полка мотивировалъ отказъ принять Крюкова отсутствiемъ офицерской въ полку вакансiи, ввиду полнаго комплекта офицеровъ, и вопросъ временно былъ снятъ съ очереди.

3 сентября нѣсколькими переходами полкъ перешелъ въ раiонъ ст. Шепетовки, хут. Сульжинскiй и д. Лавриновцы. Штабъ полка сталъ въ госп. дв. Брикули.

Послѣ Корниловскаго выступленiя по полкамъ усиленно начали разъѣзжать корпусные, армейскiе и фронтовые комиссары. Цѣлью объѣздовъ было желанiе найти «контръ-революцiю» и изъять изъ полковъ тѣхъ офицеровъ, которые были причастны къ выступленiю Корнилова или вызывали подозрѣнiе революцiонныхъ органовъ. Полковымъ комитетамъ было приказано составить списки офицерамъ, коимъ казаки выражаютъ недовѣрiе. Благодаря агитацiи трубача Крюкова, стремившагося создать себѣ вакансiю, былъ составленъ списокъ офицерамъ (около 12 человѣкъ), которымъ казаки выражаютъ недовѣрiе, какъ якобы не казакамъ (это былъ одинъ предлогъ, такъ какъ въ спискѣ значились офицеры-казаки, наиболѣе твердые и требовательные по службѣ). Этотъ списокъ былъ проголосованъ въ комитетѣ и теперь нужно было только утвержденiе комиссара. Въ полкъ прибылъ комиссаръ Макалышъ, человѣкъ двуличный и непрiязненно относившiйся къ офицерамъ. На офицерскомъ собранiи отъ заявлялъ, что никакого довѣрiя или недовѣрiя казаки выражать не могутъ и жизнь полка должна протекать по-старому. На собранiи же казаковъ, безъ офицеровъ, онъ подстрекалъ послѣднихъ быть энергичными ,слѣдить за офицерами и немедленно доносить ему. Конечно, послѣ такихъ собесѣдованiй дѣло о непринятiи офицерами Крюкова не могло не обостриться, тѣмъ болѣе, что послѣднiй нашелъ поддержку въ дивизiонномъ и корпусномъ комитетахъ.

Полковникъ Мишаревъ, командиръ полка, пребывавшiй послѣднее время въ сильно угнетенномъ состоянiи и какъ бы ушедшiй въ себя, однако,

здѣсь нашелъ вѣрный тонъ и твердо заявилъ полковому комитету, что вынесеннаго части офицерамъ недовѣрія онъ не признаетъ, если же комитетъ будетъ настаивать и будетъ поддержанъ корпусными и армейскими комитетами, то онъ, командиръ полка, въ полномъ согласіи со всѣми безъ исключенія офицерами, подастъ рапортъ Донскому Атаману съ просьбой убрать весь офицерскій составъ полка въ Донской резервъ, съ высылкою новаго состава офицеровъ въ полкъ, изъ того же резерва.

Въ полковомъ комитетѣ заявленіе командира полка произвело большое впечатлѣніе и заставило призадуматься. Одновременно въ полкъ прибылъ комиссаръ фронтового казачьяго съѣзда хорунжій Терскаго Войска Старицкій, использовавшій замѣшательство комитета и окончательно убѣдившій казаковъ взять свое постановленіе о недовѣріи обратно.

Трубачъ Крюковъ былъ вскорѣ произведенъ въ офицеры въ 8-й казачій полкъ. Онъ было задержался отъѣздомъ ,но полковникъ Мишаревъ, авторитетъ коего временно поднялся, въ категорической формѣ потребовалъ немедленнаго отбытія Крюкова къ мѣсту службы, что тотъ и исполнилъ.

Кузнецовъ и Меркуловъ были произведены въ Л. Гв. Казачій полкъ. Передъ тѣмъ какъ надѣть форму, они оба заявили, что если офицеры полка что-либо имѣютъ противъ нихъ, то они сейчасъ уже уйдутъ. Но офицеры встрѣтили ихъ такъ радушно, какъ встрѣчали всѣхъ молодыхъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, первый и самый сильный натискъ по линіи «демократизаціи» полка (т. е. разбитія сплоченности офицерскаго состава) былъ успѣшно отбитъ. Однако, дѣло этимъ не кончилось, и полковой комитетъ, подъ вліяніемъ постановленій дивизіоннаго и корпуснаго комитетовъ, провелъ рядъ непріязненныхъ офицерамъ мѣръ. Наиболѣе непріятной изъ нихъ было отобраніе вѣстовыхъ съ возложеніемъ уборки 2-хъ офицерскихъ лошадей на денщиковъ.

Денщиковъ отобрать комитеты прямо не могли, ибо они представляли особую штатную категорію, посылаясь таковыми съ Дона, и, въ отличіе отъ строевыхъ казаковъ, не имѣли собственныхъ лошадей.

Замѣна вѣстовыхъ денщиками, въ сущности, почти лишала офицера возможности пользоваться услугами послѣдняго, ибо уходъ и уборка 2-хъ лодей отнимали все время казака.

На отношеніи казака къ офицеру стало сказываться и вліяніе прибывшихъ съ Дона на пополненіе молодыхъ казаковъ, ибо если со старыми казаками у офицера была спайка многихъ лѣтъ совмѣстной службы и перенесенныхъ вмѣстѣ тягостей войны, то съ вновь прибывшими, въ особенности у старшихъ офицеровъ (кромѣ командировъ сотенъ) никакихъ прямыхъ точекъ соприкосновенія не было.

Отсюда мѣняющееся и непрочное отношеніе къ тому или иному офицеру *).

*) Какъ примѣръ, укажемъ что въ списокъ офицеровъ, коимъ было выражено недовѣріе, попалъ офицеръ, незадолго занимавшій должность предсѣдателя полкового комитета по выбору казаковъ всего полка.

Скажемъ нѣсколько словъ объ условіяхъ работы по должностямъ предсѣдателя полкового комитета, а также и должности завѣдывающаго хозяйствомъ въ полку.

Какъ ни раскачивался агитаціей авторитетъ офицера, все же въ Лейбъ-Казачьемъ полку казаки неизмѣнно выбирали предсѣдателемъ полкового комитета офицера и при томъ изъ числа старшихъ. Офицерскій составъ былъ во всемъ солидаренъ между собою, а посему мнѣнія предсѣдателя часто расходились съ комитетомъ, и первому приходилось вести жестокую борьбу въ отстаиваніи разумныхъ рѣшеній.

Требовались стальные нервы и желѣзное спокойствіе, почему ни одинъ предсѣдатель долго не выдерживалъ и складывалъ свои полномочія. Послѣдовательно эту должность занимали: полковникъ Мишаревъ, полковникъ Фарафоновъ, есаулъ Я. Рыковскій, есаулъ Н. Номикосовъ.

Не меньшихъ по крѣпости нервовъ, а иногда уже чисто деревяннаго упорства требовала и должность завѣдывающаго хозяйствомъ, кою съ іюня неизмѣнно занималъ полковникъ И. Н. Оприцъ.

Хозяйство въ сотняхъ въ значительной степени перешло въ руки сотенныхъ комитетовъ. Главнымъ образомъ хозяйственными вопросами интересовался и полковой комитетъ. Всѣ стремленія комитетовъ сводились къ желанію возможно больше получить отъ полка и немедленно раздать, причемъ въ силу революціонныхъ порядковъ, все розданное немедленно же разбазаривалось **).

Въ полку были свои большіе запасы вещей и богато заполненный цейхгаузъ въ СПБ ,вѣрилось, что происходящее безобразіе явленіе временное, и завѣдывающій хозяйствомъ долженъ былъ сохранять запасы для будущаго.

Въ отношеніи денежныхъ суммъ онъ же долженъ былъ отбивать попытки раздѣла суммъ и проводить грань «полагаемаго» казакамъ отъ «неполагаемаго» — составлявшаго достояніе казны.

Указаные выше вопросы, какъ и трудный въ революціонное время вопросъ довольствія людей и лошадей, въ условіяхъ все болѣе и болѣе приходящаго въ разстройство транспорта и поэтому неисправной поставки интендантствомъ, при невозможности купить на мѣстѣ, вызывали нескончаемыя тренія съ комитетомъ.

Только благодаря дружной поддержкѣ, оказанной завѣдывающему хозяйствомъ сотенными командирами, какъ и прекрасной работѣ хозяйственнаго отдѣленія полковой канцеляріи, возглавляемой замѣнявшимъ дѣлопроиз-

---

**) Для характеристики отношенія къ казенному имуществу, приведемъ отношеніе къ боевымъ патронамъ при стоянкѣ въ тылу. Стрѣляли здѣсь рѣшительно всѣ, кто имѣлъ только винтовку, стрѣляли по кочкѣ на другомъ берегу рѣчки, стрѣляли по плавающей курочкѣ, по воробью, а больше всего — дѣло было осенью — по пролетающимъ стаямъ дикихъ гусей.

По докладу завѣдывающаго оружіемъ, въ теченіе августа въ Л.-Гв. Казачьемъ полку было выпущено зря 30 000 патроновъ причемъ этимъ количествомъ патроновъ только въ одной сотнѣ былъ сбитъ 1 гусь. При тогдашней стоимости патрона 1 рубль, этотъ гусь, съѣденный нѣсколькими казаками 5-й сотни, обошелся Государству Россійскому въ 30.000 рублей.

водителя ст. писаремъ Тараринымъ, какъ и работѣ крѣпкаго и твердаго казака, полкового каптенармуса ур. Сударкина, удалось въ полку сохранить до конца денежный ящикъ и значительную часть запасовъ, коя весьма пригодилась при формированіи и пополненіи молодого Л. Гв. Казачьяго полка въ апрѣлѣ 1918 года.

Слѣдующими по тяжести за должностями предсѣдателя полкового комитета и завѣдывающаго хозяйствомъ шли должности командировъ сотенъ, кои въ трудномъ, каждодневномъ «общеніи» со своими сотенными комитетами, старались спасти боеспособность полка, несмотря на противодѣйствіе и травлю, какъ снизу, такъ и со стороны.

Травля, впрочемъ, касалась не только старшихъ офицеровъ, но и младшихъ.

Были даже случаи заявленія претензіи на офицеровъ, давно ушедшихъ изъ полка.

Общимъ признакомъ «претензіи» была ихъ полная неосновательность*), причемъ жалобщикомъ обычно руководило даже не желаніе свести старые счеты, а врожденная любовь къ кляузѣ, либо же примитивная корысть. Постановленіе полкового комитета читалось въ сотняхъ, и кляузнику доставляла удовольствіе мысль, что казакамъ будетъ извѣстно, какъ, молъ, «ловко Черниковъ подцѣпилъ»...

Полная безотвѣтственность и безнаказанность кляузниковъ подрывала дисциплину ,но зато «демократическое начало» торжествовало по всей линіи.

Увы, кровавый ликъ большевизма все яснѣе вырисовывался на горизонтѣ, его не видѣли только тѣ, кто видѣть не хотѣлъ. Въ числѣ послѣднихъ было Временное Правительство.

2-го октября полкъ выступилъ изъ д. Лавриновцы для перехода въ раіонъ Дубно, а 2 и 4 сотенъ въ раіонъ г. Кременца. Шли четырьмя переходами черезъ д. д. Бѣлгородка — Салки — Антоновцы — Погорѣльцы. 4-го

*) Приведемъ нѣсколько примѣровъ характерныхъ «претензій»:

1) Казакъ Черниковъ заявилъ претензію на (давно уже командовавшаго 12-мъ полкомъ) полковника Е. И. Балабина за то, что тотъ до войны будучи командиромъ сотни, заставъ казака спящимъ на дневальствѣ въ конюшнѣ собирался его «повѣсить». Выяснилось, что Е. И. Балабинъ, повѣряя ночью нарядъ, лишь накричалъ на спящаго дневальнаго и ушелъ изъ конюшни, даже не наложивъ дисциплинарнаго взысканія.

2) Тотъ же Черниковъ заявилъ претензію на сотника Воронина (въ 1917 году Воронинъ служилъ уже въ 18-й запасной сотнѣ на Дону) за то, что тотъ, обучая рубкѣ въ мирное время, крикнулъ промахнувшемуся казаку: «Я тебя съѣмъ»...

3) Вѣстовой полковника Номикосова требовалъ черезъ полковой комитетъ какую-то фантастическую сумму денегъ за мѣдянку, которую якобы потратилъ на чистку конскаго убора за нѣсколько лѣтъ службы.

4) Денщикъ полковника Фарафонова Астаховъ требовалъ черезъ полковой комитетъ съ полковника Фарафонова выплату денегъ за то, что въ мирное время помогалъ этому офицеру мыть его собаку-фокса.

октября, въ день полкового праздника, отслужили скромно молебенъ на походѣ у д. Садки, откуда четный дивизіонъ пошелъ на Кременецъ.

Штабъ полка сталъ на окраинѣ Дубно въ госп. дворѣ графини Шуваловой, 1-я и 5-я сотни въ чешской колоніи Семидубы, остальныя сотни, обозъ и пулеметная команда въ окружныхъ ближайшихъ деревняхъ. Жизнь полка стала протекать тихо и однообразно. Никакой службы полкъ нс несъ, занятія въ полку не производились. Началъ ощущаться въ полку недостатокъ фуража. Въ командованіе дивизіей вступилъ командиръ бригады генералъ-маіоръ П. П. Орловъ.

Къ этому времени всѣмъ стало ясно катастрофическое положеніе фронта, совершенно открытаго, благодаря «братанію» съ противникомъ, противъ чего ничего не могло предпринять, лишенное фактической власти начальство. Поняли опасное положеніе и учли его и казаки. Они замѣтно притихли и стали сторониться отъ разнузданной солдатской массы. Казачьи организаціи при штабѣ арміи и фронта окрѣпли, и благопріятное вліяніе ихъ на казачьи части усилилось.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ положеніе фронта стало окончательно безнадежнымъ. Временное Правительство безславно пало въ октябрѣ. Въ Петербургѣ власть захватили большевики, гдѣ и образовали Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Верховнымъ Главнокомандующимъ фронта былъ назначенъ прапорщикъ Крыленко. Разнузданность солдатскихъ массъ достигла апогея — по всему фронту шли кровавые самосуды надъ офицерами, оставшимися по чувству долга въ строю. Къ казачьимъ частямъ, сохранившимъ относительно свой внутренній порядокъ, солдатскія массы начинаютъ относиться враждебно.

Въ Лейбъ Казачьемъ полку доминируетъ одинъ лозунгъ — «На Донъ!»

Въ концѣ сентября 1917 г., въ Кіевъ, на Казачій Съѣздъ прибыло нѣсколько сотъ представителей казачьихъ частей со всѣхъ фронтовъ.

Наиболѣе организованной группой на съѣздѣ явилась группа делегатовъ Юго-Западнаго фронта, имѣвшая свой наказъ и программу, и руководимая энергичнымъ подъесауломъ Черемшанскимъ.

Въ первые же дни съѣздъ постановилъ образовать на всѣхъ фронтахъ казачьи правленія по образцу Юго-Западнаго фронта и учредить должности казачьихъ комиссаровъ при ставкахъ Верховнаго Главнокомандующаго, фронтовыхъ и армейскихъ.

Первыя извѣстія о выступленіи большевиковъ въ Петроградѣ пришли во время засѣданія съѣзда. Была немедленно принята резолюція о поддержаніи Временнаго Правительства (противъ большевиковъ) съ оружіемъ въ рукахъ.

Однако, скоро пришло извѣстіе о безславномъ паденіи правительства и о бѣгствѣ Керенскаго.

Съѣздъ постановилъ начать отправку казачьихъ частей съ фронта въ свои Края.

Событія въ Кіевѣ быстро развились и, послѣ неудавшейся попытки перваго большевистскаго возстанія, власть перешла въ руки Украинской Рады, съ Петлюрой въ должности военнаго министра.

Общеказачій Съѣздъ, при извѣстіи о началѣ возстанія, немедленно сформировалъ всѣмъ своимъ составомъ четыре сотни и принялъ горячее участіе въ подавленіи возстанія большевиковъ.

Главную роль въ ликвидаціи возстанія сыграла одна изъ этихъ сотенъ, коею, по просьбѣ казаковъ, командовалъ Лейбъ Казакъ подъесаулъ С. Красновъ. Именно этой сотней былъ взятъ старый дворецъ и цѣликомъ захваченъ весь штабъ возставшихъ во главѣ съ Пятаковымъ.

Украинское Правительство, принявшее власть, потребовало выдачи Пятакова ему, въ обмѣнъ на согласіе дать вагоны для казачьихъ эшелоновъ.

Одновременно Петлюра гарантировалъ безпрепятственный пропускъ эшелоновъ черезъ Украину, но просилъ болѣе не мѣшаться въ украинскія дѣла и по возможности переѣхать на Донъ, оставивъ въ Кіевѣ лишь делегацію по организаціи отправки казачьихъ полковъ въ свои Края.

Казачій съѣздъ переѣхалъ въ Новочеркасскъ, оставивъ въ Кіевѣ свою делегацію, возглавленную подъесауломъ Черемшанскимъ.

Офиціально признаваемая украинскимъ правительствомъ, делегація начала усиленную работу по подготовкѣ отправки казачьихъ полковъ съ фронта. Большую помощь оказывала быстро образовавшаяся сѣть казачьихъ комиссаровъ при высшихъ штабахъ, пользовавшаяся для сношенія между собой прямыми проводами.

Тѣмъ временемъ казачій комиссаръ при ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ Могилевѣ В. В. Шапкинъ отправился въ Новочеркасскъ, къ ген. Каледину, для доклада и за инструкціями, вызвавъ въ ставку замѣстителемъ себѣ подъесаула Черемшанскаго. Послѣдняго въ Кіевѣ замѣстилъ Л. Гв. Казачьяго полка есаулъ Н. В. Номикосовъ.

19 ноября Ставка Верховнаго была захвачена большевиками. Необходимо было дѣйствовать, и есаулъ Номикосовъ, вызвавъ по прямому проводу делегата, переѣхавшаго въ Новочеркасскъ фронтового съѣзда, своего однополчанина подъесаула С. Н. Краснова, поручилъ ему испросить согласіе Атамана на переброску всѣхъ Донскихъ казачьихъ частей Юго-Западнаго фронта на Донъ.

Получивъ согласіе генерала Каледина, есаулъ Номикосовъ потребовалъ отъ украинскихъ властей эшелоновъ.

Первоначально всѣ просьбы есаула Номикосова отклонялись украинскимъ правительствомъ. Есаулъ Номикосовъ прибѣгъ къ угрозѣ и, добившись личнаго свиданія съ Петлюрой, заявилъ ему, что если въ теченіе 24 часовъ казакамъ не будетъ предоставлено эшелоновъ, то казачьи полки, уже давно не получающіе ни продуктовъ, ни фуража, двинутся походомъ, добывая въ пути силой пропитаніе.

Петлюра отвѣтилъ, что онъ лично ничего не имѣетъ противъ безпрепятственнаго пропуска казачьихъ частей черезъ Украину, но распоряженіе эшелонами находится въ рукахъ стачечнаго комитета желѣзнодорожниковъ, и онъ безсиленъ.

Есаулъ Номикосовъ проѣхалъ лично въ стачечный комитетъ и сумѣлъ просьбами и угрозами убѣдить желѣзнодорожниковъ дать вагоны. Немедленно по прямому проводу были вызваны офицеры, пріемщики казачьихъ частей, и имъ были даны распоряженія о мѣстахъ полученія эшелоновъ. Дѣло отправки полковъ на Донъ, несмотря на начинавшійся на Украинѣ хаосъ, быстро двинулось впередъ, хотя и предстояло разрѣшить задачу исключительной трудности: одно Донское Войско имѣло на фронтахъ 60 конныхъ полковъ и 72 отдѣльныхъ сотни съ соотвѣтственной артиллеріей. Считая по 5 эшелоновъ на полкъ, для перевозки однихъ только Донцовъ требовалось болѣе 400 поѣздныхъ составовъ. Задача осложнялась разрухой на жел. дорогахъ и полнымъ отсутствіемъ подготовки свыше. Если задача и была въ конечномъ счетѣ почти полностью разрѣшена, то только благодаря поразительной организаціонной работѣ незамѣтныхъ строевыхъ Донскихъ офицеровъ.

Вскорѣ въ Кіевъ выбрался изъ захваченной большевиками Ставки *) подъесаулъ Черемшанскій. Изъ Новочеркасска прибылъ В. В. Шапкинъ.

Будучи офиціально признаны украинцами представителями казачьихъ воинскихъ частей и имѣя полномочія ген. Каледина, они энергично взялись за работу по отправкѣ на Донъ казачьихъ эшелоновъ.

Лейбъ-Казакъ подъесаулъ Черемшанскій, попутно со своей прямой работой оказывалъ широкое содѣйствіе генералу Драгомирову и Шульгину по переброскѣ на Донъ въ Алексѣевскую организацію враждебныхъ большевизму элементовъ Русской Арміи и въ первую голову офицерства. Послѣднихъ подъесаулъ Черемшанскій снабжалъ документами для проѣзда, а частью отправлялъ съ казачьими эшелонами. На этой почвѣ у него создались тренія съ Шапкинымъ, считавшимъ, что не слѣдуетъ разбрасываться.

Однако, генералъ Калединъ, черезъ присланнаго въ Кіевъ изъ Новочеркасска сотника Шатова (Семирѣченскаго войска) выразилъ личную благодарность подъесаулу Черемшанскому и приказалъ продолжать работу въ дружеской связи съ Алексѣевской организаціей.

Во второй половинѣ ноября ,считаясь съ рѣзко враждебнымъ настроеніемъ солдатъ двухъ дивизій, самовольно покинувшихъ фронтъ и пришел-

---

*) Отмѣтимъ, что въ Ставкѣ именно лейбъ-казакъ подъесаулъ Черемшанскій вмѣстѣ съ казакомъ-сибирякомъ ес. Герасимовымъ и предсѣд. Офицерскаго союза Новосильцевымъ принялъ видное участіе въ дѣлѣ освобожденія быховскихъ узниковъ, о коемъ повѣствуетъ ген. Деникинъ на стр. 144, т. II «Очерковъ». Въ частности, именно на квартирѣ Герасимова подъесауломъ Черемшанскимъ, совмѣстно съ адъютантомъ Корнилова, текинцемъ ханомъ Розакъ-Бекъ-Хаджіевымъ на бланкѣ съ печатями главной комиссіи Шабловскаго (разбиравшаго дѣло Корнилова по порученію Врем. Правительства) было «заготовлено» предписаніе о выпускѣ ген. Корнилова и другихъ заключенныхъ, на случай, если бы ген. Духонинъ, 19-го утромъ, не отдалъ бы распоряженія объ ихъ выпускѣ, какъ и на случай, если бы послѣдняго распоряженія оказалось бы недостаточнымъ.

шихъ въ Дубно, штабъ Лейбъ Казачьего полка перешелъ изъ города въ кол. Семидубы. Полкъ былъ сосредоточенъ въ ближайшихъ деревняхъ.

28-го ноября на станціи Дубно и Кременецъ были поданы эшелоны, и полкъ срочно и въ полномъ порядкѣ погрузился для слѣдованія на Донъ. Въ тотъ же день происходила погрузка на ст. Острогъ Л. Гв. Атаманскаго полка, Л. Гв. 6-й Донской батареи и штаба дивизіи, съ генералъ-маіоромъ Орловымъ во главѣ. Путь слѣдованія бригады былъ назначенъ: станціи Здолбуново — Шепетовка — Казатинъ — Волноваха — Александровскъ — Раздѣльная — Иловайская — Таганрогъ. Въ первомъ эшелонѣ слѣдовали: 1-я сотня и пулеметная команда, во второмъ — 5-я сотня и команда связи, въ третьемъ — 2-я сотня, штабъ полка и обозъ, въ слѣдующемъ — 3-я и 4-я сотни.

Настроеніе окружающей солдатской массы было настолько враждебнымъ, что во всѣхъ эшелонахъ были приняты мѣры на случай вооруженнаго столкновенія. Особенно опасенъ былъ переѣздъ черезъ Днѣпръ у гор. Александровска. Но такъ какъ въ эшелонахъ полка былъ порядокъ и они представляли собой силу, то весь переѣздъ прошелъ благополучно, только на узловыхъ станціяхъ приходилось долго стоять въ ожиданіи полученія очереди на паровозъ. Во все время пути чувствовалось полное довѣріе казаковъ къ офицерамъ, такъ какъ только благодаря энергіи и работѣ офицеровъ эшелоны съ честью и благополучно выходили изъ труднаго положенія.

5-го и 6-го декабря эшелоны полка стали прибывать на ст. Таганрогъ, гдѣ предполагалась выгрузка для несенія въ городѣ гарнизонной службы.

Въ послѣдней четверти 1917 года въ офицерскомъ составѣ Л. Гв. Казачьяго полка произошли слѣдующія перемѣны: изъ 42-го Донского Казачьяго полка прибыли въ полкъ подъесаулы Нарышкинъ, Болдыревъ и Пашковъ, произведены въ хорунжіе подхорунжіе полка — Меркуловъ и Кузнецовъ, изъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища прибыли произведенные въ полкъ хорунжіе Грековъ, Ляховъ, Ротовъ и братья Чекуновы. Изъ Пажескаго Корпуса — хорунжій Иловайскій.

Выбыли по собственному желанію въ резервъ чиновъ — подъесаулы Сердюковъ, С. Ивановъ-Дивовъ и С. Болдыревъ.

ГЛАВА III.

ПОСЛѢДНІЙ ПЕРІОДЪ АТАМАНСТВА ГЕН. КАЛЕДИНА И ХОДЪ СОБЫТІЙ ВЪ СТ. КАМЕНСКОЙ.

Созданіе внутренняго фронта. — Прибытіе полка въ Таганрогъ. — Переброска полка въ Каменскую. — Ухудшеніе казачьихъ настроеній. — Походъ на станцію Ровеньки-Щетово. — Съѣздъ фронтовиковъ, и образованіе Военно-Революціоннаго Комитета въ станицѣ Каменской. — Выборы командного состава. — Арестъ командира полка, штаба полка и ряда офицеровъ. — Бой на ст. Лихая. — Занятіе полк. Чернецовымъ станицы Каменской. — Роспускъ казаковъ полка по станицамъ и образованіе офицерскаго взвода. — Отправка штандарта. — Гибель отряда Чернецова. — Отходъ на Новочеркасскъ.

Въ декабрѣ 1917 года большевики уже твердою ногою стояли у власти въ Петроградѣ. Внѣшній боевой фронтъ, возглавляемый главковерхомъ Крыленко, развалился, но ясно обозначился первый внутренній — граница Донской Области. Еще Керенскимъ, противъ Атамана Каледина, были мобилизованы два военныхъ округа — Московскій и Казанскій, и собранный такимъ образомъ сбродъ запасныхъ частей съ прибавкою дезертировъ скопился на границахъ Области. Правильнаго и рѣшительнаго руководства этими бандами еще не было, но тенденція ихъ къ движенію на Донъ обозначилась ясно.

Предвидя эту борьбу, общеказачій фронтовой съѣздъ въ Кіевѣ постановилъ, ввиду развала внѣшняго фронта, организованно отправить всѣ казачьи части съ оружіемъ въ свои области.

Какъ говорилось выше, Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, въ составѣ Гвардейской Казачьей бригады, прибылъ въ Таганрогъ. Вся работа по организаціи переброски съ фронта произведена была офицерами, рядовые казаки, въ предшествующее переброскѣ время притихли, и перевозка прошла въ относительномъ порядкѣ (конечно, «относительномъ» лишь для революціоннаго времени и, такъ называемой, «сознательной дисциплины». Такъ, по пути самочинно разбивались вагоны попадавшихся интендантскихъ запасовъ, причемъ брался не только нужный фуражъ, но и ненужные для переѣзда предметы вещевого довольствія: одинъ изъ эшелоновъ весь обулся въ валенки. Въ вагонѣ пулеметной команды былъ случай изнасилованія женщины всѣмъ вагономъ).

Въ связи съ переходомъ на Донъ, офицеры таили надежду на улучшеніе настроеній въ полку.

Первые же дни принесли жестокое разочарованіе.

За двѣ станціи до Таганрога командиръ полка получилъ два донесенія: первое было благопріятное — революціонно настроенныя запасныя солдатскія части, стоявшія въ Таганрогѣ, при прибытіи 1-го эшелона на ст. Таганрогъ, въ первую же ночь, разбѣжались по домамъ.

Второе донесеніе было неблагопріятное: казаки 1-го эшелона отказались выгружаться и выслать квартирьеровъ въ Таганрогъ, требуя движенія на ст. Каменскую ,несмотря на то, что распоряженіе расположиться въ Таганрогѣ исходило отъ Войскового Штаба.

Въ полку было много казаковъ Донецкаго округа, желавшихъ идти въ свою окружную станицу Каменскую, гдѣ всегда формировались эшелоны для посылки на службу въ полкъ и куда прибывали эшелоны казаковъ полка, кончившихъ службу.

Казаки таили мечту о скорой демобилизаціи и разъѣздѣ по домамъ, и оставленіе въ болѣе отдаленномъ Таганрогскомъ округѣ, округѣ больше крестьянскомъ нежели казачьемъ, и потому враждебномъ, имъ не нравилось.

Прибывшій съ 3-имъ эшелономъ командиръ полка, полковникъ Мишаревъ, засталъ на станціи Таганрогъ безотрадную картину митинга.

Станція была переполнена ѣдущей домой солдатской массой распавшагося Кавказскаго фронта, среди коей шла широкая агитація о прекращеніи войны и велись разговоры о контръ-революціонномъ заговорѣ на Дону, куда съѣзжаются со всѣхъ сторонъ, якобы «сторонники стараго режима».

Въ митингахъ казаковъ принималъ участіе и посторонній полку элементъ. Къ постановленію первой сотни ,по мѣрѣ прибытія, присоединялись и другіе эшелоны полка. Всѣ уговоры командира полка и офицеровъ, какъ и членовъ полкового комитета, выполнить приказаніе Войскового Штаба, ни къ чему не привели. Среди казаковъ кто-то пустилъ дикій слухъ, что у офицеровъ имѣются дома и имѣнія въ Таганрогскомъ округѣ и что полковой комитетъ купленъ офицерами.

Командиръ полка снесся по прямому проводу съ Войсковымъ Штабомъ, просилъ доложить о создавшемся положеніи Атаману и дать инструкціи.

Въ отвѣтъ было получено повторное приказаніе выгружаться, съ обѣщаніемъ срочно прислать въ подтвержденіе приказъ въ письменной формѣ.

Тѣмъ временемъ полковой комитетъ, видя растущее возбужденіе казаковъ и свое безсиліе, сложилъ свои полномочія. Казаки требовали посылки делегаціи къ Атаману. Полковникъ Мишаревъ отвѣтилъ, что уже говорилъ по прямому проводу, причемъ получилъ повторное приказаніе выгружаться, почему онъ, командиръ полка, не пошлетъ делегаціи, но если казаки желаютъ послать, то онъ препятствовать имъ фактически безсиленъ.

Делегація казаковъ *), безъ участія хотя бы одного офицера, только что отбыла въ Новочеркасскъ, какъ командиръ полка получилъ письменное подтвержденіе повторнаго приказанія Войскового Штаба выгружаться въ Таганрогѣ.

Полковникъ Мишаревъ вышелъ къ казакамъ и, несмотря на сильное возбужденіе и даже ругательства и угрозы, брошенныя изъ заднихъ рядовъ, прочелъ громко полученное подтвержденіе, добавивъ, что онъ, командиръ полка, категорически приказываетъ квартирьерамъ отъ каждой сотни выгрузиться съ разсвѣтомъ изъ вагоновъ и собраться у штаба, а сотнямъ изготовиться къ разгрузкѣ утромъ.

Утромъ всѣ квартирьеры послушно выгрузились и подъ командою офицеровъ ушли въ городъ, сотни начали подготовку къ выгрузкѣ, закипѣла работа, митинги какъ рукой сняло, но... пришло приказаніе изъ Новочеркасска полку, не выгружаясь, двигаться на Каменскую.

Что же случилось въ Новочеркасскѣ? Одинъ изъ штабныхъ офицеровъ разсказывалъ потомъ, что делегація нашихъ казаковъ, получивъ согласіе начальства ихъ принять, сильно сробѣла. При пріемѣ казаки сильно подтянулись, очень стройно и отчетливо, по-уставному, отвѣтили на привѣтствіе, что, очевидно, произвело хорошее впечатлѣніе. Начальство спросило, чего они, собственно, хотятъ. Одинъ изъ казаковъ очень почтительно доложилъ, что полкъ горитъ желаніемъ защищать Область отъ вторженія большевиковъ, но проситъ разрѣшенія перейти въ Донецкій округъ, дабы прикрыть свои станицы, ибо съ Таганрогскимъ округомъ у казаковъ мало связи.

Результатомъ согласія Атамана явилось распоряженіе командиру полка объ отмѣнѣ выгрузки въ Таганрогѣ.

Авторитетъ и командира полка, и офицеровъ понесъ крупный ущербъ. Полковникъ Мишаревъ, уже сильно угнетенный переживаніями на фронтѣ, былъ окончательно морально раздавленъ.

Въ Новочеркасскѣ эшелоны полка были остановлены, и на станціи полкъ встрѣтила делегація отъ Правительства и Войскового Круга.

Казаки быстро построились въ полномъ порядкѣ. Конечно, опытный глазъ стараго офицера по тысячѣ мелочей ясно видѣлъ глубокую разницу со старымъ строемъ полка, отличавшагося особой щегольской воинской выправкой, свидѣтельствовавшей о крѣпкомъ внутреннемъ порядкѣ въ полку, однако, нынѣшній строй рослыхъ, упитанныхъ и однообразно и хорошо одѣтыхъ казаковъ произвелъ впечатлѣніе на представителя Правительства, и онъ, къ удивленію и негодованію офицеровъ, вмѣсто порицанія за таганрогское

---

*) Для переговоровъ по прямому проводу съ Новочеркасскомъ о пріемѣ делегаціи былъ казаками избранъ глуповатый казакъ, кузнецъ пулеметной команды Мясниковъ, ибо никто изъ болѣе умныхъ казаковъ своей кандидатуры не выставилъ.

Голосу полуграмотнаго казака, однако, въ Новочеркасскѣ былъ приданъ большій вѣсъ, нежели голосу законнаго командира полка...

Увы, это было въ порядкахъ революціоннаго времени.

своеволіе, произнесъ хвалебную рѣчь, благодаря за порядокъ *). Полковникъ Мишаревъ произнесъ отвѣтную рѣчь. Говорилъ онъ удивительно хорошо, началъ спокойно, чеканя каждое слово, но на первыхъ же фразахъ дрогнуло въ горлѣ, и въ концѣ рѣчи звенѣли въ голосѣ слезы. Говорилъ, что нельзя судить по наружному виду, что полкъ тяжко боленъ и что при данныхъ условіяхъ, если не будутъ приняты Правительствомъ общія мѣры оздоровленія строевыхъ частей, онъ, командиръ полка, не можетъ отвѣчать за казаковъ, не исполняющихъ законныхъ распоряженій.

Въ Каменскую полкъ прибылъ 10-го декабря и былъ расквартированъ въ слѣдующемъ порядкѣ: штабъ полка и обозъ въ хуторѣ Стародумовскомъ, 1-я и 5-я сотни въ хуторѣ Диченскомъ, 4-я сотня и пулеметная команда въ хуторѣ Красномъ, 3-я сотня въ хуторѣ Погорѣломъ, 2-я сотня въ хуторѣ Мосоловѣ, команда связи въ хуторѣ Рычинѣ. Нѣкоторое время спустя, штабъ полка перебрался въ станицу Каменскую.

Состоялись выборы новаго полкового комитета, причемъ въ его составъ попали казаки, агитировавшіе противъ выгрузки въ Таганрогѣ.

Работы въ полку не было никакой, если не считать взвода при офицерѣ на станціи Каменской для препятствованія вывозу съѣстныхъ продуктовъ, запрещеннаго Донскимъ Правительствомъ. Послѣдній нарядъ казаки несли охотно, ибо при обыскахъ перепадало и имъ не только съѣстное, но часто и алкоголь, вообще запрещенный въ продажѣ.

Были разрѣшены отпуска. Много казаковъ разъѣхалось самовольно, увозя казенныя винтовки и снаряженіе.

Политическая обстановка быстро мѣнялась, ибо среди широкихъ круговъ рядового казачества начинало обозначаться стремленіе къ полному отказу отъ вооруженной борьбы съ большевиками.

Причинъ было много: сказывалась общая разоренность казачества надоѣвшей войной, притомъ проигранной, переоцѣнка казаками силъ революціонной Россіи, которую они представляли въ видѣ той многомилліонной солдатской массы, среди которой были вкраплены малыми частями всѣ 4 года войны, мягкая и неопредѣленная политика Войскового Правительства, не имѣвшаго органовъ исполнительной власти и полагавшаго, что все должно образоваться само собой, силами «демократіи» на мѣстахъ, подъ вліяніемъ бумажныхъ рѣшеній центра и словопреній не въ мѣру говорливыхъ дѣятелей Новочеркасска. Агитаторы усиленно проводили мысль, что если «трудо-

---

*) Произносили рѣчи и члены Круга. И эти рѣчи были не лучше. Одинъ изъ нихъ, старый, рослый и видный казакъ, повидимому, изъ служившихъ когда-то въ Гвардейской Казачьей бригадѣ, началъ словами: «Не забывайте, что мы потомки Пугачева и Разина»... Увы, для полка это вступленіе было только своеобразнымъ переложеніемъ постылой уже на фронтѣ формулы, которой неизмѣнно начинали рѣчь безчисленные комиссары Временнаго Правительства, пріѣзжавшіе для уговоровъ и лишь увеличивавшіе сумбуръ въ головахъ:

«Товарищи, обычно начинали они, я столько-то лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, или столько-то лѣтъ на каторгѣ»...

вое» казачество останется нейтральнымъ, то большевики его не тронутъ, ибо почитаютъ врагами лишь «нетрудовое» казачество, во главѣ съ Атаманомъ Калединымъ, защищающее россійскаго «буржуя» и не распускающее полки по домамъ.

Эта искусственная тенденція, на фонѣ общей утомленности и общей агитаціи, коя велась въ Россіи, съ первыхъ же дней революціи, противъ всего честнаго и вѣрнаго долгу передъ Родиной, имѣла успѣхъ.

Офицеры полка дѣлали все, что могли, дабы поддержать авторитетъ Атамана, однако, нейтральныя тенденціи особенно среди казаковъ, прибывшихъ на укомплекованіе послѣ революціи, ширились. Слишкомъ великъ былъ соблазнъ разъѣхаться по домамъ, которые были къ тому же такъ близко.

Нѣкоторые полки, приходившіе съ фронта завѣдомо деморализованными, распускались по домамъ, и невольно получался абсурдъ: долгожданный отдыхъ получали въ награду самыя революціонно-настроенныя части.

Въ Новочеркасскѣ, а затѣмъ въ Ростовѣ начала формироваться Добровольческая Армія, а Донское Правительство приступило къ формированію партизанскихъ отрядовъ, куда записывалась молодежь.

Среди рядовыхъ казаковъ шла агитація противъ этихъ отрядовъ, кои получили прозвище «кадетъ». Агитаторы говорили, что наличіе этихъ отрядовъ вовлечетъ «трудовое» казачество въ войну съ большевиками, почему отношеніе казачьей массы къ «кадетамъ» было враждебное.

Событія въ полку шли слѣдующимъ порядкомъ:

29 декабря командующій Каменскимъ раіономъ генералъ Савельевъ далъ полку боевую задачу выступить на ст. Миллерово и задержать наступающія большевистскія части.

Прибывъ на ст. Миллерево и не видя никакой активности среди большевиковъ, казаки послѣ нѣсколькихъ митинговъ вынесли категорическое постановленіе обратнаго ихъ увоза въ станицу Каменскую, обѣщая при этомъ, въ случаѣ дѣйствительнаго наступленія красныхъ и угрозы неприкосновенности донскихъ границъ, немедлено всѣмъ полкомъ выступить на защиту Дона.

30 декабря утромъ полкъ вернулся въ Каменскую въ болѣе деморализованомъ видѣ, нежели при выступленіи.

Одновременно съ Германскаго фронта прибыла 6-я сотня полка, несшая всю Великую войну службу при Гвардейской пѣхотѣ.

Будучи раздѣлены на мелкія единицы, казаки 6-й сотни тѣсно соприкасались съ солдатской массой и были распропагандированы, потерявъ всякую дисциплинированность.

31 декабря всѣ офицеры полка встрѣчали Новый Годъ въ штабѣ полка въ станицѣ Каменской. Общимъ собраніемъ офицеровъ было постановлено

организовать встрѣчу Новаго Года, наперекоръ событіямъ по старому распорядку. Въ помѣстительной комнатѣ былъ богато и нарядно накрытъ столъ. Въ сосѣднемъ помѣщеніи играли трубачи. Присутствовали генералъ Савельевъ и командиръ бригады генералъ П. Орловъ. Полковникъ Мишаревъ произнесъ слово, очень мрачное, и подъ конецъ рѣчи разрыдался. Онъ говорилъ что доблестнаго полка уже нѣтъ, и впереди, кромѣ черныхъ тучъ, ничего не видно. Генералъ Савельевъ утѣшалъ, какъ могъ, Александра Андреевича, сказалъ что у него растрепались нервы, и просилъ командира бригады отпустить полковника Мишарева въ отпускъ.

На слѣдующій день Александръ Андреевичъ Мишаревъ уѣхалъ въ отпускъ, а въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Василій Аврамьевичъ Дьяковъ.

Ушелъ скоро въ отставку командиръ бригады генералъ Орловъ.

Грядущій окончательный развалъ полка не представлялъ сомнѣній. Однако уѣхать офицеры не могли, ибо въ случаѣ ихъ самовольнаго отъѣзда развалъ полка наступилъ бы быстрѣе, причемъ былъ бы отнесенъ впослѣдствіи къ винѣ офицеровъ, покинувшихъ казаковъ. Офицеры вѣрили, что казачество рано или поздно опомнится и порядокъ наладится.

Поэтому рѣшено было оставаться до конца подъ своимъ штандартомъ, удерживая казаковъ хотя бы отъ враждебныхъ Новочеркасску выступленій.

8-го января (21) спѣшенныя части полка подъ командой полковника Дьякова были двинуты генераломъ Савельевымъ на ст. Ровеньки.

Казаки уже при остановкѣ дорогой, на какой-то станціи, вступили въ телефонные переговоры съ большевиками, занявшими ст. Колпаково. Начало не сулило ничего хорошаго.

По прибытіи въ Ровеньки, нашъ передовой отрядъ, подъ командою подъесаула С. Краснова, у ст. Щетово вступилъ въ перестрѣлку съ наступавшими большевиками. При первыхъ выстрѣлахъ казаки, бросивъ офицеровъ и пулеметы, поспѣшно отошли назадъ грузиться въ эшелонъ.

Подъесаулъ Красновъ, лично выпустивъ нѣсколько лентъ изъ пулемета, обратилъ красныхъ въ бѣгство и, вытащивъ и доставивъ съ помощью офицеровъ пулеметы, еле успѣлъ ихъ погрузить въ уже начавшій трогаться эшелонъ. Полковнику Дьякову съ трудомъ удалось остановить эшелонъ на ст. Ровеньки. Начался митингъ: казаки требовали отправки обратно въ Каменскую, и полковнику Дьякову съ большимъ трудомъ удалось задержать эшелонъ до утра, дабы забрать съ собою стоявшую на позиціи, бывшую съ нами, Донскую батарею. Сторожевое охраненіе ночью несли одни офицеры. На офицеровъ сыпались самыя дикія обвиненія. Наиболѣе гнуснымъ и оскорбительнымъ былъ выкрикъ: «Да чего съ ними воевать, кады пьяные офицеры подъ пулями ходятъ...» Нѣтъ надобности говорить, что душевное настроеніе офицеровъ и обстановка не допускала и мысли о спиртномъ, да его и не было. «Подъ пулями же ходилъ» подъесаулъ Красновъ, дабы подбодрить пулеметчиковъ и показать недѣйствительность неумѣлаго огня красныхъ бандъ.

Утромъ изъ Каменской прибылъ казакъ 1-й сотни Родимовъ, сообщив-

шій о переворотѣ въ Каменской и о томъ, что онъ назначенъ Революціоннымъ Комитетомъ временнымъ, до выборовъ, командиромъ полка.

На офицеровъ вновь посыпались упреки въ томъ, что они знали о переворотѣ ,но скрыли отъ казаковъ, такъ какъ хотѣли пролить «братскую кровь» и втравить казаковъ въ бой съ дружественными имъ красными.

Погрузивъ орудія батареи, эшелонъ двинулся, подъ водительствомъ казака Родимова и къ вечеру пришелъ въ Звѣрево. Здѣсь стояли три совершенно деморализованныя сотни 8-го полка. Комендантомъ же станціи оказался, увы, пресловутый Крюковъ, не принятый въ свое время офицерами въ полкъ.

Онъ потребовалъ ареста офицеровъ, какъ не признавшихъ выборнаго начала и Революціоннаго Комитета, и хотѣлъ отобрать оружіе.

Только путемъ компромисса (офицеры Лейбъ-Казачьяго полка согласились отдать оружіе лишь своимъ казакамъ) удалось извернуться.

Утромъ 11-го арестованные офицеры съ эшелономъ прибыли въ Каменскую.

На станціи путемъ переговоровъ съ казаками удалось не безъ труда получить обратно оружіе. Арестъ самъ собою прекратился и сотни со своими офицерами разошлись по хуторамъ *).

Что же произошло въ станицѣ Каменской?

Въ Каменской 10-го числа долженъ былъ состояться съѣздъ делегатовъ всѣхъ «фронтовиковъ» (т. е. казаковъ, прибывшихъ съ фронта Великой войны), и въ ожиданіи съѣзда самочинно возникъ Военно-Революціонный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго взводнаго урядника Гвардейской Донской батареи Федора Подтелкова.

Личность послѣдняго намъ была болѣе нежели хорошо извѣстна по службѣ въ Гвардейской бригадѣ. Произведенный въ подхорунжіе за Георгіевскіе кресты (замѣтимъ, что въ Гвардейской конницѣ, а въ особенности въ артиллеріи, кресты рядовымъ казакамъ раздавались недопустимо широко), очень самолюбивый и честолюбивый, недалекій, съ оттѣнкомъ упрямой тупости ,онъ въ началѣ революціи съѣздилъ въ Петроградъ, связался съ Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ ,начинился, какъ граммофонная пластинка, революціонными терминами: «свобода», «трудящіеся», «ножъ въ спину революціи» и т. д., участвовалъ во всѣхъ начинаніяхъ, направленныхъ противъ офицеровъ, главнымъ образомъ, на почвѣ старанія добиться дѣлежа денежнаго ящика батареи и разбазарить ея хозяйственные запасы. (Въ 1915 году

---

*) Въ тотъ же день въ Каменскую прибылъ одинъ изъ лучшихъ Донскихъ полковъ — славный 10-й, укомплектованный Гундоровцами, двинутый генераломъ Калединымъ для разгона и ареста членовъ съѣзда фронтовиковъ. По приходѣ въ Каменскую, на станціи казаки смѣшались съ казаками других полковъ, замитинговали, и 10-й полкъ перешелъ на сторону Ревкома.

По ироніи судьбы, именно караулъ 10-го полка, посланнаго для ареста Военно-Революціоннаго комитета, черезъ 4 дня арестовывалъ и доставлялъ въ Луганскую тюрьму штабъ и рядъ офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка, этого Революціоннаго Комитета не признавшихъ.

былъ эвакуированъ на Донъ и здѣсь долго болтался въ должности вахмистра команды эвакуированныхъ Черкасскаго округа, послѣ чего вернулся на фронтъ).

Кромѣ Подтелкова, въ число заправилъ разрухи въ ст. Каменской входили: фельдшеръ 14-го Донского казачьяго полка Лагутинъ (бывшій предсѣдатель казачьей секціи при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ, созданной большевиками еще въ періодъ ихъ пребыванія въ Смольномъ Институтѣ, въ качествѣ орудія для ликвидаціи контръ-революціоннаго Совѣта Союза Казачьихъ войскъ), Кривошлыковъ (уже извѣстный на Дону своими большевистскими выступленіями, произведенный во время революціи въ прапорщики изъ юнкеровъ Новочеркасскаго Училища), Стехинъ, Кудиновъ, Кривушевъ (казаки-большевики).

Присутствовали въ дальнѣйшемъ на съѣздѣ и иногородніе, при этомъ не только мѣстные жители, вродѣ большевика портного Щаденко, но и прибывшіе изъ Воронежа члены тамошняго большевистскаго Ревкома, во главѣ съ ростовскимъ студентомъ большевикомъ Сырцовымъ.

Присутствовалъ и прибывшій изъ Москвы, за нѣсколько дней до съѣзда, товарищъ Мандельштамъ (старый партійный борецъ), причемъ наличіе послѣдняго давало всѣ основанія полагать, что Подтелковъ и небольшая относительно горсть казаковъ его окружавшая являются подставными лицами большевистскихъ верховъ.

Въ составъ первоначальнаго Революціоннаго Комитета вошли и делегаты, избранные Лейбъ-Казаками на фронтовый съѣздъ: казакъ 1-й сотни Родимовъ (средній казакъ, не пользовавшійся большимъ авторитетомъ среди казаковъ), казакъ 3-й сотни Кривушевъ (изъ состава пополненія, полученнаго изъ 18-й запасной сотни въ сентябрѣ — явный большевикъ) и подхорунжій Кумсковъ, твердый и крѣпкій взводный урядникъ (было вошедшій въ составъ Комитета для отстаиванія идеи мирнаго улаживанія отношеній съ Донскимъ Атаманомъ и Правительствомъ).

Въ ночь на 10 января въ штабъ полка пришелъ сохранившій привязанность къ офицерамъ подхорунжій Кумсковъ и предупредилъ находившихся въ помѣщеніи штабъ-офицеровъ, полковниковъ В. Фарафонова и И. Оприца, о захватѣ власти въ станицѣ Революціоннымъ Комитетомъ, о захватѣ почты и телеграфа и о намѣреніи арестовать генерала Савельева и окружнаго атамана.

Если бы было возможно немедленно собрать полусотню крѣпкихъ казаковъ, твердо преданныхъ Кругу и Донскому Атаману, то легко можно было бы ликвидировать самочинный комитетъ, но такой полусотни нельзя было набрать не только изъ коноводовъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка, оставшихся по уходѣ полка на позицію, но и изъ состава всѣхъ полковъ гарнизона станицы Каменской. Да и кромѣ того, даже при удачѣ разгона, все же оставалось налицо и даже обострилось бы главное зло: нежеланіе казаковъ бороться съ большевизмомъ и временное массовое помѣшательство идеей «трудового казачества» съ нейтралитетомъ, какъ средствомъ избѣжать гражданской войны.

Поэтому, названнымъ штабъ-офицерамъ не оставалось ничего дѣлать,

какъ немедленно предупредить генерала Савельева о случившемся, что и было выполнено.

Ложась спать, полковникъ Фарафоновъ аккуратно сложилъ, какъ обычно, на стулъ возлѣ изголовья кровати платье и бѣлье, а сверху, такъ же аккуратно, положилъ двѣ ручныя гранаты, поставивъ ихъ на боевой взводъ.

Мелочь характеризующая настроеніе офицеровъ.

---

10 января состоялось засѣданіе съѣзда фронтовиковъ.

Присутствовали, главнымъ образомъ, делегаты полковъ Донецкаго округа, полки другихъ округовъ почти не были представлены. Присутствовали делегаціи иногороднихъ, о коихъ говорилось выше. Подавляющее большинство казаковъ-делегатовъ стояло за мирное улаживаніе отношеній, какъ съ Донскимъ Правительствомъ, такъ и съ большевиками, лишь бы избѣжать войны.

Однако, рѣчи большевиковъ, а главное — оглашеніе Подтелковымъ якобы перехваченнаго приказа Атамана Каледина объ арестѣ членовъ съѣзда накалило атмосферу ,и съѣздъ постановилъ избрать Революціонный Комитетъ, коему и передать власть для борьбы съ Новочеркасскомъ *).

Предсѣдателемъ Ревкома былъ избранъ Подтелковъ, секретаремъ Кривошлыковъ, членами казаки преимущественно большевистскихъ воззрѣній (отъ Лейбъ-Казачьяго полка попалъ въ члены Кривушевъ).

---

*) Антоновъ-Овсѣенко, назначенный еще 8-го (н. ст.) декабря 1918 г. Ленинымъ комиссаромъ по борьбѣ съ контръ-революціей и командовавшій краснымъ фронтомъ противъ Каледина, въ своихъ «Запискахъ о Гражданской войнѣ», изд. ВВРС, 1928 г., стр. 199 и 200, пишетъ:

...«Подъ предсѣдательствомъ Подтелкова, съѣздъ протекалъ въ боевомъ, но неопредѣленномъ настроеніи. Лишь небольшая горсть казаковъ, связанныхъ съ большевиками, пыталась направить съѣздъ къ боевымъ дѣйствіямъ»...

...«Делегаты отъ полковъ стремились мирно поладить и съ большевиками, и съ Правительствомъ Каледина, избѣгнувъ Гражданской войны. Къ большей решительности подвинуло съѣздъ оглашеніе перехваченнаго приказа Каледина объ арестѣ участниковъ. Тутъ делегаты поняли, что отъ борьбы не уйти. Предложеніе горсти большевиковъ были приняты подавляющимъ большинствомъ»...

...«Въ первые же дни обнаружилась неустойчивость этого казачьяго Ревкома. Связь его съ большевиками вызвала открытое недовольство среди многихъ казаковъ. Делегаты 10-го полка и другіе станичники требовали удаленія товарищей Сырцова и другихъ не-казаковъ изъ станицы Каменской, и товарищи принуждены были перейти на нелегальное положеніе. Казачій Ревкомъ, дорожившій ихъ совѣтами, всячески пряталъ отъ казачьихъ массъ свои сношенія съ большевиками»...

11-го января съ фронта прибыли спѣшенныя части полка и помѣщеніе штаба полка заполнилось офицерами. Было рѣшено не признавать ни революціоннаго комитета, ни выборнаго начала въ полку.

12-го января должны были состояться выборы ком. состава въ сотняхъ и командахъ полка.

Въ 1-ой, 5-ой сотняхъ и пулеметной командѣ были избраны прежніе командиры есаулъ Поздѣевъ, есаулъ Я. Рыковскій и подъесаулъ С. Красновъ. Всѣ трое отказались, и вопросъ объ ихъ замѣщеніи повисъ въ воздухѣ.

Во 2-ой, 3-ей и 4-ой сотняхъ выборы не производились и этимъ путемъ казаки молча санкціонировали оставленіе на мѣстахъ прежнихъ командировъ.

Въ обозѣ (нестроевая команда) казаки прямо просили начальника обоза хорунжаго Н. П. Ефремова не оставлять ихъ.

Во всѣхъ сотняхъ казаки настаивали на признаніи рев. комитета.

Въ тотъ же день въ штабѣ полка было получено «распоряженіе» назначеннаго рев. комитетомъ временнымъ командиромъ полка, казака Родимова о назначеніи на 13 января выборовъ команднаго состава путемъ митинга всего полка ,причемъ всѣмъ офицерамъ и казакамъ предписывалось прибыть 13-го на поляну, что у моста ведущаго въ станицу Каменскую.

По настоянію полковника Оприца, въ Новочеркасскъ, для доклада генералу Каледину объ истинномъ настроеніи казаковъ строевыхъ частей въ станицѣ Каменской, были срочно командированы подъесаулъ С. Красновъ и хор. Ляховъ.

Немедленный роспускъ полковъ по домамъ, въ надеждѣ, что соприкосновеніе со своими станицами вызоветъ необходимый переломъ въ настроеніи, представлялся единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Офицерами, во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Дьяковымъ, было принято рѣшеніе на митингъ не ходить и Революціоннаго комитета не признавать, отъ прямыхъ отвѣтовъ на этотъ послѣдній вопросъ, дабы не усиливать возбужденія казаковъ, пока уклоняться, упирая на твердый и категорическій отказъ признать выборное начало въ командномъ отношеніи.

Разсчетъ былъ простъ и вѣренъ: ни Родимовъ, ни Кривушевъ авторитетомъ не пользовались, и выдвиженіе ихъ казаками ясно показывало, что въ данное время въ полку нѣтъ сильнаго «главаря», и что, слѣдовательно, казаки, оставшись безъ офицеровъ, пойдутъ на переговоры.

Переговорами можно было бы выиграть время и хотя бы добиться нейтралитета въ отношенiи Революцiоннаго Комитета, что являлось уже крупной услугой Атаману и Правительству.

Широкiе отпуска довершили бы временную ликвидацiю полка.

Предположенiямъ этимъ, однако, не суждено было осуществиться.

Одновременно съ митингомъ, законный командиръ полка, полковникъ Дьяковъ, собралъ всѣхъ офицеровъ въ штабъ полка.

Командиръ 2-ой сотни есаулъ Алфераки, очень хорошiй строевой и боевой офицеръ полка, мягкiй по характеру, исключительно попечительный о казакѣ командиръ сотни и потому пользовавшiйся среди своихъ казаковъ вѣсомъ, выѣхавъ изъ расположенiя сотни въ штабъ, встрѣтилъ казаковъ своей сотни, шедшихъ на митингъ, и не могъ отказать ихъ просьбамъ идти съ ними. Въ исполненiе приказанiя Родимова, казаки шли на митингъ при оружiи, мѣсто митинга было выбрано не центральное по отношенiю къ расположенiю полка, а близкое къ штабу полка, что давало есаулу Алфераки основанiе полагать наличiе провокацiи, и онъ рѣшилъ своимъ присутствiемъ пресѣчь возможные эксцессы. Кромѣ есаула Алфераки, на митингѣ оказался хорунжiй Савинъ (бывшiй очень хорошiй взводный урядникъ 2-й сотни, командированный въ Германскую войну въ Новочеркасское Военное Училище, по окончанiи коего былъ выпущенъ во 2-ой Донской полкъ и командированъ въ 18-ю запасную сотню въ ст. Каменскую, гдѣ и находился).

Для сообщенiя казакамъ рѣшенiя офицеровъ полковникъ Дьяковъ командировалъ на митингъ полкового адъютанта сотника П. Н. Кутейникова. Сотникъ Кутейниковъ объяснилъ казакамъ, что офицеры на митингъ не придутъ, ибо не признаютъ выборнаго начала въ полку, считая его вреднымъ и пагубнымъ, и просятъ ихъ не выбирать. Препятствовать выборамъ не могутъ и не будутъ.

Часть казаковъ была въ возбужденномъ состоянiи.

Послышались рѣчи на тему о непризнанiи офицерами «трудовой казачьей власти», и настроенiе стало нагрѣваться.

Офицеровъ упрекали въ томъ, что они бросаютъ казаковъ въ трудную минуту.

Есаулъ Алфераки успокоилъ, какъ могъ, возбужденiе, и было приступлено къ выборамъ.

Были выбраны: командиромъ полка — есаулъ Алфераки.

Помощниками командира полка по хозяйственной части — полковникъ Оприцъ.

Адъютантомъ — хорунжiй Савинъ.

Выборы командировъ сотенъ и взводныхъ офицеровъ переданы въ сотенные комитеты.

Есаулъ Алфераки и хорунжiй Савинъ выбраны, какъ прибывшiе на митингъ. Полковникъ Оприцъ былъ выбранъ послѣ горячей рѣчи старшаго хо-

зяйственнаго писаря Тарарина, избраннаго *) тутъ же дѣлопроизводителемъ.

Есаулъ Алфераки послалъ хорунжаго Савина доложить командиру полка полковнику Дьякову обстановку и передать полковнику Оприцу записку съ просьбой немедленно прiѣхать.

Полковникъ Дьяковъ ознакомилъ офицеровъ съ создавшимся положенiемъ. Полковникъ Оприцъ остался при рѣшенiи не принимать выборной должности, и было рѣшено, что онъ самъ передастъ отказъ. Было также принято рѣшенiе офицерамъ, въ случаѣ ихъ выбора, не отказываться, нс соглашаться на срокъ, или съ оговорками, дабы, пользуясь новымъ положенiемъ, удержать своихъ казаковъ отъ неосторожныхъ шаговъ.

Полковникъ Оприцъ, выѣхавъ на митингъ, засталъ уже болѣе ровное настроенiе. Отказъ свой передалъ въ спокойныхъ тонахъ, мотивировавъ нежеланiе занимать выборную должность при существующихъ настроенiяхъ и броженiяхъ въ полку, когда приказанiй выборнаго начальника все равно никто исполнять не будетъ.

Между тѣмъ, событiя быстро назрѣвали.

13/16-го въ Каменскую прибыла депутацiя Войскового Круга *) въ составѣ председателя П. Агѣева, членовъ Карева, Уланова и Свѣтозарова для переговоровъ съ Революцiоннымъ Комитетомъ.

Прибывшiе изложили проектъ перевыборовъ Круга съ соблюденiемъ всѣхъ правилъ требуемыхъ «революцiонно-демократическимъ» ритуаломъ, съ предоставленiемъ избирательныхъ правъ иногороднимъ, соглашались на посылку делегацiи для переговоровъ съ большевиками, но категорически требовали недопуска въ Область большевистскихъ бандъ и роспуска Каменскаго Ревкома.

Ясно, что договориться на указанной почвѣ съ Каменскимъ Революцiоннымъ Комитетомъ не представлялось возможнымъ. Хотя большинство «трудового казачества», бродившее и митинговавшее нестройной массой, не желало вторженiя въ Область большевистскихъ бандъ (считая, кстати сказать,

---

*) По воспоминанiямъ хор. С. Савина, присутствовавшаго на митингѣ, въ данномъ случаѣ играло желанiе казаковъ сохранить въ возглавлеiни полка одного изъ штабъ-офицеровъ, хорошо знакомыхъ по многолѣтней службѣ въ полку и ими, несмотря на расхожденiе во взглядахъ, уважаемыхъ.

*) Интересно мнѣнiе Антоноа-Овсѣенко, находившагося въ контактѣ съ большевиками, командированными въ ст. Каменскую и вмѣстѣ съ ними поддерживавшаго казачiй Ревкомъ, въ осуществленiе выработаннаго сообща съ первыми плана (стр. 207) ...«удушенiя Калединовщины руками казаковъ»...

На стр. 201 своихъ «Записокъ» Антоновъ говоритъ: «Большинство членовъ казачьяго Ревкома весьма недружелюбно относилось къ притязанiямъ иногороднихъ на общiй раздѣлъ Донской земли и не собиралось кончать съ казачьими привиллегiями... Правительство Каледина не сумѣло использовать этихъ настроенiй и, обнаруживая свое безсилiе, вслѣдъ за приказомъ объ арестѣ рѣшило послать делегацiю для переговоровъ...

и свой «нейтралитетъ» средствомъ вторженія избѣжать), меньшинство, объединенное въ Революціонномъ Комитетѣ и захватившее тамъ почти всѣ голоса, смотрѣло иначе.

Это меньшинство состояло изъ казаковъ, либо считавшихъ приходъ россійскихъ большевиковъ неизбѣжнымъ (Смирновъ и Голубовъ), либо изъ личныхъ карьерныхъ соображеній этотъ приходъ желавшихъ и готовившихъ (Кривошлыковъ, Кривушевъ, Лагутинъ, Кудиновъ и Стехинъ).

Вмѣсто того, чтобы на мѣстѣ выяснить, кого же представляетъ Революціонный Комитетъ, и хотя бы попытаться связаться съ казачьей массой черезъ головы Комитета, прибывшая делегація вела праздные переговоры и, что много хуже, предложила Революціонному Комитету командировать делегацію въ Новочеркасскъ.

Въ особенности скверную роль сыгралъ председатель Круга П. Агѣевъ, своими рѣчами внушившій Каменскимъ казакамъ увѣренность, что делегація Революціоннаго Комитета сговорится въ Новочеркасскѣ съ Войсковымъ Кругомъ. . . «готовымъ идти на самыя широкія уступки»...

Этимъ, и именно въ рѣшающіе дни, былъ искусственно поднятъ въ средѣ каменской казачьей толпы авторитетъ полусамочинно возникшаго Революціоннаго Комитета.

Въ глазахъ рядового казака Подтелковъ не только былъ теперь признанъ Новочеркасскомъ, но «вырвалъ» обѣщаніе въ принятіи какого-то «рѣшенія», способнаго ликвидировать вопросъ.

Положеніе офицерства, сторонниковъ Атамана Каледина, поддерживавшихъ законную власть и остерегавшихъ казаковъ противъ Подтелкова и состава Революціоннаго Комитета, стало невозможнымъ.

(Кромѣ того, Подтелковъ, прибывъ 14-го въ Новочеркасскъ, получилъ возможность на запоздалый вопросъ Атамана Каледина, кого онъ представляетъ, дать отвѣтъ съ перечисленіемъ свыше десятка полковъ и батарей, довѣріемъ коихъ фактически Революціонный Комитетъ не располагалъ, что ясно выявилось въ слѣдующіе дни при ударѣ по Каменской станицѣ горсти партизанъ Чернецова).

14-го делегація Революціоннаго Комитета вела переговоры съ Атаманомъ и Правительствомъ. Делегація потребовала передачи всей власти Ревкому впредь до организаціи «трудовой народной власти» и немедленнаго роспуска партизанскихъ отрядовъ.

Донское Правительство предложило перевыборы къ 4 февраля депутатовъ Войскового Круга при полной свободѣ выборовъ на началахъ четырехвостки, съ одновременнымъ созывомъ съѣзда депутатовъ отъ иногородняго населенія, но настаивало на роспускѣ Революціоннаго Комитета и на своемъ намѣреніи продолжать всемѣрную борьбу съ вторгающимися въ Область большевистскими отрядами.

Сговора быть явно не могло, однако еще на сутки Подтелковъ былъ задержанъ въ Новочеркасскѣ. Одновременно полковникъ Чернецовъ со своими партизанами началъ наступленіе на Звѣрево-Лихую.

Революціонный Комитетъ былъ охваченъ паникой. Уже при отправкѣ делегаціи въ Новочеркасскъ было вынесено постановленіе объ арестѣ стар-

шихъ офицеровъ въ гарнизонѣ, какъ заложниковъ, и по станицѣ начались аресты офицеровъ.

15-го утромъ въ штабѣ полка собрался полковой комитетъ подъ предсѣдательствомъ казака Родимова, пришедшій выяснить отношенія съ офицерами.

Разговоры шли въ столовой, велись въ спокойномъ тонѣ, но носили нудный характеръ повторенія все тѣхъ же вопросовъ и отвѣтовъ о причинахъ непризнанія офицерами «трудовой казачьей власти», «выборнаго начала» и т. д. Офицеры въ безконечный разъ объясняли несовмѣстимость казачества съ большевистской властью, неизбѣжной преемницы «трудовой казачьей», возглавляемой Подтелковымъ.

Около 12 часовъ въ комнату вошли два солдата съ винтовками: первый — вольноопредѣляющійся Кирилловъ (уроженецъ Крыма), второй — Щаденко (иногородній Каменской станицы), отрекомендовавшіеся комиссарами Революціоннаго Комитета. Всѣ выходы были заняты казаками 6-й сотни при винтовкахъ съ примкнутыми штыками. Прибывшіе объявили находящихся въ помѣщеніи офицеровъ арестованными, кромѣ полковника Оприца, какъ выбраннаго казаками. Полковникъ Оприцъ заявилъ о своей полной солидарности съ арестованными офицерами и нежеланіи оставаться съ «революціонными» казаками полка, послѣ чего былъ арестованъ. На требованіе отдать шашку полковникъ Оприцъ сломалъ ее о колѣно.

Казаки полкового комитета имѣли смущенный видъ и нѣкоторые даже участливо помогали офицерамъ укладывать вещи, кои брались съ собою. Кто-то изъ казаковъ смущенно предложилъ идти въ Революціонный Комитетъ, дабы выяснить, въ чемъ дѣло, и арестованные, подъ конвоемъ казаковъ 6-й сотни, въ сопровожденіи двухъ казаковъ полкового комитета, отправились въ Революціонный Комитетъ.

Въ Революціонномъ Комитетѣ царила паника и неразбериха. Циркулировали слухи, что Подтелковъ и делегація не задержаны, а арестованы въ Новочеркасскѣ. Какъ потомъ выяснилось, въ этотъ моментъ полковникъ Черневовъ развивалъ наступленіе на Звѣрево, полки же Каменскаго гарнизона разсыпались — часть казаковъ разъѣзжалась по домамъ, остальные митинговали, рѣшая вопросъ слѣдуетъ ли имъ поддержать Революціонный Комитетъ или нѣтъ.

По распоряженію кого-то изъ Революціоннаго Комитета, арестованные были отведены подъ конвоемъ на станцію, гдѣ посажены въ теплушку, въ коей уже сидѣли 10 штабъ- и оберъ-офицеровъ изъ администраціи станицы, во главѣ съ командиромъ 10-го полка полковникомъ Краснянскимъ.

Вскорѣ на станцію прибылъ полковой комитетъ, обратившійся къ полковнику Оприцу съ предложеніемъ остаться.

Суета на станціи явно говорила о какомъ-то неуспѣхѣ на красномъ фронтѣ. Представлялось необходимымъ выиграть время, почему полковникъ Оприцъ согласился, поставивъ условіемъ и освобожденіе остальныхъ арестованныхъ офицеровъ, подъ предлогомъ необходимости сдачи ими дѣлъ.

Послѣ короткой торговли и переговоровъ комитета съ комиссарами были выпущены изъ теплушки ком. полка полк. Дьяковъ, полковники Фарафоновъ и Оприцъ и казначей подъесаулъ Боковъ.

Указанные четыре офицера вмѣстѣ съ полковымъ комитетомъ, уже безъ конвоя, отправились въ штабъ полка, гдѣ снова начались нудные разговоры о «трудовой казачьей власти», причемъ уже прежней увѣренности въ своей правотѣ въ доводахъ казаковъ не чувствовалось: прибытіе на станцію Каменскую большевистскихъ бандъ Воронежскаго ревкома явно дѣйствовало нѣсколько отрезвляюще.

Къ вечеру штабъ полка былъ снова оцѣпленъ, но на этотъ разъ это былъ караулъ при урядникѣ отъ 10-го полка, коими распоряжался комиссаръ Ревкома Кирилловъ.

Указанные штабъ-офицеры были снова арестованы, отведены въ теплушку, которую вмѣстѣ съ вагономъ караула прицѣпили къ отходящему на Миллерово эшелону какой-то красноармейской банды, разбитой Чернецовымъ у Звѣрева.

Такимъ образомъ, 15-го января были арестованы и увезены слѣдующіе офицеры:

Командиръ полка полковникъ В. А. Дьяковъ, помощники командира полка полковникъ Фарафоновъ и полковникъ Оприцъ, адъютантъ есаулъ В. Чеботаревъ, казначей подъесаулъ Боковъ, командиръ 6-й сотни есаулъ М. Чеботаревъ, есаулъ Болдыревъ, подъесаулы Пашковъ, Агафоновъ, Персидскій и сотникъ Грековъ; всего 11 штабъ и оберъ-офицеровъ, представлявшіе собою весь штабъ полка и нѣсколько случайно бывшихъ въ помѣщеніи штаба младшихъ офицеровъ.

Какъ сказано выше, Военно-Революціонный Комитетъ 15-го былъ охваченъ паникой. Чернецовъ лихимъ ударомъ выбилъ изъ Звѣрево продвинувшіяся было туда банды воронежскаго Ревкома, кои погрузились въ эшелоны и откатились на Миллерево. «Приказъ» Ревкома о выступленіи на фронтъ всѣхъ частей Каменскаго гарнизона былъ встрѣченъ казаками холодно. Большая часть разъѣзжалась по домамъ, одиночнымъ порядкомъ, увозя съ собой винтовки ;меньшая часть оставалась, но митинговала. Та же картина была и въ остаткахъ Лейбъ-Казачьяго полка. Агитація бывшаго вахмистра полка Смирнова (произведеннаго въ Германскую войну въ офицеры въ 8-й полкъ, а нынѣ начальника штаба командующаго вооруженными силами Ревкома Герасимова) имѣла слѣдствіемъ рѣшеніе оставшихся въ полку казаковъ выступить на «фронтъ» 15-го утромъ. Однако шли казаки безъ подъема.

Четыре *) изъ оставшихся офицеровъ полка пошли съ казаками съ намѣреніемъ либо удержать ихъ отъ боя съ партизанами, либо перейти на сторону Чернецова.

Какъ только на горизонтѣ показалась рѣденькая цѣпочка партизанъ, есаулъ Алфераки сѣлъ на лошадь и поѣхалъ навстрѣчу наступавшимъ, несмотря на открытый ими огонь, и, прибывъ къ Чернецову объяснилъ сло-

*) Есаулъ Алфераки, подъесаулъ герцогъ Лейхтенбергскій, подъесаулъ Сергѣй Кутейниковъ и хорунжій Иловайскій.

жившееся положеніе вещей. Тѣмъ временемъ офицерамъ удалось увлечь казаковъ обратно въ станицу. Благодаря этимъ офицерамъ, Лейбъ-Казачій полкъ не произвелъ ни одного выстрѣла по партизанамъ Чернецова.

Старанія Ревкома собрать и организовать защиту Каменской ни къ чему не привели. Полки, сотни и батареи, отъ имени коихъ позавчера Подтелковъ гордо выступалъ въ Новочеркасскѣ, объявляли «нейтралитетъ» и разсыпались. Достаточно было короткаго удара горсти партизанъ, чтобы выявить истинное положеніе вещей: никакимъ довѣріемъ въ массѣ казачества Революціонный Комитетъ не пользовался.

Кое-что удалось собрать войск. старш. Голубову изъ остатковъ 10-го, 27-го и 44-го полковъ, но и здѣсь играло роль не довѣріе къ Революціонному Комитету, а то обстоятельство, что эти полки комплектовались Гундоровцами и Луганцами — станицъ, лежавшихъ въ ближайшей полосѣ краснаго наступленія и слѣдовательно опасавшихся немедленныхъ репрессій. Кромѣ того, этимъ казакамъ отчасти импонировала личность Голубова, котораго знали по прежней службѣ въ 27-мъ полку.

Однако, и собранные Голубовымъ казаки, послѣ небольшой перестрѣлки съ партизанами, быстро откатились на Глубокую, гдѣ Голубовъ образовалъ изъ нихъ «Сѣверный казачій отрядъ», силою въ нѣсколько сборныхъ сотенъ при орудіяхъ 14-ой Донской казачьей батареи.

Большевистскій главкомъ Антоновъ-Овсѣенко на стр. 235 своихъ «Записокъ» говоритъ:

...«Мобилизація, проводимая Донскимъ Ревкомомъ, проходила малоуспѣшно, сказывалось нежеланіе казачества воевать...

...Были приняты (мною) мѣры для скорѣйшаго вывода съ фронта болѣе или менѣе революціонныхъ казачьихъ частей. Но почти всѣ казачьи части сохранили во главѣ контръ-революціонное офицерство, и оно сумѣло такъ настроить фронтовые полки, что тѣ недовѣрчиво относились къ намъ и старались прорваться на Донъ, безъ предварительнаго сговора съ нами»...

17-го утромъ отрядъ полковника Чернецова вступилъ въ станицу Каменскую.

Идеѣ «трудового казачества», представлявшей попытку разслоить казачество по соціальному признаку, былъ полковникомъ Чернецовымъ нанесенъ смертельный ударъ.

Однако, поднять казака на борьбу съ большевиками еще нельзя было, и лишь два мѣсяца господства большевиковъ на Дону дали рядовому казаку нужный для тяжелой борьбы подъемъ.

Генералъ Усачевъ, назначенный командующимъ войсками Каменскаго раіона согласно приказу Атамана Каледина, отдалъ приказаніе распустить Каменскій гарнизонъ и въ томъ числѣ Гвардейскую казачью бригаду, впредь до сформированія ея на новыхъ началахъ, причемъ штандартъ, денежный ящикъ и огнестрѣльное оружіе Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка должно было быть сдано прежнему командному составу.

Узнавъ, что часть офицеровъ полка, арестованныхъ наканунѣ прихода партизанъ, увезена большевиками на ст. Миллерово, полковникъ Чернецовъ послалъ большевикамъ телеграмму съ требованіемъ въ указанный срокъ освободить заложниковъ, грозя разстрѣлять мѣстныхъ большевиковъ, имъ захваченныхъ. Но телеграмма успѣха не имѣла. Тогда было приказано временно вступить въ командованіе полкомъ есаулу Поздѣеву. Помощникомъ по строевой части былъ назначенъ есаулъ Я. Рыковскій, по хозяйственной — есаулъ Алфераки, командирами сотенъ: 1-ой — подъес. Ф. Ф. Рыковскій, 2-ой — подъес. С. С. Кутейниковъ, 3-й — хорунжій И. Д. Иловайскій, 4-ой — сотникъ П. Н .Кутейниковъ, 5-ой — есаулъ Я. Рыковскій, и пулеметной помандой — подъесаулъ Б. Дубенцевъ. Всѣ офицеры полка съѣхались въ ст. Каменскую, обазовавъ взводъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка въ составѣ 14 человѣкъ *). 6-я сотня, принимавшая такое дѣятельное участіе въ послѣднихъ событіяхъ въ ночь прихода партизанъ, разъѣхалась по станицамъ. Въ недѣльный срокъ всѣ оставшіеся въ полку казаки были уволены въ отпускъ съ лошадьми и оружіемъ. Все казенное имущество — цейхгаузы, обозъ и части огнестрѣльнаго оружія были сданы въ Каменскій арсеналъ, обозныя лошади въ отдѣленіе конскаго запаса. Къ офицерскимъ лошадямъ были наняты австрійцы-военноплѣнные.

Полковой штандартъ и денежный ящикъ находились при 2-й сотнѣ, которая была расположена въ полосѣ заставъ красной арміи, дѣйствовавшей противъ отряда полковника Чернецова. Дабы избѣжать возможности захвата ихъ красными, казаки 2-й сотни объявили нейтралитетъ и приставили къ штандарту и денежному ящику караулъ. Передъ офицерами полка стояла задача спасти штандартъ и ящикъ, для чего нужно было изъять ихъ изъ рукъ 2-й сотни и доставить въ расположеніе штаба полка. Эту задачу, при содѣйствіи вѣрныхъ казаковъ, успѣшно выполнили есаулъ Поздѣевъ, есаулъ Алфераки, подъесаулъ Дубенцевъ, писарь Гладковъ. Каждый день шли бои на передовыхъ линіяхъ. 26-го января въ 10 часовъ утра четыре большевистскихъ паровоза съ платформами, на которыхъ были поставлены орудія, подошли къ станицѣ Каменской и начали обстрѣливать станицу. Отъ партизанъ вышелъ свой паровозъ съ артиллеріей и первымъ снарядомъ подбилъ четвертый паровозъ красныхъ, послѣ чего большевики быстро удалились. Воспользовавшись этимъ моментомъ, есаулъ Поздѣевъ съ вышеуказанными офицерами, на парной повозкѣ, выѣхалъ въ расположеніе 2-й сотни. Всѣ офицеры были вооружены винтовками. Повозкой правилъ плѣнный австріецъ. Послѣ долгихъ блужданій офицеры, наконецъ, къ 11 часу вечера добрались до расположенія 2-й сотни и попали на квартиру подъесаула Кутейникова и прапорщика Меркулова, гдѣ собралось и нѣсколько старыхъ казаковъ. Тамъ не спали, и шла бесѣда подъ цымлянское вино. Офицеры были встрѣчены радушно, и очень скоро есаулу Поздѣеву удалось получить денежный ящикъ. Въ присутствіи комиссіи, онъ былъ вскрытъ, и деньги пересчитаны.

*) Поздѣевъ, Алфераки, Я. Рыковскій, Плеве, Лейхтенбергскій, Б. Дубенцевъ, Ф. Рыковскій 2-й, С. Чекуновъ 2-й, Б. Чеботаревъ, С. Кутейниковъ 2-й, Иловайскій, Н. П. Ефремовъ и Кутейниковъ 1-й.

Послѣ этого есаулъ Поздѣевъ выдалъ жалованье 2-й сотнѣ, взялъ всѣ суммы, распредѣливъ ихъ для носки между пріѣхавшими съ нимъ офицерами. Когда операція выема денегъ была закончена, пустой ущикъ положили на повозку, и офицеры отправились обратно, причемъ повозка была отправлена по дорогѣ, а офицеры съ деньгами пошли напрямикъ пѣшкомъ; станица Каменская была залита электричествомъ, и потому не трудно было оріентироваться. Въ 7 часовъ утра всѣ благополучно вернулись къ Каменскую.

Что же касается полкового штандарта, то подъесаулъ Кутейниковъ и казаки Черкасскаго округа обязались привезти его утромъ на слѣдующій день въ штабъ полка: и дѣйствительно, въ 10 часовъ утра на подводѣ прибыли подъесаулъ Сергѣй Кутейниковъ, хорунжій Савинъ и подхорунжій Фарапоновъ, привезшіе штандартъ. Такъ какъ бои на фронтѣ складывались не въ пользу партизанъ, есаулъ Поздѣевъ приказалъ сотнику Кутейникову съ хорунжимъ Иловайскимъ и подхорунжимъ Фарапоновымъ, подъ конвоемъ 16-ти казаковъ Черкасскаго округа отвезти штандартъ въ Новочеркасскъ; оттуда штандартъ былъ вывезенъ въ ст. Манычскую, гдѣ и поставленъ въ церковь.

Между тѣмъ, обстановка на фронтѣ складывалась крайне неблагопріятно для анти-большевистскихъ силъ. Въ тылъ отряду полковника Чернецова, дѣйствовавшаго съ отрядомъ въ 120 партизанъ въ раіонѣ станицу Глубокой, начали дѣйствовать казачьи части Сѣвернаго казачьяго отряда войск. старш. Голубова.

21 января отрядъ партизанъ съ Чернецовымъ во главѣ былъ окруженъ казаками и взятъ въ плѣнъ, причемъ полковникъ Чернецовъ былъ зарубленъ лично Подтелковымъ *).

Къ станціи Чертково начали подходить крупныя большевистскія силы.

Когда угроза окруженія станицы Каменской стала очевидной, генералъ Усачевъ отдалъ негласный приказъ оставить Каменскую и, пользуясь безпорядкомъ въ расположеніи частей противника, разсасываться мелкими партіями въ сторону Новочеркасска. 28 января Каменская была вновь занята красными. Оставшіеся въ станицѣ офицеры полка присоединились къ отряду есаула Лазарева и ,покинувъ Каменскую, черезъ хуторъ Богдановъ,

---

*) Обстоятельства, при коихъ полковникъ Чернецовъ попалъ въ плѣнъ, въ настоящее время мало выяснены.

Нѣкоторый свѣтъ проливаетъ послѣднее письмо Чернецова, посланное имъ генералу Усачеву въ станицу Каменскую, опубликованное въ «Донской Лѣтописи» № 2, стр. 326: «1918 г. 21 января, я, Чернецовъ, вмѣстѣ съ отрядомъ взятъ въ плѣнъ. Во избѣжаніе совершенно ненужнаго кровопролитія прошу васъ не наступать. Отъ самосуда мы гарантированы словомъ всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковникъ Чернецовъ».

Беззавѣтно смѣлый и храбрый полковникъ Чернецовъ до настоящаго времени сражался лишь съ красноармейскими частями, и боевая встрѣча съ казаками ему, казаку, была тяжела. Желая избѣжать, повидимому, лишняго междоусобнаго кровопролитія онъ первый разъ въ жизни пошелъ на переговоры, повѣрилъ слову... и заплатилъ за свое благородство головой.

Мокрый Логъ, Трифоновъ, Садки, Мелеховскую — прибыли 2-го февраля въ Новочеркасскъ.

Здѣсь денежный ящикъ былъ сданъ ими въ Государственный Банкъ*).

Такъ закончилось въ станицѣ Каменской существованіе стараго Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка, отъ коего нынѣ остался лишь составъ офицеровъ, при штандартѣ, вещи полкового цейхгауза, сложенныя въ арсеналѣ станицы Каменской, полковыя регаліи и предметы полкового музея, вывезенные изъ Петрограда и сложенные въ спеціально снятомъ домикѣ въ Новочеркасскѣ.

*) Нѣсколько непонятна читателю сдача денежнаго ящика въ банкъ, передъ самымъ занятіемъ города большевиками.

Дѣло въ томъ, что довольствіе полка въ послѣдніе дни, за неполученіемъ денегъ отъ казны, поглотило всю денежную наличность и въ ящикѣ остались лишь росписки на хранившіяся въ банкѣ полковыя суммы. Сдача этихъ росписокъ и полученіе оправдательнаго документа представлялись необходимыми для повѣрки въ далекомъ будущемъ, въ наступленіи коего офицеры не сомнѣвались, правильности произведенныхъ расчетовъ.

ГЛАВА IV.

НОВОЧЕРКАССКЪ ВЪ ЯНВАРѢ И ФЕВРАЛѢ 1918 ГОДА.

Послѣднее воззваніе и смерть генерала Каледина. — Избраніе Атаманомъ генерала Назарова. — Занятіе города Новочеркасска красными. — Смерть генерала Назарова. — Донскіе партизаны и добровольцы. — Участіе Лейбъ-Казаковъ въ оборонѣ Новочеркасска. — Работа по спасенію регалій. — Характеристика Смирнова. — Перевозъ арестованныхъ 11 офицеровъ изъ Каменской въ Луганскую тюрьму — пребываніе въ тюрьмѣ и переводъ въ Новочеркасскъ.

Для характеристики общаго положенія въ Донской Области и настроенія донскихъ властей къ концу января 1918 года, приведемъ полностью послѣдній по времени приказъ генерала Каледина, выпущенный за нѣсколько дней до его смерти:

«Граждане казаки.. Среди постигшей Донъ разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, вашъ Войсковой Атаманъ, обращаюсь къ вамъ съ призывомъ, быть можетъ, послѣднимъ.

„Вамъ должно быть извѣстно, что на Донъ идутъ войска изъ красноармейцевъ, наемныхъ солдатъ, латышей и плѣнныхъ нѣмцевъ, направляемыя правительствомъ Ленина и Троцкаго. Войска ихъ продвигаются къ Таганрогу, гдѣ подняли мятежъ рабочіе, руководимые большевиками. Такія же части противника угрожаютъ станицѣ Каменской и станціямъ Звѣрево и Лихая. Желѣзная дорога отъ Глубокой до Чертково въ рукахъ большевиковъ.

Наши казачьи полки, расположенные въ Донецкомъ Округѣ, подняли мятежъ и въ союзѣ съ вторгшимися бандами красной гвардіи, сдѣлали нападеніе на отрядъ полковника Чернецова, направленный противъ красноармейцевъ, и частью его уничтожили, послѣ чего большинство полковъ разсѣялось по хуторамъ, бросивъ свою артиллерію и разграбивъ полковыя денежныя суммы, лошадей и имущество.

Въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, вернувшіеся съ фронта полки, въ союзѣ съ бандой краснонрмейцевъ изъ Царицына, произвели полный разгромъ на линіи желѣзной дороги Царицынъ-Серебряково, прекративъ всякую воз-

можность снабженія хлѣбомъ и продовольствіемъ Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ.

Въ слободѣ Михайловкѣ, при станціи Себряково, произвели избіеніе офицеровъ и администраціи, причемъ погибло, по слухамъ, до 80 однихъ офицеровъ. Развалъ строевыхъ частей достигъ послѣдняго предѣла и, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ полкахъ Донецкаго Округа удостовѣрены факты продажи казаками своихъ офицеровъ большевикамъ за денежное вознагражденіе. Большинство изъ остатковъ уцѣлѣвшихъ полевыхъ частей отказывается выполнять боевые приказы по защитѣ Донского Края.

Въ такихъ обстоятельствахъ, до завершенія начатаго переформированія полковъ, съ уменьшеніемъ ихъ числа и оставленіемъ на службѣ только четырехъ младшихъ возрастовъ, Войсковое Правительство, въ силу необходимости, выполняя свой долгъ передъ Роднымъ Краемъ, принуждено было прибѣгнуть къ формированію добровольческихъ казачьихъ частей нашей области, главнымъ образомъ, учащейся молодежи, для образованія партизанскихъ отрядовъ.

Усиліями этихъ послѣднихъ частей и, главнымъ образомъ, доблестной молодежи, беззавѣтно отдавщей свою жизнь въ борьбѣ съ анархіей и бандами большевиковъ, и поддерживается въ настоящее время защита Дона, а также порядокъ въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ части Области. Ростовъ прикрывается частями особой Добровольческой организаціи.

Поставленная себѣ Войсковымъ Правительствомъ задача, довести управленіе областью до созыва и работы ближайшаго Войскового Круга и Съѣзда неказачьяго населенія, выполняется указанными силами, но ихъ незначительное число, и положеніе станетъ чрезвычайно опаснымъ, если казаки не придутъ немедленно въ составъ добровольческихъ частей, формируемыхъ Войсковымъ Правительствомъ.

Время не ждетъ, опасность близка, и если вамъ, казакамъ, дорога самостоятельность вашего управленія и устройства, если вы не желаете видѣть Новочеркасскъ въ рукахъ пришлыхъ бандъ большевиковъ и ихъ казачьихъ приспѣшниковъ — измѣнниковъ долгу передъ Дономъ, то спѣшите на поддержку Войсковому Правительству, посылайте казаковъ-добровольцевъ въ отряды.

Въ этомъ призывѣ у меня нѣтъ личныхъ цѣлей, ибо для меня атаманство — тяжкій долгъ. Я остаюсь на посту по глубокому убѣжденію въ необходимости сдать постъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, только передъ Кругомъ.

Войсковой Атаманъ **Калединъ.**»

Приводимый приказъ, хотя въ частностяхъ и сильно сгущалъ краски, но въ цѣломъ вѣрно передавалъ создавшееся положеніе и точно отражалъ настроенія Новочеркасска.

Этотъ когда-то спокойнѣйшій въ Россіи городъ теперь былъ полонъ тревоги. Въ него текъ потокъ бѣженцевъ, искавшихъ здѣсь защиты отъ большевистской лавины и привозившихъ съ собою быстро распространявшіеся паническіе слухи.

Въ числѣ бѣженцевъ прибыло много офицеровъ распавшейся Россійской

Арміи. Лишь часть ихъ записывалась въ Добровольческую Армію, прочіе же составляли нестройно бродившую массу въ 3000-4000 человѣкъ.

Всѣ усилія коменданта города какъ-нибудь ихъ съорганизовать привели лишь къ сформированію нѣсколькихъ небольшихъ дружинъ.

Между тѣмъ, въ населенномъ иногородними предмѣстьи города, Хутункѣ, были расположены запасные солдатскіе полки, сочувствующіе большевикамъ.

На случай возстанія Хутунка, въ январѣ въ Новочеркассѣ была создана офицерская казачья дружина, въ цѣляхъ охраны дворца и защиты Атамана генерала Каледина.

Начальникомъ дружины былъ назначенъ полковникъ Л. Гв. Донской 6-ой каз. батареи Н. Н. Упорниковъ Въ составъ дружины вошли Лейбъ-Казаки, находившіеся въ командировкѣ въ городѣ Новочеркасскѣ, есаулъ В. Кононовъ, подъес. С. Красновъ ,хор. Н. Ляховъ и вольноопр. Л. Бобриковъ.

Дружина помѣщалась въ одной изъ комнатъ дворца, куда изрѣдка заходилъ генералъ Калединъ, отдыхавшій въ бесѣдѣ съ вѣрными ему строевыим офицерами. По свидѣтельству ес. В. Кононова, ген. Калединъ былъ прямъ и откровененъ въ своихъ сужденіяхъ и не скрывалъ полной безнадежности ближайшихъ перспективъ.

Подступы къ Новочеркасску съ сѣвера защищали офицерская рота Добровольской Арміи; партизанскіе донскіе отряды полковниковъ Чернецова и Семилѣтова и нѣсколько небольшихъ разнородныхъ дружинъ. Всѣ эти части находились подъ командой генерала Ф. Абрамова, а затѣмъ его замѣнившаго полковника Мамонтова.

Ввиду крайней недостаточности силъ на фронтѣ, ген. Калединъ скоро отказался отъ личной охраны, и охранявшая Атамана дружина полк. Упорникова, по предписанію Атамана, вооружившись пулеметами (коихъ въ арсеналѣ Новочеркасска имѣлось нѣсколько сотъ штукъ — справка: записка получавшаго пулеметы для дружины подъесаула С. Краснова), отправилась на фронтъ. Здѣсь къ входившимъ въ ея составъ Лб. Казакамъ ес. Кононову, подъес. Краснову, хор. Ляхову и Л. Бобрикову присоединились Лб. Казаки хор. С. Чекуновъ, хор. Г. Чекуновъ, подхорунжій Г. Мигулинъ (впослѣдствіи произведенъ въ хорунжіе полка) и казакъ Харламовъ.

Къ утру 29-го января генералъ Корниловъ сообщилъ генералу Каледину о томъ, что Добровольческая Армія, не получая обѣщанной помощи, истекаетъ кровью и вынуждена будетъ покинуть Донскую Область.

Обсудивъ это извѣстіе Войсковое Правительство съ грустью убѣдилось въ своемъ безсиліи оказать помощь.

Генералъ Калединъ видѣлъ неизбѣжность водворенія большевиковъ на Дону, въ томъ же день сложилъ свои полномочія, а въ $2\frac{1}{2}$ часа дня, роковымъ выстрѣломъ кончилъ расчеты съ земной жизнью.

Вѣсть о самоубійствѣ Атамана громомъ разнеслась по Дону.

Одни только подонки населенія не скрывали своей радости...

Въ тотъ же день на должность Атамана казаками Новочеркасской станицы былъ избранъ до сего времени бывшій Походнымъ Атаманомъ ген. Назаровъ.

4-го февраля Войсковой Кругъ утвердилъ его Войсковымъ Атаманомъ.

Генералъ Назаровъ принялъ власть, но потребовалъ мобилизаціи, которая и была немедленно объявлена.

Отложила и Добровольческая Армія свой уходъ.

Мобилизовались казаки ближайшихъ станицъ и потекли въ Новочеркасскъ. Однако, подъема хватило ненадолго, и, не будучи поддержаны казаками другихъ округовъ, Черкассцы разошлись по домамъ.

9-го февраля Добровольческая Армія, тѣснимая съ фронта Сиверсомъ, усиленнымъ вновь прибывшими изъ центра отрядами и мощнымъ бронепоѣздомъ и, кромѣ того, взятая во флангъ сильной группой большевиковъ занявшихъ Батайскъ, очистила Ростовъ и отошла къ станицѣ Ольгинской.

Положеніе Новочеркасска стало безнадежнымъ.

Противъ наступающей съ сѣвера арміи Саблина, усиленной Сѣв. казачьимъ отрядомъ войскового старшины Голубова, имѣлись лишь жидкіе группы партизанъ, общей численностью до 200 человѣкъ.

Противъ Ростова имѣлось лишь одно орудіе, установленное на платформѣ, при нѣсколькихъ офицерахъ-артиллеристахъ.

1-го февраля, по иниціативѣ генерала П. Х. Попова, состоялось общее собраніе офицеровъ гарнизона, численностью въ 3.000 человѣкъ.

Наиболѣе рѣшительные высказывались за необходимость всѣмъ офицерамъ отходить вмѣстѣ, сильной вооруженной группой подъ начальствомъ Походнаго Атамана П. Х. Попова, но невозбранно раздавались и иные голоса, говорившіе о невозможности для офицера отрываться отъ рядового казачества и необходимости вступленія въ переговоры съ войсковымъ старшиной Голубовымъ.

Собственно, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства совершенно павшихъ духомъ и готовыхъ на любой компромиссъ ,громадное большинство собравшихся офицеровъ гарнизона понимало несовмѣстимость казачьяго уклада жизни съ большевизмомъ и вѣрило въ грядущій переломъ казачьихъ настроеній.

Но собраніе по тѣснотѣ и безпорядку больше походило на митингъ.

Поговорили и разошлись...

Между темъ, времени терять нельзя было: желая войти первымъ въ городъ, Голубовъ со своимъ отрядомъ оторвался отъ Саблина и кружнымъ путемъ, черезъ ст. Раздорскую, бросился къ Новочеркасску.

12-го февраля, въ 1 часъ дня Походный Атаманъ генералъ П. Х. Поповъ съ успѣвшимъ стянуться отрядомъ Донскихъ офицеровъ выступилъ въ станицу Старочеркасскую. Туда же потянулись одиночно и группами всѣ узнавшіе о выступленіи генерала Попова.

Генералъ Матвѣевъ, Л. Гв. Атаманскаго полка, разсказывалъ, что вмѣстѣ съ группой офицеровъ Л. Гв. Атаманскаго полка долженъ былъ выѣхать

Атаманъ Назаровъ. Вѣстовой, посланный съ посѣдланной лошадью, встрѣтилъ его идущимъ на засѣданіе Круга. Атаманъ сказалъ, что не знаетъ, уѣдетъ ли онъ, и приказалъ вѣстовому ѣхать, а коня оставить въ Новочеркасскѣ.

Въ городѣ начались грабежи. Кругъ постановилъ послать сотн. Сиволобова для переговоровъ съ Голубовымъ. Неизвѣстно, доѣхалъ ли Сиволобовъ, но въ 5 часовъ вечера въ залъ засѣданія Круга ворвался Голубовъ вмѣстѣ съ состоявшимъ при немъ комиссаромъ Пугачевскимъ. Окрикъ Голубова «встать» заставилъ всѣхъ членовъ Круга вскочить. Не всталъ лишь Атаманъ Назаровъ. Пугачевскій подскочилъ и направилъ браунингъ...

Въ тотъ же мигъ два казака конвоя Голубова схватили руку комиссара и отвели револьверъ *). Два рядовыхъ казака сдѣлали жестъ, который не посмѣли сдѣлать 200 членовъ Круга.

Пугачевскій сорвалъ одинъ погонъ Атамана, Голубовъ другой.

Атаманъ былъ арестованъ и отведенъ на гауптвахту, а въ ночь на 18-ое февраля, подъ предлогомъ перевода въ тюрьму, выведенъ и вмѣстѣ съ другими 6 ветеранами разстрѣлянъ. Говорили въ Новочеркасскѣ, что смерть генералъ Назаровъ встрѣтилъ съ большимъ достоинствомъ, повернулся лицомъ къ убійцамъ, перекрестился и самъ скомандовалъ: «Слушай мою команду — сволочь — пли...»

Въ «Донской Волнѣ» № 1 отъ 10-го іюня 1918 года было опубликовано послѣднее письмо Атамана Назарова его женѣ:

«...14/II, камера № 10 — гауптвахта.

Подробности ареста Ты уже, вѣроятно, знаешь изъ телеграммъ. Понятно, свѣдѣнія эти далеки отъ истины. Но истину я и не могъ бы тебѣ сообщить, такъ много было нелѣпаго.

Но и въ трагическомъ много комизма, и я имѣлъ возможность смѣяться. Смѣшнѣе всего было зрѣлище 100-200 человѣкъ Круга (Верховной Власти), вытянувшихся въ струнку передъ новымъ Бонапартомъ XX вѣка. Цѣлую Тебя. Цѣлую дѣтей.

Скажи сыновьямъ, что имъ не придется стыдиться памяти отца»...

Въ лицѣ Атамана Назарова Донское казачество понесло большую потерю. Хорошо образованный, смѣлый, кристально-честный, онъ не хотѣлъ атаманства и уступилъ лишь пятикратнымъ настояніямъ Круга.

Принялъ атаманство во имя долга и жертвою долга палъ.

Въ числѣ упомянутыхъ выше группъ партизанъ, защищавшихъ подступы къ Новочеркасску были и Лейбъ-Казаки.

Энергичную борьбу велъ бывшій офицеръ полка есаулъ Петръ Карповъ, организовавшій собственную группу, проявлявшую большую доблесть. За нѣ-

*) Справка: «Гражданская война». Изд. СССР. Воспоминанія Пугачевскаго. Томъ I, стр. 401.

сколько дней до паденія Новочеркасска П. Карповъ былъ убитъ въ бою, и группа распалась.

Энергично боролась группа Лейбъ-Казаковъ, составлявшая пулеметную команду полковника Упорникова. Группа участвовала въ ночномъ наступленіи на занятый большевиками Сулинъ, а затѣмъ была отведена на станцію Персіановку, которую обороняла до 9-го февраля включительно, когда была перемѣщена ближе къ Новочеркасску.

Объ уходѣ Походнаго Атамана группа узнала поздно и съ трудомъ проскочила Новочеркасскъ, уже занимаемый Голубовымъ. Съ вывезеннымъ ею пулеметомъ группа направилась черезъ Аксайскую на Ольгинскую ст., встрѣтивъ по дорогѣ будущаго Донского Атамана генерала А. Богаевскаго, спросившаго С. Краснова. куда Лейбъ-Казаки направляются. «За Вами, Ваше Превосходительство», отвѣтилъ С. Красновъ, А. П. Богаевскій улыбнулся и отвѣтилъ: «Ну, что-жъ, если на Дону намъ больше мѣста нѣтъ, то пойдемъ къ Добровольцамъ»...

13-го февраля группа въ Ольгинской присоединилась къ однополчанамъ, уже въ Добровольческой Арміи состоявшимъ **). Туда же прибыло нѣсколько отрядовъ Донскихъ партизанъ (Бокова, Лазарева и др.) и много отдѣльныхъ Донцовъ, образовавшихъ Донской Партизанскій полкъ подъ командой генерала А. П. Богаевскаго. Общая численность Добровольческой Арміи въ ст. Ольгинской поднялась до 4000 человѣкъ ,изъ коихъ 1/3 были Донцы. (Проф. Зайцовъ. «Очерки гражданской войны». Стр. 78).

По направленію изъ Старочеркасской на Ольгинскую потянулись и Донцы, ушедшіе съ генераломъ Поповымъ, какъ и отдѣльные Донцы, выступившіе вслѣдъ ему. Въ походѣ всѣ эти группы сорганизовались въ отрядъ Походнаго Атамана общей численностью въ 1500-1800 штыковъ и шашекъ при двухъ батареяхъ. Этотъ отрядъ, не желая покидать предѣлы Донской Области, направился въ Сальскій Округъ. Добровольческая же Армія 15-го февраля двинулась изъ Ольгинской въ 1-й Кубанскій походъ, къ краткому описанію коего мы вернемся въ слѣдующей главѣ.

Уцѣлѣвшіе въ Каменской офицеры, какъ сказано выше, послѣ паденія станицы направились въ Новочеркасскъ, куда прибыли 2-го февраля. Здѣсь часть, во главѣ съ подъесауломъ С. Красновымъ, поступила въ Партизанскій отрядъ, о чемъ говорилось выше, часть въ Добровольческую Армію. (Есаулъ Я. Рыковскій, подъесаулъ Плеве и подъесаулъ Ф. Рыковскій). Остальные, во главѣ небольшой группы, видя неминуемость временнаго захвата города красными, занялись дѣломъ спасенія регалій полка. Послѣ совѣщанія со старѣйшими Лейбъ-Казаками, генераломъ А. В. Родіоновымъ и А. М. Грековымъ, было рѣшено штандартъ, регаліи и предметы полкового музея пере-

**) Кромѣ ес. Кононова, который присоединился къ частямъ Походнаго Атамана и поступилъ въ офицерскій конный взводъ, съ коимъ и провелъ весь Степной походъ. — Полковникъ Н. Н. Упорниковъ остался въ г. Новочеркасскѣ.

дать на храненіе въ Войсковой музей, а имущество полковой церкви сложить въ подвалахъ Войскового собора. 7/II штандартъ подъесауломъ Кутейниковымъ привезенъ изъ ст. Манычской и 9/II переданъ въ Войсковой музей, гдѣ и былъ спрятанъ.

Группа офицеровъ, подъ главенствомъ есаула Поздѣева, въ составѣ Б. Дубенцева, П. Кутейникова и С. Кутейникова не успѣла, однако, перевезти всѣхъ ящиковъ, какъ въ городъ вошли красные, и группа застряла въ въ Новочеркасскѣ.

Въ Новочеркасскѣ осталось до 4000 офицеровъ *), и группа расчитывала оставаясь незамѣченной закончить работу.

Съ приходомъ красныхъ бандъ начались въ городѣ обыски, грабежи, аресты и разстрѣлы.

Однимъ изъ первыхъ погибъ старый командиръ полка и коренной Лейбъ-Казакъ генералъ-маіоръ Иванъ Давыдовичъ Орловъ.

Онъ при Атаманѣ Калединѣ былъ начальникомъ войскъ Макъевскаго раіона и, при распадѣ частей его группы, прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ находился въ распоряженіи Атамана.

И. Д. Орловъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ безнадежности положенія, однако, не считалъ себя въ правѣ уѣхать.

12-го февраля близкіе знакомые Яновы съ трудомъ уговорили его перебраться съ ними на конспиративную квартиру, гдѣ было заготовлено гражданское платье и соотвѣтствующіе документы.

13-го какая-то банда производила обыскъ. Иванъ Давыдовичъ смѣло вышелъ навстрѣчу: «Вы ищете генерала Орлова. Я — ген. Орловъ»...

На этотъ разъ обошлось: банда искала денегъ и оружія и никого не арестовывала.

Однако, прямая натура И. Д. не мирилась съ конспираціей.

14-го пришло извѣстіе о разграбленіи квартиры Яновыхъ, гдѣ находились вещи и И. Д. Орлова. Несмотря на уговоры, И. Д. рѣшилъ проѣхать посмотрѣть, что сталось съ его чемоданомъ. При этомъ онъ одѣлъ генеральскій полушубокъ и папаху.

Нанявъ извозчика, онъ вмѣстѣ съ О. И. Яновой двинулся въ путь.

Подъѣзжая къ Никольской площади, О. И. Янова замѣтила группу красноармейцевъ и просила извозчика свернуть въ переулокъ.

«Нѣтъ, ѣзжай прямо», приказалъ И. Д. Извозчикъ въѣхалъ въ группу, раздался окликъ, и онъ сталъ. На требованіе предъявить документы, И. Д. вынулъ генеральское удостовѣреніе, подписанное генераломъ Калединымъ... «Товарищи, генералъ Орловъ, калединецъ!» — раздались крики, и И. Д. былъ немедленно арестованъ и отправленъ на вокзалъ, гдѣ и разстрѣлянъ хозяйничавшими тамъ латышами.

Передъ смертью ген. Орловъ успѣлъ передать случайной казачкѣ, торговавшей сѣмечками у вокзала, золотой шейный крестъ и перстень, давъ ей адресъ Яновыхъ. Казачка добросовѣстно доставила крестъ и перстень Яновымъ, быстро снарядившимъ на вокзалъ знакомую бѣдную учительницу-ла-

*) Справка: «Донская Лѣтопись» № 2 .Стр. 193.

тышку. Учительница разыскала тѣло и выпросила разрѣшеніе у своихъ сородичей его взять.

На слѣдующее утро тѣло было ею и вѣрнымъ денщикомъ почившаго, Лейбъ-Казакомъ Черенковымъ, забрано и положено въ гробъ, а затѣмъ, въ присутствіи близкихъ, предано землѣ на Новочеркасскомъ кладбищѣ.

Черенковъ отвезъ вещи почившаго и прощальное письмо, составленное И. Д. Орловымъ 29 января, въ предчувствіи близкой кончины, его вдовѣ Е. К. Орловой, въ ту пору проживавшей въ Кисловодскѣ.

Въ тотъ же день, на томъ же вокзалѣ былъ разстрѣлянъ бывшій офицеръ полка есаулъ Евгеній Николаевичъ Поповъ.

Безпощадно разстрѣливались всѣ офицеры, попавшіе подъ руку опьянѣвшимъ отъ удачи матросамъ и красноармейцамъ. Такъ, только въ однихъ лазаретахъ Новочеркасска было перебито 102 раненыхъ офицеровъ и около 200 юношей, бывшихъ партизанъ. Всего за время съ 13-го февраля по 1-ое апрѣля на Дону было разстрѣляно болѣе 500 офицеровъ *), въ томъ числѣ Донскихъ 14 генераловъ, 23 полковника, 293 кадровыхъ офицера).

Командующимъ революціонными войсками былъ назначенъ Смирновъ, личность коего хорошо была извѣстна Лейбъ-Казакамъ.

Смирновъ Михаилъ Митрофановичъ, казакъ Суворовской станицы, прихода въ полкъ 1902 года, въ 1905 году первымъ кончивъ учебную команду, былъ произведенъ въ урядники. Въ томъ же году онъ, будучи въ командировкѣ, съ небольшой командой казаковъ, въ Кронштадтѣ, былъ захваченъ возстаніемъ матросовъ, проявилъ большую доблесть: его команда разстрѣляла всѣ патроны, но продержалась нѣсколько дней островкомъ среди бунтующей массы матросовъ, до подхода пѣхоты и усмиренія мятежа.

Былъ вахмистромъ 3-й сотни, отличавшейся порядкомъ, а затѣмъ вахмистромъ полковой учебной команды, причемъ вахмистромъ очень строгимъ и требовательнымъ по службѣ, одновременно безупречно честнымъ. Былъ не чуждъ рукоприкладства, въ полку же рукоприкладства вообще не было, и отдѣльные случаи преслѣдовались строго, почему имѣло мѣсто заявленіе жалобы казакомъ, побитымъ Смирновымъ, причемъ послѣдняго спасла отъ суда лишь его примѣрная служба.

Лейбъ-Казачьему полку Смирновъ былъ глубоко преданъ.

Въ Германскую войну, которую Смирновъ провелъ вахмистромъ 5-й, а затѣмъ 3-ей сотни, онъ проявилъ большую боевую доблесть, получилъ всѣ 4 степени Георгіевскаго креста и, будучи представленъ къ производству въ офицеры, былъ въ 1916 году выпущенъ прапорщикомъ въ 8-ой Донской Казачій полкъ.

Въ 8-мъ полку, за боевыя отличія, получилъ Георгіевское оружіе, румынскій орденъ Св. Михаила Храбраго, чинъ хорунжаго и чинъ сотника. Честолюбивый, смѣлый и рѣшительный, достигшій офицерскаго чина свои-

*) Генералъ Деникинъ. Записки. Стр. 29.

ми безспорными заслугами, Смирновъ не могъ примириться съ приниженнымъ положеніемъ офицера послѣ революціи.

Лѣтомъ 1917 года въ Петроградѣ въ разговорѣ со старымъ Лейбъ-Казакомъ (бывшимъ командиромъ сотни Смирнова въ Л. Казачьемъ полку), Смирновъ убѣжденно доказывалъ, что казачество неизбѣжно пройдетъ черезъ большевизмъ и только когда своимъ опытомъ пойметъ его непріемлемость и можно будетъ его поднять на борьбу съ коммунизмомъ. Смирновъ говорилъ, что большевики, овладѣвъ Областью, несомнѣнно въ корень обезоружатъ Донское Казачество и что единственный способъ сохранить къ нужному времени оружіе и составъ опытныхъ боевыхъ офицеровъ — это во-время создать красные казачьи полки. При возникновеніи Каменскаго Военно-Революціоннаго Комитета Смирновъ занялъ должность начальника штаба командующаго революціонными войсками Герасимова. На упрекъ одного изъ офицеровъ Л. Казаковъ Смирнову за его призывы выступать противъ партизанъ, высланныхъ Новочеркасскомъ, онъ откровенно отвѣтилъ, что, по его убѣжденію, партизаны лишь поддерживаютъ все равно уже обреченную власть, которая по своей дряблости вредна казачеству и что онъ, Смирновъ по его подлинному выраженію, лишь хочетъ «крутнуть быстрѣе колесо исторіи»...

Несомнѣнно, что въ приведенныхъ выше планахъ Смирнова играла роль развившаяся въ немъ за войну склонность къ авантюризму и большое личное честолюбіе.

Какъ бы то ни было, Смирновъ былъ не только умнѣе тупо гнувшаго чисто большевистскую линію Подтелкова, но и много тоньше предателя войскового старшины Голубова, почему, по занятію стараніями Голубова и Подтекова города Новочеркасска, командующимъ революціонными Донскими войсками былъ назначенъ именно Смирновъ.

Изслѣдователи, располагая въ будущемъ документами, выяснятъ точно, въ исполненіе ли своихъ плановъ, либо только изъ желанія застраховаться, вообще жестокій и не знавшій жалости въ Германскую войну Смирновъ, немедленно по прибытіи въ Новочеркасскъ развиваетъ широкую гуманную дѣятельность.

Всѣ старые командиры Л. Гв. Казачьяго полка безъ всякихъ ходатайствъ съ ихъ стороны получили на домъ, въ день пріѣзда Смирнова, регистраціонныя карточки за революціонной подписью Смирнова, освобождающія ихъ отъ обысковъ и разрѣшающія жительство въ Новочеркасскѣ. Число спасенныхъ отъ разстрѣла заступничествомъ Смирнова жителей города Новочеркасска, несмотря на безправное хозяйничанье бандъ красноармейцевъ и матросовъ, не поддается учету*).

---

*) Собственно, спасеніемъ казачьихъ офицеровъ Смирновъ занялся съ первыхъ же дней участія своего (помощникомъ Герасимова) въ переворотѣ въ Каменской. Такъ, Пугачевскій, командовавшій въ то время большевистскимъ отрядомъ въ шахтномъ раіонѣ, въ своемъ дневникѣ говоритъ:

.«Въ Звѣрево и другихъ занятыхъ мѣстностяхъ поймано около десятка офицеровъ, тайныхъ агентовъ Каледина, съ поличнымъ, часть изъ коихъ были казаки. Сегодня получена слѣдующая телеграмма:

(Когда въ апрѣлѣ состоялось занятіе Новочеркасска возставшими Кривянцами, то петиція полковника Дьякова командующему возставшими полковнику Фетисову о дарованіи прощенія Смирнову, въ теченіе сутокъ была покрыта нѣсколькими сотнями подписей представителей новочеркасской интеллигенціи и Донцовъ-офицеровъ, обязанныхъ ему головой).

Въ противоположность Подтелкову, окруженному пришлыми большевиками, Смирновъ придалъ своему окруженію чисто казачій характеръ, причемъ въ его «штабѣ» было не мало отличныхъ урядниковъ и казаковъ, никакихъ симпатій къ коммунизму не питавшихъ. Укажемъ, хотя бы медицинскаго чиновника Чухраева (Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка), фельдшера Авилова (Л. Казачьяго полка), Перфилова (Л. Гв. Атаманскаго полка), Бакланова (б. вахмистра нестроевой команды Л. Казачьяго полка).

Перфиловъ снабжалъ всѣхъ офицеровъ Атаманскаго полка регистраціонными карточками и хранилъ отъ реквизиціи цѣнное оружіе старшихъ Атаманцевъ въ... революціонномъ штабѣ Смирнова.

Баклановъ, Чухраевъ, Авиловъ оказали несчетное количество услугъ офицерамъ Лейбъ-Казакамъ, скрывавшимся въ Новочеркасскѣ, руководясь не «самострахованіемъ», а чувствомъ солидарности и сочувствія.

Любопытна попытка Смирнова сохранить для будущаго Лейбъ-Казачій полкъ формированіемъ «Гвардейскаго Донского Казачьяго Революціоннаго полка». Получилась, правда, только 1 сотня въ нѣсколько десятковъ старыхъ казаковъ изъ служившихъ въ Гв. Каз. бригадѣ. Порядки въ сотнѣ были времени Керенскаго, были сохранены выборное начало и сотенный комитетъ, казаки, конечно, были разболтаны, но все же эта сотня не запятнала себя ни разстрѣлами, ни грабежами.

Что особенно примѣчательно, это то, что со стороны сотни не только не было поползновеній раздѣлить богатое имущество стараго полка, находящееся въ Каменской и Новочеркасскѣ, но казаки сотни принимали подчасъ косвенное участіе въ его сохранности. Послѣднее служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что казаки сотни смотрѣли на свою «революціонную» службу, какъ на явленіе временное и какъ на относительно мирную и тихую пристань въ бушующемъ кругомъ морѣ. Выборные командиры сотни неукоснительно избирались изъ старыхъ кадровыхъ урядниковъ, ибо изъ офицеровъ бригады никто не пошелъ (казаки сотни неоднократно обращались съ

«Штабъ Революціонныхъ Казачьихъ Войскъ. Каменская. Командующимъ Совѣтскими войсками товарищамъ Саблину и Пугачевскому. До свѣдѣнія Штаба дошло, что ввѣренныя вамъ войска чинятъ самосудъ надъ казачьими офицерами. Во избѣжаніе могущихъ быть недоразмѣній, казачій штабъ покорнѣйше проситъ въ будущемъ всѣхъ задержанныхъ офицеровъ направлять со всѣми матеріалами въ Каменскую, гдѣ они и получатъ должное возмездіе. Командующій Казачьими Арміями Смирновъ». (Справка: «Гражданская Война». Изд. СССР. Томъ I. стр. 392).

Большевистскій комиссаръ Пугачевскій, вообще сильно не довѣрявшій казакамъ, въ своемъ дневникѣ такъ отзывается о Смирновѣ:

...«Не понимаю, почему Смирновъ назначенъ главнокомандующимъ казачьихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что Смирновъ отвратительная личность...».

(Справка: «Гражданская Война» Изданіе СССР. Томъ I. стр. 411).

просьбами поступить въ сотню съ гарантіей немедленнаго выбора въ командиры сотни).

Послѣднимъ по времени командиромъ сотни былъ урядникъ Мироновъ, отличный въ свое время кадровый урядникъ, не имѣвшій ни одного дисциплинарнаго взысканія за всю свою службу въ 4-й сотнѣ Л. Казачьяго Е. В. полка.

Въ его «командованіе» сотня приняла нѣкоторое участіе въ освобожденіи въ Новочеркасскѣ 11 старшихъ офицеровъ полка, арестованныхъ въ ст. Каменской, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Многіе казаки изъ окруженія Смирнова приняли горячее участіе въ возстаніи апрѣля мѣсяца, а нѣкоторые были впослѣдствіи и членами Круга.

Сказанное выше о Смирновѣ поясняетъ, почему 13-го февраля утромъ есаулы Поздѣевъ и Алфераки и подъесаулъ Кутейниковъ, узнавъ что командованіе революціонными войсками принялъ Смирновъ, направились въ революціонный штабъ. Около помѣщенія штаба на площади стояли только что прибывшія банды красноармейцевъ и матросовъ, а по Московской улицѣ шла красная конница. У двери штаба стоялъ часовой. Есаулъ Поздѣевъ подошелъ къ нему и твердымъ тономъ сказалъ, что ему нужно по дѣлу видѣть командующаго Смирнова. Часовой подозрительно посмотрѣлъ и спросилъ, а кто такой Поздѣевъ. Послѣдній тѣмъ же тономъ отвѣтилъ: «Командиръ Л. Гв. Казачьяго полка». Твердый тонъ подѣйствовалъ, и часовой нѣсколько нерѣшительно, но пропустилъ группу пришедшихъ внутрь.

Въ коридорѣ попался навстрѣчу бывшій урядникъ 2-й сотни полка Кудрешевъ, непритворно обрадовавшійся своимъ офицерамъ и предложившій для безопасности переселиться въ его комнату до прибытія не пріѣхавшаго еще Смирнова.

Въ то же время въ помѣщеніе штаба два матроса привели арестованнаго подъесаула Б. Дубенцева. Ободренный успѣхомъ опыта съ часовымъ, есаулъ Поздѣевъ спросилъ начальническимъ тономъ матроса, что это значитъ. «Приказано намъ арестованнаго офицера привести сюда». «Отлично, это мой офицеръ, я принимаю его подъ расписку». Матросъ, которому въ голову не могло придти наличіе въ штабѣ постороннихъ, повиновался, и Б. Дубенцевъ вмѣсто разстрѣла былъ освобожденъ. Одновременно на лѣстницѣ показался красный караулъ казаковъ, которымъ командовалъ б. урядникъ полка Армейсковъ. Увидѣвъ офицеровъ, онъ такъ ошалѣлъ, что скомандовалъ «смирно»... Было ясно, что удача дальше продолжаться не можетъ и нужно выбираться изъ штаба какъ можно скорѣе. Но какъ выбраться безъ «бумажки», когда городъ заполнился красноармейцами, арестовывавшими всѣхъ попадавшихся офицеровъ? Въ это время въ помѣщеніе вошелъ войсковой старшина Голубовъ. Есаулъ Алфераки, его знавшій лично, обратился съ просьбой дать удостовѣреніе о правѣ жительства, что тотъ охотно исполнилъ. Днемъ на квартирѣ офицеровъ былъ обыскъ, а вечеромъ сотникъ Ефремовъ и хорунжій Иловайскій были арестованы и отведены на вокзалъ. Есаулъ

Алфераки помчался на вокзалъ и, обратившись къ коменданту Брозе, показалъ свое удостовѣреніе, потребовавъ отпуска двухъ арестованныхъ.

Брозе, увидѣвъ подпись Голубова, не сталъ разбираться и отпустилъ, и, такимъ образомъ, еще два офицера спаслись отъ разстрѣла.

15-го прибылъ въ Новочеркасскъ Смирновъ, немедленно же выдавшій черезъ медицинскаго чиновника Чухраева всѣмъ офицерамъ полка удостовѣренія за своей подписью на право проживанія въ Новочеркасскѣ.

Черезъ нѣсколько дней есаулъ Поздѣевъ и подъесаулъ Кутейниковъ отправились къ нему. Въ присутствіи постороннихъ Смирновъ говорилъ холоднымъ и офиціальнымъ тономъ, но, уславъ подъ благовиднымъ предлогомъ лишнихъ свидѣтелей и оставшись съ пришедшими глазъ на глазъ, сразу рѣзко измѣнилъ тонъ, обѣщавъ всю помощь по сохраненію регалій и музея полка. Какъ выше было сказано, часть ящиковъ музея оставалась въ частномъ помѣщеніи, гдѣ помѣщались и два вѣрныхъ и твердыхъ рядовыхъ Лейбъ-Казака Грушевской станицы.

Въ городѣ шли повальные обыски и грабежи. Въ первый же день прибѣжалъ въ домъ есаула Поздѣева одинъ изъ казаковъ охраны доложить, что банда матросовъ разбиваетъ ящики. Есаулъ Поздѣевъ вмѣстѣ съ медицинскимъ чиновникомъ Чухраевымъ изъ штаба помчались туда. Матросовъ уже не было — они пошли за подводой. На полу лежала большая серебряная братина — подарокъ прежде-служившихъ 1913 года, вѣсомъ въ 2½ пуда, и братина — даръ князя Радзивилла. Были раскиданы и разграблены ящики съ историческимъ оружіемъ. На полу лежали раскиданные Шефскіе Царскіе мундиры.

Чухраевъ завернулъ обѣ братины въ мѣшки, уложилъ на извозчика и вывезъ къ себѣ въ домъ, гдѣ закопалъ въ саду. Мундиры снова были заботливо уложены и запрятаны.

16-го была объявлена регистрація офицеровъ. Лейбъ-Казаки изъ штаба Смирнова совѣтовали не ходить, а бывшій вахмистръ нестроевой команды полка урядникъ Баклановъ, попавшій по протекціи Смирнова въ Областной Ревкомъ, прислалъ, по своей иниціативѣ, регистраціонныя карточки на всѣхъ офицеровъ полка, скрывавшихся въ Новочеркасскѣ, не занося ихъ регистраціонный списокъ.

17-го былъ обыскъ музея Л. Гв. Атаманскаго полка, хранившагося въ сараяхъ дома К. Р. Поздѣева. Изъ перваго же разбитаго матросами ящика посыпалось оружіе (трофеи германской войны). Есаулъ Поздѣевъ успѣлъ позвонить въ штабъ Смирнова по телефону. Матросы хотѣли его арестовать и вести на вокзалъ, что было равнозначно разстрѣлу. Поздѣевъ вошелъ въ домъ, якобы за шинелью, самъ же выскочилъ задней дверью изъ дома и побѣжалъ въ штабъ. По дорогѣ встрѣтилъ высланнаго Смирновымъ Чухраева съ вооруженными казаками.

Казаки выгнали матросовъ. На дверь музея была приклеена записка за подписью Смирнова и печатью его штаба: «Музей Л. Гв. Казачьяго полка не подлежитъ реквизиціи».

Этимъ дальнѣйшіе обыски были прекращены.

По городу шли обыски и разстрѣлы, и, несмотря на выданныя офице-

рамъ удостовѣренія Смирнова, приходилось скрываться, пока недѣли черезъ три, банды пришлыхъ красноармейцевъ и матросовъ не схлынули въ Ростовъ. Туда же выбыли Подтелковъ и комиссаръ Чеки Медвѣдевъ. Въ Новочеркасскѣ остались казачьи части и Титовскій полкъ, сформированный изъ Донскихъ крестьянъ, ведшій себя относительно тихо.

Въ удаленіи особенно рьяныхъ красноармейскихъ отрядовъ изъ Новочеркасска сыграло большую роль настроеніе казачьяго гарнизона въ городѣ. Комиссаръ Пугачевскій въ своемъ дневникѣ даетъ слѣдующую картину этого настроенія:

...«Общее собраніе гарнизона города Новочеркасска.

Меня просили предсѣдательствовать.

Вносится предложеніе: 1) Красной гвардіи покинуть собраніе. 2) Если оставить, то безъ права голоса. 3) Выгнать всѣхъ жидовъ и иновѣрцевъ изъ Новочеркасска.

Все подъ девизомъ: Донъ для казаковъ.

Огромнымъ большинствомъ голосовъ принимается предложеніе: «Красную гвардію исключить»... (Справка: стр. 412, «Гражданская война». Томъ I. Изданіе СССР).

Теперь явилась возможность усилить хлопоты по освобожденію 11 офицеровъ полка, арестованныхъ въ Каменской и отвезенныхъ въ Луганскую тюрьму. Въ Каменской усиленно работалъ въ этомъ направленіи полковой врачъ Валентинъ Никаноровичъ Евфановъ, полковой священникъ протоіерей Сергѣй Лебедевъ и Вѣра Ивиновна, супруга арестованнаго подъесаула В. Чеботарева.

Изъ Луганска давала совѣты Ольга Даниловна, жена полковника Оприца и бывшій офицеръ полка, инженеръ И. И. Берладинъ.

Въ Новочеркасскѣ хлопотали офицеры полка, жена арестованнаго подъесаула Бокова, Марія Владиміровна, и особенно дѣятельное и очень цѣнное участіе было проявлено со стороны Севастьяна Ивановича Чухраева, имѣвшаго чинъ медицинскаго чиновника, дававшій полную свободу дѣйствій.

Смирновъ отдалъ приказъ о переводѣ арестованныхъ въ Новочеркасскъ, и за ними былъ отправленъ караулъ казаковъ 44-го полка, причемъ черезъ полкового врача Евфанова каждому казаку была обѣщана денежная награда за доставку арестованныхъ въ цѣлости.

Теперь вернемся нѣсколько назадъ и прослѣдимъ все пережитое этой группой съ момента увоза въ теплушкѣ по направлнію на Чертково.

Теплушка была съ нарами. Начало темнѣть. На нарахъ около окна лежалъ полковникъ Краснянскій. Хорошо зная мѣстность, онъ на поворотѣ, какъ только поѣздъ замедлилъ ходъ, выскочилъ въ окно и скатился подъ откосъ. Часовой выпустилъ нѣсколько пуль, но не попалъ. Поѣздъ остановился и въ вагонъ влѣзъ, потрясая револьверомъ, комиссаръ Кириловъ. Осыпая арестованныхъ грубыми ругательствами, онъ заявилъ, что на случай повторенія побѣга приказалъ караулу стрѣлять сквозь стѣнки вагона.

Какъ только онъ ушелъ и вагонъ былъ запертъ (причемъ на этотъ разъ были заперты и окна теплушки), арестованные дали взаимное обязательство, если представится случай, то бѣжать вмѣстѣ, но никакъ не поодиночкѣ. Скоро по пути стали попадаться эшелоны красноармейцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ,на разъѣздахъ, происходили остановки, теплушка съ арестованными окружалась толпой, требующей немедленной расправы съ «калединовцами». На одной остановкѣ толпа пыталась поджечь теплучшу, и лишь движенiе тронувшагося поѣзда спасло арестованныхъ отъ своеобразнаго «ауто-да-фе».

Нужно отдать справедливость караулу отъ 10-го казачьяго полка, сопровождавшему теплушку, твердо отстаивавшаго арестованныхъ. На одной изъ остановокъ арестованные слышали слѣдующiй дiалогъ какого-то красноармейца съ часовымъ казакомъ: «Дай мнѣ на этихъ проклятыхъ буржуевъ хоть однимъ глазомъ посмотрѣть, а потомъ я его себѣ выколю»... Часовой отказалъ. «Да, можетъ быть, на нихъ погоны надѣты?» Часовой отвѣчалъ, что самъ видѣлъ офицеровъ безъ погонъ. Это было невѣрно ибо Лейбъ-Казаки были въ погонахъ. Переговоривъ между собою, арестованные рѣшили сжечь погоны, дабы не подвергать эти эмблемы офицерскаго достоинства надругательству толпы. По очереди подходили къ желѣзной печкѣ, отапливавшей теплушку, срѣзали погоны и бросали въ огонь. На душѣ было безконечно тяжело. Казалось, перевернулась страница жизни, казалось, зря пропала полная униженiй, а иногда и опасностей, тяжелая борьба во имя долга, которую они съ начала революцiи вели на фронтѣ,стремясь сохранить хоть подобiе беспособности своихъ подчиненныхъ. Нынѣ, единственнымъ слѣдомъ долгой службы Родинѣ (среди арестованныхъ были и пожилые офицеры) и трехъ лѣтъ тяжелой войны, оставалась лишь горсть пепла на днѣ печки.

Въ жизни трагическое часто переплетается съ комическимъ. Неожиданно отворилась дверь вагона и въ вагонъ былъ посаженъ новый арестованный... не кто иной, какъ самъ комиссаръ Кириловъ, такъ еще недавно потрясавшiй своимъ револьверомъ. Не то онъ укралъ общественныя деньги, не то не подѣлился со своими революцiонными товарищами, но телеграммой съ пути былъ «низложенъ» и «ввергнутъ» въ теплушку.

Появленiе его не обрадовало арестованныхъ: этотъ полуинтеллигентъ, типичный представитель революцiонной демократiи, являлся чуждымъ элементомъ двумъ десяткамъ арестованыхъ Донскихъ офицеровъ. Онъ былъ явно способенъ на любую подлость и нужно было теперь слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, дабы не сказать лишняго.

Часовъ въ 5 утра, на одной изъ остановокъ, въ вагонъ вошли войсковой старшина Голубовъ и урядникъ Подтелковъ. Оба, видимо, старались держать себя независимо, что имъ не вполнѣ удавалось. Въ особенности противенъ былъ Голубовъ съ бѣгающими, не смотрящими въ лицо собесѣдника глазами. Подтелковъ, представъ съ обритыми по-большевистски усами и бородой, былъ очень вѣжливъ и, выразивъ удивленiе, почему арестованныхъ въ качествѣ заложниковъ казаковъ-офицеровъ везутъ въ теплушкѣ, сказалъ, что немедленно переведетъ въ вагонъ 2-го класса (какъ потомъ узнали Подтелковъ только что вернулся изъ Новочеркасска, оставивъ въ сторонѣ занятую

Чернецовымъ Каменскую, и еще не оправился отъ пережитаго имъ страха).

На вопросъ офицеровъ куда ихъ везутъ, Подтелковъ отвѣтилъ, что они могутъ не волноваться, изъ Донской Области онъ ихъ не выпуститъ, ихъ «какъ казаковъ будетъ судить только Донской судъ».

Арестованные перебрались въ вагонъ 2-го класса, на площадкахъ коего стали часовые казаки караула. Принесли ѣду. Въ мягкомъ и свѣтломъ вагонѣ было удобно, но нервы были напряжены, ибо буквально на каждой остановкѣ грозилъ судъ Линча.. На станціи Миллерово толпа красноармейцевъ, окруживъ вагонъ, потребовала перевода арестованныхъ «калединцевъ» изъ «буржуйскаго вагона» въ теплушку.

Станція была сплошь забита плотною толпою красноармейцевъ, потрясавшихъ винтовками, расхлябанныхъ, распоясанныхъ, въ неимовѣрно грязныхъ, рваныхъ солдатскихъ ватныхъ кофтахъ, шинеляхъ и папахахъ, со звѣроподобными скотскими лицами.

Пересадкою арестованныхъ распоряжался какой-то энергичный незнакомый комиссаръ въ солдатской шинели, съ револьверомъ въ рукѣ. Арестованнымъ предстояло пройти среди толпы разстояніе въ три вагона. Комиссаръ расположилъ караулъ казаковъ 10-го полка тонкой цѣпочкой, освободивъ съ края площадки, вдоль эшелона вагоновъ, проходъ въ 2 шага шириной. Арестованные двинулись, сжавъ зубы, молча. Старались идти спокойно, и лишь смертельная блѣдность лицъ большинства выдавала нервное напряженіе. Но не менѣе блѣдны были лица и у казаковъ конвоя. Сдавленные толпою подонковъ, казаки явно чувствовали себя ближе къ офицерамъ коихъ везли, нежели къ окружавшей ихъ человѣческой мрази.

При появленіи арестованныхъ толпа заревѣла звѣремъ, требуя немедленнаго разстрѣла и поддалась впередъ. Насталъ критическій моментъ. Комиссаръ скомандовалъ казакамъ зарядить винтовки. Жребій былъ брошенъ, ибо въ толпѣ винтовкою работать трудно, и, если толпа поддалась бы далѣе впередъ, то горсть казаковъ была бы раздавлена вмѣстѣ съ офицерами.

Однако дружный трескъ ружейныхъ затворовъ охладилъ злобную но трусливую толпу, и она поддалась нѣсколько назадъ. Лишь наполнила воздухъ грубая и зловонная какъ сама толпа ругань, да какой-то красноармеецъ, успѣвшій проскочить между двумя казаками, толкнулъ прикладомъ старика отставного войскового старшину Платонова. Когда наконецъ закрылась дверь теплушки и тронулся поѣздъ, то можно было вздохнуть свободнѣе. Однако, видѣнная картина моря лицъ, людей, потерявшихъ даже подобіе человѣка, запомнилась прочно. Скорбно сжималось сердце при мысли, что именно въ руки этого сброда, представлявшаго отборъ самаго низменнаго, подлаго и безчестнаго, что есть въ русскомъ народѣ, переходила, выпавшая изъ слабыхъ и бездарныхъ рукъ революціонно-болтливой интеллигенціи судьба нашей такъ еще недавно великой и славной Родины.

Отъ Миллерово теплушка были прицѣплена къ товарному составу, шедшему на Луганскъ. По пути красноармейскихъ эшелоновъ уже не было и на

остановкахъ караулъ выпускалъ арестованныхъ на платформу. Находящіеся на платформѣ бабы и крестьяне смотрѣли на арестованыхъ безъ всякой злобы.

Въ Луганскъ прибыли поздно вечеромъ. Выгрузкою распоряжался какой-то казакъ, хорунжій въ пенснэ. Караулъ 10-го полка окружилъ арестованныхъ офицеровъ кольцомъ, а внѣ построилось второе кольцо красноармейцевъ, обвѣшанныхъ винтовками, револьверами, шашками и пулеметными лентами. Пройдя черезъ городъ, шествіе направилось въ Луганскую тюрьму, построенную въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ. Арестованныхъ принялъ лично самъ начальникъ тюрьмы, отпустилъ красноармейцевъ и оставилъ только казачій караулъ (на слѣдующій день казачій караулъ уѣхалъ обратно на Донъ). Начальникъ тюрьмы былъ очень любезенъ, оставилъ при арестованныхъ всѣ вещи и деньги и отвелъ имъ большую камеру, служившую раньше околодкомъ, отдѣленную небольшимъ, сообщающимся съ остальной тюрьмой, коридоромъ съ рѣшетчатой желѣзной дверью на концѣ. Тюрьма была заполнена исключительно уголовными.

Начальникъ тюрьмы Ивановъ, чиновникъ тюремнаго вѣдомства, служившій здѣсь съ царскаго времени, былъ интересной личностью. Молодой еще человѣкъ, съ высшимъ образованіемъ, онъ никакъ не подходилъ къ образу тюремщика, какъ обычно этотъ образъ представляется въ литературѣ. Мягкій и добрый человѣкъ, онъ, сохраняя порядокъ въ тюрьмѣ, въ то же время относился къ заключеннымъ съ удивительной человѣчностью, притомъ безъ тѣни заискиванія и исканія популярности.

Въ свое время онъ, до революціи, облегчалъ участь политическихъ узниковъ у него сидѣвшихъ и теперь оказавшихся у власти въ составѣ Совдепа. Въ благодарность прежніе сидѣльцы не только оставили его въ должности, но зачислили членомъ тюремной комиссіи Совдепа.

Луганскъ стоялъ еще въ сторонѣ отъ только начавшихъ развиваться событій, въ городѣ былъ уже большевистскій Совдепъ, но сохранились и какія-то «украинскія» образованія. Наружный караулъ въ тюрьмѣ несли солдаты-украинцы, слѣдующія сутки — рабочіе-красноармейцы. Караулъ помѣщался въ домикѣ во дворѣ. Внутрь тюрьмы, запертой громадными рѣшетчатыми дверьми, начальникъ тюрьмы допускалъ чиновъ караула лишь для вечернихъ повѣрокъ, пріема и сдачъ карауловъ и занятія нѣкоторыхъ ночныхъ постовъ. Въ тюрьмѣ держались еще порядки Временнаго правительства: такъ, всѣ деревянныя кровати, нары, двери были сожжены арестантами на отопленіе за неотпускомъ дровъ. Уголовные сообщались между собою, ибо не были отдѣлены никакими внутренними перегородками и дверями. Рѣшетчатая дверь въ камеру офицеровъ запиралась съ постановкою часового лишь послѣ вечерней повѣрки, за пищей арестованные ходили въ общую кухню, почему и здѣсь былъ постоянный контактъ.

Замѣтимъ, что состороны какъ надзирателей (еще стараго тюремнаго вѣдомства) такъ и со стороны уголовныхъ арестантовъ, не проявлялось никакой вражды къ «политическимъ офицерамъ», отношеніе было скорѣе безразличное, а порою даже участливое — такъ, уголовные, имѣвшіе отлично налаженную связь съ городомъ, предупреждали о назрѣваніи неблагопріятныхъ офицерамъ событій въ городѣ, предупреждали когда внѣшній караулъ

красноармейцевъ настроенъ активно-враждебно и когда офицерамъ надлежало отказываться отъ права прогулки въ тюремномъ дворѣ.

Всѣ 22 арестованныхъ были размѣщены въ большой камерѣ съ деревяннымъ поломъ, всю мебель коей составляли столъ и двѣ скамьи. Спали на полу, вплотную другъ къ другу, причемъ, черезъ нѣсколько дней по прибытіи, были выданы подушечныя наволочки и солома, изъ которой заключенные устроили себѣ матрасы. Съ разрѣшенія начальника тюрьмы, офицерами были наняты за деньги два уголовныхъ для уборки камеры, въ коей поддерживалась безупречная чистота. Пища была однообразная, но достаточная. Кромѣ того, можно было покупать за деньги, черезъ надзирателей, колбасу, сало, бѣлый хлѣбъ и папиросы.

Никакими слѣдствіями и дознаніями офицеровъ не безпокоили, ибо они числились за Каменскимъ Военно-Революціоннымъ Комитетомъ, частью распавшимся, частью измѣнившимъ свой составъ, послѣ удара полковника Чернецова, и очевидно, никакого «письменнаго дѣла» о группѣ существовать не могло.

Часто пріѣзжалъ глава тюремной комиссіи Совдепа, большевикъ тов. Ивановъ. Въ мѣховой шубѣ и шапкѣ, въ очкахъ, онъ имѣлъ видъ типичнаго революціонера-полуинтеллигента стараго времени. Много сидѣлъ въ тюрьмѣ въ свое время и, можетъ быть поэтому, несмотря на свой большевизмъ, относился къ попавшимъ нынѣ въ тюрьму офицерамъ не враждебно.

Ему видимо, льстило, что онъ можетъ на равной ногѣ вести разговоры съ офицерами, да еще Императорской Гвардіи, и онъ, не разыгрывая изъ себя начальства, иногда подолгу засиживался въ камерѣ. Для офицеровъ онъ былъ единственной связью съ внѣшнимъ міромъ, и поэтому не только терпѣливо часами слушали его безконечные разговоры о пережитыхъ имъ тюремныхъ мытарствахъ, но и угощали его часто чаемъ, лишь бы вытянуть хоть какія-нибудь свѣдѣнія о происходящихъ на Дону и въ Россіи событіяхъ. Разговоровъ на политическія темы взаимно избѣгали. На свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ товарищъ Ивановъ былъ увы скупъ, какъ былъ скупъ и начальникъ тюрьмы, которому, несмотря на его видимое горячее къ узникамъ сочувствіе, мѣшала быть откровеннымъ его офиціальная должность въ Совдепѣ.

Недостатокъ связи съ внѣшнимъ міромъ заполнился лишь съ пріѣздомъ въ Лугансъ жены арестованнаго полковника И. Н. Оприца, Ольги Даниловны, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Кромѣ отрѣзанности отъ внѣшняго міра, мучило и отсутствіе примитивныхъ удобствъ. Несмотря на безупречную чистоту въ камерѣ, невозможность раздѣться, вымыться, при крайней скученности, привела къ появленію вшей.

Полковникъ В. А. Дьяковъ, общепризнанный староста офицерской камеры, выхлопоталъ черезъ начальника тюрьмы разрѣшеніе привести въ порядокъ запущенную во время революціи тюремную баню; работой офицеровъ баня была отремонтирована, и стало много легче.

Несмотря на это относительное благополучіе, жизнь протекала нервно. Неоднократно «товарищи» порывались взять арестованныхъ офицеровъ и

разстрѣлять ихъ. Часто арестованные слышали шумъ за оградой и видѣли серьезныя лица тюремныхъ надзирателей и начальника тюрьмы, — то приходила требовать выдачи офицеровъ очередная банда. Спасала отдаленность отъ города тюрьмы и энергія начальника тюрьмы, поднимавшаго на ноги чуть ли не все и вся на защиту «заложниковъ».

Такъ, однажды, привелось свести знакомство съ Ворошиловымъ, тогда еще начинавшимъ въ Луганскѣ свою карьеру. Дабы успокоить очередную волну гнѣва рабочихъ, онъ пріѣхалъ въ тюрьму въ камеру офицеровъ для личной инспекціи. Пріѣхалъ въ благодушномъ настроеніи, очевидно хорошо пообѣдавъ, ибо отъ него сильно несло виномъ. Произвелъ скорѣе хорошее впечатлѣніе. Говорилъ, что Совдепъ всячески старается защитить заключенныхъ «заложниковъ»-офицеровъ отъ самосуда, но что сами узники осложняютъ задачу своей независимостью, которая бросается въ глаза находящимся въ караулѣ красноармейцамъ и злитъ послѣднихъ.

Въ заключеніе ,увидѣвъ шахматную доску со сдѣланными изъ хлѣба фигурами, закончилъ укоризненно: «Васъ стараемся защитить, а вы, какъ дѣти въ шахматы играете» (удареніе въ словѣ «шахматы» было сдѣлано на предпослѣднемъ слогѣ, и это вышло такъ смѣшно, что несмотря на всю трагичность положенія, узники улыбнулись).

На всякій случай, офицерами былъ разработанъ планъ нападенія на красноармейскій караулъ и побѣга въ направленіи на Луганскую станицу. Въ станицу Луганскую ѣздила О. Д. Оприцъ, сама казачка Усть-Быстрянской станицы, и ей удалось разшевелить стариковъ казаковъ станицы, настроеніе коихъ уже становилось рѣзко анти-большевистскимъ. Въ станицѣ были заготовлены платье и документы, кромѣ того, старики обѣщали выставить около тюрьмы казака — проводника-наблюдателя.

Ольга Даніиловна пріѣхала въ Луганскъ изъ Петербурга, какъ только узнала объ арестѣ мужа, поселилась въ самой кошмарной обстановкѣ, лишь бы быть ближе къ тюрьмѣ. Слабая физически и съ дѣтства очень изнѣженная и избалованная, она проявляла чудеса выносливости, простаивая одна у воротъ тюрьмы, въ верстѣ отъ города, въ голой степи въ мятель, морозъ, вѣтеръ, по 2-3 часа ,ожидая пріѣзда нарочно опаздывавшаго предсѣдателя тюремной комиссіи, безъ котораго свиданіе съ мужемъ не разрѣшалось. Свиданіе разрѣшалось лишь два раза въ недѣлю на 10 минутъ черезъ рѣшетку, въ присутствіи предсѣдателя тюремной комиссіи. Этого было достаточно, чтобы передать при прощальномъ поцѣлуѣ, изо рта въ ротъ, сквозь тюремную рѣшетку, шифръ, и черезъ день офицеры, черезъ И. Н. Оприца, были уже въ курсѣ событій. Свѣдѣнія приносили, не подозрѣвая того, опытный старый революціонеръ-конспираторъ и предсѣдатель тюремной комиссіи Совдепа, товарищъ Ивановъ, передавая данныя ему О. Д. для цензуры и передачи мужу книги для чтенія, въ коихъ незамѣтно для непосвященнаго глаза, остреемъ иголки были слабо наколоты соотвѣтственно шифру буквы, слова и цифры...

Ольга Даніиловна встрѣтила въ Луганскѣ стараго офицера полка, инженера И. И. Берладина и уговорила его съѣздить въ Новочеркасскъ, гдѣ близкіе не были увѣрены, что заключенные живы. Поѣздка эта принесла

большую пользу. Наличіе Ольги Даніиловны и И. И. Берладина въ Луганскѣ, гдѣ они являлись, часто съ громаднымъ рискомъ для себя, единственной связью съ внѣшнимъ міромъ, служило большой моральной поддержкой заключеннымъ. Извѣстіе же о хлопотахъ въ Новочеркасскѣ сильно подняло духъ.

Въ первыхъ числахъ марта въ тюрьму прибылъ конвой въ 12 казаковъ 44-го полка, представившій начальнику тюрьмы бумагу съ предложеніемъ отправить въ Новочеркасскъ 13 офицеровъ.

Въ спискѣ были указаны 11 Лейбъ-Казаковъ и два войсковыхъ старшины — Платоновъ и Болдыревъ.

Ввиду того что нѣсколько дней назадъ красноармейцы разстрѣляли цѣлую партію арестованныхъ офицеровъ по дорогѣ въ тюрьму, казаки караула остановили поѣздъ, состоящій изъ 2-хъ вагоновъ и паровоза, за версту до станціи и повели арестованныхъ полемъ, минуя городъ. До станціи дошли благополучно и тронулись на югъ. На ст. Кондратовка въ вагонъ былъ посажены арестованные генералъ Секретевъ и ур. Щипилевъ, тоже для доставки въ Новочеркасскъ. Генерала Секретева, въ составѣ партіи въ 60 человѣкъ арестованныхъ, везли наканунѣ въ Луганскъ. Казаки Луганской станицы рѣшили не допускать больше вывоза Донскихъ офицеровъ изъ предѣловъ Области и отбивъ на станціи всю партію ,отвели въ станицу, гдѣ разобрали по домамъ, принявъ всѣхъ съ большой заботой.

Однако, вскорѣ прибылъ карательный отрядъ, который отобралъ всѣхъ арестованныхъ, причемъ во время очень короткой перестрѣлки былъ легко раненъ въ шею генералъ Секретевъ. Секретевъ, какъ раненый былъ оставленъ въ станицѣ, остальныхъ отбитыхъ повели ночью съ фонарями на Луганскъ и, по слухамъ, разстрѣляли въ какой-то балкѣ.

Въ Новочеркасскъ поѣздъ прибылъ 9-го марта утромъ и арестованныхъ привели на гауптвахту, охранявшуюся казачьимъ карауломъ.

Уже изъ разсказа генерала Секретева ясна была картина полнаго перелома казачьихъ настроеній. На гауптвахтѣ этотъ переломъ былъ еще виднѣе. Караульный урядникъ сразу же заявилъ, что счетомъ арестованныхъ ни принимать, ни сдавать слѣдующему караулу онъ не будетъ, что онъ отпускаетъ арестованныхъ поодиночно за виномъ, за кипяткомъ (нѣкоторые уходили ночевать домой), и, если кому что грозитъ, то онъ ничего не имѣетъ, если отпущенный имъ «за кипяткомъ» не вернется на гауптвахту.

Гауптвахта была полна офицерами, коихъ слѣдственная комиссія Ревкома, состоявшая изъ казаковъ, освобождала пачками.

На гауптвахту приходили изъ состава «Гвардейской Революціонной сотни» (о коей говорилось выше) командиръ сотни урядникъ Мироновъ, предсѣдатель сотеннаго комитета урядникъ Фетисовъ и казаки сотни. Видно было, что они искренне обрадованы видѣть своихъ старыхъ офицеровъ, просили не бозпокоиться, ибо сотня постановила просить освобожденія и беретъ всѣхъ на поруки. Въ частномъ разговорѣ съ полковникомъ Оприцемъ, своимъ бывшимъ командиромъ сотни по Лейбъ-Гвардіи Казачьему полку, урядникъ Мироновъ говорилъ о близости возстанія противъ большевиковъ и о своемъ сочувствіи возстанію.

Вскорѣ прибылъ на гауптвахту и Смирновъ. Хотя офицеры были вывезены изъ Луганска благодаря ему, но видъ у него былъ смущенный, и онъ явно не зналъ, какъ себя держать. Офицеры знали, что Смирновъ уже въ большомъ подозрѣніи у большевиковъ, и пріѣздъ его на гауптвахту къ «калединовцамъ» являлся все же, если не подвигомъ, то смѣлостью. Поэтому полковникъ Дьяковъ первый, а за нимъ и другіе, протянули ему руку. Смирновъ сразу оживился, просилъ не безпокоиться, но сказалъ, что, дабы не навлечь подозрѣній въ нарочитости привоза изъ Луганска, ранѣе должны выпустить двѣ-три партіи другихъ арестованныхъ (дѣйствительно, на другой день была выпущена партія въ 3 десятка Донскихъ офицеровъ, во главѣ коихъ былъ и хорунжій Григ. Чапчиковъ, позже привезенный изъ ст. Каменской).

Въ частномъ разговорѣ съ полковникомъ Дьяковымъ, Смирновъ конфиденціально говорилъ что ждетъ прибытія орудій двухъ батарей тяжелыхъ гаубицъ, и какъ ихъ получитъ, то повернетъ противъ большевиковъ.

Черезъ два дня арестованныхъ вызвали въ слѣдственную комиссію, состоявшую изъ казаковъ. По прибытіи, и. д. предсѣдателя Рябовъ ,повидимому офицеръ-Донецъ, пригласилъ всѣхъ сѣсть и послѣ получаса мирной бесѣды о порядкахъ въ Луганской тюрьмѣ, всѣ были отпущены подъ «поручительство казаковъ» Гвардейской Революціонной сотни, съ выдачей документовъ на право жительства въ Новочеркасскѣ, безъ права выѣзда.

Въ ту же ночь случилось большое несчастье.

Только что отпущенные на свободу съ гауптвахты офицеры Лейбъ-Казаки подъесаулы М. М. Чеботаревъ и остановившійся у него на квартирѣ Ю. Персидскій были ночью убиты какой-то бандой красныхъ грабителей, вторгшейся въ домъ, подъ предлогомъ обыска. Перебита была вся семья подъесаула Чеботарева ударами по черепу ружейнымъ стволомъ, отнятымъ отъ ложа. Подъесаулъ Чеботаревъ защищался, такъ какъ былъ найденъ на полу, подъесаулъ Персидскій былъ убитъ во снѣ въ кровати.

Съ пріѣздомъ изъ Луганска командира и освобожденныхъ вмѣстѣ офицеровъ дѣйствительнаго состава полка, къ нимъ присоединились офицеры того же состава, остававшіеся въ Новочеркасскѣ, и получилась уже внушительная группа, принявшая горячее участіе въ борьбѣ за освобожденіе города отъ большевиковъ.

По окончаніи Ледяного и Степного походовъ, въ Новочеркасскъ прибыли и присоединились Лейбъ-Казаки, въ этихъ походахъ участіе принимавшіе, поэтому въ слѣдующихъ V-й и VI-й главахъ будетъ данъ краткій очеркъ 1-го Кубанскаго Ледяного и Степного походовъ.

ГЛАВА V.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ.

Основанie на Дону Добровольческой Армiи. — Ея составъ и цѣли. — Оставленie Ростова. — Оставленie Донцами города Новочеркасска. — Образованie группы Походнаго Атамана генерала П. Х. Попова. — Образованie Донского Партизанскаго полка генерала А П. Богаевскаго въ ст. Ольгинской. — Уходъ Степняковъ въ Задонье, а Партизанъ въ Кубанскiй походъ. — Причины раздѣленiя борющихся съ большевиками силъ. — 1-й Кубанскiй походъ. — Общая характеристика. — Бои подъ Выселками у ст. Кореновской и Усть-Лабинской. — Соединенie съ Кубанскими добровольцами генерала Покровскаго. — Атака Екатеринодара. — Смерть въ конной атакѣ Лейбъ-Казаковъ есаула Рыковскаго и подъесаула Плеве. — Смерть Корнилова. — Отходъ отъ Екатеринодара. — Бой генерала Маркова у Медвѣдовской. — Приходъ Добровольческой Армiи въ ст. Егорлыкскую на Донъ.

Съ распадомъ фронта Великой войны, всѣ большiе центры: Петербургъ — Москва — Кiевъ — Одесса были забиты русскимъ офицерствомъ. Много офицеровъ находилось въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ.

Въ ноябрѣ и декабрѣ на Донъ прибылъ рядъ генераловъ, пользовавшихся въ Армiи широкой извѣстностью.

Съ ихъ прiѣздомъ возникла Алексѣевская Военная Организацiя, состоявшая изъ объединившихся вокругъ генерала Алексѣева добровольцевъ-офицеровъ. Съ прибытiемъ на Донъ генерала Корнилова, эта организацiя развернулась въ Добровольческую Армiю.

Цѣли Армiи указаны въ воззванiи, выпущенномъ 9-го февраля 1918 г.:

1. «Противостоять надвигающейся анархiи и нѣмецко-большевистскому нашествiю»... «Добровольческое движенie должно стать всеобщимъ, снова, какъ 300 лѣтъ назадъ, вся Россiя должна подняться всенароднымъ ополченiемъ на защиту своихъ правъ»...
2. «Рука объ руку съ доблестнымъ казачествомъ противостоять вооруженному нападенiю большевиковъ на Югъ и Юго-Востокъ..., защищая самостоятельность Областей, давшихъ прiютъ и являющихся послѣднимъ оплотомъ русской независимости — послѣдней надеждой на возстановленie Великой Свободной Россiи»...
3. «Новая Армiя должна стать на стражѣ гражданской свободы, въ ус-

ловіяхъ, кои хозяинъ земли Русской — народъ — —выявитъ черезъ посредство избраннаго Учредительнаго Собранія»...

Изъ кого же сотояла Добровольческая Армія?

Отвѣтимъ цитатой изъ цѣннѣйшаго очерка генерала Деникина:

...«Отозвались офицеры, юнкера и учащаяся молодежь и очень мало «прочихъ земскихъ и городскихъ людей». Всенароднаго ополченія не вышло. Армія въ зародышѣ имѣла органическій недостатокъ, пріобрѣтая классовый характеръ»...

Армія была немногочисленная, такъ какъ даже офицерство, единственное сословіе въ Россіи, показавшееся себя въ 10 мѣсяцевъ революціи проникнутымъ чувствами государственности и подлинной жертвенности, вначалѣ откликнулось относительно невысокимъ процентомъ записавшихся добровольцевъ.

Объяснить этотъ фактъ трусостью незаписавшихся было бы слишкомъ просто и неправильно, хотя бы потому, что позднѣе, при возвращеніи Добровольческой Арміи изъ Ледяного похода на Донъ, на базу, созданную возставшимъ противъ большевиковъ Донскимъ Казачествомъ, офицерство (какъ и добровольно влившееся широкой волною, такъ и поступившее въ порядкѣ мобилизаціонномъ) показало не только много высокой доблести, но и выдѣлило изъ своей среды рядъ способнѣйшихъ и смѣлыхъ военначальниковъ.

Причинами первоначально вялаго отклика русскаго офицерства (помимо моральной усталости отъ только что пережитого, въ революціонный годъ, на фронтѣ) являлись неопредѣленность поставленныхъ Добровольческой Арміей цѣлей и непрочность территоріальной базы.

Сама по себѣ борьба съ большевиками являлась не цѣлью, а средствомъ.

Опредѣленнымъ цѣлямъ, ясно и выпукло поставленнымъ противникомъ: захватъ власти, передача земли крестьянамъ, заводовъ — рабочимъ, и общій передѣлъ цѣнностей — Добровольческой Арміей противопоставлялась туманная «державная воля народа», выраженная впослѣдствіи черезъ Учредительное Собраніе. Идея Учредительнаго Собранія не говорила ни уму, ни сердцу офицера. Послѣ 10 мѣсяцевъ революціи, Учредительное Собраніе, даже свободное отъ большевиковъ, представлялось, какъ собраніе представителей русской, выдвинутой революціей на поверхность, революціонной полуинтеллигенціи, пропитанной анти-государственными настроеніями и поэтому враждебной офицерству. Еще болѣе вѣру въ успѣхъ дѣла Добровольческой Арміи подрывала явная непрочность ея территоріальной базы, гдѣ иногороднее населеніе было настроено уже большевистски, а въ казачьемъ — быстро развивалась склонность къ идеѣ «нейтралитета трудового казачества», съ родственнымъ этой идеѣ «паритетомъ», какъ средствомъ откупиться безъ борьбы отъ большевистскаго владычества.

Въ отношеніи Донского офицерства дѣйствовала и особая своя казачья причина.

Офицерство казачье кровно и жизненно было связано съ рядовымъ казакомъ въ неизмѣримо большей степени, нежели офицеры съ солдатами регулярныхъ частей.

Оно вернулось на Донъ въ составѣ своихъ полковъ и не могло эти пол-

ки покинуть до законнаго роспуска. Въ распущенныхъ полкахъ оно переходило какъ бы на знакомую службу въ полкахъ 2-й и 3-й очереди мирнаго времени. Офицерству казачьему трудно было мыслить борьбу не только противъ своего рядового казака, но даже и безъ него. Оно, кромѣ того, хорошо понимало искусственность идеи трудового казачьяго нейтралитета къ большевизму и, вѣря въ близость перелома, естественно не было склонно отрываться отъ своей кровной почвы.

Лишь послѣ паденія Новочеркасска Донцы влились мощной группой въ Добровольческую Армію, пополнивъ послѣднюю, въ станицѣ Ольгинской, на 1/3 общаго ея состава.

Въ заключеніе приведемъ характеристику первыхъ добровольцевъ, сдѣланную генераломъ Деникинымъ.

...«Добровольцы были чужды политикѣ, вѣрны идеѣ спасенія страны, храбры въ бояхъ и вѣрны Корнилову. Впереди ихъ ждало увѣчье, скитаніе, многихъ смерть, побѣда представлялась въ далекомъ будущемъ. Они дрались на подступахъ къ Ростову, зная, что сотни тысячъ казаковъ и ростовской буржуазіи за ихъ спиной живутъ легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя, какъ бѣснуется богатѣйшій Ростовъ, финансовая знать котораго съ большимъ трудомъ пожертвовала на армію два милліона рублей, быстро растворившихся въ ея бездонной нуждѣ. Они встрѣтили въ обществѣ равнодушіе, въ народѣ вражду, въ резолюціяхъ революціонныхъ учрежденій и въ соціалистической печати злобу, клевету и поношеніе»...

3-го февраля, съ разрѣшенія Атамана и Донского Правительства, въ офицерскомъ собраніи города Новочеркасска шла запись въ Добровольческія Офицерскія части.

«Я, генералъ Корниловъ, говорилось въ воззваніи, успѣшно отбиваю наступленіе красныхъ бандъ на подступахъ къ Ростову. Я съ честью выведу всѣхъ къ побѣдѣ, кто пойдетъ за мной противъ красныхъ разбойниковъ.

Мнѣ нужна отъ бойца только увѣренность въ себѣ и въ правоту своего дѣла»...

Въ тотъ же день въ Ростовъ, въ штабъ Добровольческой Арміи выѣхали три офицера Лейбъ-Казака — есаулъ Я. Ф. Рыковскій, подъесаулы Н. П. Плеве и Ф. Ф. Рыковскій. Въ штабѣ, помѣщавшемся въ особнякѣ Парамонова, ихъ принялъ очень тепло самъ генералъ Алексѣевъ. Въ разговорѣ онъ сообщилъ, что если Донъ срочно не дастъ 2.000 пѣхоты и 200 конницы, то Добровольческая Армія вынуждена будетъ покинуть Ростовъ.

7-го февраля Атаманъ Назаровъ съ грустью сообщилъ, что ничего дать не можетъ и не смѣетъ дальше задерживать Добровольцевъ въ Ростовѣ.

Три пріѣхавшіе Лейбъ-Казака зачислились въ Донской Партизанскій отрядъ полковника Краснянскаго, численностью въ 120 штыковъ, состоявшій на 3/4 изъ донскихъ офицеровъ, на 1/4 — юнкеровъ, кадетъ и гимназистовъ и раздѣленный на два взвода. Есаулъ Я. Рыковскій былъ назначенъ командиромъ 1-го взвода, подъесаулъ Н. И. Плеве его помощникомъ. Подъесаулъ

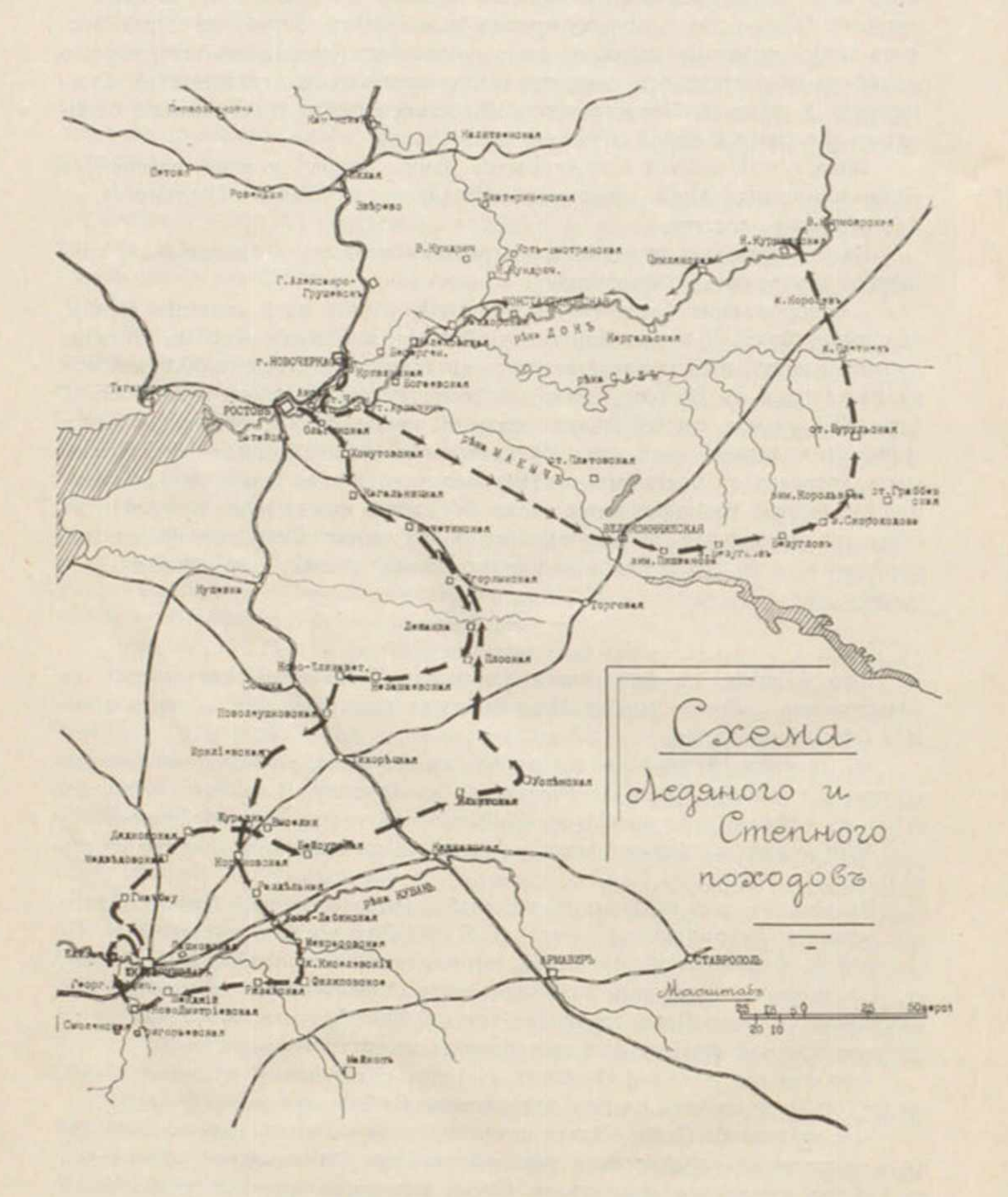


Схема
Ледяного и Степного походовъ
Масштабъ
Звѣрево
г. НОВОЧЕРКАССКЪ
РОСТОВЪ
Комутовская
Кагальницкая
Богаевская
Катериновская
Кургальская
рѣка ДОНЪ
рѣка МАНЫЧЪ
ст. Платовская
Торговая
ст. Егорлыкская
Лежанка
Плоская
Незамаевская
Ново-Лѣушковская
Тихорѣцкая
Успенская
Ильинская
Выселки
Кореновская
Кавказская
рѣка КУБАНЬ
Ново-Дмитріевская
Филипповское
АРМАВИРЪ
СТАВРОПОЛЬ
Майкопъ

Ф. Ф. Рыковскій, какъ прибывшій съ лошадью, былъ зачисленъ ординарцемъ отряда, причемъ вторымъ коннымъ ординарцемъ былъ сотникъ А. М. Жеребковъ, внукъ коренного Лейбъ-Казака и самъ впослѣдствіи офицеръ полка.

Въ отрядѣ царила безупречная дисциплина, честность и взаимная поддержка въ боевой работѣ.

7-го февраля отрядъ полковника Краснянскаго велъ бой съ красными, защищая Ростовъ отъ обхода со стороны Темерника. Несмотря на десятикратное превосходство красныхъ, партизаны, лежа съ утра на морозѣ, огнемъ успѣшно отбили всѣ попытки атакъ противника.

Къ вечеру былъ полученъ слѣдующій приказъ:

«Добрармія на всемъ фронтѣ отбила атаки красныхъ съ большими для нихъ потерями. Потери наши не велики. Но, не получая отъ Дона пополненій, вслѣдствіе отступленія Донцовъ на сѣверъ и угрозы Арміи съ юга, она покидаетъ Ростовъ.

Съ наступленіемъ темноты частямъ незамѣтно для противника отходить по дорогѣ на Аксайскую станицу»

Такъ начался походъ Добровольческой Арміи.

«Армія уходила, пишетъ генералъ Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ», отъ духовнаго рабства въ безвѣстныя скитанія. Малая числомъ, оборванная, затравленная, окруженная со всѣхъ сторонъ — шла, какъ символъ гонимой Россіи и русской государственности... На всемъ необъятномъ просторѣ страны оставалось одно мѣсто, гдѣ открыто развѣвался трехцвѣтный національный флагъ, — и этотъ флагъ звалъ къ борьбѣ тѣхъ, кто еще не проснулся — въ этомъ былъ глубокій смыслъ перваго Кубанскаго похода».

Ночь на 8-ое февраля отрядъ Краснянскаго ночевалъ въ Аксайской станицѣ, перейдя на слѣдующій день въ станицу Ольгинскую, гдѣ Добровольческая Армія простояла нѣсколько дней, приводя себя въ порядокъ.

Въ ночь на 13-ое февраля Лейбъ-Казаки отряда полковника Краснянскаго были въ сторожевомъ охраненіи у моста черезъ Донъ. Впереди раздался шумъ идущихъ и разговаривающихъ, стали вырисовываться и силуэты. «Стой, кто идетъ?» — «Свои, изъ Донской Арміи», послышался отвѣтъ голосомъ подъесаула С. Краснова и къ радости Лейбъ-Казаковъ сторожевого охраненія, въ пришедшей группѣ Донцовъ оказались пришедшіе съ подступовъ Новочеркасска однополчане: подъесаулъ С. Красновъ, хорунжіе Ляховъ, братья Сергѣй и Григорій Чекуновы, подхорунжій Мигулинъ и казакъ Харламовъ.

По приказу генерала Богаевскаго, всѣ прибывшіе были зачислены въ пулеметную команду партизанъ полковника Краснянскаго, такъ какъ привезли съ собой пулеметъ. Начальникомъ команды былъ назначенъ подъесаулъ Красновъ и подчиненъ к-ру 1-го взвода есаулу Рыковскому.

Отъ прибывшихъ Добровольцы узнали объ оставленіи Новочеркасска и объ образованіи полуторатысячнаго отряда Донцовъ Походнаго Атамана генерала Попова, двинувшагося въ Сальскій округъ, въ раіонъ зимовниковъ, богатыхъ хлѣбомъ, фуражемъ, лошадьми и скотомъ.

Туда же первоначально рѣшилъ идти и Корниловъ, и Добрармія, простоявъ 4 дня на мѣстѣ, двинулась черезъ Кагальницкую на Мечетинскую ста-

ницу. Здѣсь генералъ Корниловъ перемѣнилъ рѣшеніе и повернулъ на Кубань, пославъ генералу Попову предложеніе присоединиться. Генералъ Поповъ отказался, мотивировавъ настроеніемъ своего отряда, не желающаго покидать Донъ ,въ чаяніи въ его степяхъ выждать пробужденіе Донского казачества. Генералъ Корниловъ собралъ командировъ отдѣльныхъ частей Добровольческой Арміи, чтобы объявить свое рѣшеніе двигаться на Кубань.

«Корниловъ, какъ всегда, рѣзко и сухо, — говоритъ генералъ Деникинъ, — изложилъ мотивы и императивно указалъ новое направленіе. Но взоръ его испытующе и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдилъ за лицами Донскихъ партизанъ. Пойдутъ ли съ Дона?

Партизаны смущены, нѣкоторые опечалены. Но въ душѣ выборъ сдѣланъ: идутъ за Корниловымъ»...

...«Историкъ пояснитъ непостижимое для военнаго, — пишетъ въ своихъ «Запискахъ» бывшій командующій Донской Арміей, генералъ Денисовъ, — раздвоеніе силъ, борющихся съ большевиками, а также и причину раздѣленія Донскихъ казаковъ, частью отправившихся съ Добровольческой Арміей, частью оставшихся съ Походнымъ Атаманомъ генераломъ Поповымъ»...

Первоначальное рѣшеніе генерала Корнилова, въ согласіи съ Походнымъ Атаманомъ генераломъ Поповымъ, идти съ Задонье, поддерживалось и генераломъ Лукомскимъ... «Я высказалъ, — читаемъ мы въ мемуарахъ генерала Лукомскаго, — что лучше перейти въ раіонъ зимовниковъ, гдѣ, прикрываясь съ сѣвера Дономъ и находясь въ отдаленіи отъ желѣзной дороги, переформируемъ Армію, пополнимъ обозъ и нѣсколько отдохнемъ... Большевики мѣсяца два намъ не будутъ страшны: они не посмѣютъ оторваться отъ желѣзной дороги... Мѣсяца же черезъ два, съ новыми силами, въ зависимости отъ обстановки, которая къ тому времени выяснится, примемъ то или иное рѣшеніе»...

Рѣзко противъ движенія въ Задонье былъ генералъ Алексѣевъ, повидимому, главнымъ мотивомъ котораго было: «Пребываніе наше въ степяхъ поставитъ насъ въ сторону отъ общаго хода развитія событій въ Россіи»...

Генералъ Алексѣевъ былъ поддержанъ генераломъ Деникинымъ: «На Кубани, въ противоположность Дону, мы ожидали встрѣтить сочувственное настроеніе, борющуюся власть и добровольческія силы, которыя значительно преувеличивались молвою. Наконецъ, Екатеринодаръ, уцѣлѣвшій отъ захвата большевиками, давалъ, казалось, возможность начать новую большую организаціонную работу»... («Очерки» ген. Денкина, стр. 231, т. II).

Нужно замѣтить, что подлинной обстановки Задонья и Кубани никто не зналъ, и рѣшенія строились на предполагаемыхъ данныхъ *).

---

*) Представляется страннымъ, почему не учитывались данныя, кои, казалось, не могли не быть извѣстными. Къ такимъ даннымъ отнесемъ условность такъ называемаго казачьяго большевизма, «лишеннаго всякой идеологіи». (Ген. Деникинъ. «Очерки». Томъ I, вып. 2. Стр. 126), находившагося въ остромъ противорѣчіи съ казачьимъ укладомъ жизни, а поэтому явно обреченнаго на скорый конецъ.

Подобной данной могла служить и неудача опыта организаціонной работы ге-

Никто не могъ знать, что жизнь рѣшитъ вопросъ по-своему и что Добровольческая Армія, выйдя изъ станицы Егорлыкской, ровно два мѣсяца спустя, въ поискахъ прочной базы, вернется въ ту же станицу, въ свое исходное положеніе на Донъ. Вернется — утративъ Корнилова, рядъ выдающихся начальниковъ, переживъ рядъ критическихъ положеній, когда только высокій героизмъ ея состава — отъ рядового до начальника, спасалъ отъ полной и конечной гибели.

Какъ бы то ни было, но въ спорѣ, гдѣ на одной сторонѣ были бывшій Верховный Главнокомандующій всѣми Арміями Россійскаго фронта генералъ Алексѣевъ, и бывшій командующій Юго-Западнымъ фронтомъ генералъ Деникинъ, правымъ оказался, какъ будто, скромный начальникъ Новочеркасскаго Юнкерскаго Училища, обладавшій весьма небольшимъ строевымъ цензомъ и притомъ лишенный малѣйшаго боевого опыта, генералъ П. Х. Поповъ.

Ген. П. Х. Поповъ вѣрилъ въ Донъ, коему судьбою было предуказано быть базою всей борьбы съ большевиками на Югѣ Россіи. Къ близости возможности всероссійскаго ополченія, когда вся Россія «встанетъ, какъ 300 лѣтъ назадъ», относился, повидимому, скептически, какъ къ далекой мечтѣ, не забывая, что и въ ополченіи Смутнаго времени казачество играло одну изъ главенствующихъ и рѣшающихъ ролей, притомъ не только какъ воинской силы, но и какъ основоположника начала Великой Державной Россійской Государственности.

Поэтому генералъ Поповъ не боялся опоздать къ рѣшительному часу перелома россійскихъ настроеній, а задался лишь ограниченной цѣлью сохраненія жизни людей, ему довѣрившихся, для ожидающей ихъ въ отдаленномъ будущемъ боевой работы.

Этой ограниченной цѣли отвѣчало движеніе въ относительно спокойный, лежащій въ сторонѣ и слабо населенный Сальскій округъ...

Итакъ, начался первый, безпримѣрный въ исторіи, Кубанскій походъ.

Шли, плохо одѣтые, безъ денегъ, пополняя боевые припасы отнятымъ съ боя у большевиковъ. Армія шла, окруженная со всѣхъ сторонъ противникомъ. Почти каждый день приходилось давать бои въ авангардѣ ,на флангахъ или въ аріергардѣ. Шли по проселочнымъ дорогамъ черноземнаго Юга Россіи въ самое трудное время года, то утопая въ грязи, то замерзая отъ холода.

Съ Арміей шелъ и обозъ съ ранеными, число коихъ дошло подъ Екатеринодаромъ до 1/4 всего боевого состава. Генералъ Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ» такъ описываетъ положеніе раненыхъ: «Почти каждый день длинный утомительный походъ; въ тряской телѣгѣ, въ невылазной грязи, по кочкамъ, рытвинамъ, иногда рысью. Три четверти дня подъ открытымъ не-

---

нерала Алексѣева въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ.

Въ Казачествѣ — Дону всегда принадлежала ведущая роль и, слѣдовательно, то, что не удалось, по условіямъ времени, на Дону, не могло удасться на Кубани.

По той же причинѣ избавленіе Дона отъ большевизма должно было начаться ранѣе Кубани.

бомъ въ полѣ, подъ проливнымъ дождемъ или въ жестокую стужу, отъ коей не спасала жидкая шинель. Ночлегъ въ только что взятой съ боя станицѣ, которая не могла дать въ краткій срокъ ни достаточно крышъ, ни продовольствія для набившихся воиновъ. Иногда двое сутокъ безъ ночлега и разгрузки... И на походѣ, и на остановкѣ сухой трескъ рвущихся возлѣ снарядовъ... Почти не было ни инструментовъ, ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ... Раненые испытывали невѣроятныя страданія, умирали отъ зараженія крови даже легко раненые... смерть витала надъ лазаретомъ»...

Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть и о работѣ сестеръ милосердія въ совершенно невѣроятныхъ для лазарета условіяхъ *). «Ихъ было не такъ много и тѣмъ болѣе велика была ихъ работа... Днемъ и ночью по невылазной грязи, онѣ рѣдко садились на подводу, еле идущія сами, помогая подчасъ ихъ вытаскивать... Шли зачастую подъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ противника, вечеромъ устраивали и укладывали своихъ раненыхъ въ только что отнятой у красныхъ станицѣ. Ночью, когда всѣ спали, сестры сидятъ у раненыхъ, ухаживаютъ, даютъ имъ воду, кормятъ. Утромъ же будятъ, поятъ чаемъ, укладываютъ на подводы, ничѣмъ не показывая, что онѣ почти 24 часа на ногахъ ,часто безъ ѣды»...

Одна изъ нихъ, сестра Лейбъ-Казаковъ есаула и подъесаула Рыковскихъ, Ольга Федоровна, впослѣдствіи супруга Лейбъ-Казака полковника К. Р. Поздѣева, разсказывала, что, бывало, совершенно усталая «захочешь взять въ ротъ кусокъ ѣды и тутъ же встрѣтишь взглядъ полуголоднаго раненаго, и нѣтъ ни силъ ,ни возможности отказать и не отдать послѣдняго»...

Первый бой на походѣ былъ данъ у ст. Хомутовской, причемъ красная конница, пытавшаяся атаковать, была легко отогнана. Егорлыкская станица, на коей кончалась Донская Область, встрѣтила Добровольческую Армію исключительно сердечно и привѣтливо.

Первый серьезный бой разыгрался 21-го февраля, при переходѣ Арміи въ Ставропольскую губернію, у сел. Лежанка, гдѣ большевики сосредоточили довольно крупныя силы съ артиллеріей. Лихой фронтальной атакой офицерскаго полка и во флангъ — Корниловскаго, большевики бы смяты и, оставивъ на мѣстѣ 500 труповъ, бѣжали.

23-го февраля Дебровольческая Армія у ст. Новокорсунской (Плоская) вступили на Кубань. Кубанскіе казаки встрѣтили Добровольцевъ относительно привѣтливо. Восточныя станицы Кубани еще не испытали большевистскаго нашествія, почему настроеніе Кубанскаго казачества было выжидательнымъ. Колеблющемуся настроенію давало перевѣсъ присутствіе сколько-нибудь значительной силы. Поэтому, если нѣкоторыя станицы (Брюховецкая, Незамаевская) не только радушно принимали, но и давали небольшія пополненія казаками добровольцами, то въ другихъ станицахъ, гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ фронтовиковъ и иногороднихъ, Добровольцы наталкива-

*) Цитируется по разсказу Б. Суворина.

лись и на выступленія противъ нихъ кубанскихъ казаковъ (какъ то было въ ст. Березанской и подъ Екатеринодаромъ).

20-го февраля Добровольческая Армія, перейдя Владикавказскую дорогу у ст. Новолеушковской, двинулась на Екатеринодаръ. Корниловъ полагалъ ударить въ тылъ атакующихъ Екатеринодаръ красныхъ.

2-го марта Добровольческая Армія подошла къ Выселкамъ. Выбивъ красныхъ изъ Выселокъ и оставивъ тамъ конный дивизіонъ слабаго состава, Армія расположилась въ ст. Журавской на ночлегъ. Значительныя силы красныхъ не то легко вытѣснили изъ Выселокъ конный дивизіонъ, не то, по недоразмѣнію, онъ самъ ушелъ. Какъ бы то ни было, но Выселки, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ночующей въ Журавской Добровольческой Арміей, оказались заняты ночью значительными силами красныхъ. Генералу Богаевскому было приказано выбить ночной атакой противника изъ Выселокъ. Однако, былъ сильнѣйшій холодъ, въ маленькой станицѣ не хватило крышъ, и партизаны, голодные и усталые, оставались подъ открытымъ небомъ весь вечеръ и ночь, почему генералъ Богаевскій отложилъ атаку до утра. Съ разсвѣтомъ цѣпи Донскихъ партизанъ полковника Краснянскаго, Лазарева, Курочкина и Власова ,подъ рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ противника, развернувшись, начали наступать на Выселки. Противникъ за ночь окопался и встрѣтилъ атакующихъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Бросились въ атаку партизаны.

...«Валятся люди, рѣдѣютъ цѣпи. Изъ каменнаго зданія мельницы въ тылъ и во флангъ партизанамъ былъ открытъ сильнѣйшій пулеметный огонь. Партизаны Курочкина и Лазарева, понеся большія потери, залегли, и только отрядъ полковника Краснянскаго, удачно пользуясь складками мѣстности и неся относительно малыя потери, продолжаетъ наступать. Есаулъ Рыковскій сосредоточиваетъ на флангѣ противника весь 1-й взводъ. Генералъ Корниловъ, видя серьезность положенія, двигаетъ изъ Малеванаго — въ обходъ — Корниловцевъ — и — прямо на село —Марковцевъ. Подошли Марковцы. Грозное «ура», и Донскіе партизаны, охватившіе лѣвый флангъ противника, бросаются впередъ. Доблестный полковникъ Краснянскій смертельно раненъ въ животъ (на слѣдующій день скончался), но противникъ бѣжитъ»... *)

Въ самомъ началѣ боя подъ Выселками пулеметы полковника Краснова и хорунжаго Ляхова отбили конную атаку на лѣвый флангъ партизанъ, а затѣмъ, своимъ мѣткимъ огнемъ заставили замолчать 3 пулемета противника, прислуга коихъ, какъ выяснилось послѣ занятія окопа, была перебита.

Доблестный начальникъ отряда полковникъ Тихонъ Петровичъ Краснянскій руководилъ боемъ стоя въ цѣпи, во весь ростъ, и на всѣ уговоры подчиненныхъ себя поберечь отвѣтилъ отказомъ и погибъ смертью храбрыхъ въ 2-хъ шагахъ отъ пулемета подъесаула Краснова.

Дорого обошлась партизанамъ атака. Погибли доблестные начальники:

---

*) Описаніе боевъ настоящей главы дается по разсказамъ и описаніямъ однополчанъ-участниковъ: полковника С. Краснова, войск. старш. Ф. Рыковскаго, ес. Н. Ляхова и сотн. Г. Мигулина.

полковникъ Краснянскій, Власовъ, раненъ Лазаревъ, громадныя потери понесла молодежь Чернецовскаго отряда. Изъ 1-го взвода въ 50 человѣкъ есаула Рыковскаго выбыло 13 человѣкъ.

Взглядъ Корнилова печаленъ: велики потери. Подъѣхавшему съ донесеніемъ отъ генерала Богаевскаго подъесаулу Рыковскому Корниловъ сказалъ: «Много доблести проявлено партизанами сего дня, но много потерь... Какіе же они, никакъ не угомонятся, каждый спѣшитъ обогнать другого»... Собираются въ колонну партизаны. Отрядъ полковника Краснянскаго, въ командованіе коимъ вступилъ полковникъ Писаревъ, уже построился. Подъѣзжаетъ генералъ Корниловъ: «Вы сегодня отлично дѣйствовали и показали себя достойными первыхъ рядовъ Арміи. Къ сожалѣнію, въ отрядѣ много потерь», — слышится лестная оцѣнка Командующаго Арміей».

Въ Выселкахъ узнали, что недавно былъ здѣсь бой красныхъ съ Кубанскими партизанами Покровскаго, неудачный для послѣднихъ, причемъ ходили слухи, что Екатеринодаръ покинутъ ими. По слухамъ, въ станицѣ Кореновской сосредоточено до 10 тысячъ большевиковъ съ бронепоѣздами и съ сильной артиллеріей. Командуетъ красными Кубанскій казакъ фельдшеръ Сорокинъ.

4-го марта Добровольческая Армія атаковала Кореновскую. Начали атаку юнкера и кадеты Боровскаго, почти дѣти, мужественно наступавшіе на станицу. Главная атака по направленію на станицу велась Офицерскимъ и Корниловскимъ полками. Красные держались стойко и развивали бѣшеный артиллерійскій и ружейный огонь.

...«Корниловцы залегли, дрогнули и стали медленно отходить; за ними валятъ нестройными кучами большевики. Изъ обоза подносятъ послѣдніе запасы патроновъ. Корниловцы пріостановились, качнулись и вновь медленно поддались впередъ. Залегли теперь большевики»...

Въ резервѣ Корнилова Донской Партизанскій полкъ.

Генералъ Богаевскій посылаетъ ординарца подъесаула Рыковскаго за приказаніями къ генералу Корнилову. Быстро подъ пулями выносится впередъ подъесаулъ Рыковскій, ища генерала Корнилова. Передъ нимъ весь бой, какъ на ладони. Простымъ глазомъ видны батареи и засѣвшія густыя массы противника. Вдоль желѣзной дороги движутся то назадъ, то впередъ бронепоѣзда. Неподалеку цѣпей наступающаго вдоль желѣзной дороги Офицерскаго полка небольшой холмъ, за коимъ группа лошадей и трехцвѣтный флагъ.

...«На холмѣ одинокая фигурка. То Командующій Арміей. Подъес. Рыковскій подъѣзжаетъ къ нему. Не отрываясь отъ бинокля, генералъ Корниловъ говоритъ: «Передайте генералу Богаевскому, что ему нужно двигаться... впрочемъ, попросите генерала ко мнѣ». Подъѣзжаетъ медленнымъ, но размашистымъ галопомъ генералъ Богаевскій. Видно, какъ генералъ Корниловъ, отдавая приказаніе, показываетъ вправо рукой.

Быстро впередъ и вправо выдвигаются Донскіе партизаны, и какъ разъ пора — густыя цѣпи красныхъ начали обходить нашъ флангъ. Ударили партизаны. Батарея полковника Третьякова движется въ цѣпяхъ. Снялась и съ прямого выстрѣла бьетъ по юго-западной окраинѣ станицы.

Молодежь Боровскаго, уже два раза доходившая до окраины и выбитая оттуда, вмѣстѣ съ Донскими партизанами бросается впередъ, и черезъ полчаса станица взята. Противникъ бѣжитъ на Платнировскую станицу»...

Добровольческая Армія сильно пополнила въ Кореновской свои хозяйственные и боевые запасы, увы, доставшіеся дорогой цѣной — около 400 человѣкъ убитыми и ранеными выбыло изъ строя.

Вмѣсто ожидаемаго тыла, Добровольческая Армія имѣла передъ собою фронтъ противника, что подтвердило полученное извѣстіе объ уходѣ изъ Екатеринодара 13-го марта Кубанскаго Правительства и добровольцевъ Покровскаго.

Движеніе на Екатеринодаръ теряло смыслъ, и генералъ Корниловъ рѣшилъ идти за Лабу и Кубань, въ черкесскіе аулы, гдѣ расчитывалъ дать Арміи отдыхъ.

Въ ночь на 6-ое марта, Армія двинулась на Усть Лабинскую переправу.

...«Въ аріергардѣ шли Донскіе партизаны. Съ разсвѣтомъ противникъ началъ насѣдать на аріергардъ. Партизаны разсыпались въ цѣпь и задержались до отхода всей длинной колонны обоза». Взводъ есаула Рыковскаго въ цѣпи. Спокойно работаетъ пулеметъ подъесаула Краснова. Партизаны въ порядкѣ медленно отходятъ. Цѣпи красныхъ увеличиваются и увеличиваются. Одновременно и въ авангардѣ завязывается бой, ибо Усть Лабинская занята красными. Снаряды красныхъ, ведущихъ бой съ авангардомъ, рвутся частью надъ аріергардомъ. Слѣва замаячила красная конница, то появляясь, то исчезая въ туманѣ. Бьются на три фронта добровольцы, въ центрѣ же громадный обозъ съ 500 ранеными и со всѣмъ снабженіемъ арміи. Въ аріергардѣ патроны на исходѣ. Нажимъ красныхъ Сорокинцевъ усиливается, и генералъ Богаевскій ,въ первый разъ, посылаетъ къ Корнилову за помощью. Корниловъ ускоряетъ наступленіе авангарда. Въ аріергардъ подвозятъ патроны. Снова затрещалъ пулеметъ С. Краснова.

Наконецъ, лихимъ ударомъ авангардъ врывается въ Усть Лабинскую. Дорога свободна. Однако, получается донесеніе, что къ Кавказской ст. подошелъ и выгружается большой эшелонъ красныхъ, и скоро со стороны Кавказской начинаютъ рваться по Усть Лабинской тяжелые 6-дюймовые снаряды. Поспѣшно возвращается батальонъ Корниловцевъ и вмѣстѣ съ Офицерскимъ полкомъ бросается въ новую сторону: ударъ — и здѣсь большевики бѣгутъ. Добровольческая Армія движется не останавливаясь на ночлегъ въ ст. Некрасовскую. За сутки, съ боемъ на три стороны и совершивъ переправу черезъ Кубань, прошли 46 верстъ»...

Тяжелые бои вела Армія и въ слѣдующіе дни, перейдя съ боемъ на лѣвый берегъ Лабы.

11-го марта разъѣздъ полковника Ген. Шт. Барцевича вошелъ въсвязь съ Кубанскими добровольцами Покровскаго и, послѣ свиданія генерала Покровскаго съ генераломъ Корниловымъ, 14го, въ аулѣ Шенджія, было рѣшено соединиться и двигаться на Екатеринодаръ.

15-го марта Добровольческая Армія взяла Ново-Дмитріевскую. Всю ночь наканунѣ лилъ дождь, продолжавшійся и утромъ. Армія шла по сплошнымъ пространствамъ воды и жидкой грязи. Люди вымокли до костей. Къ по-

лудню повалилъ снѣгъ и задулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ. Одежда обледенѣла, захватывало дыханіе. Впереди слышалась перестрѣлка. Не доходя 2-хъ верстъ до станицы, движеніе уперлось въ рѣку, мостъ на коей оказался снесеннымъ. Переправлялись вбродъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, черезъ ледяную воду, подернувшуюся у береговъ тонкимъ слоемъ льда. Переправа затянулась до ночи. Въ головѣ переправился Марковскій офицерскій полкъ, подошедшій уже въ темнотѣ къ станицѣ. «Въ такую ночь все равно замерзнемъ въ полѣ», сказалъ генералъ Марковъ и кинулся съ полкомъ въ станицу.

Полузамерзшіе офицеры, падая, проваливаясь въ снѣгу и мѣсивѣ грязи, держа въ онѣмѣвшихъ рукахъ винтовки, бросились впередъ и въ темнотѣ завязали рукопашный бой съ выбѣгавшими изъ домовъ красными.

Станица была взята.

Утромъ большевики пытались отобрать ее обратно, но были отброшены.

Переходъ въ Ново-Двитріевскую былъ окрещенъ «Ледянымъ», откуда и пошло названіе 1-го Кубанскаго похода.

Черезъ нѣсколько дней подошли Кубанскіе добровольцы, и Армія была переформирована, получивъ, наконецъ, недостающую ей конницу и увеличивъ свой составъ до 6.000 бойцовъ.

Что же касается реорганизаціи конницы и, въ частности, Лейбъ-Казаковъ, то произошло слѣдующее. Еще до соединенія съ Кубанской Арміей, генералъ Корниловъ, ощущая большую нужду въ конницѣ, послѣ боя подъ Кореновской, гдѣ было захвачено въ плѣнъ небольшое количество лошадей, приказалъ посадить на нихъ въ первую очередь изъ рядовъ пѣхоты офицеровъ конныхъ полковъ, поручивъ это сдѣлать полковнику Гершельману. Осуществилась затаеная мечта Лейбъ-Казаковъ: во время дневки въ станицѣ Рязанской они получили лошадей. Конный взводъ есаула Я. Ф. Рыковскаго, въ составѣ всѣхъ 9 Лейбъ-Казаковъ и 25 Кубанскихъ казаковъ Брюховецкой станицы, вошелъ въ составъ коннаго дивизіона полковника Гершельмана.

Когда же произошло соединеніе съ Кубанской Арміей, Лейбъ-Казаки къ обоюдной радости увидѣли среди конницы генерала Эрдели — кадръ Конвоя Его Величества, — въ составѣ котораго находились: полковникъ Рашпиль, есаулы Вѣтерь и Галушкинъ. При встрѣчѣ Лейбъ-Казаки и Гвардейскіе Кубанскіе казаки рѣшаютъ соединиться вмѣстѣ. Генералъ Корниловъ пошелъ навстрѣчу ходатайству полковника Рашпиля, и съ его согласія была организована подъ командой полковника Рашпиля — въ Конномъ отрядѣ генерала Эрдели — Отдѣльная Гвардейская Казачья сотня. Составъ сотни былъ слѣдующимъ: Лейбъ-Казачій взводъ есаула Рыковскаго — 2-й взводъ офицеры и казаки Конвоя Его Величества, 3-й и 4-й взводы — казаки Варшавскаго Куб. дивизіона — всего около 100 шашекъ.

Къ сожалѣнію, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, бытіе этой сводной сотни оказалось кратковременнымъ...

Соединившись съ Кубанскими добровольцами Покровскаго, генералъ Корниловъ рѣшилъ взять Екатеринодаръ.... Было рѣшено: 1) разбить отряды противника, дѣйствовавшіе южнѣе Екатеринодара, для того, чтобы обезпечить возможность переправы и увеличить запасъ боевыхъ припасовъ за счетъ большевистскихъ складовъ, 2) внезапнымъ ударомъ захватить паромную переправу у Елисаветинской и 3) переправиться черезъ Кубань и взять Екатеринодаръ.

Къ 24-му марта бригада генерала Богаевскаго захватила Григорьевскую и Смоленскую. Въ этотъ день генералъ Марковъ, послѣ упорнаго боя занялъ Георге-Афипскую станицу, гдѣ былъ центръ Закубанскихъ красныхъ отрядовъ. Конница генерала Эрдели была брошена къ Елисаветинской для захвата переправы. Форсированнымъ 90-верстнымъ переходомъ конница генерала Эрдели, а въ составѣ ея и Лейбъ-Казаки, подошла къ ст. Елисаветинской и захватила переправу. За конницей подошла бригада генерала Богаевскаго. Быстро переправившись черезъ Кубань и преслѣдуя бѣгущихъ красныхъ, конница ворвалась на западную окраину Екатеринодара, гдѣ завязала упорный бой.

Точно установить численность красныхъ, занимавшихъ Екатеринодаръ, нельзя. Въ «Екатеринодарскихъ Извѣстіяхъ» было указано, что оборона Екатеринодара обошлась большевикамъ въ 15.000, изъ коихъ 10.000 ранеными. Цифра эта, вѣроятно, преувеличена, но все ранеными красными были забиты всѣ лазареты и санитарные поѣзда, непрерывно шедшіе на Тихорѣцкую.

Повидиомму, численность красныхъ нужно исчислять между 25 и 40 тысячами, при 3 броневыхъ поѣздахъ и двухъ десяткахъ орудій, имѣвшихъ громадный запасъ снарядовъ.

27-го марта бригада генерала Богаевскаго, пополненная добровольцами ст. Елисаветинской, давшей нѣсколько сотъ человѣкъ, возобновила атаку Екатеринодара, но красные, забаррикадировавъ всѣ улицы, оказали упорное сопротивленіе... Въ это время конница генерала Эрдели совершила 100-верстный рейдъ въ тылъ противника... Ей было приказано: зайти въ охватъ города съ сѣвера и сѣверо-востока, взорвать желѣзнодорожные пути, преградить большевикамъ пути по Черноморской и Владикавказской желѣзнымъ дорогамъ и поднять казаковъ станицы Пашковской.

Въ этотъ же день Донскіе партизаны и Корниловцы съ боемъ взяли прилежащіе чъ Екатеринодару ферму и хутора.

28-го марта шли упорные бои за обладаніе Екатеринодаромъ: съ утра красные перекрестнымъ огнемъ нѣсколькихъ батарей осыпали ферму и хутора, куда перешелъ генералъ Корниловъ со штабомъ. Встрѣтивъ самое упорное сопротивленіе, боевыя линіи Добровольцевъ остановились и не могли продвинуться впередъ — отсутствіе снарядовъ не позволяло подготовить атаку огнемъ артиллеріи... Только у генерала Эрдели шло дѣло успѣшно: конница его заняла Соды (сѣверное предмѣстье Екатеринодара), пересѣкла желѣзную дорогу и направилась къ Пашковской... Въ этомъ рейдѣ участвовали и Лейбъ-Казаки.

29-го марта бой не прерывался цѣлый день. На правомъ флангѣ Доб-

ровольцы было взяли патронный заводъ. Красные проявляли небывалое упорство и вводили въ бой все новыя и новыя силы.

Къ вечеру генералу Казановичу удалось ворваться въ самый городъ, однако, не будучи поддержанъ сосѣдями, онъ былъ вынужденъ отойти обратно.

30-го день прошелъ въ перестрѣлкѣ. Несмотря на понесенныя громадныя потери, особенно въ командномъ составѣ, и несмотря на выяснившееся громадное численное и техническое превосходство противника, ген. Корниловъ не отказывался отъ конечнаго штурма города, но, во вниманіе къ крайнему утомленію войскъ, перенесъ его на 1-ое апрѣля.

31-го съ утра противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь. Обстрѣливалась и ферма, гдѣ былъ расположенъ штабъ ген. Корнилова.

Приведемъ выдержку изъ «Очерковъ» генерала Деникина:

«31 марта въ 8 часовъ утра генералъ Корниловъ былъ одинъ въ своей комнатѣ на фермѣ... Непріятельская граната, пробивъ стѣну, взорвалась подъ столомъ, у котораго сидѣлъ Корниловъ... Когда генералъ Казановичъ и адъютантъ Долинскій вошли первыми въ комнату, она была наполнена дымомъ, а на полу лежалъ Корниловъ, покрытый обломками штукатурки и пылью... Онъ еще дышалъ... Кровь сочилась изъ небольшой ранки въ вискѣ...

Неумолимый, безпощадный Рокъ сразилъ его и душу Арміи въ часы наибольшаго ея напряженія...

Вначалѣ смерть Главнокомандующаго хотѣли скрыть отъ Арміи до вечера. Напрасныя старанія: вѣсть разнеслась, словно по внушенію. Казалось, что самый воздухъ напоенъ чѣмъ-то жуткимъ и тревожнымъ и что на передовыхъ линіяхъ уже знаютъ, почувствовали, что свершилось роковое. Скоро узнали всѣ. Впечатлѣніе потрясающее. Люди плакали навзрыдъ, говорили между собою шопотомъ... Въ Корниловѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалось все: идея борьбы, вѣра въ побѣду, надежда на спасеніе. И когда его не стало, въ сердца, даже самыхъ храбрыхъ, начали закрадываться страхъ и мучительное сомнѣніе. Между тѣмъ, словно таинственные флюиды перенесли дыханіе скорби Добровольцевъ въ окопы враговъ, вызвавъ въ нихъ злорадство и смѣлость»... («Очерки» ген. Деникина, стр. 298, томъ II).

Въ командованіе Арміей вступилъ генералъ Деникинъ. Въ это время положеніе Арміи въ тактическомъ отношеніи ухудшилось: на фронтѣ генерала Эрдели началось движеніе большой колонны красныхъ въ охватъ лѣваго фланга добровольцевъ. Генералъ Эрдели бросилъ свою конницу въ атаку... Спокойно разсыпались сотни для атаки, вотъ блеснули вынутыя шашки, и конница, какъ одинъ человѣкъ, понеслась въ атаку... Остановилась колонна красныхъ, изъ пулеметовъ и винтовокъ открыла безпорядочный огонь, но это не остановило добровольцевъ... Секунда — и толпы красныхъ начали искать спасенія въ бѣгствѣ... На правомъ флангѣ вмѣстѣ съ Гвардейской сотней неслись въ атаку Лейбъ-Казаки. Впереди ихъ на бѣломъ арабѣ несся есаулъ Рыковскій, немного сзади на ворономъ жеребцѣ подъесаулъ Плеве ,а дальше и весь взводъ... Готовая врубиться въ ряды красныхъ, Гвардейская сотня попадаетъ во впереди лежащее болото размякшаго чернозема, и лошади и всадники на нѣсколько мгновеній загрузаютъ въ немъ. Видя

это, уходившіе уже большевики почти въ упоръ открываютъ пулеметный и винтовочный огонь. Простреленный въ обѣ ноги и грудь, падаетъ есаулъ Рыковскій, за нимъ подъесаулъ Плеве, полковникъ Рашпиль, всѣ вмѣстѣ со своими лошадьми; повидимому, одинъ и тотъ же пулеметъ скосилъ всѣхъ трехъ вмѣстѣ съ ихъ боевыми конями...

Былъ раненъ въ шею хорунжій Ляховъ. Подъ нимъ, какъ и подъ подхорунжимъ Мигулинымъ и казакомъ Харламовымъ, были убиты лошади.

Несмотря на большое превосходство въ силахъ, обходная колонна красныхъ была разбита и въ безпорядкѣ отступила, но потери конницы генерала Эрдели были такъ велики, что она должна была оставить Сады и отойти къ главнымъ силамъ. Гвардейская сотня и взводъ Лейбъ-Казаковъ, потерявъ 3/4 своихъ лошадей и 1/4 состава своихъ людей, прекратили свое существованіе, какъ отдѣльныя единицы, и остатокъ людей вошелъ въ составъ 1-го Коннаго полка полковника Глазенапа. Незамѣнимую потерю понесла семья Лейбъ-Казаковъ въ лицѣ есаула Якова Федоровича Рыковскаго и подъесаула Николая Павловича Плеве, запечатлѣвшихъ подвигъ своей кровью.

Вотъ выдержки изъ некролога, помѣщеннаго въ «Донской Волнѣ», характеризующаго этого доблестнаго офицера:

«Ихъ было много въ Корниловской Арміи — этихъ безумно-храбрыхъ, сильныхъ волей, громаднаго боевого таланта людей. Ими была жива Армія, ихъ страшной отвагой творила она свои сказочные подвиги и благородными сердцами ихъ она окружила себя ореоломъ величія и чистоты. Много ихъ было, славныхъ сподвижниковъ Корнилова. Но при воспоминаніи о павшихъ, особенно четко вырисовывается фигура есаула Лейбъ-Гвардіи Казачьяго Его Величества полка Якова Федоровича Рыковскаго .Необыкновенно крупнаго тѣлосложенія, богатырски-сильный мышцами и нервами, съ львиной головой, ярко-розовымъ лицомъ, съ горящими углемъ сине-зелеными глазами, съ сильнымъ голосомъ — онъ, казалось, самой природой былъ предназначенъ на что-то могучее. Онъ командовалъ всего взводомъ спѣшенныхъ казаковъ въ отрядѣ полковника Краснянскаго и только впослѣдствіи, за нѣсколько дней передъ своей смертью, онъ получилъ Гвардейскій конный взводъ. Но знали его всѣ, и знали не только по крупной фигурѣ, но и по поразительнымъ дѣламъ его взвода. Это былъ не только лично герой, своимъ примѣромъ увлекавшій другихъ, на ратномъ полѣ, это былъ герой-вождь, герой-начальникъ, который всѣхъ своихъ бойцовъ дѣлалъ героями силой своего необыкновеннаго авторитета и обаяніемъ своей исключительной личности. Онъ зналъ своихъ людей, зналъ, какъ и когда ихъ надо дѣлать героями и съ наименьшими потерями побѣждать врага — ибо онъ великолѣпно учитывалъ своего противника въ различные моменты боя. «Съ нимъ никогда ничего не страшно», говорилъ одинъ изъ людей его взвода, бывшій вахмистръ въ его сотнѣ въ Лейбъ-Казачьемъ полку, «онъ всегда увѣренъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, я за нимъ всюду пойду». И всѣ другіе шли за нимъ всюду... Въ бою, подъ сильнымъ орудійнымъ огнемъ, идя впередъ навстрѣчу рою пуль, онъ совершенно спокойно и внимательно вглядывался въ расположеніе противника и съ поразительной техникой руководилъ дѣйствіями своего пулемета и взвода. Онъ горѣлъ въ бою и всѣми фиб-

рами своей богато одаренной натуры жилъ въ немъ... Въ бою у станицы Некрасовской, онъ, выйдя далеко впередъ за свои, преслѣдующія противника, цѣпи, однимъ своимъ взводомъ гналъ противника и занялъ хуторъ Горѣлый. Только приказаніе начальника заставило его отойти къ своимъ. Приходилось часто сдерживать Рыковскаго его начальникамъ, тогда по ихъ адресу онъ говорилъ: «Они не понимаютъ настроеніе противника, онъ сейчасъ въ паникѣ, онъ дрожитъ и сейчасъ побѣжитъ. Ему дать надо почувствовать, что мы уже гонимъ его...» «Сема, Сема, впередъ...», часто онъ говорилъ своему начальнику пулемета (подъес. Краснову), и пулеметъ всегда былъ впереди. Удивительно стройно и красиво держалъ онъ въ бою себя и свой взводъ. Въ полный ростъ, размѣреннымъ шагомъ онъ шелъ въ атаку, за укрытія во время атаки онъ не позволялъ заходить ни себѣ, ни другимъ, — и все же потерь въ его взводѣ почти не было.

Въ бою подъ Екатеринодаромъ онъ пылалъ мыслью о взятіи города и, не сомнѣваясь, что городъ будетъ взятъ, рвался войти скорѣе.

«Намъ предстоитъ славное дѣло», сказалъ онъ передъ атакой Екатеринодара. Его сердце не дрогнуло.

Въ послѣдней конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ онъ былъ убитъ».

Приведенная выше статья въ № 9 «Донской Волны» отъ 15-го августа 1918 года подписана М. Нефедовымъ (видимо, одинъ изъ соратниковъ почившаго Рыковскаго).

Не меньшей потерей для Лейбъ-Казачьяго полка была и смерть убитаго рядомъ съ Я. Рыковскимъ подъесаула Николая Павловича Плеве. Сынъ одного изъ лучшихъ крупныхъ боевыхъ генераловъ Россійской Арміи, коренной офицеръ, проведшій всю Великую войну въ рядахъ Лейбъ-Казачьяго полка, онъ былъ выдающимся офицеромъ. Ровный, спокойный въ боевой обстановкѣ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ и ни при какихъ лишеніяхъ не терявшій бодрости духа, онъ заразительно дѣйствовалъ на окружающихъ, поднимая въ нихъ духъ въ трудную минуту.

Онъ обладалъ совершенно необыкновенной способностью въ оріентировкѣ: ему совершенно достаточно было пятиминутнаго изученія карты, чтобы на самой запутанной мѣстности, безъ дорогъ, темной ночью, на десятки верстъ безъ ошибки опредѣлять и мѣсто стоянки, и кратчайшую дорогу къ нужному пункту, не заглядывая вновь въ карту.

Злому року было угодно, чтобы въ тѣ дни, когда два кадровыхъ офицера полка пали въ доблестной конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ, остальные офицеры полка принимали горячее участіе въ борьбѣ за освобожденіе Новочеркасска, гдѣ смертью храбрыхъ палъ подъесаулъ Сергѣй Кутейниковъ и сынъ и внукъ коренныхъ офицеровъ полка, вольноопредѣляющійся Константинъ Чернозубовъ.

Взятіемъ Новочеркасска былъ заложенъ первый основной камень прочной базы для начала серьезной борьбы съ поработившими Родину большевиками.

Однополчане при первой же возможности разыскали и вывезли тѣла всѣхъ трехъ доблестно павшихъ Лейбъ-Казаковъ въ Новочеркасскъ и похоронили здѣсь. Скоро къ этимъ первымъ крестамъ прибавились новые, надъ новыми могилами съ честью павшихъ въ бою офицеровъ полка.

Смерть генерала Корнилова нанесла послѣднiй ударъ утомленной нравственно и физически пятидневными боями Армiи, повергнувъ ее въ отчаянiе. Поэтому, ставя главною цѣлью спасенiе Армiи, генералъ Деникинъ рѣшилъ, съ наступленiемъ темноты, снять осаду Екатеринодара и быстрымъ маршемъ ,большими переходами, вывести Армiю изъ-подъ удара Екатеринодарской группы большевиковъ. Ночью 31-го марта Армiя выступила въ направленiи на колонiю Гначбау. Конница генерала Эрдели прикрывала отходъ. На зарѣ находившiеся въ обозѣ больной подъес. Красновъ и подъес. Рыковскiй узнали о незамѣнимой потерѣ въ семьѣ Лейбъ-Казаковъ. Ген. Эрдели имъ лично сообщилъ о доблестной смерти есаула Рыковскаго и подъесаула Плево. На просьбу обоихъ подъесауловъ разрѣшить имъ съ разъѣздомъ вернуться къ мѣсту атаки и взять тѣла, Эрдели отвѣтилъ: «Нельзя, родные, смотрите» — и, какъ бы въ подтвержденiе его словъ, со стороны большевиковъ раздался артиллерiйскiй выстрѣлъ, и первая шрапнель разорвалась надъ обозомъ. Быстро дошли до колонiи. Здѣсь Лейбъ-Казаки вошли въ 1-й конный полкъ полковника Глазенапа, 3-мъ взводомъ офицерскаго эскадрона. Взводъ принялъ полубольной подъесаулъ Красновъ. Хорунжiй Ляховъ, братья Чекуновы, подхорунжiй Мигулинъ и казакъ Харламовъ получили лошадей убитыхъ офицеровъ 1-го Коннаго полка.

Подъ вечеръ Армiя, выдерживая нажимъ большевиковъ со стороны Екатеринодара, двумя колоннами подошла къ станицѣ Медвѣдовской. Въ авангардѣ шла бригада Маркова, а конница генерала Эрдели была направлена сѣвернѣе Медвѣдовской, для порчи пути и отвлеченiя вниманiя противника. Шли въ полной ночной тишинѣ — вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, а черезъ нѣсколько минутъ со стороны станцiи показалась движущаяся громада бронированнаго поѣзда, медленно, съ потушенными огнями надвигавшагося на Добровольцевъ... Поѣздъ подошелъ вплотную. Генералъ Марковъ бросился къ паровозу и бросилъ ручную гранату въ машину, за нимъ кинулись Марковцы... Полковникъ Мiончинскiй, подъ градомъ большевистскихъ пуль, подвелъ въ упоръ орудiе и мѣткимъ огнемъ сбилъ паровозъ... Несмотря на отчаянное сопротивленiе, бронепоѣздъ былъ захваченъ, а въ немъ артиллерiйскiе снаряды и ружейные патроны, — все, въ чемъ нуждалась такъ Армiя. Боровскiй ворвался въ станицу.

Эта побѣда, первая подъ начальствомъ ген. Деникина, подняла духъ Армiи. Послѣ привала въ Медвѣдовской, Армiя безъ всякаго давленiя противника двинулась въ мирную, дружественную станицу Дядьковскую, а оттуда въ предѣлы Ставропольской губернiи.

Скоро счастье повернуло въ сторону Добровольцевъ. Во время остановки въ Ильинской пришли хорошiя вѣсти съ двухъ сторонъ: Лабинский и

Баталпалашинскій отдѣлы прислали гонцовъ просить Добровольцевъ къ себѣ, чтобы поднять возстаніе и захватить Армавиръ. Съ Дона пришли извѣстія о поголовномъ возстаніи Донцовъ и о захватѣ Донской столицы — Новочеркасска. Армія воспрянула духомъ. Въ станицу Егорлыцкую былъ посланъ съ разъѣздомъ полковникъ Ген. Шт. Барцевичъ, который, сдѣлавъ пробѣгъ въ 200 верстъ, вернулся съ сотней Донскихъ казаковъ и привезъ радостныя извѣстія: Донъ возсталъ, Задонскія станицы ополчились поголовно, свергли большевистскую власть, возстановили командованіе и дисциплину и ведутъ отчаянную борьбу съ большевиками.

Оставивъ отрядъ генерала Покровскаго для поднятія возстанія на Кубани, Добровольческая Армія двинулась на Донъ.

19-го апрѣля полкъ полковника Глазенапа, въ составѣ коего находились и Лейбъ-Казаки, былъ двинутъ прямо въ Егорлыкскую станицу, а Армія двинулась на Лежанку.

21-го апрѣля въ Великую субботу конница вступила въ Егорлыкскую, гдѣ была встрѣчена казаками съ хоругвями и иконами.

Встрѣтивъ здѣсь подъ звонъ пасхальныхъ колоколовъ Свѣтлый Праздникъ, конница Глазенапа наутро двинулась въ возставшую противъ большевиковъ Мечетинскую станицу. Большевики держались подъ самой станицей, обстрѣливая ее изъ орудій. Полкъ полковника Глазенапа развернулся, бывшія при немъ орудія открыли огонь, и красные бѣжали.

На слѣдующій день такимъ же порядкомъ была очищена и Кагальницкая станица.

Казачье населеніе тепло принимало избавителей, и радость Свѣтлаго Праздника сливалась съ радостью возрожденія надеждъ на скорое и полное избавленіе отъ большевизма.

25-го апрѣля, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, всѣ бывшіе въ составѣ Добровольческой Арміи Лейбъ-Казаки, одновременно съ генераломъ Богаевскимъ прибыли въ освобожденную казаками столицу Войска Донского, Новочеркасскъ.

Здѣсь уже находились Лейбъ-Казаки, принимавшіе участіе въ возстаніи и освобожденіи города отъ большевиковъ.

Полковая семья Лейбъ-Казаковъ вновь соединилась, чтобы начать работу по возсозданію стараго духомъ родного полка...

ГЛАВА VI.

ОСВОБОЖДЕНІЕ НОВОЧЕРКАССКА.

Перемѣна въ казачьихъ настроеніяхъ. — Взятіе Новочеркасска Кривянцами. — Неудача 4 апрѣля. — Заплавская группа полковника Денисова. — Очеркъ Степного похода. — Возвращеніе Степняковъ на Донъ. — Образованіе Сѣверной и Южной группъ. — Атаки Александровскъ-Грушевскаго. — Взятіе Новочеркасска. — Помощь Дроздовскаго. — Общій ходъ возстаній на Дону. — Кругъ Спасенія Дона.

Въ главѣ IV говорилось о сдвигѣ въ настроеніяхъ Донского Казачества по отношенію къ большевикамъ.

Интегральнаго большевизма въ казачествѣ вообще не было, да и быть не могло: несмотря на громадныя, повлекшія сильное обѣдненіе казачьихъ Краевъ, жертвы, имъ въ Великую войну понесенныя, казачество съ его хозяйственнымъ, глубоко патріархальнымъ укладомъ, покоящимся на прочныхъ традиціяхъ и на относительной (въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ Россіи) культурности, при очень маломъ процентѣ неграмотныхъ, было органически чуждо большевизму.

Если рядовое казачество поддалось теченію «нейтралитета», то только потому, что этимъ путемъ расчитывало избѣжать борьбы и порабощенія большевизмомъ, извѣрившись въ способность своихъ правящихъ слоевъ дать тотъ же результатъ инымъ путемъ.

Именно этимъ слѣдуетъ объяснить временную полную потерю авторитета Атаманомъ, Кругомъ, казачьей интеллигенціей и казачьимъ офицерствомъ. Однако, если рядовое казачество отъ нихъ отвернулось **), то безъ злобы, при-

*) Казачествомъ было выставлено во время Великой войны 162 конныхъ полка, 171 отдѣльная сотня и 24 пѣшихъ батальона при соотвѣтствующей артиллеріи. (Справка: «Очерки» ген. Деникина. Томъ I, ч. II, стр. 118).

Это напряженіи въ отношеніи процента мобилизованныхъ, значительно превосходило напряженіе прочихъ губерній Россіи. Если же учесть, что конскій составъ и снаряженіе были собственными и что семья выставляла часто 2 и 3 члена въ строй, то коэффиціентъ напряженія, даннаго казачествомъ относительно прочаго населенія Россіи, нужно признать еще болѣе высокимъ.

**) Существовала тенденція объяснить этотъ отрывъ якобы ролью, сыгранной фронтовымъ казачествомъ, привезшимъ съ фронта Великой войны большевистскія

сущей большевизму. Массовыхъ убійствъ своихъ офицеровъ казаками вообще не было, а если и были одиночные случаи расправы, то здѣсь основаніемъ являлось сведеніе старыхъ личныхъ счетовъ, а не политическія убѣжденія. Правда, въ началѣ «трудового казачьяго движенія» были случаи выдачи офицеровъ большевикамъ, но здѣсь играла роль не злоба къ первымъ, а страхъ передъ силой послѣднихъ.

Въ дневникѣ большевистскаго комиссара Пугачевскаго, приставленнаго къ Сѣверному казачьему отряду Голубова, читаемъ:

«Какимъ образомъ намъ удалось взять Новочеркасскъ, когда полгорода настроено враждебно, трудно сказать»... (стр. 401. Томъ I. «Гражданская война». Изданіе СССР).

Эта враждебность, уже чувствуемая большевиками въ первый день прихода, съ теченіемъ времени усилилась, и большевики не рисковали со своими красноармейскими рабоче-крестьянскими отрядами удаляться отъ желѣзной дороги и большихъ городовъ.

Казачество, раздраженное декретами, требующими коренного измѣненія привычнаго уклада жизни и полной реорганизаціи казачьей власти, раздражаемое поборами и совѣтскимъ гнетомъ, одновременно видѣло и слабость большевиковъ на мѣстахъ.

Въ половинѣ марта, декретомъ совѣтской власти предписывалось выдать скрывавшихся въ станицахъ офицеровъ и слать оружіе, оставшееся у казаковъ. Декретъ этотъ былъ оставленъ безъ исполненія не только въ станицахъ, но, какъ мы видѣли выше, даже въ непосредственной близости большевистскаго Ростова, въ Новочеркасскѣ, гдѣ казаки не только скрывали своихъ офицеровъ, но даже слѣдственная комиссія Ревкома, составленная изъ перекрасившихся въ красный цвѣтъ казаковъ, выпускала арестованныхъ офицеровъ цѣлыми партіями на свободу.

28-го марта Областнымъ Съѣздомъ Совѣтовъ въ Ростовѣ была объявлена націонализація казачьихъ земель.

Чаша казачьяго терпѣнія переполнилась, и теперь даже у самыхъ слабодушныхъ не могло быть надежды на какую бы то ни было возможность столковаться съ большевиками. Въ воздухѣ запахло близкимъ возстаніемъ.

Красное казачество, возглавляемое Подтелковымъ, Смирновымъ, Голубовымъ — вообще опорой большевикамъ быть не могло по причинамъ, кои были изложены выше. Этого еще не понималъ ограниченный и туповатый Подтелковъ, но хорошо понимали Голубовъ и Смирновъ. Попытка послѣд-

---

настроенія. это объясненіе, конечно, не вѣрно: достаточно хотя бы указать на фактъ большевистскаго возстанія въ Ростовѣ, оказавшагося возможнымъ лишь благодаря попустительству и бездѣйствію казаковъ окрестныхъ станицъ и казачьихъ сотенъ гарнизона, не изъ фронтовиковъ состоявшихъ.

Несмотря на мужественное поведеніе до конца боровшагося и арестованнаго большевиками командующаго войсками Ростова, генерала Д. Н. Потоцкаго (коренного Лейбъ-Казака выпуска 1900 года), возстаніе кончилось захватомъ красными Ростова. Возстаніе было подавлено генераломъ Калединымъ, однако Атаману пришлось прибѣгнуть къ помощи отряда, составленнаго изъ офицерв и учащейся молодежи города Новочеркасска.

нихъ сыграть на два фронта привозомъ въ Новочеркасскъ арестованнаго Голубовымъ М. Богаевскаго и устройствомъ здѣсь, подъ предлогомъ суда, многолюднаго митинга казаковъ (гдѣ Богаевскій въ трехчасовой горячей рѣчи совершенно побѣдилъ аудиторію, убѣдивъ въ своей правотѣ), привела къ неожиданному появленію въ Новочеркасскѣ, на зарѣ 27-го марта, красноармейскаго карательнаго отряда Антонова.

Смирновъ и Голубовъ скрылись изъ Новочеркасска, за ними стали быстро разъѣзжаться красные казаки.

Въ Новочеркасскѣ начались обыски и аресты офицеровъ. М. Богаевскій съ гауптвахты былъ увезенъ Антоновымъ въ Ростовъ, гдѣ и убитъ.

На слѣдующій день часть отправившагося за фуражемъ на Кривянку карательнаго отряда была тамъ казаками разоружена и уничтожена, и въ Кривянской станицѣ стихійно вспыхнуло возстаніе.

На зарѣ 1-го апрѣля группа офицеровъ и казаковъ изъ ближайшихъ станицъ вошла въ Новочеркасскъ.

Красноармейскій гарнизонъ и карательный отрядъ, не оказавъ сопротивленія, бѣжали на Ростовъ.

Всѣ офицеры Лейбъ-Казаки, какъ прибывшіе изъ Луганска, такъ и остававшіеся въ Новочеркасскѣ, въ составѣ 18 человѣкъ (полковники Дьяковъ, Фарафоновъ и Оприцъ ,есаулы Поздѣевъ, Чеботаревъ Б. и Пашковъ, подъесаулы Воронинъ, Чеботаревъ В., Боковъ, Болдыревъ, Кутейниковъ С., Дубенцевъ Б. и герцогъ Лейхтенбергскій ;сотники Кутейниковъ П., Агафоновъ, Дубенцевъ Г.,; хорунжіе Грековъ Б. и Ефремовъ Н. П.) немедленно отдали себя въ полное распоряженіе командовавшаго возставшими войсками войск. старш. Фетисова и, получивъ на заводѣ Базнера винтовки и патроны, поздно вечеромъ 3 апрѣля погрузились въ эшелонъ, направлявшійся на ст. Александровскую.

Эшелономъ, составомъ въ 2-3 сотни, командовалъ пожилой хорунжій изъ вахмистровъ. Въ составѣ эшелона было 2-3 десятка строевыхъ донскихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, но спорить не приходилось: группами командовали тѣ, кто ихъ привелъ или случайно собралъ. Лейбъ-Казаки влились рядовыми.

Эшелонъ шелъ безъ огней, въ полной неизвѣстности, гдѣ противникъ.

Изъ разговоровъ между рядовыми казаками выяснилась ихъ крайняя неувѣренность въ себѣ.

Кромѣ того, они полагали, что съ освобожденіемъ отъ красныхъ Новочеркасска, ихъ задача заканчивалась, такъ какъ дальнѣйшую оборону города они относили къ долгу лишь казаковъ Черкасской станицы.

Проѣхавъ Мишкинъ хуторъ, эшелонъ остановился, а группа Лейбъ-Казаковъ подъ командой полк. Фарафонова, отправленная впередъ, дошла до полустанка Александровка, который и заняла. Здѣсь, подручнымъ матеріаломъ Лейбъ-Казаки разобрали часть пути, сбросивъ шпалы и рельсы въ воду. Не успѣли закончить, какъ показался броневикъ красныхъ, уже издали начавшійся артиллерійскій обстрѣлъ полустанка. По бокамъ броневика шла небольшая цѣпочка красноармейцевъ.

Пришлось бросить полустанокъ и отходить на отрядъ.

Дошли до цѣпи. Лѣвый флангъ волновался, что не доходитъ до желѣзнодорожнаго полотна и не обезпеченъ, почему просилъ оставить здѣсь группу Лейбъ-Казаковъ. Здѣсь остались 10 Лб- Казаковъ во главѣ съ полковникомъ Oприцемъ, а остальные, во главѣ съ полковникомъ Фарафоновымъ, присоединились къ главной цѣпи вправо. Позади постепенно подходили станичные дружинные отряды и ложились цѣпями въ затылокъ одна другой.

Всѣ попытки хорунжаго,, несмотря на дѣятельныя и энергичныя усилія полковниковъ Дьякова и Фарафонова, сдвинуть залегшихъ впередъ или хотя бы частично усилить ими лѣвый флангъ, не привели ни къ чему.

Ни просьбы, ни приказанія не исполнялись.

Постепенно, на линіи первой цѣпи на участкѣ, прилегающемъ къ желѣзной дорогѣ, осталось лишь десятка два стрѣлковъ, изъ коихъ половина Лейбъ-Казаковъ, ибо остальная цѣпь, поддаваясь вправо, скрылась за гребнемъ, скрывающимъ ее отъ желѣзной дороги.

Такъ какъ предполагалось наше наступленіе, то этотъ фактъ особаго значенія не имѣлъ, но все же для связи съ оторвавшейся цѣпью былъ посланъ вправо урядникъ.

Увы, при первомъ разорвавшемся снарядѣ казачьи цѣпи, несмотря на усилія сорвавшихъ голоса полковниковъ Дьякова и Фарафонова, самовольно бросились назадъ, на городъ Новочеркасскъ, увлекая съ собою и расположенныя позади цѣпи резерва. Съ ними скрылся и посланный для связи урядникъ.

Небольшая цѣпь Лейбъ-Казаковъ у полотна жел. дороги, не зная объ общемъ отходѣ, еще нѣкоторое время огнемъ сдерживала движеніе броневика и красной цѣпи.

Наконецъ броневикъ рѣшительно двинулся впередъ, и пришлось отходить.

Пройдя версты 1½-2, цѣпь около хутора Мишкина вошла въ сильно заросшее кустами пространство. Одновременно съ кустами поравнялся и броневикъ, открывшій огонь однимъ пулеметомъ по прогалинамъ между кустами и по кустамъ. Здѣсь были убиты случайной пулей подъесаулъ С. Кутейниковъ и одинъ казакъ ст. Кривянской.

Проходя черезъ кусты, цѣпь Лейбъ-Казаковъ порастянулась и разорвалась. Часть успѣла проскочить въ Новочеркасскъ, другая же, отрѣзанная броневикомъ отъ станціи, втянулась въ городъ, когда онъ уже занимался красными, и застряла въ немъ.

Часть проскочившихъ — полковникъ Дьяковъ, полковникъ Фарафоновъ, лично вытащившій брошенный отходящими казаками пулеметъ подъесаулъ В. Чеботаревъ, сотникъ П. Кутейниковъ и хорунжій Н. Ефремовъ отошли на Раздорскую станицу, гдѣ черезъ 2 дня присоединились къ подошедшему партизанскому отряду полковника Семилѣтова. Часть же — есаулъ Поздѣевъ, подъес. Б. Дубенцевъ, хорунжій Б. Грековъ — отошли къ станицѣ Заплавской. Туда же изъ Раздоръ перешелъ полковникъ В. И. Фарафоновъ.

Позже выяснилось, что красные вели наступленіе и со стороны Александровско-Грушевскаго, причемъ какой-то конный казачій отрядъ самовольно снялся съ позиціи и ушелъ, увлекая сосѣдей.

Обнаживпійся фронтъ, при отсутствіи резерва, дѣлалъ невозможной оборону Новочеркасска, и вновь назначенный начальникъ штаба полковникъ Денисовъ, нѣсколько задержавшись на вокзалѣ, стянулъ что можно еще было спасти и, съ группой въ 300 человѣкъ, отошелъ на западную окраину Кривянской станицы. На утро къ отошедшимъ присоединились казаки станицъ Кривянской, Заплавской, Бесергеневской, Богаевской и полковникъ Денисовъ приступилъ къ организаціи собравшихся. Были уже свѣдѣнія о возстаніяхъ въ 1-мъ и 2-мъ Донскихъ Округахъ, жила надежда на партизанъ П. Х. Попова; почему неудача подъ Черкасскомъ не получила характеръ катастрофы, показавъ лишь трудность борьбы безъ серьезной организаціи возставшихъ.

Создать эту организованность было дѣломъ нешуточнымъ.

...«Все было расхлябано, опошлено и исковеркано (революціей), — рисуетъ обстановку въ своихъ запискахъ полковникъ Денисовъ... — Генералы забыли свое старшинство и право авторитета. Офицеры не отказывались отъ службы, но начальниками быть не хотѣли, а охотнѣе шли въ цѣпь рядовыми стрѣлками. О погонахъ и знакахъ отличія думать пока не приходилось. О чинопочитаніи — забыть. Слова «приказываю», «наказываю» временно исключить из обихода»...

Въ три дня полковнику Денисову все же удалось, дѣйствуя мягко и деликатно, но настойчиво, отбросить выборное начало, поставить соотвѣтствующихъ назначенію начальствующихъ лицъ.

Генералъ Е. И. Балабинъ, коренной Лейбъ-Казакъ (командовавшій въ Великую войну 12-мъ казачьимъ полкомъ), командовалъ боевой линіей.

Сотню Бесергеневскаго полка принялъ есаулъ Поздѣевъ, производившій въ свободное время занятія разсыпнымъ строемъ и быстро сколотившій свою сотню.

Команду связи при штабѣ полк. Денисова принялъ Лейбъ-Казакъ подъесаулъ Б. Дубенцевъ, а конно-саперный взводъ хорунжій Б. Грековъ.

8-го, Титовскій полкъ красныхъ, наступая на Кривянскую станицу, зарвался и былъ отброшенъ, потерявъ своего командира полка и около 100 красноармейцевъ убитыми.

Побѣда эта была какъ нельзя болѣе кстати, ибо сидѣніе въ Заплавахъ было не по душѣ казакамъ, видѣвшимъ численное превосходство противника и смущаемымъ откуда-то ползшими слухами о смерти генерала Корнилова и гибели съ нимъ Добровольческой Арміи и о якобы начавшемся распыленіи отряда Походнаго Атамана П. Х. Попова.

На слѣдующій день, 9-го, пришла первая, уже точная вѣсть объ отрядѣ Походнаго Атамана, 6-го погрузившагося въ ст. Цымлянской на пароходы и двигавшагося на Раздорскую станицу.

Задонье прислало за патронами и стало извѣстно о возстаніи станицъ Егорлыкской, Мечетинской и Кагальницкой. Изъ этого же раіона прибылъ разъѣздъ есаула Чеботарева ,сообщившій о цѣлости Добровольческой Арміи, несмотря на смерть генерала Корнилова, и объ ея движеніи на Донъ.

Побѣда и полученныя свѣдѣнія сильно подняли духъ Заплавцевъ *).

Оставимъ пока Заплавскую группу полковника Денисова и вернемся нѣсколько назадъ, къ отряду Походнаго Атамана П. Х. Попова, 12-го февраля двинувшагося изъ Новочеркасска въ Сальскій округъ.

14-го февраля въ хуторѣ Арпачинѣ была дневка, и всѣ пошедшіе за Походнымъ Атаманомъ и догнавшіе его въ пути были сорганизованы въ отрядъ, численностью около 2.000 штыковъ при 40 пулеметахъ и 2-хъ батареяхъ.

19-го февраля отрядъ, послѣ авангарднаго боя (полк. Семилѣтовъ) у казеннаго моста, перешелъ черезъ Манычъ. 25-го февраля отряда вошелъ въ станицу Великокняжескую, гдѣ пополнилъ запасы. Ввиду значительнаго скопленія красныхъ по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу и югу, не желая подвергать станицу артиллерійскому обстрѣлу, отрядъ отошелъ въ раіонъ восточныхъ зимовниковъ, занявъ расположеніе въ 50 верстъ глубиной. Сочувственное отношеніе и даже помощь небольшими конными отрядами проявили калмыки станицъ Граббевской и Платовской.

Красные окружили занятый степняками раіонъ мелкими бандами.

Однако, борьба свелась исключительно къ столкновеніямъ небольшихъ

---

*) Какъ характерную особенность боевъ эпохи возстаній на Дону, нельзя не отмѣтить рѣзкихъ переломовъ настроеній возставшихъ — отъ подъема къ упадку и обратно, подъ вліяніемъ молніеносно распространяющихся слуховъ. Воспріимчивость эта должна быть объяснена главнымъ образомъ импровизированнымъ характеромъ частей, гдѣ недовѣріе рядового казака къ офицеру и обратно, порожденное революціонными переживаніями, еще не было изжито и гдѣ не могло быть прочной «сбитости», присущей дисциплинированной части, являвшейся результатомъ предварительной болѣе или менѣе продолжительной учебной подготовительной работы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этого непостоянства въ настроеніяхъ.

Полковникъ Денисовъ въ рапортѣ отъ 16/VI 5 час. 25 м. Походному Атаману такъ доноситъ о боеспособности своей южной группы: «Докладываю, что ввѣренная мнѣ группа совершенно небоеспособна... Богаевскій полкъ самовольно покинулъ раіонъ боевыхъ дѣйствій и ушелъ въ свою станицу. Кривянскій полкъ утомленъ безсмѣнной службой, Бесергеневскій и Заплавскій полки въ періодѣ начала разложенія. Конница совершенно неспособна къ боевой службѣ»...

Черезъ день, 18-го утромъ, южная группа полковника Денисова не только принимаетъ атаку превосходныхъ силъ противника, но переходитъ въ контръ-атаку, разбиваетъ противника и беретъ съ боя крупные трофеи...

18-го и 19-го генералъ М. Н. Смирновъ съ отрядомъ наводилъ порядокъ въ отказавшейся выступать станицѣ Семикаракорской. Нѣсколько раньше пришлось даже разоружить дружину Кочетовской станицы. 21-го тотъ же генералъ Смирновъ съ отрядомъ наводилъ порядокъ въ непокорной Мелиховской, а 22-го въ Богаевской станицахъ.

При наличіи отмѣченной выше измѣнчивости настроеній, существованіе отряда степняковъ Походнаго Атамана генерала П. Х. Попова и Добровольческой Арміи генерала Деникина, а затѣмъ прибытіе съ Румынскаго фронта отряда Дроздовскаго являлось весьма важнымъ факторомъ успѣха возстаній, ибо самый фактъ существованія этихъ крупныхъ отрядовъ являлся лучшей моральной опорой для колебавшихся.

частей, ибо большевики не могли сосредоточить въ Сальскомъ округѣ сколько-нибудь значительныхъ силъ и, кромѣ того, по ихъ тогдашнему состоянію, не могли дѣйствовать, отдаляясь отъ желѣзной дороги.

Нѣкоторымъ исключеніемъ явились бои 20-го, 22-го и 23-го марта, у зимовниковъ Королькова и Степаненкова, гдѣ красные, довольно значительными силами, какъ будто хотѣли отрѣзать степняковъ отъ Дона.

Однако, попытка эта успѣхомъ не увѣнчалась, и красные были отброшены безъ особыхъ потерь для степняковъ, 25-го марта перешедшихъ въ станицу Бурульскую.

Вообще, за время пребыванія отряда П. Х. Попова въ раіонѣ зимовниковъ потери степняковъ ранеными и убитыми были невелики. Отрядъ нѣсколько уменьшился, но это объяснялось нѣкоторымъ процентомъ утечки наскучившихся скитаніями по степямъ и ушедшихъ въ свои станицы.

Съ приходомъ въ ст. Бурульскую степняки сблизились съ казачьими станицами. Здѣсь же было получено донесеніе Атамана 2-го Донского Округа о противобольшевистскомъ возстаніи ряда станицъ этого Округа. Первою возстала, 19-го марта, станица Суворовская. Возстаніе это было поддержано станицами Н. Чирской, Есауловской, Потемкинской, Верхне-Курмоярской, Нагаевской и успѣшно развивалось.

Ночнымъ переходомъ, съ 29-го на 30-ое марта, отрядъ П. Х. Попова, черезъ хутора Плетневъ и Королевъ, двинулся на сѣверъ и, перейдя Донъ, 2-го апрѣля сосредоточился въ станицѣ Н. Курмояроской.

Противобольшевистское возстаніе распространилось уже и на 1-й Донской Округъ, и ген. Поповъ, оставивъ командующимъ войсками 2-го Донского Округа энергичнаго генерала Мамонтова и поручивъ ему войти въ связь съ Усть-Медвѣдицкимъ и Хоперскимъ округами, двинулся, черезъ станицу Цымлянскую, въ 1-й Донской Округъ.

Въ Цымлянской степняки были посажены на пароходъ и перевезены по Дону въ Окружную Константиновскую станицу, уже сбросившую коммунистическое иго.

Здѣсь засѣдалъ Съѣздъ казачьихъ делегатовъ станицъ Округа, избравшихъ окружнымъ Атаманомъ энергичнаго генерала И. П. Попова.

Пробывъ въ Константиновской два дня, отрядъ Походнаго Атамана ген. П. Х. Попова, усилившійся отрядами возставшихъ станицъ 1-го Донского Округа, перешелъ ближе къ Новочеркасску, въ станицу Раздорскую, куда прибылъ 9-го апрѣля.

Въ Раздорской станицѣ состоялось свиданіе Походнаго Атамана съ командующимъ возставшими казаками Черкасскаго Округа полковникомъ Денисовымъ, на которомъ была принята нижеслѣдующая организація двухъ центральныхъ группъ:

1-я Сѣверная: ядро изъ степняковъ-партизанъ (изъ отрядовъ полковника Семилѣтова, Слюсарева и Яковлева), усиленное полками 1-го Донского Округа (Мелеховскимъ, Раздорскимъ, Ниже- и Верхне-Кундрюческимъ и своднымъ полкомъ есаула Климова (Константиновской станицы).

Группой командовалъ полковникъ Семилѣтовъ.

2-я Южная: изъ полковъ Новочеркасскаго, Кривянскаго, Заплавскаго,

Бесергеневскаго, Богаевскаго, коннаго полка есаула Туроверова и 6-го пластунскаго батальона.

Группой командовалъ полковникъ Денисовъ.

Помимо указанныхъ двухъ центральныхъ группъ, самостоятельно сформировалась сѣвернѣе группа полковника Быкадорова, изъ казаковъ станицъ Усть-Бѣлокалитвенской, Усть-Быстрянской, Екатерининской, Владимірской и Ермаковской. Впослѣдствіи полковникъ Быкадоровъ удачными боями у ст. Тацино овладѣлъ громадными запасами боевыхъ припасовъ, очень цѣнныхъ для успѣха возстанія.

Еще болѣе къ сѣв.-западу 15-го апрѣля Гундоровцы, Митякинцы и Луганцы разбили на голову сформировавшійся въ Каменской красноармейскій отрядъ Щаденко.

На Каменскую отходила потрепанная нѣмцами армія Ворошилова. Ввиду недостаточности своихъ силъ, Гундоровцы послали просить помощи въ городъ Луганскъ къ украинцамъ, кои, по слухамъ, городъ заняли. Посланные, вмѣсто украинцевъ нашли тамъ... нѣмцевъ, кои пошли навстрѣчу Гундоровцамъ и выдвинули отрядъ на Миллерово. Совмѣстно съ этимъ нѣмецкимъ отрядомъ, Гундоровцы, мобилизовавшись до 70-лѣтняго возраста, 19-го апрѣля разбили армію Ворошилова, остаткамъ коей, однако, удалось черезъ Чирскую прорваться на Царицынъ.

На крайнемъ югѣ, въ Задоньи, изъ казаковъ ст. Егорлыкской, Мечетинской, Хомутовской, Кагальницкой и Ольгинской уже образовалась группа ген. Семенова, опершаяся на Добровольческую Армію ген. Деникина.

Всѣ указанныя группы, какъ и упомянутая выше группа 2-го Донского Округа полк. Мамонтова, связались съ Походнымъ Атаманомъ ген. П. Х. Поповымъ и такимъ путемъ былъ образованъ внушительной силы общій фронтъ борьбы за освобожденіе отъ большевиковъ Донской Области.

Согласно плану начальника штаба Походнаго Атамана генерала Сидорина, вопреки мнѣнію начальника Южной группы полковника Денисова, рѣшено было ранѣе атаки на Новочеркасскъ взять Александровскъ-Грушевскій (сильный большевистскій центръ шахтнаго раіона къ сѣверу отъ Новочеркасска), для чего Сѣверная группа была усилена за счетъ Южной двумя полками и 2 орудіями.

Атака 15-го апрѣля на Александровскъ-Грушевскій была вначалѣ удачна, но Мелеховскій полкъ неожиданно объявилъ нейтралитетъ и ушелъ въ свою станицу, обнаживъ фронтъ. Послѣ окончанія боя Раздорскій полкъ отошелъ не съ Сѣвернымъ отрядомъ, а самовольно за Заплавы; туда же ушелъ и Новочеркасскій полкъ.

18-го апрѣля большевики крупными силами повели наступленіе на Южную группу. Принявъ атаку, полковникъ Денисовъ перешелъ въ контръ-наступленіе, и красные были разбиты на голову, оставивъ въ казачьихъ рукахъ 8 орудій, 5000 весьма цѣнныхъ для возставшихъ снарядовъ и 200.000 ружейныхъ патроновъ.

Побѣда эта сильно подняла духъ и позволила пополнить боевые запасы не только Южной группы, но и группъ полковника Семилѣтова и гене-

рала Семенова. Въ атакѣ живое участіе принимала и сотня Бесергеневскаго полка подъ командой Лейбъ-Казака есаула Поздѣева, взявшая съ боя броневикъ «Бой» (переименованный въ «Казакъ»), одно орудіе, ящики со снарядами, винтовки и патроны.

Окрыленный успѣхомъ Южной группы, Походный Атаманъ генералъ П. Х. Поповъ своей Сѣверной группой повторилъ атаку на Александровскъ-Грушевскій. Снова въ началѣ боя былъ успѣхъ, но недостатокъ снарядовъ у казаковъ и обиліе артиллеріи у красныхъ рѣшило дѣло, и Сѣверная группа отошла въ исходное положеніе.

Въ этомъ бою изъ Лейбъ-Казаковъ былъ тяжело раненъ въ грудь навылетъ подъесаулъ В. Чеботаревъ и контуженъ въ голову есаулъ В. В. Кононовъ.

23-го апрѣля, на второй день Свѣтлаго Праздника, Южная Заплавская группа, по личной иниціативѣ полковника Денисова, атаковала городъ Новочеркасскъ.

Атака была начата въ 3 часа утра. Красные были взяты врасплохъ и послѣ короткаго, хотя довольно упорнаго сопротивленія, отошли на Ростовъ. Городъ Новочеркасскъ былъ взятъ.

Весь день шла очистка города отъ большевиковъ.

Полки Бесергеневскій и Заплавскій были двинуты на югъ къ хутору Мишкину, дабы прикрыть Ростовское направленіе. Въ томъ же направленіи были двинуты конныя сотни есаула Туровѣрова.

Лучшіе полки Южной группы, Новочеркасскій и Кривянскій, оказавшіеся на Свѣтлый Праздникъ въ своемъ раіонѣ, разошлись въ короткій отпускъ по домамъ, и сѣверное направленіе были прикрыто слабымъ Богаевскимъ полкомъ.

По диспозиціи сѣверное направленіе должно было быть прикрыто Сѣверной группой, которая, оставивъ заслоны на Александровскъ-Грушевскій, должна была уже къ утру 23-го перейти въ раіонъ станицъ Мелеховской и Бесергеневской. Группа эта, однако, выступила изъ Раздорской лишь 25-го. Между тѣмъ, утромъ 25-го значительныя силы красныхъ (коихъ нѣмцы гнали отъ Миллерова), начали наступать съ сѣвера отъ Персіановки на предмѣстье Новочеркасска Хутунокъ, отдѣленный отъ города рѣкой Аксаемъ.

Богаевскій полкъ и 6-й пластунскій батальонъ отошли на Заплавы, минуя Новочеркасскъ, и городъ оказался прикрытымъ лишь 6 орудіями, поставленными у Троицкой церкви (обслуживаемыми офицерами), и сборнымъ, еще недостаточно сплоченнымъ отрядомъ изъ наспѣхъ мобилизованныхъ жителей Новочеркасска.

Резервовъ не было, какъ и не было времени ихъ собрать. Въ Черкасскѣ поднялась паника.

Подъѣхалъ мотоциклистъ офицеръ изъ пришедшаго на Донъ походомъ съ Румынскаго фронта офицерскаго отряда полковника Дроздовскаго *).

*) При крушеніи фронта Великой войны ,на Румынскомъ фронтѣ нашелся начальникъ дивизіи (командующій 14-ой пѣхотной дивизіей), полковникъ Дроздовскій, не только начавшій формированіе добровольческихъ частей (преимуществен-

Полковникъ Дроздовскій, связавшійся съ Походнымъ Атаманомъ ген. Поповымъ, по просьбѣ послѣдняго выслалъ впередъ свои двѣ конно-горныя батареи. Обѣ батареи стали на позицію у скакового круга и открыли огонь во флангъ краснымъ. Наступленіе красныхъ пріостановилось.

Черезъ нѣкоторое время появился и броневикъ «Вѣрный» отряда Дроздовскаго. Полковникъ В. И. Фарафоновъ, участникъ боя на Хутункѣ, такъ описываетъ появленіе броневика: «Я видѣлъ, какъ пріѣхалъ полковникъ Дроздовскій, какъ вскорѣ за нимъ появился броневикъ, остановился около своего начальника, открылась дверь, и оттуда вышелъ, какъ сказочный принцъ, подтянутый офицеръ, въ погонахъ, бѣлыхъ перчаткахъ, отдавая честь начальнику, замеръ недвижно. Полковникъ Дроздовскій отдалъ короткій приказъ въѣхать въ цѣпь красныхъ, не щадя ни себя, ни машины. Офицеръ отчетливо повернулся, дверца за нимъ закрылась, и я видѣлъ, какъ броневикъ покатился. Эту картину видѣла толпа жителей, тревожно наблюдавшая приближеніе красныхъ съ горы, и на нее сцена произвела большое впечатлѣніе: многіе плакали.

Съ горы ясно было видно, какъ броневикъ врѣзался въ цѣпи красныхъ и открылъ огонь, и какъ красные бросились уходить. Теперь мы снова перешли въ наступленіе».... Кризисъ миновалъ. Одновременно на горизонтѣ показались лава и цѣпи пѣхоты, переброшенной полковникомъ Семилѣтовымъ на подводахъ. То подошли части Сѣвернаго отряда Походнаго Атамана генерала П. Х. Попова, врѣзавшіяся во флангъ красныхъ и обратившихъ отходъ ихъ въ паническое бѣгство. Новочеркасскъ на этотъ разъ былъ занятъ прочно.

Въ бою на Хутункѣ пулей въ грудь, исполняя обязанности ординарца полковника Денисова, былъ убитъ Лейбъ-Казакъ, вольноопредѣляющійся Константинъ Чернозубовъ — внукъ и сынъ коренныхъ офицеровъ Л. Гв. Казачьяго Е. В. полка.

На слѣдующій день конныя сотни есаула Туровѣрова вошли въ Ростовъ,

---

но изъ офицеровъ) для движенія на Донъ, но продолжавшій это дѣло даже послѣ коренного измѣненія обстановки въ Румыніи.

23 февраля отрядъ полковника Дроздовскаго походнымъ порядкомъ двинулся на Донъ и прибылъ, преодолѣвъ тысячу трудностей, на 61-й день похода, въ Новочеркасскъ. Интересенъ приказъ полк. Дроздовскаго, отданный по случаю прибытія въ Новочеркасскъ:

...«Теперь я призываю васъ всѣхъ обернуться назадъ, вспомнить все, что творилось въ Яссахъ и Кишиневѣ, вспомнить всѣ колебанія и сомнѣнія первыхъ дней, всѣ сѣтованія и запугиванія окружавшихъ васъ малодушныхъ. Пусть же послужитъ вамъ примѣромъ, что только **смѣлость и твердая воля** творятъ большія дѣла...

Будемъ же и впредь въ грядущей борьбѣ ставить себѣ смѣло цѣли и стремиться къ достиженію ихъ съ желѣзнымъ упорствомъ, предпочитая славу и гибель позорному отказу отъ борьбы, другую же дорогу предоставимъ всѣмъ малодушнымъ и берегущимъ свою шкуру»...

Этотъ красочный приказъ, такъ ярко рисующій самыя цѣнныя и свѣтлыя стороны Бѣлой борьбы, генералъ Дроздовскій впослѣдствіи скрѣпилъ своею кровью, съ честью павъ въ бою.

оставленный красными. Одновременно съ казаками, но со стороны Таганрога, въ Ростовъ входили части 1-го Армейскаго корпуса Германской арміи.

Пламя казачьяго возстанія, со взятіемъ Новочеркасска и громадныхъ тамъ складовъ боевыхъ припасовъ, быстро ширилось: уже пылали округа Верхне-Донской, Хоперскій и Усть-Медвѣдицкій.

29 апрѣля въ Новочеркасскѣ изъ делегатовъ освободившихся станицъ былъ собранъ Кругъ Спасенія Дона, и черезъ пять дней Донскимъ Атаманомъ былъ почти единогласно выбранъ генералъ-маіоръ Петръ Николаевичъ Красновъ.

Соединились вновь въ Новочеркасскѣ Лейбъ-Казаки Ледяного и Степного походовъ съ однополчанами, участниками возстаній. За три первыхъ мѣсяца 1918 года большія потери понесъ офицерскій составъ: разстрѣляны большевиками — бывшій командиръ полка генералъ Ив. Дав. Орловъ, бывшій офицеръ полка есаулъ Евг. Ник. Поповъ. Убиты подъ Новочеркасскомъ и въ городѣ — бывшій офицеръ полка есаулъ П. Н. Карповъ, офицеръ строевого состава полка подъесаулъ Ю. Персидскій и М. Чеботаревъ, убитъ въ бою на хуторѣ Мишкинѣ подъесаулъ С. Кутейниковъ, убитъ въ бою подъ Хутункомъ вольноопредѣляющійся К. Чернозубовъ. Въ конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ убиты есаулъ Я. Рыковскій и подъесаулъ Н. П. Плеве. Вернулись ранеными: подъесаулъ В. Чеботаревъ, хорунжій Н. Ляховъ. Контужены въ Степномъ походѣ есаулъ Кононовъ и въ Ледяномъ хорунжій Г. Чекуновъ.

ГЛАВА VII.

АТАМАНСТВО ГЕНЕРАЛА П. Н. КРАСНОЗА.

Избраніе Атаманомъ генерала Краснова. — Общій характеръ Донской Арміи. — Постоянная Донская Армія. — Возрожденіе Л. Гв. Казачьяго полка. — Работа офицеровъ. — Парадъ и конный праздникъ въ Персіановкѣ. — Переходъ въ Ростовъ Полковой праздникъ. — Пріемы делегаціи союзниковъ. — Измѣненія въ общей обстановкѣ. Уходъ и проводы генерала П. Н. Краснова.

Какъ было сказано выше, делегаты освобожденныхъ станицъ Донской Области, составивъ Кругъ Спасенія Дона, избрали Донскимъ Атаманомъ генерала П. Н. Краснова, впослѣдствіи переизбраннаго въ Атаманы и Большимъ Войсковымъ Кругомъ.

Ген. Красновъ согласился принять должность лишь послѣ того, какъ были утверждены Кругомъ внесенные имъ на разсмотрѣніе Основные Законы, коими вся власть на Дону передавалась Донскому Атаману.

...«Творчество, сказалъ генералъ Красновъ, не дѣло коллектива.

Мадонну Рафаэля создалъ Рафаэль, а не комитетъ художниковъ»...

Донского Атамана ждала большая созидательная работа.

Донъ кипѣлъ возстаніями, постепенно очищаясь отъ большевиковъ. Армія возставшихъ Донцовъ состояла изъ полковъ станичной — дружинной организаціи: полки возникали по постановленію станицы, комплектовались станичниками и обычно даже и кормились станицей.

Дружинный характеръ организаціи предопредѣлялъ и силу, и слабость Донскихъ полковъ: силу — ибо возникновеніе ихъ по почину снизу обезпечивало имъ глубоко народный характеръ, что въ тѣ времена, когда «приказъ» властей имѣлъ еще условное значеніе, являлось особенно важнымъ.

Слабость — ибо полки были связаны своимъ раіономъ, и использованіе ихъ въ какомъ-либо другомъ было затруднительнымъ.

Мы видѣли выше, отмѣчая настроеніе казаковъ передъ боемъ 4-го апрѣля у Мишкина хутора, какъ пагубно отразилась на успѣхѣ дѣла «мѣстная» тенденція освободившихъ Новочеркасскъ казаковъ ближайшихъ станицъ,

Мы видѣли далѣе, въ бояхъ за Новочеркасскъ, раздѣльныя, недружныя и разновременныя дѣйствія Сѣверной и Южной группъ.

Причиной этой несогласованности дѣйствій здѣсь явилось по обстоятельство, что Сѣверная группа была составлена (кромѣ партизанъ) изъ полковъ 1-го Донского Округа, болѣе заинтересованныхъ Александровско-Грушевскимъ направленіемъ, какъ угрожавшимъ ихъ станицамъ, тогда, когда Южная группа полковника Денисова, составленная казаками Черкасскаго Округа, естественно тянула на Новочеркасскъ.

Генералъ Красновъ говоритъ *), что въ іюнѣ «въ нѣкоторыхъ казачьихъ частяхъ были митинги и выносились резолюціи, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границъ... Эти случаи заставляли поспѣшить съ постепеннымъ уничтоженіемъ станичныхъ дружинъ съ замѣной ихъ номерными полками», ибо, какъ правильно отмѣчаетъ полковникъ Добрынинъ**), «нежеланіе борцовъ отрываться отъ своихъ раіоновъ, въ извѣстной мѣрѣ объясняетъ какъ бы кордонную систему веденія операціи, т. е. разбросанности частей по всему фронту при отсутствіи резервовъ»...

О невыгодѣ такого рода веденія операціи говорить не приходится, и поэтому генералъ Красновъ, большимъ напряженіемъ, преодолѣвая много трудностей, въ томъ числѣ самолюбія и честолюбія выдвинувшихся, въ процессѣ возстаній, начальствующихъ лицъ, приступилъ къ переформированію арміи.

Ему удалось уже въ іюнѣ свести 14 самостоятельныхъ отрядовъ въ 6 сильныхъ группъ, а въ августѣ свести эти группы въ 4 корпуса, поставленныхъ на четырехъ фронтахъ.

По условіямъ общей обстановки, большихъ результатовъ достичь нельзя было, почему и послѣ реформы все же полки сохранили свой характеръ относительной импровизаціи. Учитывая это обстоятельство, генералъ Красновъ немедленно же по вступленіи въ должность Атамана, приступилъ къ формированію и обученію постоянной Донской Арміи въ составѣ 3-хъ конныхъ дивизій, 1-й пластунской бригады, 1-й стрѣлковой бригады, съ соотвѣтственнымъ количествомъ артиллеріи и техническихъ войскъ — все по штатамъ старой Россійской Арміи.

Часть Постоянной Арміи имѣла и спеціальную цѣль:

Уже въ своей первой програмной рѣчи на Большомъ Войсковомъ Кругу генералъ Красновъ сказалъ: «Россію не спасутъ ни нѣмцы, ни англичане, ни американцы,... Россію спасетъ сама Россія. Спасутъ Россію ея казаки... и только тогда будетъ законченъ страшный крестный путь казачества»...

Выше мы видѣли возникновеніе трудностей даже при переводѣ бойцовъ

---

*) Ген. Красновъ. «Всевеликое Войско Донское». Стр. 232.

**) Полк. Добрынинъ. «Вооруженная борьба Дона съ большевиками». «Донская Лѣтопись», № 1, стр. 106.

Группа коренныхъ офицеровъ, вахмистровъ и урядниковъ Лейбъ Гвардіи Казачьяго полка, вошедшихъ въ составъ молодого полка, вмѣстѣ со своими старыми командирами и офицерскими делегаціями отъ полковъ 1 Донской конной дивизіи, снятая въ Іюнѣ 1918-го года во дворѣ Донского Музея въ городѣ Новочеркасскѣ.

изъ ихъ округа въ другой, для преодолѣнія коихъ потребовалось немало труда и напряженія

Еще большаго труда, а главное времени, потребовалось бы для усвоенія казаками мысли о необходимости движенія впередъ, за предѣлы области. Пока казаки видѣли русское крестьянство еще не разочарованнымъ въ надеждѣ на благость большевизма, пока видѣли неокрѣпшее положеніе собственнаго Края, двинуть ихъ впередъ, за границу Войска, не представлялось возможнымъ.

Между тѣмъ, обстановка могла срочно потребовать этого выдвиженія.

...«Донской Атаманъ, — пишетъ генералъ Красновъ *), рѣшилъ идти съ казаками спасать Россію не на словахъ только, а на дѣлѣ. Онъ готовилъ и берегъ для этого особый 30-тысячный корпусъ молодыхъ казаковъ; 1-я Донская дивизія — 5000 шашекъ, 12 конныхъ орудій, 1-я пластунская бригада — 8000 штыковъ, 8 полевыхъ и 4 тяжелыхъ орудія, 1-я стрѣлковая бригада, 8 полевыхъ орудій и 4 мортиры, 1-й саперный батальонъ — 1000 штыковъ, техническія войска, броневые поѣзда, броневыя машины, аэропланы... должны были идти на Москву. Атаманъ зналъ, — добавляетъ генералъ Красновъ, что эти-то казаки пойдутъ... а за ними пойдетъ еще столько же»...

Въ основу формированія Постоянной Арміи были заложены слѣдующія положенія:

Части комплектовались въ тыловомъ раіонѣ, молодыми и необученными казаками призыва 18 и 19 годовъ, еще не служившими, а потому не затронутыми революціонными новшествами.

Обученіе и служба частей велись строго на основаніи уставовъ старой Россійской Арміи, безъ измѣненій революціоннаго времени.

Обмундированіе, вооруженіе и конскій составъ должны были быть казенными, отъ Войска.

Штатъ коннаго полка въ 6 сотенъ, пулеметной команды и команды связи состоялъ:

Людей	1326, изъ коихъ строевыхъ 1061, нестроевыхъ 265.
Лошадей	1223, изъ коихъ строевыхъ 1061, обозныхъ 162.
Винтовокъ	981.
Шашекъ	1326.
Пулеметовъ	6.

Урядничій составъ первоначально состоялъ изъ старыхъ казаковъ, по выбору командировъ полковъ, а впослѣдствіи долженъ былъ быть укомплектованъ выпусками урядниковъ изъ молодыхъ казаковъ, командированныхъ изъ строя и обученныхъ въ спеціально для этого созданномъ Учебномъ полку.

Офицерскій составъ подбирался начальниками дивизій, причемъ для 1-го и 2-го полковъ офицерскій составъ коихъ составили Лейбъ-Казаки и Атаман-

*) Ген. Красновъ. «Всевеликое Войско Донское». Стр. 222.

цы, была сохранена традиція предварительной баллотировки кандидата собраніемъ г. г. офицеровъ полка.

Начальникомъ 1-й Донской Конной дивизіи былъ назначенъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Федоръ Федоровичъ Абрамовъ, коренной офицеръ Л. Гв. 6-й Донской Казачьей Е. В. батареи, авторитетный, требовательный и знающій въ совершенствѣ строевое дѣло начальникъ.

Командиромъ бригады былъ послѣдній командиръ Гвардейской Казачьей бригады, коренной Атаманецъ, генералъ-маіоръ Тимофей Васильевичъ Михайловъ.

Командиромъ 1-го полка былъ послѣдній командовавшій Л. Гв. Казачьимъ полкомъ полковникъ Василій Аврамьевичъ Дьяковъ.

Обращаясь къ офицерскому составу молодого полка, отмѣтимъ, что онъ въ основѣ былъ образованъ офицерами стараго Л. Гв. Казачьяго полка.

Кромѣ 33 офицеровъ стараго состава, въ теченіе лѣта 1918 года было вновь зачислено, а также прикомандировано 24 новыхъ молодыхъ офицера.

Изъ этого числа, въ теченіе 1918 года, покинуло полкъ 5 офицеровъ стараго состава и 2 молодого, и, такимъ образомъ, къ концу 1918 года въ полку состояло 50 штабъ- и оберъ-офицеровъ.

Справка: Полный списокъ г. г. офицеровъ 1918 года помѣщенъ въ концѣ главы.

Къ формированію полка было приступлено въ концѣ мая, въ Артиллерійскихъ казармахъ города Новочеркасска, куда и прибыли мобилизованные казаки Черкасскаго и Донского округовъ.

Одновременно съ организаціонной работой по налаживанію довольствія людей и лошадей, дѣятельности полковой и сотенной канцелярій, по организаціи сапожной ,швальной, шорной и оружейной мастерскихъ, было приступлено къ обученію казаковъ.

Условія работы были нелегки.

Первоначально было очень мало урядниковъ, и вся тяжесть работы ложилась на плечи офицеровъ.

Часть послѣднихъ жила въ баракахъ съ казаками, причемъ, за недостаткомъ урядниковъ даже листы наряда велись офицерами.

Казаки, въ расчетѣ на казенное снаряженіе, приходили очень плохо одѣтыми, частью безъ сапогъ. Интендантство же, какъ и полковыя мастерскія, находились въ стадіи зарожденія и ничего не имѣли.

Въ казармахъ были размѣщены другія части, и было очень тѣсно.

Большевизмъ въ части населенія города еще не былъ изжитъ и среди казаковъ велась агитація.

Молодые казаки 18 и 19 годовъ, почти юноши, отличались крайней впечатлительностью, почему первое время не обходилось безъ непорядковъ. Какъ примѣръ, приведемъ случай паники, охватившей казаковъ въ первыя недѣли бытія молодого полка.

Какой-то казакъ упалъ ночью въ обморокъ. Подъ вліяніемъ какихъ-то

то постороннихъ лицъ, въ казармахъ распространились слухи, что, якобы, пущены ядовитые газы, что началась чума или холера, что въ такой-то сотнѣ уже умерло столько-то казаковъ и что надо уходить скорѣе по домамъ. Въ результатѣ нѣкоторая часть казаковъ разбѣжалась. Остальные были остановлены и успокоены подошедшими офицерами. На утро вернулись и разбѣжавшіеся. Виновные въ подстрекательствѣ были строго наказаны, и все успокоилось.

Были и другія попытки, подъ вліяніемъ агитаціи извнѣ, поднять безпорядки, но они пресѣкались въ зародышѣ, виновные отдавались суду и несли строгое наказаніе, и вскорѣ дисциплина окрѣпла настолько, что въ дальнѣйшемъ не было болѣе и попытокъ къ какому-либо неповиновенію.

3-го іюня полкъ, по приказу Атамана, былъ переведенъ на Персіановку, въ лагерь Кадетскаго Корпуса.

Здѣсь работа пошла интенсивнѣе и еще успѣшнѣе.

Полкъ постепенно одѣлся. Заработали интендантство и полковыя мастерскія. Приказомъ Атамана была установлена справедливая плата за полученное изъ дома обмундированіе, бѣлье и сапоги, что увеличило поступленіе изъ дома.

Изъ станицы Каменской были привезены уцѣлѣвшіе отъ большевистскаго разгрома старые запасы полка, въ числѣ коихъ сохранилось 1000 мундировъ, 1000 паръ погонъ, обозная упряжь, пулеметные вьюки, большой запасъ сѣделъ и сѣдельныхъ принадлежностей, инструменты мастерскихъ, пики и иное, весьма пригодившееся имущество.

Изъ этого же запаса былъ привезенъ полный хоръ трубъ, послѣ чего въ полкъ были зачислены опытный старый капельмейстеръ Плацатка и рядъ старыхъ полковыхъ трубачей, образовавшихъ отличный хоръ.

Пища въ полку была сытная и отличныхъ вкуса и качества. По старой полковой традиціи, между сотенными командирами шло соревнованіе въ качествѣ пищи. Продукты, очень доброкачественные, поставлялись интендантствомъ весьма исправно.

Строевыя занятія шли интенсивно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ начальника дивизіи генерала Абрамова, ежедневно обходившаго полки.

Между полками шло соревнованіе въ воинскомъ воспитаніи и подготовкѣ казаковъ. Въ Лейбъ-Казачьемъ полку, по старой гвардейской традиціи, большое вниманіе было обращено на выправку каждаго отдѣльнаго рядового, и скоро полкъ выдѣлился въ дивизіи отчетливостью своихъ казаковъ.

Относительно быстро казаки усвоили всѣ тонкости пѣшаго строя.

Сложнѣе обстояло дѣло съ конными занятіями.

Сказался недостатокъ лошадей, коихъ должно было поставить Задонское коневодство. Сильно разоренное во время смуты и гражданской войны, послѣднее не смогло сразу справиться съ задачей, и первое время въ каждой сотнѣ имѣлось лошадей лишь на одинъ конный взводъ.

Приказомъ Атамана была установлена выплата стоимости приводимаго изъ дома казакомъ коня, и этой мѣрой количество лошадей сильно увеличилось. Все же, несмотря на всѣ усилія, количество лошадей, вмѣстѣ съ полученными изъ Задонья, не превышало 50 процентовъ штата и половина состава полковъ 1-й дивизіи осталась спѣшенной.

Лошади, поступившія изъ Задонья, были прекрасныхъ качествъ, рослыя, хорошихъ кровей, но поступали въ полкъ 3-лѣтками, почему приходилось одновременно обучать всадника и подъѣзжать лошадь.

Все же къ сентябрю Лейбъ-Казаки прошли курсъ смѣнной ѣзды и владѣнія оружіемъ съ коня, прошли взводное ученіе и продѣлали нѣсколько сотенныхъ ученій.

Особое вниманіе было обращено на воспитаніе казака въ духѣ старыхъ воинскихъ традицій и уставовъ, и въ полку былъ установленъ такой же твердый внутренній порядокъ, какъ и въ дореволюціонное время. Отношеніе къ рядовому казаку было строгое, безъ поблажекъ по службѣ, но и одновременно попечительное, до высшаго предѣла, въ смыслѣ заботъ объ улучшеніи условій жизни и питанія подчиненныхъ.

Взысканія налагались по старому уставу, причемъ арестъ былъ замѣненъ постановкой въ боевую.

Въ такомъ же духѣ велось дѣло и въ сосѣднемъ 2-мъ полку, офицерскій составъ коего былъ Л. Гв. Атаманскаго полка.

Революціонная распущенность настолько вошла въ нравы общества, что нашлись круги въ Новочеркасскѣ, осуждавшіе внутренній порядокъ въ бригадѣ.

Характеренъ нижеслѣдующій случай:

Полкъ съ іюня несъ караулъ въ Новочеркасскѣ, причемъ караульная служба, какъ имѣющая большое воспитательное значеніе, была у Лейбъ-Казаковъ поставлена образцово, строго по петербургскому образцу.

Однажды въ кулуарахъ Круга, къ часовому Лейбъ-Казаку подошелъ какой-то депутатъ и спросилъ, правда ли, что казакамъ въ Постоянной Арміи, изъ-за строгости начальства, тяжело живется. Часовой коротко отвѣтилъ, что онъ часовой, не можетъ разговаривать, и предложилъ члену Круга отойти.

«Дѣйствительно, теперь я самъ вижу, — сказалъ обиженный избранникъ народа, — что васъ учать только ногами топать, да руками махать, а не разговаривать съ людьми»... Объ этомъ разговорѣ часовой доложилъ командиру сотни.

Во 2-й полкъ однажды была послана Кругомъ небольшая комиссія провѣрить слухи объ якобы излишней строгости строевого начальства.

Только энергичной поддержкой Атамана генерала Краснова и начальника дивизіи генерала Абрамова попытки, пережитками революціонаго періода, ослабить порядокъ въ частяхъ были отбиты.

Тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ для Гвардейской Казачьей бригады явился парадъ 26-го (ст. ст.) августа, гдѣ Атаманъ представилъ Большому Войсковому Кругу всю молодую Постоянную Армію.

Уже 16-го (ст. ст.) августа съѣхавшіеся въ Новочеркасскъ члены Круга видѣли, послѣ молебна, на площади Войскового собора, сборныя сотни, высланныя отъ всѣхъ частей Постоянной Арміи.

Несмотря на короткій срокъ обученія, сотни имѣли видъ хорошо дисциплинированныхъ частей подлинной Арміи. Онѣ блистали, конечно, не «революціонной дисциплиной» временъ Керенскаго, какъ и не дисциплиной Добровольческихъ частей, хотя и носившей обликъ трогательной идейной жертвенности, но имѣвшей своеобразный характеръ *), а дисциплиной подлинной, служившей показателемъ прочнаго внутренняго порядка, основаннаго на твердомъ законѣ — воинскомъ уставѣ.

Если «дисциплинированность» временъ Керенскаго свидѣтельствовала о полной слабости революціонной арміи, если дисциплина Добровольческихъ частей свидѣтельствовала о легшемъ невольно въ основу строительства Добровольческой Арміи началѣ импровизаціи, то дисциплинированность впервые увидѣнныхъ членами Круга частей Постоянной Донской Арміи говорила о торжествѣ начала прочной организаціи, сторонникомъ коего и талантливымъ представителемъ являлся генералъ П. Н. Красновъ.

Кругъ понималъ, что война затягивается, и чувствовалъ, что импровизаціоннымъ строительствомъ не побѣдить, а поэтому и первая крупная организаціонная удача генерала Краснова была воспринята горячо. Кругъ постановилъ отдать приказъ по Войску, въ которомъ говорилось:

...«Донскіе орлята Слезы гордости и безконечной радости блестѣли у вашихъ дѣдовъ и отцовъ, когда вы стройными и мощными колоннами проходили мимо войсковыхъ регалій и старыхъ боевыхъ знаменъ — нѣмыхъ свидѣтелей былыхъ подвиговъ и славы казачьей...

...Только 2½ мѣсяца прошло, какъ вы слетѣлись на службу Тихому Дону... но успѣла вырости изъ васъ молодая и сильная Армія»...

---

*) Ген. П. Н. Красновъ. «В. В. Донское». Стр. 204: «...Въ Добр. Арміи была дисциплина новая, упрощенная... часто офицерски распущенная»...

«Очерки», ген. Деникинъ. Томъ III, гл. XVIII, «...Принципъ Добровольчества — привлекая въ Армію элементы стойкіе и мужественные, вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ нѣкоторыя своеобразныя формы дисциплины, не укладывавшіяся въ рамки старыхъ уставовъ»...

«Походъ Корнилова». А. А. Суворинъ. Стр. 108: «...О Добровольческой Арміи всегда можно сказать — доблести много, дисциплины мало»... «Безъ устава всѣ разговоры о дисциплинѣ останутся только разговорами»...

26-го (ст. ст.) августа предстояло показать членамъ Круга уже всю Постоянную Армію, и на Персіановскомъ полѣ выстроилось 7 батальоновъ, 33 сотни спѣшенныхъ казаковъ, 6 батарей, 16 конныхъ сотенъ, одна мортирная батарея и 5 аэроплановъ.

...«Былая славная Армія 1914 года, — пишетъ генералъ Красновъ *), — возродилась въ лицѣ этихъ бравыхъ юношей, отлично кормленныхъ, развитыхъ гимнастикой, прекрасно выправленныхъ, бодро маршировавшихъ въ новой, щегольски пригнанной одеждѣ»...

Послѣ прохожденія частей кто-то изъ членовъ Круга сказалъ, что великолѣпное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ еще не показываетъ готовности къ бою, и генералъ Красновъ, вызвавъ 1-ю конную сотню Лейбъ-Казаковъ и 3-й стрѣлковый батальонъ (укомплектованный Донскими крестьянами), приказалъ показать конное и пѣшее ученіе.

Какъ то, такъ и другое были показаны великолѣпно, и члены Круга пришли въ восторгъ. Предсѣдатель Круга Харламовъ произнесъ передъ строемъ привѣтственную рѣчь, въ которой говорилось:

...«Армія сильна желѣзной дисциплиной, революціонной десциплины нѣтъ, а есть одна дисциплина, требующая точнаго, неуклоннаго, безоговорочнаго и немедленнаго исполненія приказанія начальника... Армія сильна, когда она не занимается политикой... Армія сильна, когда она единодушна и составляетъ одну семью, проникнутую духомъ чести и рыцарства... Убѣжденъ, что такую сильную Армію Большой Войсковой Кругъ видитъ въ васъ... Донскіе орлы, Донской Кругъ гордится своей Арміей...

Объявляю постановленіе Круга о производствѣ генерала П. Н. Краснова въ генералы отъ кавалеріи»...

Успѣхъ смотра подготовилъ почву въ Кругѣ для возбужденія вопроса о возстановленіи наименованій историческихъ Донскихъ полковъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ Кругомъ 3-го сентября, а 4-го былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ:

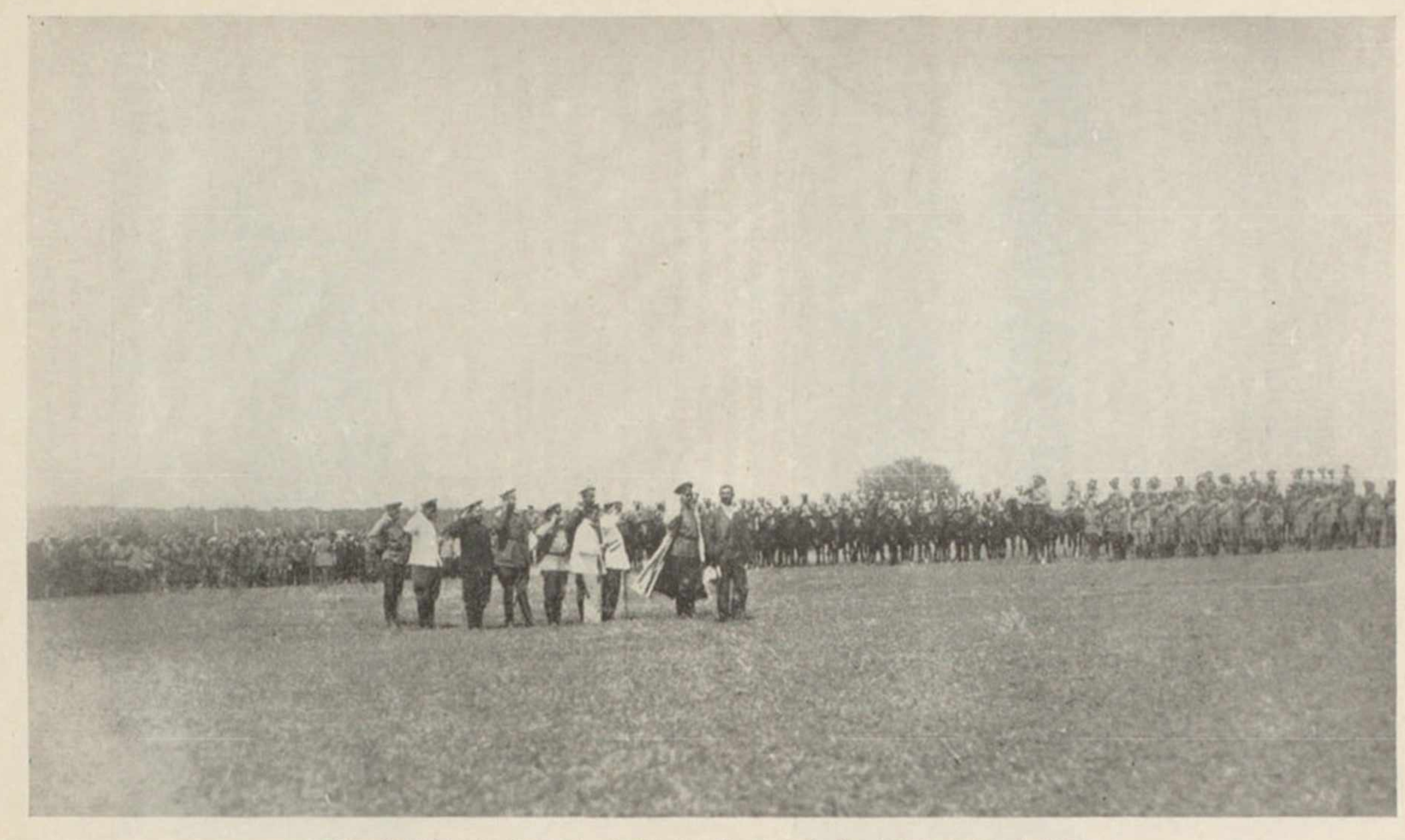
Приказъ Всевеликому Войску Донскому, № 391, 4-го сентября 1918-го года, Новочеркасскъ.

«Согласно съ постановленіемъ Большого Войскового Круга, въ 3-ій день сего сентября состоявшагося, въ увѣковѣченіе доблести и воинской славы казачьихъ полковъ, побѣдами и кровію заслужившихъ себѣ Георгіевскіе штандарты и знамена, и дабы исторія подвиговъ ихъ, передаваемая изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, запечатлѣвала въ сердцахъ казачьихъ былую мощь казачью и удаль, и благородство, и красоту воинскихъ подвиговъ, кои хранились въ завѣтахъ предковъ, въ ихъ старыхъ обычаяхъ, въ полковыхъ маршахъ и почитаніи святыхъ, покровителей полковъ, преемственно благословлявшихъ полки на подвиги; сохраняя въ неприкосновенности полное ра-

**) «В. В. Донское». Ген. Красновъ. Стр. 228.

Прохожденіе конныхъ сотенъ 1-ой Донской Конной дивизіи на смотру молодой Донской Арміи 26-го Августа 1918-го года.

Прохожденіе пѣшихъ (еще не получившихъ лошадей) сотенъ 1-ой Дон. Кон. Дивизіи на смотру молодой Донской Арміи 26-го Августа 1918 года.



Рѣчь Предсѣдателя Большого Войскового Круга В. А. Харламова на смотру постоянной молодой Донской Арміи 26-го Августа 1918 года.

венство въ чинахъ и окладахъ содержанія и не давая никакихъ преимуществъ по службѣ, предписываю:

1-му Донскому Казачьему и 2-му Донскому Казачьему полкамъ, какъ составленнымъ изъ казаковъ Черкасскаго и 1-го Донского округовъ, — самыхъ старинныхъ казачьихъ станицъ низовой вольницы Донской, пріять отнынѣ и впредь наименованіе, боевые Георгіевскіе штандарты, бунчукъ и знамена, серебряныя трубы, отличія на шапки и боевые марши, исторію и дни полковыхъ рпаздниковъ:
1-му Донскому Казачьему полку — ЛейбъГвардіи Казачьяго Его Величества полка и именоваться впредь Л. Гв. Казачьимъ полкомъ.

2-му Донскому Казачьему полку — Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка и именоваться впредь — Л. Гв. Атаманскимъ полкомъ.

6-й Донской Казачьей батареѣ — формируемой изъ казаковъ Хоперскаго, Усть-Жедвѣдицкаго и Верхне-Донского Округовъ старѣйшихъ казачьихъ поселеній по Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку старинной верховой вольницы казачьей, пріять наименованіе, серебряныя Георгіевскія трубы ,исторію и маршъ Гвардейской Конной Артиллеріи Л. Гв. 6-й Донской Казачьей Его Величества батареи и именоваться впредь Л. Гв. 6-й Донской батареей»...

Далѣе въ томъ же приказѣ передавались Георгіевскія знамена и наименованія старыхъ Донскихъ казачьихъ полковъ всѣмъ другимъ частямъ Постоянной Арміи, кромѣ 3-го Калмыцкаго, укомплектованнаго калмыками, полка, получившаго особое знамя, калмыками ему поднесенное, и сохранившаго наименованіе Калмыцкаго, и 3-го и 4-го стрѣлковыхъ полковъ, укомплектованныхъ Донскими крестьянами. (**Примѣчаніе:** въ 3-ій стрѣлковый полкъ влились офицеры Л. Гв. Финляяскаго и Л. Гв. Измайловскаго полковъ. Къ 26-му ноября въ полкъ было доставлено знамя Л. Гв. Финляндскаго полка. и 3-й полкъ приказомъ Донского Атамана былъ переименованъ въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій).

8-го сентября (ст. ст.) въ Л. Гв. Казачьемъ полку, на Персіановкѣ, былъ устроенъ конный праздникъ.

Плацъ, находящійся между рощей и питомникомъ, былъ убранъ зеленью и приведенъ въ праздничный видъ. Для гостей — устроена трибуна. У рощи былъ организованъ офицерами открытый буфетъ для приглашенныхъ.

Въ 2 часа подошелъ спеціальный поѣздъ изъ Новочеркасска, заполненный гостями. Прибыли: Донской Атаманъ съ супругой, нѣкоторые члены Круга, Командующій Арміей, начальствующія лица, представители воинскихъ частей и учрежденій и много представителей и представительницъ новочеркасскаго общества.

Прибывшіе заняли трибуну, а напротивъ, по другую сторону спортив-

ной дорожки, широко размѣстились казаки и казачки, родственники казаковъ полка, съѣхавшіеся изъ ближайшихъ станицъ.

Было показано: 1) преодолѣваніе офицерами полка на собственныхъ и казенныхъ лошадяхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ препятствій, высотою не менѣе $1\frac{1}{2}$ аршинъ.

2) Сокольская гимнастика въ составѣ сотни казаковъ съ винтовками, подъ оркестръ.

3) Вольная гимнастика казаковъ.

4) Гимнастика офицеровъ на снарядахъ.

5) Рубка шашкой и уколы пикой офицеровъ и казаковъ.

Предполагалась джигитовка офицеровъ, но генералъ Красновъ категорически воспротивился, сказавъ: «Офицеровъ у меня мало, и не могу ими рисковать, такъ какъ они мнѣ нужны для болѣе серьезнаго дѣла».

Хорошая организованность и блестящій результатъ праздника произвели глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ.

Было наглядно показано, что можно сдѣлать въ 2-3-мѣсячный срокъ изъ сырого необученнаго казака, въ условіяхъ правильно организованной работы хорошаго офицерскаго состава, спаяннаго любовью къ своему полку.

Лестно и горячо отозвались о всемъ видѣнномъ приглашенные генераломъ Красновымъ представители германскаго командованія.

Большое удовлетвореніе дала офицерамъ полка похвала присутствовавшихъ на праздникѣ, одной съ Лейбъ-Казаками школы Гвардейскаго корпуса, офицеровъ Л. Гв. Финляндскаго полка, пришедшихъ въ восторгъ отъ порядка выхода на сокольскую гимнастику 1-й сотни полка, державшей равненіе и ногу, какъ учебная команда стараго времени.

Еще большее удовлетвореніе далъ, какъ всегда немногословный, приказъ по 1-й дивизіи обычно не щедраго на похвалу генерала Абрамова:

«Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ устроилъ конный праздникъ.

Красивый былъ праздникъ.

Благодарю г. г. офицеровъ за стараніе и работу».

Во второй половинѣ сентября 1-я дивизія была поставлена на зимнія квартиры. Лейбъ-Казаки стали гарнизономъ гор. Ростова. Атаманцы — Таганрога, 3-й Калмыцкій полкъ — Александровска-Грушевскаго и 4-й Донской — Новочеркасска.

Къ 29 сентября Лейбъ-Казаки сосредоточились въ казармахъ 136 Таганрогскаго полка въ гор. Ростовѣ. Первое время было тѣсновато, ибо въ тѣхъ же казармахъ размѣщался батальонъ германской пѣхоты, отношенія съ коимъ, однако, были обоюдно корректны. Съ уходомъ германцевъ, въ ноябрѣ, полкъ занялъ всѣ помѣщенія казармъ и размѣстился достаточно хорошо и просторно.

Къ тому же времени Инженерное Вѣдомство пристроило три деревянныхъ конюшни на 200 лошадей каждая.

Въ Ростовѣ попрежнему шла интенсивная работа строевой подготовки казаковъ и кромѣ того полкъ несъ нарядъ по окарауливанію нѣкоторыхъ учрежденій въ городѣ.

Ежедневно въ нарядъ уходилъ одинъ командиръ сотни, 4-5 офицеровъ и отъ 50 до 100 казаковъ.

Кромѣ того, полкъ принималъ періодическое участіе въ облавахъ на большевиковъ, коихъ въ Ростовѣ было еще довольно много. Къ послѣднему наряду казаки относились съ большимъ рвеніемъ, почему никакихъ большевистскихъ выступленій въ городѣ не было.

Служба офицера въ полку была не легка:

Командиры сотенъ кипѣли, какъ въ котлѣ, съ ранняго утра до поздняго вечера, ибо, хотя составъ урядниковъ сильно увеличился еще въ Персіановкѣ, но полнаго штата все же не было.

Младшій офицеръ, если онъ былъ свободенъ отъ наряда, начиналъ занятія въ сотнѣ въ 8 час. утра. Въ 12 час. обѣдалъ въ собраніи, а затѣмъ снова шелъ въ сотню на послѣобѣденныя занятія, по окончаніи коихъ, до ужина, велись спеціально офицерскія занятія по усовершенствованію военныхъ знаній. Только въ 7 час. вечера офицеръ освобождался.

Функціонировало офицерское собраніе.

Такъ какъ полкъ готовился къ выступленію на фронтъ, то особыхъ мѣръ къ украшенію собранія не принималось, но все же собраніе было благоустроено, и офицеры имѣли недорогое и приличное довольствіе, насколько то позволялъ скромный окладъ содержанія (350 рублей въ мѣсяцъ). Главное же, въ собраніи офицеръ имѣлъ мѣсто, гдѣ могъ отдохнуть душой въ общеніи съ другими офицерами, дѣлясь впечатлѣніями, надеждами на будущее, а также слушая повѣствованія старшихъ о славномъ прошломъ Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка.

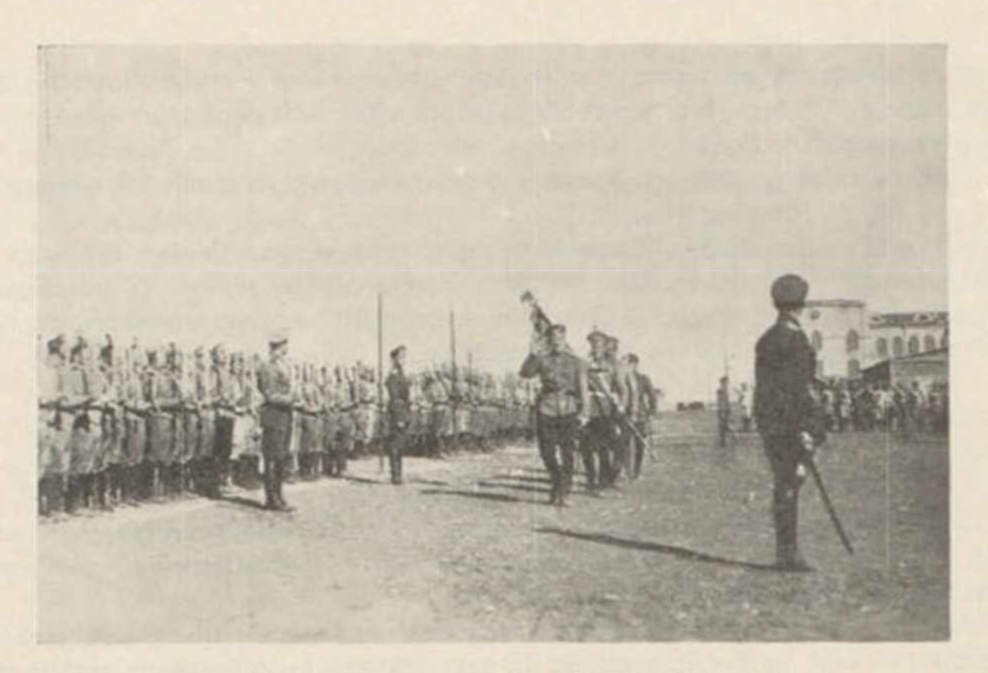
Первый разъ собраніе зажило полной жизнью 4-го октября, когда съѣхались на полковой праздникъ и всѣ старослуживые Лейбъ-Казаки.

Въ этотъ день передъ строемъ спѣшеннаго полка Атаманъ генералъ Красновъ торжественно передалъ молодому полку старый сѣдой Лейбъ-Казачій Штандартъ, хранившійся до этого дня въ полковомъ музеѣ, при войсковомъ, въ гор. Новочеркасскѣ.

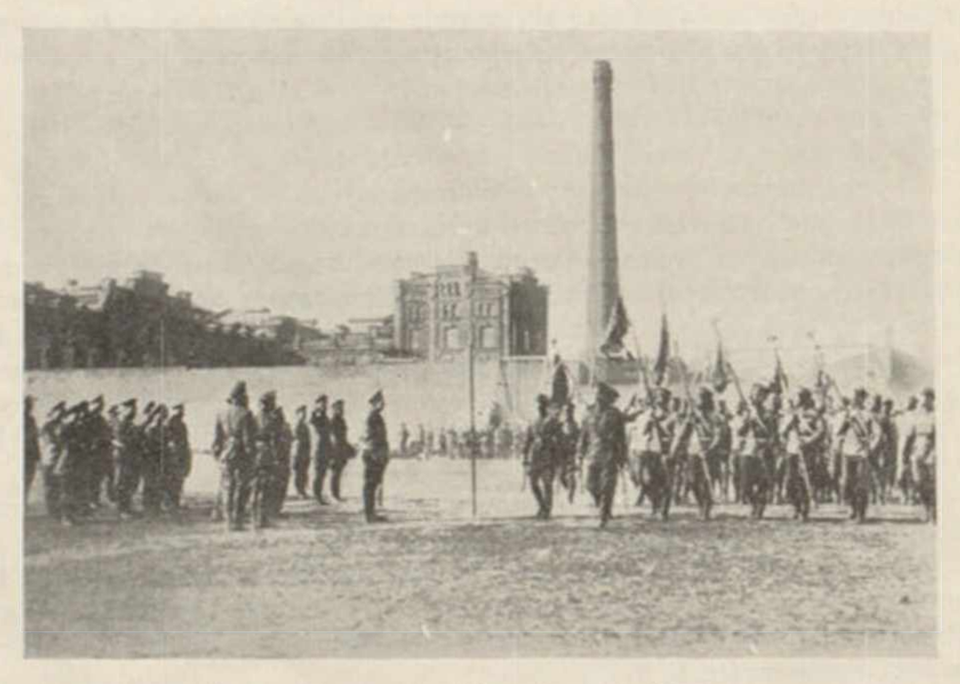
Послѣ молебна состоялся парадъ, а затѣмъ гости были приглашены на традиціонный обѣдъ въ собраніе.

Игралъ прекрасно сыгравшійся хоръ полковыхъ трубачей, и обѣдъ прошелъ съ громаднымъ подъемомъ.

Въ Ростовскій періодъ полкъ былъ уже хорошо одѣтъ: изъ части па-



Полковой праздникъ 4-го Октября 1918 года.



Полковой праздникъ 4-го Октября 1918 года.
Прохожденіе полка церемоніальнымъ маршемъ передъ Донскимъ Атаманомъ генераломъ П. Н. Красновымъ. Въ головѣ штандарты полка. На правомъ флангѣ послѣдній Георгіевскій, жалованный Императоромъ Александромъ II въ 1875 году, лѣвѣе два штандарта, съ мальтійскими крестами, жалованные Императоромъ Павломъ I-мъ въ 1799 году, далѣе — три Георгіевскихъ штандарта за отличіе въ Отечественную Войну и за атаку подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, жалованные полку Императорами Александромъ I и Николаемъ I.

радныхъ мундировъ были пошиты на весь полкъ щегольскія алыя безкозырки, шорная мастерская изготовила полный комплектъ бѣлой гвардейской амуниціи, получены изъ интендантства новыя шинели, на кои полковой швальней нашиты новые алые погоны.

Красивый внѣшній видъ нуженъ былъ не только какъ воспитательное начало для казаковъ, но и потому, что въ Ростовѣ (какъ въ прежнее время въ Петербургѣ) полкъ несъ представительства Войска Донского, участіемъ въ пріемахъ разнаго рода делегацій.

Прежде чѣмъ перейти къ краткому описанію этихъ пріемовъ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ настроеніяхъ казачества, кои были связаны съ пріѣздомъ союзныхъ делегацій.

Съ побѣдой надъ германцами, возникла надежда на помощь союзниковъ въ дѣлѣ борьбы Юга Россіи съ коммунизмомъ.

Казалось, что теперь союзники должны отдать свой долгъ Россіи, принесшей въ свое время для успѣха общаго дѣла неисчислимое число жертвъ.

Югъ Россіи не имѣлъ почти фабрично-заводской промышленности. Затяжная война требовала пушекъ, снарядовъ, патроновъ, медикаментовъ и обмундированія, что можно было достать только извнѣ.

Донское казачество, въ борьбѣ съ большевиками, выставило до 100.000 бойцовъ, давъ предѣльное напряженіе, и этого напряженія оказалось достаточнымъ лишь для удержанія границъ Области.

Было ясно, что безъ помощи извнѣ нельзя сдвинуться впередъ, а безъ движенія впередъ не могло быть рѣшительной побѣды и конца войны.

Генералъ Красновъ, съ первыхъ дней атаманства, обратился къ нѣмцамъ, занимавшимъ Украину и Ростовъ, и, заключивъ съ ними нѣчто вродѣ договора о нейтралитетѣ, въ обмѣнъ на хлѣбъ, получалъ изъ Украины снаряды и патроны, коими по-братски дѣлился съ Добровольческой Арміей.

Съ уходомъ нѣмцевъ не только отпалъ украинскій источникъ снабженія, но и образовался новый Донецкій фронтъ борьбы съ большевиками, протяженіемъ въ 600 верстъ.

Потребность въ помощи извнѣ усилилась.

Союзники же не появлялись, и духъ казаковъ на фронтѣ, напряженно, въ условіяхъ невѣроятныхъ лишеній, почти уже годъ ведшихъ борьбу и поэтому усталыхъ, начиналъ замѣтно понижаться.

Генералъ Красновъ спѣшно послалъ делегацію, съ генераломъ Сазоновымъ во главѣ, въ Яссы, гдѣ, подъ главенствомъ маршала Франшэ-д-Эсперэ, шло совѣщаніе союзниковъ.

Донская делегація запоздала и нашла на мѣстѣ лишь генерала Бертелло, имѣвшаго всѣ исчерпывающія инструкціи изъ Версаля.

...«Въ Версалѣ, — пишетъ ген. Красновъ, — рѣшено было признать

единымъ Вождемъ на Югѣ Россіи генерала Деникина... Агенты Добр. Арміи были уже при французскомъ командованіи... Они доложили объ измѣнѣ Скоропадскаго, они нарисовали Донское Войско полубольшевистскимъ государствомъ, руководимымъ нѣмцами, не имѣющимъ никакой арміи, словомъ, **quantité négligeable** а Донского Атамана, какъ ставленника и клеврета германскаго императора... Все это было высказано генераломъ Бертелло генералу Сазонову... *).

Неудачу генерала Сазонова нѣсколько поправилъ, частнымъ порядкомъ, другой Донской казакъ — адмиралъ Кононовъ, присутствовавшій въ Севастополѣ при прибытіи туда англо-французской эскадры.

Ему удалось свести съ англійскимъ адмираломъ атамана зимовой станицы въ Крыму, полковника А. Е. Власова (Лейбъ-Казака — выпуска 1892 г.), которому удалось заинтересовать англичанина въ военной и строительной дѣятельности Донского Войска настолько, что 21-го ноября (ст. ст.), въ цѣляхъ развѣрки, въ Таганрогъ на двухъ миноносцахъ были высланы англичанинъ кап. Бондъ и французъ кап. Кошенъ съ нѣсколькими офицерами и матросами.

...«Какъ потомъ признавался капитанъ Бордъ, ѣхали не безъ страха: а что если на Дону большевики? Союзныхъ офицеровъ отговаривали ѣхать на Донъ, тамъ, молъ, все держалось на нѣмцахъ, а сейчасъ безпорядокъ и большевики...

...Однако, въ Маріуполѣ ихъ ожидалъ прекрасный поѣздъ.

Въ Таганрогѣ на перронѣ стоялъ прекрасно одѣтый караулъ Л. Гв. Атаманскаго полка съ хоромъ трубачей. Смѣло и увѣренно трубачи заиграли англійскій гимнъ и, когда офицеры дошли до середины фронта, начали играть гимнъ Франціи.

Все это отзывало старымъ, твердымъ строемъ, а не большевизмомъ.

Въ 10 часовъ утра поѣздъ прибылъ въ Ростовъ. Такой же прекрасный караулъ отъ Лейбъ-Казачьяго полка ихъ ожидалъ...

...Въ Новочеркасскѣ — почетный караулъ отъ 4-го Донского Казачьяго полка и, по двухверстному пути отъ станціи до собора, стояли шпалерами войска молодой Арміи, пѣхота, кавалерія и артиллерія»...**).

Прибывшей делегаціи генералъ Красновъ показалъ Донскую Офицерскую Школу, Военное Училище, гимназіи, Кадетскій Корпусъ, Донской Маріинскій Институтъ, военно-ремесленныя мастерскія гор. Новочеркасска, отвезъ показать Сѣверный фронтъ и на обратномъ пути показалъ Русско-Балтійскій заводъ въ Таганрогѣ, гдѣ полнымъ ходомъ шла перестройка завода на изготовленіе снарядовъ и патроновъ.

Въ своемъ офицерскомъ собраніи, по пути въ Ростовъ, Лейбъ-Казаки чествовали делегацію торжественнымъ обѣдомъ. Было много рѣчей, и звуки россійскаго гимна чередовались съ гимнами французскимъ и англійскимъ.

Докладъ делегаціи главѣ прибывшей черезъ Новороссійскъ въ Екате-

---

*) Ген. Красновъ. «В. В. Донское». Стр. 254.

**) Ген. Красновъ «В. В. Донское». Стр. 270.

ринодаръ союзнической миссіи генералу Пулю произвелъ впечатлѣніе: и генералъ Пуль пожелалъ видѣть генерала Краснова.

Свиданіе состоялось 13 декабря въ Кущевкѣ, причемъ генералъ Пуль условіемъ пмощи союзниковъ Дону поставилъ признаніе Донскимъ Атаманомъ принципа единаго командованія на Югѣ Россіи генерала Деникина.

Одновременно выяснилось, что командованіе Добровольческой Арміи желаетъ получить въ свои руки, какъ условіе максимальнаго успѣха военныхъ общихъ операцій, не только оперативное объединеніе всѣхъ Армій Юга Россіи, но и распоряженіе Донской Арміей въ организаціонномъ отношеніи (назначеніе команднаго состава, переводъ Донской конницы въ составъ Добр. Арміи), какъ и распоряженіе средствами военнаго снабженія Донского Края и его желѣзнодорожнаго транспорта **).

Генералъ Красновъ согласился лишь на объединеніе Арміи въ оперативномъ отношеніи и на единое представительство въ порядкѣ внѣшнихъ сношеній съ союзниками. На большее онъ согласиться не могъ, ибо главнымъ факторомъ широкаго участія рядового казачества въ Бѣломъ движеніи, гдѣ на 100.000 Донцовъ и 40.000 кубанцевъ приходилось всего 10.000 добровольцевъ не-казаковъ, являлось прямое участіе рядового казачества въ строительствѣ своихъ краевъ. Всякая попытка хотя бы частичнаго установленія безконтрольнаго распоряженія свыше и извнѣ несомнѣнно была бы истолкована, какъ нарушеніе правъ казачества свободно распоряжаться своею участью и какъ возвращеніе къ недоброй памяти практикѣ С.-Петербургскаго Главнаго Управленія Казачьихъ Войскъ, систематически нарушавшаго законныя казачьи права, не такъ по соображеніямъ общегосударственной пользы, сколько по невѣжеству въ казачьихъ вопросахъ.

Въ этихъ условіяхъ всѣ выгоды болѣе широкаго объединенія Южно-Русской власти въ однѣхъ рукахъ были бы сведены на-нѣтъ охлажденіемъ къ дѣлу борьбы въ рядовомъ Донскомъ казачествѣ. Не могъ генералъ Красновъ согласиться на большее и потому, что въ смыслѣ организаціонной работы Донское Войско, по его глубокому убѣжденію, стояло много выше чисто бюрократическаго типа, оторванныхъ отъ населенія, учрежденій Добровольческой Арміи, вынужденныхъ вести работу преимущественно въ порядкѣ импровизаціонномъ.

Объединеніе командованія Вооруженными Силами Юга Россіи въ рукахъ ген Деникина было встрѣчено въ Лейбъ-Казачьемъ полку спокойно.

Офицеры полка сознавали, что объединеніе командованія, кромѣ значенія чисто боевого, не можетъ не отозваться и на политической сторонѣ общаго дѣла и, въ частности, неминуемо вызоветъ отходъ на второй планъ генерала П. Н. Краснова.

Генерала Краснова хорошо знали и высоко цѣнили въ полку по всей его службѣ, какъ твердаго монархиста, а, слѣдовательно, сторонника Вели-

---

**) Ген. Красновъ. «В. В. Донское», Стр. 281 и 285.
К. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина». Стр. 64-66.

кодержавности Россійской, и вѣрили его словамъ, неоднократно имъ повторенным, что по окончаніи устройства Казачьихъ Краевъ и Юга Россіи и прочному обезпеченію правъ Донского Казачества, онъ поведетъ далѣе на возсозданіе Державы Россійской.

Лозунгомъ генерала Краснова «Императорская Россія» всецѣло поглощался лозунгъ Добровольской Арміи «Единая Недѣлимая».

Генерала Деникина судили по строительству Добровольческой Арміи, гдѣ при большой неопредѣленности въ цѣляхъ, была вложена мысль объ исключительномъ представительствѣ ею, уже въ данное время, Россійской Государственности.

Въ пониманіи офицеровъ, генералы Красновъ и Деникинъ строили одно и то же зданіе, причемъ, если генералъ Красновъ начиналъ постройку съ фундамента и 1-го этажа — устройствомъ казачества и Юга Россіи и только тогда предполагалъ двигаться впередъ для надстройки и увѣнчанія зданія, то генералъ Деникинъ начиналъ постройку съ крыши, имѣя въ фундаментѣ лишь окруженіе Добровольческой Арміи, не представлявшее для сего достаточно глубокой и широкой базы.

Однако, генерала Деникина знали и по Великой Войнѣ, какъ доблестнаго боевого генерала, и по 1817-му году, какъ честнаго и мужественнаго представителя строевого офицерства.

Поэтому объединеніе командованія въ его рукахъ было принято въ полку спокойно, съ вѣрой въ конечный успѣхъ борьбы съ большевиками.

Генералъ Пуль вполнѣ удовлетворился объединеніемъ Арміи Юга Россіи лишь въ оперативномъ отношеніи и теперь уже выразилъ желаніе посѣтить лично Донъ.

До пріѣзда генерала Пуля, Ростовъ посѣтили, передъ отъѣздомъ въ Парижъ, делегаты Юга Россіи на Союзническую Конференцію, бывшій министръ Иностраныхъ Дѣлъ Императорской Россіи С. Д. Сазоновъ и Нератовъ.

Делегаты Юга Россіи были почествованы Лейбъ-Казаками интимнымъ обѣдомъ въ офицерскомъ собраніи. Были рѣчи и вспоминалось державное прошлое Великой Россіи. Сазоновъ былъ сдержанъ. Нератовъ плакалъ при звукахъ россійскаго гимна.

28-го декабря (ст. ст.) въ Ростовъ прибыла союзническая миссія во главѣ съ генераломъ Пулемъ, въ составѣ 3-хъ англійскихъ офицеровъ и французовъ — капитана Фукэ, капитана Бертелло, лейтенантовъ Эглонъ и Эрлишъ.

На станціи Ростовъ былъ выставленъ почетный караулъ Л. Гв. Казачьяго полка въ составѣ сотни съ трубачами.

Хорошо выправленные казаки караула, щегольски и однообразно одѣтые въ сѣрыя новыя шинели, въ новыхъ алыхъ погонахъ и алыхъ однообразныхъ безкозыркахъ, въ высокихъ форменныхъ сапогахъ, въ свѣже-выбѣленной гвардейской амуниціи, произвели большое впечатлѣніе на прибывшихъ, по контрасту со всѣмъ видѣннымъ ими въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ.

Долго стоялъ, почтительно вытянувшись, старый англійскій генералъ передъ сѣдымъ Георгіевскимъ штандартомъ полка, увѣчаннымъ серебрянымъ двуглавымъ орломъ и Императорскими коронами...

Прибывшей на Донъ миссіи генерала Пуля снова была показана большая организаціонная работа Донского Войска и порядокъ управленія имъ. Видѣли гости Войсковой Кругъ, посѣтили фронтъ, видѣли возстановленный Провальскій Конный заводъ, снабжавшія Донскую Армію военно-ремесленныя мастерскія и заводы Ростова. Былъ показанъ въ Таганрогѣ передѣланный генераломъ Красновымъ Русско-Балтійскій заводъ, уже выпускавшій до 300.000 патроновъ въ день.

Въ Ростовѣ генералъ Красновъ подробнымъ обходомъ казармъ во время занятій показалъ гостямъ жизнь и учебную работу Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка, какъ образцовой части Постоянной Донской Арміи.

Послѣ завтрака въ офицерскомъ собраніи Лейбъ-Казаковъ, за которымъ играли трубачи полка, генералъ Красновъ приказалъ трубить тревогу. Тревога удалась блестяще, и черезъ нѣсколько минутъ быстро, безъ всякой суеты, стройная и нарядная масса полка выстроилась на плацу казармъ и замерла въ полной боевой готовности.

31-го декабря (ст. ст.) снова, по приказанію генерала Краснова, Лейбъ-Казаки чествовали интимнымъ обѣдомъ въ собраніи уже только часть делегаціи, безъ генерала Пуля.

Очень хорошее впечатлѣніе производили англичане, въ особенности одинъ молодой, типичный кадровый офицеръ. Ему, видимо, много говорила обстановка обѣда въ офицерскомъ собраніи стараго Россійскаго Императорскаго полка, и онъ говорилъ коротко, и удивительно созвучно общему настроенію офицеровъ. Къ россійскому гимну онъ относился, какъ англичанинъ къ своему великобританскому, явно полагая, что внѣ Императора не можетъ быть и Имперіи, другими словами говоря, никакой единой и недѣлимой Россіи. Послѣ каждой своей рѣчи онъ просилъ исполнить россійскій гимнъ, причемъ, по исполненіи просьбы, игрался и отвѣтный англійскій.

Иначе держалъ себя хорошо владѣвшій русскимъ языкомъ, изученнымъ имъ во время адвокатской практики въ Одессѣ, французскій делегатъ, депутатъ Парламента, офицеръ производства военнаго времени Эрлишъ *).

Послѣдній говорилъ много и трескуче, главнымъ образомъ, восхваляя Францію, ея вѣрность союзническимъ обязательствамъ, обѣщая широкую

---

*) Позже выяснилось, что Эрлишъ настойчиво жаловался Атаману генералу Краснову, что въ Лейбъ-Казачьемъ полку афишируются монархическія настроенія и что «такая монархическая пропаганда не входитъ въ планы союзниковъ».

Справка: ген. Красновъ. «В. В. Донское», стр. 274.

помощь ,до войскъ включительно. Ему отвѣчали французскимъ гимномъ... и снова англичанинъ требовалъ россійскій гимнъ...

Вина было выпито море... Такъ какъ гости были приглашены встрѣчать Новый Годъ въ Коммерческій Клубъ, то ихъ съ трубачами впереди, исполнявшими поочередно гимны россійскій, французскій и англійскій, доставили въ клубъ.

Въ клубѣ союзниковъ чествовали ужиномъ представители ростовскихъ коммерческихъ и общественныхъ круговъ.

Уѣхали депутаціи...

...«Пріѣздъ союзниковъ, — говоритъ генералъ Красновъ *), — былъ наркозъ, опьянившій казаковъ... работать подъ наркозомъ долго нельзя, послѣ одной дозы нужны болѣе сильныя, нужно исполненіе обѣщаній — помощь, и помощь реальная»...

Реальной помощи союзниковъ все не было...

Противникъ лѣтомъ 1918 года произвелъ крупную организаціонную работу, мобилизовалъ тысячи офицеровъ, сосредоточилъ противъ Дона 130.000 бойцовъ, при 460 орудіяхъ.

...«Весь ноябрь и декабрь, въ морозъ и стужу... изнемогая отъ потерь и лишеній, Донъ доблестно отстаивалъ свое существованіе противъ вдвое сильнѣйшаго врага... Донская Армія неизмѣнно одерживала верхъ... По существу — стратегическая побѣда была уже на сторонѣ Донцовъ, зимняя операція красныхъ разстроилась... Но въ гражданской войнѣ моральный элементъ властвуетъ надъ прочими... То, что было выиграно въ теченіе мѣсяцевъ оружіемъ и моральнымъ подъемомъ, въ одинъ мигъ было утеряно упадкомъ духа. Въ казачьемъ настроеніи наступилъ переломъ, который использовала совѣтская пропаганда»... — характеризуетъ генералъ Деникинъ **) обстановку Донского фронта конца декабря 1918 года.

...«Переутомленное непосильной войною и обманувшееся въ ожиданіи помощи союзниковъ, казачество дрогнуло не передъ силой противника, а передъ его пропагандой»..., говоритъ донской историкъ, полковникъ Добрынинъ ***).

Вопросъ, въ чемъ же именно обрѣла новую силу пропаганда красныхъ, казалось бы въ моментъ для нихъ неблагопріятный, когда Красная армія боевыми неудачами была разстроена въ значительно большей степени, нежели Донская, имѣетъ первостепенный интересъ.

---

*) Ген. Красновъ. «В. В. Донское».

**) Ген. Деникинъ. «Очерки». Томъ VI. Стр. 62.

***) «Донская Лѣтопись». Стр. 113. Книга I.

Отмѣтимъ, что именно въ ноябрѣ 1918 года VI Съѣздъ совѣтовъ принялъ постановленіе, энергично провести въ жизнь (провозглашенный раньше теоретически Ленинымъ) принципъ ставки на средняго крестьянина-единоличника, съ привлеченіемъ середняка къ жизненному строительству на мѣстахъ.

На практикѣ постановленіе VI Съѣзда совѣтовъ привело къ упраздненію въ деревнѣ комбѣдовъ (комитетовъ, состоявшихъ исключительно изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, доселѣ терроризовавшихъ всѣхъ остальныхъ) и къ ряду распоряженій центра, декретировавшихъ переходъ къ «нормальному строительству» въ деревнѣ *), достаточно полно проведенныхъ въ жизнь на мѣстахъ.

Ухаживаніе, пусть и временное, за среднимъ крестьянствомъ, составлявшимъ наиболѣе численный слой въ деревнѣ, а главное, привлеченіе этого слоя къ строительной работѣ на мѣстахъ, быстро дало свои плоды.

Совѣтская «Исторія Гражданской войны», именно въ концѣ 1918 года, отмѣчаетъ **):

...«Быстрое паденіе кривой дезертирства изъ Красной арміи... быстрое паденіе крестьянскихъ волненій... характерно, что теперь недѣли дезертировъ на Южномъ фронтѣ давали наибольшій процентъ вернувшихся крестьянъ, какъ разъ въ моментъ наиболѣе тяжелаго положенія на фронтѣ»...

Другой совѣтскій историкъ ***), правда, видимо нѣсколько преувеличивая, говоритъ: «Линія ставки на середняка-крестьянина и отказа отъ командованія деревней окончательно опредѣлилась въ ноябрѣ 1918 года, когда и намѣтился массовый переходъ крестьянъ на сторону пролетаріата... Колебанія и возстанія крестьянъ были и дальше, но основное условіе побѣды въ вооруженной борьбѣ — военный союзъ со среднимъ крестьянствомъ былъ заключенъ... Только на основѣ этого союза могла быть создана регулярная Красная армія, т. е. такая военная система, которая охватываетъ всѣхъ гражданъ установленной декретомъ категоріи».... (Скажемъ яснѣе, стала возможной сколько-нибудь дѣйствительная мобилизація крестьянства).

Новыя настроенія крестьянъ передались и ближайшимъ сосѣдямъ, казакамъ, тѣ болѣе, что лозунгъ «перехода въ деревнѣ на новый курсъ» давалъ совѣтской пропагандѣ хорошій козырь въ руки.

Первыми «новому курсу» повѣрили казаки Вешенской станицы, которымъ большевики-агитаторы обѣщали соблюденіе принципа «нормальнаго строительства» съ сохраненіемъ казачьяго уклада жизни. Усталость казаковъ отъ тяжелой войны, повлекшая временный упадокъ вѣры въ свои силы, съ одновременнымъ разочарованіемъ въ возможность помощи союзниковъ, довершили остальное, и за Вешенской станицей весь Верхне-Донской округъ заключилъ миръ съ большевиками.

Хотя разрывъ Донского фронта произошелъ противъ самаго слабаго

---

*) «Исторія Гражданской войны». Совѣтское изданіе. Томъ III. Стр. 127.

**) Тамъ же — стр. 127 и 128.

***) Анишевъ. «Очерки исторіи Гражданской войны». Стр. 193 и 196. Гос. Издат., Ленинградъ, 1925 г.

мѣста фронта противника, гдѣ бездѣйствовала въ корень разбитая VIII совѣтская армія, однако, измѣна Верхне-Донцовъ принудила къ отходу сосѣдей Хоперцевъ, флангъ коихъ повисъ въ воздухѣ. Отходъ Хоперцевъ обнажилъ фронтъ Царицынской группы Мамонтова. Послѣдняя, усиленная съ сентября частями Постоянной Арміи (2-й Донской дивизіей и Пластунской бригадой), первоначально продолжала развивать свой прежній успѣхъ и 5 января подошла вплотную къ Царицыну, готовясь къ штурму. Однако, дальнѣйшій отходъ Сѣверныхъ группъ, уже на коммуникацію Мамонтова, заставилъ и послѣдняго начать отходъ.

Лишь на Луганскомъ направленіи прочно держалась, доблестно отбивая всѣ атаки красныхъ, 3-я Донская дивизія Постоянной Арміи.

Отходъ Сѣвернаго и Царицынскаго фронтовъ, совѣтская пропаганда, извѣстіе объ измѣнѣ Верхне-Донцовъ, быстрая утрата всего добытаго тяжелыми и кровавыми боями, разочарованіемъ въ союзникахъ, деморализовало казаковъ, и Донская Армія быстро начала таять, уменьшившись къ 1 февраля въ своей численности до 15.000.

Въ резервѣ оставалась лишь 1-я дивизія Постоянной Арміи, составлявшая гарнизоны Таганрога, Ростова, Новочеркасска и Александровска-Грушевскаго.

Факторомъ, сильно способствовавшимъ воспріимчивости къ пропагандѣ противника понесшихъ за лѣто и осень громадныя потери казаковъ, несомнѣнно, являлось паденіе атаманскаго авторитета Атамана Краснова, подорваннаго яростной агитаціей оппозиціи въ Кругѣ и агитаціей окруженія командованія Добровольческой Арміи.

Генералъ Красновъ былъ выдвинутъ на постъ Атамана Кругомъ Спасенія Дона, почти цѣликомъ состоявшимъ изъ рядовыхъ казаковъ, участниковъ вооруженной борьбы съ большевиками. Представителей Донской либеральной интеллигенціи въ числѣ депутатовъ этого Круга почти не было.

Совершенно иная картина создалась на Большомъ Войсковомъ Кругу, на одну треть состоявшимъ изъ представителей интеллигенціи.

Въ значительной степени оторвавшаяся отъ рядового казачества, эта городская интеллигенція была проникнута пустымъ пафосомъ обанкротившагося февраля 1917-го года и судорожно боялась потерять «завоеванное» ею, ходомъ революціи, мѣсто. Она смутно сознавала, что генералъ Красновъ болѣе близокъ рядовому казачеству, которое она претендовала монопольно представлять, и поэтому Атамана остро ненавидѣла.

Съ первыхъ же засѣданій представители указанной части Круга составили оппозицію, начавъ травить генерала Краснова и стараясь увлечь за собой рядовую депутатскую массу.

Былъ моментъ, когда ген. Красновъ бросилъ на столъ передъ Кругомъ тяжелый атаманскій перначъ, въ знакъ сложенія атаманскихъ полномочій однако, рядовая масса депутатовъ энергично протестовала, ген. Красновъ согласился взять отставку обратно, и интрига оппозиціи сорвалась.

Тѣмъ не менѣе, враждебная ген. Краснову агитація, при поддержкѣ

екатеринодарской, обслуживающей Добровольческое командованіе, прессы, продолжалось. Казакамъ систематически вдалбливалось въ головы, что при создавшихся у ген. Краснова съ ген. Деникинымъ отношеніяхъ, Донъ не можетъ расчитывать ни на помощь Добр. Арміи, ни на помощь союзниковъ.

Эта агитація роняла авторитетъ Атамана и конечно понижала боеспособность Донской Арміи.

1-го февраля 1919 года собрался снова Большой Войсковой Кругъ.

Оппозиція сочла моментъ подходящимъ для сведенія счетовъ съ генераломъ Красновымъ, и послѣднему дано было понять, что если онъ желаетъ оставаться Атаманомъ, то долженъ согласиться передать фактическое управленіе Дономъ лицамъ, пользующимся симпатіями и послушнымъ оппозиціи.

Генералъ Красновъ не могъ согласиться на сведеніе своей работы къ нулю и на чисто номинальное занятіе атаманской должности и рѣшилъ повторить свой жестъ сложенія полномочій, какъ бы апеллируя непосредственно къ рядовой массѣ Круга.

На первыхъ же засѣданіяхъ, оппозиція, явно вторгаясь въ предѣлы вѣдѣнія Атамана, потребовала отставки Командующаго Донской Арміи генерала Денисова.

Въ отвѣтъ генералъ Красновъ съ силой бросилъ атаманскій перначъ на столъ.

Кругъ взволновался, однако положеніе на фронтѣ было грозное, срочно требовалась помощь Добровольческой Арміи, и агитація, выставлявшая генерала Краснова препятствіемъ этой помощи, сдѣлала свое дѣло: лишь депутаты Черкасскаго, 1-го Донского и Таганрогскаго Округовъ протестовали, а депутаты остальныхъ Округовъ, составлявшіе большинство, отставку приняли.

На постъ Атамана былъ избранъ мягкій и податливый генералъ А. П. Богаевскій.

Генералъ Красновъ уѣхалъ на Сѣверъ, къ генералу Юденичу, гдѣ онъ полагалъ быть полезнымъ дѣлу борьбы съ большевиками.

Уходъ генерала Краснова произвелъ въ Лейбъ-Гвардіи Казачьемъ полку тяжелое впечатлѣніе: ушелъ со сцены талантливый человѣкъ и крупный организаторъ, послѣдними же Россія издавна была бѣдна, тѣмъ болѣе былъ небогатъ и Югъ Россіи.

По приглашенію командира Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка генерала Дьякова, отвѣчавшаго желанію Лейбъ-Казаковъ, и съ разрѣшенія сопровождавшаго его до Ростова новаго Донского Атамана генерала Богаевскаго, генерлъ Красновъ вышелъ на станціи Ростовъ къ построенному частью на перронѣ (сотня почетнаго караула со штандартомъ и трубачами), частью на дворѣ вокзала Лейбъ-Гвардіи Казачьему полку и сказалъ: «Я глубоко тронутъ вашимъ вниманіемъ ко мнѣ, дорогіе Лейбъ-Казаки... Я уже больше не Атаманъ вамъ не имѣю права на почетный караулъ. Я смотрю на вашъ при-

ходъ сюда со святымъ штандартомъ, какъ навысокую честь и вниманіе. Вы мнѣ дороги, ибо я связанъ съ вами долгими узами, и узами кровными: мои предки служили въ вашихъ рядахъ; въ теченіе двадцати лѣтъ моей службы въ Лейбъ-Гвардіи Атаманскомъ полку я былъ въ рядахъ одной бригады и сколько разъ я стоялъ со своимъ Атаманскимъ штандартомъ подлѣ вашего штандарта...

Служите же Всевеликому Войску Донскому и Россіи, какъ вы служили до сего времени, какъ служили всегда ваши отцы и дѣды, какъ подобаетъ служить первому полку Донского Войска, доблестнымъ Лейбъ-Гвардіи Казакамъ.

Благодарю васъ за вашу вѣрную и доблестную службу въ мое атаманство на Дону».

Отсалютовавъ сотнѣ, стоявшей на перронѣ, генералъ Красновъ подошелъ къ штандарту, преклонилъ колѣно и поцѣловалъ полотнище.

Тепло простившись съ полкомъ, ген. Красновъ отбылъ.

Изъ вагона вышли новый Атаманъ генералъ Богаевскій и новый Командующій Арміей генералъ Сидоринъ, обошедшіе строй полка.

Начинался новый періодъ Гражданской войны.

Дабы закончить главу, упомянемъ о командировкѣ въ серединѣ января группы офицеровъ Л. Гв. Казачьяго полка въ Сарепту и сел. Райгородъ на Волгу, для формированія изъ крестьянъ Приволжскаго района Волжско-Астраханскаго полка.

Были командированы: на должность помощника командира полка — войсковой старшина Поздѣевъ, адъютанта — подъесаулъ Евфимьевъ и младшими офицерами — подъесаулъ Авиловъ, сотникъ Могилянскій и хорунжій Скалозубовъ. Этотъ полкъ входилъ въ составъ Царицынской группы генерала Мамонтова. Офицеры Лейбъ-Казаки прибыли на мѣсто въ концѣ января. Закончить формированіе не удалось, ибо начался отходъ Царицынской группы, съ которой отходилъ и Волжско-Астраханскій полкъ.

По опредѣленію войскового старшины Поздѣева, крестьяне, составлявшіе полкъ, явились прекраснымъ элементомъ, составъ офицеровъ былъ сборный и не спаянный; требовалась нѣкоторая работа по обученію солдатъ и по общей воинской спайкѣ, чего не позволили сдѣлать обстановка и отсутствіе времени.

Къ 2-му марта (ст. ст.) Волжско-Астраханскій полкъ, черезъ Аксай, Н. Орловскую, Великокняжескую отошелъ на Мечетинскую станицу, откуда Лейбъ-Казаки были телеграммой отозваны въ Лейбъ-Казачій полкъ, уже къ тому времени сражавшійся на фронтѣ и несшій потери въ офицерскомъ составѣ.

16-го марта (ст. ст.) командированные Лейбъ-Казаки прибыли къ полку обратно и стали въ строй.

СПИСОКЪ ОФИЦЕРСКАГО СОСТАВА ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА въ 1918 году.

А. **Офицеры стараго состава полка.**

№	Чинъ, фамилія, имя, отчество	годъ пр. въ офиц.	Примѣчаніе.
1.	Полк. **Дьяковъ** Василій Аврамьевичъ.	1905	Командиръ полка.
2.	Полк. **Фарафоновъ** Владиміръ Ивановичъ	1905	П-къ к-ра п. по стр. ч.
3.	Полк. **Оприцъ** Илья Николаевичъ.	1906	П-къ к-ра п. (вернулся въ полкъ въ окт.).
4.	Войск. ст. **Поздѣевъ** Константинъ Ростиславовичъ	1907	Помощникъ кра полка.
5.	войск. ст. **Кононовъ** Владиміръ Владиміровичъ	1907	Завѣд. хозяйствомъ.
6.	Есаулъ **Номикосовъ** Николай Васильевичъ	1909	К-ръ 4-й сотни съ сент.
7.	Войск. ст. **Чеботаревъ** Борисъ Васильевичъ	1909	К-ръ 2-ой сотни по сент., когда выб. въ ком. въ Донск. Кад. К.
8.	Есаулъ **Нарышкинъ** Александръ Михайловичъ	1905	Нач. нестр. команды.
9.	Есаулъ **Полковниковъ** Сергѣй Петровичъ	1912	К-ръ 2-й сотни съ сент.
10.	Есаулъ **Воронинъ** Николай Павловичъ	1912	К-ръ 6-й сотни.
11.	Есаулъ **Красновъ** Семенъ Николаевичъ	1913	К-ръ 1-й сотни.
12.	Есаулъ **Болдыревъ** Александръ Никандровичъ	1914	Н-къ пул. к-ды.
13.	Есаулъ **Пашковъ** Александръ Тимофѣевичъ	1914	Ст. оф. 5-й сотни.
14.	Подъесаулъ **Чеботаревъ** Владиміръ Степановичъ	1915	Полк. квартирмейст.
15.	Есаулъ **Боковъ** Петръ Алексѣевичъ	1914	Полковой казначей.
16.	Есаулъ **Дубенцевъ** Борисъ Федоровичъ	1914	К-ръ 3-й сотни.
17.	Есаулъ **Рыковскій** Федоръ Федоровичъ	1914	К-ръ 4-й сотни по сент.
18.	Сотникъ **Кутейниковъ** Петръ Николаевичъ	1915	Пом. полк. адъютанта.
19.	Подъесаулъ **Грековъ** Андрей Александровичъ	1915	Ст. оф. 5-й сотни.
20.	Подъесаулъ **Агафоновъ** Георгій Николаевичъ	.916	Н-къ к-ды связи.
21.	Сотникъ **Дубенцевъ** Георгій Федоровичъ	1916	Ст. оф. 1-й сотни.
22.	Хорунжій **Ефремовъ** Николай Петровичъ	1917	Младшій офицеръ.
23.	Хорунжій **Иловайскій** Иванъ Димитріевичъ	1917	» »
24.	Хорунжій **Ротовъ** Михаилъ Михайловичъ	1917	» »
25.	Хорунжій **Грековъ** Борисъ Петровичъ	1917	» »
26.	Сотникъ **Ляховъ** Николай Димитріевичъ	1917	» »
27.	Сотникъ **Чекуновъ 1-й** Сергѣй Акимовичъ	1917	» »
28.	Сотникъ **Чекуновъ 2-й** Григорій Акимовичъ	1917	» »

Б. **Офицеры, вновь принятые въ полкъ въ 1918 году.**

1.	Есаулъ **Шаминъ** Иванъ Григорьевичъ	1908	Прин. въ іюлѣ 5-ю с.
2.	Войск. ст. **Кундрюковъ** Исаакъ Алексѣевичъ	1908	Полк. адъют. до окт., когда выбылъ по бол.
3.	Подъесаулъ **Кундрюковъ** Сергѣй Алексѣевичъ	1915	Ст. оф. 2-й сотни.
4.	Подъесаулъ **Гриневъ** Геннадій Модестовичъ	1915	Адъют. п. съ октября.
5.	Сотникъ **Туркинъ** Владиміръ Ивановичъ	1915	Ст. оф. пул. к-ды.
6.	Подъесаулъ **Евфимьевъ** Николай Гавриловичъ	1915	Старш. оф. 4-й сотни.

7.	Подъесаулъ **Авиловъ** .лександръ Капитоновичъ	1915	Младшій	офицеръ.
8.	Сотникъ **Могилянскій** Юрій Алексѣевичъ	1917	»	»
9.	Сотникъ **Чекуновъ 3-й** Александръ Яковлевичъ	1916	»	»
10.	Хорунжій **Денисовъ** Борисъ Максимовичъ	1916	»	»
11.	Сотникъ **Усачевъ** Иванъ Купріяновичъ	1917	»	»
12.	Сотникъ **Какуринъ** Иванъ Ивановичъ	1917	»	»
13.	Корнетъ **Прокофьевъ** Павелъ Павловичъ	1917	»	»
14.	Хорунжій **Семилѣтовъ** Василій Степановичъ	1917	»	»
15.	Хорунжій **Поляковъ** Николай Михайловичъ	1917	»	»
16.	Хорунжій **Ананьевъ** Борисъ Васильевичъ	1917	»	»
17.	Хорунжій **Скалозубовъ** Владиславъ Ефимьевичъ	1917	»	»
18.	Сотникъ **Салтысовъ** Константинъ Константиновичъ	1917	»	»
19.	Хорунжій **Дубенцевъ** Георгій Андреевичъ	1917	»	»
20.	Хорунжій **Филатьевъ** Владиміръ Георгіевичъ	1917	»	»
21.	Сотникъ **Черновъ** Иванъ Андреевичъ	1917	»	»
22.	Хорунжій **Балабинъ** Олегъ Александровичъ	1917	»	»

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутыхъ выше офицеровъ, кратковременно служили въ молодомъ Л. Гв. Казачьемъ полку (покинувъ его въ 1918 году либо выходомъ по болѣзни въ отставку, либо переходомъ на другую службу) нижеслѣдующіе офицеры:

А. **Изъ офицоровъ стараго состава полка.**

1. Есаулъ герцогъ **Лейхтенбергскій, Ник. Ник.**
2. Подъесаулъ **Сиверсъ** Влад. Влад.
3. Подъесаулъ графъ **Канкринъ** Ив. Ив.
4. Подъесаулъ князь **Трубецкой** Ник. Петр.
5. Хорунжій **Сиверсъ** Яковъ Вл.

Б. **Изъ вновь принятыхъ или прикомандированныхъ:**

1. Корнетъ **Голубинцевъ** Святославъ
2. Юнкеръ **Кутеповъ** (умеръ лѣтомъ 1918 года).

Исключены изъ списковъ Л. Гв. Казачьяго полка, павшіе въ вооруженной борьбѣ съ большевиками въ теченіе 1918 года:

1. Генералъ-маіоръ **И. Д. Орловъ.**
2. Есаулъ **Я. Ф. Рыковскій.**
3. Подъесаулъ **Н. П. Плеве.**
4. Подъесаулъ **С. С. Кутейниковъ.**
5. Вольноопредѣляющійся **К. Чернозубовъ.**
6. Подъесаулъ **Ю. П. Персидскій.**
7. Подъесаулъ **М. М. Чеботаревъ.**

ГЛАВА VIII.

ФЕВРАЛЬ 1919-го ГОДА НА ДОНЦѢ.

Кризисъ Донской Арміи и общая обстановка. — Переброска на фронтъ 1-ой Донской конной дивизіи. — Прибытіе въ станицу Владимірскую. — Боевой составъ полка. — Отходъ Хоперцевъ и мѣстныя настроенія. — Бой 19-го февраля. — Трофеи. — Поздравленія и благодарственные полку приказы. — Бой 22-го февраля. — Отходъ красныхъ за Донецъ. — Значеніе боевъ 19-го и 22-го февраля. — Переброска 1-ой Донской дивизіи въ Каменноугольный раіонъ. — Потери полка за бои на Донцѣ.

Въ предыдущей главѣ было сказано, что послѣ блестящихъ боевыхъ успѣховъ середины и конца 1918 года, въ настроеніяхъ Донской Арміи наступилъ переломъ, и она, быстро уменьшаясь въ численности, покатилась назадъ.

Помимо потерь въ бояхъ и отъ сыпного тифа, ослабляло ряды начавшееся большое дезертирство изъ частей, составленныхъ изъ казаковъ округовъ, занятыхъ или занимаемыхъ красными.

По мѣрѣ продвиженія красныхъ на югъ, деморализація въ Донскихъ частяхъ быстро увеличивалась.

...«Развалъ Донской Арміи окончательно опредѣлился», говоритъ совѣтская «Исторія Гражд. войны» (т. III, стр. 140-141), что выразилось въ массовой сдачѣ въ плѣнъ и въ самовольномъ уходѣ по домамъ цѣлыхъ казачьихъ полковъ»...

...«31-го января, въ раіонѣ станицы Алексѣевской, сдались добровольно, въ полномъ составѣ, 23, 24, 26, 27 и 39 каз. полки съ 5 орудіями и 6.000 снарядами (Егоровъ, стр. 51)»... «Съ 4-го по 23-е января сдалось 3.000 казаковъ и взято красными 31 орудіе, 115 пулеметовъ, 3 броневика и 3 бронепоѣзда. 8-го февраля на ст. Арчеда, 7 каз. полковъ сдались съ артиллеріей, бронепоѣздами и самолетами. 11-го февраля, на ст. Котлубань, сдались еще 5 полковъ», и т. д. (Егоровъ ,стр. 72).

Къ серединѣ февраля остатки Донской Арміи, снизившейся до 15 тыс. бойцовъ. (Полк. Добрынинъ, Нач. разв. и операт. части Донарміи. «Борьба съ большевиками на Югѣ Россіи», стр. 69), отошли за Донецъ.

О настроеніи отошедшихъ можно судить по телеграммѣ нач. штаба Донарміи ген. Кельчевскаго за № 1225/К, посланной имъ Главнокомандующему: «Части ДонАрміи, особенно Сѣвернаго фронта, ослаблены до край-

ности. Малѣйшій нажимъ со стороны противника, даже небольшимъ кулачкомъ, можетъ вынудить насъ отдать приказъ объ отходѣ къ югу отъ Донца и бросить Звѣревскій узелъ»....

...«Главное красное командованіе», говоритъ Егоровъ (стр. 78), «учитывая низкое морально-политическое состояніе войскъ противника, мѣняетъ направленіе фронта на болѣе южное и, 1-го февраля, директивой № 519, ставитъ новый объектъ дѣйствій Южнаго фронта: Новочеркасскъ-Ростовъ»...

Одинъ изъ совѣтскихъ главковерховъ, Антоновъ-Овсѣенко говоритъ:

...«Увлеченное преслѣдованіемъ разбитыхъ казачьихъ шаекъ, красное

командованіе бросило главныя наши силы вглубь Донской Области, пренебрегая развитіемъ удара на Донецкій бассейнъ, и этотъ маршъ черезъ казачьи земли шелъ такъ успѣшно, что въ началѣ марта (нов. ст., или середина февраля по ст. ст.) намъ офиціозно обѣщали черезъ двѣ недѣли быть въ Ростовѣ»... (Антоновъ-Овсѣенко, томъ IV, стр. 333).

Создалось грозное положеніе, ибо съ дальнѣйшимъ продвиженіемъ большевиковъ по кратчайшему пути въ сердце Области и занятіемъ ими Новочеркасска и Ростова, Донское Казачество выбывало изъ борьбы, Добровольческая же Армія могла быть отрѣзанной отъ выдѣленной ею на защиту Угольнаго бассейна Кавказской Арміи, ген. Май-Маевскаго, боровшейся въ раіонѣ Юзовки съ украинскими бандами Махно и Онищенко.

Казалось, вновь надвигались грозные дни февраля 1918 года, и въ Новочеркасскѣ, гдѣ царила тревога, была открыта вновь запись дѣтей въ отряды партизанъ.

Для парированія краснаго удара генералъ Деникинъ спѣшно перебрасывалъ съ Сѣвернаго Кавказа въ раіонъ Шахтная — Александровскъ-Грушевскъ кубанскіе полки генераловъ Шкуро и Покровскаго для образованія здѣсь своего резерва.

Однако, представлялось технически невозможнымъ закончить переброску Кубанскихъ частей ранѣе конца февраля.

Донская армія должна была во что бы то ни стало продержаться на Донцѣ своими силами до оттепели, обращавшей эту рѣку въ серьезную для противника преграду.

Учитывая создавшуюся обстановку, Донское командованіе рѣшило использовать послѣдній свой резервъ, 1-ую Донскую дивизію, до сего времени занимавшую гарнизонами Ростовъ, Таганрогъ и Новочеркасскъ.

11-го февраля Лейбъ-Гвардіи Казачьимъ полкомъ было получено приказаніе о выступленіи на фронтъ. Направленіе и дата выступленія нѣсколько разъ мѣнялись, ибо въ Таганрогскомъ округѣ, по близости отъ Ростова и Таганрога, начались какія-то выступленія крестьянъ.

Только 13-го выяснилось, что 1-ая дивизія направляется на защиту Донца.

14-го февраля погрузился и отбылъ 1-ый эшелонъ полка, а 15-го — остальные.

Въ гор. Ростовѣ оставлена была база полка: полковой и сотенные цейхгаузы, полковыя мастерскія, хозяйственное и часть строевого отдѣленія полковой канцеляріи, во главѣ съ завѣдывающимъ хозяйствомъ войск. ст. Кононовымъ, немедленно приступившимъ къ открытію лазарета на 150 кроватей.

На станціи Новочеркасска Донской Атаманъ лично встрѣчалъ каждый проходившій эшелонъ. Онъ говорилъ, что Донскимъ командованіемъ задума-

на операція, выполненіе которой возлагается на части 1-ой дивизіи. «Отъ успѣшнаго выполненія этой задачи зависитъ судьба Новочеркасска... На васъ послѣдняя надежда, — говорилъ генералъ Богаевскій, — увѣренъ, что поддержите славу своего гвардейскаго званія»...

Въ 6 часовъ вечера, 15-го февраля полкъ сталъ по квартирамъ въ станицѣ Владимірской, совмѣстно съ прибывшимъ изъ Таганрога Л. Гв. Атаманскимъ полкомъ (безъ его дивизіона, еще находившагося въ Каменноугольномъ раіонѣ и прибывшаго лишь 21-го).

Черезъ нѣсколько дней ожидалось прибытіе 2-ой бригады, 2-хъ батарей и придаваемаго 1-ой дивизіи Донского учебнаго полка.

18-го февраля, на разсвѣтѣ, Гвардейская бригада получила приказаніе построиться, и Начальникъ дивизіи ген. Абрамовъ объяснилъ предстоящую задачу. Ввиду тревожнаго положенія, сложившагося на фронтѣ, эту задачу предстояло разрѣшить силами Гвардейской бригады, не ожидая подхода своей артиллеріи и 2-ой бригады.

Начальникъ дивизіи выразилъ увѣренность, что успѣшная дѣятельность Гвардейской бригады подыметъ духъ казачьихъ частей, дѣйствовавшихъ въ раіонѣ хуторовъ Грушевскаго и Семимаячнаго.

Въ тотъ же день, къ вечеру, бригада прибыла въ хуторъ Грушевскій, въ направленіи котораго развивалось наступленіе красныхъ.

Передъ выступленіемъ изъ станицы Владимірской, по приказанію начальника дивизіи, конныя полусотни были сведены въ три конныя сотни, а пѣшія — въ три пѣшія сотни.

Составъ полка на фронтѣ опредѣлился въ нижеслѣдующемъ видѣ:

Ком. полка — полк. Дьяковъ.

Пом. по строевой части — полк. Фарафоновъ.

Пом. по хоз. части — полк. Оприцъ.

Адъютантъ — подъесаулъ Гриневъ.

1-ая конная сотня — есаулъ Красновъ.

2-ая пѣшая сотня — есаулъ Полковниковъ.

3-ья конная сотня — есаулъ Б. Дубенцевъ.

4-ая пѣшая сотня — войск. старш. Номикосовъ.

5-ая пѣшая сотня — есаулъ Шаминъ.

6-ая конная сотня — есаулъ Воронинъ.

Пулеметная команда — есаулъ Болдыревъ.

Врачъ — ст. сов. Евфановъ.

Священникъ отецъ С. Лебедевъ.

Всего въ рядахъ полка состояло около 800 шашекъ и штыковъ при 8 пулеметахъ.

Уже по дорогѣ въ хуторъ Грушевскій можно было видѣть яркія картины разложенія отходившихъ Донскихъ частей.

Нестройными группами и одиночно брели въ тылъ казаки съ винтовками и безъ винтовокъ. Ихъ обгоняли подводы съ ранеными и здоровыми людьми, торопливо двигавшіяся въ направленіи на Александровскъ-Грушевскъ.

«Чего вы бѣжите отъ красныхъ», спрашивали Лейбъ-Казаки.

«Погоди, завтра самъ узнаешь», былъ отвѣтъ.

Нѣкоторыя отходившія группы были настроены злобно: «Вотъ доберемся до Новочеркасска, тамъ покажемъ нашимъ правителямъ, какъ доводить насъ до такого положенія», говорилось въ нихъ.

Тревогой былъ охваченъ и хуторъ Грушевскій, гдѣ помѣщался штабъ командующаго войсками, полковника Савватѣева. Только что было получено свѣдѣніе о наступленіи красныхъ на неподалеку расположенный хуторъ Семимаячный, и ясно слышался громъ близкой артиллерійской стрѣльбы.

Увѣренности въ своихъ войскахъ въ штабѣ не было никакой.

Приведемъ запись дневника есаула А. С. Моргунова, бывшаго въ тѣ дни личнымъ адъютантомъ командующаго войсками, полковника Ген. Штаба Савватѣева:

...«Длительное отступленіе полковъ изъ Хоперскаго округа, въ холодную зиму, съ отрывомъ отъ своихъ станицъ и хуторовъ, привело отходившіе полки къ состоянію полной небоеспособности.

Въ относительно лучшемъ состояніи былъ лишь одинъ Бузулукскій полкъ.

Всѣ предыдущіе бои давали отрицательный результатъ, боеспособность частей не повышалась, а понижалась, и переломъ въ лучшую сторону не предвидѣлся.

Полковнику Савватѣеву представлялось два рѣшенія: отходить на Александровскъ-Грушевскъ, либо дать краснымъ бой и попытаться сбросить переправившіяся черезъ Донецъ красныя части обратно за рѣку.

Было принято второе рѣшеніе, однако, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ. Въ этотъ рѣшающій моментъ и прибыла Гвардейская бригада.

Послѣ свиданія полк. Савватѣева съ ген. Абрамовымъ былъ немедленно выпущенъ приказъ о наступленіи.

Прибытіе Гв. Каз. бригады сыграло рѣшающую роль въ побѣдѣ надъ обнаглѣвшимъ противникомъ»... (Спр.: Записки ес. Моргунова).

Стройной колонной, подъ звуки своихъ трубачей, вошелъ Лейбъ-Казачій полкъ въ хуторъ Грушевскій.

Прибытіе свѣжихъ, бодрыхъ и хорошо настроенныхъ полковъ Гвардейской бригады внесло коренное измѣненіе въ обстановку.

Полковникомъ Савватѣевымъ было отдано распоряженіе задержать продолжавшійся изъ хутора Грушевскаго отходъ разрозненныхъ группъ.

Немногочисленныя части, слабо сдерживавшія наступленіе красныхъ у хутора Семимаячнаго, получили подкрѣпленіе изъ казаковъ мѣстныхъ станицъ и, узнавъ о подходѣ Гвардейской бригады, воспрянули духомъ.

Общее наступленіе было назначено на утро. На ночлегъ конныя сотни бригады были отведены въ хуторъ Дубовой, пѣшія остались въ Грушевскомъ.

На разсвѣтѣ, 19-го февраля, въ 5 час. утра, 3 пѣшія Лейбъ-Казачьи сот-

ни, подъ общей командой полковника Дьякова, раскинувъ цѣпи, повели наступленіе изъ хутора Грушевскаго на занятый наканунѣ противникомъ хуторъ Семимаячный.

Часомъ раньше, еще въ полной темнотѣ, двинулись изъ Дубового, подъ общей командой генерала Михайлова, конныя сотни. Онѣ направились, въ обезпеченіе фланга и для содѣйствія наступленію полк. Дьякова, въ направленіи на хуторъ Ясеноватый.

Наступленіе на Семимаячный было начато 2-ой и 4-ой сотнями Лейбъ-Казаковъ, подъ общей командой войск. старш. Номикосова.

5-ая Лейбъ-Казачья сотня, какъ и половина пулеметной команды, вначалѣ оставались въ резервѣ, и лишь постепенно влились въ бой.

При резервѣ находился и штандартъ полка.

Противникъ пытался оказать сопротивленіе, однако, стремительностью атаки и угрозой его флангу, произведенной взводомъ сотника Солтысова (тяжело при этомъ раненаго въ животъ), былъ вынужденъ къ отходу, и хуторъ былъ взятъ.

Цѣнной помощью явился удачный выходъ полувзвода хорунжаго Балабина въ тылъ Семимаячному. Огонь этого полувзвода и его ручного пулемета съ тыла привелъ красныхъ въ замѣшательство и ускорилъ очищеніе ими хутора.

...«Наступленіе было начато еще въ темнотѣ и въ густомъ туманѣ, — говоритъ записка полк. Дьякова, — слѣва отъ насъ была пустота, справа гдѣ-то долженъ былъ быть полковникъ Овчинниковъ съ его отрядомъ стариковъ.

Развернувъ сотни, я быстро повелъ ихъ на занятый красными хуторъ Семимаячный. Взяли и прошли его буквально съ налета.

Интересно было посмотрѣть на лица казаковъ: молодые, розовые отъ мороза, они никакъ не напоминали людей, находящихся въ бою.

Выраженіе лицъ напоминало скорѣе напроказившихъ дѣтей.

На эту легкость воспріятія опасности молодыми казачатами, изъ коихъ полкъ въ 1919 году состоялъ, я неоднократно и потомъ обращалъ вниманіе. Не разъ приходило въ голову: не лучше ли начинать подготовку къ войнѣ и ее вести людьми именно въ этомъ возрастѣ?

Хуторъ Семимаячный былъ взятъ безъ большихъ потерь, хотя въ числѣ раненыхъ выбыли ком. 2-ой сотни есаулъ Полковниковъ и сотникъ Солтысовъ.

Около 8 час. утра взошло солнце, и положеніе утяжелилось: совершенно ровное плато по направленію станицы Екатерининской, путь отхода красныхъ, не давало никакихъ укрытій. У насъ не было артиллеріи, и бившія съ открытыхъ позицій орудія красныхъ, какъ и ихъ многочисленные пулеметы, наносили намъ чувствительныя потери.

Вскорѣ выбылъ за раненіемъ командиръ 4-ой сотни войск. старш. Номикосовъ при слѣдованіи на перевязочный пунктъ дополнительно тяжело контуженный снарядомъ. Выбыло много раненыхъ казаковъ .

Тѣмъ не менѣе, наступленіе шло такимъ темпомъ, что наши пулеметы не поспѣвали, и работали одни ручные Люисы.

Экзаменъ перваго боя былъ сданъ нашими молодыми казаками хорошо».

...«Лейбъ-Казаки наступали, не ложась и не задерживаясь, — говоритъ записка замѣнившаго раненаго войск. ст. Номикосова есаула Шамина, — сближались съ противникомъ такъ, что переходили на штыки и каждый разъ сбивали его»....

Попытки отвыкшихъ отъ такихъ боевъ красныхъ задержаться на промежуточныхъ рубежахъ были ликвидированы, и противникъ былъ окончательно отброшенъ на станицу Екатерининскую.

Полковникъ Дьяковъ, приблизившись къ станицѣ, дождался подхода частей полк. Овчинникова и, передавъ имъ преслѣдованіе разбитыхъ красныхъ, двинулся далѣе на сѣверъ, на хуторъ Ясеноватый.

Однако, наступила полная темнота, полк. Дьяковъ отложилъ атаку Ясеноватаго и повелъ сотни, прошедшія за день съ боемъ болѣе 25 верстъ, на ночлегъ въ хуторъ Грушевскій.

Какъ было сказано выше, конныя сотни, еще до разсвѣта, выступили изъ хутора Дубового. Ввиду того, что выступили онѣ съ опозданіемъ на часъ, полк. Фарафоновъ испросилъ разрѣшенія ген. Михайлова двигаться со своимъ Лейбъ-Казачьимъ дивизіономъ рысью.

Выйдя крутыми балками, подъ названіями Большая Грушевая и В. Семимаячная, въ обходъ хут. Семимаячнаго съ сѣв.-запада, полк. Фарафоновъ получилъ донесеніе праваго дозора о движеніи по дорогѣ отъ атакованнаго пѣхотой х. Семимаячнаго на х. Ясеноватый какой-то колонны съ артиллеріей.

Желая помочь своей пѣхотѣ, полк. Фарафоновъ рѣшилъ атаковать противника и развернулъ первую сотню ес. Краснова въ лаву.

Сотня вышла изъ балки въ направленіи на востокъ. Восходящее на горизонтѣ солнце свѣтило прямо въ глаза и ничего нельзя было разобрать. Сотня уперлась въ глубокую балку съ крутыми обрывистыми стѣнками и пріостановилась. Непріятельская артиллерія открыла огонь и появились первые раненые. Здѣсь мелкимъ осколкомъ снаряда былъ легко раненъ въ щеку полковникъ Фарафоновъ.

Было рѣшено выждать подхода другихъ сотенъ, и первая сотня была оттянута въ балку.

Привлеченіемъ на себя,на короткое время, артиллерійскаго огня противника, собственно и ограничилось содѣйствіе конницы взятію Семимаячнаго, ибо, вслѣдствіе полученнаго донесенія отъ командира 6-ой сотни есаула Воронина, конныя сотни повернули на сѣверъ.

Сотня есаула Воронина была ранѣе послана на сѣверъ, въ направленіи на хуторъ Мечетный, съ задачей выяснить тамъ присутствіе своихъ или непріятельскихъ силъ и войти въ соприкосновеніе съ долженствующими подойти въ этомъ направленіи передовыми частями генерала Дукмасова.

Около 10 час. дня, 6-ой сотней было обнаружено продвиженіе къ Мечетному какой-то колонны, въ составѣ одной батареи и пѣшихъ и конныхъ частей. Пройдя Мечетный и оставивъ тамъ конницу, неизвѣстная пѣхота стала разворачиваться противъ 6-ой сотни.

Есаулъ Воронинъ сомнѣвался — имѣетъ ли противъ себя противника, однако, подошедшая пѣхота открыла огонь. Въ ея цѣпь въѣхало два орудія. Есаулъ Воронинъ отвелъ свою сотню за бугры, послалъ донесеніе и сталъ ждать подхода другихъ сотенъ.

Получивъ донесеніе ес. Воронина, генералъ Михайловъ приказалъ полковнику Фарафонову 3-мя сотнями атаковать противника.

Дивизіонъ Лейбъ-Казаковъ вышелъ изъ балки. На горизонтѣ показались цѣпи красныхъ и надъ головами засвистали пули.

Приказавъ есаулу Воронину помочь атакой лѣвѣе и оставивъ 3-ью сотню въ своемъ резервѣ, полковникъ Фарафоновъ двинулся на противника. Когда дивизіонъ прошелъ уже полпути, по приказанію ген. Михайлова, 3-ья сотня была отведена къ нему назадъ.

Нѣсколькими минутами ранѣе, и правѣе, двинулась въ атаку, по инниціативѣ командира сотни ес. В. Андріанова, сотня Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго полка.

Ес. Андріановъ, видя начало движенія Лейбъ-Казаковъ, рѣшилъ оказать братскую помощь. Къ сожалѣнію, доблестное его намѣреніе не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, ибо его атака оказалась несогласованной по мѣсту и времени съ Лейбъ-Казачьей. Потерявъ убитыми двухъ доблестныхъ офицеровъ, подъесаула Алексѣя Андріанова и хорунжаго Реуцкаго, сотня была отведена въ исходное положеніе.

Пройдя подъемъ мѣстности, Лейбъ-Казаки увидали пѣхотныя цѣпи, пулеметы и орудія красныхъ и, слѣва — около эскадрона конницы, — всего около 1500 человѣкъ. Противникъ открылъ бѣглый огонь.

Несмотря на то, что въ дивизіонѣ было немного болѣе 200 шашекъ, лава продолжала двигаться впередъ...

Вотъ блеснули въ воздухѣ клинки шашекъ, въ морозномъ воздухѣ раздалось «ура», и лава перешла въ карьеръ, топоча по ровной мерзлой степи, какъ по торцовой мостовой. Стали падать убитые и раненые люди и лошади. Порывъ былъ, однако, такъ силенъ, что казаки потерявшіе лошадей, бѣжали за лавой съ винтовками и шашками.

Лава дошла до красной цѣпи. Часть всадниковъ проскочила къ резервамъ и орудіямъ. Заработали пики и шашки.

Въ 1-ой сотнѣ командиръ взвода сотникъ Г. Ф. Дубенцевъ атаковалъ пулеметный взводъ противника и уже почти дошелъ, какъ крикнулъ: «Урядникъ Золотаревъ, командуй — я раненъ» и упалъ мертвымъ.

Есаулъ Пашковъ и сотникъ Ляховъ рубили прислугу у орудія, когда красноармеецъ, изъ-за щита орудія, выстрѣломъ въ упоръ убилъ есаула Пашкова, причемъ его кровью былъ забрызганъ сотникъ Ляховъ. Подлетѣвшій казакъ ударомъ пики снесъ черепъ убившаго ес. Пашкова красноармейца.

Въ барабанахъ нагановъ командировъ сотенъ ес. Краснова и ес. Воронина послѣ атаки не осталось ни одного не выпущеннаго патрона.

Сотникъ Ротовъ, бывшій со взводомъ въ поддержкѣ лавы 6-ой сотни, атаковалъ полуэскадронъ красныхъ, порубилъ 12 всадниковъ и обратилъ остальныхъ въ бѣгство.

Въ атакѣ подъ сотникомъ Ротовымъ убита была лошадь. Придавленный

своимъ конемъ, сотникъ Ротовъ получилъ переломъ четырехъ реберъ и ключицы.

По свидѣтельству командира 1-ой сотни, ес. Краснова, особенно отличились въ атакѣ подхорунжій Мигулинъ и вахмистръ Бодрухинъ.

Красные не выдержали удара и побѣжали. Орудійная ихъ прислуга рубила постромки и бросала орудія.

Казаки продолжали рубить бѣгущихъ.

1-я сотня дошла до мѣста атаки Атаманской сотни ес. Андріанова, подобрала и вывезла тѣла доблестно павшихъ подъесаула А. Андріанова и хорунжаго Реуцкаго.

Опасаясь атаки оставшейся въ Мечетномъ красной конницы, полковникъ Фарафоновъ остановилъ преслѣдованіе, приказалъ стянуть сотни и подобрать трофеи. Одновременно имъ было послано нижеслѣдующее донесеніе:

«Начальнику 1-ой Донской дивизіи въ хут. Семимаячный.

19-го февраля, 11 часовъ. Южнѣе хут. Мечетнаго — 5 верстъ. Въ 10 час. сотнями ес. Краснова и ес. Воронина атаковалъ красныхъ въ 5-ти верстахъ южнѣе хут. Мечетнаго. Наши трофеи: 3 орудія съ передками и одной запряжкой, 7 пулеметовъ, много пулеметныхъ лентъ и патроновъ, 150 снарядовъ, 130 винтоковъ, 2походныхъ кухни, 15 повозокъ съ лошадьми, 38 плѣнныхъ. На полѣ боя осталось около 400 труповъ и много не собраннаго оружія.

Наши потери: убиты есаулъ Пашковъ, сотникъ Дубенцевъ, 2 казака и 10 лошадей. Ранено 13 казаковъ и 13 лошадей. Полковникъ Фарафоновъ».

На ночлегъ пѣшія и конныя части Гвардейской бригады, по приказанію Начальника дивизіи, были стянуты въ хут. Грушевскій.

Разгромъ красныхъ частей, было переправившихся черезъ Донецъ, сильно поднялъ духъ казаковъ-хоперцевъ полковника Савватѣева, за свой длительный отходъ терпѣвшихъ въ послѣднее время однѣ неудачи.

Поднялось настроеніе и казаковъ мѣстныхъ станицъ, добровольно мобилизовавшихся и образовавшихъ дружины.

Тотъ же разгромъ понизилъ духъ красныхъ, уже было отвыкшихъ отъ стойкаго отпора ихъ продвиженію впередъ. Красная конница, занимавшая хут. Мечетный, спѣшно ушла безъ боя за Донецъ.

Воспрянувшими духомъ Донцами весь занятый было красными плацдармъ былъ быстро очищенъ.

Расчеты красныхъ, изложенные въ найденномъ въ бою 19-го февраля приказѣ краснаго командованія, «взять 20-го февраля Александро-Грушевскъ ,а 22-го устроить обѣдъ въ Новочеркасскѣ»... не оправдались.

За бой 19го февраля Лейбъ-Казаки получили рядъ благодарностей:

Штабомъ Донской Арміи й2-го февраля была опубликована нижеслѣдующая сводка:

«Въ тяжелые дни, переживаемые Дономъ, многія части Донцовъ, сознавая важность серьезной задачи — защиты Родины, продолжаютъ проявлять геройскія усилія и не только сдерживать натискъ противника, но и мощнымъ напоромъ тѣснить его. Около 5 часовъ 19 февраля наши молодые Лейбъ-Казаки, совмѣстно съ частями полковника Овчинникова, дружнымъ натискомъ выбили противника изъ хут. Семимаячнаго и безпрерывными боями отбросили его къ станицѣ Екатерининской ,нанеся краснымъ большія потери и захвативъ 3 пулемета и 3 зарядныхъ ящика.

Одновременно, другая колонна Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ, содѣйствуя въ конномъ строю, наступленіемъ во флангъ и тылъ противника, встрѣтили его колонну, наступающую отъ хут. Мечетнаго на хут. Дубовскій. Стремительной атакой въ конномъ строю колонна красныхъ была большей частью изрублена сотнями молодой Гвардіи, а уцѣлѣвшіе красноармейцы бѣжали частью на хут. Ясеноватый ,частью на восточный берегъ р. Донца. Атакѣ нашей Гвардіи красные оказали упорное сопротивленіе, встрѣтивъ наши атакующія части огнемъ изъ карэ. Изрубивъ до 300 красныхъ, молодая Гвардія , не даромъ пролившая свою кровь въ боевомъ крещеніи, захватила 3 орудія въ полной запряжкѣ, 1 зарядный ящикъ, 6 пулеметовъ, 2 походныхъ кухни, 15 повозокъ и плѣнныхъ».

Войсковой Кругъ послалъ слѣдующую телеграмму:

Генералу Чернозубову *): «Войсковой Кругъ гордится Вашей побѣдой надъ обнаглѣвшимъ врагомъ, желающимъ вырвать у Дона свободу и право жить по казачьему обычаю. Передайте славнымъ полкамъ Донской Гвардіи и всѣмъ другимъ участникамъ лихого боя, что Войсковой Кругъ всегда вѣрилъ и вѣритъ въ казачью доблесть и знаетъ, что никогда казаки не склонятъ свои головы передъ насильниками и грабителями».

Въ газетѣ «Донскія Вѣдомости» отъ 21 февраля 1919 г. въ № 44 была напечатана слѣдующая телеграмма Донского Атамана генерала Богаевскаго Начальнику 1-ой Донской конной дивизіи:

Генералу Абрамову: «Съ чувствомъ радостнаго волненія читалъ я сегодня донесеніе о боевомъ крещеніи полковъ Гвардейской бригады, увѣнчавшемся ея славною побѣдою. Глубоко вѣрю, что эта побѣда переломитъ ходъ событій, и мы перейдемъ къ ударамъ по всему фронту. Передайте полкамъ и батареямъ, что недалекъ тотъ день, когда полки Кубанскаго Казачьяго Войска въ битвѣ плечомъ къ плечу съ нами за нашъ Донъ и за побѣду всего казачества подтвердятъ свое единомысліе и братство. Я полонъ вѣрой, что въ этихъ битвахъ молодые полки Донской Арміи будутъ прямыми отпрысками старой русской непобѣдимой арміи и окажутся достойными ея старой славы и традицій. Тяжелыя потери перваго боя увеличиваютъ славу молодой Гвардіи. Я и все Войско съ неослабнымъ вниманіемъ продолжаемъ слѣдить за боевыми дѣйствіями Вашей дивизіи. Передайте полкамъ мое поздравленіе, глубокую благодарность и лучшія пожеланія. Да поможетъ Вамъ Господь. Вѣчная память павшимъ въ славномъ бою 19-го февраля».

---

*) Ген. Чернозубовъ командовалъ фронтомъ на Донцѣ.

Отъ Командующаго Донской Арміей генерала Сидорина генералъ Абрамовъ получилъ слѣдующую телеграмму:

«Передайте Гвардейской бригадѣ, что я восхищенъ боевымъ крещеніемъ и убѣжденно вѣрю, что ея слава разрастется въ былую славу старой русской гвардіи. Тяжелыя потери боя увеличиваютъ значеніе достигнутаго успѣха и свидѣтельствуютъ о несокрушимой доблести молодыхъ полковъ. Прошу Ваше Превосходительство передать мою искреннюю благодарность всѣмъ бойцамъ отъ казака до генерала, представить списки убитыхъ для оказанія помощи семьямъ и списки особо отличившихся для награжденія. Да укрѣпитъ Господь Богъ Васъ и Ваши полки въ это тяжелое время и да поможетъ Онъ намъ съ такою же славою, съ какой дралась Донская Гвардія, бить супостата и гнать его вонъ съ лица родной земли».

На большомъ Войсковомъ Кругѣ въ засѣданіи 21-го февраля Донской Атаманъ сказалъ рѣчь, посвященную боевой обстановкѣ. Вотъ выдержки изъ нея:

...«Сказывается фактъ объединеннаго командованія: не только доблестные полки генерала Шкуро, но и генерала Покровскаго, котораго вы завтра увидите, уже идутъ сюда. Эта помощь даетъ намъ возможность твердо выполнить наши заданія — и развить блестящій успѣхъ, о которомъ вы уже отчасти слышали. Это — дѣйствія нашей Молодой Казачьей Гвардіи. Я счастливъ засвидѣтельствовать, что не ошибся, когда, провожая на фронтъ Гвардейскія Казачьи части и говоря имъ напутственное слово, я выразилъ увѣренность, что они недаромъ несутъ имя старой Гвардіи и что они оправдаютъ наше довѣріе. Они дали блестящее доказательство этому. Они не только одержали побѣду, но и подняли ею духъ другихъ полковъ».

Въ газетѣ «Военный Листокъ» въ № 4 24-го (ст. ст.) февраля 1919 г. въ оперативной сводкѣ Штаба Донской Арміи было сказано:

«По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, при атакѣ Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ 19-го февраля въ раіонѣ хут. Семимаячнаго батальоны противника перестроились въ карэ и встрѣтили атакующихъ огнемъ въ упоръ и были смяты только натискомъ коней. У многихъ лошадей есть штыковыя раны. По показанію плѣнныхъ 199 полка красныхъ, полкъ почти полностью уничтоженъ».

За конную атаку 19-го февраля полковникъ Фарафоновъ былъ награжденъ очередной наградой — орденомъ Св. Владиміра 3-ей степени съ мечами. Есаулы Красновъ и Воронинъ — чиномъ войскового старшины, сотникъ Ротовъ орденомъ Св. Анны 4-й степени съ надписью «За храбрость». Сотникъ Ляховъ — орденомъ Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

На слѣдующій день состоялись похороны убитыхъ казаковъ на мѣстномъ хуторскомъ кладбищѣ.

Тѣла ес. Пашкова и сотн. Дубенцева были отправлены въ Новочеркасскъ. Послѣ панихиды наскоро сколоченные гробы были положены на простую телѣгу и въ сопровожденіи брата одного изъ убитыхъ отправлены въ послѣдній путь.

Трубачи, игравшіе при выносѣ изъ церкви «Коль Славенъ», какъ только повозка двинулась въ дорогу, перешли на полковой маршъ, что хотя и не предусмотрѣно уставомъ, но было къ мѣсту и имѣло для оставшихся однополчанъ глубокій смыслъ.

Въ послѣдующіе дни въ станицѣ Владимірской состоялись похороны скончавшагося отъ раненія на рукахъ у матери, подъ сѣнью родительскаго дома, сотника Солтысова.

Еще только трое сутокъ назадъ, при стоянкѣ полка въ ст. Владимірской, почившій пріютилъ офицеровъ своей сотни въ домѣ своей матери.

Добрая старушка, потерявшая мужа въ Германской войнѣ, съ умиленіемъ смотрѣла на своего сына, котораго давно не видала, и съ удивительнымъ радушіемъ принимала его однополчанъ.

Теперь же однополчане старались, какъ могли, облегчить тяжкое материнское горе.

Въ бояхъ 19-го февраля были разбиты и потрепаны красныя части, принадлежавшія къ составу 23-ей сов. дивизіи.

Однако, въ раіонѣ станицы Усть-Быстрянской оставались еще весьма активно настроенныя части 16-ой стрѣлковой сов. дивизіи имени Киквидзе, коихъ надлежало отбросить за Донецъ.

Составъ 1-ой Донской дивизіи увеличился.

20-го и 21-го февраля подошли вернувшіяся изъ Каменноугольнаго раіона три сотни Атаманцевъ. Въ тѣ же дни прибылъ изъ Новочеркасска Донской Учебный полкъ, въ составѣ двухъ конныхъ и четырехъ пѣшихъ сотенъ, общей численностью въ 500 штыковъ и шашекъ; 3-й Калмыцкій полкъ, въ составѣ 320 штыковъ и шашекъ сосредоточился въ хут. Дубовомъ. Въ составъ 1-ой дивизіи вошли подошедшія батареи: 1-ая Донская (4 орудія), 2-ая Донская (2 орудія), Л. Гв. 6-ая Донская (2 орудія) и 27-ая Донская (2 орудія).

(4-ый полкъ 1-ой дивизіи находился въ отрядѣ ген. Постовскаго и присоединился къ дивизіи лишь 6-го марта).

22-го февраля частямъ 1-й Донской дивизіи приказано было, овладѣвъ хут. Рубежнымъ, атаковать противника, занимавшаго Усть-Быстрянскую станицу.

Конныя три сотни Лейбъ-Казаковъ и четыре Атаманцевъ, подъ общей командой генерала Михайлова, должны были, переправившись черезъ Донецъ сѣвернѣе Рубежнаго, выйти въ тылъ Усть-Быстрянской станицѣ.

Легко оттѣснивъ передовыя части противника и пройдя хут. Рубежный, пѣшія сотни подошли къ садамъ ,окружавшимъ станицу Усть-Быстрянскую.

Командовавшій пѣшими частями полковникъ Дьяковъ разсыпалъ въ цѣпь Учебный полкъ и сотню Лейбъ-Казаковъ есаула Шамина, оставивъ въ

резервѣ сотню Лейбъ-Казаковъ подъесаула Грекова Андрея, послалъ двѣ сотни Л. Гв. Атаманскаго полка, подъ командой войск. ст. Жирова, по балкѣ, въ охватъ слѣва позиціи противника.

1-ая Донская батарея есаула Бабкина открыла огонь и цѣпи двинулись впередъ. Противникъ открылъ сильный артиллерійскій и пулеметный огонь.

Учебный полкъ, въ ряды котораго передъ отправкой изъ Новочеркасска было влито значительное число мобилизованныхъ казаковъ и крестьянъ и имѣвшій въ своемъ составѣ много офицеровъ, не имѣвшихъ боевого опыта и не смогшихъ удержать людей въ рукахъ, замялся. Пришло свѣдѣніе, что дружины казаковъ мѣстныхъ станицъ, занимавшія позицію вправо, отошли. Противникъ перешелъ въ контръ-атаку. Л. Казачья сотня ес. Шамина было выдвинулась впередъ, но, понеся большія потери отъ пулеметнаго огня и утративъ ранеными всѣхъ своихъ офицеровъ, кромѣ командира сотни, залегла и открыла огонь. Учебный полкъ началъ отходъ, скоро принявшій безпорядочный характеръ и образовавшій прорывъ, въ который устремились красные.

Помогая начальнику дивизіи задержать на мѣстѣ учебниковъ, былъ здѣсь раненъ ружейной пулей и. д. нач. шт. дивизіи Ген. Шт. полк. Ивановъ.

Уже и сотня резерва подъесаула Грекова, и батарея есаула Бабкина несли потери отъ ружейнаго огня красныхъ, когда генералъ Абрамовъ лично приказалъ подъесаулу Грекову остановить атаку противника.

Подъ взглядомъ начальника дивизіи, стройно, какъ на парадѣ, двинулись впередъ Лейбъ-Казаки и съ ними броневикъ «Казакъ». Подойдя къ цѣпямъ противника, старенькій броневикъ испортился, причемъ одновременно заклинился и его пулеметъ. Красные съ крикомъ «ура» бросились было къ броневику, но подоспѣла полусотня Лейбъ-Казаковъ, и броневикъ былъ отбитъ и вытащенъ назадъ.

Красные, сильно превосходившіе числомъ и имѣвшіе въ цѣпи много пулеметовъ, залегли и открыли частый огонь.

Сотня Грекова, дошедшая совсѣмъ близко, несетъ потери. Раненъ въ грудь молодой хорунжій Г. А. Дубенцевъ. «Куда ранены?» — «Въ сердце, господинъ подъесаулъ». — «Можете идти?» — «Могу, господинъ подъесаулъ». «Ну, тогда ничего, двигайтесь съ Богомъ назадъ».

Цѣпь залегла. Впереди раненъ кадровый Лейбъ-Казакъ, взводный урядникъ подхорунжій Савостьяновъ. Два казака бросаются его поднимать и падаютъ — одинъ смертельно раненъ въ животъ, другой раненъ въ ногу.

Бросаются слѣдующіе два казака и опять отползаютъ ранеными. Кидается впередъ самъ командиръ сотни. Вотъ онъ рядомъ съ Савостьяновымъ. Послѣдній поднимаетъ голову и говоритъ: «Господинъ есаулъ, они ловко пристрѣлялись, лягте» и... замолкаетъ, ибо вторая пуля попадаетъ въ голову. Подползаетъ вахмистръ сотни ,гигантъ, кадровый Лейбъ-Казакъ, подхорунжій Головковъ, легко, какъ перышко, подымаетъ Савостьянова, встаетъ во весь богатырскій ростъ и уноситъ въ тылъ.

Падаютъ убитые, отползаютъ назадъ раненые; велики потери, но противникъ остановленъ....

Между тѣмъ, конныя сотни, двинувшiяся утромъ на переправу по льду черезъ Донецъ сѣвернѣе Рубежнаго, переправиться не смогли изъ-за непрочности льда. Генералъ Михайловъ рѣшилъ пассивно охранять лѣвый флангъ пѣхоты, отъ которой былъ отдѣленъ крутой и длинной балкой. По просьбѣ полковника Фарафонова, къ вечеру, дабы стать ближе къ своей пѣхотѣ, конница была переведена въ вершину балки. Ввиду выхода изъ боя Учебнаго полка, отсутствія свѣдѣній отъ войск. старш. Жирова и труднаго положенія пѣхоты, генералъ Абрамовъ приказалъ конницѣ выдвинуться и атаковать противника въ конномъ строю.

Генералъ Михайловъ приказалъ полковнику Фарафонову взять двѣ сотни Лейбъ-Казаковъ и выдвинуться впередъ въ указанномъ направленіи. Уже стемнѣло и оріентироваться стало очень трудно. Сотни развернулись въ лаву и не успѣли пройти и версты, какъ были встрѣчены въ упоръ огнемъ изъ винтовокъ. Опредѣлить — стрѣляли ли свои или противникъ, и атаковать въ конномъ строю ввиду наступившей абсолютной темноты не представлялось возможнымъ, и сотни спустились въ балку, выславъ впередъ развѣдку. Послѣдняя установила наличіе противника и донесла о начавшемся его отходѣ на станицу Усть-Быстрянскую. Ввиду наступившей темноты, понесшія большія потери пѣшія сотни были отведены на хут. Голубинскій. Въ концѣ отошелъ, вынося съ небольшой группой казаковъ послѣднихъ раненыхъ, подъесаулъ Грековъ.

Конницу генералъ Абрамовъ развернулъ лавой и пустилъ въ темнотѣ впередъ подобрать раненыхъ, убитыхъ, оружіе, что и было сдѣлано.

---

*) Генералъ Дьяковъ въ своихъ комментаріяхъ къ описанію боя 22-го придаетъ большое значеніе порядку выхода въ бой сотни подъес. Грекова: «Часамъ къ двумъ положеніе стало критическимъ. Красные напирали. Съ большимъ трудомъ удавалось сдерживать учебниковъ, отошедшихъ на уступъ назадъ, а частью и покинувшихъ поле боя.

Видно было, что изъ послѣднихъ силъ держится понесшая большія потери сотня Лейбъ-Казаковъ ес. Шамина. Отлично работалъ пулеметный Лейбъ-Казачій взводъ, съ прекрасной по обстрѣлу, но къ сожалѣнію открытой позиціи, почему у одного пулемета были перебиты всѣ номера.

(Именно около этого взвода была и «штабъ-квартира» генерала Абрамова. Одинъ разъ, къ своему ужасу, я видѣлъ его подъѣзжающимъ къ этимъ пулеметамъ верхомъ).

Сдали свою позицію старики-казаки, стоявшіе правѣе и теперь отошедшіе назадъ.

Ожидаемая помощь отъ высланныхъ въ обходъ сотенъ войскового старшины Жирова не приходила.

Въ воздухѣ чувствовалась возможность катастрофы.

Былъ двинутъ послѣдній резервъ — сотня подъес. А. Грекова.

Полнымъ ростомъ, твердымъ шагомъ, подъ сильнымъ огнемъ, сквозь образованный уходомъ учебниковъ прорывъ, сотня вышла шаговъ на 200 впередъ за наши позиціи и, тамъ залегши, открыла спокойный, прицѣльный огонь.

Совершился психологическій переломъ въ нашихъ цѣпяхъ — онѣ сразу окрѣпли. Совершился переломъ и у красныхъ, остановившихъ наступленіе и подавшихся назадъ. Опасность катастрофы миновала.

Подсознательное чувство подсказало Грекову, что въ условіяхъ данной мину-

Такимъ образомъ, изъ-за опозданія выхода конницы, неучастія Калмыцкаго полка, потери связи со сбившимся съ вѣрнаго направленія войск. старш. Жировымъ и неучастія поэтому въ бою его пѣшихъ сотенъ, какъ и вслѣдствіе неудачи, понесенной Донскимъ Учебнымъ полкомъ, бой закончился нѣсколько неопредѣленно.

(Первая неудача Учебнаго полка мало отразилась на его дальнѣйшей работѣ, и впослѣдствіи этотъ полкъ хорошо дрался въ рядахъ 1-ой Донской дивизіи въ Каменноугольномъ раіонѣ).

Однако, на слѣдующее утро выяснилось, что части 16-ой стрѣлк. сов. дивизіи, понесшія большія потери отъ огня и сильно разстроенныя, боемъ, по предшествовавшему примѣру разбитыхъ 19-го февраля частей 23-ей сов. дивизіи, отошли ночью полностью за Донецъ.

Совѣтская «Исторія Гражданской войны» говоритъ: «Не поддержанная сосѣдями и испытывая острый недостатокъ въ патронахъ, 16-ая стрѣлковая дивизія была вынуждена отойти за Донецъ»... («Гражд. война», т. III, стр. 230).

Въ бою 22-го былъ раненъ пулей въ руку командиръ полка полковникъ В. Дьяковъ, оставшійся въ строю и до конца руководившій боемъ.

Изъ числа офицеровъ были ранены: хор. Г. А. Дубенцевъ 2-ой, хор. Денисовъ, хор. Балабинъ и сотникъ Какуринъ.

Какое же значеніе имѣли бои 19-го и 22-го февраля 1919 года, главная тяжесть коихъ легла на молодой Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, и успѣхъ коихъ былъ имъ купленъ цѣною крупныхъ потерь?

1). Приведемъ выдержку изъ статьи б. нач. разв. и операт. части Донской Арміи полковника Добрынина («Военный Сборникъ», кн. 2-ая, статья «На Донцѣ и Манычѣ», полк. Добрынинъ).

...«День 19-го февраля 1919 года является датой, послужившей началомъ новыхъ событій на Донскомъ фронтѣ. Въ этотъ день произошелъ переломъ, давшій казачеству окончательную вѣру въ возможность дальнѣйшей борьбы. Этотъ день, послѣ ряда тяжелыхъ дней отхода за Донецъ, принесъ радостную, встряхнувшую всѣхъ вѣсть о началѣ побѣдъ.

...19-го февраля былъ данъ первый отпоръ краснымъ, пытавшимся захватить Новочеркасскъ съ налета... Успѣхи стоили значительныхъ потерь

ты, вопреки правиламъ пѣшаго боя, онъ долженъ былъ идти въ полный ростъ и выдвинуться впередъ за линію нашихъ цѣпей. Исполни онъ то же приказаніе перебѣжками по звеньямъ, пригнувшись, уложи онъ людей на линіи другихъ цѣпей, — результатъ получился бы иной.

По силѣ духа, подъесауломъ Грековымъ здѣсь проявленнымъ, можно, не боясь преувеличенія, назвать этотъ выходъ въ бой воинскимъ подвигомъ»...

Донскимъ полкамъ, въ особенности Гвардіи, но достигнутый результатъ компенсировалъ тяжкія жертвы»...

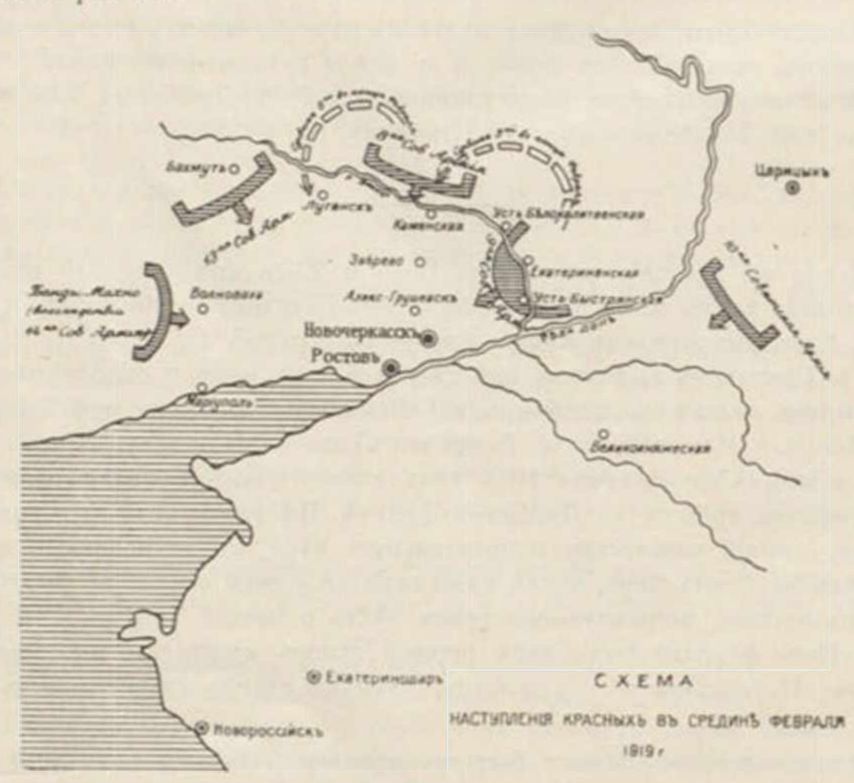
Отсюда слѣдуетъ первый выводъ: успѣхъ на Донцѣ 19-го февраля поднялъ духъ другихъ частей Донской Арміи.

2) Переправившіяся черезъ Донецъ части 23-ей и 16-ой сов. дивизіи принадлежали къ составу IX-ой сов. Арміи, коей краснымъ командованіемъ была поставлена задача взять 20-го Александровскъ-Грушевскъ, а 22-го февраля Новочеркасскъ.

Разбитыя и потрепанныя 19-го и 22-го февраля, онѣ отошли за Донецъ, потерявъ захваченный ими было до начала ледохода плацдармъ на нашемъ берегу Донца. Послѣдній вскорѣ разлился и обратился въ серьезную преграду.

Отсюда второй выводъ: боями 19-го и 22-го февраля была сорвана попытка красныхъ выйти въ сердце Войска кратчайшимъ путемъ, съ налета, на плечахъ отходившей и разстроенной Донской Арміи.

3) Отмѣтимъ, что именно къ концу февраля красное командованіе измѣнило юго-восточное направленіе своего наступленія на Новочеркасскъ-Ростовъ, кратчайшее, на болѣе западное и болѣе длинное, черезъ Каменноугольный районъ.



Измѣненіе направленія краснаго наступленія намъ было весьма выгодно, ибо его осуществленіе требовало длительныхъ и сложныхъ передвиженій красныхъ частей вдоль фронта, съ востока на западъ, и, слѣдовательно, давало намъ нѣкоторый выигрышъ времени, совершенно намъ необходимый для

привода въ порядокъ Донской Арміи и подвоза свѣжихъ кубанскихъ частей съ Сѣвернаго Кавказа.

Правда, перемѣна плана была принята краснымъ командованіемъ не безъ колебаній, не сразу, а постепенно, въ теченіе всего февраля, и обуславливалась наличіемъ весьма разнообразныхъ факторовъ, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ стояло значеніе, придаваемое партійцами Каменноугольному бассейну.

Однако, если учесть, что взятіемъ Новочеркасска и Ростова, съ какой бы стороны ихъ ни взять, предрѣшалась участь и Донецкаго бассейна, и если учесть, что измѣненіе главнаго направленія наступленія красныхъ оформилось окончательно и безповоротно лишь въ директивѣ ком. Южнаго фронта Гиттиса № 2289, отданной 26-го февраля (11-го марта нов. ст.), то представится весьма вѣроятнымъ, что именно потеря IX-ой сов. Арміей плацдарма на нашемъ берегу Донца послужила послѣднимъ толчкомъ къ выгодной намъ перемѣнѣ рѣшенія краснаго командованія.

4) Изъ приведенныхъ выше откликовъ командныхъ и правящихъ Донскихъ верховъ на бой 19-го февраля — ясенъ переломъ въ настроеніяхъ Новочеркасска, было уже начавшаго поддаваться паникѣ. Нынѣ населеніе успокоилось, и въ столицѣ Дона создалась вновь нужная для продолженія борьбы атмосфера.

5) Наконецъ, бои 19-го и 22-го февраля имѣли и чисто свое, полковое значеніе: молодой Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ воскресилъ славу стараго полка и получилъ моральное право продолжать его вѣковую исторію.

Генералъ Абрамовъ въ своихъ комментаріяхъ къ боямъ 19-го и 22-го февраля говоритъ: «Блестящій успѣхъ боевого крещенія молодого Лейбъ-Казачьяго полка въ бояхъ подъ Семимаячнымъ и Рубежнымъ надо отнести къ личной доблести и умѣлому руководству командира полка полк. Дьякова и беззавѣтной храбрости г. г. офицеровъ и кадровыхъ вахмистровъ и урядниковъ Л. Гв. Казачьяго полка. — Ген. Абрамовъ».

Въ теченіе шести дней Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ простоялъ на хуторѣ Голубинскомъ. 24-го полковникъ Дьяковъ эвакуировался въ Ростовъ для лѣченія раны, и во временное командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Фарафоновъ. 25-го состоялись похороны убитыхъ въ послѣднемъ бою Лейбъ-Казаковъ.

Чтобы очистить раіонъ лѣваго берега Донца отъ красныхъ, генералъ Абрамовъ приказалъ 28-го февраля Гвардейской бригадѣ занять хуторъ Мечетный, гдѣ еще держались красные и откуда ими высылалась развѣдка. Пѣшія части дивизіи подъ общимъ командованіемъ генералъ-маіора Михайлова повели наступленіе на хуторъ Мечетный, конныя же части Гвардей-

ской бригады съ 2-мя орудіями были направлены подъ начальствомъ полковника Фарафонова въ обходъ хутора Мечетнаго съ юго-востока.

Хуторъ Мечетный красные поспѣшно очистили, не принявъ боя. Пѣшія сотни заночевали въ хут. Мечетномъ, конныя же прошли хут. Какичевъ и только изъ хут. Богатаго были обстрѣляны артиллеріей спѣшно отходившаго за Донецъ противника. Два орудія, приданныя коннымъ частямъ Гвардейской бригады, открыли огонь по обозамъ красныхъ, и было видно, какъ повозки разлетѣлись по степи во всѣ стороны. Высланныя впередъ двѣ сотни заняли хут. Бугураевъ, откуда красные тоже поспѣшно ушли. Дальше шелъ Донецъ, представлявшій естественную преграду.

Весь лѣвый берегъ Донца, такимъ образомъ, былъ очищенъ отъ красныхъ, и генералъ Абрамовъ вернулъ конныя части на ночлегъ въ хуторъ Ясиноватый.

Потерявъ плацдармъ, было захваченный IX-ой сов. Арміей на правомъ берегу Донца, противникъ потерялъ возможность нанести ударъ по кратчайшему направленію на рѣшающую линію Новочеркасскъ — Ростовъ, притомъ въ моментъ, критическій для Донской Арміи.

Противникъ произвелъ было попытку перейти Донецъ въ раіонѣ Усть-Бѣлокалитвенской, но 23-го февраля и эта попытка ободрившимися Донскими частями была отбита.

Начался весенній разливъ рѣкъ, и фронтъ по Донцу принялъ пассивный характеръ.

Противникъ началъ перегруппировку своихъ частей, перенося центръ своихъ усилій на западъ, въ раіонъ Луганска и Каменноугольнаго бассейна.

Донская Армія получила передышку, начала расти численно и оправилась морально.

Съ Сѣв. Кавказа успѣли подойти Кубанскія и Добровольческія части.

Кризисъ миновалъ...

3-го марта Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ перешелъ въ хут. Голубинскій, гдѣ заработали полковая и сотенныя канцеляріи, исключая убитыхъ и раненыхъ людей, лошадей, разбираясь въ вопросахъ довольствія и т. д. 5-го марта бригада была переведена въ хут. Садково-Николаевскій. 6-го марта Л. Гв. Казачій полкъ перешелъ въ ст. Владимірскую, гдѣ полкъ встрѣтилъ Командующій фронтомъ генералъ Чернозубовъ (старый Лейбъ-Казакъ). Онъ ласково привѣтствовалъ полкъ и благодарилъ его за боевую работу и особенно за атаку 19-го февраля.

До 10-го марта полкъ простоялъ въ ст. Владимірской — былъ Великій постъ. Полковымъ священникомъ о. Сергіемъ было начато великопостное служеніе весь полкъ говѣлъ и 8-го принималъ Св. Причастіе.

Здѣсь было произведено окончательное переформированіе полка —

какъ уже было выше сказано, во время послѣднихъ боевъ конныя полусотни были сведены вмѣстѣ, однако, казаки и лошади продолжали числиться въ своихъ сотняхъ. По просьбѣ командировъ сотенъ, начальникъ дивизіи разрѣшилъ свести всѣ конныя полусотни въ 3 постоянныя сотни — въ 1-ую есаула Краснова, въ 3-ю есаула Дубенцева и въ 6-ю есаула Воронина. Пѣшими же постоянно остались 2-я сотня есаула Полковникова и 5-я есаула Шамина. (Въ виду большихъ потерь, 4-я была влита на усиленіе 2-й и 5-й сотенъ).

10-го марта полкъ перешелъ въ хут. Новоселовка, а 11-го въ хут. Нижне-Ковалевъ. 12-го марта полкъ проходилъ прекрасными Провальскими степями съ остававшейся прошлогодней некошеной высокой травой. Въ Провальскомъ Конномъ заводѣ, уже эвакуированномъ, полкъ сдѣлалъ получасовый привалъ. На ночевку пришли въ хут. Деревянскій, и Л. Гв. Казачій полкъ вошелъ въ Каменноугольный раіонъ.

Полку предстояла новая боевая работа.

Всего за разсмотрѣнный нами періодъ боевъ на Донцѣ потери Л. Гв. Казачьяго полка выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Офицеровъ:
- Убито 3
- Ранено 9

Казаковъ:
- Убито 35
- Ранено 94

Лошадей:
- Убито 22
- Ранено 32

Съ приходомъ полка на фронтъ появились заболѣванія сыпнымъ тифомъ. Въ теченіе февраля было эвакуировано въ тылъ сыпнотифозныхъ 40 казаковъ и 2 офицера.

ГЛАВА IX.

КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ РАІОНЪ ВЪ МАРТѢ И АПРѢЛѢ 1919 Г.

Общая обстановка. — Переброска 1-й Донской дивизіи. — Характеръ борьбы въ новомъ раіонѣ. — Бои за раіонъ Кругликъ — Успенка — Орѣхово — Шелковый протокъ. — Пѣшія и конныя атаки Лейбъ-Казаковъ. — Благодарственные приказы по дивизіи. — Переброска на хут. Б. Звѣревъ. — Страстная недѣля и походная церковь. — Возвращеніе въ Каменноугольный раіонъ. — Смотръ Командующаго Донской Арміей генерала Сидорина. — Бои у госп. дв. Максимовка, хут. Мечетнаго, ст. Щетово, села Ребрикова и взятіе Орѣхова. — Переломъ настроенія красныхъ. — Оцѣнка результата дѣйствій 1-ой Донской дивизіи въ Каменноугольномъ раіонѣ. — Полковой лазаретъ въ Ростовѣ. — Потери полка и боевой составъ къ концу апрѣля.

Въ началѣ марта, послѣ окончательно опредѣлившейся неудачи захвата Новочеркасска прямымъ наступленіемъ съ сѣверо-востока, красное командованіе приняло новый планъ удара въ юго-восточномъ и восточномъ направленіяхъ, для захвата Каменноугольнаго Донецкаго бассейна и выхода въ самое сердце Донской Области, на линію Новочеркасскъ — Ростовъ.

...«Намъ смертельно нуженъ уголь, — писалъ въ то время Бронштейнъ-Троцкій. — Донецкій фронтъ является важнѣйшимъ для совѣтскихъ республикъ... Потеря Петрограда для насъ не была бы такъ тяжка, какъ длительная потеря Донецкаго бассейна. Вотъ почему все вниманіе сосредотачивается на этомъ фронтѣ»...

Оставивъ 10-ю армію Егорова (23 тыс.) обозначать наступленіе на югъ, вдоль линіи жел. дороги Царицынъ-Торговая, и растянувъ на пассивномъ фронтѣ, отъ Чира по Дону и далѣе по Донцу, до впаденія въ него Луганчика, 9-ю армію (28 тыс.), совѣтское командованіе перебросило въ раіонъ Луганска 8-ю (27 тыс.) армію Тухачевскаго, сгруппировавъ южнѣе, въ раіонѣ Никитовки, XIII-ю армію Кожевникова (25 тыс.) и въ раіонѣ Волновахи XIV-ю, состоявшую изъ украинскихъ формированій (20-25 тыс.).

VIII, VIII и XIV арміи, общей численностью въ 70-75 тысячъ бойцовъ, должны были уничтожить группы бѣлыхъ, прикрывающихъ Донецкій бассейнъ, захватить послѣдній и выйти на линію Ростовъ — Новочеркасскъ.

Въ концѣ февраля противъ этихъ трехъ совѣтскихъ армій мы имѣли:

на правомъ флангѣ, въ раіонѣ Луганска, конную ударную Донскую группу генерала Коновалова, численностью въ 3-4 тысячи, составлявшую лѣвый флангъ Донской Арміи.

Далѣе на югъ, до Колпакова, шло никѣмъ не обороняемое пространство, а отъ Колпакова, до Маріуполя и Бердянска, шелъ болѣе нежели растянутый фронтъ 12-тысячной Добровольческой Кавказской Арміи генерала Май-Маевскаго.

Въ далекомъ тылу, у города Александро-Грушевска, еще только сосредоточивались перебрасываемыя съ Кавказа дивизіи генерала Покровскаго и генерала Шкуро.

Какъ сказано было въ предыдущей главѣ, 1-я Донская дивизія, по окончаніи своей боевой задачи на Донцѣ, въ началѣ марта была переброшена въ Каменноугольный раіонъ, гдѣ заняла стыкъ между Кавказской Арміей и Донской группой генерала Коновалова, дабы, совмѣстно съ послѣдней и правымъ флангомъ Кавказской Арміи, нанести встрѣчный ударъ наступающимъ краснымъ арміямъ, направляя его, согласно директивѣ генерала Деникина, на линію Дебальцево — Лугансkъ.

Задача 1-ой Донской дивизіи была крайне тяжела: занимая участокъ въ нѣсколько десятковъ верстъ по фронту, дивизія имѣла передъ собою наступавшаго, многократно превосходящаго численностью противника. Дѣйствія дивизіи затруднялись, какъ недоброжелательнымъ отношеніемъ мѣстнаго шахтерскаго, большевистски-настроеннаго населенія, такъ и, главнымъ образомъ, весенней распутицей и бездорожьемъ, мѣшавшимъ быстрымъ переброскамъ конницы, затруднявшимъ подвозъ изъ тыла отсутствующихъ на мѣстѣ фуража, хлѣба и боевыхъ припасовъ.

Помимо потерь въ бояхъ, ряды полка косила свирѣпствующая кругомъ эпидемія сыпного тифа.

Боевыя дѣйствія дивизіи сводились къ энергичнымъ короткимъ ударамъ по противнику, причемъ ,ввиду невозможности обнажать весь многоверстный участокъ, не представлялось возможнымъ сосредоточивать всю дивизію, и удары наносились комбинированными группами, силою отъ двухъ до трехъ полковъ.

Ведя бои въ раіонѣ деревень Кругликъ, Орѣхово, Успенка, Лейбъ-Казачій полкъ билъ противника короткими ударами, причемъ дѣйствія сотенъ носили такой смѣлый и рѣшительный характеръ, что скоро полкъ внушилъ къ себѣ страхъ и уваженіе. Въ частяхъ противника, по словамъ плѣнныхъ, «бѣлая амуниція» наводила панику на красноармейцевъ, почему казаки особенно тщательно бѣлили ремни своей гвардейской амуниціи.

По выступленіи въ Каменноугольный раіонъ, 1-я Донская дивизія, наступая широкимъ фронтомъ на западъ, 13-го марта, послѣ небольшой стычки, вступила въ предѣлы Екатеринославской губерніи. На правомъ флангѣ наступалъ Л. Гв. Казачій полкъ въ составѣ Гвардейской Казачьей бригады.

14-го марта Гвардейская бригада получила задачу занять Орѣхово, для чего, въ видѣ авангарда, были выдвинуты конныя сотни подъ командой полковника Фарафонова. Пройдя Власово-Александровку, сел. Картушино, хут. Щетовскій и Веселомарьевку, спѣшенныя части конницы завязали бой съ занимавшими Орѣхово красными. Увидя обходъ конныхъ сотенъ, красные бѣжали, но преслѣдовать ихъ не было никакой возможности, такъ какъ весенній грунтъ черноземнаго раіона обратился въ непролазную грязь: лошади съ трудомъ вытягивали ноги, а двуколки съ пулеметами останавливались на каждомъ шагу.

Полкъ заночевалъ въ Орѣховѣ *).

На 15-ое марта Гвардейская бригада получила заданіе взять сел. Успенское и ст. Шмитовскую. Эти оба пункта имѣли для красныхъ громадное значеніе, такъ какъ прикрывали гор. Лугансхъ. Они были прочно заняты крупными частями, усиленными бронепоѣздами. Высланныя впередъ конныя части встрѣтились съ цѣпями красныхъ, занявшихъ кряжистые гребни, по мѣстному выраженію, «скели», и поэтому принуждены были спѣшиться. Быстро, безъ перебѣжекъ двинулись впередъ спѣшенныя цѣпи. Было усилившійся огонь красныхъ сразу заглохъ, и они очистили свою позицію, не принявъ удара. Однако, по занятіи гребня, спѣшенныя сотни имѣли передъ собою совершенно открытую мѣстность, почему пришлось ждать подхода пѣшихъ сотенъ. Въ бинокль было видно, какъ къ краснымъ подходили по желѣзной дорогѣ новые эшелоны, усилившіе ихъ настолько, что дальше продвинуться не удалось, и съ наступленіемъ темноты сотни, оставивъ на взятомъ гребнѣ наблюденіе, вернулись на ночлегъ въ Орѣхово.

17-го марта красные съ утра атаковали занятое Гвардейской Казачьей бригадой Орѣхово и дер. Кругликъ, занятую 4-мъ Донскимъ полкомъ, причемъ имъ удалось выбить послѣдній изъ Круглика.

Гвардейская Казачья бригада встрѣтила атаку красныхъ на Орѣхово контръ-атакой и, опрокинувъ ихъ, двинулась на помощь 4-му полку.

Къ вечеру, совмѣстно съ 4-мъ Донскимъ полкомъ, Гвардейская Казачья бригада выбила изъ Круглика красныхъ, отошедшихъ подъ защиту своихъ бронепоѣздовъ на Успенку.

Пѣшія сотни Лейбъ-Казаковъ ночевали въ Кругликѣ, конныя въ Орѣхово.

---

*) При подходѣ конныхъ сотенъ въ Орѣхово произошелъ слѣдующій эпизодъ: къ полковнику Фарафонову, за коимъ казакъ везъ командирскій Лейбъ-Казачій значекъ — алый флагъ съ Мальтійскимъ малиновымъ крестомъ — подскакалъ всадникъ и, круто осадивъ лошадь, крикнулъ: «Товарищи, держитесь, сейчасъ подходитъ подмога!»

Всадникъ былъ краснымъ развѣдчикомъ, принявшимъ полковой значекъ за красное знамя, а полковника Фарафонова за краснаго командира. Увидѣвъ погоны офицера и казака, онъ окаменѣлъ.

Полковникъ Фарафоновъ не успѣлъ сказать слова, какъ ударомъ шашки казака-ординарца красный былъ зарубленъ.

На слѣдующій день, 18-го марта, генералъ Абрамовъ, руководя самъ боемъ, сосредоточивъ почти всю дивизію, началъ наступленіе на Успенское, выдвинувъ конныя части подъ начальствомъ полковника Фарафонова къ дер. Ново-Павловка.

Пѣшія сотни, выступивъ на разсвѣтѣ изъ Круглика, въ 8 часовъ атаковали дер. Булахово, занятую конной бригадой противника, послѣ короткой перестрѣлки отошедшей на западъ.

Занявъ къ 10 часамъ Булахово, пѣшія сотни продвинулись еще двѣ версты впередъ, но дальше не двигались, въ виду появленія за правымъ флангомъ крупныхъ силъ противника, парировать ударъ коихъ было нечѣмъ. Однако, появившійся за флангомъ противникъ ограничился пассивнымъ огневымъ боемъ, и къ вечеру пѣшія сотни, свернувшись въ колонну, двинулись на ночлегъ въ Орѣхово.

Туда же вернулись и конныя сотни, ведшія днемъ огневой бой съ пѣхотой и артиллеріей противника у дер. Поповки, кончившійся, благодаря значительному превосходству въ силахъ противника, въ ничью.

19-го 1-я Донская дивизія принимала участіе въ общей атакѣ на Луганскъ. Главный ударъ по направленію на Луганскъ долженъ былъ быть нанесенъ Коннымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 2-й и 8-й Донскихъ дивизій, а 1-я Донская дивизія имѣла задачей содѣйствовать удару, выходомъ въ тылъ Луганска, съ занятіемъ сел. Успенское, Бѣлое и станціи Мѣловая - Сборная.

Выступивъ въ 7 часовъ утра, дивизія атаковала и взяла село Успенское. Противникъ отошелъ на Иллирію, Бѣлое и Ново-Павловку (что на лѣвомъ берегу Ольховки).

Пѣшія сотни Лейбъ-Казаковъ, пройдя Успенку, завязали огневой бой съ противникомъ, занимавшимъ Ново-Павловку. Въ 3 часа дня пришло приказаніе генерала Абрамова ночевать въ Ново-Павловкѣ.

Пѣшая сотня Лейбъ-Казаковъ ,подъ командой есаула Шамина, быстро развернулась и смаху ворвалась въ деревню. Выбитый изъ Ново-Павловки, противникъ отошелъ на Бѣлое.

Было уже совершенно темно, когда остальныя сотни вошли въ деревню. Грязь была такая непролазная, что еле вытягивали ноги.

Коннымъ сотнямъ, нѣсколько позднѣе, было приказано ночевать въ дер. Ушаковкѣ ,занятой противникомъ. Уже солнце зашло и стемнѣло, когда 3-я спѣшенная сотня Лейбъ-Казаковъ есаула Рыковскаго, подойдя къ деревнѣ, неожиданно для красныхъ уже расположившихся на ночлегъ, ворвалась въ Ушаковку, очистивъ ее штыковымъ боемъ, послѣ чего, дабы дать людямъ полный отдыхъ, перешла на ночлегъ въ Ново-Павловку.

На слѣдующій день, 20-го марта, генералъ Абрамовъ продолжалъ выполненіе задачи предыдущаго дня, для чего съ утра на с. Бѣлое повелъ наступленіе отрядъ полковника Лобова, въ составѣ пѣшихъ сотенъ Атаманскаго полка, 5-й пѣшей сотни Лейбъ-Казаковъ и пѣшей сотни 4-го Донского

полка, съ двумя орудіями. Въ 10 часовъ утра отрядъ подошелъ къ ст. Бѣлой и развернулъ боевой порядокъ. Наступленіе повели цѣпи Атаманцевъ и 4го полка, при пулеметной командѣ Лейбъ-Казачьяго полка. Сотня Лейбъ-казаковъ была оставлена въ резервѣ и находилась непосредственно за артиллеріей. Наступающія цѣпи были встрѣчены сильнымъ и мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ, почему, пройдя нѣкоторое разстояніе, залегли. Завязалась ружейная перестрѣлка. Артиллерія красныхъ, скоро пристрѣлявшись, начала засыпать цѣпи снарядами. Нѣсколько очередей было послано и по резерву. Наша же артиллерія отвѣчала рѣдко, такъ какъ имѣла всего по 15 снарядовъ на орудіе.

Въ цѣпяхъ быстро стали расти потери. Въ пулеметной командѣ Лейбъ-Казаковъ былъ перебитъ кожухъ одного пулемета и два пулемета заклинились. Убито и переранено болѣе 50 процентовъ состава пулеметной команды. Раненъ, но остался въ строю, начальникъ пулеметной команды подъесаулъ Туркинъ.

Вскорѣ, неожиданно, со стороны дер. Иллирія, угрожая нашему лѣвому флангу и тылу, появилась наступающая цѣпь красныхъ. Сотнѣ Лейбъ-Казаковъ было приказано встрѣтить противника. Лейбъ-Казаки немедленно развернули боевой порядокъ и, по установившейся уже привычкѣ, во весь ростъ, не ложась, безъ перебѣжекъ, стрѣляя на ходу, повели энергичное наступленіе. Въ частномъ резервѣ была оставлена одна полусотня. Красные, силою около роты съ 2-мя пулеметами, увидя Лейбъ-Казаковъ, сперва залегли, а затѣмъ побѣжали, оставивъ на мѣстѣ болѣе трехъ десятковъ убитыхъ и 1 пулеметъ. Лейбъ-Казаки бросились преслѣдовать. Въ это время цѣпи Атаманскаго и 4-го полковъ, подъ давленіемъ введенныхъ въ бой свѣжихъ частей красныхъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ, усиленнымъ тяжелыми снарядами съ двухъ красныхъ бронепоѣздовъ, начали отходить. Цѣпи красныхъ перешли въ преслѣдованіе. Тутъ оставшейся въ резервѣ полусотнѣ Лейбъ-Казаковъ было приказано перемѣнить фронтъ, разсыпаться въ цѣпь и открыть по краснымъ огонь, остальнымъ двумъ взводамъ было послано приказаніе — одному взводу держать тотъ же фронтъ, а другому пеперемѣнить фронтъ и оказать сопротивленіе краснымъ, наступавшимъ со стороны с. Бѣлое. Красные, видя, что наступленіе идетъ не по всему фронту, обратили вниманіе на участокъ, занимаемый Лейбъ-Казаками, ослабили преслѣдованіе Атаманцевъ и начали сосредоточивать противъ Лейбъ-Казаковъ значительныя силы. Это дало возможность нашей артиллеріи и пулеметамъ благополучно отойти и перейти рѣку по единственному мосту у д. Ушаковки. Обезпечивъ благополучный отходъ артиллеріи, Лейбъ-Казаки начали въ свою очередь отходить. Въ особенно трудномъ положеніи оказался взводъ подъесаула А. Грекова, зарвавшійся въ преслѣдованіи далеко впередъ. Двигаясь назадъ на р. Ольховку и выйдя изъ балки, онъ увидѣлъ неожиданно вправо отъ себя густую цѣпь красныхъ, наступавшую параллельно отходящему взводу. Дозорные этой цѣпи было открыли огонь, но затѣмъ начали кричать, не 1-й ли батальонъ. Подъесаулъ Грековъ остроумно использовалъ ихъ ошибку, отвѣтилъ утвердительно и, для вящей убѣдительности, послалъ

имъ градъ ругательствъ за стрѣльбу по своимъ, приказавъ податься вправо и не лѣзть въ чужой участокъ.

Красные дозорные послушно стали махать шапками своей цѣпи, которая и стала поддаваться вправо. Подъесаулъ же Грековъ продолжалъ свой путь и благополучно вышелъ на мостъ у Ушаковки.

Въ этомъ отходѣ отличился взятый наканунѣ подъесауломъ Грековымъ и поставленный въ строй плѣнный красноармеецъ, крестьянинъ съ Волги: онъ не только не пытался бѣжать, но, несмотря на тяжесть отхода, лично тащилъ пулеметъ Максима, отобранный у красныхъ въ началѣ атаки, доставивъ его въ Лейбъ-Казачью пулеметную команду.

Дойдя до рѣки, Лейбъ-Казаки группами, гдѣ удобнѣе, вплавь переправились и вернулись въ д. Орѣхово.

Въ этомъ бою были ранены: есаулъ Шаминъ пулей въ лицо, подъесаулъ Туркинъ и хорунжій Прокофьевъ.

Конныя сотни полка въ это время занимали с. Иллирію. Видя отходъ своихъ пѣшихъ частей, конница заняла гребень сѣвернѣе Ушаковки и прикрыла отходъ пѣхоты.

Въ виду трудностей, встрѣченныхъ коннымъ корпусомъ, не смогшимъ продвинуться впередъ, операція подъ Луганскомъ была отложена. Отъ генерала Коновалова былъ полученъ приказъ активно оборонять свои участки: 2-ой дивизіи — 5 верстъ; 8-ой див. — 7 верстъ, а 1-ой Донской дивизіи — 40 верстъ, да еще съ приказаніемъ оборонять правый флангъ Кубанцевъ на жел. дорогѣ у ст. Волнихино.

23-го марта генералъ Абрамовъ снова повелъ наступленіе на с. Успенское. Завязался бой на буграхъ, «скеляхъ». Но на этотъ разъ Гвардейская Казачья бригада пріурочила свой рѣшительный ударъ ко времени выдвиженія правѣе частей генерала Коновалова.

Послѣднія, однако, не появились, и противникъ, имѣвшій сильнѣйее превосходство въ силахъ, распространялся по рѣкѣ Луганчику, охватывая справа участокъ 1-й Донской дивизіи.

Конныя сотни Гвардейской Казачьей бригады, спѣшившись, прикрывали правый флангъ позицій. Когда красные, обходя флангъ, появились въ балкѣ, спѣшенная сотня (6-я) съ войск старш. Воронинымъ и сотникомъ Могилянскимъ энергично перешла въ контръ-атаку, погнала красныхъ и почти дошла вплотную для штыкового удара, но была встрѣчена новыми подошедшими подкрѣпленіями и стала съ потерями отходить. Сотникъ Могилянскій былъ раненъ тяжело въ ногу и подъ руки выведенъ изъ боя двумя казаками. Раненъ былъ вольноопредѣляющійся Реми.

Отличилась возстановившая положеніе пѣшая полусотня Лейбъ-Казаковъ, бывшая въ резервѣ и въ критическій моментъ выдвинутая впередъ.

24-го марта снова былъ бой, не приведшій ни къ какимъ результатамъ, въ раіонѣ с. Успенскаго — Орѣхово — Шелковый Протокъ.

25-го марта изъ Ростова прибыло въ полкъ конное пополненіе во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Дьяковымъ, изъ выздоровѣвшихъ отъ раненій офицеровъ, казаковъ и лошадей и распредѣлено по сотнямъ. Въ этотъ

день красные, снова изъ д. Кругликъ, повели наступленіе на с. Орѣхово, которое защищалось полковникомъ Лобовымъ, съ 4-мъ Донскимъ Казачьимъ полкомъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, полкъ этотъ, очистивъ Орѣхово, отступилъ за желѣзнодорожную линію, обнаживъ лѣвый флангъ дивизіи. Получивъ донесеніе и просьбу полковника Лобова помочь ему, генералъ Абрамовъ выслалъ 3-ю конную сотню Лейбъ-Казаковъ съ есауломъ Дубенцевымъ и есауломъ Рыковскимъ, и двѣ конныя сотни Атаманцевъ съ полк. Матвѣевымъ. Сотни заняли командующую позицію и огнемъ не позволили краснымъ выйти въ лежащую въ долинѣ слободу. Но такъ какъ полковникъ Лобовъ продолжалъ просить помощи, генералъ Абрамовъ приказалъ полковнику Фарафонову, съ двумя конными сотнями Лейбъ-Казаковъ, войск. старш. Краснова и Воронина, а также съ двумя пѣшими сотнями Учебнаго полка, отбить наступленіе красныхъ. Сотни Учебнаго полка были разсыпаны въ цѣпь рядомъ съ 3-ей сотней и со спѣшенными сотнями Атаманцевъ, а 1-й и 6-й сотнямъ Лейбъ-Казаковъ полковникъ Фарафоновъ приказалъ атаковать цѣпи красныхъ, на открытой низинѣ, эшелонами въ конномъ строю. При видѣ разворачивающихся изъ-за горы конныхъ Лейбъ-Казаковъ красные уменьшили сперва огонь, а затѣмъ побѣжали. Эта картина увлекла и наши цѣпи, которыя съ криками «ура» бросились въ атаку. Красные проскочили въ паникѣ деревню Кругликъ и въ разсыпную карабкались на возвышенность. Конныя сотни изрубили около 70 красныхъ и захватили 3 пулемета и 60 плѣнныхъ. На опросѣ плѣнныхъ было выяснено, что противъ дивизіи дѣйствовали слѣдующіе полки: 10-й Воронежскій, 33-й совѣтскій, 1-й конный Ахтырскій и 1-й Восточный.

Въ этомъ бою былъ тяжело раненъ въ обѣ щеки навылетъ есаулъ Ф. Рыковскій и легко въ ухо, оставшійся въ строю есаулъ Дубенцевъ. Тяжело былъ контуженъ снарядомъ сотникъ Б. Грековъ. Полкъ ночевалъ въ Орѣховѣ.

Замѣтка ген. Абрамова говоритъ: «...Къ 15 часамъ красные навалились на Орѣхово. Лобовъ отошелъ, и положеніе создавалось скверное — полный прорывъ фронта дивизіи... Спасибо Лейбъ-Казакамъ и Лобову: конной атакой Лейбъ-Казаковъ во флангъ и тылъ уже вошедшихъ въ Орѣхово красныхъ, при поддержкѣ сотенъ Учебнаго полка и Лобова съ юга — красные обращены въ бѣгство. Орѣхово къ 19 час. нами взято обратно»...

Приводимъ здѣсь (въ выдержкахъ) описаніе конной атаки 1-й и 6-й сотенъ, сдѣланное пріѣхавшимъ изъ Ростова на побывку въ Л. Гв. Казачій полкъ очевидцемъ, Борисомъ Суворинымъ, и помѣщенное имъ въ газетѣ «Вечернее Время» (№ 1232 отъ 29 марта 1919 г.):

«День Благовѣщенія былъ яркимъ, солнечнымъ и теплымъ... Въ этотъ день мнѣ повезло, я видѣлъ блестящій бой первой Донской дивизіи у Орѣхово...

...Непріятель перешелъ въ наступленіе на Орѣхово и потѣснилъ стоявшій тамъ полкъ. Двинуты на подмогу пѣшія и конныя сотни другихъ полковъ дивизіи.

Стройными рядами проходили конныя сотни Гвардейскихъ полковъ мимо командира бригады полковника Дьякова. Видъ у казаковъ былъ блестящій и увѣренный въ себѣ...

Мы выѣхали на бугоръ.

Непріятельскій огонь усиливается. Первая цѣпь (противника) подошла къ гребню и стала спускаться къ Орѣхову.

На самомъ гребнѣ зло заработали пулеметы, то тамъ, то здѣсь вздымаются облачка сухой земли.

Полковникъ Дьяковъ подходитъ къ полковнику Фарафонову; сейчасъ будетъ конная атака...

Уже двѣ сотни Лейбъ-Казаковъ выравниваются въ балкѣ...

Вотъ онѣ двинулись впередъ...

Непріятельская стрѣльба усиливается, но не надолго...

Трудно описать тотъ восторгъ, который охватываетъ васъ, когда видите, сравнительно съ врагомъ, горсточку людей, идущихъ въ конную атаку...

Увеличивается ходъ, шире становится лава. Вотъ спускаются — одни съ шашками, другіе съ пиками наперевѣсъ, къ балкѣ, по которой ведетъ наступленіе противникъ.

Карьеръ...

И тутъ происходитъ нѣчто удивительное:

Непріятельская стрѣльба на этомъ участкѣ сразу прекращается, орудійная, и пулеметная, и ружейная.

Противникъ не принялъ удара и бѣжитъ.

«Догонятъ или не догонятъ» — гадаемъ мы, стоя на бугрѣ.

Кое-гдѣ возвращаются раненые.

Вотъ ведутъ плѣнныхъ...

«Значитъ, догнали» — говоритъ полковникъ Дьяковъ.

По балкѣ возвращаются сотни Лейбъ-Казаковъ.

Командиръ 1-й сотни, войсковой старшина Красновъ взялъ 3 пулемета и зарубилъ много красныхъ. Командиръ 6-й сотни войск. старшина Воронинъ также взялъ пулеметъ и порубилъ большевиковъ...

Хорошо работали и пѣшія части дивизіи...

...Вечеромъ мы въ маленькой комнатѣ офицерскаго собранія. Въ комнатѣ дымно и душно, но необычайное чувство побѣды озаряетъ лица. Душа радуется, глядя на эту молодежь. Невольно вспоминаются ростовскіе окопники, и становится противно — эти люди въ озареніи побѣды слишкомъ высоки, чтобы допустимо было какое-либо сравненіе»...

Македоновка. 27 марта. Борисъ Суворинъ».

На слѣдующій день д. Кругликъ вновь была занята красными. Генералъ Абрамовъ рѣшилъ ихъ выбить оттуда въ ночь на 28-ое марта ночной атакой, ввиду совершенно открытыхъ подступовъ. Ночь была на рѣдкость темная, пѣшія сотни бригады подъ начальствомъ полковника Поздѣева были направлены на д. Кругликъ; три конныя сотни, подъ начальствомъ полковника Фарафонова —въ обходъ съ юга-запада д. Кругликъ и для прикрытія лѣваго фланга дивизіи. Только что пріѣхавшему полковнику Дьякову поручено было общее наблюденіе. 4-й Донской полкъ былъ оставленъ въ резервѣ дивизіи; 3-й Калмыцкій полкъ, подъ командой полковника Слюсарева, былъ въ отдѣлѣ, при IV-мъ корпусѣ, въ раіонѣ ст. Штеровка. Всѣ части выступили въ часъ ночи, имѣя каждая проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей.

Когда Атаманцы, шедшіе впереди, подошли къ мостику у самаго селенія, раздался одиночный выстрѣлъ, а затѣмъ началась перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Цѣпи красныхъ, судя по вспыхивающимъ огнямъ, начали удлиняться, охватывая лѣвый флангъ. Въ этомъ направленіи была выслана полусотня Лейбъ-Казаковъ съ сотникомъ Семилѣтовымъ *) и подхорунжимъ Головковымъ. Полусотня рѣшительно двинулась, и огонь противника скоро началъ утихать.

Одновременно въ дер. Кругликъ ворвались пѣшія сотни Атаманцевъ, подъ командой войскового старшины Захарова, и принялись штыками выбывать красныхъ изъ домовъ деревни.

Вахмистръ пѣшей Лейбъ-Казачьей сотни Головковъ лично закололъ штыкомъ комиссара полка.

Скоро красные отошли на с.-в. окраину Круглика, занявъ лѣсъ и гребень скалистыхъ выступовъ.

Оправившись, они перешли въ атаку, пытаясь снова занять Кругликъ. Атака была отбита, а затѣмъ пѣшія сотни Гв. Казачьей бригады, усиленныя сотней Учебнаго полка, атаковали въ свою очередь гласисообразный гребень. Противникъ былъ опрокинутъ и одновременно, взятый во флангъ конной атакой 1-й и 6-й сотенъ Лейбъ-Казаковъ войск. старш. Краснова и Воронина, въ бeзпорядкѣ отошелъ на Успенку.

Конныя сотни, занявъ бугры на лѣвомъ флангѣ, стояли спѣшенными въ ожиданіи развитія боя. На разсвѣтѣ, когда уже пѣшія сотни заняли Кругликъ и вели наступленіе на холмы къ сѣверу отъ него, къ коннымъ сотнямъ прискакалъ командиръ 3-го Калмыцкаго полка полковникъ Слюсаревъ, который съ полкомъ отходилъ подъ натискомъ красныхъ, выходившихъ на лѣвый флангъ 1-ой дивизіи. Полк. Фарафоновъ, оставивъ цѣпь 3-й сотни на буграхъ, приказалъ 1-й и 6-й сотнямъ войск. старшинъ Краснова и Воронина эшелонами идти на д. Булахово. Какъ только сотни развернулись, цѣпи красныхъ, лежавшія противъ пѣшихъ частей дивизіи и бывшія въ 3-5 верстахъ отъ конныхъ сотенъ, поднялись точно по командѣ и стали отходить. Выйдя изъ балки, сотни увидѣли къ югу отъ д. Булахово красныхъ и двинулись въ атаку. Скоро сотни врубились въ цѣпи. Сотникъ Денисовъ, рубя

*) По приказанію генерала Абрамова, сотникъ Семилѣтовъ за свои дѣйствія въ этотъ день былъ представленъ къ ордену Св. Владиміра IV степени съ мечами.

красныхъ, былъ убитъ выстрѣломъ изъ винтовки почти въ упоръ въ животъ. Въ свою очередь, стрѣлявшій красноармеецъ былъ пронизанъ пикой скакавшаго за сотникомъ Денисовымъ казака. Убитаго сотника Денисова перекинули черезъ сѣдло на его же лошадь, и пѣшій казакъ, поддерживая тѣло, вывезъ его изъ поля боя. Красные вначалѣ проявляли небывалое упорство, стрѣляли въ упоръ и не сдавались. Наконецъ, не выдержавъ рубки, они начали безпорядочный отходъ. Въ этой атакѣ было порублено до 100 человѣкъ красной пѣхоты, взято много оружія и 1 пулеметъ. (Всего же за ночной бой было взято 8 пулеметовъ).

4-й полкъ былъ оставленъ въ д. Кругликъ, а бригада на ночлегъ отведена въ д. Орѣхово.

Тѣло сотника Денисова было отправлено въ Ростовъ.

28-го марта былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ:

Приказъ 1-й Донской Конной дивизіи 28 марта 1919 года.

№ 25/Б с. Орѣхово.

Сегодня, 28. III, дивизія вела бой за овладѣніе раіономъ Круглика, какъ за исходный пунктъ для содѣйствія нашей ударной группѣ IV корпуса при операціи его на ст. Шмитово и с. Успенское.

Ночное нападеніе на деревню, преслѣдованіе, отраженіе контръ-атакъ, переходъ въ наступленіе по гласисообразному подъему на скалистый гребень, контръ-атаки цѣпей — все это было выполнено частями 1-й бригады и Учебнымъ полкомъ выше всякой похвалы, — стремительно, въ полномъ порядкѣ и безъ малѣйшихъ задержекъ подъ огнемъ противника. Съ высокой доблестью была произведена атака въ конномъ строю 1 и 6 сотнями Л. Гв. Каз. полка наступавшихъ цѣпей красныхъ. Всѣ эти дѣйствія, носившія характеръ быстраго наступленія и движенія впередъ, обошлись очень дорого врагу и были почти безъ жертвъ для насъ. Потери же, гдѣ таковыя были, понесены, главнымъ образомъ, при стояніи на мѣстѣ. Это выводъ изъ исторіи всѣхъ войнъ, и имъ необходимо руководствоваться во всѣхъ нашихъ операціяхъ, чтобы нести меньше потерь.

За отличное веденіе частей въ бой, благодарю командировъ командировъ полковъ и сотенъ и всѣхъ офицеровъ. Молодцамъ казакамъ спасибо за неизмѣнный порывъ впередъ, за порядокъ въ строю и за презрѣніе къ кажущейся опасности.

Начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ **Абрамовъ.**

30-го марта 1-я Донская дивизія была смѣнена частями IV-го Донского корпуса и отведена въ Восточную Каменку (въ 12 верстахъ къ югу отъ Орѣхова).

31-го марта Лейбъ-Казачій полкъ, сдѣлавъ переходъ въ 65 верстъ, прибылъ на хуторъ Б. Звѣрево.

Оказалось, что противникъ, на фронтѣ IX Совѣтской арміи, стоявшей до сего времени пассивно, перешелъ значительными силами Донецъ, сразу въ двухъ пунктахъ, у ст. Каменской и у Бѣлой Калитвы, и, потѣснивъ слабыя здѣсь численно Донскія части, угрожалъ Лихой.

Пользуясь подавленностью VIII-й Совѣтской арміи, Донское командованіе временно сняло съ Луганскаго направленія конный Донской корпусъ генерала Калинина и ударило имъ внезапно у Каменской.

Кромѣ того, съ Луганскаго же направленія была снята 1-я Донская дивизія, переброшенныя на всякій случай въ раіонъ Звѣрево.

Конный корпусъ генерала Калинина, состоявшій изъ 8-й и 11-й Донскихъ дивизій, ударомъ разгромилъ и сбросилъ въ рѣку переправившіеся у Каменской совѣтскіе полки, а затѣмъ, повернувъ на Калитву, совмѣстно съ корпусомъ генерала Семилѣтова, съ тѣмъ же успѣхомъ повторилъ ударъ и здѣсь.

Трофеями были — 50 орудій, 200 пулеметовъ. Противникъ былъ потрясенъ, и на фронтѣ IX-й арміи настало снова затишье.

1-й Донской дивизіи у Звѣрева * не пришлось дѣйствовать, и Лейбъ-Казачій полкъ получилъ неожиданный отдыхъ **).

Наступила Страстная недѣля и въ разставленной походной церкви на хут. Б. Звѣревъ шли богослуженія.

Съ 3-го апрѣля неотговѣвшіе въ ст. Владимірской начали говѣть. Въ страстную субботу всѣ казаки причастились и начали готовиться къ празднику Св. Пасхи, однако, его не удалось провести, какъ предполагали. Въ субботу 6-го апрѣля было получено приказаніе о возвращеніи 1-й Донской дивизіи въ Каменноугольный раіонъ. Общій пасхальный столъ пришлось отложить до новой стоянки. Въ 12 часовъ ночи отслужили заутреню, офиц-

---

*) Была и другая причина постановки 1-ой дивизіи въ Звѣрево. Въ Новочеркасскѣ было неспокойно: станицу Богаевскую заняли красные, а 8-ой корпусъ И. Быкадорова изъ ст. Кочетовской разбѣжался, причемъ разложившіяся группы казаковъ 8-го корпуса появились въ станицахъ Раздорской, Заплавской, Аксайской и Новочеркасской, и правительство опасалось, какъ бы они не учинили переворота.

Уже 1-го апрѣля былъ заготовленъ Правительствомъ приказъ о вызовѣ въ Новочеркасскъ 1-ой дивизіи, какъ сохранившей строгій порядокъ, но былъ отмѣненъ, такъ какъ отъ станичныхъ атамановъ пришли успокоительныя донесенія о настроеніяхъ разбѣжавшихся быкадоровскихъ казаковъ. По слухамъ, Кругъ постановилъ предать И. Быкадорова и его штабъ суду за пьянство и бездѣйствіе во время разрухи его корпуса, но ген. Сидоринъ не далъ своего согласія.

**) Характерно, что при полученіи свѣдѣній о предполагавшемся приходѣ въ Новочеркасскъ Гвардейской бригады, по городу поползли слухи о якобы готовящемся переворотѣ въ противную сторону, съ удаленіемъ Харламова, Попова и Сидорина и съ возвращеніемъ ген. П. Н. Краснова.

Въ дѣйствительности, хотя какъ казаки Быкадоровскаго корпуса, такъ и казаки Гвардейской бригады, и имѣли всѣ основанія быть недовольными административной и организаціонной дѣятельностью своихъ тыловыхъ учрежденій, но ни тѣ, ни другіе ни о какихъ переворотахъ не помышляли.

Возникновеніе этихъ слуховъ служитъ лишнимъ доказательствомъ оторванности не только общероссійской, но и казачьей городской интеллигенціи отъ своихъ рядовыхъ массъ населенія и полнаго непониманія ею настроеній послѣднихъ.

ры разговѣлись въ своихъ сотняхъ, а рано утромъ полкъ уже выступилъ: конные походнымъ порядкомъ, а пѣшія на ст. Звѣрево для слѣдованія по желѣзной дорогѣ.

6-го апрѣля полковникъ Дьяковъ *) былъ произведенъ въ генералъ-маіоры ,съ назначеніемъ Командиромъ Гвардейской бригады, а командиромъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка былъ назначенъ полк. Фарафоновъ.

9-го апрѣля пѣшія сотни прибыли на ст. Должикъ, разгрузились и двинулись на хут. Медвѣженскій, гдѣ стояли уже пришедшія походомъ конныя сотни.

1-я Донская дивизія смѣнила конный Кубанскій корпусъ генерала Покровскаго, спѣшно перебрасываемый на Манычъ, гдѣ 10-я и 12-я совѣтскія арміи, наступая вдоль жел.-дор. пути Царицынъ — Торговая, настолько продвинулись, что создали угрозу Ростову.

Такимъ образомъ, 1-я дивизія снова вернулась въ Каменноугольный раіонъ, ставъ лишь нѣсколько южнѣе прежняго мѣстоположенія.

За мѣсяцъ упорныхъ, почти каждодневныхъ боевъ марта, дивизія понесла большія потери ранеными и убитыми. Свирѣпствовалъ сыпной и возвратный тифъ... Запись ген. Абрамова говоритъ: «...Полки таютъ отъ болѣзней въ мѣсяцъ на 50%»...

Въ Лейбъ-Гвардіи Казачьемъполку уронъ убитыми и ранеными и сыпнотифозными былъ настолько великъ, что уже къ концу марта двѣ пѣшія сотни были сведены въ одну сводную, а три конныя — въ двѣ.

1-я Донская дивизія, несмотря на малочисленный составъ, получила ту же задачу, что имѣлъ и уходившій Кубанскій корпусъ, т. е. прикрыть участокъ жел. дороги Лихая — Ровеньки — Колпаковка, занимая фронтъ протяженіемъ въ 100 верстъ.

Задача, казалось, была въ несоотвѣтствіи съ силами дивизіи. Однако, противникъ былъ далеко не тотъ, что мѣсяцъ назадъ, ибо его арміи переживали кризисъ и упадокъ духа.

Сыграли роль не только огромныя потери, понесенныя красными въ бояхъ, не увѣнчанныхъ никакимъ успѣхомъ, но и настроенія въ крестьянствѣ, надежды коего на возвѣщенный въ ноябрѣ «новый курсъ совѣтской власти въ деревнѣ» быстро поблекли.

Причину неудачи курса «нормальнаго строительства въ деревнѣ» и не-

---

*) 7-го апрѣля генералъ Дьяковъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и былъ эвакуированъ въ Ростовъ.

довольства въ крестьянствѣ, совѣтскій официозъ видѣлъ въ «безчинствахъ совѣтскихъ войскъ, въ тяжести поборовъ и разверстокъ» и въ «самодурствѣ опьяненныхъ властью своихъ большевистскихъ помпадуровъ»...

Причина, конечно, была еще глубже и заключалась въ несоотвѣтствіи марксистской доктрины чаяніямъ и природѣ крестьянства.

Совѣтская статистика, въ февралѣ мартѣ и апрѣлѣ давала соотвѣтственныя цифры дезертирства съ Южнаго фронта въ 15, 21 и 23 процента.

Что же касается возстаній въ тылу фронта, то первыми возстали, уже въ концѣ февраля, казаки Верхне-Донского округа, выставившіе противъ красныхъ 25.000 бойцовъ (правда, плохо вооруженныхъ и безъ достаточнаго команднаго состава).

Возстаніе это вызвало большую оттяжку силъ съ фронтовъ 8-й и 9-й совѣтскихъ армій, однако, подавить его не удалось, причемъ были случаи перехода красныхъ частей къ возставшимъ (Сердобскій совѣтскій крестьянскій полкъ).

Волновались и крестьяне на Украинѣ.

Настроенія послѣднихъ передавались въ Красную армію. Замитинговала въ раіонѣ Волновахи (XIV) Украинская совѣтская армія, гдѣ начались и внутреннія столкновенія составлявшихъ ее частей. Нѣсколько позднѣе броженіе охватило XIII армію Кожевникова, состоявшую въ большинствѣ изъ крестьянъ. Дольше держалась въ Луганскомъ раіонѣ 8-ая армія, въ составѣ которой имѣлась болѣе сильная пролетарская рабочая прослойка, но къ началу апрѣля митинги коснулись и этой арміи.

Рейды по краснымъ тыламъ конницы генерала Шкуро, съ 17 марта по 20 апрѣля, отъ Горлова до Азовскаго моря (тылы XIII-й и XIV-й совѣтскихъ армій), и въ апрѣлѣ ударъ коннаго корпуса Донцовъ генерала Калинина по тыламъ Луганскаго раіона (VIII-я совѣтская армія) ускорили и углубили разложеніе красныхъ войскъ.

Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ въ составѣ одной конной и одной пѣшей сотенъ (1-я конная сотня была въ резервѣ дивизіи), прикрывая «Ровеньки» и «Колпаково» и занимая правофланговый участокъ, почти ежедневно участвовалъ въ бояхъ.

8-го апрѣля Л. Гв. Казачій полкъ прибылъ въ хуторъ Медвѣженскій и выставилъ сторожевое охраненіе. Противникъ держался пассивно. Въ 8 часовъ вечера прибылъ Командующій Донской Арміей генералъ Сидоринъ. Для встрѣчи полкъ выстроился вдоль дороги. Поздоровавшись съ полкомъ, и поблагодаривъ за отличную службу, генералъ Сидоринъ обратился къ полкамъ Гвардейской бригады съ рѣчью. Ген. Абрамовъ въ своихъ комментаріяхъ говоритъ: «...Генералъ Сидоринъ держалъ рѣчь вообще съ благодарностью за вѣрность службы, а въ 1-ой бригадѣ — за безпримѣрную вѣрность долгу, въ періодъ отступленія дрогнувшихъ частей: «Вы своей храбростью и побѣдой остановили врага, отбросили его и тѣмъ дали возможность

организоваться и подойти подкрѣпленіямъ». Раздавалъ кресты и утвердилъ всѣ представленія къ нимъ»... (Справка: выдержки изъ зап. книжки генерала Абрамова, стр. VII).

11-го апрѣля, согласно приказа Начальника дивизіи, полкъ перешелъ на ст. Ровеньки, гдѣ смѣнилъ 3-й Калмыцкій полкъ. Въ сторону противника, обстрѣливавшаго станцію рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ, были высланы разъѣзды. Лейбъ-Казаки заняли боевую позицію на участкѣ свыше 6 верстъ. Штабъ полка и резервная сотня расположились въ имѣніи Максимовка, въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ д. Картушина.

Въ это время заболѣли и были эвакуированы въ Ростовъ командиръ полка полковникъ Фарафоновъ и полковникъ Поздѣевъ. Въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Оприцъ. Прибыли въ полкъ выздоровѣвшіе подъесаулъ Грековъ, сотникъ Ротовъ и хорунжій Иловайскій.

13-го противникъ пытался сбить право-фланговую заставу Лейбъ-Казаковъ, но былъ отбитъ ружейнымъ огнемъ. Во время перестрѣлки былъ раненъ одинъ казакъ. Ночь прошла спокойно. Но на слѣдующій день противникъ снова перешелъ въ наступленіе на участкѣ Л. Гв. Казачьяго полка.

На крайнемъ правомъ флангѣ, противъ хутора Мечетинскаго, стояла застава подъесаула Агафонова, лѣвѣе — застава сотника Ротова, занимавшая большой холмъ, господствующій надъ всей мѣстностью; далѣе влѣво и нѣсколько назадъ, въ Максимовомъ дворѣ, — штабъ полка съ сотней резерва, игравшій роль и главной заставы, и, наконецъ, въ верстѣ влѣво — застава сотника Чекунова II.

Позиція у поселка Максимовъ дворъ, раположеннаго на совершенно открытой мѣстности, съ хорошимъ обстрѣломъ ,закрывала путь наиболѣе вѣроятнаго наступленія противника — дорогу на ст. Ровеньки, гдѣ находился штабъ 1-й Донской Конной дивизіи.

Красные два раза пытались наступать на заставу подъесаула Агафонова, но были отбиты пулеметнымъ огнемъ. Къ вечеру красные обрушились на заставу сотника Чекунова II, положеніе котораго стало серьезнымъ. Высланы были поддержки изъ резерва, перестрѣлка приняла горячій характеръ и противникъ былъ отброшенъ.

16-го апрѣля, съ ранняго утра, красные открыли артиллерійскій огонь, засыпая заставы шрапнелями и гранатами. Въ 2 часа дня противникъ повелъ наступленіе на заставы, но снова былъ отбитъ. Къ вечеру развѣдка донесла, что красные подтягиваютъ значительныя силы.

Одновременно пришло сообщеніе командира 4-го полка, занимавшаго участокъ у жел. дор. лѣвѣе Лейбъ Казаковъ, объ отходѣ всѣхъ его заставъ подъ натискомъ противника, съ предупрежденіемъ, что ранѣе утра и подхода резервовъ онъ возстановить положеніе не можетъ.

Въ первомъ часу ночи поднялась сильная перестрѣлка на заставѣ сотника Чекунова, а затѣмъ — есаула Болдырева (смѣнившаго вечеромъ сотника Ротова). Скоро выяснилось, что обѣ заставы отошли въ темнотѣ, безъ дороги, и связь съ ними временно утерялась.

На мѣстѣ остался штабъ полка съ пѣшей сотней при двухъ пулеметахъ, засвѣтло еще наведенныхъ на подступы къ Максимову двору, и на правомъ

флангѣ, въ 3-хъ верстахъ, подавшаяся на ½ версты назадъ — застава подъесаула Агафонова.

Противникъ, сбившій заставу есаула Болдырева, открылъ огонь по Максимову двору, но благодаря полной темнотѣ огонь былъ недѣйствителенъ.

Для возстановленія положенія пѣшая сотня подъесаула А. Грекова и конная полусотня подъес. Агафонова, въ 3 часа ночи, направлены на крайній правый флангъ съ приказаніемъ, пользуясь темнотой и балками у хутора Мечетинскаго, выйти во флангъ и тылъ противнику.

Фронтъ изображали: 4 пулемета и команда ординарцевъ командира полка у Максимова двора, и правѣе ,въ 1½ верстахъ, 2 орудія, приданныя полку, выдвинутыя впередъ и поставленныя открыто на позицію. При орудіяхъ — конный полувзводъ Лейбъ-Казаковъ и команда въ 30 человѣкъ, составленная изъ плѣнныхъ красноармейцевъ.

На разсвѣтѣ сотня подъесаула А. Грекова, удачно обойдя лѣвый флангъ противника наткнулась на значительныя силы красныхъ, окопавшихся у хутора Мечетнаго. Открывъ неожиданно для красныхъ ружейный огонь, полусотня бросилась въ атаку, выбила ихъ изъ окоповъ и обратила въ паническое бѣгство. Конная полусотня 6-й сотни, подъ начальствомъ подъес. Агафонова, развернула лаву и кинулась преслѣдовать бѣгущую пѣхоту. Преслѣдованіе и рубка продолжались на протяженіи 3-хъ верстъ. Къ семи часамъ утра красные начали общій отходъ, и черезъ часъ положеніе было возстановлено на всемъ участкѣ полка.

За этотъ бой, проведенный почти безъ потерь, полкъ получилъ «за стойкость и упорство» благодарность генерала Абрамова.

Къ вечеру развѣдчики начали доносить объ отходѣ значительныхъ силъ красныхъ на сѣверо-западъ.

17-го апрѣля пѣшая сотня, вмѣстѣ съ Атаманцами и 4-мъ полкомъ, участвовала въ наступленіи на ст. Щетово, которая и была занята.

18-го апрѣля 1-й сотнѣ было приказано произвести боевую развѣдку хуторовъ Мечетнаго, Шляхтина и Власова. Выбивъ оттуда противника, сотня заняла вышеуказанные хутора и выслала разъѣзды на с. Ребриково. Въ то же время, 3-я сотня заняла с. Картушино. Въ 3 часа дня обѣ сотни овладѣли сел. Ребриковымъ, на слѣдующій день 6-я сотня съ боемъ заняла с.Орѣхово, куда и сосредоточился весь полкъ.

Собственно, послѣдній серьезный бой въ этомъ раіонѣ былъ ночной бой у господскаго двора Максимовка, въ остальныхъ же бояхъ красные не принимали удара. Такъ, 18-го апрѣля для преслѣдованія красныхъ, выбитыхъ изъ хуторовъ Мечетнаго, Власова и Шляхтина и отходившихъ массой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ на Ребриково, былъ снаряженъ изъ всѣхъ свободныхъ конныхъ казаковъ, включая до ординарцевъ командира полка, разъѣздъ, силою во взводъ, подъ командою командира 1-й сотни войск. старш. Краснова. Разъѣзду было придану 1 орудіе, изъ двухъ, бывшихъ при Лейбъ-Казачьемъ полку. Разъѣздъ прошелъ верстъ 6, пока догналъ уже свернувшихся въ густую колонну красныхъ.

Подъѣхавъ на версту, разъѣздъ снялъ съ передка орудіе, и десяткомъ мѣткихъ выстрѣловъ распылилъ всю охваченную паникой колонну.

Держались еще относительно крѣпко красныя войска въ раіонѣ Луганска. Къ описанію участія въ дѣйствіяхъ противъ нихъ Лейбъ-Казачьяго полка вернемся въ слѣдующей главѣ.

Здѣсь же отмѣтимъ лишь, что занятіемъ с. Орѣхово и кончаются, собственно, боевыя дѣйствія Лейбъ-Казаковъ въ Каменноугольномъ раіонѣ.

1-я дивизія, несмотря на исключительно тяжелую обстановку боевъ въ Мартѣ и первой половинѣ апрѣля, кои каждодневно вела со значительно превосходящимъ въ численности противникомъ, отстояла полностью порученный ей растянутый раіонъ, обезпечила какъ правый флангъ Добровольческой Арміи, такъ и свободу дѣйствій конной группы генерала Коновалова у Луганска и нанесла противнику тяжелыя, подорвавшія его моральныя силы потери. Кромѣ того, 1-я дивизія освободила для переброски на Манычъ крупный конный корпусъ генерала Покровскаго.

Результатъ этотъ былъ достигнутъ большими жертвами.

Немалыя потери понесъ и Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ.

Эти потери требовали пополненія.

Къ сожалѣнію, полкъ не получалъ въ значительной части обратно своихъ выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ казаковъ, ибо они часто попадали въ станичные полки, гдѣ служба шла легче и гдѣ служили рядомъ съ родственниками.

Приказы Атамана, запрещающіе станичнымъ полкамъ задерживать въ своихъ рядахъ казаковъ призывныхъ, по постоянной Донской Арміи, годовъ, не исполнялись, такъ какъ трудно было провѣрить выполненіе, при тенденціи мѣстныхъ начальствъ задержать при своей части хорошо обученнаго и дисциплинированнаго казака.

Единственнымъ подспорьемъ въ борьбѣ съ этой своеобразной «утечкою» казаковъ служилъ лазаретъ полка въ г. Ростовѣ, гдѣ раненый или заболѣвшій казакъ проходилъ курсъ лѣченія, не выбывая изъ состава полка.

Лазаретъ этотъ былъ, съ разрѣшенія Донского Атамана, энергичной работой войск. старш. Кононова сформированъ и размѣщенъ въ двухъ зданіяхъ казармъ бывшаго Таганрогскаго полка.

Штатъ лазарета былъ слѣдующій:

3 врача, 2 фельдшера, 6 сестеръ милосердія, комендантъ, завѣдывающій хозяйствомъ и 12 санитаровъ (изъ взятыхъ полкомъ въ плѣнъ красноармейцевъ).

Лазаретъ дѣлился на два отдѣленія: раненыхъ и сыпнотифозныхъ, и былъ разсчитанъ на 150 кроватей.

Въ нижнемъ этажѣ перваго зданія было отведено нѣсколько комнатъ для больныхъ и раненыхъ офицеровъ, тамъ же была комната для офице-

ровъ, прiѣзжавшихъ въ командировку съ фронта. Лазаретъ былъ оборудованъ не богато, но имѣлъ все самое необходимое. Сложныхъ операцiй въ лазаретѣ не дѣлали, а въ такихъ случаяхъ больныхъ отправляли въ Ростовскiй Военный госпиталь, гдѣ работали видные профессора. Послѣднiе въ случаяхъ надобности вызывались въ полковой лазаретъ для консультацiи.

Особенно часто бывалъ въ полковомъ лазаретѣ профессоръ Агаджаньянъ, несмотря на свою перегруженность работой, никогда не отказывавшiй въ прiѣздѣ.

При этомъ профессоръ Агаджаньянъ неизмѣнно отказывался отъ какого бы то ни было гонорара, говоря, что онъ, изъ принципа, считаетъ своимъ долгомъ пользовать раненыхъ на фронтѣ безплатно.

Довольствiе, какъ офицеровъ, такъ и казаковъ, было налажено хорошо.

Лазаретъ имѣлъ громадное нравственное значенiе: попадая въ свой лазаретъ, казаки не теряли связи съ полкомъ и не теряли Лейбъ-Казачьяго облика, оставаясь подъ надзоромъ и влiянiемъ своихъ, поддерживавшихъ въ нихъ дисциплину и духъ полка, офицеровъ.

Казаки случайно побывавшiе въ другихъ лазаретахъ, попадая въ свой лазаретъ, всѣ заявляли, что въ чужихъ лазаретахъ имъ было плохо. Въ то время большинство лазаретовъ помѣщалось въ реквизированныхъ частныхъ зданiяхъ, было не оборудовано, и при наплывѣ эвакуированныхъ раненые и больные лежали на полу, на соломѣ, безъ должнаго ухода, вслѣдствiе малочисленнаго медицинскаго персонала. Въ полковомъ же лазаретѣ они были въ теплѣ, каждый имѣлъ отдѣльную кровать и, помимо хорошаго ухода, чувствовалъ и заботу о себѣ.

Такъ какъ полкъ изъ боевъ не выходилъ, то оба отдѣленiя лазарета были полны ранеными и сыпнотифозными офицерами и казаками, которые, кромѣ лѣченiя, находили здѣсь и нравственный отдыхъ послѣ всѣхъ волненiй и лишенiй фронтовой жизни. Офицеры жили очень дружно — поддерживалась живая связь съ полкомъ, каждый вновь прибывшiй раненый и больной разсказывалъ о боевой жизни полка, каждый выздоровѣвшiй — о жизни офицеровъ въ лазаретѣ. Иногда во время обѣда игралъ струнный оркестръ подъ управленiемъ капельмейстера Плацатко.

Сестрами милосердiя были — старшей сестрою Марiя Владимiровна Шамина, младшей — Мар. Ал. Калута, и волонтерками (т. е. сестрами безъ образовательнаго ценза) — Ал. Гр. Лопато, Мар. Ник. Петрикъ и С. Бергъ.

Въ сыпнотифозномъ отдѣленiи лазарета, гдѣ работа была исключительно тяжелой, сестрами милосердiя были Татьяна Владимiровна Реми и Надежда Александровна Маркова.

Нѣкоторое время служили сестрами Н. Н. Упорникова (выбыла въ мартѣ, заболѣвъ сыпнымъ тифомъ) и О. Ф. Рыковская (выбыла въ апрѣлѣ, заболѣвъ воспаленiемъ печени).

Старшимъ врачемъ лазарета былъ докторъ Петръ Петровичъ Рахтъ. Младшимъ врачемъ — Михаилъ Михайловичъ Пейкорьянецъ.

Полковой старшій врачъ, ст. сов. Валентинъ Никаноровичъ Евфановъ, преимущественно находился на фронтѣ; однако, за нимъ сохранялось общее наблюденіе за госпиталемъ, въ смыслѣ санитарно-хозяйственномъ.

Валентинъ Никаноровичъ продѣлалъ съ полкомъ всю Великую войну, не хотѣлъ отставать отъ полка и теперь и потому работалъ обычно на передовомъ перевязочномъ пунктѣ.

Подчеркнемъ здѣсь, что въ условіяхъ гражданской войны, прерывчатости и крайней подвижности участковъ фронта, работа врача на передовомъ перевязочномъ пунктѣ требовала большого самоотверженія.

За періодъ боевъ въ Каменноугольномъ раіонѣ, съ 14 марта по 18-ое апрѣля, полкъ понесъ нижеслѣдующія потери:

дата	мѣста боевъ	офицеры			казаки			лошади		
		уб.	ран.	сыпн. тифъ	уб.	ран.	сыпн. тифъ	уб.	ран.	чесотка подбившіеся
мартъ										
13 и 14	Орѣхово.				1	3			3	
15-17	Орѣхово-Кругликъ				2	[illegible]		1	5	
18	Булахово				1	10		2	8	
19	Ушаковка-Н. Павловка				1	5		2	9	
20	Бѣлое-Иллирія		3		10	40		1	6	
23	Успенка		3		6	20		7	7	
25	Орѣхово-Кругликъ		2		1	14		6	17	
28	Кругликъ	1			9	20		3	10	
апрѣль										
13	Максимовъ дворъ					5		1		
16, 17, 18	Щетово-Ребриково					9			5	
ИТОГО съ 13-го марта по 18-ое апрѣля		1	8	8	31	132	204	23	70	87

Таблица боевыхъ составовъ полка въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1919 года.

	18 февраля	15 марта	10 апрѣля		
1-ая конная сотня	110	100	Сводная конная	110	За разсматриваемый періодъ прибыло всего одно пополненіе 25-го марта въ 100 казаковъ и 30 лош.
6-ая конная »	110	100			
3-яя конная »	110	100	3-яя конная	80	
2-ая пѣшая »	120	130			
4-ая пѣшая »	120	упразднена	Сводная пѣшая	120	
5-ая пѣшая »	120	130			
Пулеметная к-да	90	70	Пулеметная к-да	30	
Ком. связи	20	15	Команда связи	10	
ИТОГО	800	645		350	

ГЛАВА X.

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНІЕ ДОНСКОЙ АРМІИ ВЪ АПРѢЛѢ 1919 Г.

Бои подъ Луганскомъ. — Атака 4 мая. — Участіе полка въ общемъ наступленіи Донской Арміи. — Взятіе Грачинскихъ хуторовъ, Митякинской станицы, Роговского, Городище, города Бѣловодска и Марковки. — Укомплектованіе полка въ Великоцкомъ. — Пріѣздъ на фронтъ и смотръ генерала Деникина. — Московская директива и отношеніе къ ней казачества.

Офиціальное сообщеніе Штаба Кавказской Арміи отъ 20-го апрѣля говорило: «...19-го апрѣля, прервавъ желѣзнодорожную линію Дебальцево-Кодамовъ, доблестные Кубанцы и Терцы, послѣ ряда кровопролитныхъ боевъ, заняли хуторъ Тавричаный, станцію Петровеньки, станцію Штеровку и гнали противника по направленію на Радаково до Иллиріи»... То было движеніе мощнаго корпуса генерала Шкуро по тыламъ VIII-ой совѣтской арміи.

21-го, въ раіонѣ Луганска, также по тыламъ той же VIII-о йарміи, далъ толчекъ Донской корпусъ генерала Калинина.

Потрясенная этими ударами VIII-ая совѣтская армія подалась на сѣверъ, очистивъ Луганскъ.

Лейбъ-Казаки, въ составѣ 1-й Донской дивизіи, наступали въ промежуткѣ между корпусомъ Шкуро и 2-й Донской дивизіей, въ общемъ направленіи Радаково — Луганскъ. Противникъ быстро отходилъ, и 1-я Донская дивизія двигалась, почти не встрѣчая сопротивленія, забирая плѣнныхъ и подбирая застрявшія повозки (главнымъ образомъ съ патронами и снарядами).

24-го, Лейбъ-Казаки прошли Луганскъ и остановились къ 5 верстахъ къ сѣверу, въ дер. Б. Вергунки.

27-го, Лейбъ-Казаки смѣнили вправо части 2-й Донской дивизіи занявъ линію сторожевого охраненія отъ села Красный Яръ до жел.-дор. моста черезъ Донецъ.

Заставы стали на мѣста съ боемъ, отбросивъ противника болѣе, нежели на версту.

29-го апрѣля конныя сотни Лейбъ-Казаковъ, Атаманцевъ и сводная сотня Калмыцкаго полка, подъ общей командой командира Л. Гв. Атаманскаго полка полковника Матвѣева, были временно переданы въ подчиненіе нач. 2-ой Донской дивизіи ген. Коновалову и, переходами черезъ Анновку, Да-

видовку и хуторъ Орловъ, 2-го мая прибыли въ Георгіевку, гдѣ поставлены бивакомъ въ балкѣ, что въ 3-хъ верстахъ отъ указанной деревни.

...«Потеря Луганска тяжелый и жестокій ударъ по совѣтской власти», писалъ предсѣдатель Реввоенсовѣта Ленинъ главковерху Вацетису и категорически приказалъ возстановить положеніе. (Справка: Егоровъ, «Разгромъ Деникина», стр. 92).

Несмотря на митинги въ своихъ частяхъ и крестьянскія возстанія въ тылу, красное командованіе даетъ крайнее напряженіе и 2-го мая дѣлаетъ отчаянную попытку перехода въ наступленіе своими XIV, XIII и усиленной новыми частями и пополненіями VIII-й арміями.

Въ ночь со 2-го на 3-е мая VIII-ая совѣтская армія вновь овладѣваетъ Луганскомъ безъ, впрочемъ, большого сопротивленія со стороны генерала Коновалова.

Конныя сотни 1-ой Донской дивизіи находились въ резервѣ послѣдняго и въ бой не вводились. По справкѣ въ штабѣ генерала Коновалова выяснилось, что штабъ рисуетъ обстановку благопріятно: красные находятся въ состояніи разложенія и, по мнѣнію генерала Коновалова, достаточно легкаго удара, дабы взять Луганскъ обратно...

Поздно ночью конныя сотни Гвардейской казачьей бригады получаютъ приказаніе до разсвѣта перейти къ буграмъ, что южнѣе Голубевки, и стать въ промежуткѣ между участкомъ Гундоровскаго полка и 2-й Донской дивизіи. На 4-е мая назначается общая атака города Луганска. Коннымъ сотнямъ Гв. Каз. бригады приказано, съ разсвѣтомъ, внезапно для противника, при поддержкѣ огня бронепоѣзда, въ конномъ строю, атаковать позицію красныхъ. Атака должна быть поддержана слѣва Гундоровцами, а справа частями 2-й Донской дивизіи. Позиція противника предполагалась въ верстѣ отъ исходнаго мѣста атаки.

По полученіи изложеннаго выше приказанія, сотни посѣдлали и въ ночной темнотѣ двинулись на указанное мѣсто.

Пока дошли — начало разсвѣтать.

Съ прибытіемъ конницы зашевелились Гундоровцы, торопясь занять исходное для наступленія положеніе. Командующій Гундоровскимъ полкомъ (въ то время сведеннымъ въ батальонъ), говорилъ, что части генерала Коновалова измотаны, и онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность наступленія, но, видя прибытіе на мѣсто Гв. Каз. бригады, горячо поддержитъ атаку. О противникѣ отозвался неопредѣленно, указавъ лишь, что позиція его отстоитъ не то въ полутора, не то въ двухъ верстахъ...

Гдѣ-то вдали послышался стукъ маневрировавшаго нашего бронепоѣзда, и вскорѣ заговорили его орудія. Куда стрѣлялъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ нашъ бронепоѣздъ, не знали ни Лейбъ-Казаки, ни, вѣроятно, самъ бронепоѣздъ, во всякомъ случаѣ стрѣлялъ онъ не по цѣлямъ атаки. Связи съ бронепоѣздомъ не было.

Быстро разсвѣтало и откладывать далѣе атаку, успѣхъ коей былъ основанъ на внезапности ,не представлялось возможнымъ. Конныя сотни бри-

гады, подъ командой назначеннаго полковникомъ Матвѣевымъ полковника Хрипунова, двинулись рысью впередъ.

Вправо шли Атаманцы, влѣво — Лейбъ-Казачья третья сотня ес. Дубенцева и между ними, на уступѣ назадъ, въ поддержкѣ — 6-ая сотня Лейбъ-Казаковъ подъесаула Агафонова.

1-ая сотня войск. старш. Краснова была оставлена полковникомъ Матвѣевымъ при себѣ, въ исходномъ пунктѣ атаки.

Съ началомъ движенія вышедшій изъ туннеля красный бронепоѣздъ сталъ посылать тяжелые 6-дюймовые снаряды.

До позиціи противника оказалось не двѣ, а около пяти верстъ: пока сотни дошли, совершенно разсвѣло, и къ огню бронепоѣзда присоединился огонь полевыхъ пушекъ и пулеметовъ красныхъ.

Позиція противника состояла какъ бы изъ трехъ группъ холмовъ, изъ коихъ крайніе раздѣлялись слабо занятымъ полутораверстнымъ промежуткомъ. За промежуткомъ, отступя назадъ, находилась главная группа холмовъ, занятая, какъ потомъ выяснилось, только что прибывшей изъ Москвы пролетарской бригадой.

Атака пришлась противъ промежутка, и третья сотня двигалась подъ фланговымъ огнемъ лѣвой группы. Шедшая правѣе Атаманская сотня попала подъ близкій фланговый огонь правой группы и, понеся потери, отошла на свою поддержку, въ поросшую лѣсомъ балку, гдѣ и задержалась.

Тѣмъ не менѣе, 3-я сотня есаула Дубенцева и усилившая ее справа, подъ командой есаула Агафонова, 6-я сотня дошли до бросившихъ пулеметы цѣпей красныхъ. Взводъ 3-ей сотни, подъ командой хорунжаго Полякова, дошелъ до батареи противника, прислуга коей уже оставляла орудія и была изрублена; 6-я сотня есаула Агафонова прошла окопъ противника, изрубивъ занимавшихъ его красныхъ и взявъ нѣсколько пулеметовъ.

Казалось, лихая атака увѣнчалась успѣхомъ.

Однако, былъ атакованъ и прорванъ лишь относительно небольшой участокъ позиціи противника.

Лейбъ-Казаки были одиноки: вторая дивизія не двинулась съ мѣста, доблестный Гундоровскій пѣшій батальонъ далеко отсталъ, хотя добросовѣстно, почти бѣгомъ, двигался на поддержку.

Противникъ, видя малочисленность атакующихъ, быстро оправился и, открывъ сильный огонь съ оставшихся въ сторонѣ и позади холмовъ, пытался замкнуть прорванный атакой участокъ своей позиціи.

1-я сотня есаула Краснова, выдвинутая изъ резерва, могла только обезпечить свободный выходъ обратно прорвавшихся сотенъ и вывозъ ихъ убитыхъ и раненыхъ.

Помогла и доблестная батарея Гундоровцевъ, самоотверженно, рысью, опередившая свою пѣхоту, снявшаяся открыто съ передковъ и пытавшаяся бѣглымъ огнемъ сбить ожившіе на холмахъ пулеметы противника.

Сотни Лейбъ-Казаковъ вернулись обратно, понеся при отходѣ потери: въ одной только третьей сотнѣ выбыло ранеными — командиръ сотни есаулъ Дубенцевъ и 19 казаковъ и 24 лошади, убитыми 6 казаковъ и 14 лошадей.

Конецъ атаки видѣла делегація иностранной миссіи, объѣзжавшая фронтъ.

Раненый командиръ сотни есаулъ Дубенцевъ былъ приглашенъ въ поѣздъ миссіи, въ коемъ и доѣхалъ до Ростова. Въ дорогѣ одинъ изъ иностранныхъ офицеровъ выразилъ свое восхищеніе стремительностью и стройностью видѣнной имъ атаки, однако, подчеркивалъ несоотвѣтствіе силъ атакующихъ съ силами противника, притомъ въ условіяхъ совершенно открытой мѣстности.

6-го мая конныя сотни снова были вызваны на участокъ Гундоровскаго полка, ибо противникъ пытался наступать. Красные были отбиты огнемъ, и конныя сотни, въ 12 часовъ дня, отведены на отдыхъ въ Георгіевку.

7-го мая противникъ велъ частичное наступленіе, быстро ликвидированное безъ участія конныхъ сотенъ.

8-го мая противникъ перешелъ въ общее наступленіе по всему фронту 2-й и 7-й Донскихъ дивизій. Конныя сотни Гв. Казачьей бригады были двинуты на участокъ Гундоровскаго полка, въ 5 верстахъ къ сѣверу отъ Успенскаго. Подпустивъ пѣхоту противника на 200 шаговъ, Гундоровцы, въ пѣшемъ строю, Лейбъ-Казаки и калмыки — въ конномъ, стремительно бросились въ контръ-атаку. Красные дрогнули и побѣжали. Къ сожалѣнію, справа отошла 2-я Донская дивизія, и вырвавшіеся далеко впередъ Гундоровцы и Лейбъ-Казаки были вынуждены отходить подъ сильнымъ фланговымъ огнемъ противника.

9-го мая конныя сотни Гв. Каз. бригады двинулись на присоединеніе къ своей 1-й Донской дивизіи, занимавшей линію Донца отъ Давыдовки до Макарова Яра.

Къ серединѣ мая боевой составъ полка снизился до 200 штыковъ и шашекъ.

Полковой лазаретъ въ Ростовѣ былъ переполненъ ранеными и сыпнотифозными офицерами и казаками полка. Для разгрузки лазарета всѣ, еще не вполнѣ оправившіеся отъ раненій и тифа, но уже не нуждавшіеся въ леченіи, были переведены въ особую полковую команду, образованную наряду съ другими полками 1-ой дивизіи на Персіановкѣ.

Туда же прибывали на пополненіе молодые казаки призыва 1921 года. Такъ какъ они не получили никакой воинской подготовки, то здѣсь обучалисьвъ ускоренномъ порядкѣ военному дѣлу.

Общимъ руководствомъ и наблюденіемъ за Персіановскими командами вѣдалъ генералъ Т. В. Михайловъ, прежній командиръ Гв. Каз. бригады. Инструкторскій составъ состоялъ изъ командированныхъ полками дивизіи офицеровъ (преимущественно изъ числа поправлявшихся отъ раненій).

На Персіановку былъ переведенъ и ветеринарный лазаретъ полка, включавшій всѣхъ раненыхъ и больныхъ лошадей.

Наличіе тыловыхъ командъ, частая смѣна, за раненіями и заболѣваніями тифомъ, командировъ сотенъ и вахмистровъ; сведеніе сотенъ въ сводныя; неудовлетворительная работа находившейся вмѣстѣ съ нестроевой командой въ Ростовѣ строевой канцеляріи полка — сильно запутали числовыя

данныя: списочный составъ полка рѣзко разошелся съ наличнымъ составомъ.

Ввиду необходимости спѣшно разобраться въ числовыхъ данныхъ, какъ для разсчетовъ съ казной, такъ и для срочнаго составленія акта о сдачѣ и пріемѣ полка (ген. Дьяковымъ — ген. Фарафонову), предсѣдатель пріемной комиссіи и временно командующій полкомъ полковникъ Оприцъ выѣхалъ 5-го мая въ Ростовъ.

Командованіе оставшимися на фронтѣ частями было имъ передано вызванному изъ Ростова войск. старш. Кононову, сдавшему завѣдываніе хозяйствомъ еще не оправившемуся отъ раненія войск. старш. Номикосову.

Прибывшій на фронтъ 3-го мая войск. старш. Кононовъ 14-го мая заболѣлъ тифомъ и эвакуировался, будучи съ того же числа замѣненъ на фронтѣ прибывшимъ по выздоровленію полковникомъ Поздѣевымъ.

Къ этому времени боевой составъ полка свелся: къ одной сводной пѣшей сотнѣ въ 120 штыковъ, къ кадрамъ трехъ конныхъ сотенъ, общей численностью въ 80 шашекъ, и къ пулеметной командѣ въ 4 пулемета.

Сводной пѣшей сотней командовалъ сотникъ Гр. Чекуновъ 2-ой, имѣя младшими офицерами хор. Иловайскаго и хор. Скалозубова.

Кадромъ 1-ой конной командовалъ подъесаулъ Агафоновъ, имѣя младшимъ офицеромъ сотника Ротова (послѣдній заболѣлъ тифомъ и былъ эвакуированъ 17-го мая).

Кадромъ 3-ей конной командовалъ подъесаулъ Авиловъ, а 6-ой конной — сотникъ Сергѣй Чекуновъ 1-й.

Пулеметной командой командовалъ есаулъ Александръ Болдыревъ, при младшемъ офицерѣ сотникѣ Какуринѣ.

Полкового адъютанта на фронтѣ замѣщалъ подъесаулъ П. Кутейниковъ.

Кадры конныхъ сотенъ, собственно, представляли собою взводы, но такъ какъ они пользовались относительной самостоятельностью, то, для удобства дальнѣйшаго изложенія, будемъ ихъ условно именовать сотнями.

Здѣсь мы нѣсколько остановимся на краткомъ обзорѣ общей обстановки, ибо именно къ этому времени произошло рѣзкое ея измѣненіе ,отразившееся на послѣдующихъ дѣйствіяхъ частей Донской Арміи.

Усиліе, произведенное VIII-й, XIII-й и XIV-й совѣтскими арміями въ первыхъ числахъ мая, притомъ не увѣнчанное успѣхомъ, ускорило разложеніе этихъ армій (о началѣ и общихъ причинахъ коего уже говорилось въ прошлой главѣ).

Не лучше обстояло дѣло и на фронтахъ IX-й и X-й армій.

X-я совѣтская армія еще въ концѣ апрѣля занимала исключительно выгодное, выдвинутое въ нашъ глубокій тылъ положеніе, и подходила къ Ростову. Однако, въ періодъ съ 27 апрѣля по 7-е мая, новая армія генерала Вран-

геля ,усиленная мощнымъ коннымъ корпусомъ генерала Покровскаго *), при поддержкѣ слѣва Донцовъ генерала Савельева, а справа коннаго кубанскаго корпуса генерала Улагая, на голову разбила X-ю совѣтскую армію, взявъ 15.000 плѣнныхъ, 55 орудій и 150 пулеметовъ и прогнавъ остатки ея на Царицынъ.

Что касается IX-й совѣтской арміи, то ея положеніе съ марта, когда возстали въ ея тылу казаки Верхне-Донского округа, сильно затруднилось **). Возстаніе ширилось, несмотря на командировку на подавленіе крупныхъ силъ изъ центра и на выдѣленіе съ той же цѣлью двухъ дивизій изъ состава VIII-й и IX-й совѣтскихъ армій. Возстаніе это было поддержано и крестьянами, причемъ помимо широкаго участія мѣстныхъ крестьянъ, былъ случай перехода цѣлой совѣтской части (Сердобскій полкъ), какъ и случаи присоединенія крестьянскихъ отрядовъ сосѣдней Воронежской губерніи (слобода Березняги прислала отрядъ въ 800 штыковъ при 8 пулеметахъ).

1-го мая въ раіонѣ станицы Калитвенской переправилась черезъ Донъ Донская конная группа генерала Секретева, силою въ три казачьихъ свѣжепополненныхъ дивизіи, прорѣзала фронтъ IX-й арміи и двинулась въ раіонъ возставшихъ.

Прорывъ генерала Секретева получилъ рѣшающее значеніе для всего Южнаго фронта, и совѣтская «Исторія Гражданской войны» *) отмѣчаетъ: «...Окончательно надломилъ силы Южнаго фронта прорывъ центра IX-й арміи 11-го мая на стыкѣ 23-й и 16-й дивизій. Бѣлые 16-го мая дошли до Миллерова, углубившись въ тылъ красныхъ на 75 километровъ, окончательно разрѣзали IXю армію на двѣ части: находившаяся на правомъ флангѣ арміи 16-я дивизія отходила на сѣв.-зап., въ раіонъ станицы Митякинской, въ расположеніе VIII-й арміи, а другія двѣ дивизіи, 23-я и 14-я, отходили въ общемъ направленіи на сѣв.-востокъ, огибая раіонъ возстанія съ востока»...

Учтя обстановку, Донское командованіе 15-20 мая переходитъ въ рѣшительное наступленіе по всему фронту, въ слѣдующемъ порядкѣ:

I-й Донской корпусъ наступаетъ по Дону на Чиръ, Усть-Медвѣдицкую станицу и Арчеду.

II-й Донской корпусъ — на Усть-Хоперскую и далѣе на Поворино и Балашевъ.

---

*) Смѣненнаго въ Каменноугольномъ раіонѣ 1-й Донской дивизіей.

**) Къ концу апрѣля, говоритъ совѣтскій главкомъ Егоровъ, силы возставшихъ доходили до 30.000 при 27 пулеметахъ и 6 орудіяхъ, причемъ дѣятельность не ограничивалась раіономъ, очерченнымъ въ схемѣ: повстанцы выходили на сообщенія арміи, грабя обозы и нарушая жел. дор. сообщенія и управленіе арміей. (Справка: «Разгромъ Деникина», стр. 87 и 88).

*) «Исторія Гражданской войны 1918-1820 г. г.», стр. 239-240, томъ III.

III-й Донской корпусъ наступаетъ въ Воронежскомъ направленіи, поддерживая связь съ добровольцами по линіи жел.-дор. на Елецъ.

Во исполненіе этой директивы, часть III-го Донского корпуса двинулась вдоль жел. дор. въ Воронежскомъ направленіи. Другая часть III-го корпуса, по взятіи 19-го мая Луганска, двинулась вдоль жел. д. въ Елецкомъ направленіи. Въ промежуткѣ между указанными направленіями наступала группа генерала Абрамова, въ составъ коей входили 1-я Донская дивизія и двигавшаяся на уступъ влѣво 2-я Донская дивизія.

Задача III-го корпуса была нелегкой, ибо, помимо всей VIII-й совѣтской арміи, онъ имѣлъ передъ собою, какъ мы видѣли выше, и часть IX-й (16-я совѣтская дивизія).

Боевой составъ 1-й Донской дивизіи въ бояхъ февраля-марта-апрѣля и начала мая уменьшился до 250 штыковъ, 300 шашекъ, 4 орудій, 20 пулеметовъ; люди и лошади были вымотаны безпрерывными боями, однако, обстановка требовала энергичнаго наступленія, ибо надлежало во что бы то ни стало использовать переломъ въ духѣ войскъ противника и не дать ему оправиться. Въ силу всего вышеизложеннаго, 1-я Донская дивизія съ Лейбъ-Казаками во главѣ, 15-го мая была двинута впередъ.

10-го мая ,согласно приказанію начдива 1 Донской, конныя части Лейбъ-Казачьяго полка выступили изъ с. Политровки и присоединились къ пѣшимъ занимавшимъ участокъ на правомъ берегу Донца, отъ устья рѣки Деркулъ, черезъ селеніе Макаровъ Яръ, Новобожедаровка, до ст. Давыдовка включительно. Штабъ полка и 6-я сотня размѣстились въ х. Ильевскомъ. Противникъ, находившійся на лѣвомъ берегу Донца, въ теченіе 10, 11, 12, 13 и 14 мая обстрѣливалъ части полка орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ раіонѣ Новобожедаровки онъ пытался навести паромъ, но попытка эта была отбита огнемъ.

Въ ночь на 15-ое мая было получено приказаніе начальника 1-й Донской Конной дивизіи коннымъ сотнямъ переправиться на паромѣ у с. Суходолъ черезъ Донецъ, къ 12 час. 15-го мая занять станицу Митякинскую, двигаться далѣе въ сѣв.-зап. направленіи, выйти на жел.-дор. участокъ между ст. Чебатовка и р. Деркулъ и разрушить жел.-дор. полотно.

На разсвѣтѣ 15-го мая конныя сотни Лейбъ-Казаковъ, подъ командой подъесаула Агафонова переправились черезъ Донецъ у Суходола и двинулись впередъ черезъ хуторъ Верхне-Грачинскій-Гундоровскій. Правѣе, хуторъ Нижне-Грачинскій-Гундоровскій долженъ былъ быть занятымъ Гундоровскимъ батальономъ (изъ стариковъ-гундоровцевъ), а еще правѣе должны были находиться (такіе же) Лугано-Митякинскій и Каменскій полки.

Въ 5 верстахъ къ сѣверу отъ указанныхъ хуторовъ расположены хутора Н.-Грачинскій-Митякинскій и В.-Грачинскій-Митякинскій.

Изъ указанныхъ хуторовъ на головную 3-ю сотню подъесаула Агафонова противникъ, силою въ полкъ пѣхоты и конницы, повелъ наступленіе.

За неравенствомъ силъ подъесаулъ Агафоновъ не принялъ боя и отошелъ на хут. В.-Грачинскій-Гундоровскій, гдѣ и ночевалъ.

По даннымъ развѣдки, хутора Грачинскіе-Митякинскіе были заняты 25, 37 и 41 сов. пѣх. полками и 2-мъ револ. казачьимъ.

Кромѣ того, по агентурнымъ даннымъ, гдѣ-то поблизости находились 31, 33, 41 и 43-й сов. пѣх. полки.

16-го мая, въ 3 часа утра, конныя и пѣшія части Лугано-Митякинцевъ и Гундоровцевъ заняли было хутора Грачинскіе-Митякинскіе, но ихъ не удержали и закрѣпились на песчаныхъ буграхъ, что на версту южнѣе, выставивъ здѣсь сторожевое охраненіе.

Въ командованіе конными частями вступилъ прибывшій съ того берега полковникъ Поздѣевъ.

Днемъ къ Лугано-Митякинцамъ перешелъ разъѣздъ казаковъ изъ краснаго рев. каз. полка. Оказались они мобилизованными Верхне-Донцами.

17-го мая, въ 9час. утра, Лугано-Митякинцы и Гундоровцы атаковали Грач.-Митякинскіе хутора, съ цѣлью облегчить движеніе конныхъ Лейбъ-Казачьихъ сотенъ, берегомъ Донца въ станицу Митякинскую. Красные встрѣтили Митякинцевъ и Гундоровцевъ контръ-атакой.

Гундоровскій батальонъ, атакованный конницей противника, началъ безпорядочно отходить. Полковникъ Поздѣевъ бросилъ 1-ю сотню въ атаку съ фронта, а остальными двумя ударилъ красную конницу во флангъ и тылъ. Ободренные Гундоровцы остановились, и красные были отброшены въ исходное положеніе.

Ночью на 18-ое мая осторожевое охраненіе занимала сотня подъесаула Агафонова. Остальныя сотни находились на попасѣ за хуторомъ.

Утромъ въ сторожевомъ охраненіи завязалась перестрѣлка.

Полковникъ Поздѣевъ съ адъютантомъ подъесауломъ Кутейниковымъ выѣхалъ на выстрѣлы.

...«На песчаныхъ буграхъ, гдѣ стояло сторожевое охраненіе, — говоритъ дневникъ полк. Поздѣева, — какое-то смятеніе, масса всадниковъ, а затѣмъ сильный пулеметный огонь. Сотня подъесаула Агафонова отходитъ. Несутъ тяжело раненаго въ животъ подхорунжаго Черепахина. Вправо отъ рощи въ безпорядкѣ отходятъ старики Гундоровцы. Влѣво какая-то лава.

Пославъ ординарца за 3-ей и 6-ой сотнями съ подъесауломъ Авиловымъ, я его немедленно двинулъ на помощь старикамъ Гундоровцамъ.

Но тутъ отъ подъес. Агафонова узнаю, что влѣво не его лава, а эскадроны противника, уже заходящіе намъ въ тылъ.

Немедленно карьеромъ отзываю подъес. Авилова, а сотней подъес. Агафонова атакую эскадронъ красныхъ. Одновременно подъесаулъ Авиловъ заходитъ плечомъ и атакуетъ три эскадрона противника во флангъ и тылъ. Красные бѣгутъ. Наша пѣхота возстанавливаетъ свое положеніе.

Кромѣ порубленныхъ нами, взято 20 плѣнныхъ, принадлежавшихъ къ 3-му эскадрону 33-го особаго желѣзнаго полка (изъ Астрахани, въ 4 эскадрона, общей численностью въ 240 шашекъ), замѣнившаго 2-й рев. казачій, убранный красными съ фронта за ненадежность.

Наши потери: умершій отъ раны подхорунжій Черепахинъ и 3 раненыхъ казака».

---

*) Подхорунжій Федотъ Черепахинъ, кадровый (довоеннаго времени) урядникъ, высокаго роста красивый казакъ, умный, разсудительный, отличавшійся храб-

19-го прибыли Атаманцы (28 конныхъ съ однимъ пулеметомъ) и конная сотня 4-го полка (60 конныхъ) съ пулеметной командой въ 4 пулемета. Одновременно прибылъ командиръ 4-го полка полковникъ Лобовъ, который, какъ старшій, принялъ командованіей конницей.

Охраненіе занимала сотня подъес. Авилова.

Сотня подъес. Агафонова находилась въ хуторѣ, а остальныя, за отсутствіемъ фуража, на попасѣ.

День клонился къ вечеру, какъ въ сторожевомъ охраненіи началась стрѣльба. Немедленно были собраны всѣ сотни.

Красные пытались повторить вчерашній маневръ, но только на этотъ разъ ихъ конница была усилена большимъ количествомъ пулеметовъ.

Обходящій эскадронъ былъ съ двумя пулеметами, три атакующіе пѣхоту не менѣе чѣмъ съ четырьмя. Наша пѣхота охваченная внезапнымъ маневромъ слѣва, начала поспѣшный и безпорядочный отходъ, и еще нѣсколько минутъ — могла наступить катастрофа.

Видя тяжелое положеніе пѣхоты, полковникъ Поздѣевъ приказалъ подъесаулу Агафонову немедленно задержать противника маневромъ во флангъ, а самъ послалъ просить поддержку у полковника Лобова. Полковникъ Лобовъ прислалъ 4пулемета Максима, которые открыли очень удачный огонь. Подъесаулъ Агафоновъ нѣсколько разъ бросался въ атаку, но силы красныхъ были очень велики, и сбить ихъ не удавалось. Къ этому времени подошли 3-я, 6-я Лб. Казачьи и сводная Атаманская сотни, которыя, развернувшись влѣво отъ подъесаула Агафонова, ударили во флангъ красной конницы. Какъ только красные увидѣли разворачивающіяся наши части,, то немедленно отошли.

Въ то же время, въ 4 часа, у хутора Манохина, что въ 3-хъ верстахъ отъ В. Грачинскаго хутора, переправилась пѣшая сотня сотника Г. Чекунова, вмѣстѣ съ пулеметной командой есаула Болдырева. Въ то время, когда она подходила къ хут. В. Грачинскому, на нее напоролся красный эскадронъ. Встрѣча обошлась послѣднему дорого: потерявъ много убитыхъ и раненыхъ и одинъ пулеметъ, красный эскадронъ поспѣшно ушелъ.

Въ этотъ день командиръ Гундоровскаго батальона особенно горячо благодарилъ Лейбъ-Казаковъ за поддержку: положеніе удалось возстановить полностью

20-го мая, къ 12 час., въ хуторѣ сосредоточилась вся 1-ая Донская дивизія. Въ сущности, это были лишь ея кадры: Лейбъ-Казаки — 110 штыковъ, 64 шашки, 4 пулемета; Атаманцы — 30 штыковъ, 25 шашекъ, 1 пулеметъ; 3-ій Калмыцкій полкъ — 30 штыковъ, 4 пулемета; 4-ый полкъ — 17 штыковъ, 60 шашекъ, 4 пулемета; прикомандированный къ дивизіи Чугуевскій уланскій полкъ — 60 штыковъ, 60 шашекъ, 4 пулемета.

ростью и исключительной боевой добросовѣстностью, пользовался большимъ авторитетомъ и любовью въ сотнѣ. Принималъ неизмѣнное участіе во всѣхъ бояхъ полка и. самъ уроженецъ станицы Митякинской, былъ теперь убитъ наканунѣ освобожденія станицы, въ какой-нибудь верстѣ отъ своего дома, гдѣ его ждали отецъ, мать и жена.

Всего около 250 штыковъ, 300 шашекъ, при 17 пулеметахъ и 4 орудіяхъ.

Приказъ по Донской Арміи требовалъ во что бы то ни стало прорыва краснаго фронта на участкѣ III-го Донского корпуса.

Задача возлагалась на 1-ую Донскую дивизію, при поддержкѣ стариковъ Гундоровскаго батальона, Лугано-Митякинскаго и Каменскаго полковъ.

Начало атаки было назначено на 3 часа утра, въ ночь на 21-ое мая.

Ударъ должна была наносить Лейбъ-Казачья сводная пѣшая сотня, имѣя въ поддержкѣ Атаманцевъ. Въ содѣйствіе ей половина конницы должна была обходить хуторъ Н.-Грачинскій-Митякинскій съ запада, другая половина — съ востока. Артиллерія дивизіи должна была поддержать атаку, оставаясь на правомъ берегу Донца.

Въ три часа утра сотникъ Гр. Чекуновъ началъ атаку подъ звуки сотенной гармоніи, бойко наигрывавшей задорный мотивъ модной пѣсенки «Карманчики». Ночь была тихая и теплая и звуки мотива слышались далеко. Черезъ короткое время послышались отдѣльные выстрѣлы, вскрикъ «ура» и частая стрѣльба уже въ самомъ хуторѣ.

Сотникъ Чекуновъ, уничтоживъ полностью захваченную врасплохъ сторожевую заставу, своевременно не сообразившую, что ей несетъ въ темнотѣ приближавшійся звукъ гармоніи, ворвался въ хуторъ и, разбивъ сотню на взводы, ввязался въ уличный ночной бой.

Хуторъ кишѣлъ красными, въ помощь Чекунову были двинуты резервы, и къ разсвѣту, кромѣ убитыхъ и плѣнныхъ, никакихъ красныхъ въ хуторѣ не осталось.

Изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что хуторъ былъ занятъ 35 сов. пѣх. и 33-мъ особымъ «желѣзнымъ» коннымъ полками.

Командиръ 33-го коннаго полка, товарищъ Лепинъ, былъ въ схваткѣ застрѣленъ лично хор. Иловайскимъ. На Лепинѣ оказалась палетка съ донесеніями и около 40.000 рублей деньгами. Деньги были розданы казакамъ, а въ палеткѣ найденъ рапортъ краснаго командира о бояхъ 17, 18 и 19-го мая, въ коемъ доносилось, что только за бой 19-го мая красный конный полкъ потерялъ 102 лошади и 53 всадника.

Полковникъ Поздѣевъ съ конницей Лейбъ-Казаковъ и калмыковъ занялъ, въ обезпеченіе праваго фланга, хуторъ В.-Грач.-Митякинскій, отданный противникомъ безъ боя.

Собственно этотъ хуторъ долженъ былъ быть занятымъ Лугано-Митякинцами, но послѣдніе выступили много позднѣе назначеннаго времени и опоздали, лишь въ 8 часовъ освободивъ для движенія впередъ конницу полковника Поздѣева.

Въ 9 часовъ были заняты хутора Садковскій и Дубовый, а къ 3 часамъ конница догнала пѣшую Лейбъ-Казачью сотню, уже успѣвшую на плечахъ отходившихъ красныхъ занять станицу Митякинскую.

Населеніе казачьихъ хуторовъ и станицы Митякинской встрѣтило освободителей колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ. Казачки-хозяйки, въ прибранныхъ по-праздничному хатахъ, нарасхватъ, до сыта кормили пришедшихъ Лейбъ-Казаковъ.

За день 21-го мая пѣшей Лейбъ-Казачьей сотней, помимо большихъ по-

геръ, нанесенныхъ краснымъ въ ночномъ бою убитыми и ранеными, взято не ранеными 102 плѣнныхъ, 4 пулемета и большой обозъ. Конной сотней подъесаула Авилова въ атакѣ подъ хут. Маноцковымъ взято 30 плѣнныхъ и два пулемета.

Въ полку пулей въ горло легко былъ раненъ сотникъ Гр. Чекуновъ 2-й.

Весь фронтъ красныхъ противъ III-го корпуса, приблизительно на протяженіи 10-12 верстъ, стремительно катился назадъ. Отступавшая масса противника представляла собой огромный, неожиданно взбудораженный муравейникъ. Отходившія толпы противника представляли отличныя мишени для артиллеріи, но послѣдняя еще только переправлялась черезъ Донецъ и ея не было. Растянутыхъ небольшихъ силъ 1-й дивизіи было мало для ударовъ по отходившимъ плотнымъ группамъ противника.

Черезъ день дивизія, не встрѣчая стойкаго сопротивленія, двинулась впередъ, и 23-го мая заняла хутора Роговской, Ушаковъ и Н.-Герасимовъ.

25-го мая занята была крестьянская и большевистски настроенная слобода Волошина, 27-го такая же слобода Титовка и хутора Чугинскіе.

28-го мая 1-ая дивизія, сбивъ короткимъ боемъ пытавшагося задержаться противника, заняла Городище.

Отступившій отъ Городища противникъ сосредоточился 29-го мая въ Бѣловодскѣ. Бѣловодскъ довольно крупный городъ, лежащій на лѣвомъ низменномъ берегу р. Деркулъ, и предполагалось, что красные будутъ упорно его защищать. Командующій группой генералъ Абрамовъ рѣшилъ атаковать Бѣловодскъ двумя дивизіями: 2-й, наступающей по правому берегу р. Деркулъ, и 1-й, наступающей по лѣвому. 2-я Донская конная дивизія должна была начать движеніе раньше, дабы облегчить атаку 1-й Донской кон. див.

Въ 7 часовъ утра 1 Д. К. д. выступила изъ Городища ,имѣя въ головѣ Лейбъ-Казаковъ. Пройдя Деркульскій государственный конный заводъ, Лейбъ-Казачій полкъ получилъ боевую задачу: пѣхотѣ, двигаясь долиной р. Деркулъ, атаковать г. Бѣловодскъ съ юга; конницѣ Лейбъ-Казаковъ въ 55 шашекъ и Атаманцевъ въ 12 шашекъ, при 1 пулеметѣ, подъ общей командой полковника Поздѣева, содѣйствовать этой атакѣ справа и не дать противнику отойти къ Стрѣльцовкѣ.

Лейбъ-Казачья пѣхота, посаженная на повозки, подъ командой сотника Чекунова Григорія, при офицерахъ хор. Иловайскомъ и хор. Скалозубовѣ, съ пулеметной командой подъ командой есаула Болдырева, быстро отдѣлилась отъ колонны дивизіи и рысью направилась въ сторону Бѣловодска. Конница, свернувъ по дорогѣ на Баранниково, пройдя около 3½ верстъ, круто повернула на сѣверъ, держа видимую связь съ пѣхотой.

Къ 9 часамъ утра пѣхота, подойдя на версту къ городу, не слѣзая съ повозокъ, построила фронтъ и рысью направилась къ Бѣловодску. Подойдя на 700-800 шаговъ, казаки соскочили съ повозокъ и подъ сильнымъ огнемъ бѣгомъ атаковали противника. Въ то же время ес. Болдыревъ съ пулеметной командой, имѣя пулеметы на тачанкахъ, опередивъ цѣпи пѣхоты, на карьерѣ ворвался въ Бѣловодскъ и началъ разстрѣливать красныхъ. Подскакавшій къ есаулу Болдыреву комиссаръ со словами: «Товарищъ, что вы дѣлаете, стрѣляете по своимъ», увидѣвъ погоны, выхватилъ револьверъ и ,выстрѣливъ нѣ-

сколько разъ, ранилъ есаула Болдырева въ голову и ускакалъ. Пѣхота ворвалась въ городъ и послѣ часового боя его взяла, захвативъ въ плѣнъ 80 человѣкъ и 3 пулемета. Въ то же время полковникъ Поздѣевъ съ конницей подошелъ къ болотистой рѣчкѣ Дубровецъ и увидѣлъ на сѣверномъ ея берегу группу красной пѣхоты съ 10 пулеметами. Построивъ свою конницу въ 4 эшелона, на очень большихъ интервалахъ, онъ атаковалъ черезъ рѣчку эту группу и частью порубилъ, захвативъ въ плѣнъ 156 человѣкъ и 8 пулеметовъ Максима.

Открывшая огонь артиллерія красныхъ и появившаяся ихъ конница не позволили развить преслѣдованія.

Потрясенный противникъ отошелъ къ дер. Бондаревкѣ. 1-ая Донская дивизія заночевала на Лимаревскомъ государственномъ заводѣ.

Въ полку были ранены есаулъ Болдыревъ и сотникъ С. Чекуновъ.

30-го мая дивизія продолжала наступать на сѣверъ. Лейбъ-Казаки двигались въ концѣ колонны.

Подойдя къ Бондаревкѣ, 2-ая бригада повела наступленіе, но не справилась. Полковникъ Лобовъ вызвалъ впередъ Лейбъ-Казаковъ. Полковникъ Поздѣевъ съ конницей и пулеметной командой отдѣлился отъ пѣхоты, пославъ предварительно впередъ урядника съ двумя пулеметами на правый флангъ 4-го Донского полка. Пулеметчики, выѣхавъ на правый флангъ 4-го полка, карьеромъ понеслись на красную пѣхоту. Обстрѣлявъ съ близкаго разстоянія противника, восемь человѣкъ пулеметной прислуги атаковали красныхъ и взяли 3 пулемета и 70 человѣкъ плѣнныхъ. Въ это время полковникъ Поздѣевъ съ конницей ворвался въ восточную часть Курячевки, что на лѣвомъ берегу Деркула, и взялъ 50 плѣнныхъ, 21 повозку со снарядами, хлѣбомъ и одной большой бочкой со спиртомъ.

Противникъ отошелъ на сѣверъ и 1-ая дивизія заночевала въ селѣ Марковкѣ.

Общая обстановка на всѣхъ фронтахъ рѣзко и быстро мѣнялась въ нашу пользу: потрясенныя ударами, разложенныя и утратившія духъ красныя арміи безпорядочно отходили.

Мы выигрывали громадное пространство. Пали Харьковъ, Полтава, Царицынъ, и подъ ударами Донцовъ, Добровольцевъ, Кубанцевъ и Терцевъ фронтъ передвинулся на линію Царицынъ — Балашевъ — Бѣлгородъ — Екатеринославъ — Херсонъ. Совершенно освобождена была отъ красныхъ Донская Область и рядъ южныхъ губерній.

Бѣглый взглядъ на карту показываетъ громадную растянутость нашего фронта относительно того, который мы только что занимали.

Этимъ и обусловился конецъ наступленія.

...«Силы красной арміи окончательно надорвались, — признаетъ совѣтская «Исторія Гражд. войны». — Инерція отката продолжала увеличиваться. Необходимо было время для того, чтобы привести въ порядокъ, устроить, пополнить части и вернуть имъ боеспособность.

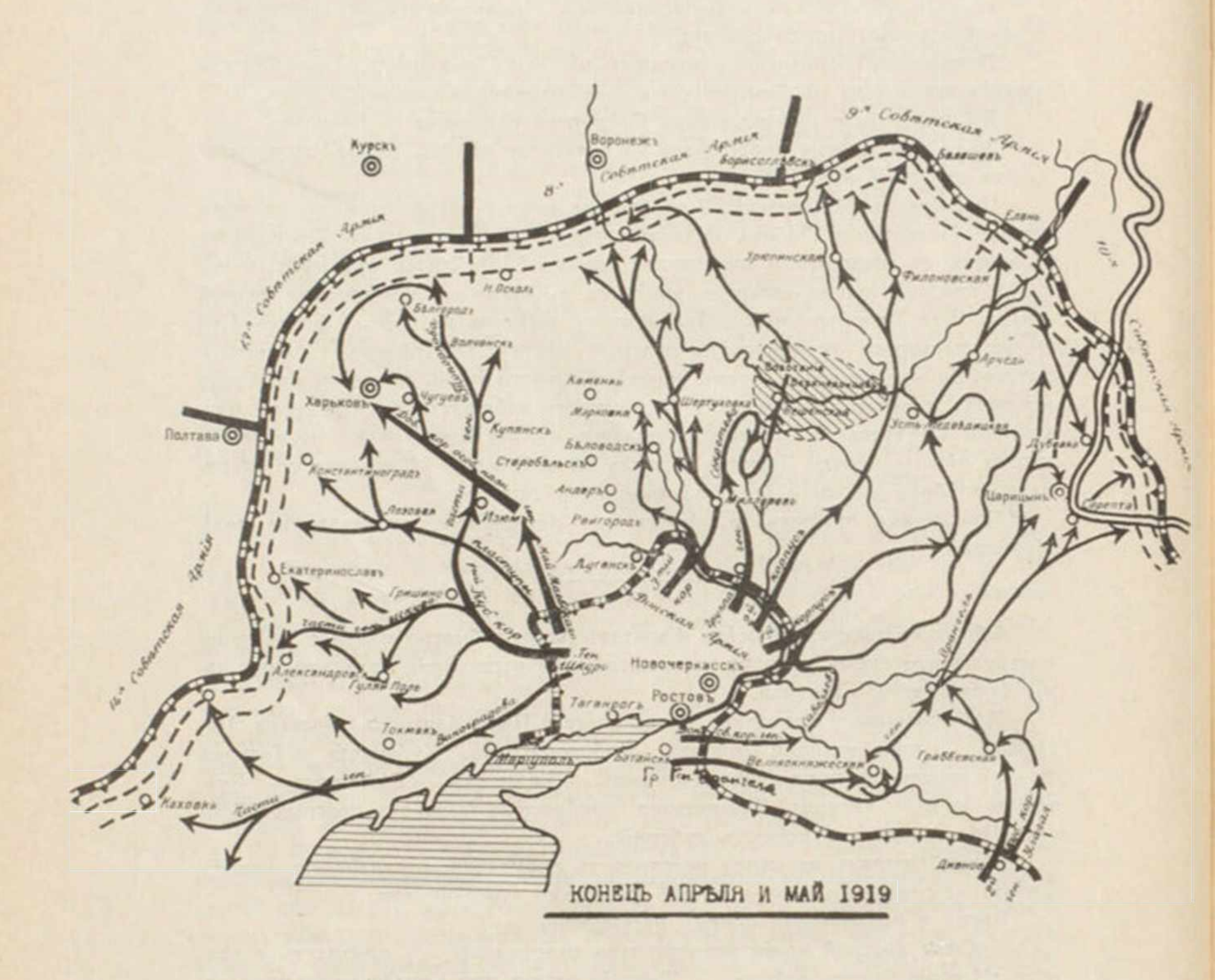
Это время нашлось не раньше, чѣмъ, въ свою очередь, сила удара бѣ-

лыхъ не начала разсасываться въ пространствѣ»... («Исторія Гражданской войны». Госиздатъ. Томъ III, стр. 241).

Наступленіе нашихъ армій шло по расходящимся направленіямъ и, разойдясь въ пространствѣ, остановилось.

Къ сожалѣнію, красные кадры уничтожены не были.

Наступила полоса затишья. Обѣ стороны собирались съ силами.



КОНЕЦЪ АПРѢЛЯ И МАЙ 1919

Приведемъ итоги боевой дѣятельности Лейбъ-Казачьяго полка за истекшій май, проведенный въ безпрерывныхъ бояхъ.

Отмѣтимъ, что только за періодъ съ 17-го по 31-ое мая полкъ имѣлъ пять пѣшихъ и шесть конныхъ атакъ, доведенныхъ до удара холоднымъ оружіемъ, въ коихъ, кромѣ потерь, нанесенныхъ противнику убитыми и ранеными и выигрыша пространства, было взято съ боя 550 плѣнныхъ и 20 пулеметовъ.

Благодаря небольшому численному составу полка въ этотъ періодъ, потери полка относительно невелики:

дата	Мѣста боевъ	офицеры			казаки			лошади		
		уб.	ран.	сыпн. тифъ	уб	ран.	сыпн. тифъ	уб.	ран.	чесот. и подбивш.
4-го	гор. Лугансkъ		1		8	29		19	39	
5-ое и 8-ое	тоже				1	4		2	5	
съ 10 по 14	защита Донца					4		1	2	
18-го	Грачинскіе хутора				1	3		2	4	
19-го	тоже					8			10	
21-го	тоже и Митякинская				2	6		1	3	
28-29-ое	Городище-Бѣловодскъ	1	2		1	9			2	
ИТОГО съ 4-го по 31-ое мая		1	3	4	13	63	90	26	55	30

Къ 1-му іюня боевой составъ полка еле достигалъ 140 штыковъ и шашекъ при 4-хъ пулеметахъ.

2-го іюня 1-ая Донская дивизія получила приказаніе оставить преслѣдованіе противника и перейти двумя переходами въ с. Великоцкое на отдыхъ и пополненіе людьми и лошадьми.

4-го іюня Лейбъ-Казачій полкъ прибылъ въ Великоцкое, куда почти одновременно пришло изъ Персіановской команды и лазаретовъ полка пѣшее и конное пополненіе.

Полкъ вновь развернулся въ составѣ трехъ конныхъ сотенъ, въ 100 шашекъ каждая, и въ двѣ пѣшія, по 120 штыковъ, при пулеметной командѣ въ 8 пулеметовъ и при командѣ связи.

Въ командованіе полкомъ, съ 4-го іюня, вступилъ выздоровѣвшій полковникъ Фарафоновъ. Въ завѣдываніе хозяйствомъ и снабженіемъ полка, съ переносомъ управленія имъ изъ Ростова на фронтъ, вступилъ полковникъ Оприцъ. Помощникомъ к-ра по строевой части остался полковникъ Поздѣевъ. (Позднѣе, по выздоровленіи, прибылъ второй помощникъ полковникъ Кононовъ). 1-ой сотней командовалъ войск. ст. Красновъ, 2-ой — войск. ст. Полковниковъ, 3-ей — есаулъ Рыковскій, 5-ой подъес. Грековъ, 6-ой войск. ст. Воронинъ. Пул. ком. — есаулъ Болдыревъ, ком. связи — подъесаулъ Кундрюковъ.

Началась усиленная работа по приведенію сотенъ въ порядокъ и по

обученію пѣшихъ и конныхъ людей, а также по ихъ снаряженію и обмундированію. Эта работа продолжалась и въ с. Россошѣ, куда дивизія была переведена 7-го іюля и гдѣ стала въ резервъ Главнокомандующаго.

Плохо обстояло дѣло съ обмундированіемъ, ибо полковые запасы погибли на выбывшихъ убитыхъ раненыхъ и тифозныхъ.

Лишь ничтожная часть выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ попадала обратно въ полкъ, — большинство разсасывалось по станичнымъ полкамъ, гдѣ по образному выраженію казаковъ, «пуля была мягше», а служба, при отсутствіи строгаго внутренняго порядка 1-ой дивизіи ген. Абрамова, доходнѣе.

Отпускъ обмундированія интендантствомъ былъ недостаточенъ.

Англійское обмундированіе только начало поступать задерживаемое волокитой донскихъ и добровольческихъ канцелярій. Донское интендантство выдавало изготовляемыя имъ, за отсутствіемъ сукна, шаровары и рубахи изъ очень непрочной джутовой ткани, именовавшейся мѣшочной, быстро приходившей въ негодность.

Особенно остро стоялъ вопросъ съ обувью, такъ какъ часть людей пополненія пришла босыми, другая часть имѣла обувь въ состояніи, близкомъ къ негодности.

8-го іюля прибылъ на смотръ 1-ой дивизіи Главнокомандующій генералъ Деникинъ. Дивизія въ строевомъ отношеніи представилась блестяще, но послѣднія сотни въ полкахъ были выведены босыми.

При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ безсапожныхъ сотенъ мельканіе бѣлыхъ ногъ было особенно замѣтно, и ген. Деникинъ обѣщалъ лично распорядиться объ отпускѣ на дивизію обуви.

Послѣ смотра въ честь Главнокомандующаго состоялся завтракъ всѣхъ офицеровъ полковъ дивизіи.

Генералъ Деникинъ произнесъ горячее слово, поздравивъ съ походомъ на Москву.

Рѣчь генерала Деникина, какъ всегда, точно, ясно и красочно формулировавшаго свои мысли, полная вѣры въ скорую побѣду надъ большевизмомъ, вызвала несомнѣнный подъемъ.

Генералъ Деникинъ, извѣстный офицерству своими полными гражданскаго мужества, честными и сильными выступленіями 1917 года въ защиту основъ попраннаго революціонной интеллигенціей государственнаго поряд-

ка, представлялся яркимъ выразителемъ чаяній Корпуса русскихъ офицеровъ, въ своемъ большинствѣ готовыхъ безкорыстно своею кровью и жизнью служить дѣлу возсозданія россійской государственности.

Главнокомандующій генералъ А. И. Деникинъ, 8-го іюля 1919 года на фронтѣ, среди офицеровъ 1-ой Донской Конной дивизіи.

Офицеры 1-й дивизіи проводили Главнокомандующаго до ближайшей станціи.

Возвращаясь съ проводъ, офицеры Лб.-Казаки дѣлились впечатлѣніями, призывъ движенія на Москву былъ принятъ, въ общемъ, сочувственно, однако, у большинства въ душѣ шевелилось сомнѣніе — не зарвемся ли?

Основная и первая задача — разбитіе и уничтоженіе кадровъ красной арміи, возсоздать кои большевикамъ было нечѣмъ *), могла быть разрѣше-

*) Кадры красной арміи состояли изъ: 1) остатковъ старой Россійской Арміи съ примкнувшимъ къ революціи командньшъ составомъ (къ 1 апрѣля 1919 г. 28.500 офицеровъ и 165.000 унт.-офицеровъ). — Справка: «Гражданская война», томъ II, стр. 95). 2) Революціонныхъ группировокъ Дона, Кубани, Ставропольской, Черноморской, Воронежской губ., создавшихся на почвѣ разслоенія населеніяв процессѣ противобольшевистскаго возстанія 1918 г. 3) Въ относительно значительно меньшей степени — рабоче-пролетарскихъ дружинъ крупныхъ фабричныхъ тыловыхъ центровъ. Особаго интереса заслуживаетъ указаніе Егорова (командовавшаго краснымъ Южнымъ фронтомъ) и появленіе партійныхъ коммунистовъ въ качествѣ рядовыхъ бойцовъ лишь съ сентября 1919 г., причемъ въ количествѣ лишь 1 проц. присланныхъ пополненій (Егоровъ. Стр. 146). Нѣсколько позже появились и добровольцы-коммунисты, также въ относительно скромномъ количествѣ.

на и не выходя за предѣлы Дона. Выходъ за предѣлы Области требовалъ, казалось, иного настроенія въ широкихъ кругахъ россійскаго населенія, и въ первую голову въ крестьянствѣ, нежели то, кое создалось въ крестьянскихъ губерніяхъ занятыхъ арміями Юга Россіи.

Кромѣ того, казачій офицерскій составъ полковъ 1-й Донской дивизіи твердо сознавалъ свою кровную и неразрывную связь съ рядовымъ казачествомъ.

Настроенія широкихъ круговъ казачества были ярко выявлены въ мнѣніи, представленномъ генералу Деникину Командующимъ Донской Арміей, генераломъ Сидоринымъ.

Командующій Донской Арміей, въ противовѣсъ Московской директивѣ генерала Деникина, предлагалъ временную пріостановку общаго движенія впередъ, предлагалъ сократить занятую территорію оставленіемъ Харькова, но настаивалъ на строительствѣ по внутреннему устройству и укрѣпленію тыла.

Временная оборона занятаго пространства могла быть легко осуществлена кордоннымъ занятіемъ сокращенной границы, съ постановкою мѣстами сильныхъ конныхъ отрядовъ, кои по образцу мартовскихъ дѣйствій генераловъ Шкуро, Калинина, Покровскаго, Улагая, ликвидировали бы всѣ частныя попытки переходовъ красныхъ въ наступленіе.

Въ случаѣ же болѣе широкаго краснаго наступленія, въ дѣло вводилась бы спокойно организованная въ тылу армія, ударъ коей разбилъ бы живую силу противника и уничтожилъ бы его воинскіе кадры.

Къ тому времени предположительный ростъ антибольшевистскихъ настроеній въ занятыхъ красными частяхъ Россіи, какъ и относительное благополучіе крестьянства занятыхъ бѣлыми губерній (благополучіе могло быть создано соотвѣтствующимъ законодательствомъ по крестьянскому и земельному вопросамъ ,отвѣчающимъ чаяніямъ и интересамъ, рѣшающаго для Россіи крестьянскаго слоя) создали бы нужную предпосылку для успѣха движенія впередъ.

Внѣ наличія указанныхъ предпосылокъ, по мнѣнію казачества, даже занятіе Москвы не означало бы еще не только побѣды, но и близости окончанія борьбы съ большевизмомъ.

ГЛАВА XI.

Переходъ Донской Арміи въ наступленіе, согласно «Московской директивѣ». — Бои Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка въ раіонѣ Бутурлиновки и Велико-Архангельскаго. — Рейдъ генерала Мамонтова. — Августовскій ударъ красныхъ, направленный по Дону и Кубани. — Ликвидація операціи группы Селивачева. — Дѣйствія 1-ой Донской дивизіи и бои Лейбъ-Казаковъ сѣвернѣе линіи Подгорная — Павловскъ. — Атака Лисокъ 8-го сентября.

Общія условія борьбы: пополненіе людьми, питаніе, обмундированіе, организація снабженія, обозъ II-го разряда, оружіе, боевые припасы.

Общій подсчетъ потерь Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка іюля и августа 1919 года.

Рѣшеніе генерала Деникина перейти въ широкое общее наступленіе на Москву вылилось въ директивѣ отъ 20-го іюня, коею указывалось:

1) Кубанцамъ генерала Врангеля отъ Царицына выйти на фронтъ Саратовъ — Ртищево — Балашовъ, смѣнить на этихъ направленіяхъ Донскія части и наступать далѣе, черезъ Пензу — Арзамасъ — Н. Новгородъ, на Москву.

2) Донской Арміи генерала Сидорина правымъ крыломъ, до подхода Врангеля, продолжать прежнюю задачу выхода къ Камышину — Балашовъ, остальными частями развить ударъ на Москву въ направленіяхъ Воронежъ — Козловъ — Рязань — Осколъ — Елецъ.

3) Кубанцамъ, Добровольцамъ и Терцамъ генерала Май-Маевскаго — обезпечивъ свой лѣвый флангъ занятіемъ Кіева — наступать черезъ Курскъ — Орелъ — Тулу, на Москву.

Въ исполненіе этой директивы, 1-я Донская дивизія перебрасывается на усиленіе праваго фланга III-го Донского корпуса въ раіонъ Бутурлиновки для смѣны здѣсь конныхъ частей IV-го Донского корпуса генерала Мамонтова, освобождаемыхъ для операціи прорыва краснаго фронта и рейда въ тылъ.

18-го іюля Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, въ составѣ 1-й Донск. дивизіи, прибылъ въ раіонъ Бутурлиновки и ночевалъ въ указанномъ селѣ, смѣнивъ здѣсь стоявшую (изъ состава IV-го корпуса) бригаду генерала Каргальскаго.

Той же ночью противникъ атаковалъ распололоженное въ 10 верстахъ къ сѣверо-востоку село В. Архангельское, занятое 3-мъ Калмыцкимъ полкомъ.

Захваченные ночью врасплохъ калмыки, понеся въ составѣ своихъ пѣшихъ сотенъ большія потери, очистили В. Архангельское.

За отсутствіемъ донесеній командира Калмыцкаго полка и въ предполо-

женіи движенія противника отъ Вел. Архангельскаго на югъ, гвардейская бригада была двинута черезъ Филиппенково на Патокино.

4-й Донской полкъ и Чугуевскій уланскій были оставлены южнѣе Бутурлиноки для прикрытія дороги на дер. Гвазды.

Для прикрытія указанной перегруппировки, въ направленіи В. Архан-

гельскаго, на разсвѣтѣ 19-го іюля, была выслана 1-ая сотня войск. старшины Краснова.

Оттѣснивъ конныя части красныхъ, уже было обошедшія нашъ правый флангъ, 1-ая сотня заняла удачную позицію по буграмъ, на линіи жел.-дор. віадука, и въ теченіе цѣлаго дня, огнемъ своихъ пулеметовъ и конными ударами во флангъ, задерживала красныхъ.

На правомъ флангѣ сотни отлично работалъ 1-ый взводъ, подъ командой только наканунѣ прибывшаго въ строй подъесаула Жеребкова. Пользуясь балками и лѣсомъ подсолнуховъ, подъес. Жеребковъ удачно парировалъ нѣсколькими конными ударами во флангъ попытки красныхъ къ обходу.

Къ 6-ти час. вечера было обнаружено скопленіе красной пѣхоты въ балкѣ на лѣвомъ флангѣ сотни. Скрытно стянувъ сюда три взвода, войск. старш. Красновъ выѣхалъ на развѣдку съ вѣстовымъ Герасимовымъ по балкѣ впередъ и неожиданно для себя натолкнулся въ подсолнухахъ на густую цѣпь красныхъ. Кругомъ крикъ «держи бѣлаго полковника!» и безпорядочная стрѣльба. Отстрѣливаясь изъ нагана, войск. ст. Красновъ поворачиваетъ къ оставленной имъ въ полуверстѣ сотнѣ, которая, услыша выстрѣлы и крики, безъ команды карьеромъ бросилась впередъ на выручку командира сотни. Въ этотъ моментъ раненіе пулей въ ногу едва не выбиваетъ в. ст. Краснова изъ сѣдла, если бы не помощь вѣстового казака Герасимова, во-время подхватившаго командира сотни. Съ крикомъ «ура» и «ги» сотня врѣзалась въ цѣпь и рубкой обратила красныхъ въ бѣгство.

Оставивъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ труповъ, красные ушли въ Вел. Архангельское.

Во избѣжаніе лишнихъ потерь, оставшійся въ строю в. ст. Красновъ сигналами «стой» и «сборъ» остановилъ преслѣдованіе и съ наступленіемъ темноты со своей сотней присоединился къ полку въ Патокино.

20-го іюля утромъ Гв. Казачьей бригадѣ было приказано взять В. Архангельское атакою пѣшихъ сотенъ, при пулеметной командѣ Лейбъ-Казачьяго полка, при содѣйствіи обхода этого села съ сѣверо-востока конныхъ сотенъ , при пул. командѣ Л. Гв. Атаманскаго полка.

Пройдя половину пути отъ Потокина къ В. Архангельскому, двѣ пѣшія сотни Атаманцевъ были развернуты въ боевой порядокъ и повели наступленіе по мѣстности, густо засаженной подсолнухами выше человѣческаго роста, почему на нѣкоторыхъ участкахъ создались условія боя какъ въ лѣсу.

Черезъ полчаса по началу наступленія, вправо на поддержку Атаманцамъ была выдвинута 5-ая пѣшая сотня подъесаула Грекова, двинувшаяся по выходящей на В. Архангельское балкѣ.

Дойдя до вершины балки, подъес. Грековъ увидѣлъ невдалекѣ дома деревни ,а влѣво отъ балки, шагахъ въ 450-ти, спокойно стоявшую въ колоннѣ на дорогѣ роту красныхъ.

Подъес. Грековъ, оставивъ въ резервѣ 1 взводъ, три остальныхъ, прикрываясь балкой, разсыпалъ въ цѣпь и, появившись неожиданно для крас-

ныхъ, двинулся на нихъ безъ выстрѣла. Рота повернулась и, безъ всякой суеты, оставаясь сомкнутой, развернула фронтъ. Какъ потомъ выяснилось, то была рота красныхъ курсантовъ.

Подъес. Грековъ двигался безъ выстрѣла, но не стрѣляли и красные, почему, по мѣрѣ сокращенія разстоянія, нервное напряженіе сторонъ быстро увеличивалось.

Вотъ уже остались послѣдніе 150 шаговъ. Подъес. Грековъ обернулся назадъ и успокоился — его цѣпь шла спокойно и увѣренно на ровныхъ, какъ на ученіи, интервалахъ. Со стороны курсантовъ раздался первый одиночный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій, и только что стройная рота обратилась въ толпу, часть коей бросилась назадъ, а часть открыла безпорядочный огонь. Подъес. Грековъ остановилъ цѣпь и, быстро выпустивъ по пачкѣ патроновъ, бросился въ штыки, переколовъ нѣсколько десятковъ оставшихся на мѣстѣ курсантовъ.

Влѣво, шагахъ въ 100, показалась отходящая цѣпь красныхъ. Оставивъ въ направленіи на В. Архангельское 1 взводъ, открывшій огонь по метавшимся по деревнѣ краснымъ, подъес. Грековъ двинулся на новаго противника.

Противникъ открылъ ружейный и на этотъ разъ и пулеметный огонь. Здѣсь подъес. Грековъ былъ раненъ въ грудь навылетъ и, сдавъ сотню хорунжему Б. Грекову, двинулся съ группою своихъ раненыхъ казаковъ назадъ на перевязочный пунктъ.

Одновременно съ 5-й сотней, на поддержку Атаманцамъ, влѣво была двинута и 2-я пѣшая Л. Казачья сотня войск. ст. Полковникова. Послѣдній, не слѣзая съ коня, смѣло повелъ сотню сквозь подсолнухи впередъ. Красные вначалѣ не стрѣляли и, только подпустивъ атакующихъ вплотную, открыли сильный пулеметный и ружейный огонь. Сотня понесла большія потери, но опрокинула противника. Войск. ст. Полковниковъ былъ дважды раненъ, причемъ послѣ второго раненія (въ подъемъ ноги съ раздробленіемъ кости) выбылъ навсегда изъ строя.

Были ранены тяжело сотникъ Какуринъ и легко хорунжій Филатьевъ.

Бой этотъ былъ первымъ боемъ для молодыхъ казаковъ призыва 1921 года, составлявшихъ значительную часть полка.

Боевое испытаніе было выдержано ими съ честью.

...«Среди нашихъ молодыхъ казачатъ, — говоритъ интересная запись дневника пулеметнаго урядника Колбасина, — были такіе, что еще говорили по-дѣтски и задавали наивные вопросы: «А ежели ранятъ, не больно ли?» Старшіе, бывалые въ бояхъ, отвѣчали: «Не боись, ежели ранятъ, то тебя сразу перевяжутъ, ежели же убьютъ, то ты не будешь знать».

Мѣрнымъ шагомъ, равняясь въ цѣпи ,шла молодежь. Кто-то изъ казаковъ шутку пустилъ, что молодежь винтовки въ рукѣ держитъ, какъ вилку передъ обѣдомъ. Тутъ замѣтили, что, дѣйствительно, всѣ молодые несутъ ружья въ рукахъ, а старые на ремнѣ за плечомъ.

Первыя пули запѣли въ воздухѣ — молодой пригнулъ голову, старшіе шутятъ: «Съ кѣмъ поздоровался — ихъ ишшо нѣту».

Но вотъ противникъ ближе. Закипѣла перестрѣлка, старшіе, по привычкѣ, увлеклись боемъ, молодежь тянется за ними, прямо рвутся въ штыки.

Работаетъ мой пулеметъ. Пулеметчикъ всегда въ дѣлѣ. Да еще какъ Вотъ сюда, нѣтъ вотъ сюда. Да вотъ тамъ еще кучка. Такъ по кучкамъ да по кучкамъ не замѣтишь, какъ и время пройдетъ.

Минутъ черезъ двадцать разорвался снарядъ по пулеметной двуколкѣ, всѣ 4 лошади убиты, и казакъ Васильевъ — Мечетинской станицы — раненъ съ раздробленіемъ правой руки и бедра. Только его унесли — новый разрывъ по пулемету, и меня ударило шрапнелью въ спину. Какъ будто кто палкой рубанулъ по спинѣ. Такъ какъ раны большой не было, то я остался въ строю: шрапнель пробила сумку ,кожаный поясъ и зарылась въ мясо, гдѣ и протаскалъ ее до сентября мѣсяца»...

...«Характеръ мѣстности былъ таковъ, — говоритъ ген. Дьяковъ, что каждое движеніе нашей пѣхоты было ясно видно непріятельской артиллеріи, и именно отъ ея огня мы несли наибольшія потери. Наша батарея не имѣла болѣе или менѣе удовлетворительнаго наблюдательнаго пункта. Тѣмъ не менѣе, наступленіе быстро развивалось»...

Тѣмъ временемъ конныя сотни Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ, при пулеметной командѣ послѣднихъ, совершивъ глубокій обходъ, были двинуты полковникомъ Фарафоновымъ лавой въ атаку на подходившую по дорогѣ изъ Васильевки красную пѣхоту.

Несмотря на сильнѣйшій огонь, шедшія головнымъ эшелономъ Лейбъ-Казачьи 1-ая сотня в. ст. Краснова и полусотня 6-ой в. ст. Воронина, проскочивъ глубокую параллельную фронту балку, дошли до шашечнаго удара.

...«Полторы сотни Лейбъ-Казаковъ, — говоритъ запись полковника С. Н. Краснова, — развернувъ эшелоны въ лаву, прошли сдавшихся имъ и уже бросившихъ винтовки три очень широкія по фронту цѣпи красныхъ, атаковали двѣ роты резерва и были уже шагахъ въ 100-150 отъ красныхъ орудій. Однако, не поддержанныя другими эшелонами бригады, застрявшими въ глубокой балкѣ, опрокинуть противника окончательно не смогли. Рота прикрытія красной батареи, видя нашу малочисленность, стойко отбилась огнемъ и ручными гранатами. Пройденныя нами цѣпи красныхъ, видя, что ихъ никто не забираетъ, взялись снова за винтовки и открыли огонь. Подъ перекрестнымъ огнемъ падали люди и лошади. Стрѣляя изъ револьвера, я сталъ пробиваться назадъ и былъ раненъ пулей въ руку. Несмотря на мое прика-

---

*) Интересно примѣчаніе полк. Краснова: «...Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что традиціонныя въ полку заботы офицеровъ о казакахъ широко вознаграждались обратными проявленіями преданности и заботливостью рядовыхъ казаковъ. Кромѣ приведенныхъ мною примѣровъ выручки раненаго командира сотни въ бою и внѣ боя имѣли мѣсто случаи охраны отъ опасности казаками своихъ офицеровъ.

Такъ, въ условіяхъ прерывчатаго фронта и малочисленнаго сторожевого охраненія, иногда на стоянкахъ поѣздки командира и офицеровъ ночью въ штабъ полка или въ сосѣднія сотни были сопряжены съ нѣкоторой опасностью. Возвращаясь изъ такихъ поѣздокъ, офицеры часто встрѣчали по пути патрули своихъ казаковъ, высланные иниціативой послѣднихъ.

Послѣ запрещенія высылки подобныхъ патрулей, отрывающей людей отъ отдыха, казаки продолжали ихъ иногда высылать, дѣлая это только болѣе скрытно отъ командира сотни».

заніе отходить лавой, меня окружили ближайшіе казаки, пробили путь назадъ и вывели изъ сферы огня. Одновременно вышла и сотня. Потери — 50% состава»...

Видя неудачу головного эшелона, прочія сотни, застрявшія въ глубокой и сильно обстрѣливаемой балкѣ, отхлынули назадъ.

Полковникъ Фарафоновъ выдвинулъ впередъ пулеметную команду Атаманцевъ и огнемъ 8 пулеметовъ заставилъ красную пѣхоту залечь вдоль дороги, не позволяя ей двигаться въ В. Архангельское.

Пѣшія сотни опрокинули противника и ворвались въ В. Архангельское съ юга

Противникъ, понесшій большія потери, отошелъ на бугоръ сѣвернѣе деревни, и въ 12 часовъ дня бригада уже готовилась вновь его атаковать, какъ пришло приказаніе остановиться, такъ какъ операція прорыва конницы Мамонтова откладывалась на 22-ое августа.

Это было крупнымъ разочарованіемъ: за день 20-го Лейбъ-Казаки потеряли ранеными 3-хъ сотенныхъ командировъ (войск. старш. Красновъ, войск. старш. Полковниковъ, подъес. А. Грековъ), двухъ офицеровъ — сотника Какурина и хорунжаго Филатьева — и, понеся крупныя потери казаками и лошадьми, уже достигли извѣстнаго результата; теперь же эти потери оказались напрасными, ибо съ наступленіемъ темноты было приказано вернуться на ночлегъ въ Патокино.

21-го велась лишь конная развѣдка, на 22-ое же, какъ сказано было выше, былъ назначенъ прорывъ IV-мъ корпусомъ, причемъ предполагалось, что по совершеніи прорыва генералъ Мамонтовъ повернетъ правымъ плечомъ и ударитъ въ тылъ и флангъ Бутурлинской группѣ красныхъ.

Боевой приказъ 1-й дивизіи былъ аналогиченъ прежнему, и Гв. бригада снова атаковала В. Архангельское.

На этотъ разъ близко справа слышалась канонада: то въ раіонѣ Васильевки выходила впередъ семитысячная масса коннаго корпуса генерала Мамонтова.

Въ головѣ Гв. Казачьей бригады шли Лейбъ-Казаки, кои разсыпались въ цѣпь и быстро повели наступленіе. Противникъ у Велико-Архангельскаго (40-я сов. див.) большой стойкости не обнаружилъ и подъ ударомъ пѣшихъ сотенъ очистилъ село.

Въ цѣпи 5-й сотни былъ раненъ только что принявшій сотню сотникъ Б. Грековъ.

Конныя сотни атаковали красныхъ восточнѣе В. Архангельскаго и оттѣснили ихъ къ жел. дорогѣ Бутурлиновка — Тереховъ.

Красные отходили однако въ порядкѣ, прикрываясь своею не жалѣвшей снарядовъ артиллеріей.

Съ высоты взятаго В. Архангельскаго Лейбъ-Казаки видѣли движеніе въ раіонѣ Васильевки крупныхъ конныхъ массъ: то двигался IV-й конный корпусъ генерала Мамонтова. Настроеніе поднялось, забыты были потери,

ибо казалось, что въ ближайшіе часы все будетъ вознаграждено полнымъ разгромомъ красныхъ.

Однако, и на этотъ разъ пришлось разочароваться: скоро пришло донесеніе отъ Лейбъ-Казака сотника Ляхова, посланнаго для связи въ штабъ генерала Мамонтова, сообщавшаго, что IV-му корпусу, взявшему Васильевку, пробиться не удалось, и операція генераломъ Мамонтовымъ отложена. Лишь 27-го генералъ Мамонтовъ, ночнымъ маневромъ, обходя Архангельскую группу красныхъ, выдвинулся въ Еланское колѣно, откуда къ вечеру, перейдя въ Макарово и не дѣлая поворота правымъ плечомъ, двинулся на сѣверъ.

Мамонтовскій прорывъ обошелся Лейбъ-Казакамъ не дешево: за бои съ 19-го по 22-ое полкъ потерялъ ранеными 7 офицеровъ (изъ коихъ двое тяжело): казаковъ: убито 16, ранено 116, контужено 4, безъ вѣсти пропало 3; лошадей: убито 37, ранено 104.

Рейдъ генерала Мамонтова достаточно полно освѣщенъ военной литературой, и нѣтъ надобности излагать его здѣсь подробно.

Нѣсколько остановимся лишь на объясненіи причины неисполненія IV-мъ Донскимъ корпусомъ директивы Командованія о поворотѣ плечомъ.

По выходѣ въ тылъ противника, генералу Мамонтову предстояло разрѣшить двѣ различныхъ задачи: первую, боевую — ударить съ тыла по живой силѣ противника, вторую, политическую — появленіемъ въ тылахъ поднять крестьянъ противъ большевиковъ.

Если первая задача требовала поворота правымъ плечомъ, то вторая требовала проникновенія дальше вглубь, возможно болѣе мощной, не потрепанной въ бояхъ массой.

Генералъ Мамонтовъ началъ рейдъ съ выполненія второй задачи.

Интересно отмѣтить, что въ конечномъ счетѣ значеніе и послѣдствія рейда выявились какъ разъ въ обратномъ порядкѣ:

Крестьянскаго возстанія не произошло *), такъ какъ отсутствовали не-

---

*) Отсюда отнюдь не вытекаетъ заключенія о якобы большевистскомъ настроеніи россійскаго населенія.

Очень показательна приводимая ниже таблица распредѣленія къ августу 1919 г. вооруженныхъ красныхъ силъ («Исторія Гражданской войны», Госизд. Стр. 250).

Западный фронтъ	140 тыс.	797 орудій
Южный фронтъ	171½ т.	611 »
Восточный фронтъ	125 тыс.	445 »
6-ая отдѣльная армія	14 тыс.	136 »
Войска вспомогат. и запасныя части	14½ т. !	74 »
Войска спеціальн. назначенія	180 тыс.	763 пулем.

Совѣтская «Исторія Гражданской войны» «застѣнчиво» добавляетъ: «Сравнительная многочисленность войскъ спеціальнаго назначенія и тылового раіона объясняется серьезностью и разнообразностью задачъ, кои совѣтская власть должна была разрѣ-

обходимыя предпосылки въ видѣ соотвѣтствующей земельной и крестьянской политики Юга Россіи. Хотя генералъ Мамонтовъ и вывелъ Тульскую дивизію, составленную изъ возставшихъ противъ большевиковъ крестьянъ, но въ цѣломъ, въ смыслѣ крестьянскихъ настроеній, значеніе рейда явилось скорѣе отрицательнымъ: корпусъ приходомъ возбуждалъ надежды населенія, а затѣмъ двигался дальше, оставляя населеніе на расправу большевикамъ.

Что же касается до боевого значенія рейда, то, если рейдъ мало отозвался на участкахъ фронта, ближайшихъ къ мѣсту прорыва, то значеніе его въ болѣе широкомъ масштабѣ для всего Южнаго фронта выявилось очень широко.

Такъ значительно облегчилось тяжелое положеніе Арміи генерала Врангеля, съ фронта коей красные сняли наиболѣе боеспособный корпусъ Буденнаго,, направленный ими на борьбу съ Мамонтовымъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ съ фронтовъ VIII-й и IX-й совѣтскихъ армій были сняты бригада 40-й дивизіи, 31, 36 и 56-я дивизіи, части 3-й стр. дивизіи и, наконецъ, изъ тыла привлечены 21 стр. дивизія, 4 полка коммунаровъ и 5-й Латышскій полкъ. Уводъ частей съ фронта ослабилъ ударныя группы Селивачева и Шорина, о коихъ рѣчь будетъ ниже.

По свидѣтельству красныхъ главковерховъ (Егоровъ. Стр. 120. Буденный. «Гражд. война», томъ I, стр. 106), генералъ Мамонтовъ «кореннымъ образомъ нарушилъ военное управленіе Южнымъ фронтомъ, испортилъ рядъ участковъ важнѣйшихъ жел. дор. и уничтожилъ много складовъ, базъ и запасовъ, разстроивъ надолго снабженіе Красной Арміи»... «притомъ въ моментъ, когда послѣдняя должна была давать полное напряженіе».

23-го іюля пѣшія части ночевали въ В. Архангельскомъ, конныя сотни послѣ небольшой перестрѣлки выбили противника изъ селенія Чулокъ, гдѣ и ночевали.

24-го іюля 1-я дивизія переходами черезъ Бутурлиновку перебрасывается въ Карачевку, куда прибываетъ 25-го днемъ.

Донское Командованіе рѣшило взять гор. Бобровъ согласованной атакой съ двухъ сторонъ, причемъ 1-й Донской дивизіи надлежало переправиться черезъ Битюгъ у Мечетки и атаковать городъ съ юго-запада.

Боевыми развѣдками, произведенными 2-й бригадой, при поддержкѣ конныхъ Лейбъ-Казачьихъ сотенъ, 26-го іюля, и конными сотнями Гв. Каз. бригады 29-го іюля, выяснено, что Битюгъ прочно занятъ противникомъ и переправиться можно только съ боемъ. Нѣсколько дней 1-я дивизія занимала позицію Мечетовка — Анновка, причемъ на позиціи находился лишь очередной полкъ, прочіе же располагались въ деревнѣ Козловкѣ.

Противникъ всѣ дни велъ огневой бой, а 28-го пытался нанести ударъ,

шать въ тыловомъ раіонѣ»... Яснѣе и короче говоря, **наибольшихъ силъ требовала война на внутреннемъ фронтѣ** сѣверныхъ и среднихъ полосъ Россіи, казалось бы, прочно занятыхъ большевиками.

хотя и съ потерями, но отбитый въ тотъ же день занимавшими позицію пѣшими сотнями Л. Гв. Атаманскаго полка.

1-го августа начальникомъ дивизіи генераломъ Абрамовымъ, совмѣстно съ команднымъ составомъ, до командировъ сотенъ включительно, была произведена рекогносцировка подступовъ къ переправѣ для намѣченной на 2-ое августа общей атаки.

Однако атака была отмѣнена свыше, и 1-я дивизія далѣе переброшена на правый берегъ Дона на линію г. Павловскъ — Подгорная, оставивъ въ раіонѣ Бутурлиноки Чугуевскій и 3-й Калмыцкій полки.

Остановимся на причинахъ этой переброски и вернемся нѣсколько назадъ.

Со времени майскаго и іюньскаго отхода красное командованіе не теряло времени даромъ.

Пользуясь тѣмъ, что красныя арміи, отброшенныя майскимъ наступленіемъ, отошли на новый фронтъ, сохранивъ въ цѣлости свои кадры, красное возглавленіе проявило незаурядную энергію по приводу въ порядокъ (съ придачей характера «регулярства») и усиленію своихъ частей.

Были объявлены новыя мобилизаціи отъ 18 до 45 лѣтъ и былъ значительно усиленъ учетъ бывшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ старой Россійской Арміи, составлявшихъ, совмѣстно съ прослойкой коммунистовъ изъ рабочаго класса, основную часть Красной Арміи *)

Главковерхъ Вацетисъ былъ смѣненъ бывшимъ полковникомъ Генеральнаго Штаба Каменевымъ, а командующій Южнымъ фронтомъ Гитисъ — Генеральнаго Штаба бывшимъ генералъ-лейтенантомъ Егорьевымъ.

На Южный фронтъ было переброшено 6½ дивизій съ Восточнаго фронта и 3 дивизіи съ Западнаго.

Всѣми этими мѣрами численность Южнаго краснаго фронта была доведена до 172 тысячъ бойцовъ при 610 орудіяхъ («Исторія Гражданской войны», стр. 250, томъ III).

Былъ принятъ слѣдующій планъ генеральнаго наступленія, цѣлью котораго ставилось «уничтоженіе источника живой силы Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи ударомъ по Дону и Кубани **).

---

*) Общее количество чиновъ старой Россійской арміи, мобилизованныхъ въ Красную армію, представлено въ нижеслѣдующей таблицѣ. («Гражданская война». Москва. Госиздатъ. Томъ II. Стр. 78, 79-87, 95).

	Къ 1 января 1919 года.	Къ 1 апрѣля 1919 года
Офицеровъ	22.315	28.410
Военныхъ чиновн.	2.409	2.919
Унтеръ-офицеровъ	128.168	165.191
Военныхъ врачей	2.508	4.365
Низшій медиц. персон.	9.713	15.395
Итого	165.113	216.280

**) «Гражданская война», стр. 259, томъ III, и Егоровъ, стр. 112.

Главный ударъ наносился группой полковника Генеральнаго Штаба Шорина, IX и X совѣтскими арміями, съ фронта — Камышинъ — Балашовъ, и былъ направленъ на Нижній Донъ противъ, I, II-го Донскихъ корпусовъ и Царицынской Кубанской Арміи генерала Врангеля.

Вспомогательный ударъ наносился группой генерала Селивачева (VIII-я армія и двѣ дивизіи XIII-ой арміи) съ фронта Лиски — Новый Осколъ, и былъ направленъ на фронтъ III-го Донского корпуса и стыкъ его съ Добровольческой Арміей.

Въ группѣ Шорина къ 1 августа состояло: 45.000 штыковъ, 12.000 сабель, 1.080 пулеметовъ, 240 орудій.

Въ группѣ Селивачева: 32.800 штыковъ, 4.000 сабель, 1.407 пулеметовъ, 251 орудіе.

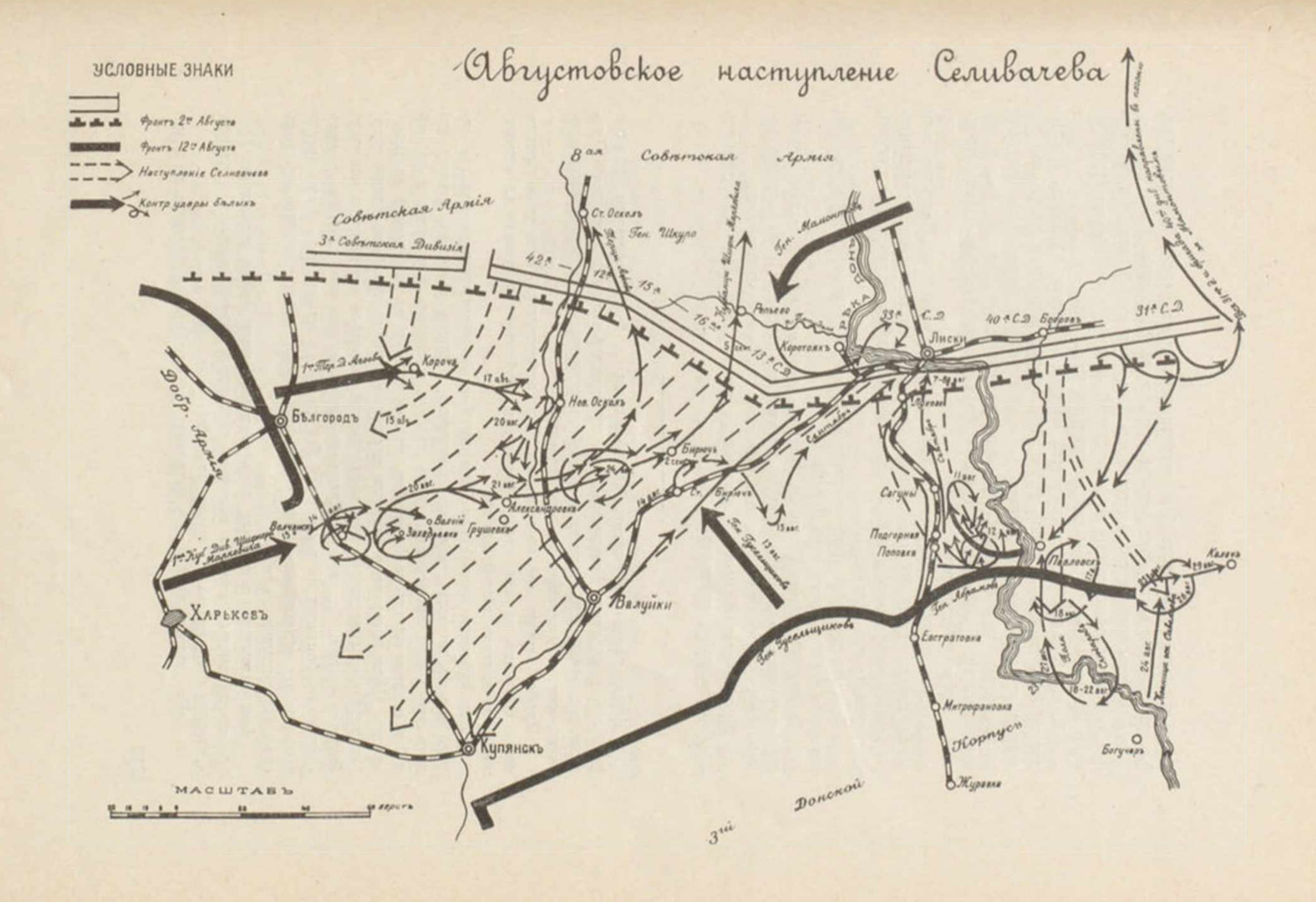
Остальныя части XIII и XIV армій должны были содѣйствовать общему наступленію ударныхъ группъ Шорина и Селивачева, начавъ наступленіе на Лозовую и на Готню. (Однако, генералъ Кутеповъ, за три дня до начала операціи, наступая I-мъ Армейскимъ корпусомъ, разрѣзалъ XIII и XIV арміи и отбросилъ ихъ къ Курску и за Ворожбу, почему никакого содѣйствія наступленію группъ Шорина и Селивачева указанныя части оказать не могли).

Общее наступленіе ударной 38-тысячной группы Селивачева началось 3-го августа противъ всего фронта III-го Донского корпуса, къ тому времени насчитывавшаго въ своихъ рядахъ лишь около 10.000 штыковъ и шашекъ и занимавшаго фронтъ протяженіемъ въ 200 верстъ.

Подъ натискомъ значительно превосходныхъ силъ противника, III-й Донской корпусъ осадилъ съ боемъ назадъ. На его правый флангъ — линію Подгорная — Павловскъ и далѣе стыкъ съ II-мъ Донскимъ корпусомъ — были поставлены 1-я и 3-я Донскія дивизіи подъ общимъ командованіемъ генерала Абрамова. Послѣдній, оставивъ на лѣвомъ берегу Дона, для обезпеченія стыка съ II-мъ Донскимъ корпусомъ противъ 40-й совѣтской дивизіи, группу, составленную изъ 9-го Донского полка, Л. Гв. Донской батареи (отъ 3-й Донской дивизіи) и Чугуевскаго, 3-го Калмыцкаго полковъ, взвода 2-й Донской батареи (отъ 1-й Донской дивизіи), остальные полки своихъ дивизій перевелъ на правый берегъ Дона, съ цѣлью остановить продвиженіе на Евстратовку сильной Лискинской группы противника, имѣвшей въ своемъ составѣ полнорядную, усиленную бронепоѣздами 33-ю совѣтскую дивизію.

10, 11 и 12 полки 3-й Донской дивизіи были весьма малочисленны и на половину состояли изъ недавно влитыхъ казачьихъ дружинъ стариковъ-Мѣшковцевъ.

Полки 1-й Донской дивизіи были болѣе свѣжи, однако, группа 3-хъ полковъ 1-й дивизіи (Гв. Каз. бригада и 4-й Донской полкъ), поставленныхъ на линіи Подгорная — Павловскъ, не превосходила въ своемъ боевомъ составѣ численности въ 1.200 штыковъ и шашекъ, при 18 пулеметахъ и $1\frac{1}{2}$ батареяхъ.



Августовское наступление Селивачева
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Фронтъ 2го Августа
Фронтъ 12го Августа
Наступленіе Селивачева
Контр удары бѣлыхъ
Совѣтская Армія
3я Совѣтская Дивизія
8ая Совѣтская Армія
42я
12я
15я
16я
13я С.Д
33я С.Д
40я С.Д
31я С.Д
Ст. Осколъ
Ген. Шкуро
Ген. Мамонтовъ
Рѣка Донъ
Репьево
Коротоякъ
Лиски
Бобровъ
Нов. Осколъ
Короча
Бѣлгородъ
Добр. Армія
Бирючъ
Ст. Бирючъ
Александровка
Грушевка
Волчанскъ
Харьковъ
Валуйки
Купянскъ
Сагуны
Подгорная Поповка
Павловскъ
Калачъ
Ген. Гусельщиковъ
Евстратовка
Митрофановка
Журавка
Богучаръ
3ій Донской Корпусъ
МАСШТАБЪ

1-я дивизія, выступивъ 6-го августа переходами черезъ Бутурлиновку, Клсново — Павловскъ, 8-го августа прибыла въ Бѣлогорье.

9-го августа на разсвѣтѣ группа изъ 3-хъ полковъ 1-й дивизіи и бригады 3-й дивизіи сосредоточилась на перекресткѣ дорогъ Бѣлогорье — Морозовка и Бѣлогорье — Сагуны для наступленія на Сагуны.

Полки 3-й дивизіи должны были наступать, черезъ Карабутъ, правѣе дороги Бѣлогорье — Сагуны. Полки 1-й дивизіи наступали лѣвѣй той же дороги, причемъ пѣшимъ сотнямъ Л. Гв. Атаманскаго полка, подъ командой полк. Андріанова, надлежало атаковать предварительно дер. Лыково, а пѣшимъ сотнямъ Лейбъ-Казачьяго полка, подъ командой войск. старш. Кононова, деревню Андреевку.

Конныя сотни Лб. Казачьяго полка, подъ командой полк. Поздѣева, шли въ интервалѣ между Лб. Казаками и Атаманцами. По очищеніи обойденнымъ съ фланга противникомъ дер. Лыково, полк. Поздѣевъ двинулся на Сагуны, оторвавшись отъ пѣхоты.

Туда же подошли конныя сотни 3-ей дивизіи, остановившейся въ очищенномъ ею отъ противника Карабутѣ.

Собравшейся подъ Сагунами конницы оказалось мало для атаки деревни, такъ какъ 6-ая сотня, обойдя Сагуны съ сѣвера и дойдя до желѣзной дороги, обнаружила подходъ сильныхъ эшелоновъ противника.

Продержавшись передъ Сагунами до вечера, полк. Поздѣевъ отошелъ на Лыково, гдѣ и ночевалъ.

Между тѣмъ пѣшія сотни Лейбъ-Казаковъ — 2-я, подъесаула Евфимьева и 5-я, подъесаула Моргунова, при пулеметной командѣ подъесаула Туркина, атаковали дер. Андреевку и, выбивъ противника, на его плечахъ прошли деревню и перешли въ преслѣдованіе.

Пройдя версту, онѣ принуждены были остановиться, такъ какъ противникъ, получивъ по жел. дорогѣ сильное подкрѣпленіе, перешелъ въ контръатаку и охватилъ лѣвый флангъ.

Два пулемета подъесаула Туркина быстро ликвидировали охватъ, однако, черезъ полчаса атака была повторена, причемъ краснымъ удалось занять небольшой лѣсокъ за нашимъ лѣвымъ флангомъ. 5-я сотня, а за ней и 2-я, осадили назадъ за Андреевку, занявъ позицію въ полуверстѣ за этимъ селомъ. Цѣпи противника подошли настолько близко, что были видны лица. Наши пулеметы не давали имъ возможности подняться для удара и наносили большія потери. Со стороны красныхъ кричали, что они сдаются. Есаулъ Моргуновъ бросился съ полусотней 5-й сотни въ штыки, но... былъ встрѣченъ такимъ огнемъ, что понеся большія потери сталъ отходить, причемъ красные бросились за нимъ.

Быстро выдвинутые лично подъесауломъ Туркинымъ и хорунжимъ Грековымъ пулеметы, занявшіе выгодное положеніе, срѣзали первую, а затѣмъ и вторую цѣпь красныхъ, и позиція осталась за нами.

...«Противникъ насѣдалъ и патроновъ не жалѣлъ, — говоритъ пул. ур

Колбасинъ, — когда проходили Андреевку, огонь его былъ по-истинѣ сквозняковый. Въ нашихъ цѣпяхъ патроны были на исходѣ. Въ полуверстѣ отъ Андреевки мой пулеметъ остановился на холмикѣ, и огнемъ, безъ прицѣла, по рикошетамъ, я началъ задерживать противника. Огонь былъ удачный: по хорошо видимымъ рикошетамъ страшно удобно было стрѣлять. При поддержкѣ своей не жалѣвшей снарядовъ артиллеріи красные пытались наступать. Шумъ отъ стрѣльбы такой, что мы между собой кричали другъ другу. Я стрѣляю и приговариваю, а рядомъ начальникъ команды тоже приговариваетъ и въ одобреніе бьетъ меня по спинѣ. А второй и третій номера каждый за кожухъ пулемета тянетъ въ свою сторону. Направляетъ на свои кучки красныхъ.

Былъ моментъ, что красные стали подниматься на холмъ, и мы приготовились уже сниматься, какъ удачной лентой, на постоянномъ прицѣлѣ, удалось уложить передовую цѣпь. Теперь красные сразу хлынули назадъ и покатились на Андреевку. Господи, что тутъ происходило на моей спинѣ, и какъ вообще она выдержала: и подъесаулъ Туркинъ, и оба номера въ азартѣ лупили. Ей-Богу, вся спина потомъ красная была...

Противникъ стремился теперь скрыться въ Андреевку, и чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ плотнѣе сбивались его кучки и тѣмъ разительнѣе былъ огонь нашего пулемета.

Я хотѣлъ стрѣлять по оставшимся въ полѣ, но подъесаулъ мнѣ сказалъ: «Развѣ не видишь, что они побиты». Когда я поглядѣлъ на поле, оно было все усѣяно трупами»...

Поле боя осталось за нами.

Ночевали сотни въ лѣсу, что къ востоку отъ позиціи, выславъ впередъ въ дер. Андреевку развѣдку. Команда развѣдчиковъ 5-ой сотни въ темнотѣ захватила и вывезла изъ деревни походную кухню красныхъ съ запряжкой и котломъ полнымъ горячаго борща, пришедшимся кстати, такъ какъ ночь была холодная.

Запись генерала Дьякова говоритъ:

...«Съ утра 10-го августа ген. Абрамовымъ было отдано приказаніе атаки Сагуновъ не возобновлять, такъ какъ въ 3-й дивизіи случилась какая-то неустойка. Частямъ 1-ой дивизіи надлежало начать отходъ на Бѣлогорье. Часамъ къ 8-ми утра ко мнѣ подъѣхалъ ген. Абрамовъ и лично подтвердилъ, что мнѣ нужно отходить, такъ какъ 3-я дивизія, преслѣдуемая противникомъ, уже находится на уступѣ сзади. Къ этому времени у меня впереди находилась 2-я Лб. Казачья сотня подъесаула Евфимьева, ввязавшаяся въ горячій бой, изъ котораго, видно было, она самостоятельно выйти не могла. На выручку ей я двинулъ двѣ пѣшія сотни Атаманцевъ, подъ командой доблестнаго, но нѣсколько медлительнаго полковника В. Андріянова. Атаманскій дивизіонъ положенія 2-ой сотни не спасъ, ибо, выйдя къ уже расправившемуся со 2-ой сотней, значительно превосходному въ силахъ противнику, онъ былъ стремительно атакованъ и принужденъ къ отходу»...

...«10 августа, — говоритъ дневникъ командира 2-ой сотни подъес. Евфимьева, — противникъ насъ предупредилъ и на разсвѣтѣ повелъ наступленіе. Когда сотня была поднята и приведена на опушку лѣса, его цѣпи уже находились въ 400 шагахъ. Быстро командиръ бригады отдалъ распоряженіе: 2-ой сотнѣ идти въ контръ-атаку, а 3-ей конной обезпечить ей лѣвый флангъ... Противникъ, находившійся уже въ 300 шагахъ, встрѣтилъ контръ-атаку огнемъ, но сотня бросилась въ штыки на «ура», и красные побѣжали. Преслѣдуя противника вторая полусотня начала уже загибать флангъ, охватывая Андреевку, какъ я получилъ приказаніе: «Остановите наступленіе и немедленно соберите одинъ или два взвода въ свой резервъ. — Андреяновъ».

Одновременно, въ тылу 2-ой сотни показалась густая цѣпь ,принятая вначалѣ за свой резервъ, но оказавшаяся противникомъ.

Подъесаулъ Евфимьевъ принужденъ былъ отбиваться на два фронта.

Въ довершеніе бѣды, 4-й полкъ отходилъ отъ Сагуновъ, причемъ противникъ, за нимъ спускавшійся, грозилъ отрѣзать и послѣдній выходъ 2-ой сотнѣ на сѣверъ. Конница 4-го полка бросилась на выручку 2-ой сотнѣ, но была отбита. Посадивъ раненыхъ на крупы лошадей дошедшаго до него взвода 4-го полка, подъесаулъ Евфимьевъ, во главѣ 2-й полусотни, началъ пробиваться на сѣверо-востокъ. Что касается до 1-й полусотни, то стремительно и неожиданно атакованная съ тыла, она почти цѣликомъ была уничтожена, и пробиться удалось лишь одиночнымъ казакамъ. Отъ нихъ узнали, что командиръ 1-й полусотни ,доблестный хорунжій Филатьевъ, раненый въ руку, зажимая рану здоровой рукой, пробивался съ группой казаковъ, когда упалъ, сраженный пулей въ грудь. Набѣжавшими красными хорунжій Филатьевъ былъ поднятъ, брошенъ на копну соломы и сожженъ заживо.

Подъесаулъ Евфимьевъ, двигаясь съ боемъ на сѣв.-востокъ, дошелъ до Дона. Здѣсь онъ повернулъ круто на югъ и пробился сквозь красныхъ на Бѣлогорье, откуда поздно вечеромъ присоединился съ уцѣлѣвшей частью сотни къ полку.

Въ этотъ день сотня потеряла двѣ трети своего состава.

Въ то же утро 3-я конная подъес. Рыковскаго, обезпечивая лѣвый флангъ 2-ой, въ конномъ строю ворвалась было съ юга въ Андреевку, но была отброшена на юго-западъ, потерявъ связь съ ес. Евфимьевымъ.

Что же касается 5-ой сотни подъес. Моргунова и пулеметной команды подъес .Туркина, то они, получивъ своевременно приказаніе объ отходѣ на бугры въ направленіи Морозовки, спокойно на разсвѣтѣ туда двинулись, не подозрѣвая о происходящемъ со 2-ой сотней.

...«Командиромъ бригады было сказано, что первая цѣпь за нами будетъ наша, а слѣдующая за ней противника, — отмѣчаетъ подъес. Моргуновъ. — Подходя лощиной къ буграмъ, кои надлежало занять, моя сотня, въ колоннѣ по-три, попала подъ ружейный и пулеметный огонь. Оказалось, что цѣпь, двигавшаяся за нами, была не наша, а красныхъ. Подъ прикрытіемъ огня ранѣе прибывшихъ и уже ставшихъ на позицію пулеметовъ подъес. Туркина сотня развернулась, заняла бугры и послѣдовательно отбила три атаки противника...»

...«Мы заняли, — говоритъ ген. Дьяковъ, — позицію съ отличнымъ

обстрѣломъ, и наступавшіе красные были легко отбиты огнемъ однихъ Лейбъ-Казаковъ и ихъ пулеметной команды. Въ резервъ стали сотни 4-го полка.

Послѣ четырехъ попытокъ насъ атаковать, безъ труда нами отбитыхъ, бой къ вечеру затихъ. Позиція осталась за нами»...

На ночь бригада 3-ей дивизіи сосредоточилась въ Бѣлогорьѣ — 1-я дивизія въ Морозовкѣ.

Утромъ 11-го августа 1-я дивизія перешла въ наступленіе. Очередь наступать была Атаманцевъ, и Лейбъ-Казаки были въ поддержкѣ.

Наступленіе въ началѣ шло успѣшно, но встрѣченное на полдорогѣ къ Андреевкѣ контръ-атакой красныхъ, оно остановилось.

Одновременно создалось тревожное положеніе на правомъ участкѣ, гдѣ безъ предупрежденія отошла 3-я дивизія, и противникъ, подошедшій къ дорогѣ Морозовка — Бѣлогорье, обстрѣливалъ уже ружейнымъ огнемъ штабъ генерала Абрамова, угрожая занять Морозовку.

Спѣшно идутъ на правый участокъ конныя сотни Лейбъ-Казаковъ и туда же двигаются 2-я и 5-я пѣшія сотни полка.

Конныя сотни разворачиваются по-эшелонно и бросаются въ атаку подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника, хорошо примѣнившагося къ мѣстности и почти невидимаго.

Мѣстность изобиловала глубокими оврагами, вымоинами, и часть атакующихъ запуталась въ оврагахъ и вышла въ пустую, и только меньшая часть, группами, во главѣ съ командиромъ 3-й сотни подъесауломъ Рыковскимъ и сотникомъ Усачевымъ, вышла вѣрно на противника.

Сотникъ Усачевъ, только съ нѣсколькими казаками проскочивъ черезъ сѣть овраговъ, не задумываясь, врубился въ красныхъ, кои, видя малочисленность дошедшихъ, не дрогнули и группа Усачева быстро была перебита. Подъ сотникомъ Усачевымъ была убита лошадь, онъ вскочилъ на ноги и отстрѣливался до послѣдняго патрона, пока не былъ поднятъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, на штыки.

Въ группѣ подъесаула Рыковскаго былъ раненъ вольноопредѣляющійся графъ Ребиндеръ, вывезенный изъ схватки на крупѣ лошади лично подъесауломъ Рыковскимъ.

Въ результатѣ, хотя конныя сотни и понесли потери людьми и лошадьми, но было выиграно нужное время для подхода немедленно перешедшихъ въ наступленіе пѣшихъ сотенъ.

Полусотня 5-ой сотни, подъ командой сотника Б. Грекова, взяла уже 2 пулемета противника, когда смертельно былъ раненъ въ голову Б. Грековъ. Полусотня пришла было въ замѣшательство, но подоспѣвшій со взводомъ подъес. Моргуновъ привелъ ее быстро въ порядокъ и отбилъ контръ-атаку красныхъ. Удачна была атака и 2-ой сотни, потерявшей тяжело раненымъ сотника Семилѣтова, но отбросившей противника отъ Морозовки.

Во время боя тяжелый снарядъ разорвался подъ конемъ полк. Поздѣева. Взрывомъ конь и всадникъ были подброшены вверхъ. По счастливой случайности, полковникъ Поздѣевъ отдѣлался лишь контузіей.

Противникъ, понесшій большія потери, съ наступленіемъ сумерекъ отошелъ. 1-я Донская дивизія ночевала въ дер. Саприно.

Бои фронтальнаго характера изо дня въ день вызвали сильную усталость въ людяхъ и вымотанность въ лошадяхъ.

Вымотанъ былъ и противникъ, наступательный порывъ коего былъ сбитъ, и до 17-го августа 1-я дивизія простояла спокойно, поддерживая соприкосновеніе съ противникомъ лишь своимъ сторожевымъ охраненіемъ и ведя развѣдку.

16-го прибыла очередная партія пополненія и ряды пѣшихъ сотенъ пополнились до 150 человѣкъ. Кромѣ того, прибыло двѣ сотни калмыковъ, — одна въ 67, а другая въ 97 штыковъ, кои за отсутствіемъ 3-го калмыцкаго полка, временно, на нѣсколько дней были приданы Лейбъ-Казакамъ.

Того же числа подошла по желѣзной дорогѣ стрѣлковая Донская бригада (Л. Гв. Финляндскій и 3-й Стрѣлковый полки), взявшая съ боя ст. Подгорная.

17-го августа генералъ Абрамовъ рѣшилъ ударить по противнику, занимавшему Сергѣевку и хут. Погорѣльскій. Наступленіе повели вначалѣ цѣпи Атаманцевъ и 4-го полка, 2-я же пѣшая сотня есаула Евфимьева и 5-я пѣшая сотня, которую только что принялъ сотникъ Чекуновъ Сергѣй, первоначально оставались въ резервѣ командира бригады генерала Дьякова.

Вправо была выслана конница Гв. бригады подъ командой полковника Фарафонова, влѣво — сотня калмыковъ.

Пройдя деревню Сергѣевку, пѣшія сотни уперлись въ основательно окопавшагося противника, который открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь легкими и тяжелыми снарядами. Огонь красной артиллеріи корректировался съ поднятой въ красномъ тылу наблюдательной колбасы, и былъ относительно мѣтокъ.

Усиленныя 2-й Л. Каз. сотней вправо, цѣпи бросились въ штыки, но, встрѣченныя сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, залегли. Наша артиллерія испытывала острый недостатокъ въ снарядахъ; имѣвшіеся были плохо калиброваны и часть ихъ не входила въ стволы орудій, другая же часть не разрывалась при попаданіяхъ, и огонь нашихъ пушекъ совершенно не облегчалъ задачи.

Ввиду появленія конницы противника отъ Морозовки, 5-я сотня развернулась на уступѣ вправо и огнемъ остановила эту конницу. Противникъ спѣшился и открылъ огонь, выдвинувъ впередъ пулеметы. Здѣсь былъ тяжело раненъ въ пахъ сотникъ Чекуновъ Сергѣй.

Вотъ тяжело ранятъ взводнаго урядника фланговаго взвода Крылова, и взводъ, потерявъ начальника, открываетъ безпорядочную стрѣльбу. Взводный Крыловъ, вырвавшись изъ рукъ ведшихъ его на перевязочный пунктъ казаковъ, возвращается къ своему взводу, беретъ казаковъ снова въ руки и открываетъ огонь выдержанными залпами по пулеметному взводу противника, который не выдерживаетъ и, прекращая огонь, отходитъ.

Только по прибытіи на флангъ командира сотни есаула Моргунова, замѣнившаго сотника Чекунова, урядникъ Крыловъ позволилъ себѣ покинуть строй.

Между тѣмъ, другая часть конницы красныхъ (красные кубанцы), обойдя лѣвый флангъ, атаковала сотню калмыковъ и, порубивъ часть, остальныхъ загнала въ деревню Сергѣевку. Атака красныхъ кубанцевъ была остановлена высланными изъ резерва конными сотнями 4-го полка.

Бой заглохъ, и 1-я дивизія отошла въ исходное положеніе.

18-го августа данъ былъ отдыхъ, а 19-го дивизіи было приказано взять Сергѣевку и хуторъ Погорѣльскій, которые противникъ отдалъ безъ боя, занявъ позицію въ верстѣ къ сѣверу. Въ головѣ наступали пѣшія Лейбъ-Казачьи сотни. Есаулъ Евфимьевъ, со 2-й сотней быстро пройдя Погорѣльскій, выдвинувшись влѣво, былъ встрѣченъ конной атакой, которую отбилъ огнемъ.

Выдвинутыя вправо 5-я сотня и двѣ сотни Атаманцевъ встрѣченныя сильнымъ огнемъ, безъ содѣйствія нашей артиллеріи, попрежнему не имѣвшей достаточнаго количества снарядовъ, продвинуться не смогли, и 1-я дивизія заночевала въ Сергѣевкѣ.

Съ 21-го августа по 3-е сентября дивизія простояла въ раіонѣ Сергѣевка — Погорѣльскій — Саприно, ведя небольшіе бои съ противникомъ и не давая ему продвигаться впередъ. Относительно крупнымъ былъ бой 27-го августа, когда Гв. Казачья бригада, имѣя влѣво отъ себя стрѣлковую Донскую бригаду, вела бой къ сѣверу отъ Погорѣльскаго со значительно превосходнымъ въ силахъ, перешедшимъ въ наступленіе противникомъ.

Отлично работали по красной конницѣ пулеметы подъесаула Туркина, огнемъ коихъ было перебито много людей и лошадей, причемъ первой лентой была начисто срѣзана группа красныхъ начальниковъ и ихъ ординарцевъ.

Небольшой, но характерный эпизодъ этого боя приводитъ записка урядника Колбасина: «...Красная пѣхота густыми цѣпями спускается къ Погорѣльскому. Увлекшись стрѣльбой, нашъ пулеметъ не замѣтилъ, какъ отошла наша пѣхота и съ ней пулеметная двуколка. По насъ сосредотачивается близкій огонь красныхъ. Первому номеру, казаку Рябичеву пуля перебиваетъ позвоночникъ, у него совершенно не шевелятся ноги. Второму номеру, молодому казаку Самофалову, пуля вошла въ глазъ и вышла за ухомъ; почему-то не было большого выходного отверстія. Мальчикъ проявилъ страшно большое мужество и окончательно отказался оставить пулеметъ.

Стали сниматься. Приказный Скаржинцевъ взялъ Рябичева на плечи, а я тянулъ пулеметъ и 4 коробки съ лентами, связавъ все кожанымъ поясомъ. Самофаловъ несъ одной рукой коробку съ лентами, а другой рукой зажималъ рану за ухомъ.

Уставъ съ тяжестью, снова залегли. Пострѣлявъ, стали вновь сниматься. Тутъ за бѣдой радость: видимъ, возвращается намъ навстрѣчу наша пѣхота — подъесаулъ Моргуновъ, узнавъ, что оставленъ пулеметъ, повернулъ свою сотню обратно.

Вдругъ залпъ — пули проскрежетали надъ головами, второй залпъ — пули прямо подъ ногами. Стали кричать и махать. Оказалось, ускакавшая

послѣдней наша двуколка сказала, что колбасинскій пулеметъ забрали красные, и наша пѣхота, стремясь его отбить, приняла насъ за красныхъ.

Подходящую пѣхоту обгоняетъ скачущій верхомъ нач. пул. команды подъесаулъ Туркинъ и еще издали намъ кричитъ: «Не повѣрилъ, не повѣрилъ!» Оказалось, что когда начальнику команды сообщили о гибели нашего пулемета, онъ не повѣрилъ и, сѣвъ на коня, поскакалъ къ намъ»...

Въ результатѣ боя деревня Сергѣевка и хуторъ Погорѣльскій остались за нами.

Къ тому времени общая обстановка на фронтѣ III-го Донского корпуса вновь рѣзко измѣнилась, уже на этотъ разъ въ пользу Донской Арміи.

По началу наступленіе красной ударной группы генералъ-лейтенанта Селивачева развивалось удачно для послѣдняго. Малочисленныя 2-я и 8-я Донскія дивизіи, составлявшія лѣвый флангъ III-го корпуса, съ боемъ осадили сильно назадъ, и лѣвый флангъ Донской Арміи повисъ въ воздухѣ, Красные оказались въ одномъ переходѣ отъ Харькова и заняли Купянскъ, отдѣливъ Добровольческую Армію отъ Донской и забивъ клинъ шириною въ основаніи около 200 верстъ и высотою, у Купянска, въ 120 верстъ. Директивой краснаго командованія отъ 13-го августа Селивачеву приказывалось взять Харьковъ и Евстратовку (лежащую на линіи жел. дороги Лиски — Новочеркасскъ). (Егоровъ, стр. 138).

Въ то же время Командованіе Юга Россіи рѣшило срѣзать красный клинъ въ его основаніи ударами съ востока и съ запада.

Первымъ бросился генералъ Гусельщиковъ съ пѣшей ударной группой III-го Донского корпуса. 13-го августа онъ прорвалъ фронтъ противника, а 14-го занялъ станцію Бирючъ, перерѣзавъ жел. дор. Купянскъ — Лиски. Будучи обойденъ съ тыла, генералъ Гусельщиковъ былъ вынужденъ отойти въ раіонъ Марьевки — Шемякино, откуда новыми боями сталъ тѣснить противника на сѣверъ.

Большой результатъ далъ фланговый ударъ съ запада Кубано-Терскаго коннаго корпуса генерала Шкуро, усиленнаго нѣкоторыми Кубанскими частями и 3½ батальонами Марковцевъ, Корниловцевъ и Самурцевъ.

Корпусъ Шкуро 15-го августа у Корочи разбилъ 3-ю и 42-ю совѣтскія дивизіи, между 15 и 20мъ августа у Волчанска разбилъ крупныя силы, угрожавшія Харькову, 21-го августа разбилъ 12-ю совѣтскую дивизію съ крупной группой противника южнѣе Н. Оскола и у Грушевки-Александровки, и двинулся далѣе въ направленіи на Бирючъ, гоня потрепанныя дивизіи

Надавилъ своими лѣвыми флангами и III-й Донской корпусъ, причемъ особенную активность проявляли 7-ая пластунская бригада и группа генерала Гусельщикова, дѣйствуя восточнѣе жел. дор. Валуйки — Лиски.

Группа красныхъ Селивачева, получая удары со всѣхъ сторонъ и имѣя въ тылу конницу генерала Мамонтова, спѣшно стала уводить свои разбитыя дивизіи на югъ и юго-востокъ. Красные уходили, не будучи въ состояніи удержаться на указываемыхъ своимъ командованіемъ рубежахъ, и скоро, съ

паденіемъ линіи Н. Осколъ — Бирючъ, качнулся и лѣвый Селивачевскій флангъ у Подгорной.

4-го сентября Гв. Казачья бригада перебрасывается къ жел. дор. у ст. Подгорной и начинаетъ движеніе вдоль полотна жел. дор. на Лиски, тѣсня части 33-й совѣтской дивизіи.

5го сентября бригада проходитъ Подгорную, 6-го предполагалась атака дер. Лобановки, однако, противникъ боя не принялъ и Лобановку прошли не задерживаясь. Несмотря на то, что для скорости движенія пѣшія сотни были посажены на повозки, противника догнать не удалось.

7-го сентября Гв. Казачья бригада ночевала въ хуторахъ, на полдорогѣ отъ дер. Колыбельки къ Лискамъ. Уже съ вечера командиромъ полка полковникомъ Фарафоновымъ было получено приказаніе утромъ 8-го занять жел. дор. ст. Лиски и слободу Ново-Покровскую, лежавшія на противоположномъ берегу Дона.

Гв. Казачья бригада должна была наступать правѣе жел. дор., а Донская стрѣлковая бригада лѣвѣе.

8-го сентября съ разсвѣтомъ Гв. Казачья бригада двинулась и къ 8-ми часамъ утра уже была въ 3-хъ верстахъ отъ Лисокъ.

Мѣстность, отдѣляющая бригаду отъ Лисокъ, была относительно ровная и покатая къ рѣкѣ, лишь у берега Дона тянулись широкіе овраги, въ глубинѣ коихъ лежала сл. Залужное.

Слобода соединялась черезъ Донъ со ст. Лисками и слободой Ново-Покровской деревяннымъ, хорошо видимымъ мостомъ.

Хорошо были видны ст. Лиски и жел.-дор. пути, буквально забитые эшелонами вагоновъ. Противника нигдѣ не было видно, и, казалось, онъ очистилъ Лиски, какъ очищалъ безъ боя и всѣ пройденные бригадой за послѣдніе три дня пункты.

Влѣво отъ желѣзной дороги, гдѣ должна была разворачиваться стрѣлковая Донская бригада, царила полная тишина. Видимо, и тамъ противника не было.

Очередь наступать была Лейбъ-Казакамъ. Атаманцы шли въ поддержкѣ.

Командиръ полка подошелъ къ командовавшему въ тотъ день пѣшими сотнями полковнику Поздѣеву: «Ну-ка, Константинъ Ростиславовичъ, разсыпай цѣпи и вали прямо на мостъ».

Быстро разсыпалась 5-я пѣшая сотня подъес. Моргунова въ направленіи на мостъ, а правѣе — 2-я сотня подъес. Евфимьева. Еще правѣе, на уступѣ назадъ, построила лаву конная сотня Атаманцевъ.

Сотни наканунѣ получили крупное пополненіе, приведенное изъ 1-го запаснаго полка хор. Л. Анищенковымъ, и имѣли 180 штыковъ каждая, настроеніе было поэтому приподнятое и увѣренное, и наступленіе быстро развивалось.

Впереди ясно обозначалась длинная линія свѣжихъ окоповъ, казавшихся пустыми.

Вотъ цѣпи подошли на 800 шаговъ.

Окопы противника ожили частымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Одновременно открыла огонь расположенная по ту сторону Дона артиллерія красныхъ.

Сотни рванулись впередъ. Быстро стали расти потери, и Лейбъ-Казаки, мѣстами дошедшіе на 200-300 шаговъ, залегли. Было ясно, что безъ поддержки нашей артиллеріи противника не выбить. Наши батареи отстали, и полковникъ Фарафоновъ послалъ поторопить выдвиженіе ихъ впередъ.

Подошли 1-я и 2-я батареи, изъ коихъ 1-я, полковника Афанасьева, недавно была перевооружена новыми англійскими орудіями и имѣла достаточный запасъ снарядовъ.

Первой же очередью полковникъ Афанасьевъ сбилъ пулеметный взводъ противника, мѣшавшій продвиженію 5-й сотни, причемъ красные стали здѣсь выбѣгать изъ окоповъ назадъ. Видя это, хорунжій Иловайскій бросился со своимъ взводомъ въ штыки, но упалъ, прострѣленный въ грудь навылетъ, и взводъ залегъ.

Большія потери понесла и 2-я сотня, гдѣ былъ убитъ хорунжій Анищенковъ.

Тѣмъ не менѣе, подбодренныя огнемъ своихъ двухъ батарей, вызвавшихъ явное замѣшательство у противника (были видны четыре большихъ взрыва въ Лискахъ, очевидно, уничтожаемыхъ красными складовъ снарядовъ), сотни готовились къ атакѣ, когда пришло приказаніе остановить наступленіе и окопаться до смѣны стрѣлковой бригадой. Смѣна состоялась вечеромъ.

Выяснилось, что 1-я дивизія получила еще наканунѣ новую боевую задачу и должна была спѣшно перейти въ раіонъ гор. Павловска.

Приказаніе ошибочно не дошло своевременно до штаба 1-й дивизіи, но дошло до сосѣдей, почему Лейбъ-Казаки и наступали въ одиночествѣ.

За начатую и неоконченную атаку Лисокъ Лейбъ-Казаки потеряли:

офицеровъ:

убитыми — хорунжій Анищенковъ.

тяжело раненымъ — хорунжій Иловайскій (скончался въ лазаретѣ полка въ Ростовѣ).

легко раненымъ — подъесаулъ Моргуновъ.

казаковъ:

убитыми — 30.

ранеными — 97.

Особенно велики были потери 5-й сотни, гдѣ выбыли вахмистръ подхорунжій Бондарчуковъ и всѣ взводные урядники, а также и въ пулеметной командѣ, гдѣ полностью выбыла прислуга двухъ пулеметовъ.

Вообще, бои III-го Донского корпуса подъ Лисками въ началѣ сентября были неудачны:

6-го сентября Селивачевъ приказалъ (Егоровъ, стр. 125) 15-ой, 13-ой, 33-ой и 31-ой совѣтскимъ дивизіямъ (послѣдняя вернулась изъ скитаній за Мамонтовымъ) отойти на лѣвый берегъ Дона, переправляясь у Коротояка и Лисокъ.

Такимъ образомъ, на короткомъ отрѣзкѣ Дона, у Коротояка и Лисокъ, было сосредоточено 4 совѣтскихъ дивизіи.

Принимая во вниманіе истощенность этихъ дивизій (кромѣ 33-й), наступленіе Донцовъ на Лиски, казалось, должно было увѣнчаться успѣхомъ, если бы удары группъ были бы согласованы и были бы направлены не только въ лобъ расположенной за естественной преградой (р. Донъ) позиціи противника. Къ сожалѣнію, атаки частей III-го и IV-го корпусовъ были не согласованы по времени и связь между сосѣдними частями отсутствовала.

Въ результатѣ — большія потери, при попыткѣ взять Лиски лобовой атакой, понесла группа доблестнаго генерала Гусельщикова, гдѣ выбылъ весь старшій командный составъ во главѣ съ самимъ генераломъ Гусельщиковымъ, начальниками штабовъ, командирами бригадъ, и нѣсколько командировъ полковъ. (Справка: «Операт. Донской Арміи, № 013386).

Большія потери понесъ и IV-й Донской корпусъ, въ цѣляхъ занятія Лисокъ, было перешедшій черезъ Донъ у Копанище (восточнѣе Коротояка).

Здѣсь за раненіемъ выбыли командиръ бригады генералъ Татаркинъ, нѣсколько командировъ полковъ, командиры всѣхъ батарей, въ одной изъ коихъ была перебита вся прислуга.

IV-й корпусъ, правда, по признанію красныхъ, уничтожилъ бригаду противника, но самъ понесъ потерю до трети состава. (Справка: Оперативная Донской Арміи отъ 9-го сентября).

Однако, то были послѣднія судороги почти что добитой VIII-й совѣтской арміи, отбивавшейся у Лисокъ своими послѣдними кадрами.

Въ большевистской офиціальной сводкѣ первыхъ чиселъ сентября говорилось:

«Безпрерывные бои, продолжавшіеся 2 недѣли, привели VIII-ю армію къ полному разстройству въ смыслѣ потери тыловыхъ учрежденій и большихъ потерь въ дивизіяхъ.

12-я и 13-я дивизіи, имѣя по 500 штыковъ каждая, въ настоящее время небоеспособны.

15-я дивизія, имѣвшая 7-го сентября 1.700 штыковъ, въ бою 8-го сентября потеряла батарею и цѣликомъ 2 полка.

16-я дивизія имѣетъ только одну бригаду изъ двухъ потрепанныхъ полковъ.

33-я дивизія ежедневно въ бояхъ несетъ большія потери, а къ 2-му сентября имѣла до 4.000 штыковъ.

31-я дивизія совершенно деморализована, частью разбѣжалась, частью обезоружена»...

(Справка: Какуринъ. «Какъ сражалась революція», стр. 310, т. II).

То была та самая VIII-я армія, коя еще 2-го августа, мѣсяцъ назадъ, насчитывала въ своемъ составѣ 27½ тыс. штыковъ и сабель... (Справка: Егоровъ, стр. 112).

Въ слѣдующей XII-й главѣ мы увидимъ, что участь группы Селивачева раздѣлила и главная ударная группа Шорина, и генеральное наступленіе красныхъ полчищъ, для выполненія августовскаго плана «удара по Дону и Кубани, какъ по источникамъ живой силы Арміи Юга России» («Гражд. война», томъ III, стр. 259) было полностью ликвидировано.

Интересно привести заключеніе совѣтскаго военнаго министра Троцкаго и командарма, Генеральнаго Штаба полковника Егорова (вскорѣ принявшаго командованіе Южнымъ фронтомъ) о причинахъ большевистской неудачи:

...«Мы, — говоритъ Троцкій (въ своемъ трудѣ, стр. 301, томъ II, книга I) — пошли по линіи наибольшаго сопротивленія, по мѣстамъ, сплошь населеннымъ казачествомъ, которое обороняло свои очаги въ атмосферѣ народной войны»...

...«Вмѣсто того, чтобы развивать главный ударъ... по линіи Харьковъ — Бердянскъ, Харьковъ — Таганрогъ обѣщавшій наибольшій успѣхъ съ наименьшей затратой силъ»...

То же говоритъ и Егоровъ (стр. 129, 130 и 232 его труда).

...«Дѣйствія Южнаго фронта закончились катастрофической неудачей... Планъ наступленія ни въ какой мѣрѣ не отвѣчалъ обстановкѣ на Южномъ фронтѣ — ни въ отношеніи политическомъ, ни географическомъ, ни въ стратегическомъ... Вмѣсто того, чтобы оставить противъ Донской Арміи, не имѣвшей желанія выходить за предѣлы своей области, но сильной и активной въ оборонѣ, слабые заслоны, сосредоточивъ максимумъ силъ противъ Добровольческой Арміи, мы располагаемъ сильнѣйшую наступательную группировку противъ Донской Арміи, а слабѣйшую противъ Добровольцевъ. За это жесточайшимъ образомъ и платимся...

...Мы грудью шли на Донъ, увеличивая съ каждымъ шагомъ казачій барьеръ передъ собою»...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ общихъ условіяхъ существованія на фронтѣ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи, въ коихъ Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ боролся.

Конецъ іюля и августъ прошли въ тяжелыхъ фронтальныхъ бояхъ съ сильнѣйшимъ (и количественно, и технически) противникомъ. Лейбъ-Казаки неизмѣнно выполняли боевыя задачи, почему почти не бывало боевъ 1-й дивизіи, когда полкъ, даже будучи въ резервѣ, не вызывался бы впередъ. Потери полка были велики.

Кромѣ потерь отъ огня, безжалостно косилъ ряды свирѣпствовавшій кругомъ сыпной тифъ. По условіямъ непрерывныхъ боевъ и переходовъ, никакихъ предохранительныхъ мѣръ принять нельзя было. Не только не приходилось мечтать о стиркѣ бѣлья горячей водой, но и въ самомъ бѣльѣ, какъ и въ обмундированіи, чувствовался острый недостатокъ.

Донъ далъ крайнее напряженіе и 19-го августа объявилъ общую мобилизацію всего своего казачьяго населенія. Подъ ружьемъ, вмѣстѣ съ ранѣе

призванными, стали 28 возрастовъ. Рядомъ съ сѣдымъ дѣдомъ за винтовку взялся и малолѣтній внукъ.

Полки 1-й дивизіи пополнялись молодыми, еще не обучавшимися казачатами 20-го и 21-го годовъ призыва. Первоначально ихъ ускоренно обучали въ Персіановскихъ полковыхъ командахъ, о коихъ говорилось выше. Команды эти имѣли импровизированный характеръ, почему, въ концѣ августа, Донское Войско, для обученія молодыхъ казаковъ, сформировало три постоянныхъ запасныхъ полка.

Командиромъ 1-го Донского запаснаго коннаго полка, обслуживавшаго 1-ю дивизію и поставленнаго въ Ростовѣ, былъ назначенъ Лейбъ-Казакъ полковникъ Н. В. Номикосовъ. Командиромъ 1-ой сотни, готовившей пополненіе для Лейбъ-Казачьяго полка, былъ назначенъ Лейбъ-Казакъ есаулъ В. П. Андріановъ. Младшіе офицеры и урядники сотни были Лейбъ-Казаки, оправлявшіеся отъ раненій и тифа въ Ростовскомъ полковомъ лазаретѣ.

Несмотря на относительно большое количество пополненій, влитыхъ за разбираемый періодъ въ ряды полка, съ трудомъ поддерживался скромный боевой составъ, въ 2 пѣшихъ и одну или полторы конныхъ сотни, при пулеметной командѣ, что давало средній боевой составъ въ 400-450 штыковъ и шашекъ, при 8 пулеметахъ.

Въ полку чувствовался сильный недостатокъ въ урядникахъ.

Свою огромную недостачу въ офицерскомъ составѣ *) Донское Войско покрывало широкимъ производствомъ въ офицеры отличившихся въ бою урядниковъ, что въ свою очередь вызывало недостатокъ въ послѣднихъ *).

Недостатокъ въ урядникахъ особенно остро давалъ себя знать въ казачьей пѣхотѣ, ибо боевое управленіе современнымъ разсыпнымъ строемъ зиждется на управленіи рамкою начальниковъ надъ взводами, отдѣленіями и звеньями.

Недостатокъ подготовленныхъ низшихъ начальниковъ велъ къ затрудненію управляемости цѣпи и, слѣдовательно, къ соотвѣтственному сильному пониженію ея боевыхъ качествъ.

Вопросъ обмундированія, какъ и вопросъ обуви, стоялъ остро: несмотря на наступившіе холода, не было не только теплыхъ вещей, но часть людей не имѣла даже шинелей.

Къ сыпнотифознымъ заболѣваніямъ прибавились простудныя, а съ холодами появились и обмороженные казаки.

*) Нельзя не отмѣтить, что просьбы Донского Командованія о командированіи офицеровъ изъ состава Добровольческой Арміи, гдѣ офицеры за отсутствіемъ вакансій несли службу рядовыхъ, не исполнялись.

Такъ, 21 сентября генералъ Сидоринъ отмѣчалъ въ своемъ донесеніи НР 0453/К генералу Деникину: «Донская Армія не снабжалась совершенно техническими средствами, чувствуетъ недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, кои начали поступать лишь въ послѣднее время, и испытываетъ громадный недостатокъ въ офицерахъ, въ пополненіи коего Вами отказано».

Англія доставила не имѣвшему своего сукна Югу Россіи 250 тысячъ комплектовъ обмундированія. Это количество, принимая во вниманіе число мобилизованныхъ, какъ и потери убитыми, ранеными и тифозными, конечно, являлось недостаточнымъ.

Кромѣ того, доставленное Англіей обмундированіе поступало на фронтъ крайне скупо: требованія Донскихъ частей на обмундированіе съ представленіями соотвѣтствующихъ вѣдомостей и цифровыхъ данныхъ, шли въ Донское Интендантство, коимъ передавались въ Добровольческое, а не непосредственно англичанамъ.

Создавались такимъ образомъ лишняя контрольная инстанція (притомъ при сомнительности вообще дѣйствительности какого бы то ни было контроля въ условіяхъ гражданской войны) и лишняя проволочка времени.

Повидимому, имѣла мѣсто и намѣренная затяжка выдачъ интендантствомъ, ввиду ограниченности общаго запаса обмундированія желавшимъ растянуть его на возможно болѣе долгій срокъ. Это предположеніе подтверждается фактами сожженія въ концѣ 19-го года въ покидаемыхъ большихъ центрахъ, какъ Новороссійскъ, Ростовъ, Екатеринодаръ, а позднѣе и Новороссійскъ, громадныхъ складовъ нерозданнаго обмундированія.

Вопросъ питанія разрѣшался благополучно: благодаря разрѣженности фронта можно было покупать необходимое на мѣстѣ, если же не хватало мѣстныхъ средствъ, то покупки производились въ ближайшемъ тылу.

При дивизіи имѣлось дивизіонное интендантство.

Дивизіонный интендантъ дѣлалъ что могъ, однако, возможности его были весьма ограничены неудовлетворительной работой тылового интендантства и слабостью желѣзнодорожнаго транспорта.

Тыловое интендантство не составляло исключенія въ числѣ прочихъ учрежденій тыла Гражданской войны, перегруженныхъ личнымъ составомъ, а потому развивавшихъ тормозившую работу канцелярщину.

Желѣзнодорожный транспортъ работалъ слабо, ибо сказывался недостатокъ вагоновъ и забитость путей. Да и какъ могли они не быть забитыми, если кромѣ опытныхъ и, какъ общее правило, добросовѣстно работавшихъ желѣзнодорожниковъ, на путяхъ командовалъ и распоряжался рядъ лицъ, отъ комендантовъ до командировъ бронепоѣздовъ и начальниковъ «базъ» *), имѣвшихъ слабое представленіе о желѣзнодорожномъ дѣлѣ.

Дивизіонный интендантъ доставлялъ все добытое имъ отъ казны по желѣзной дорогѣ на базу, съ коею обозъ II-го разряда держалъ постоянную связь. Въ случаѣ недостатка въ продовольствіи обозомъ II-го разряда заку-

---

*) Каждый уважающій себя начальникъ бронепоѣзда имѣлъ за собою 2-3 базы, представлявшія собою солидное количество товарныхъ вагоновъ, съ нерѣдко прицѣпленнымъ паровозомъ, норовившіе стать обязательно на жел.-дор. узлахъ.

Были и базы носившія анекдотическій характеръ: полковникъ Добрынинъ, въ

палось мясо, фуражъ, даже выпекался хлѣбъ, и все доставлялось въ свои полки.

На обозъ II-го разряда ложились не только перевозка и доставка запасовъ, но и восполненіе всѣхъ пробѣловъ скверной работы тыла.

Такъ, — за неналаженностью, а часто и за отсутствіемъ тыловыхъ этаповъ, эвакуація раненыхъ шла на свой полковой обозъ, который озабачивался дальнѣйшей эвакуаціей.

Такъ, — за удаленностью госпиталей, раненые и больные люди лечились въ составѣ особыхъ командъ при обозѣ.

Такъ, — за сквернымъ состояніемъ обуви, при недостаточной работѣ интендантскихъ и тыловыхъ починочныхъ мастерскихъ, образовывались полковыя починочныя мастерскія при обозѣ.

Такъ, за неполученіемъ лошадей въ должномъ количествѣ 1-ой дивизіей и за необходимостью дорожить каждой лошадью, легко раненыя лошади задерживались для леченія въ обозѣ. (Лишь лошади, нуждавшіяся въ продолжительномъ леченіи, направлялись въ полковой ветеринарный лазаретъ, въ виду удаленности Ростова и фуражныхъ трудностей тамъ, переведенный ближе къ фронту, въ раіонъ, гдѣ у полка имѣлись свои заготовки фуража).

Обычно пополненія, направленныя въ полкъ изъ тыла, шли черезъ обозъ II-го разряда. Въ началѣ августа полку было предложено взять около 250 мобилизованныхъ крестьянъ-хохловъ Воронежской губерніи. Полкъ не отказался, свелъ ихъ при обозѣ II-го разряда въ команды при 2-3 офицерахъ, гдѣ люди были подъучены и постепенно, партіями отъ 50 до 100 человѣкъ, влиты въ пѣшія сотни. (Поступивъ въ твердые кадры полка, крестьяне эти, не желая отставать отъ казаковъ, хорошо дрались съ красными).

Многообразіе функцій обоза II-го разряда вело къ его «распуханію».

Вообще громоздкость обозовъ и ихъ «распуханіе» были большимъ зломъ Гражданской войны, и при исчисленіи силъ борющихся сторонъ и боевыхъ составовъ, изслѣдователи часто впадаютъ въ крупныя ошибки, не учитывая этой стороны общей обстановки Гражданской войны.

Помимо указанной основной причины «распуханія» обозовъ, часто дѣй-

---

своей работѣ «Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи», приводитъ случай, когда при разгрузкѣ станціи Звѣрево была обнаружена «автобаза» въ 22 вагона одного изъ Донскихъ корпусовъ, не имѣвшаго ни одного автомобиля.

При іюльскомъ прорывѣ краснаго фронта IV Донскимъ корпусомъ генерала Мамонтова, вся громада обозовъ частей этого корпуса, естественно до начала операціи, была оставлена и отправлена въ тыловой раіонъ Донецкаго округа.

Корпусъ генерала Мамонтова вернулся изъ рейда, обзаведясь новымъ обозомъ, прежній же продолжалъ оставаться чуть ли не до ноябрьскаго наступленія красныхъ въ глубокомъ тылу, благодушно предоставляя вихрю событій, потрясавшихъ всю Россію, нестись мимо.

Въ томъ же трудѣ полковника Добрынина приводится и другой случай извлеченія генераломъ Мамонтовымъ (при отходѣ отъ Сватова) изъ состава обозовъ 4-го корпуса до 4.000 бойцовъ.

ствовала и другая, заключавшаяся въ стремленіи людей, истомленныхъ жестокой обстановкой гражданской войны, хоть немного передохнуть въ своемъ ближайшемъ тылу.

Въ 1-ой Донской конной дивизіи, благодаря строгому внутреннему порядку, вліяніе послѣдней причины было доведено до минимума. Всѣми обозами частей дивизіи командовалъ одинъ изъ старшихъ строевыхъ штабъ-офицеровъ, ведшій строгій учетъ поступавшихъ изъ полковъ людей и лошадей.

Безъ разрѣшенія этого штабъ-офицера *) не могла быть занята ни одна обывательская подвода.

Тѣмъ не менѣе, и обозъ І-го дивизіи въ августѣ, благодаря большимъ потерямъ ранеными и большой заболѣваемости людей, сильно увеличился, и было время, когда въ составѣ его находилось болѣе 1.200 человѣкъ (т. е. средній боевой составъ того времени 3-хъ полковъ дивизіи), а количество лошадей значительно превышало число ихъ въ строю.

Начальникъ дивизіи генералъ Абрамовъ командировалъ полковника Фарафонова для детальной повѣрки и отбора всего возможнаго въ строй.

Изъ сохранившагося въ дѣлахъ полка рапорта полковника Фарафонова видно, что въ день повѣрки въ обозѣ II го разряда Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка состояло:

лошадей:		
раненыхъ и больныхъ	1-й сотни	111
» »	3-й сотни	87
» »	6-й сотни	73
» »	пул. к-ды	41
Итого		312
обозныхъ (верхов. и упряжн.)		32
	Всего	344
людей:		
легкораненыхъ, больныхъ и уборщиковъ изъ разсчета 1 на 3 лош.		156
санитаровъ (они же церк. пѣвчіе)		14
фельдшеровъ (медиц. и ветер.)		5
кузнецовъ		16
обозныхъ казаковъ		17
писарь и два урядника-пріемщики, зав. хозяйствомъ		3
	Итого людей	211

Къ большой чести Лейбъ-Казачьяго полка, этой ревизіей въ составѣ обоза полка не обнаружено людей и лошадей, не подлежательно тамъ находившихся и годныхъ для строя.

---

*) Одновременно этотъ штабъ-офицеръ завѣдывалъ всѣмъ снабженіемъ своего полка. Въ Л. Гв. Каз. полку эту должность послѣдовательно занимали полк. Оприцъ, в. с. Шепетовскій, в. с. Дубенцевъ и полк. Воронинъ.

Изложенная организація питанія, снабженія и пополненія имѣла недостаткомъ нѣкоторую сложность и вызывала большой расходъ людей. Однако, необходимость такой организаціи вызывалась плохой работой тыла Гражданской войны, вынуждавшаго части самостоятельно заботиться объ удовлетвореніи своихъ острыхъ нуждъ. Отмѣтимъ попутно, что именно эта форма работы частей 1-й дивизіи обусловила въ 1919 году полное отсутствіе въ 1-й дивизіи практики «самоснабженія» или, проще говоря, разъѣдавшаго многія другія части на фронтѣ воровства и грабежа у населенія. (Обычно первоначальной причиной практики «самоснабженія» являлось неудовлетвореніе людей необходимыми и полагающимися предметами довольствія).

Скажемъ нѣсколько словъ о вооруженіи, снабженіи боевыми припасами и техническими средствами борьбы.

Главнымъ оружіемъ являлась трехлинейная винтовка со штыкомъ и станковый пулеметъ Максима.

Недостатка въ винтовкахъ не было. Въ случаяхъ порчи онѣ легко замѣнялись изъ числа имѣвшихся отобранныхъ у красныхъ трофеевъ.

Въ концѣ 1919 года появилось нѣкоторое количество изготовленныхъ въ Англіи русскихъ новыхъ трехлинейныхъ винтовокъ, отлично бьющихъ и имѣющихъ прицѣлъ съ діоптромъ. Въ слѣдующемъ году, въ Крыму, этими винтовками былъ перевооруженъ весь полкъ.

Хуже обстояло дѣло съ пулеметами. Первые полученные полкомъ изъ артиллерійскаго склада въ Новочеркасскѣ были запущены и разболтаны. При провѣркѣ ихъ стрѣльбою, бывшій начальникъ полковой пулеметной команды мирнаго времени, отличный стрѣлокъ, хорошо владѣвшій пулеметомъ, полковникъ Поздѣевъ не могъ выбить и минимальной оцѣнки.

Съ выходомъ полка на фронтъ казенные пулеметы постепенно замѣнялись взятыми у большевиковъ съ боя трофейными.

Однако и красные пулеметы были не лучше: такъ, въ бою 23 марта у Успенки, при провѣркѣ ихъ лично полковникомъ Поздѣевымъ, половина пулеметовъ не подавала ленты, что приходилось дѣлать третьему номеру. Стрѣляя по противнику, полк. Поздѣевъ не могъ добиться должнаго результата, ибо вѣроятность попаданія отсутствовала.

Надлежитъ попутно замѣтить, что боевая стрѣльба была слаба и по другой причинѣ: казаки призыва 18-хъ и 19-хъ годовъ прошли очень малый курсъ стрѣльбы, ибо на ихъ учебную стрѣльбу было отпущено очень мало патроновъ.

Въ дальнѣйшемъ, по мѣрѣ выбытія за раненіями и болѣзнями казаковъ 18 и 19 годовъ и ихъ замѣны почти необученными молодыми казаками 20 и 21 годовъ, дѣло стрѣльбы еще болѣе понизилось.

Какъ общее правило, противнику на дистанціи 1.500-2.000 шаговъ пораженія не наносилось, а между тѣмъ огонь на этой дистанціи уже долженъ быть дѣйствительнымъ.

Выручало то, что красные стрѣляли еще хуже. Однако тамъ, гдѣ полкъ встрѣчался съ хорошими частями, какъ, напримѣръ, съ Богучарскимъ полкомъ (изъ состава 40-й совѣтской дивизіи), состоявшимъ изъ отличныхъ

солдатъ 13, 14 и 15 годовъ, а также 33-й совѣтской дивизіи, переформированной изъ Таманской арміи (остатки I, II и Ш Кавказскихъ корпусовъ), полкъ несъ большія потери отъ огня, при невозможности отвѣтить тѣмъ же, ибо воевалъ почти стрѣльбѣ не обученными малолѣтками.

Починка пулеметовъ производилась на фронтѣ замѣной частей изъ числа захваченныхъ трофейныхъ. Какъ исключеніе — отправляли въ обозъ II-го разряда, гдѣ находился оружейный мастеръ.

Послѣ отступленія изъ Ростова, въ январѣ 1920 года, полкъ получилъ 6 пулеметовъ Виккерса подъ англійскій патронъ, а также ручные пулеметы Льюиса подъ англійскій же патронъ. Пулеметы были новые или же исправленные, но въ очень хорошемъ состояніи и били прекрасно.

Съ такими пулеметами можно было дѣлать чудеса и подъ Новороссійскомъ они себя хорошо показали.

Если бы полкъ съ самаго начала Гражданской войны былъ снабженъ новыми станковыми и новыми ручными пулеметами, то это бы сберегло до 50 процентовъ изъ понесенныхъ потерь, а кромѣ того многіе бои приняли бы совсѣмъ другой оборотъ.

Питаніе патронами производилось изъ огнескладовъ тыла. Доставка ихъ на фронтъ хромала и бывали случаи когда выручали запасы патроновъ, взятыхъ съ боя у красныхъ.

Хуже обстояло дѣло съ артиллерійскими снарядами, въ коихъ двѣ полевыя батареи (тяжелой артиллеріи при дивизіи не было) весьма часто испытывали недостатокъ.

Что касается техническихъ средствъ, то ими 1-ая дивизія вообще не снабжалась. Лишь въ бояхъ февраля дивизіи сопутствовалъ старенькій, отобранный у красныхъ, броневичекъ, въ состояніи близкомъ къ полной негодности.

Танки и аэропланы 1-я Донская дивизія видѣла лишь на фотографіяхъ.

Примитивны были средства связи: телефонная связь благодаря отсутствію аппаратовъ поддерживалась лишь со штабомъ дивизіи. Поэтому, какъ общее правило, должной связи наступающей пѣхоты со своею артиллеріей не существовало: батарея стрѣляла по цѣлямъ, ею самостоятельно выбираемымъ (обычно по принципу выгодности для попаданія). Мѣшающіе продвиженію цѣпи впередъ пулеметы противника часто сбивались залповой ружейной стрѣльбой, за отсутствіемъ возможности сообщить объ ихъ мѣстонахожденіи на батарею.

Въ августѣ, согласно приказу Донского Атамана, въ Ставку генерала Деникина была командирована сотня казаковъ отъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго и Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго полковъ, по 60 казаковъ отъ каждаго, при командирѣ сотни Лейбъ-Казакѣ есаулѣ Рыковскомъ и младшихъ офицерахъ Лейбъ-Казакѣ сотникѣ Ляховѣ и двухъ отъ Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго полка.

Періодъ іюля и августа по 8-ое сентября, проведенный въ бояхъ съ 40-й и 33-й совѣтскими дивизіями, былъ исключительно великъ потерями:

Дата	Мѣсто боя	Офицеры			Казаки				Лошади		
		уб.	ран.	сыпн. тифъ	уб.	ран.	сыпн. тифъ	безъ вѣсти проп.	уб.	ран.	чесот. и подб.
іюля											
19	Бутурлиновка		1		1	4			1	4	
20	Вел. Архангельское		6		12	96			25	69	
22	Вел. Архангельское		1		3	20		3	11	31	
23	Чулокъ					1				1	
26-29	р. Битюгъ				1	4			1	11	
августа											
9	Андреевка				6	28				3	
10	Андреевка	1			14	30		30	1	10	
11	Морозовка	2	3		8	32			8	35	
12-15	Стычки, развѣдка				1	4				4	
17	Сергѣевка				1	4				1	
19	Сергѣевка		1		8	43				2	
по 3 **сент.**	— развѣдка					4				2	
8 сент.	—Атака Лисокъ	2	1		30	97					
ИТОГ съ 18 іюля по 9 сентября		5	13	6	85	367	385	33	47	173	139

ГЛАВА XII.

КРУШЕНІЕ «МОСКОВСКОЙ ДИРЕКТИВЫ» И ЗИМНЯЯ НЕУДАЧА 1919 Г. ФРОНТА ВООРУЖЕННЫХЪ СИЛЪ ЮГА РОССІИ.

Общая боевая обстановка сентября 1919 года. — Продвиженіе Добровольческой Арміи впередъ и признаки внутренняго ея неблагополучія. (Недостатки снабженія, Отношенія Добр. Арміи съ крестьянствомъ и съ казачествомъ. Начало разложенія Кубанскихъ частей). Бой Гвардейской Казачьей бригады у дер. Бабки и г. Павловска. — Переходъ въ Талы и Калитву. — Сентябрьское наступленіе Донской Арміи и дѣйствія III Донского корпуса и 1-й Донской дивизіи, наступавшей отъ Мамона на Таловую и Ел. Колѣно. — Бои Лейбъ-Казаковъ у Гнилуши, Журавки, Семеновки, Бутурлиновки, Макогонова и Колодѣевьи. — Бои октября у Таловой, Александровскаго поселка, Нов. Чиглы, станціи Чиглы, Бирючинскаго поселка. — Общія условія зимней борьбы съ красными на фронтѣ III Донского корпуса. — Разстройство снабженія фронта и дезорганизація бѣлаго тыла. — Работа краснаго тыла. — Общій переходъ красныхъ въ наступленіе. — Бои Лейбъ-Казаковъ подъ Богучаромъ. — Общій отходъ на Кубань. — Потери Лейбъ-Казаковъ за осень и зиму 1919 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ: А) Измѣненія въ списочномъ офицерскомъ составѣ полка за 1919 г.
Б) Донское дворянство въ борьбѣ съ большевизмомъ.
В) Заключеніе Нач. 1-ой Донской Конной дивизіи ген. Дьякова о дѣйствіяхъ въ 1919 году Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка.

Одновременно съ ударомъ совѣтскихъ армій Селивачева, 1-го августа перешла въ наступленіе противъ Кавказской Кубанской Арміи Врангеля и I-го и II-го Донскихъ корпусовъ пятидесятитысячная, усиленная пополненіями съ Восточнаго фронта, группа IX и X-ой сов. армій бывшаго полковника Ген. Штаба Шорина.

Въ тяжелыхъ непрерывныхъ бояхъ съ сильнѣйшимъ противникомъ генералъ Врангель отдалъ Камышинъ и 23-го августа отошелъ къ Царицыну. Здѣсь начались особенно жестокіе бои, въ коихъ генералъ Врангель, введя въ бой послѣдніе резервы, широко пользуясь Кубанской конницей и боевой помощью сосѣдняго I-го Донского корпуса, нанесъ противнику пораженіе и отбросилъ его, сохранивъ за собою Царицынъ.

При этомъ, съ 23 до 27-ое августа, Кавказской Арміей было взято 18 тысячъ плѣнныхъ, 31 орудіе и 160 пулеметовъ.

Одновременно тяжкіе бои велъ и II-й Донской корпусъ, гдѣ противникъ,

пользуясь оттяжкой I-го Донского корпуса къ флангу генерала Врангеля, заставилъ 4-го сентября Донцовъ отойти за Хоперъ и Донъ.

Совершивъ перегруппировку, I и II-й Донскіе корпуса перешли въ наступленіе и къ 9-му сентября отбросили противника за Хоперъ, захвативъ 15.000 плѣнныхъ, 11 орудій и 70 пулеметовъ.

Однако, новое контръ-наступленіе противника 14-го сентября вынудило II-й Донской корпусъ снова отойти за Донъ, послѣ чего Шоринъ вновь сосредоточилъ свои усилія противъ Арміи генерала Врангеля.

Послѣдній, послѣ 9-дневнаго ожесточеннѣйшаго боя, контръ-атакой окончательно разбилъ главную массу войскъ Шорина и отбросилъ ее на 70 верстъ къ сѣверу отъ Царицына.

Ударъ группы Шорина былъ окончательно этимъ ликвидированъ.

Какъ и группа Селивачева, группа Шорина понесла громадныя потери.

Однако, большія потери понесли и Донцы съ Кубанцами.

Въ прошлой главѣ уже говорилось о большихъ потеряхъ III и IV-го корпусовъ у Короякa и Лисокъ. Численность IV-го Донского корпуса опустилась до 2.000 шашекъ, что являлось особенно печальнымъ, ибо этотъ конный корпусъ являлся какъ бы подвижнымъ резервомъ всего Донского фронта.

Крупныя потери понесли и I и II-й Донскіе корпуса.

Уменьшилась сильно численность и Кавказской Арміи Врангеля.

Какъ будто блестяще было положеніе дѣлъ на фронтѣ Добровольцевъ.

Пользуясь тѣмъ, что главный ударъ августа былъ направленъ противъ Донской и Кавказской Армій, Добровольческая Армія съ боями быстро продвигалась на западъ, пополняясь и разворачиваясь за счетъ мѣстнаго населенія и взятыхъ въ плѣнъ красноармейцевъ.

17-го августа былъ взятъ Кіевъ, 10-го августа Одесса, и, такимъ образомъ, двухмѣсячнымъ продвиженіемъ освобожденъ весь Югъ Россіи. Только теперь Добровольческая Армія, въ исполненіе Московской директивы, двинулась на сѣверъ.

7-го сентября былъ взятъ Курскъ, а 30-го сентября — Орелъ.

Однако, одновременно съ продвиженіемъ Добр. Арміи впередъ, проявились и признаки неблагополучія.

Первымъ сказалось послѣдствіе быстраго продвиженія безъ прочно организованнаго тыла: части Добровольческой Арміи, не получая необходимаго имъ снабженія, принуждены были самостоятельно заботиться о себѣ.

Практика «самоснабженія», при невозможности контроля, перешла въ злоупотребленія, кои гибельно отразились на морали войскъ, а также на отношеніи къ нимъ населенія.

Далѣе сказалось вліяніе, не отвѣчающаго обстановкѣ земельнаго законодательства В. С. Ю. Р., встрѣченнаго крестьянствомъ враждебно.

По смыслу этого законодательства, крестьяне лишались попавшей въ ихъ руки революціоннымъ порядкомъ земли, такъ какъ было неизвѣстно — кѣмъ, когда и за какую плату (и какихъ именно участковъ) будетъ производиться отчужденіе въ ихъ пользу.

Особенно враждебно было встрѣчено установленіе уплаты за текущій урожай, въ размѣрѣ трети сбора хлѣбовъ (3-й снопъ) и половины травъ (Впослѣдствіи указанныя нормы выплаты были уменьшены, что, впрочемъ, дѣла не поправило).

Расчетъ крестьянина за текущій урожай производился не въ кредитъ черезъ казну, а непосредственно съ владѣльцемъ захваченной земли и, такимъ образомъ, гражданская администрація оказалась втянутой въ враждебныя крестьянству дѣйствія.

Если учесть, что и сама гражданская администрація была такова, что при одной мысли о ея дѣятельности, по опредѣленію праваго дѣятеля Шульгина, «цепенѣлъ разумъ и опускались руки», то и результатъ не могъ не быть печальнымъ: начались крупныя крестьянскія возстанія въ тылу, отвлекавшія, за отсутствіемъ у Командованія В. С. Ю. Р. резервовъ, части съ фронта.

Наблюдалось и массовое уклоненіе населенія отъ мобилизаціи.

Генералъ Деникинъ говорилъ, что Добровольческая Армія, расширяя фронтъ на сотни верстъ, становилась не слабѣе, а численно сильнѣе.

Однако это соображеніе подтверждалось въ степени далеко недостаточной, ибо, даже во время максимальнаго продвиженія Добровольческой Арміи къ Орлу, все же большинство войскъ громаднаго раіона активной борьбы на Южномъ фронтѣ составляли казаки — Донцы и Кубанцы. Это означало, что казачество, несмотря на его громадныя потери 1918-го и первой половины 1919 года, продолжало давать численно много больше, чѣмъ 50-милліонное населеніе освобожденныхъ отъ большевиковъ крестьянскихъ губерній, и, слѣдовательно, продолжало оставаться главной базой борьбы съ большевиками.

Къ сожалѣнію, въ отношеніяхъ Командованія В. С. Ю. Р. къ своей главной базѣ — казачеству — наблюдалось большое неблагополучіе, особенно остро проявлявшееся еще со временъ 1-го и 2-го Кубанскихъ походовъ въ отношеніяхъ съ Кубанью.

Чѣмъ дальше на сѣверъ продвигалась Добровольческая Армія, чѣмъ полагало себя Добровольческое Командованіе сильнѣе, тѣмъ болѣе непримирмѣе становилось оно въ отношеніи вопроса о границахъ казачьихъ правъ.

Въ глазахъ же казачества, поскольку за Командованіемъ Добровольческой Арміи не стояло достаточно широкихъ слоевъ россійскаго населенія, а главное русскаго крестьянства, Командующій Добровольческой Арміей ге-

нералъ Деникинъ далеко еще не представлялъ собою Россіи, почему въ своихъ пожеланіяхъ казачество предъявляло требованія «съ запросомъ», дабы было впослѣдствіи съ чего сбавлять *). Эта «осторожность» казачества оправдывалась не только отношеніемъ окруженія генерала Деникина, но и общимъ тономъ большинства не-казачьихъ газетъ, пооткрывавшихся въ Ростовѣ и Екатеринодарѣ **), своими безтактными нападками на казачество и отдѣльныхъ его представителей близоруко увеличивавшихъ рознь.

Донское казачество, самостоятельно освободившееся отъ большевиковъ, имѣвшее свою Армію и сохранившее достаточно полную независимость, чувствовало себя сильнымъ, почему и тренія его съ Добровольческимъ Командованіемъ не принимали особо остраго характера.

Иначе обстояло дѣло съ Кубанью, пополнившей своими полками непосредственно Добровольческую Армію, не имѣвшей своей Арміи и поэтому попавшей въ болѣе тѣсную зависимость.

Рознь углублялась и нѣкоторыми особенностями политики Командованія Добровольческой Арміи, подчасъ безъ всякой компенсаціи нарушавшей интересы Кубани***).

---

*) Эту черту отмѣчаетъ и генералъ Деникинъ (стр. 204, томъ V): «Эта черточка казачьей психологіи весьма своеобразно проявилась на Донскомъ Кругу, гдѣ слышались рѣчи: «Надо настаивать на федераціи, тогда получимъ автономію, не то, говоря объ автономіи, получимъ... генералъ-губернатора»..

**) Авторы статей не знали, да и не хотѣли знать казачества, его исторіи, его былой свободно-жертвенной роли въ строительствѣ Россійскаго Великодержавія и не скупились на раздражавшія казаковъ обвиненія въ «самостійности», «въ измѣнѣ Россіи», совершенно необоснованно присваивая себѣ своеобразную монополію на патріотизмъ и чувство государтвенности.

Они не понимали, что свидѣтельствуютъ лишь объ отсутствіи собственной вѣры въ Россію, которую представляли себѣ только какъ географическое пространство, покрытое искусственно связаннымъ между собой населеніемъ.

Интересно сопоставить отношеніе къ прошлой, настоящей и будущей Россіи, такого крупнаго нѣмца, какимъ былъ одинъ изъ главныхъ спасителей Германіи, строитель Рейхсвера, генералъ фонъ-Зектъ.

Въ своей книгѣ: «Германія между Западомъ и Востокомъ» ,изд. 1933 г. фонъ-Зектъ говоритъ, что Россія есть нѣчто большее, чѣмъ географически замкнутая страна. Она сильна не пространствомъ и не механическими формами сцѣпленія ея разнородныхъ частей, а способностью россіянъ переплавлять въ одно духовное, притомъ свое, цѣлое, казалось несовмѣстимые элементы. Именно такъ нашли пріютъ въ широкой россійской душѣ монгольская жестокость, кавказская храбрость, нѣмецкое начало порядка и французская одухотворенность.

Фонъ-Зектъ говоритъ о сильномъ подсознательномъ, почти мистическомъ духѣ, живущемъ въ народахъ, населяющихъ Россію, внушающемъ имъ необходимость мыканія къ серединѣ, дабы быть способными къ внѣшнему сопротивленію и не потерять всякаго значенія. Такъ было есть и будетъ, какъ бы говоритъ книга фонъ-Зекта, не вѣрящаго даже въ долговѣчность отдѣленія отъ Россіи балтійскихъ лимитрофовъ.

***) Дабы не быть голословнымъ, укажемъ, что именно такъ обстояло дѣло съ введенной Добровольческой Арміей монополіей на внѣшнюю торговлю, ввидѣ ре-

Зародившееся еще на первыхъ порахъ бытія Добр. Арміи недовольство Кубани ярко проявилось въ подборѣ членовъ Рады, изъ лѣвыхъ группировокъ Кубанскаго казачества, особенно отрицательно относившихся къ генералу Деникину и одновременно по своимъ убѣжденіямъ (соц.-рев.) не имѣвшихъ глубокихъ корней въ рядовомъ Кубанскомъ казачествѣ.

Указанныя выше обстоятельства, какъ и позиція генерала Деникина въ казачьихъ вопросахъ, осложнили трудности въ отношеніи необходимого согласованія работы Рады и правленія В. С. Ю. Р. и, попутно неудачный составъ Рады, избранный и работавшій подъ вліяніемъ нездороваго духа оппозиціи ,ослабилъ до крайности моральную связь этого учрежденія съ низшимъ органомъ казачьяго самоуправленія — Кубанскими станицами.

Между тѣмъ въ казачествѣ, именно низшій аппаратъ — станица — давалъ людей, лошадей и средства борьбы съ большевиками и именно въ немъ лежалъ источникъ казачьей силы ,заключавшійся въ сознаніи рядовымъ казачествомъ своего реальнаго и непосредственнаго участія въ устройствѣ судьбы своего края и тѣмъ самымъ своего участія въ государственномъ строительствѣ.

На свои высшіе органы, Кругъ и Раду, казачество смотрѣло, какъ на нужные и необходимые аппараты координаціи работы станицъ и какъ на цѣннѣйшіе залоги прочности кровью отвоеванныхъ своихъ исконныхъ правъ.

На глазахъ Кубанской станицы ея же высшій органъ Рада и Добровольческая Армія, которой Кубань, неся большія потери, давала людей и лошадей, вели между собой войну. Ясно, что такое ненормальное положеніе не могло долго продержаться и не привести къ умаленію авторитетовъ, какъ генерала Деникина, такъ и Рады съ Кубанскимъ Атаманомъ. Съ паденіемъ авторитетовъ послѣднихъ, станица, потерявъ вѣру, перестала давать пополненія.

Яркую картину положенія, создавшагося въ концѣ лѣта 1919 года, даетъ генералъ Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ Смуты»:

...«Шелъ полный разбродъ въ казачьихъ настроеніяхъ... всякій подъемъ угасалъ...

...Съ фронта началось повальное дезертирство, не преслѣдуемое Кубанской властью».

А къ осени 1919 года, по словамъ тѣхъ же «Очерковъ»:

...«На Царицынскомъ фронтѣ стояла страшно порѣдѣвшая Кавказская (изъ Кубанскихъ частей) Армія... Съ тыла, съ Кубани, къ Арміи не шло уже пополненія — ни казаковъ, ни лошадей»...

прессіи на законное по существу желаніе Кубани использовать свой громадный урожай съ наибольшей пользой для края.

Указанная монополія совершенно остановила сбытъ заграницу болѣе нежели крупныхъ избытковъ кубанскаго хлѣба, причемъ наряду съ этимъ въ дальнѣйшемъ Управленіе Добровольческой Арміи проявило полную неспособность организовать вывозную торговлю сколько-нибудь съ пользой для общаго дѣла.

Политика войны съ Радой привела генерала Деникина въ первыхъ числахъ ноября къ вытекающему изъ этого состоянія, а, слѣдовательно, въ даномъ случаѣ логически неизбѣжному концу — примѣненію силы.

Былъ арестованъ и повѣшенъ за государственную измѣну членъ Рады Калабуховъ, а 12 другихъ членовъ были высланы заграницу.

Примѣненіе силы могло, конечно, временно «замирить» Раду, но отнюдь не могло поднять ея авторитета въ Кубанскихъ станицахъ и снова поднять работу послѣднихъ.

Поднять духъ станицы помощью агитаціоннаго аппарата Добровольческой Арміи, «Освага», конечно, нельзя было, ибо это учрежденіе своей дѣятельностью настолько возстановило противъ себя казачество, что и на Дону, и на Кубани поднимался вопросъ объ удаленіи осважниковъ изъ предѣловъ казачьихъ краевъ.

Попытка поднять духъ станицъ, пользуясь авторитетомъ боевыхъ начальниковъ (Врангель, Шкуро, Улагай) явилась покушеніемъ съ неотвѣчающими цѣли средствами и успѣха не имѣла.

Основная задача, заключавшаяся въ разрѣшеніи вопроса о пополненіи людьми и лошадьми кубанскихъ фронтовыхъ частей, осталась такимъ образомъ неразрѣшенной.

Дабы не возвращаться къ этому вопросу, забѣжимъ нѣсколько впередъ и приведемъ выноску изъ «Очерковъ» генерала Деникина, рисующую положеніе дѣла съ Кубанскими частями въ декабрѣ 1919 года:

...«Дезертирство Кубанцевъ приняло массовый характеръ... за Донъ, домой потекли довольно внушительнаго состава полки, на хорошихъ коняхъ, вызывая недоумѣніе и озлобленіе въ Донцахъ, въ подходящихъ подкрѣпленіяхъ, и соблазны въ Кубанскихъ дивизіяхъ, еще оставшихся на фронтѣ...

Дома они окончательно разложились...» (стр. 262, томъ V).

Очертивъ возможно кратко общую обстановку начала зимы 1919 года, вернемся къ дѣйствіямъ 1-й Донской дивизіи, переброшенной 9-го сентября въ раіонъ дер. Карабутъ, для совмѣстной съ 3-й Донской дивизіей операціи форсированія Дона и удара по 40-й совѣтской дивизіи, почти не принимавшей участія въ августовскихъ бояхъ и сохранившей относительную свѣжесть.

Согласно диспозиціи, пѣшія сотни Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ должны были, въ ночь на 11-е сентября, подъ покровомъ темноты, переправиться черезъ Донъ и при поддержкѣ огня своей занимавшей правый нагорный и командующій берегъ Дона артиллеріи овладѣть дер. Бабками, чѣмъ и обезпечить наводку моста.

По переходѣ на другой берегъ конныхъ сотенъ и 4-го Донского полка, Гв. бригада, подъ общей командой полковника Фарафонова, должна была перейти въ наступленіе въ южномъ направленіи на гор. Павловскъ, оста-

вивъ для обезпеченія моста 4-й полкъ со сводной конной Лейбъ-Казачьей сотней.

Одновременно съ пѣшими сотнями Гв. Каз. бригады должна была переправиться нѣсколько сѣвернѣе, у хут. Прилѣпина, 3-я Донская дивизія.

День 10-го сентября Гв. Каз. дивизія провела въ дер. Лыково, перейдя вечеромъ въ дер. Малый Карабутъ, и точно, въ 2 часа утра 11-го сентября, какъ полагалось по диспозиціи, приступила къ переправѣ. Тихо, безъ шума, въ темнотѣ, не замѣченные противникомъ, переправились на другой берегъ первые понтоны съ Атаманцами, однако, къ началу переброски Лейбъ-Казаковъ начало разсвѣтать, и, когда понтоны вышли на середину рѣки, то по нимъ былъ открытъ пулеметный огонь. Пулеметы противника давали недолеты въ 100 шаговъ, огонь былъ малодѣйствителенъ и потери свелись лишь къ 3 раненымъ казакамъ.

Огнемъ нашей артиллеріи пулеметы противника были сбиты, и пѣшія сотни быстро вытѣснили изъ дер. Бабки отошедшій на дер. Березки Богучарскій красный полкъ.

Работа по наводкѣ моста пошла полнымъ ходомъ.,

Въ 12 часовъ прибылъ полковникъ Фарафоновъ, привезшій приказаніе генерала Абрамова наступать: Гв. Казачьей бригадѣ въ южномъ направленіи на Александровско-Донскую, а 3-й дивизіи въ восточномъ на Березки-Лосевую.

Ввиду отсутствія вѣры въ стойкость весьма слабаго боевого состава 3-ей Донской дивизіи, полковникъ Фарафоновъ послалъ просить разрѣшенія генерала Абрамова не начинать движенія на югъ до подхода своихъ конныхъ сотенъ и пулеметныхъ двуколокъ.

Въ 3 часа пришло приказаніе генерала Абрамова начинать незамедлительно наступленіе на югъ, и полковникъ Фарафоновъ, выбросивъ конную Атаманскую сотню впередъ на развѣдку, двинулся на Александровско-Донскую.

Конной развѣдкой, послѣ перестрѣлки, было установлено наличіе въ этой деревнѣ пѣхоты противника.

Ввиду наступившей темноты, полковникъ Фарафоновъ, отложивъ атаку до разсвѣта, вернулся ночевать въ Бабки.

На разсвѣтѣ 12-го сентября Гв. Каз. бригада, при 4-хъ орудіяхъ 2-й батареи ,двинулась на югъ. Въ головѣ шли Лейбъ-Казачьи пѣшія сотни подъ командой полковника Поздѣева. Подходя къ Александровско-Донской, послѣдній развернулъ 2-ю сотню есаула Евфимьева и двинулъ ее впередъ. Противникъ, не принявъ удара, началъ отходъ на Павловскъ.

Непосредственно за нимъ, пройдя Александровско-Донскую, двигались Лейбъ-Казаки. Пройдя рѣку Осередь, противникъ пытался задержаться. 2-я сотня кинулась впередъ. Здѣсь пулей въ грудь навылетъ былъ раненъ есаулъ Евфимьевъ и сотня замялась. Красные выбросили въ контръ-атаку свою конницу, было разрѣзавшую 2-ю сотню пополамъ, но выдвинутая бѣгомъ впередъ полусотня 5-й сотни подъесаула Моргунова ликвидировала красную атаку и сотни двинулись дальше. Противникъ спѣшно отходилъ на хорошо видимый съ мѣста наступленія Лейбъ-Казаковъ гор. Павловскъ.

Вскорѣ огонь противника заглохъ и уже ясно видны были выскакивавшіе изъ города на востокъ обозы, отдѣльныя группы и всадники.

Противникъ явно очищалъ городъ. Лейбъ-Казаки рванулись впередъ, но... одновременно въ тылу наступавшей Гвардейской Казачьей бригады начали падать снаряды и показалась съ востока лава красной конницы.

Оказалось, что атакованный 3-ей дивизіей противникъ перешелъ въ контръ-атаку и поддержанный подошедшими съ сѣвера частями опрокинулъ ее и отбросилъ на югъ. 3-я дивизія въ безпорядкѣ отошла на наведенный 1-ою дивизіей мостъ, потянувъ за собою на дер. Бабки преслѣдовавшаго ее съ сѣвера противника.

Южнѣе Бабокъ находился 4-й полкъ полк. Грекова, ведшій наступленіе на востокъ. Дабы не быть отрѣзаннымъ отъ переправы 4-й полкъ отошелъ на мостъ, гдѣ перемѣшался съ переправлявшимися въ безпорядкѣ частями 3-ей дивизіи и временно выбылъ изъ строя.

Есаулъ Агафоновъ, съ 1-ой конной сотней Лейбъ-Казаковъ находившійся при 4-мъ полку, прикрывая отходъ, два раза бросался въ конную атаку, но успѣха не имѣлъ. Въ исполненіе полученнаго имъ приказанія генерала Абрамова, есаулъ Агафоновъ отвелъ сотню за мостъ, причемъ ему пришлось проскакивать Бабки въ тотъ моментъ, когда эта деревня уже занималась красными.

Такимъ образомъ дер. Бабки и выходъ на мостъ оказались въ рукахъ красныхъ, и наступавшія на югъ сотни Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ оказались отрѣзанными отъ единственной переправы, имѣя: на югъ — отходящаго передъ собою противника ;на востокъ — пытающуюся атаковать конницу красныхъ; на сѣверъ — занявшую дер. Бабки пѣхоту противника и наконецъ на западъ, за своей спиной — тонкую полоску берега и широкую ленту Дона.

Полковникъ Фарафоновъ рѣшилъ пробиваться къ переправѣ и, остановивъ огнемъ первую атаку красной конницы, приказалъ полковнику Поздѣеву перейти на лѣвый флангъ, гдѣ пробивать дорогу на Бабки.

Полковнику Поздѣеву удалось оторваться съ южнаго направленія благополучно, но при маломъ количествѣ офицеровъ и при полномъ почти отсутствіи настоящихъ взводныхъ и отдѣленныхъ урядниковъ, провести намѣченный сложный маневръ въ стройномъ порядкѣ оказалось невозможнымъ.

Между тѣмъ красная конница снова двинулась въ атаку. Перемѣшались было Лейбъ-Казаки и Атаманцы и часть кинулась къ Дону дабы бросаться вплавь.

Моментъ былъ критическій.

...«Разсыпавъ лавой конную сотню Атаманцевъ есаула Рудакова, лицомъ на Павловскъ, — читаемъ мы въ запискахъ ген. Поздѣева, — я быстро стянулъ свои двѣ пѣшія сотни и двинулся на сѣверъ, по узкой полосѣ между Дономъ и цѣпью пѣшихъ Атаманцевъ, развернутой фронтомъ на востокъ. Дорога на Бабки была уже занята противникомъ. Положеніе наше было тяжелымъ. Шли мы быстро и колонна сильно растянулась.

Пройдя Атаманцевъ, мы вышли къ ручью. Съ холма напротивъ былъ открытъ по насъ пулеметный огонь, и на гребнѣ его появилась красная конница.

Часть казаковъ не выдержала и бросилась къ Дону. Еще мигъ, и началась бы общая паника. Я рѣшилъ дѣйствовать примѣромъ, слѣзъ съ коня, самъ взялъ винтовку и обратился къ казакамъ со слѣдующими словами: «Видите наше безвыходное положеніе, однако, если будете соблюдать порядокъ, выйдемъ съ честью, а будете балдѣть — всѣ погибнемъ». Слова мои подѣйствовали, и, ставъ у ручья, я началъ пропускать казаковъ поодиночкѣ по служившей мостомъ доскѣ. Когда набралось казаковъ сорокъ, я приказалъ подъес. Моргунову атаковать холмъ. Слѣдующую такую же партію я пустилъ уступомъ вслѣдъ ес. Моргунову, а самъ съ остальными 70 казаками и двумя пулеметами двинулся на Бабки. Навстрѣчу изъ Бабокъ вышла колонна красныхъ, человѣкъ въ 250 пѣхоты ,начавшая разворачиваться въ цѣпь. Я открылъ огонь. Одновременно, съ другого берега Дона раздался орудійный залпъ, и очередь англійскихъ гранатъ разорвалась въ самой цѣпи красныхъ. Мы бросились впередъ — противникъ побѣжалъ преслѣдуемый огнемъ батареи. Справа подходила полусотня подъес. Моргунова»...

Далѣе читаемъ въ запискахъ подъес. Моргунова: «Согнавъ противника съ холма, я двинулся на Бабки. Пулей ранило меня въ лѣвую руку, но по счастью легко. По дорогѣ мы встрѣтили англійскую, завязшую въ болотѣ пушку *), изъ которой вынули и взяли съ собой замокъ. Рядомъ загрузла чья-то патронная двуколка и мы набили патронами всѣ карманы и вещевые мѣшки. Прискакалъ казакъ отъ полковника Поздѣева, съ приказаніемъ итти какъ можно скорѣе, ибо появилась красная конница, а у него патроны и пулеметныя ленты на исходѣ. Выйдя изъ лѣса, я увидѣлъ разворачивающуюся конницу красныхъ. Бѣгомъ я разсыпалъ въ цѣпь свою полусотню, а есаулъ Болдыревъ, по приказанію полк. Поздѣева, выставилъ рядомъ пять пулеметовъ. Открыли мы бѣшеный огонь, и конница не выдержала и повернула»...

Между тѣмъ, полковникъ Фарафоновъ съ Атаманцами былъ двоекратно атакованъ красной конницей съ востока:

...«Кавалерія красныхъ, — пишетъ въ своихъ запискахъ ген. Фарафоновъ, — бросилась въ атаку, но частымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ была отброшена. У казаковъ вырвался крикъ «ура», благотворно дѣйствовавшій на тѣхъ казаковъ, кои было кинулись къ Дону, сбрасывая амуницію и шинели, дабы спасаться вплавь, а теперь возвращались на свои мѣста, своимъ прибытіемъ еще болѣе поднимая духъ оставшихся на мѣстахъ казаковъ».

...«Приказавъ подъес. Моргунову двигаться на Бабки, — читаемъ мы въ запискахъ ген. Поздѣева, — я отправилъ остальныхъ въ тылъ противнику, сражавшемуся у переправы. Противникъ, не ожидавшій нашего появленія, бѣжалъ. Его батарея выѣхала на открытую позицію въ двухъ верстахъ отъ насъ и открыла огонь. Вновь появилась красная конница. Подъемъ былъ такъ

---

*) Какъ только обозначился откатъ 3-ей дивизіи и 4-го полка у Бабки, полковникъ Фарафоновъ, не желая рисковать батареей полковника Афанасьева, разрѣшилъ ему перебросить ее обратно за Донъ. Полковникъ Афанасьевъ съ трудомъ проскочилъ на мостъ подъ носомъ уже занимавшихъ Бабки красныхъ, но одно его орудіе застряло въ болотѣ и было оставлено.

великъ, что казаки просили ее подпустить ближе. Однако бѣглый огонь съ того берега батареи полковника Упорникова заставилъ красную конницу повернуть на востокъ. Мы заняли Бабки, выбивъ послѣднихъ красныхъ и изъ ея окраинъ. Начинало быстро темнѣть»...

Въ бою подъ Бабками большую услугу оказалъ бригадѣ офицеръ полка хорунжій Скалозубовъ. Возвращаясь въ этотъ день изъ отпуска, онъ ѣхалъ въ полкъ и попалъ на мостъ въ моментъ безпорядочнаго отхода перемѣшавшихся частей 3-ей дивизіи.

Онъ вмѣстѣ со взводомъ 1-ой Лб.-Казачьей конной сотни хорунжаго Дубенцева бросился въ толпу отходящихъ, своей иниціативой собралъ около 200 казаковъ съ нѣсколькими офицерами и, продвинувшись къ лѣску, что у моста, удержалъ послѣдній вплоть до подхода пробившейся къ Бабкамъ Гвардейской Казачьей бригады.

...«12-го сентября, — читаемъ мы въ запискѣ командира бригады генерала В. А. Дьякова, — я никакого участія въ дѣлѣ не принималъ, такъ какъ въ этотъ день прибылъ изъ отпуска, съ похоронъ убитаго въ августовскихъ бояхъ моего брата Атаманца.

Подъѣхалъ я къ штабу дивизіи, находившемуся на правомъ берегу Дона, вскорѣ за тѣмъ какъ состоялся безпорядочный откатъ 3-ей дивизіи и 4-го полка съ того берега и когда Гвардейская бригада была уже отрѣзана отъ насъ противникомъ.

Генералъ Абрамовъ, хотя и сдерживалъ себя, опредѣленно сильно волновался и совершенно не отрывалъ бинокля отъ глазъ. Разобраться въ обстановкѣ на другомъ берегу было трудно: цѣпи и конница съ артиллеріей двигались въ разныхъ направленіяхъ. Прошелъ часъ и какой-то порядокъ возстановился, причемъ ясно обозначилось движеніе цѣпей съ юга въ направленіи на Бабки. Обозначилось и движеніе наступавшаго на нихъ противника. Хотѣлось вѣрить, что это Гвардейская бригада пробиваетъ себѣ путь. Огонь нашей артиллеріи съ праваго берега Дона всячески старался облегчить положеніе. Прошло 30-40 минутъ и цѣпи, подходившія къ Бабкамъ, взяли направленіе на сѣверо-востокъ, а изъ Бабокъ, въ томъ же направленіи, стали выскакивать повозки и отдѣльныя группы конныхъ и пѣшихъ. Еще короткій срокъ, и Бабки опредѣленно были заняты Гвардейской Казачьей бригадой.

Генералъ Абрамовъ съ глубокимъ вздохомъ произнесъ: «Слава Богу, вышли».

Я былъ лишь свидѣтелемъ, наблюдавшимъ бой со стороны, и долженъ сказать, что видѣлъ здѣсь одинъ изъ лучшихъ боевъ, данныхъ Лейбъ-Казаками. Это былъ незаурядный экзаменъ силы духа, стойкости и провѣрка военнаго воспитанія офицера Лейбъ-Казака.

Этотъ бой, какъ и бой 19-го февраля, представляетъ наиболѣе славныя строки въ послужномъ спискѣ моего однополчанина, а затѣмъ помощника, полковника Фарафонова»...

...«Полковникъ Поздѣевъ, есаулъ Болдыревъ, подъесаулъ Моргуновъ и хорунжій Скалозубовъ, правильно и спокойно оріентировавшіеся въ сложной боевой обстановкѣ, своими дѣйствіями способствовали благополучному

выходу сотенъ Гв. бригады изъ крайне тяжелаго положенія», — свидѣтельствуетъ полковникъ Фарафоновъ.

Пѣшимъ сотнямъ Гв. Казачьй бригады, несмотря на ихъ крайнюю усталость, было приказано ночевать въ дер. Бабки.

Пѣшія сотни втянулись въ деревню уже въ кромѣшной темнотѣ. Люди не спали двѣ ночи. Съ утра ничего не ѣли.

Переправа и бои на три фронта (причемъ движеніемъ на Павловскъ и обратно было пройдено около 40 верстъ), вызвали сильное нервное напряженіе и физическую усталость.

Казаки разсыпались по деревнѣ.

Полковникъ Фарафоновъ приказалъ выставить сторожевое охраненіе, однако, исполнить это приказаніе еще не успѣли, какъ подошедшіе вплотную красные неожиданно атаковали деревню.

Сотни въ полной темнотѣ отхлынули на мостъ и перешли обратно Донъ.

Въ кромѣшной темнотѣ конная полусотня подъесаула Ротова попала въ болото, гдѣ загрузила 19 лошадей.

Оставленіе Бабокъ нѣсколько испортило эффектъ доблестнаго боя, однако, представляло собой грустную, явившуюся слѣдствіемъ неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, случайность.

Во время движенія къ Бабкамъ командиръ 2-ой сотни есаулъ Евфимьевъ, раненый при атакѣ Александровки въ грудь навылетъ и вынужденный бросить застрявшую въ болотѣ его вывозившую повозку, раздѣлся и, взявъ въ зубы бывшій при немъ денежный авансъ командира сотни, бросился вплавь черезъ Донъ. Выплылъ онъ противъ нашей батареи, гдѣ ему дали шинель и откуда доставили на перевязочный пунктъ.

Здѣсь его поздно вечеромъ нашли офицеры полка. Несмотря на сквозную рану въ грудь, уже перевязанный старшимъ врачемъ полка докторомъ Евфановымъ, есаулъ Евфимьевъ, сидя за общимъ столомъ, мирно пилъ чай, разложивъ около печки сушиться кредитные билеты — «колокольчики» казеннаго «аванса» — и улыбался на остроту полковника Фарафонова:

«— Смотрю, — плыветъ и изъ спины фонтанъ бьетъ; думалъ — китъ, а это Евфимьевъ»...

Кромѣ ес. Евфимьева, были ранены: оставшійся въ строю подъесаулъ Моргуновъ и находившійся при нач. дивизіи на наблюдательномъ пунктѣ у дер. Карабутъ вр. и. д. нач. штаба див. полк. Воронинъ

14-го сентября пришло приказаніе о перебраскѣ 1-ой дивизіи на сто верстъ на югъ, въ дер. Талы, ввиду появленія въ раіонѣ ст. Казанской отряда Буденнаго, имѣвшаго намѣреніе, перейдя Донъ, двинуться по тыламъ II и I Донскихъ корпусовъ. Для парированія этого маневра, спѣшно сводилась въ Талы крупная группа изъ частей II и III Донскихъ корпусовъ.

Конныя части 1-й и 3-й дивизіи образовали полкъ въ 7 сотенъ при 10 пулеметахъ, составомъ въ 700 шашекъ, подъ командой полковника Фарафонова, и прибыли въ Талы 16-го сентября.

Того же числа туда же отъ IV-го корпуса прибыла бригада въ 900 коней генерала Старикова, какъ и конница изъ состава II-го Донского корпуса. Образовалась сильная конная группа.

Однако, 18-го выяснилось, что корпусъ Буденнаго, не переходя черезъ Донъ, круто повернулъ кругомъ и спѣшно двинулся на сѣверъ, почему и Донская группа у Талъ была расформирована.

1-я дивизія была двинута въ дер. Черную Калитву, куда прибыла 17-го. Здѣсь ей былъ данъ отдыхъ, причемъ 19-го пріѣзжала англійская миссія, осматривавшая бывшее въ очень плохомъ состояніи обмундированіе и снаряженіе казаковъ.

Лейбъ-Казаками былъ предложенъ англичанамъ скромный завтракъ.

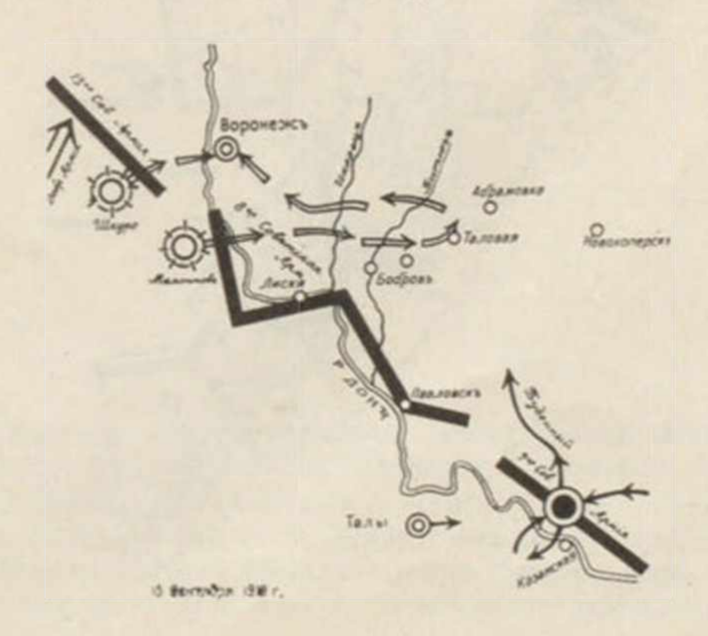
Миссія уѣхала, обѣщавъ, что 1-я дивизія будетъ срочно удовлетворена всѣмъ необходимымъ.

Къ сожалѣнію, обѣщаніе это осталось невыполненнымъ.

Между тѣмъ общая обстановка быстро мѣнялась.

Учитывая неудачу краснаго командованія и пораженіе группъ Шорина и Селивачева, Донское Командованіе перешло въ широкое наступленіе.

14-го сентября, хотя и сильно порѣдѣвшій IV-й Донской корпусъ Мамонтова благополучно переправился черезъ Донъ, прошелъ фронтъ красныхъ и двинулся по ихъ тыламъ на ст. Таловую, откуда 17-го повернулъ на Воронежъ. Почти одновременно фронтъ противника у Нижнедѣвическа былъ прорванъ Кубано-Терскимъ коннымъ корпусомъ Шкуро, захватившимъ 21-го Воронежъ и соединившимся здѣсь съ генераломъ Мамонтовымъ.



Къ 15-му октября правофланговый 1-й Донской корпусъ снова выдвигается на Грязе-Царицынскую желѣзную дорогу, а центральный II-й корпусъ вновь очищаетъ отъ противника правый берегъ Хопра.

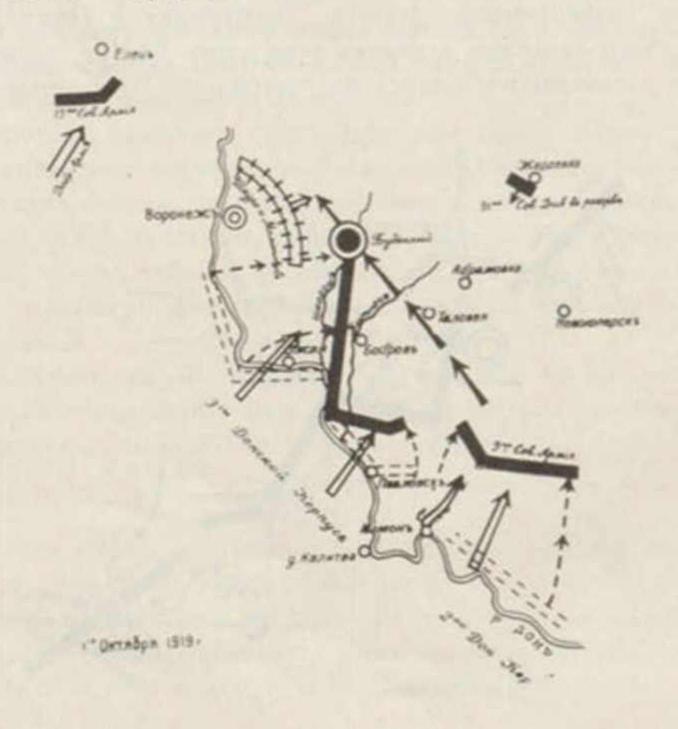
Къ сожалѣнію, наступленіе I-го и II-го Донскихъ корпусовъ не поддерживается Царицынской Арміей генерала Врангеля, чему причиной, повидимому, является сильно упавшая численность этой, состоявшей изъ переставшихъ получать пополненія Кубанцевъ, Арміи.

Невыходъ впередъ Арміи Врангеля не позволилъ I-му и II-му Донскимъ корпусамъ сократить свой фронтъ и усилить III-й Донской корпусъ, наступавшій въ Воронежскомъ направленіи, гдѣ въ дальнѣйшемъ рѣшилась судьба всего Донского фронта.

...«Съ начала октября, говоритъ генералъ Деникинъ (томъ V, стр. 235), стало яснымъ, что центръ тяжести всей операціи перенесенъ на Воронежско-Харьковское направленіе. Только разбивъ ударную группу VIII-ой сов. арміи и коннаго корпуса Буденнаго, мы пріобрѣтали вновь иниціативу, возможность маневра и широкаго наступленія»...

Для этого нужны были свободныя свѣжія силы. Таковыхъ не только не имѣлось, но ген. Деникинъ принужденъ былъ еще ослабить Воронежскую группу войскъ и снять съ фронта здѣсь цѣлую, сражавшуюся противъ Буденнаго, Терскую дивизію, для ея отправки въ тылъ, противъ Махно...

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ сражавшагося съ VIII-ой совѣтской арміей III-го Донского корпуса.

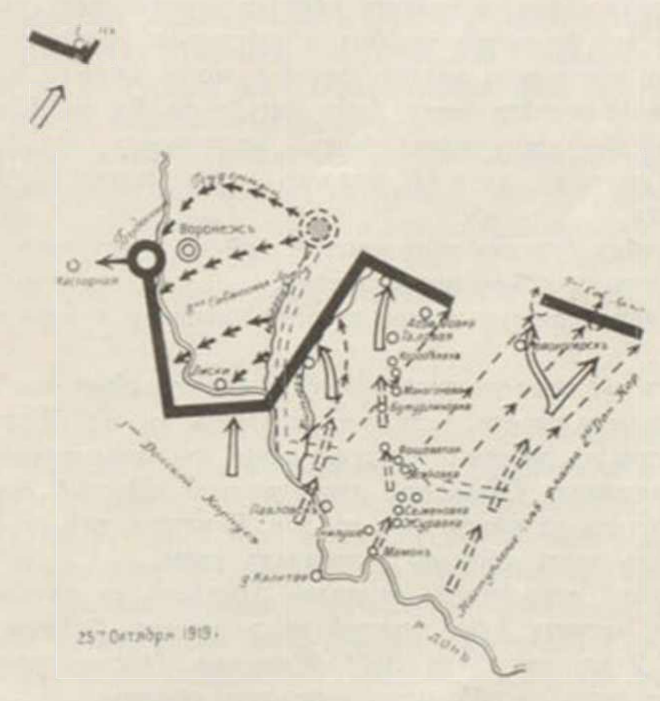


Передъ его лѣвымъ флангомъ, подъ вліяніемъ выхода къ Воронежу Мамонтова и Шкуро, противникъ (16-я, 15-я, 12-я и отчасти 33-я совѣтскія дивизіи) первоначально очистилъ Лискинскій узелъ и отошелъ на сѣверо-востокъ, занявъ фронтъ по рѣкѣ Икорецъ.

III-й Донской корпусъ, тѣсня противника своимъ лѣвымъ флангомъ, правымъ форсировалъ Донъ, стремясь сбить 33-ю, 40-ю и 13-ю дивизіи красныхъ и выйти въ тылъ Икорецкому фронту. Усилія праваго фланга III-го корпуса уже почти увѣнчались успѣхомъ, и противникъ былъ отброшенъ за Бобровъ-Таловая, какъ одновременно лѣвый флангъ III-го корпуса, въ свою очередь, былъ 11-го октября отброшенъ отъ Воронежа, и правый флангъ противника снова выдвинулся къ Лискамъ.

Сказался выходъ къ Воронежу корпуса Буденнаго, противъ коего дѣйствовала относительно болѣе слабая конная группа Шкуро и Мамонтова.

Дѣло было легко поправимо, ибо положеніе лѣваго фланга VIII-ой совѣтской арміи, отдѣленнаго большимъ промежуткомъ отъ фланга IX-ой совѣтской арміи (притомъ совершенно неспособной къ активной дѣятельности), было катастрофичнымъ (Егоровъ. Стр. 184) и достаточно бы было удара свѣжаго кулака, чтобы его уничтожить и тѣмъ свести на-нѣтъ весь успѣхъ Буденнаго.



Донцы полагали, что этимъ кулакомъ явится конница генерала Коновалова, изъ состава II-го Донского корпуса, однако пассивность Арміи Врангеля позволила Шорину перебросить на свой правый флангъ 21-ю стрѣлковую дивизію, что, какъ и наличіе въ IX-ой арміи конныхъ группъ Блинова и Думенки, не позволило снять съ фронта I-го и II-го Донскихъ корпусовъ конницу генерала Коновалова и двинуть ее на Воронежское направленіе.

Командующій VIII-й совѣтской арміей перебросилъ на свой лѣвый флангъ, въ раіонъ Жердевки, свой послѣдній резервъ, только что пополненную 31-ю совѣтскую дивизію, откуда она должна была дѣйствіями во флангъ и тылъ III-го Донского корпуса ликвидировать продвиженіе послѣдняго.

Теперь вернемся нѣсколько назадъ — ко времени начала наступленія III-го Донского корпуса, на правомъ флангѣ котораго двигалась 1-я Донская дивизія, съ Лейбъ-Гвардіи Казачьимъ полкомъ.

20-го сентября 1-я Донская дивизія переправилась черезъ Донъ въ раіонъ Ч. Калитвы и заняла Гороховку, откуда въ слѣдующіе дни перешла въ д. Мамонъ.

23-го сентября Гв. Казачья бригада атаковала конницу красныхъ, занявшую Гнилуши. Наступленіе повели пѣшія Лейбъ-Казачьи сотни, встрѣченныя съ фронта сильнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ спѣшенныхъ красныхъ эскадроновъ, а съ праваго фланга — конной атакой.

Командиръ бригады генералъ Дьяковъ двинулъ въ контръ-атаку конныя сотни Лейбъ-Казаковъ есаула Агафонова и подъесаула Ротова. Красная конница, не принимая удара, повернула обратно черезъ мостъ въ деревню на р. Гнилушѣ. За ней бросились уходить и спѣшенные красные эскадроны.

Деревянный мостъ подъ массою людей рухнулъ въ воду, и группы красныхъ, не успѣвшія перейти моста, были изрублены. Въ числѣ изрубленныхъ былъ и красный командиръ полка, бывшій прапорщикъ.

Деревня Гнилуши, въ коей осталось много раненыхъ красноармейцевъ, была взята.

24-го сентября бригада вела огневой бой на подступахъ къ Журавкѣ, очищенной въ ночь на 25-ое противникомъ.

26-го сентября бригада заняла хуторъ Морозовъ и повела наступленіе на Семеновку.

Противникъ оказался въ превосходныхъ силахъ, сбить его не удалось, и пѣшія сотни, понеся потери, вернулись ночевать въ дер. Журавку.

Тутъ выяснилось полное отсутствіе связи съ начальникомъ дивизіи генераломъ Абрамовымъ. Оказалось, что довольно крупный отрядъ красной конницы проскочилъ въ нашъ тылъ въ дер. Гнилушу, гдѣ находился штабъ отряда, порубилъ часть обозовъ и прервалъ связь.

По счастливой случайности, генералъ Абрамовъ съ начальникомъ штаба двигался къ частямъ и въ деревнѣ не находился. Спѣшно въ Гнилушу были посланы 2 конныя сотни Лейбъ-Казаковъ. Однако, противникъ уже ушелъ и 28-го сентября обѣ сотни вернулись обратно.

Того же числа 1-ая дивизія съ легкаго боя взяла гор. Сторожевъ и, такъ какъ противникъ стойкости не обнаружилъ, то 29-го и 30-го захватила раіонъ Медвѣжье-Ясиновка и Новая Мѣловатка.

Въ Фащеватой было красными понарыто много основательныхъ окоповъ, среди коихъ имѣлись укрытія и для тяжелой артиллеріи, однако, противникъ ихъ очистилъ послѣ первыхъ же выстрѣловъ.

2-го октября атакой пѣшихъ сотенъ Гв. бригады, послѣ небольшой перестрѣлки, была взята Бутурлиновка, и 3-го октября вся дивизія сосредоточилась въ Велико-Архангельскомъ.

4-го октября, въ день полкового празника, Лейбъ-Казачій полкъ былъ оставленъ въ резервѣ, въ селѣ В. Архангельскомъ.

Наканунѣ вечеромъ была въ мѣстной церкви отслужена панихида по Державнымъ Шефамъ и однополчанамъ, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившимъ. Полкового священника не было, а мѣстный священникъ, боясь большевистскихъ репрессій, наотрѣзъ отказался поминать вслухъ Державныхъ Шефовъ полка. Послѣ долгихъ уговоровъ ему была составлена записка, которую онъ читалъ, останавливая возгласы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало помянуть имена Шефовъ, и произносилъ ихъ мысленно.

4-го октября былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго офицеры, во главѣ съ генераломъ Абрамовымъ, скромно безъ вина пообѣдали. Черезъ часъ полкъ былъ вызванъ впередъ, ибо красные наступали отъ Макогонова. Короткимъ ударомъ они были опрокинуты, и Макогоново осталось за нами. Въ этомъ бою былъ раненъ сотникъ Георгій Дубенцевъ.

5-го октября атакой пѣшихъ сотенъ была взята дер. Сѣриково. Одновременно подошедшая сильная конная группа генерала Старикова атаковала у ст. Терехова бригаду красныхъ, порубила 200 человѣкъ, а 600 взяла въ плѣнъ. Все поле, послѣ боя, какъ подсолнухами, было покрыто воткнутыми штыками въ землю винтовками красныхъ.

6-го октября Гв. Казачья бригада короткимъ боемъ взяла Колодѣевку. Противникъ быстро отходилъ и въ слѣдующіе дни 1-я дивизія почти безъ боя послѣдовательно овладѣла ст. Таловой, Абрамовкой и Еланскимъ Колѣномъ.

Передъ 1-й дивизіей былъ теперь стыкъ VIII и IX-й сов. армій.

Будучи вызванъ въ Новочеркасскъ Донскимъ Атаманомъ, въ октябрѣ уѣхалъ ген. Абрамовъ, и въ командованіе дивизіей вступилъ ген. Лобовъ. 24-го октября ген. Лобовъ получилъ въ командованіе 4-ую Донскую, и въ командованіе 1-ой вступилъ ген. Дьяковъ (ген. Абрамовъ получилъ высшее назначеніе). Полковникъ Фарафоновъ (вскорѣ произведенный въ ген.-маіоры) уѣхалъ въ отпускъ, передавъ командованіе полкомъ на фронтѣ, до пріѣзда изъ командировки полковника Оприца, полковнику Кононову.

11-го октября въ командованіе полкомъ на фронтѣ вступилъ полковникъ Оприцъ. 12-го ноября былъ эвакуированъ въ Ростовъ заболѣвшій возвратнымъ тифомъ полковникъ Кононовъ.

Составъ полка на фронтѣ сводился къ двумъ пѣшимъ сотнямъ по 110 штыковъ (есаулы Болдыревъ и Чеботаревъ), къ одной сводной конной (ес. Агафоновъ) и пулеметной командѣ въ 6 пулеметовъ (подъесаулъ Туркинъ).

Наступила зима съ ея холодами, и отсутствіе обмундированія давало себя сильно знать. Особенная нужда была въ обуви, ибо движеніе съ боями впередъ отъ Калитвы до Таловой, по весеннимъ размокшимъ дорогамъ, окончательно истрепало обувь, и появились босые. Наступившіе холода не позволяли ими пользоваться для боя, и они отсылались въ обозъ, гдѣ образовалась команда босыхъ и была организована починочная мастерская. Численность людей при обозахъ увеличилась, а боевые составы полковъ потаяли.

Въ не лучшемъ состояніи были истощенныя отсутствіемъ фуража лошади. Не было подковъ, и только часть лошадей была кована лишь на переда. Движеніе по замерзшей грязи некованныхъ лошадей быстро выводило ихъ изъ строя. Аллюръ былъ одинъ — лишь шагъ и только въ случаяхъ атаки — короткая рысь.

Раіонъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, былъ обобранъ и бѣлыми, и красными; ни фуража, ни продовольствія достать на мѣстѣ нельзя было, подвозъ интендантствомъ былъ болѣе нежели слабъ. Полки недоѣдали.

Деревни были полны сыпнотифозными и ночевка въ избѣ, гдѣ лежали въ тифу хозева, была не исключеніемъ, а правиломъ.

Заболѣваемость сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ достигла небывалыхъ размѣровъ.

Болѣзнь начиналась 40-градусной температурой и больной часто сразу впадалъ въ безпамятство. Изъ состава офицеровъ заболѣли тифомъ и были эвакуированы въ октябрѣ: есаулъ Чеботаревъ, есаулъ Агафоновъ, подъесаулъ Туркинъ; въ ноябрѣ — Моргуновъ, только что оправившійся отъ раненія и пробывшій на фронтѣ недѣлю — войсковой старшина Красновъ, подъесаулъ Чекуновъ, есаулъ Дубенцевъ, подъесаулъ Гриневъ и въ декабрѣ — хорунжій графъ Граббе.

Сыпной тифъ, при общей истощенности организма, давалъ относительно высокій процентъ смертности. Изъ числа заболѣвшихъ офицеровъ въ полковомъ лазаретѣ скончались подъесаулъ Чекуновъ и хорунжій графъ Граббе.

....«Я изъ коменданта полкового лазарета (говоритъ записка сотника Прокофьева) обратился въ гробовщика, то и дѣло бѣгая въ мастерскую заказывать гробы, которые не успѣвали готовить. Въ лазаретѣ лежалъ тяжело-больной сотникъ Н. П. Ефремовъ. Наученный горькимъ опытомъ, я и ему заранѣе заказалъ гробъ. По счастью онъ поправился, и я былъ радъ, что моя предусмотрительность оказалась излишней»...

Выше было сказано, что 1-я дивизія, имѣя задачей обезпечить флангъ III-го Донского корпуса, вышла въ стыкъ VIII и IX-й совѣтскихъ армій.

12-го октября совѣтское командованіе двинуло для дѣйствія во флангъ

и тылъ III-му Донскому корпусу свою сосредоточенную въ раіонѣ Жердевки 31-ю дивизію. Если въ воздухѣ висѣлъ флангъ VIII совѣтской арміи, то точно такъ же висѣлъ въ воздухѣ и отдѣленный почти 80-верстнымъ промежуткомъ отъ фланга II-го Донского корпуса флангъ III-го Донского корпуса, почему, — если движеніе частей 31-й совѣтской дивизіи и было остановлено 1-ой Донской дивизіей, то все же ничто не мѣшало противнику сквозь незанятый промежутокъ бросать въ тылъ 1-й дивизіи мелкія партіи своей конницы.

Конница красныхъ была низкаго качества, однако, перехватывая людей и повозки, она затрудняла сообщенія съ ближайшимъ тыломъ. Вообще недостаточное снабженіе остановилось совершенно. Посылка одиночныхъ людей изъ обоза и обратно сильно затруднилась.

Еще болѣзненнѣе отражалась на психикѣ сражавшихся необезпеченность вывоза раненыхъ и больныхъ, коихъ приходилось эвакуировать сквозь раіонъ, гдѣ бродила непріятельская конница *).

Постановка дѣла эвакуаціи раненыхъ была кошмарна: никакихъ этаповъ въ тылу организовано не было, а между тѣмъ эвакуація шла на ст. Евстратовку черезъ Бутурлиновку, Гвазды и Павловскъ, причемъ почти 150-верстное разстояніе до желѣзной дороги раненые проѣзжали на обывательскихъ подводахъ, двигаясь по замерзшей грязи и ухабамъ разъѣзженныхъ грунтовыхъ дорогъ. Крестьянскія клячи, вымотанныя безкормицей и безконечными нарядами, еле двигались, проходя за день 15-20 верстъ. Раненый, изголодавшійся и наполовину замерзшій, попадалъ въ санитарный поѣздъ на

*) Полковникъ Поздѣевъ и есаулъ Моргуновъ, возвращаясь 22-го октября изъ отпуска въ полкъ, чуть не погибли, наскочивъ въ тылу на красную конницу, причемъ есаулъ Моргуновъ спасся только тѣмъ, что бросилъ подводу, на которой ѣхалъ, отдѣлавшись потерей всего своего багажа.

24 октября, раскрытый въ лѣсничествѣ въ 10 верстахъ на югъ отъ Таловой перевязочный пунктъ 1-ой Донской дивизіи, и гдѣ находилось 4 десятка раненыхъ, былъ атакованъ отрядомъ красной конницы. Кто могъ изъ раненыхъ, разобралъ винтовки, огнемъ коихъ красная лава была остановлена, и, спѣшившись, въ свою очередь открыла огонь. Пріостановка атаки, наступившіе сумерки, какъ и выдержка и спокойствіе врача Л. Гв. Атаманскаго полка, обезпечили спѣшный вывозъ всѣхъ раненыхъ въ западномъ направленіи на Козловку. Большую помощь оказали три конныхъ Лейбъ-Казака, только что вывезшіе изъ боя подъ Таловой и доставившіе на перевязочный пунктъ тяжело раненаго командующаго полкомъ полк. Оприца.

Эти три казака не дали уйти безъ раненыхъ уже было подъ вліяніемъ паники разлетавшимся во всѣ стороны обывательскимъ повозкамъ и, собравъ ихъ вновь, подъ огнемъ противника помогли всѣхъ нагрузить.

При ночной пятнадцативерстной перевозкѣ часть раненыхъ, перевязка коихъ не была закончена, скончались отъ потери крови; въ числѣ ихъ былъ Л. Гв. Атаманскаго полка есаулъ Абрамовъ, при перестрѣлкѣ на перевязочномъ пунктѣ получившій вторичное пулевое раненіе.

Нѣсколько позднѣе указаннаго случая, Л. Гв. Казачьяго полка подъесаулъ Туркинъ, заболѣвшій сыпнякомъ и съ 40-градусной температурой въ безпамятствѣ эвакуированный въ тылъ, пропалъ безъ вѣсти, даже не доѣхавъ до обоза 1 разряда, явно попавъ въ руки красныхъ.

8-10-й день своего раненія, причемъ не смѣнявшіеся съ полкового перевязочнаго пункта его бинты буквально кишѣли вшами.

При такихъ условіяхъ эвакуаціи и легкія раненія получали самыя тяжелыя осложненія и послѣдствія.

Не лучше обстояло дѣло эвакуаціи сыпнотифозныхъ.

Въ своемъ дневникѣ, одинъ изъ офицеровъ полка, подъесаулъ Могилянскій, разсказываетъ, что онъ лично видѣлъ на станціи Чертково громадный сарай, набитый сложенными, какъ дрова, замерзшими трупами раненыхъ и сыпнотифозныхъ казаковъ, умершихъ въ дорогѣ и выгруженныхъ изъ санитарныхъ поѣздовъ.

...«На станцію Миллерово (говоритъ Раковскій — «Въ станѣ бѣлыхъ», стр. 32-33) привозили цѣлые поѣзда сыпнотифозныхъ, умершихъ отъ голода, холода и отсутствія примитивныхъ удобствъ и какого-либо ухода... Все это можно было наблюдать и на другихъ станціяхъ. Нерѣдко можно было видѣть вокзальныя зданія, переполненныя больными и мертвыми, бесѣдки въ станціонныхъ садахъ, переполненныхъ трупами, сложенными, какъ дрова, въ высокіе штабели...»

Если взвѣсить всѣ изложенныя выше обстоятельства, то нѣтъ ничего удивительнаго, что на фронтѣ наростало раздраженіе противъ организаціонной безпомощности тыловой администраціи и противъ индифферентизма такъ называемой «общественности», не понимавшей своего долга передъ Арміей и ничего не дѣлавшей для упорядоченія тыла.

Очень плохо работалъ административный аппаратъ ДобрАрміи, но не лучше обстояло дѣло и въ казачьемъ тылу. Докладъ предсѣдателя ревизіонной комиссіи Большого Войскового Круга, М. И. Мельникова, отъ 25-го октября 1919 года, о результатѣ ревизіи Донскихъ органовъ интендантства, транспорта, снабженія и продовольствія, раскрываетъ удручающую картину крупныхъ хищеній, взяточничества, непредусмотрительности, безхозяйственности и отсутствія запасовъ и заготовокъ. (Справка: Отчетъ ревизіонной комиссіи, опубликованный въ газетѣ «Пріазовскій Край», № 243 отъ 27-го октября 1919 года).

Городская интеллигенція, забившая всѣ указанные органы снабженія, не выдержала экзамена, предложеннаго ей жизнью.

Растущее въ частяхъ на фронтѣ раздраженіе не могло не подрывать боевого духа войскъ, роняя вѣру въ возможность скорой побѣды.

Однако, вернемся къ дѣйствіямъ охранявшей стыкъ II и III Донскихъ корпусовъ 1-й Донской дивизіи и ко времени наступленія 31-й совѣтской дивизіи.

Выдвиженіе послѣдней явилось нѣсколько неожиданнымъ, и 15-го октября сильно пострадали расположенныя на отшибѣ и захваченныя врасплохъ 2 пѣшія сотни 4-го Донского полка. Однако, 1-я дивизія быстро разверну-

лась на фронтѣ Александровскій поселокъ — Таловая и боемъ остановила дальнѣйшее продвиженіе противника. Вскорѣ флангъ былъ усиленъ выдвинутой на Таловую пѣшей бригадой генерала Овчинникова, и 50-верстный участокъ 1-й дивизіи нѣсколько сократился.

19-го октября красные было выбили генерала Овчинникова изъ Таловой, однако, быстро переброшенныя изъ Алекс. поселка части 1-й Донской дивизіи, съ Л. Гв. Казачьимъ полкомъ, отбили красныхъ къ полустанку Чигла.

20-го октября части 1-й дивизіи, совмѣстно съ бригадой генерала Овчинникова съ боемъ вытѣснили красныхъ изъ Чиглы и отбросили ихъ къ станціи Абрамовка.

Въ тотъ же вечеръ пришло сообщеніе, что красные заняли Новую Чиглу, что къ западу отъ Александровскаго поселка.

Принявшій временное командованіе 1-й дивизіей генералъ Лобовъ рѣшилъ повторить маневръ 20-го, но только въ сторону Нов. Чиглы, направивъ въ западномъ направленіи, для содѣйствія казачьимъ частямъ, долженствующимъ 21-го атаковать Н. Чиглу, Гв. Казачью бригаду. Такъ какъ противникъ проявлялъ активность и у Абрамовки, то бригада ген. Овчинникова была усилена 4-мъ Донскимъ полкомъ и въ Александровскомъ поселкѣ остался лишь штабъ дивизіи съ мало-боеспособнымъ Калмыцкимъ полкомъ.

Въ 9 часовъ утра Гв. Казачья бригада, подъ командой генерала Дьякова, выступила на Н. Чиглу и уже прошла версты четыре, когда прискакалъ присланный генераломъ Лобовымъ казакъ съ сообщеніемъ о начавшемся наступленіи красныхъ на Александровскій поселокъ. Генералъ Дьяковъ, продолжая движеніе на Нов. Чиглу, повернулъ обратно двѣ пѣшія сотни Л. Казаковъ, подъ командой полк. Оприца. Послѣдній, обогнавъ свои сотни, широкой рысью двинулся въ Александровскій поселокъ, гдѣ ему представилась слѣдующая картина: въ восточной окраинѣ поселка шла ружейная и пулеметная стрѣльба. По дорогѣ, выходящей съ восточной части поселка на югъ, въ Таловскомъ направленіи, вытянулся атакованный красной конницей обозъ 1-го разряда дивизіи. Повозники, обрубившіе постромки, и отдѣльныя повозки скакали на западъ въ тянувшійся въ юго-восточномъ Таловскомъ направленіи оврагъ. Въ тотъ же оврагъ одиночно и группами сметались калмыки, во главѣ коихъ мчался ихъ командиръ полка полковникъ С.

На вопросъ: «Куда вы отходите?», полковникъ С. только махнулъ рукою: стало ясно, что калмыки на сутки вышли изъ боя и ближе Таловой не остановятся. За калмыками неслись и орудійныя запряжки 1-й батареи, и на южной окраинѣ поселка оставалась лишь группа конныхъ ординарцевъ, во главѣ съ начдивомъ генераломъ Лобовымъ. Узнавъ о близкомъ подходѣ двухъ Лб. Казачьихъ сотенъ, генералъ Лобовъ приказалъ не втягиваться въ занятый красными въ востока и охваченный ими съ сѣвера поселокъ, а развернуться южнѣе, прикрывъ дорогу на Таловую и оврагъ съ отходящими въ безпорядкѣ частями.

Подошли Лейбъ-Казаки. Быстро и стройно развернулась фронтомъ на востокъ сотня есаула Чеботарева и, имѣя на выступѣ влѣво и сзади разомкнутую сотню есаула Бокова, безъ выстрѣла двинулась въ штыки на красную рубившую обозъ конницу. Часть красной конницы, уже двигавшаяся по на-

правленію на оврагъ, была взята подъесауломъ Туркинымъ подъ пулеметный огонь и въ безпорядкѣ бросилась уходить обратно на юго-востокъ. Туда же поспѣшно отошла не принявшая атаки, рубившая обозъ конница.

Сотня есаула Чеботарева прошла уже линію отбитыхъ повозокъ обоза, какъ накопившійся въ восточной и центральной части Александровскаго поселка противникъ развернулся фронтомъ на югъ и перешелъ въ наступленіе, угрожая лѣвому флангу сотни. Быстро развернулась фронтомъ на сѣверъ сотня есаула Бокова и противникъ, не выдержавъ ея огня, залегъ.

Оправившаяся конница противника вновь пыталась, уже въ почтительномъ отдаленіи, обогнуть правый флангъ сотни есаула Чеботарева, перерѣзать дорогу на Таловую и выйти въ оврагъ, однако, жиденькая лава конныхъ ординарцевъ дивизіи во главѣ съ генераломъ Лобовымъ, усиленная двумя пулеметами подъесаула Туркина, ликвидировали эту попытку, и красная конница отошла. (Другой пулеметный взводъ, съ командиромъ полка и его ординарцами занялъ стыкъ между 2 и 5 сотнями).

Дорога на Таловую и оврагъ были такимъ образомъ прикрыты.

Такъ прошло часа два. Сотня есаула Чеботарева несла потери отъ фланговаго пулеметнаго огня противника, и генералъ Лобовъ приказалъ оттянуть обѣ сотни на версту на югъ, къ глубокой канавѣ, тянувшейся параллельно южной окраинѣ Александровскаго поселка. Противникъ было перешелъ въ наступленіе съ южной окраины поселка и изъ рощицы, что у восточной его оконечности, но немедленно огнемъ былъ загнанъ обратно. Здѣсь былъ раненъ сотникъ Поляковъ.

Между тѣмъ, слѣва послышалась артиллерійская стрѣльба, причемъ разрывы шрапнели ложились надъ западной окраиной поселка. Было ясно, что подходилъ генералъ Дьяковъ съ Атаманцами, и полковникъ Оприцъ обратился къ генералу Лобову за приказаніями. «Хорошо бы атаковать одновременно съ двухъ сторонъ поселокъ, — сказалъ задумчиво генералъ Лобовъ, — да поздно, ибо до темноты не успѣемъ связаться съ генераломъ Дьяковымъ, кромѣ того и конница, что виситъ у насъ на правомъ флангѣ, какъ только мы начнемъ наступать на сѣверъ, окажется въ нашемъ тылу»... Между тѣмъ, стрѣльба слѣва стихла, начало темнѣть, люди замерзали. Генералъ Лобовъ приказалъ стягиваться въ колонну и двигаться на Таловую, куда Лейбъ-Казаки пришли въ полной темнотѣ.

Что же касается генерала Дьякова, то онъ, подойдя съ востока къ Н. Чиглѣ одновременно съ наступавшими съ юга частями генерала Овчинникова, сейчасъ же повернулъ обратно на Александровскій поселокъ, такъ какъ красные, увидя наступленіе съ двухъ сторонъ, быстро очистили Нов. Чиглу безъ боя.

Подойдя съ запада къ Александровскому поселку, уже занятому красными, генералъ Дьяковъ оттѣснилъ ихъ цѣпи въ поселокъ, но не слыша артиллерійскаго огня съ юго-востока, рѣшивъ, что всѣ части отошли на Таловую, двинулся по оврагу туда же.

Атаманцы сбились съ вѣрнаго направленія долго плукали по оврагамъ и только поздно ночью добрались до Таловой.

Это обстоятельство послужило причиной выдвиженія въ голову въ бой

22-го октября снова Лейбъ-Казаковъ, несмотря на очередь Атаманцевъ и несмотря на проведенный исключительно Лейбъ-Казаками наканунѣ трудный бой, гдѣ они съ потерями выполнили полностью задачу прикрытія отходившихъ въ безпорядкѣ частей и, одновременно, не дали противнику, значительно превосходящему ихъ въ силахъ, продвинуться на Таловую.

Планъ боя 22-го былъ слѣдующій: западную половину Александровскаго поселка должны были атаковать Лейбъ-Казаки, восточную — калмыки; 2 конныя сотни 4-го полка и 1 конная Атаманская, подъ общей командой полковника Жирова, должны были охватить противника справа, а Лейбъ-Казачья конная — слѣва.

Несмотря на усталость, Лейбъ-Казачьи сотни быстро развернулись и смѣло двинулись впередъ.

Прямо на поселокъ двигалась 2-я сотня есаула Бокова, лѣвѣе на уступѣ 5-я сотня есаула Чеботарева. Значительно правѣе Лейбъ-Казаковъ разсыпались калмыки.

2-я сотня есаула Бокова, быстро продвигаясь, нѣсколько зарвалась.

Противникъ открылъ огонь и пытался охватить ея лѣвый флангъ.

Полковникъ Поздѣевъ (за день только что прибывшій изъ отпуска), взявъ полусотню отъ 5-ой сотни есаула Чеботарева, лично повелъ ее влѣво, въ удлиненіе 2-й сотни. Выдвинувшись впередъ, онъ увидѣлъ отходящую сотню есаула Бокова. Выяснилось, что, наступая безъ перебѣжекъ, въ ростъ, сотня подошла вплотную къ пулеметамъ противника и, понеся потери и потерявъ командира сотни есаула Бокова, стала отходить. Полковникъ Поздѣевъ бросился ее останавливать, но тутъ же самъ былъ раненъ пулей въ ногу и выбылъ изъ строя. Въ командованіе сотней лично вступилъ командующій полкомъ полковникъ Оприцъ, которому удалось не безъ труда возстановить порядокъ и, усиливъ 2-ю сотню полусотней отъ 5-й сотни, снова продвинуться нѣсколько впередъ.

Однако, дойти до мѣста, гдѣ упалъ есаулъ Боковъ, не пришлось, такъ какъ пришло приказаніе отходить, ввиду создавшагося угрожающаго положенія на правомъ флангѣ боевого порядка, гдѣ, подъ натискомъ противника, быстро отходили и безъ того бывшіе далеко на уступѣ назади калмыки и конница полковника Жирова.

Попытки достать тѣло есаула Бокова не увѣнчались успѣхомъ: пулеметы красныхъ хорошо пристрѣлялись, и казаки, пытавшіеся продвинуться, отползали ранеными. Пытаясь приблизиться къ Бокову, былъ смертельно раненъ двумя пулями въ животъ взводный 2-й сотни подхорунжій Плѣшаковъ (умеръ по пути въ госпиталь).

Черезъ два дня Александровскій поселокъ былъ взятъ, тѣло есаула Бокова найдено и отправлено въ Новочеркасскъ. Тѣло не носило никакихъ признаковъ разложенія, изъ чего можно было заключить, что есаулъ Боковъ, будучи тяжело раненъ въ животъ, по всѣмъ даннымъ, замерзъ еще на мѣстѣ боя.

Въ бою 22-го Лейбъ-Казаки потеряли убитыми и ранеными 2-хъ офицеровъ и 45 казаковъ, и боевой составъ опустился до 1 сводной пѣшей сотни въ 100 штыковъ и одной конной въ 60 шашекъ.

Приблизительно въ той же пропорціи уменьшилась и численность другихъ полковъ дивизіи.

24-го октября генералъ Лобовъ рѣшилъ повторить атаку Александровскаго поселка. Теперь въ центрѣ наступали Лейбъ-Казаки и Атаманцы, а на уступѣ назадъ влѣво двѣ конныя сотни 4-го полка и калмыки.

Наступленіе развивалось гладко, несмотря на сильный огонь противника. Однако, подъ самымъ поселкомъ противникъ перешелъ въ контръатаку. Калмыки и 4-й полкъ не выдержали и начали вскорѣ перешедшій въ общее отступленіе отходъ.

Противникъ, пользуясь численнымъ превосходствомъ, глубокими обхватами обоихъ фланговъ не давалъ задержаться до самой Таловой.

Послѣдней отходила Лейбъ-Казачья пѣшая сотня (вѣрнѣе, полусотня) подъесаула Моргунова, которой предшествовала сотня ес. Чеботарева, только что оттянутая назадъ (такъ какъ предстояло вскорѣ проходить дефилемостъ черезъ рѣчку).

Патроны на исходѣ. Противникъ нагло насѣдаетъ.

Видя трудное положеніе прикрывающей отходъ сотни, ес. Чеботаревъ останавливается, пропускаетъ сквозь свою цѣпь сотню подъес. Моргунова и стройно, въ ростъ, начинаетъ движеніе на сближеніе съ противникомъ.

Огонь красныхъ сразу принимаетъ безпорядочный характеръ, они останавливаются и начинаютъ частью отходить. Ес. Чеботаревъ останавливаетъ свою цѣпь и возобновляетъ спокойный отходъ.

...«Скажутъ, что въ маневрѣ ес. Чеботарева не было ничего особеннаго (говоритъ ген. Дьяковъ), однако, принимая во вниманіе общую вымотанность за день неудачнаго боя, принимая во вниманіе совокупность условій даннаго момента, лично наблюдая этотъ бой, скажу, что выполненіе маневра требовало совершенно исключительной силы духа и вѣры въ своихъ казаковъ командира сотни и обратно, казаковъ въ своего командира. Доблестенъ былъ командиръ, но и люди были молодцами»...

Выходъ на Таловую кончался высокимъ гребнемъ, съ котораго открывался отличный обстрѣлъ ровной площади отхода, и поэтому Лейбъ-Казакамъ было приказано задержаться на гребнѣ, давъ пройти площадь всѣмъ частямъ дивизіи.

Задача осложнялась еще и появленіемъ въ полуверстѣ въ тылу за Таловой двухъ эскадроновъ противника.

Лейбъ-Казаки свою боевую задачу полностью выполнили, причемъ особенно отличилась пулеметная команда подъесаула Туркина, вывезшая изъ боя повозки, на которыхъ вмѣстѣ съ работавшими до послѣдней минуты пулеметами лежали убитыми и ранеными и всѣ безъ исключенія номера этихъ пулеметовъ.

Здѣсь же былъ тяжело раненъ командующій полкомъ полк. Оприцъ.

За бой 24-го Лейбъ-Казаки потеряли убитыми и ранеными 32 казака и 19 лошадей.

Понесъ сильныя потери и противникъ, не оставшійся въ Таловой, а вернувшійся въ Александровскій поселокъ.

27-го октября конныя сотни 1-й дивизіи, усиленныя прибывшей изъ Новочеркасска свѣжей сотней Конвоя Донского Атамана, соединились съ подошедшей конницей генерала Савельева и зашли краснымъ въ тылъ.

Была разбита бригада красныхъ и не только занятъ 1-й дивизіей поселокъ Александровскій, но черезъ два дня и находящійся въ 13 верстахъ сѣвернѣе Бирючинскій поселокъ.

Взятіе Бирючинскаго поселка было послѣднимъ успѣхомъ 1-й дивизіи; дальше пошло топтаніе на мѣстѣ, причемъ ряды полковъ таяли, не получая пополненія изъ тыла. Чувствовалась крайняя усталость.

Въ точно такомъ же положеніи находился и противникъ.

Однако, какъ всегда въ бою бываетъ, достаточно было относительно небольшого перевѣса, дабы вызвать рѣшительный переломъ. Къ сожалѣнію, перевѣсъ этотъ, хотя и очень небольшой, оказался на сторонѣ красныхъ.

Сѣверная и средняя полосы Россіи были болѣе богаты людскими ресурсами нежели бѣлый Югъ.

Красный тылъ былъ организованъ лучше бѣлаго.

Большевики использовали указанныя преимущества.

Пользуясь услугами своего, проникавшаго въ самую толщу населенія, партійнаго аппарата, имъ удалось:

а) не ослабляя фронта, создать 180-тысячную группу войскъ особаго назначенія, поддерживавшую въ красномъ тылу необходимый для веденія войны порядокъ.

б) Произвести полный учетъ и отправку на фронтъ всѣхъ полезныхъ для боя элементовъ, начиная отъ генераловъ Генеральнаго Штаба, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ старой Арміи и кончая партійными агитаторами.

в) Производить мобилизаціи населенія въ размѣрѣ, покрывающемъ не только боевыя потери, но и повседневный высокій процентъ дезертирства Красной арміи.

Командующій краснымъ южнымъ фронтомъ Егоровъ (на стр. 146) говоритъ, что за сентябрь и первыя числа октября его фронтъ получилъ 168 маршевыхъ ротъ изъ внутреннихъ округовъ Россіи, что, за вычетомъ дезертировъ въ пути, дало 33.000 человѣкъ пополненія. Цифру эту нужно еще увеличить мобилизованными въ прифронтовой полосѣ.

Въ сентябрѣ была проведена мобилизація лошадей, шедшая подъ лозунгомъ «Пролетаріи на коня» и сильно увеличившая конницу красныхъ.

Были усилены жестокія и рѣшительныя мѣры по борьбѣ съ явленіемъ разложенія краснаго фронта и съ расхлябанностью въ тылу.

Совокупность вышеизложеннаго, какъ и сохранность кадровъ Красной

арміи (выпущенныхъ изъ августовскихъ пораженій Вооруженными Силами Юга Россіи цѣлыми, хотя и сильно потрепанными) дала возможность красному тылу возстановить боеспособность своихъ войскъ.

Была усилена Воронежская группа красныхъ и, кромѣ того, образованъ ударный кулакъ въ Курскомъ направленіи, составленный изъ пополненной XIV-й арміи и резервовъ краснаго Главкома *).

1-го октября кулакъ этотъ перешелъ въ наступленіе на Курскъ противъ Добровольческой Арміи. Въ 30-дневныхъ бояхъ Добровольцы, доблестно сражаясь со значительно превосходнымъ въ числѣ противникомъ и одерживая частные успѣхи, были принуждены отходить.

Отходъ Добровольческой Арміи принялъ характеръ катастрофы: полки, распухшіе при наступленіи за счетъ мобилизованнаго населенія и влитыхъ въ ряды плѣнныхъ красноармейцевъ ,теперь, при отходѣ, быстро таяли, ибо крестьяне, боясь репрессіи со стороны большевиковъ, постепенно занимавшихъ ихъ мѣста жительства, массами покидали ряды.

Росли и крестьянскія возстанія въ тылу, отвлекавшія войска съ фронта.

Для борьбы противъ Махно генералъ Деникинъ снялъ съ Донского фронта Донскую бригаду генерала Морозова и Терскую дивизію изъ корпуса Шкуро.

Послѣднее было особенно тяжело, ибо ослабило сражавшуюся съ корпусомъ Буденнаго Воронежскую группу, и безъ того уступавшую послѣднему въ силѣ. Въ результатѣ Буденный вышелъ на Касторную, въ стыкъ Донской и Добровольческой армій, угрожая отрѣзать одну отъ другой.

Для парированія опасности, въ раіонѣ Волчанска и Купянска В. С. Ю. Р. была съимпровизирована въ серединѣ ноября крупная конная, усиленная придачей техническихъ средствъ, группа изъ IV Донского корпуса Мамонтова, остатковъ корпуса Шкуро и перебрасываемыхъ отъ Царицына Кубанскихъ дивизій.

Однако, Кубанскія части запоздали и въ силу причинъ, о коихъ подробно говорилось выше, были малочисленны и небоеспособны.

Донцы были вымотаны непрерывными боями лѣта, осени и зимы. Лошади ихъ были изнурены и некованы, почему ввиду наступавшей гололедицы, не имѣли аллюра выше шага.

Сюда нужно прибавить смѣщеніе генераломъ Деникинымъ популярнаго среди Донцовъ генерала Мамонтова, съ подчиненіемъ его кубанцу генералу Улагаю. Генералъ Мамонтовъ обидѣлся и уѣхалъ съ фронта, своимъ отъѣздомъ окончательно подорвавъ духъ Донцовъ.

Конная группа утратила боеспособность и Буденный прошелъ въ стыкъ Донской и Добровольческой Армій, ускоривъ отходъ послѣдней.

Въ концѣ ноября въ стыкъ II-го и III-го Донскихъ корпусовъ вышла относительно свѣжая конница Думенко, что ускорило отходъ Донской арміи.

Весь декабрь отходили Донская и Добровольческая Арміи подъ натис-

---

*) Кулакъ этотъ получилъ полную свободу дѣйствій, благодаря умышленному предательству поляковъ и Пилсудскаго. (Справка: брошюра ген. Деникина: «Кто спасъ больш. власть», изд. 1937 года, Парижъ).

комъ, главнымъ образомъ, 1-й конной арміи Буденнаго и корпуса Думенки, ибо остальныя части Красной арміи были вымотаны боями и эпидеміями не менѣе бѣлыхъ.

Однако, попытки генерала Деникина остановиться успѣхомъ не увѣнчались.

Отходящія части, вмѣсто опоры въ тылу, находили увеличивающійся развалъ, что роняло ихъ духъ и увеличивало инерцію отхода.

24-го обѣ Арміи были уже на подступахъ къ Ростову и Новочеркасску, гдѣ генералъ Деникинъ, имѣя численное и техническое превосходство надъ противникомъ, хотѣлъ остановиться. Однако, инерція отката улеглась только тогда, когда между сторонами легъ Донъ, и 27-го Ростовъ былъ оставленъ.

Вернемся нѣсколько назадъ къ дѣйствіямъ 1-й Донской дивизіи.

...«Въ концѣ ноября (т. е. въ серединѣ ноября ст. ст.), — говоритъ командующій краснымъ Южнымъ фронтомъ полковникъ Егоровъ (стр. 207), — успѣхъ краснаго оружія явно обозначился по всему фронту, и только участокъ лѣваго фланга VIII-й арміи нѣсколько отставалъ отъ общаго развитія наступленія»...

Именно этому участку, среди другихъ частей III Донского корпуса, противостояла и 1-я Донск. дивизія. Однако, послѣ послѣднихъ отчаянныхъ попытокъ наступать въ Лискинскомъ и Бобровскомъ направленіяхъ и III-й Донской корпусъ былъ. въ свою очередь, вынужденъ къ отходу.

Лейбъ-Гвардіи Казачьимъ полкомъ (вѣрнѣе, его малочисленнымъ боевымъ кадромъ) въ первой половинѣ ноября 1919 г. на фронтѣ послѣдовательно командовали, выбывая за заболѣваніемъ сыпнымъ тифомъ, есаулъ Чеботаревъ, сотникъ Кобіевъ и подъесаулъ Моргуновъ.

17-го ноября въ командованіе кадромъ вступилъ оправившійся отъ раненія и прибывшій съ пополненіемъ въ 80 конныхъ казаковъ войск. старш. С. Красновъ. Однако, черезъ нѣсколько дней, и онъ, заболѣвъ сыпнякомъ и передавъ должность есаулу Авилову, былъ эвакуированъ въ Ростовъ, въ до отказа переполненный ранеными и тифозными офицерами и казаками полка Лейбъ-Казачій лазаретъ.

На фронтъ изъ полкового лазарета спѣшно выѣхали еще не вполнѣ оправившійся отъ прежняго раненія въ голову войск старш. Болдыревъ и выздоровѣвшій хор. Ананьевъ.

Въ ожиданіи ихъ прибытія, три-четыре десятка казаковъ, представлявшіе остатокъ сводной пѣшей сотни и пулеметной команды Лейбъ-Казачьяго полка, были отправлены въ обозъ на краткій отдыхъ и укомплектованіе. Въ обозѣ уже укомплектовывалась и перевооружалась на новые пулеметы Викерса ранѣе туда отправленная, совмѣстно съ остатками своей конной сводной сотни, пулеметная команда Л. Гв. Атаманскаго полка.

На фронтѣ въ строю дивизіи оставались лишь: сводная конная сотня Лейбъ-Казаковъ въ 60 шашекъ (подъ командой хорунжаго И. И. Попова, при замѣнявшемъ младшаго офицера подхорунжемъ Г. П. Мигулинѣ), свод-

ная пѣшая сотня 4-го полка, имѣвшая при себѣ остатокъ своей конницы въ 30 шашекъ, и 2-я Донская батарея полк. Афанасьева. Къ дивизіи была прикомандирована конная сотня конвоя Донского Атамана въ 80 шашекъ.

Съ 22-го ноября дивизія отходила съ небольшими боями черезъ Медвѣжье — Юнаково — Семеновку и Журавку и 25 ноября прибыла въ Гороховку, дойдя до предполагаемой здѣсь къ оборонѣ линіи рѣки Дона.

...«Во время этого отхода нашей дивизіи, — говоритъ записка сотника Мигулина, — наша сводная Лейбъ-Казачья сотня самоотверженно, безъ отдыха, несла не только усиленную развѣдывательную и сторожевую службы, но и каждодневно вела бои съ насѣдавшимъ противникомъ. Сотня таяла въ бояхъ и отъ тифа. Пополненія не поступало, ибо приведенные войск. старш. Красновымъ 80 казаковъ были послѣднимъ ресурсомъ полка, и только 26-го ноября сотня пополнилась на 14 конныхъ казаковъ, прибывшихъ изъ обоза на оправившихся отъ раненій лошадяхъ»...

Въ Гороховкѣ 1-ая дивизія простояла 3 дня.

27-го ноября, ночью, ввиду поступившихъ свѣдѣній о движеніи отъ Калача, въ стыкъ II-го и III-го Донскихъ корпусовъ, вновь появившихся крупныхъ конныхъ массъ группы Думенко, I-ая Донская дивизія была двинута на востокъ, перешла Донъ и заняла дер. Филоново.

Въ эти дни 1-я дивизія усилилась въ своемъ составѣ: изъ раіона обоза прибыли сводная пѣшая Лейбъ-Казачья сотня въ 130 штыковъ, при одномъ пулеметѣ Максима и подъ командой подъес. Г. Чекунова; пулеметная команда Атаманцевъ, въ 8 новыхъ Викерсовъ, подъ командой подъесаула Туровѣрова; сводная пѣшая сотня 4-го полка, въ 200 штыковъ, подъ командой полк. Хопрянинова. Въ строй Лейбъ-Казаковъ стали пріѣхавшіе войск. старш. Болдыревъ и хор. Ананьевъ.

28-го ноября красная пѣхота перешла замерзшій Донъ у Осетровки и Голіевки.

Съ 28-го по 30-го ноября, 1-ая дивизія, базируясь на Филоново, короткими ударами успѣшно сбрасывала красныхъ изъ указанныхъ пунктовъ обратно за Донъ.

Особенно отличалась пѣшая сотня подъес. Чекунова, получившая благодарность начальника дивизіи за «сверхъ-отличную» работу. Приведемъ описаніе атаки Осетровки, сдѣланное сотникомъ Чекуновымъ:

...«День клонился къ закату, когда сотня подошла къ Осетровкѣ.

Шелъ сильный снѣгъ, и въ 15 шагахъ ничего не было видно. Влѣво за оврагомъ должны были находиться Атаманцы. Сотни 4-го полка оставались позади, въ резервѣ командовавшаго боевой линіей войск. ст. Болдырева.

Вскорѣ я получилъ приказаніе атаковать селеніе. Связь съ Атаманцами утерялась, и передать имъ приказаніе войск. старш. Болдырева я не смогъ. Начинало темнѣть, времени терять нельзя было, и я двинулся впередъ одинъ.

Несмотря на донесеніе конной развѣдки о невыходѣ красныхъ изъ Осетровки, пройдя 400 шаговъ, неожиданно для себя и для противника, я вплотную наткнулся на его передовую цѣпь.

Раздумывать не приходилось, и сотня, давъ залпъ, бросилась на «ура» въ штыки. Сколько мы ихъ перебили — не знаю, казаки были крайне оже-

сточены и пощады не давали. Красные бѣжали на свою вторую линію, открывшую безпорядочный огонь. Въ бѣгствѣ первая линія смѣшалась со второй, и вся ихъ нестройная масса, преслѣдуемая мной, буквально пронеслась сквозь Осетровку, проскакивая обратно за Донъ и бросая своихъ убитыхъ и раненыхъ»...

На другой день, при очищеніи Голіевки очень хорошо работали двѣ сотни 4-го Донского полка подъ командой полк. Хоприянинова, понесшія здѣсь, однако, крупныя потери. Пѣшая сотня подъес. Чекунова и здѣсь ходила успѣшно въ штыки.

За эти три дня боевъ подъес. Чекуновъ исчисляетъ потери своей сотни въ три десятка убитыхъ и раненыхъ; въ конной сотнѣ выбыло около десятка казаковъ и въ ихъ числѣ подхорунжій Барановъ (кадровый Лейбъ-Казакъ, впослѣдствіи вахмистръ 2-ой сотни).

Въ этихъ же бояхъ, въ приданной дивизіи сотнѣ конвоя Атамана выбылъ раненымъ, впослѣдствіи переведенный въ Лб. Казачій полкъ сотникъ Левъ Упорниковъ.

30-го ноября, къ вечеру, красные снова заняли Голіевку.

На этотъ разъ, то была уже передовая бригада подошедшаго коннаго корпуса Думенко.

Прибывшая наканунѣ въ помощь 1-ой дивизіи 14-ая Донская конная бригада, было занявшая Богучаръ, получивъ приказаніе идти на присоединеніе къ своему I-му Донскому корпусу, спѣшно ушла на югъ.

Предполагая возможность занятія города Богучара частями Думенко, начдивъ 1-ой Донской ген. Дьяковъ рѣшилъ оставить Филоново и ночнымъ фланговымъ маршемъ перейти въ раіонъ Купянки — Дьяченково, гдѣ преградить Думенкѣ дорогу на югъ. Въ этотъ же раіонъ ожидалось прибытіе только что укомплектованной 4-ой Донской конной дивизіи генерала Лобоав, спѣшно выдѣленной изъ состава II-го Донского корпуса.

Въ ночь на 1-ое декабря 1-я дивизія покинула Филоново и къ разсвѣту подошла къ Твердохлѣбову, гдѣ имѣлся мостъ черезъ рѣку Богучаръ. За день передъ тѣмъ была оттепель, рѣка сильно поднялась и на аршинъ покрывала мостъ. Пѣхота переходила мостъ на орудіяхъ, патронныхъ двуколкахъ, походныхъ кухняхъ и крупахъ лошадей.

Изъ Твердохлѣбовки 1-ая дивизія перешла въ Купянку, а конная сотня Лейбъ-Казаковъ — на Богучаръ. Командовавшій сотней хор. Поповъ, выяснивъ, что городъ еще не занятъ красными, сталъ съ сотней въ дер. Песковаткѣ ,расположенной у южнаго выхода изъ города и сѣвернѣе Купянки.

День 1-го декабря дивизія провела въ Купянкѣ спокойно.

2-го декабря, въ 8 час. утра, въ густомъ утреннемъ туманѣ, конница Думенки, пройдя Богучаръ, стремительно двинулась на Купянку и Дьяченково.

Сторожевой постъ конной сотни, занимавшей Песковатку ,былъ захваченъ врасплохъ и не успѣлъ извѣстить хор. Попова. Послѣдній понялъ происходящее лишь въ тотъ моментъ, когда ворвавшаяся въ Песковатку красная конница открыла по немъ огонь. Хор. Попову, съ ключицей, перебитой пулей, все же удалось вывести сотню изъ деревни, но уже не на Купянку, а

на мостъ, ведущій изъ послѣдней на Полтавскую, почему атака красныхъ явилась для 1-ой дивизіи неожиданной.

По счастью, въ моментъ атаки Купянки, сотня подъес. Чекунова двигалась на сѣверную окраину деревни, а батарея дивизіи стояла на позиціи.

Подъес. Чекуновъ говоритъ: «Все было спокойно. Пришло приказаніе мнѣ съ пѣшей сотней, на всякій случай занять сѣв. окраину деревни. Я собралъ сотню и повелъ ее по деревнѣ на сѣверъ. Лѣвѣе деревни, за возвышенностью заговорила наша батарея, но минутъ черезъ 10-15 замолкла. Выйдя на окраину, я неожиданно попалъ подъ ружейный и пулеметный огонь и сразу потерялъ 2-хъ убитыми и 7-хъ ранеными.

Меня хватило пулей по ногѣ.

Быстро развернулъ цѣпь и открылъ огонь, но тутъ прискакалъ казакъ съ приказаніемъ какъ можно скорѣе отходить на мостъ, что ведетъ на деревню Полтавскую.

Черезъ мостъ проскакиваетъ батарея, за ней Атаманцы и я съ сотней.

Далѣе отходъ пошелъ по селу Полтавскому, тянувшемуся на югъ параллельно рѣкѣ. Отходить пришлось по главной улицѣ, перерѣзанной рядомъ поперечныхъ переулковъ. Красная конница энергично атаковала, пытаясь ворваться въ село»...

Здѣсь большую услугу оказала Атаманская пулеметная команда, со своими Викерсами, помѣщенными на запряженныхъ тройками исправныхъ лошадей пулеметныхъ двуколкахъ.

Интересна запись начальника команды, подъесаула Туровѣрова:

...«Наша пѣхота отходила бѣглымъ шагомъ по главной улицѣ села. Красная конница, вися на хвосту и на флангахъ, дѣлала попытки ворваться въ село по отходящимъ въ поле поперечнымъ переулкамъ.

Задержавъ двумя пулеметами лобовую атаку насѣдающихъ на хвостъ красныхъ, я отвелъ карьеромъ эти пулеметы къ слѣдующему перекрестку, гдѣ вахмистръ команды съ тремя пулеметами отбивалъ пытавшуюся ворваться съ фланга красную конницу. Остальные пулеметы были посланы мною впередъ для занятія очередного перекрестка. Такими перекатами былъ прикрытъ отходъ нашей пѣхоты, временами останавливавшейся и бившей залпами, черезъ низкія изгороди, въ поле, занятое массами красной конницы.

Надо отдать справедливость отчаянности уличныхъ атакъ красныхъ, доходившихъ до какой-то фанатичности: мнѣ приходилось стрѣлять изъ пулеметовъ буквально въ упоръ.

Особенно горячій бой завязался при выходѣ изъ деревни. Я бросилъ въ дѣло всѣ 8 пулеметовъ, пѣхота вырвалась изъ села и двинулась въ развернутомъ сомкнутомъ строю, временами останавливаясь и стрѣляя исключительно залпами»...

...«До 12 часовъ красная конница усиленно насѣдала, — пишетъ сотникъ Чекуновъ, — но, убѣдившись въ безрезультатности своихъ атакъ, далѣе толь-

ко «конвоировала» насъ, ведя съ большой дистанціи орудійный огонь, и мы благополучно, вынеся всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, дошли до Красножоновки.

По просьбѣ генерала Дьякова, я, послѣ сдѣланной докторомъ перевязки, остался въ строю»...

Думенко, на 2-ое декабря, ограничился занятіемъ Богучара и Полтавской.

Днемъ, въ этотъ же день, съ юга, въ Красножоновску пришли двѣ бригады 4-ой Донской дивизіи ген. Лобова. (Третья бригада подошла на утро слѣдущаго дня)

...«Численность 4-ой дивизіи, — пишетъ ген. Дьяковъ, — доходила до 5.500 шашекъ. Основное ея ядро было боевымъ и только недавно вернулось изъ рейда по тыламъ красныхъ, подъ командой прежняго начальника этой дивизіи ген. Коновалова.

Однако, въ ряды 4-ой дивизіи было влито громадное укомплектованіе изъ мобилизованныхъ стариковъ и зеленой молодежи»...

...«Съ юга къ намъ подошла пятитысячная группа II-го Донского корпуса, — пишетъ участникъ боя сотн. Мигулинъ. — Прибытіе такой массы конницы сильно подбодрило измотавшіяся части 1-ой дивизіи. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ, боеспособность прибывшихъ пришлось взять подъ сомнѣніе: много стариковъ старше 50 лѣтъ, нѣкоторымъ и больше. Многіе одѣты въ шубы съ большими воротниками и подпоясаны веревками, большинство вооружено только шашками временъ Очакова и покоренія Крыма. Организація полковъ и сотенъ — по станицамъ и хуторамъ, почему должной воинской дисциплины быть не могло. Я особенный противникъ такого рода формированія частей, гдѣ особенно развивается панибратство: на первомъ мѣстѣ кумъ, сватъ, братъ, а за раненымъ уходятъ цѣлые взводы»...

Какъ бы то ни было, но пришедшая конница II-го Донского корпуса не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ.

Наступилъ день 3-го декабря.

Предоставимъ главное слово въ описаніи боя этого дня начальнику 1-ой Донской дивизіи ген. Дьякову:

Ген. Дьяковъ пишетъ: «...Еще наканунѣ, 2-го декабря, засвѣтло, генералъ Лобовъ устроилъ что-то вродѣ военнаго совѣта. Поставленную задачу онъ выразилъ кратко, нѣсколько разъ въ теченіе часа повторивъ свое опредѣленіе: «дать по мордѣ Думенкѣ». Очень увѣренно и энергично говорилъ одинъ изъ бригадныхъ командировъ, ген. Позднышевъ. Другіе боль-

ше отмалчивались. Чувствовалась общая, скажемъ, неособенная, увѣренность въ успѣхѣ.

Было рѣшено 1-ой дивизіи предоставить защиту Красножоновки, 4-ая же дивизія должна была зажать Думенко съ фланговъ, устроивъ вентерь»...

Въ 9 часовъ утра 3-го декабря Думенко атаковалъ Красножновку.

Сѣверная опушка деревни была занята пѣхотой 4-го полка. Сѣв.-восточная окраина — Гвардейской Казачьей бригадой.

Записка сотн. Чекунова говоритъ: «...Выйдя на возвышенность справа отъ селенія, я развернулъ сотню. Правѣе развернулись Атаманцы. Конныя лавы Думенко атаковали 4-ый полкъ. Я съ Атаманцами открылъ бѣглый огонь. 4-й полкъ, понеся потери порубленными и взятыми въ плѣнъ, сталъ отходить вдоль селенія на югъ, при поддержкѣ огня Атаманской пулеметной команды.

Думенко атаковалъ Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ. Атаку отбили залпами и огнемъ Атаманскихъ и моего пулеметовъ»...

Ген. Дьяковъ пишетъ: «3-го декабря около 9 час. утра появились на буграхъ къ сѣверу отъ насъ конныя массы Думенки. Одна его бригада шла по буграмъ къ востоку отъ Красножоновки, другая къ западу отъ нея.

Ударъ восточной колонны принялъ на себя со своей бригадой энергичный генералъ Позднышевъ, о которомъ я говорилъ выше. Вначалѣ дѣйствовалъ онъ рѣшительно, лично водя полки въ атаку. Потерялъ одну батарею, контръ-атакой взялъ ее обратно, потомъ опять ее отдалъ. Но затѣмъ части вышли у него изъ рукъ и уже безудержно покатились назадъ.

Западная колонна красныхъ шла безъ задержки, ибо преграждавшая ей дорогу бригада ген. Авчинникова отходила безъ боя.

Третья бригада 4-ой дивизіи, находившаяся въ нѣсколькихъ верстахъ позади, въ резервѣ, въ бою участія не принимала.

Правымъ крыломъ восточная бригада красныхъ должна была пройти Красножоновку. Первымъ же ея натискомъ была частью порублена, частью взята въ плѣнъ, частью смята пѣхота 4-го полка.

Братская помощь огнемъ Гвард. бригады могла только обезпечить отходъ выбывшихъ на цѣлый день изъ боя остатковъ 4-го полка.

Думенко атаковалъ Лейбъ-Казаковъ и Атаманцевъ.

Сомкнутый строй красной конницы быстро приближался къ развернутому сомкнутому же строю двухъ гвардейскихъ пѣшихъ сотенъ съ ихъ пулеметной командой, стоявшихъ на открытомъ мѣстѣ, въ 1½ верстахъ къ сѣверу отъ красножоновской церкви.

Мнѣ четко запомнилось, на фонѣ вообще блѣдныхъ лицъ, бѣлое, какъ у мертвеца, но спокойное лицо подъесаула Чекунова. На правомъ флангѣ его сотни стоялъ пулеметъ и бѣшено, но врядъ ли въ этотъ моментъ удачно, сыпалъ свинцомъ: лошади отъ волненія плясали, танцовала съ ними и двуколка.

Слышна четкая и громкая команда руководящаго огнемъ офицера...

Стрѣльба велась залпами на выдержанныхъ интервалахъ. Срывовъ не было.

Смерть витала надъ строемъ, но люди были въ рукахъ своихъ офицеровъ.
Атака была отбита....»

За отходомъ 4-ой дивизіи на полѣ боя оставались лишь сотни Гв. Каз. бригады, находившіяся теперь, уже въ свою очередь, въ вентерѣ у во много ихъ превосходящей числомъ красной конницы.

Былъ начатъ отходъ...

...«Впечатлѣніе, произведенное быстрымъ уходомъ 4-ой дивизіи и неудачей 4-го полка, — пишетъ подъес. Чекуновъ, — было тяжелымъ, и я, для поднятія бодрости духа, ведя сотню сомкнутымъ развернутымъ строемъ, сталъ подсчитывать ногу.

Прискакалъ временно командующій Атаманскимъ полкомъ полковникъ Жировъ. «Вотъ это здорово! Молодцы!» Сотня дружно отвѣтила: «Радъ стараться, господинъ полковникъ!» Полковникъ Жировъ приказалъ и Атаманцамъ взять ногу.

Красные нѣсколько разъ ходили въ атаку — мы останавливались, поворачивались и отбивали ихъ выдержанными залпами и пулеметнымъ огнемъ».

Хорошо работала наша батарея, однако снаряды ея были на исходѣ, и она открывала огонь лишь въ критическіе моменты.

Попытки ген. Дьякова остановить и повернуть на противника ближайшія части отходившей на югъ 4-ой дивизіи успѣхомъ не увѣнчались, и Гв. бригада была полностью предоставлена своимъ силамъ.

...«Жуткая, но красивая картина! — вспоминаетъ ген. Дьяковъ. — Сколько моральной силы было въ этой маленькой относительно группѣ!

Помню послѣдній боевой эпизодъ этого дня:

Бригада подходитъ къ мостику черезъ довольно глубокій ручей, гдѣ-то около Чумичевки. Вмѣстѣ съ пѣхотой, перекатами двинутся орудія и пулеметы. Отъ красныхъ покатилась новая крупная конная волна. И тутъ я почувствовалъ, что наша истомленная пѣхота не выдержитъ — она какъ-то слишкомъ заторопилась, почти срываясь на бѣгъ, торопясь къ небольшой, но все же преградѣ — ручью.

Я дѣлаю отчаянныя попытки лично заставить двѣ послѣднія отходящія конныя сотни 4-ой дивизіи поддержать насъ или хотя бы только обозначить лаву. Увы — ни приказанія, ни мольбы, ни угрозы жалобой Атаману не дѣйствуютъ. Они «получили приказъ отходить».

Желая поддержать свою группу, я бросился къ ней навстрѣчу, за мной кинулись ординарцы и штабъ.

Наша ли моральная поддержка помогла, либо сама пѣхота справилась, но и послѣдняя атака была отбита.

При переправѣ черезъ ручей я пропустилъ пѣхоту мимо себя. Люди бодрились, но было видно, что шли изъ послѣднихъ силъ. Былъ слышенъ громкій хрипъ дыханія. Люди были истомлены физически — многоверстнымъ съ боемъ отходомъ и морально — сознаніемъ своей покинутости.

Красные остановились, и тяжелый день кончился.

Много лѣтъ прошло, но и сейчасъ, какъ живой, стоитъ передъ моими глазами, въ бѣлой гвардейской амуниціи, съ блѣдными лицами, подтянутый

строй горсти казаковъ, встрѣчающій выдержанными залпами очередную волну накатывающейся красной конницы»...

За бои 2-го и 3-го декабря Гв. Каз. бригада получила особую благодарность въ приказѣ по III-му Донскому корпусу. Командиръ корпуса ген. Гусельщиковъ заканчивалъ свой благодарственный приказъ словами: «Даже небольшой числомъ, но дисциплинированной пѣхотѣ не страшна никакая красная конница».

Офиціальный Журналъ Военныхъ Дѣйствій Донской Арміи отъ 3-го декабря отмѣтилъ: «Завязался бой въ раіонѣ Медово — Желобокъ — Дьяченково — Полтавская съ конницей Думенко силою около 2 бригадъ (4-ой и 6-ой), наступавшей отъ Богучара.

Послѣ упорнаго боя наши части были оттѣснены къ югу за р. Лѣвая.

Почти вся тяжесть боя легла на плечи доблестныхъ частей Гвардейской Казачьей бригады, отошедшей въ полномъ порядкѣ, перекатами, въ сомкнутомъ строю, и отбившей налетавшія со всѣхъ сторонъ конныя массы красныхъ залпами и пулеметнымъ огнемъ». (Справка: выписка Донского Каз. Архива въ Прагѣ).

Несмотря на всю крайнюю напряженность боевъ 2-го и 3-го декабря, потери Лб. Казаковъ были относительно невелики, ибо приходилось имѣть дѣло съ отбитыми до удара конными атаками, огонь же артиллеріи и пулеметовъ противника велся съ большихъ дистанцій и былъ мало дѣйствителенъ.

Лейбъ-Казаки понесли нижеслѣдующія потери:

Въ офицерскомъ составѣ были ранены подъес. Чекуновъ и хорунжій Поповъ. (Войск. старш. Болдыревъ, заболѣвъ возвратнымъ тифомъ, былъ отправленъ въ полковой лазаретъ, гдѣ и скончался, такъ какъ тифъ, на почвѣ прежняго раненія, осложнился воспаленіемъ мозга).

Въ казачьемъ составѣ было убито 7 казаковъ и ранено 16.

Лошадей было убито 3 и ранено 5.

Подъ вечеръ 3-го декабря красная конница отошла въ Красножоновку, и Гв. Каз. бригада, передохнувъ нѣсколько часовъ въ Шуриновкѣ, перешла въ деревню Филипповку.

Здѣсь къ дивизіи прибылъ раненый шашкой въ голову при атакѣ Красножоновки вахмистръ 4-го Донского полка, которому удалось при взятіи красными деревни спрятаться и ночью бѣжать. Онъ подслушалъ разговоръ между лицами краснаго комсостава, разсказывавшими, какъ были жестоко изруганы Думенко за то что, несмотря на громадный численный перевѣсъ, не смогли раздавить отходившую горсть Гв. Казачьей бригады.

Въ Филипповкѣ дивизія простояла три дня.

Отходъ Донской Арміи продолжался, и ряды ея быстро таяли.

Къ серединѣ декабря 1-я дивизія, въ составѣ 183 штыковъ и 103 шашекъ, въ раіонѣ Каменской, вошла въ составъ своднаго отряда, общей численностью въ 773 человѣка. При полку находились войсковой старшина Воронинъ, подъесаулъ Могилянскій, подъесаулъ П. Кутейниковъ и прибывшій съ послѣднимъ пополненіемъ въ 80 пѣшихъ казаковъ, только что произведенный въ офицеры хорунжій Фабрицкій.

Генералы Дьяковъ и Фарафоновъ были спѣшно командированы въ Ростовъ для формированія и привода на фронтъ пополненія изъ всѣхъ казаковъ 1-го Донского запасн. полка и всѣхъ тыловыхъ казаковъ 1-й Донской дивизіи.

Отходъ Донской Арміи продолжался, и 17 декабря Лейбъ-Казаки, въ составѣ 27 человѣкъ, при хор. Фабрицкомъ, дали свой послѣдній бой подъ станціей Лихой, послѣ котораго послѣдніе остатки строевого состава были отосланы на укомплектованіе въ Ростовъ, куда и прибыли вмѣстѣ съ обозомъ 21-го декаря.

23-го декабря кадрамъ 1-й Донской дивизіи было приказано, совмѣстно съ 1-мъ Донскимъ запаснымъ коннымъ полкомъ, перейти черезъ станицы Ольгинскую, Хомутовскую и Кущевку, въ станицу Екатерининскую, Кубанской Области, гдѣ немедленно начать формированіе.

Спѣшно ликвидировавъ полковой Ростовскій лазаретъ (отправкою части больныхъ и раненыхъ въ Екатеринодаръ), и поднявъ все, что было возможно изъ своихъ запасовъ, Лейбъ-Казаки перешли въ станицу Екатерининскую. Сюда же прибылъ и ветеринарный лазаретъ полка. Въ ряды полка влились казаки 1-й сотни 1-го Запаснаго и одной сотни 2-го Запаснаго полка, нѣсколько вахмистровъ и урядниковъ Конвоя Командующаго Донской Арміей и укомплектованіе изъ мобилизованныхъ молодыхъ казаковъ. Сталъ въ строй рядъ офицеровъ, почти оправившихся отъ раненій и тифа, и полкъ очень быстро развернулся въ составѣ трехъ конныхъ сотенъ (№№ 1, 3 и 6) и командъ пулеметной и связи.

Къ 15-му января 1920 года, усиленной работой офицеровъ, полкъ снова былъ готовъ къ отправкѣ на фронтъ (къ тому времени относительно прочно установившійся по Дону).

Начинался новый періодъ полковой работы.

Потери Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка за періодъ съ 10-го сентября по 31-ое декабря 1919 года выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Дата Мѣсто боя	ОФИЦЕРЫ				КАЗАКИ				ЛОШАДИ		
	убит.	ран.	безъ вѣсти проп.	тифъсып.	убит.	ран.	тифъ сыпн.	безъ вѣсти проп.	уб.	ран.	чесот. и подб.
сентябрь											
11-ое. Перепр. у Бабокъ						3					
12. г. Павловскъ-Бабки		3			1	13			12	14	
23. Гнилуша					3	10				1	
24. Журавка					2	8			1	2	
26. Морозовка и Семеновка		1			1	7				1	
28.30. Сторожевъ					4	10			1		
октябрь											
2-ое. Бутурлиновка					2	6				1	
4. Макогоново		1			3	7			1		
5. Сѣриково					1	8				2	
6. Колодѣевка						5					
7-19. Развѣдка и мелкія стычки.					1	5					
19. ст. Таловая						3				1	
21. Алекс. поселокъ		1			4	21			4	14	
22. Алекс. поселокъ	1	1			10	35					
24. ст. Таловая		2			8	24			5	14	
26. Бирючинск. пос.			1		1	4					
съ 27. IX. по 28. X. — отходъ на Гороховку					2	12	10				
ноябрь											
28-30. Голіевка, Осетровка					5	25			1	5	
декабрь											
1-3. д. Полтавская		2			7	16			3	5	
3-23. Отх. до Ростова.					7	20	46		3	15	
ИТОГЪ съ 11 сентября по 23 декабря	1	11	1	9	62	242	56	424	31	75	63

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XII-й.

А) ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ СПИСОЧНОМЪ СОСТАВѢ ЛЕЙБЪ- ГВАРДІИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА ЗА 1919 ГОДЪ.

Зачислены въ списки полка приказомъ по Войску Донскому, въ знакъ признательности Войска за ихъ заслуги.

1.	Генеральнаго Штаба ген.-лейтенантъ Николай Григорьевичъ **Чернозубовъ**.	Зачисленъ въ знакъ благодарности Донского Войска за ликвидацію наступленія красныхъ на Донцѣ въ февралѣ 1918 года.
2.	Командующій Вооруженными Силами Юга Россіи ген.-лейтенантъ Антонъ Ивановичъ **Деникинъ**.	Зачислены въ знакъ благодарности Донского Войска за ихъ боевую дѣятельность въ совмѣстной съ Донск. Войскомъ борьбѣ съ большевиками.
3.	Нач. Штаба К-щаго В. С. Ю. Р. Ген. Штаба ген.-лейтенантъ **Романовскій**.	
4.	Генеральнаго Штаба ген-лейтенантъ Федоръ Федоровичъ **Абрамовъ**.	Зачисленъ Донскимъ Атаманомъ по ходатайству г.г. офицеровъ полка.
5.	Командующій Донской Арміей ген.-лейтенантъ **Сидоринъ**.	Зачисленъ въ знакъ благодарности В. Донского за изгнаніе большевиковъ въ іюнѣ 1919 г. изъ предѣловъ Области Войска Донского.
6.	Командиръ Гвардейской Казачьей бригады ген.-маіоръ Василій Аврамьевичъ **Дьяковъ**.	Зачисленъ въ списки, какъ бывшій командиръ полка.

Зачислены въ списки полка для службы въ рядахъ.

1.	Есаулъ **Шепетковскій** Иванъ Александровичъ	Коренной офицеръ полка съ 1907 г.; вернулся въ ряды полка въ январѣ 1919 г.
2.	Подъес. **Кобіевъ** Юрій Михайловичъ	Коренной офицеръ полка выпуска 1916 г.; вернулся въ ряды полка въ мартѣ 1919 г.
3.	Есаулъ **Андріяновъ** Валентинъ Петровичъ	Коренной офицеръ полка выпуска 1909 г.; вернулся въ ряды полка въ августѣ 1919 г.
4.	Подъес. **Жеребковъ** Алексѣй Михайловичъ	Вновь принятъ въ полкъ въ апрѣлѣ 1919 г.
5.	Подъес. **Моргуновъ** Александръ Степановичъ	То же — въ іюлѣ 1919 г.
6.	Хор. **Анищенковъ** Левъ Ивановичъ	То же — въ сентябрѣ 1919 г.
7.	Хор. графъ **Граббе** Николай Александровичъ,	Вольноопредѣляющіеся Л. Гв. Казачьяго полка; произведены въ оф. чинъ въ октябрѣ 1919 г. по выдержаніи экзамена при Новочеркасскомъ Училищѣ.
8.	Хор. **Ефремовъ** Николай Николаевичъ	
9.	Хор. **Реми** Александръ Владиміровичъ	

10. Хор. **Фнбрицкій** Георгій Семеновичъ		Вольноопредѣляющійся Л. Гв.
11. Хор. **Жеребковъ** Алексѣй Сергѣевичъ		Каз. полка; произведенъ въ офиц. чинъ 2 ноября 1919 г. по выдержаніи экзамена въ Новочеркасскомъ Училищѣ.
12. Хор. **Поповъ** Иванъ Ивановичъ		Изъ подхорунжихъ полка (кадр. Лейбъ-Казакъ), по выдержаніи экзамена при Новочерк. Учил. 2 ноября 1919 г.
13. Вольноопредѣляющійся графъ **Орловъ-Денисовъ** Владиміръ Васильевичъ		Для подготовки къ экзамену на офиц. чинъ и зачисленію въ полкъ офицеромъ.
14. Тит. сов. **Ефремовъ** Степанъ Федоровичъ		По постановленію Войск Круга для службы въ строю.

Прикомандированы къ полку:

1. Шт.-кап. **Тусевичъ** Владиславъ Брониславовичъ
2. Вольноопредѣляющійся графъ **Ребиндеръ** — (Участвовалъ въ рядахъ полка въ бояхъ весны и лѣта 1919 г., а затѣмъ откомандировался по своему желанію въ Добр. Армію для службы въ своей части).

Исключены изъ списковъ полка въ теченіе 1919 г.:

1. Есаулъ **Пашковъ А. Т.**	Убиты въ строю полка въ бояхъ 1919 года.
2. Сотникъ **Дубенцевъ Г. Ф.**	
3. Сотникъ **Салтыковъ К. К.**	
4. Хорунжій **Денисовъ Б. М.**	
5. Сотникъ **Усачевъ И. К.**	
6. Хорунжій **Филатьевъ В. Г.**	
7. Сотникъ **Анищенковъ Л. И.**	
8. Хорунжій **Иловайскій И. Д.**	
9. Сотникъ **Грековъ Б. П.**	
10. Войск. старш. **Болдыревъ А. Н.**	
11. Есаулъ **Боковъ П. А.**	Скончались отъ эпидеміи.
12. Сотникъ **Чекуновъ 3-й А. Я.**	
13. Хорунжій **графъ Граббе Н. А.**	
14. Подъесаулъ **Туркинъ В. И.**	Безъ вѣсти пропали въ боевой обстановкѣ, будучи эвакуированы изъ строя полка.
15. Вольноопредѣл. **графъ Орловъ-Денисовъ В. В.**	
16. Войск. старш. **Кундрюковъ И. А.**	По болѣзни въ отставку.
17. Есаулъ **Шепетковскій И. А.** (съ прозв. въ войск. ст.)	То-же.
18. Хор. **Балабинъ О. А.**	Переводъ въ другія части.
19. Сотникъ **Черновъ И. А.**	То-же.
20. Подъес. **Скалозубовъ В. Е.**	То-же.

Къ концу 1919 года въ постоянной отъ Л. Гв .Казачьяго полка командировкѣ находились:

1. Полковникъ **Номикосовъ**	Командиромъ 1-го Донского Запаснаго коннаго полка.
2. Войск. старш. **Андріяновъ**	Командиромъ 1-й сотни того же полка.
3. Есаулъ **Нарышкинъ**	Комендантомъ полк. лазарета въ Ростовѣ.
4. Сотникъ **Жеребковъ**	Адъютантомъ Донского Атамана.
5. Войск. старшина **Рыковскій**	Командиромъ Гв. Донской полусотни при Ставкѣ Главнокомандующаго В. С. Ю. Р.
6. Сотникъ **Ляховъ**	Взводнымъ офицромъ той же полусотни.
7. Полковникъ **Шаминъ**	Начальникомъ полкового тылового конскаго лазарета больныхъ и раненыхъ лошадей.

Б) ДОНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ ВЪ 1919 ГОДУ.

Въ началѣ октября 1919 года Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ получилъ нѣсколько неожиданное пополненіе въ лицѣ помощника предводителя дворянства Донецкаго Округа С. Ф. Ефремова и профессора Новочеркасскаго Политехникума Богачева, «покаранныхъ» Кругомъ за вызовъ на дуэль члена Круга П. Агѣева.

С. Ф. Ефремовъ съ 1918 года, какъ всѣ Донскіе казаки, былъ мобилизованъ и служилъ въ частяхъ генерала Мамонтова. Послѣдній, желая использовать знанія Ефремова, какъ коннозаводчика и знатока лошади, поручилъ ему ремонтированіе лошадьми своего корпуса. По роду своей работы, для контакта съ Управленіемъ Донского Коннозаводства, С. Ф. Ефремовъ заѣзжалъ въ Новочеркасскъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, онъ въ газетѣ «Донскія Вѣдомости» прочелъ статью П. Агѣева, гдѣ говорилось слѣдующее:

...«Всѣ эти Ефремовы, Иловайскіе, кои вопятъ о несправедливомъ отобраніи у нихъ земли, сами грабители, и отобраніе у нихъ земель будетъ отобраніемъ накраденнаго у вора»... и далѣе въ томъ же духѣ, съ поношеніемъ предковъ С. Ф. Ефремова. По обычаю революціонной интеллигенціи, авторомъ статьи пренебрегалась историческая перспектива, и событія екатерининскихъ временъ разсматривались какъ бы происходящими на фонѣ «демократическихъ» воззрѣній весны 1917 года. Такъ, напримѣръ, заселеніе крестьянами пустующихъ и никому не приносившихъ пользы земель, благодѣтельное по екатерининскимъ временамъ, разсматривалось, какъ преступленіе надъ населеніемъ Донской Области, въ 1917 году испытывавшимъ нужду въ свободной землѣ, и т. д., и т. д.

С. Ф. Ефремовъ потребовалъ исправленія статьи.

Агѣевъ предложилъ обратиться въ судъ. Ефремовъ отвѣтилъ вызовомъ на дуэль. Агѣевъ обратился къ защитѣ Круга, изобразивъ дѣло не какъ личное С. Ф. Ефремова (какъ оно было въ дѣйствительности), а какъ покушеніе богатыхъ помѣщиковъ на его, члена Круга, жизнь.

Дальше приведемъ дословную выдержку изъ изданной въ 1926 году въ Москвѣ книги донского писателя Калинина (какъ и самъ Агѣевъ, перешедшаго на службу

къ большевикамъ и издавшаго свою книгу въ выполненіе соціальнаго заказа своихъ новыхъ господъ):

...«Донскіе помѣщики рѣшили раздѣлаться съ Агѣевымъ открыто...

Оскорбленный зубръ послалъ Агѣеву письмо съ вызовомъ на дуэль.

Поступокъ помѣщика вызвалъ негодованіе среди законодателей, кои нашли, что это вызовъ всему Кругу... Личная безопасность заставила членовъ Круга позабыть, что ихъ учрежденіе законодательное, а не судебное, и приступить къ роли судей въ своемъ же собственномъ дѣлѣ... Резолюція гласила: Предложить Донскому Атаману землевладѣльца С. Ф. Ефремова лишить званія Донского казака и отправить его, въ качествѣ рядового, въ первоочередную воинскую часть, безъ права зачисленія на нестроевыя и тыловыя должности.

Землевладѣльца Захарова и инженера Богачева также отправить въ качествѣ рядовыхъ въ первоочередныя части, безъ права зачисленія въ штабы и тыловыя должности.

Фронтъ законодатели разсматривали какъ каторгу.

Недаромъ же фронтовики такъ ненавидѣли окопавшихся въ тылу «хозяевовъ»... (Справка: Калининъ. Русская Вандея». Изд. 1926 г. Москва).

Захаровъ, не казакъ, отбылъ по мѣсту постоянной своей службы въ Добровольческую Армію, а С. Ф. Ефремовъ съ профессоромъ Богачевымъ были отправлены въ Штабъ Донской Арміи, гдѣ Начальникомъ Штаба Донской Арміи генераломъ Кельчевскимъ, хорошо знавшимъ Ефремова по службѣ въ корпусѣ генерала Мамонтова, были зачислены въ Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ.

Въ Лейбъ-Казачьемъ полку знали С. Ф. Ефремова, какъ честнѣйшаго и прямодушнѣйшаго человѣка, и вся эта исторія привела всѣхъ только въ веселое настроеніе.

Точка зрѣнія тыловыхъ дѣятелей на фронтъ, какъ на мѣсто наказанія, конечно, не могла встрѣтить въ полку никакого сочувствія, и С. Ф. Ефремовъ, человѣкъ уже пожилой и по своему воспитанію штатскій, былъ немедленно примѣненъ, какъ помощникъ полкового казначея, освободивъ нужнаго для строя эту должность занимавшаго офицера.

Профессоръ Богачевъ пробылъ нѣсколько дней при походной полковой канцеляріи, заболѣлъ въ тяжелой формѣ сыпнымъ тифомъ и былъ эвакуированъ въ Ростовъ.

Являлось ли столкновеніе С. Ф. Ефремова съ Агѣевымъ политическимъ выступленіемъ Донскихъ помѣщиковъ-дворянъ?

Конечно, не являлось, ибо Донское дворянство, какъ политическій факторъ, сошло со сцены еще при Временномъ Правительствѣ.

Было ,правда, образовано «Общество Донскихъ казаковъ, занесенныхъ въ дворянскія родословныя книги», сохранившее архивъ и пользованіе одной комнатой бывшаго Дворянскаго Собранія.

Напрасно, однако, было бы искать въ относительно богатой литературѣ, рисующей условія борьбы съ большевизмомъ на Дону, какихъ бы то ни было слѣдовъ политической дѣятельности общества, ибо таковой не было.

Донское дврянство почти полностью входило въ Донской офицерскій составъ, гдѣ дворяне — потомки Войсковой Старшины екатерининскихъ и александровскихъ временъ, — сливались съ общей массой Донского казачьяго офицерства.

По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Донскіе дворяне были, конечно, монархистами и сторонниками Россійскаго Великодержавія.

Несмотря на указанное обстоятельство, Донское дворянство не участвовало въ 1918 году въ попыткѣ формированія на границахъ Дона такъ называемой «Южной Арміи», формированія, предпринятаго подъ лозунгомъ «За Вѣру, Царя и Отечество».

Причинъ тому было двѣ: первая, это — сознаніе Донскимъ дворянствомъ своей кровной связи и общности судебъ съ рядовымъ Донскимъ казачествомъ. Вторая — реальная дѣятельность заправилъ Южной Арміи, не только не выражавшая монархической идеи, но ей противорѣчившая. Монархическій лозунгъ здѣсь совмѣщался съ административной практикой, характерной для совершенно опредѣленныхъ взаимоотношеній группъ населенія предреволюціонныхъ временъ.

Этимъ отрицалась составляющая сущность подлиннаго монархизма надпартійность и надсословность государственнаго, представляемаго Монархомъ, начала.

Въ отношеніи земельнаго вопроса, дворянство, конечно, не могло не понимать, что происшедшая россійская катастрофа не можетъ не измѣнить существовавшихъ до революціи отношеній и проявило готовность къ жертвамъ.

Если донское дворянство не могло понять почему измѣненіе земельныхъ отношеній должно быть сопряжено съ поруганіемъ предковъ, то это обстоятельство не можетъ быть ему поставлено въ вину.

Тѣмъ болѣе, что работѣ и дѣятельности старой, Екатерининскихъ временъ, войсковой старшины, основоположницы донского дворянства, Войско было многимъ обязано. Такъ именно разумной политикѣ, выдвинутой донскимъ казачествомъ войсковой старшины, Донское Войско обязано сохранностью своихъ земельныхъ правъ, когда въ тѣ же Екатерининскія времена, старѣйшее Малороссійское Казачество, имѣвшее вдобавокъ и болѣе солидныя юридическія основанія на владѣніе землей (въ видѣ хотя бы прежнихъ договорныхъ грамотъ съ польскими королями) не только утратило свою землю, но было и само упразднено.

Отмѣтимъ, что и послѣ принятія лѣтомъ 1919 года Донскимъ Кругомъ земельнаго закона, окончательно установившаго безвозмездное отчужденіе всей частновладѣльческой земли на Дону, Донскіе дворяне продолжали такъ же жертвенно служить въ рядахъ Донского офицерства, какъ и до принятія этого закона.

Послѣдній фактъ никакъ не приходится объяснять лишь связанностью Донскихъ дворянъ ихъ жительствомъ съ Дономъ, ибо если взять для примѣра, Лейбъ-Казачій полкъ, то въ числѣ во имя высшаго долга сложившихъ свои головы въ его рядахъ были и такіе Донскіе дворяне, семьи коихъ или проживали, или имѣли недвижимое имущество за предѣлами Россіи (Иловайскіе, графъ Граббе и т. д.).

В) ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ НАЧАЛЬНИКА 1-ОЙ ДОНСКОЙ КОННОЙ ДИВИЗІИ О ДѢЙСТВІЯХЪ Л. ГВ. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА ВЪ 1919 ГОДУ.

Закончимъ главу XII-ую отзывомъ Начальника 1ой Донской Казачьей дивизіи, коренного Лейбъ-Казака, генерала В. А. Дьякова:

...«Въ первыхъ числахъ декабря 18-го года закончился для молодого Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка второй, самый трудный періодъ его существованія — работа пѣшими и конными сотнями.

Хочется оглянуться на пройденный путь и еще разъ провѣрить, что было полкомъ за это время достигнуто.

Вновь сорганизованный весной 1918 года, подъ названіемъ 1-го Донского, полкъ имѣлъ составъ офицеровъ, въ особенности старшихъ, по преимуществу Лб.-Казачій. Къ этому же полку по своей службѣ принадлежалъ и я — командиръ этого вновь создаваемаго полка. Этотъ составъ и зоркое недреманное око начальника дивизіи, тоже бывшаго Гвардейскаго офицера — генерала Абрамова, и опредѣлило въ дальнѣйшемъ все направленіе обученія и воспитанія и внѣдренія традицій старыхъ Лейбъ-Казаковъ полку новому.

Не изъ страха или угодливости, не изъ тщеславія, только въ здоровомъ соревнованіи и стремленіи къ одной цѣли — поставить свой полкъ на должную высоту, весь офицерскій и урядничій составъ впряглись въ тяжелую и отвѣтственную работу. Послѣдняя закипѣла. Результаты съ каждой недѣлей давали себя знать.

А посему, когда лѣтомъ 1918 года, приказомъ Атамана войску полкъ былъ переименованъ въ Лейбъ-Гвардіи Казачій, онъ съ полнымъ нравственнымъ правомъ могъ это переименованіи принять — психологія полка и весь его внѣшній обликъ соотвѣтствовали вполнѣ этому славному имени.

А ко времени вызова въ февралѣ 1919 года на фронтъ — полкъ представлялъ собой крѣпко сбитое, прочное Лейбъ-Казачье цѣлое.

Раздѣленный на двѣ части — конныя и пѣшія сотни — полкъ отъ начала и до конца своихъ боевыхъ дѣйствій работалъ дружно, всегда сохраняя чувство своего единства. Не помнится мнѣ, чтобы были даже простыя сѣтованія на недостаточную поддержку однихъ другими. Славно работала пѣхота, и блестяще проявляла себя конница. По самой природѣ боя, пѣхота несла, конечно, много большія потери, но и эта разница доли не вносила ни розни, ни непріязни. Вмѣстѣ мы гордились каждымъ славнымъ дѣломъ и славной смертью, и вмѣстѣ оплакивали потерю каждаго собрата.

Разумѣется, за первыя боевыя выступленія полка я не боялся. Я зналъ, что полкъ за себя постоитъ. Страхъ, но совершенно другого рода, появился позже, когда обозначились въ полку невѣрятныя потери боевыя и утечка людей отъ сыпного тифа. Припоминаются другія части, выступавшія въ порядкѣ, терявшія свой составъ, а съ нимъ и видъ, и значеніе и... существованіе (стрѣлковыя бригады, пластунскія бригады и многія др).

Выдержитъ ли молодой Лейбъ-Казачій полкъ это испытаніе? Не измѣнятъ ли новыя пополненія его Лейбъ-Казачьей психологіи, не угасятъ ли новые люди его славный духъ?

Эта мысль часто безпокойно копошилась на сердцѣ.

Къ чести офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ казаковъ, полкъ и этотъ экзаменъ выдержалъ съ честью — велики были его нравственная сила и внѣдренное въ людей сознаніе чести называться Лейбъ-Казаками.

Въ борьбѣ полку, какъ миѳологическому Гераклу, не такъ ужъ часто удавалось коснуться своей матери-земли (тыла). Полкъ черпалъ силы въ себѣ самомъ. И не взирая ни на какія потери и невзгоды, духъ полка не угасалъ. Не мѣнялся даже внѣшній его видъ.

Впослѣдствіи и командиромъ бригады, и начальникомъ дивизіи, я съ гордостью всегда слѣдилъ за все такъ же подтянутыми, бодрыми и опрятными людьми роднего полка.

Въ непрерывныхъ и очень часто неравныхъ бояхъ и переходахъ, косимый тифомъ, свой боевой составъ полкъ приводилъ иногда къ 150-200 штыковъ и шашекъ, — боеспособность и внѣшній видъ всегда сохранялись.

Исполнительность и дисциплина ихъ были тѣ же, тѣ же оставались и доблесть и жертвенность.

Приходили пополненія, подскребывались ближайшіе тылы, вновь воскресалъ и порывъ, и опять на полкъ было весело и радостно смотрѣть.

Пропуская въ своей памяти всю вереницу полковыхъ боевъ, я съ той же гордостью могу сказать, что полкъ никогда не отказывался грудью своей защищать собрата ли по дивизіи, другого ли кого, въ его помощи нуждающагося.

Сколько за этотъ принципъ было имъ крови пролито и жизней положено...

Вѣчная память ушедшимъ... И слава въ живыхъ оставшимся».

генералъ В. Дьяковъ.»

ГЛАВА XIII-я

КУБАНЬ И НОВОРОССІЙСКАЯ ЭВАКУАЦІЯ.

Общая обстанока, сложившаяся съ отходомъ на Кубань. — Разбродъ бѣлаго тыла. — Состояніе вооруженныхъ силъ бѣлыхъ и красныхъ и благопріятность для первыхъ численнаго ихъ соотношенія. — Рѣшающее значеніе невыхода на фронтъ Кубанскихъ пополненій. — Краткій очеркъ борьбы на фронтѣ въ январѣ и февралѣ и отходъ на Новороссійскъ. — Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ въ составѣ 1-й Донской дивизіи переданъ въ распоряженіе Кубанскаго Атамана. — Дѣйствія полка противъ зеленыхъ. — Краткая характеристика зеленаго движенія. — Недовольство Донцовъ Кубанцами. — Распоряженія Гв. Казачьей бригадѣ. исходящія отъ Кубанскаго Атамана, по приводу въ повиновеніе мобилизованныхъ Кубанскимъ правительствомъ кубанскихъ казаковъ. — Дѣйствія бригады. — Отходъ на Новороссійскъ. — Дѣйствія Атаманскаго полка и 6-ой сотни Лейбъ-Казачьяго полка въ движеніи на г. Анапу. — Бои полка подъ Новороссійскомъ. — Погрузка полка и прибытіе черезъ Феодосію въ Севастополь. — Смѣна Главнокомандующихъ.

Наличіе на Югѣ Россіи взаимно независимыхъ образованій Добровольческой Арміи, Дона, Кубани и Тереки, требовало созданія какого то достаточно авторитетнаго, объединяющаго всѣхъ, общаго правящаго центра.

Реальное соотношеніе силъ, боровшихся на Югѣ Россіи, съ большевиками, было таково, что требовало наличія въ составѣ общаго центральнаго правительства очень значительнаго казачьяго представительства. Послѣднее диктовалось далеко не только однимъ численнымъ преобладаніемъ казаковъ въ составѣ вооруженныхъ силъ Юга. Сошлемся хотя бы на цѣнное утвержденіе Генерала Деникина, который (Стр. 276 Очерковъ) признаетъ, что... «Только самодѣятельность народныхъ и общественныхъ силъ могла составить перевѣсъ въ борьбѣ съ большевиками»...

Та же мысль, нѣсколько въ иной формѣ, высказана и отвѣтственнымъ членомъ Омскаго правительства Гинсомъ: «Власть должна быть организована такъ, чтобы все населеніе (и главнымъ образомъ, крестьянство) сознавало бы, что оно участвуетъ въ строительствѣ новой жизни»... (Справка — Сибирь и Колчакъ. Гинсъ, стр. 313).

Дѣйствительность говорила, что изъ всего населенія Россійскаго Государства, только исключительно одно рядовое казачество съ его станичной и войсковой организаціей, проявляло необходимую широкую самодѣятельность.

Участіе казачества, представлявшаго одинъ изъ глубокихъ слоевъ русскаго народа, компенсировало органическій недостатокъ Добровольческой Арміи, вобравшей въ себя лишь тонкіе верхніе и средніе пласты русской интеллигенціи и полуинтеллигенціи, и придавало Бѣлому Движенію характеръ движенія народнаго.

Генералъ П. Н. Красновъ, поставленный на постъ Атамана рядовымъ казачествомъ, хорошо понималъ значеніе послѣдняго и отчетливо сознавалъ необходимость общаго для Юга съ широкимъ участіемъ казачества правительства, почему и выдвинулъ проектъ Юго-Восточнаго Союза. Съ отстраненіемъ Генерала Краснова, проектъ этотъ не получалъ движенія, пока 5-го Мая, не былъ вновь выдвинутъ Кубанцами. И на этотъ разъ проектъ, стараніями окруженія командованія Добровольческой Арміи, былъ похороненъ*).

Нѣкоторое содѣйствіе провалу проекта оказала Донская либеральная интеллигенція, игравшая, со времени отстраненія Генерала Краснова, руководящую роль въ Кругѣ. Предсѣдатель Круга, Харламовъ, пользуясь угрозой, созданной въ то время 10-ой Совѣтской арміей жизненному центру Области — Ростову и испытываемой Дономъ острой нуждой въ помощи Добровольцевъ, убѣдилъ Кругъ, что... «было бы неудобно въ данный моментъ идти противъ взглядовъ Главнаго Командованія»...

Однако, 1-го Іюня Кругъ постановилъ «считать неотложной задачу по заключенію Союза въ первую голову съ Кубанью и Терекомъ, при дружномъ сотрудничествѣ съ Главнымъ Командованіемъ В. С. Ю. Р. въ дѣлѣ общихъ задачъ по возсозданію единой Великой Родины — Россіи.»

Несмотря на такую точную, ясную и правильную формулировку, проектъ Союза былъ враждебно встрѣченъ группировавшимися около Добровольческой Арміи Россійскими общественниками.

Постановленіе — протестъ соединеннаго засѣданія, 20-го Іюня, центра и правыхъ (Національный Центръ и Совѣтъ Государственнаго Объединенія), поддержанное и лѣвыми (Статьи Предсѣдателя Союза Возрожденія Мякотина) между прочими откровеніями, гласило:... «Нынѣ, когда возстанавливается единство Россіи, причемъ представителемъ ея въ Сибири является Колчакъ,

*) Россійская общественность, окружавшая Командованіе Добровольческой Арміи, не понимала, или, вѣрнѣе, не хотѣла понимать необходимости считаться съ рядовымъ казачествомъ. Даже самое значеніе участія въ Бѣломъ Движеніи казачества умышленно умалялось: говорилось, что казаки-де поднялись на борьбу лишь въ защиту своего быта и имущества, т. е. какъ бы только лишь на защиту своихъ «шкурныхъ» интересовъ. Какъ будто мужественное и жертвенное отстаиваніе цѣною собственной крови и жизни, устоевъ быта уважающаго себя свободнаго человѣка не составляло дѣйственной защиты основъ подлинной государственности?.. И какъ будто, хотя и высокопарная, но бездарная, пустая, не подкрѣпленная никакимъ путнымъ дѣломъ, болтовня россійскихъ общественниковъ, забившихъ всѣ тыловые города Юга Россіи, была сколько-нибудь достойна уваженія?

Тѣ же круги ставили въ вину казакамъ неуравненіе въ правахъ пришлыхъ крестьянъ, умышленно забывая, что вопросъ объ улучшеніи ихъ благосостоянія составлялъ долгъ общегосударственной власти и долженъ былъ быть ею разрѣшенъ, отнюдь не за счетъ имущественныхъ правъ казаковъ.

а на Югѣ Добровольческая Армія, сплотившая всѣ антибольшевистскія силы и побѣдоносно двигающаяся на Москву, возобновленіе вопроса о созданіи Южно-Русскаго Союза не только не оправдывается современной обстановкой, но политически вредно, такъ какъ препятствуетъ возсозданію единой государственности»...

Это постановленіе настолько характерно, что заслуживаетъ нѣсколькихъ дополнительныхъ строкъ:

Добровольческая Армія, при всей чистотѣ намѣреній ея основоположниковъ, честности и патріотизмѣ ея возглавителей и высокой доблести ея основного офицерскаго кадра, опиравшаяся на партійный спектръ полностью за 1917-ый годъ обанкротившейся пресловутыхъ представителей «общественности», въ дѣйствительности была только составною частью совокупности силъ боровшихся на Югѣ Россіи съ большевиками, почему не могла олицетворять ни монопольно Россійскую Государственность, ни представлять единство Россіи. *)

Невѣрными представлялись и ссылки постановленія на «сплоченность силъ» и «побѣдоносность движенія» на Москву.

Отсутствіе сплоченности бросалось въ глаза, а побѣдоносность движенія на Москву была, какъ мы видѣли выше, весьма непрочной и условной, ибо выигрывалось лишь пространство, безъ уничтоженія кадровъ живой силы противника, движеніе впередъ шло по расходящимся направленіямъ и безъ созданія прямого и прочнаго контакта съ сколько-нибудь широкими массами освобождаемаго населенія.

Наконецъ, мысль о возсозданіи Россійской Государственности, внѣ контакта и прямого участія глубокихъ слоевъ населенія, настолько нелѣпа, что объяснить ее однимъ возвышенно-патріотическимъ настроеніемъ россійскихъ общественниковъ не приходится и нужно искать дополнительнаго объясненія.

Общественники... «захватывали лишь тонкій слой Русской интеллигенціи, не проникая корнями своими въ толщу народную»... **)

Естественно заключить, что и мысль о возможности появленія на Югѣ Россіи правительства, опирающагося на мощный и организованный казачій глубокій слой подлиннаго населенія, была имъ органически непріемлема.

Результатомъ указаннаго настроенія увилась затяжка на безконечность работъ конференціи по созданію Южно-Русской власти.

Въ тщетныхъ переговорахъ, затягиваемыхъ, несмотря на крайнюю уступчивость, проявленную Донскими делегатами, своеобразнымъ «самостійничествомъ» представителей Добровольческой Арміи и, въ противовѣсъ имъ, упрямымъ упорствомъ ихъ Кубанскихъ антиподовъ, былъ потерянъ весь 1919 годъ.

Въ концѣ года общая обстановка рѣзко измѣнилась.

...«Фронтъ катился на югъ, Россійская территорія сокращалась и стра-

---

*) Характерно, что при признаніи верховной власти адмирала Колчака Добровольческое возглавленіе выговорило себѣ широкую независимость и самостоятельность.

**) Генералъ Деникинъ. Стр. 157-я.

тегическая обстановка создавала все большую нашу зависимость отъ казачьихъ силъ и настроенiй» — говоритъ Генералъ Деникинъ.

Казачество Дона, Кубани и Терека, отчаявшись въ результатахъ работъ конференцiи, образовало 5-го Января 1920 года, въ Екатеринодарѣ учрежденiе Общаго Верховнаго Круга, составленнаго изъ делегатовъ всѣхъ трехъ войскъ. Верховный Кругъ, 16-го Января, вступилъ въ переговоры съ Командованiемъ Добровольческой Армiи объ образованiи общаго правительства Юга Россiи.

Теперь Генералъ Деникинъ былъ уже склоненъ на широкiя уступки: ...«Никакiя ограниченiя гражданской власти (командованiя въ пользу казаковъ) не велики, если ими можетъ быть достигнуто оздоровленiе казачества и побѣда надъ большевиками»... (Генералъ Деникинъ. Ч. V-я. Стр. 295).

Однако, «упущенное время смерти подобно» и, хотя общее правительство и было въ концѣ концовъ образовано, но, въ измѣнившейся коренным образомъ обстановкѣ, оно опоры себѣ найти не могло:

Не могло ему оказать сильной поддержки Донское войско, вообще игравшее руководящую роль въ казачествѣ, но, съ отходомъ на Кубань и утратой своей территорiи, уже не имѣвшее прежняго вѣса.

Не могло поддержать и Добровольческое Командованiе, послѣ ряда катастрофическихъ неудачъ и отхода на Кубань, насчитывавшее въ Добровольческихъ рядахъ всего 10.000 штыковъ и не имѣвшее прежняго авторитета.

Выдвинулись впередъ Кубанскiе самостiйники «съ душами, отравленными плевелами, кои выросли изъ сѣмянъ злобы и недовѣрiя, сѣявшихся днемъ за днемъ въ теченiе трехъ лѣтъ»... (Генералъ Деникинъ. Стр. 313).

Самостiйники эти имѣли весьма малый удѣльный вѣсъ въ казачествѣ и въ случаѣ пораженiя большевиковъ, несомнѣнно бы автоматически сошли совсѣмъ на нѣтъ*), но при данныхъ обстоятельствахъ подняли голову, проявивъ потрясающее убожество мысли, полное непониманiе реальной дѣйствительности и исчерпывающе выявивъ... свою глубочайшую оторванность отъ рядового Кубанскаго Казачества.

Такъ неспособность своевременно сговориться по вопросу созданiя общаго, равно-авторитетнаго для всѣхъ правящаго центра и точно формулировать ближайшiя, дорогiя и понятныя рядовой массѣ цѣли — привела не только къ невозможности поднять крестьянскiй слой, но и вызвала охлажденiе къ дѣлу въ рядовомъ казачествѣ.

Рядовая масса Кубанскаго казачества, еще такъ недавно несшая колоссальныя жертвы и являвшая чудеса боевой доблести, предоставленная самой

*) Генералъ Филимоновъ, Кубанскiй Атаманъ, которому хорошо была извѣстна закулисная дѣятельность кубанскихъ самостiйниковъ, писалъ генералу Деникину: «Когда въ маѣ сибирскiя войска подходили къ Волгѣ, наши самостiйники сами приготовились сложить оружiе»... (Генералъ Деникинъ. Стр. 207).

себѣ, потеряла вѣру въ успѣхъ борьбы, впала въ апатію и не шла больше ни за Командованіемъ, ни за своими Кубанскими властями и избранниками.

Какова же была обстановка въ дѣйствительности и исключала ли она возможность побѣды надъ большевистской арміей?

Изученіе опубликованныхъ матеріаловъ по этому вопросу и въ особенности совѣтскихъ источниковъ нынѣ даетъ исчерпывающій отвѣтъ: побѣда Бѣлыхъ была не только возможна, но еще никогда условія фронта и соотношенія силъ не были такъ благопріятны для В. С. Ю. Р....

Совѣтскія арміи докатились до Дона въ плачевномъ положеніи: потери въ бояхъ, страшнѣйшая эпидемія тифа, колоссальное дезертирство уменьшили численность ихъ до 60.000.

Тылъ отсутствовалъ: ...«желѣзныя дороги — говорятъ совѣтскіе источники, разрушенныя противникомъ, стали. Между Красной арміей и центромъ образовалась пропасть въ 400 верстъ, черезъ которую ни провезти пополненія, ни произвести эвакуацію, ни организовать санитарную помощь было невозможно»...*)

Совѣтская армія была принуждена жить исключительно реквизиціями и грабежомъ, что, разлагая ее, одновременно еще больше озлобляло и безъ того враждебное краснымъ населеніе тыла.

Раіонъ крестьянскихъ возстаній, ослаблявшихъ бѣлый тылъ, нынѣ ослаблялъ красный.

...«Пѣхота красныхъ была деморализована и выдохлась и только конныя арміи Буденнаго и Думенко не потеряли боеспособности и активности,» говоритъ Генералъ Деникинъ.

Донесенія съ Юга Ворошилова Совнаркому не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ катастрофичности положенія Красной арміи, въ случаѣ необходимости отхода по враждебному тылу, въ условіяхъ полнаго развала и отсутствія жел.-дор. сообщенія, осужденной на полную и конечную гибель.

Численное соотношеніе Бѣлыхъ было благопріятно намъ: на главномъ театрѣ, по Дону и Салу, противъ 60-тысячъ красныхъ Генералъ Деникинъ располагалъ 54-тысячами бойцовъ, при 289 орудіяхъ (Донская Армія 37 тысячъ, Добровольческая армія 10.000, Кубанская армія — 7000).

Разсмотримъ настроенія Бѣлыхъ бойцовъ:

Добровольческая Армія, сведенная въ корпусъ, уменьшилась до 10.000 штыковъ, но при этомъ отпали всѣ случайные, мало устойчивые элементы ея и за Донъ отошелъ крѣпкій офицерскій кадръ Добровольческаго офицерства, сохранившій полностью свою боеспособность.

Донская Армія, только что пережившая упадокъ духа, быстро оправлялась.

«Съ оставляющей Донъ Донской Арміей покидали свои очаги десятки тысячъ казачьихъ семей. И нужно было видѣть въ Декабрѣ 1919 года безконечныя степныя дороги, по которымъ тянулись сотни тысячъ головъ скота и овецъ, табуны лошадей и десятки тысячъ подводъ, нагруженныхъ стари-

*) Журналъ «Военная наука и революція», книга 1-ая, 1921 годъ

ками, женщинами и дѣтьми... чтобы понять трагедію Донского казачества», пишетъ П. А. Скачковъ.

«Это былъ потокъ Донскихъ казаковъ, вѣрнѣе, ихъ семействъ и калмыковъ. Здѣсь народныя массы, не желавшія подчиниться большевикамъ, уходили со своей территоріи, покидая свои станицы и хутора, это была грандіозная картина переселенія цѣлаго народа, возвращавшая насъ ко временамъ средневѣковья»..., пишетъ Раковскій — «Въ станѣ Бѣлыхъ». Стр. 54-55.

...«Съ пятидесятитысячной Донской Арміей шелъ Атаманъ, Правительство, Войсковой Кругъ и свыше трехсотъ тысячъ бѣженцевъ»... говоритъ «Донская Лѣтопись». Т. I-й, Стр. 7-8.

Совершенно естественно поэтому, что... «Отходъ за Донъ и нѣкоторая передышка вдвое увеличили силу Донской Арміи, успокоили нервы и вернули самообладаніе. А первые успѣхи вернули и активность»... (Генералъ Деникинъ. Стр. 269. Т. V-й).

Вопросъ сводился только къ Кубанцамъ, выходъ коихъ на фронтъ, въ подкрѣпленіе своей растаявшей до 7000 штыковъ и шашекъ арміи, рѣшалъ дѣло, давая нужный перевѣсъ для перехода въ побѣдоносное наступленіе.

Кубанцы, охваченные апатіей, на фронтъ не вышли...

5-го Января красное командованіе перешло въ наступленіе, нанося главный ударъ въ стыкъ Добровольческой и Донской Арміи.

Ударъ этотъ былъ 6-го Января отбитъ конницей Генерала Топоркова (Кубанская дивизія, Терская дивизія и конная бригада Генерала Барбовича) совмѣстно съ III-мъ и IV-мъ Донскими корпусами.

Совѣтское командованіе, убѣдившись въ стойкости лѣваго фланга бѣлыхъ, сосредоточило на нижнемъ Манычѣ конную массу Буденнаго и Думенко, поддержанныхъ нѣсколькими пѣхотными дивизіями.

Красная конница 14-го Января перешла Манычъ.

Командующій Арміей Генералъ Сидоринъ быстро парировалъ ударъ сосредоточивъ 6 конныхъ дивизій, кои въ бояхъ съ 16-го по 20-е Января разбили ударную группу большевистской конницы, взявъ много плѣнныхъ и всю артиллерію 1-й совѣтской конной арміи. Одинъ только 4-й Донской корпусъ, бывшій подъ командой Генерала Павлова, захватилъ 40 орудій.

Противникъ бѣжалъ за Манычъ.

Совѣтское командованіе, потерявъ надежду опрокинуть фронтъ съ Сѣверо-Востока, перенесло ударъ еще восточнѣе въ направленіи отъ Великокняжеской на Тихорѣцкую и перешло здѣсь въ наступленіе силами 10-й и 1-й конной арміями. Генералъ Сидоринъ перебросилъ въ противовѣсъ свою сильную стойкую конную группу Генерала Павлова въ 10-12 тысячъ коней.

3-го Февраля Генералъ Павловъ, опрокинувъ Думенко, двинулся по нижнему Манычу на ст. Торговую.

Этотъ форсированный маршъ по лѣвому берегу Маныча, безлюдному и не населенному, въ жесточайшій морозъ и буранъ, погубилъ безъ боевъ

конную группу, потерявшую за три дня переходовъ болѣе половины состава людей и лошадей замерзшими, обмороженными и заболѣвшими.*)

Попытка захвата Торговой не удалось, и Генералъ Павловъ вернулся въ раіонъ ст. Егорлыцкой.

7-го Февраля Добровольческій корпусъ стремительнымъ наступленіемъ овладѣлъ Ростовомъ, взявъ 22 орудія, 163 пулемета, 6 бронепоѣздовъ и 4 тысячи плѣнныхъ, а Донской корпусъ Генерала Гусельщикова, на путяхъ къ Новочеркасску, захватилъ станицу Аксайскую, взявъ 15 орудій, 20 пулеметовъ, 2 тысячи плѣнныхъ, двухъ начальниковъ дивизій, штабъ 13-й совѣтской дивизіи и полевой штабъ VIII-й арміи.

Однако, успѣхъ лѣваго фланга не могъ поправить неудачи на правомъ, гдѣ 1-я конная армія Буденнаго, совмѣстно съ X-й совѣтской арміей, выставивъ заслонъ противъ временно небоеспособной конницы Генерала Павлова, двигалась вдоль жел. дороги Царицынъ-Тихорѣцкая, имѣя противъ себя лишь слабыя части Кубанской арміи, не пополняемыя съ тыла и быстро распа-

---

*) Саморазгромъ активной конной группы ген. Павлова, представлявшей единственный маневренный резервъ всего бѣлаго фронта, былъ чреватъ послѣдствіями, и на немъ стоитъ остановиться. Въ глазахъ Донскихъ частей онъ не могъ не явиться ударомъ по авторитетамъ Главнокомандующаго генер. Деникина и командующаго фронтомъ ген. Сидорина. Жертвою указаннаго настроенія Донцовъ палъ ген. Павловъ.

Приведемъ разсказъ участника злополучнаго похода, ген. Секретева, заимствованный нами изъ записки начдива 1-ой Донской ген. Дьякова.

Получивъ приказъ двигаться по лѣвому безлюдному берегу Маныча, ген. Павловъ, по настоянію старшихъ начальниковъ, просилъ штабъ фронта разрѣшить ему двигаться правымъ населеннымъ берегомъ, на что согласія не получилъ. Ген. Павловъ собралъ старшихъ начальниковъ. Послѣдніе пришли къ заключенію, что штабъ фронта не въ курсѣ обстановки и что надлежитъ, вопреки настоянія штаба, двигаться все же по правому берегу. И въ этомъ случаѣ, по ихъ сужденію, Буденный будетъ вынужденъ повернуть и принять бой въ невыгодномъ для себя соотношеніи силъ. (По подсчету ген. Секретева, 17 тыс. конныхъ Донцовъ противъ 14 тысячъ у Буденнаго).

Ген. Павловъ отвѣтилъ, что онъ слишкомъ старый солдатъ, чтобы не исполнять приказанія начальника, и двинулся по пути, ему указанному штабомъ фронта. Результатъ былъ плачевнымъ. Сцены замерзанія и гибели людей и лошадей цѣлыми взводами были кошмарны. Ген. Секретевъ опредѣлялъ количество выбывшихъ изъ строя въ 9 тысячъ.

...«Настроеніе казаковъ по возвращеніи, — говоритъ ген. Дьяковъ, — было просто опаснымъ и къ ген. Павлову открыто враждебнымъ. На военномъ совѣтѣ старшихъ начальниковъ, названномъ впослѣдствіи «бунтомъ Донскихъ генераловъ», послѣдніе предложили (посовѣтовали) генералу Павлову, ввиду создавшагося положенія, сложить командованіе.

Генералъ Павловъ уступилъ, и командованіе принялъ популярный среди рядовыхъ казаковъ ген. Секретевъ. Въ видѣ репрессій послѣдній былъ штабомъ смѣщенъ и замѣненъ ген. И. Поповымъ»...

давшіяся, несмотря на большую доблесть, *) проявленную нѣкоторыми ихъ остатками.

Ослабленная конная группа Генерала Павлова, 12-го Февраля, у Горькой Балки, сдѣлала отчаянную попытку остановить движеніе выходящаго въ тылъ бѣлаго фронта Буденнаго, но послѣ тяжелаго боя, потерявъ почти всю артиллерію, была вынуждена отойти.

Неудача праваго фланга и выходъ крупной массы конницы противника въ тылъ предопредѣлили и дальнѣйшій ходъ событій:

16-го Февраля былъ оставленъ г. Ростовъ и начатъ общій отходъ бѣлаго фронта, скоро обратившійся въ стихійный потокъ вооруженныхъ отрядовъ, обозовъ, безоружныхъ толпъ и огромныхъ бѣженскихъ таборовъ, неудержимо стремившійся на Новороссійскъ.

Обрисовавъ возможно коротко общій ходъ событій, вернемся къ дѣятельности Лейбъ Гвардіи Казачьяго полка.

Какъ было указано въ предыдущей главѣ, I-я Донская дивизія съ оставленіемъ Донской Области, была сосредоточена въ раіонѣ станицы Екатериненской Куб. Обл., гдѣ получила пополненіе и спѣшно готовилась къ выступленію на фронтъ.

Во главѣ дивизіи стоялъ Генералъ-Маіоръ В. А. Дьяковъ. Лейбъ-Казачьимъ полкомъ командовалъ Генералъ-Маіоръ В. И. Фарафоновъ (5-го Февраля онъ вступилъ въ исполненіе должности командира Гв. Казачьей бригады, а во вр. командованіе полкомъ вступилъ Полковникъ К. Р. Поздѣевъ). Изъ штабъ офицеровъ въ полку состояли на-лицо — Полковникъ В. В. Кононовъ и, принявшій завѣдываніе хозяйствомъ, Полковникъ Н. П. Воронинъ. Полкъ первоначально былъ развернутъ въ составѣ двухъ полныхъ конныхъ сотенъ (№ 1 Есаулъ Агафоновъ и № 6 Есаулъ Кундрюковъ), позднѣе, въ концѣ Февраля, была добавлена конная сотня, составленная изъ слабосильныхъ лошадей (№ 3 Войсковой Старшина Б. Ф. Дубенцевъ). Пулеметной командой командовалъ Есаулъ Евфимьевъ.

Въ полку шла лихорадочная работа по приводу сотенъ въ порядокъ и велись интенсивныя строевыя занятія.

Разболтаннымъ условіями гражданской войны казакамъ поступившаго въ полкъ пополненія регулярныя занятія и строгій порядокъ въ полку были не по душѣ и въ первыя недѣли наблюдалось своеобразное явленіе — дезертирство въ полки, находящіеся на фронтѣ къ своимъ станичникамъ. Командиры полковъ на фронтѣ дорожили каждой лишней винтовкою и шашкой и бѣглецовъ не выдавали.

Да и не только командиры полковъ фронта, но и самъ командующій Арміей Генералъ Сидоринъ не счелъ нужнымъ вернуть 8 трубачей, бѣжавшихъ изъ полка съ музыкальнымъ инструментомъ и самовольно зачислив-

---

*) Геройская гибель штаба I-го Кубанскаго корпуса, во главѣ съ командиромъ Корпуса генераломъ Крыжановскимъ, подъ Бѣлой Глиной, хорошо изложена въ совѣтской книгѣ Б. Майстраха :«Манычъ-Новороссійскъ».

шихся въ хоръ, созданный при штабѣ Арміи, для развлеченія командующаго.*)

Работа офицерскаго состава быстро дала свои плоды и къ концу Января полкъ представлялъ собою хорошо сбитую воинскую часть, ожидавшую выдвиженія на фронтъ. Нѣсколько неожиданно, 26-го Января, вся I-я Донская дивизія была выдѣлена изъ состава Донской Арміи и передана Генераломъ Сидоринымъ въ распоряженіе Кубанскаго Атамана Генерала Букретова, нуждавшагося въ надежной воинской части для борьбы съ зелеными, приступившими къ дѣйствіямъ въ непосредственной близости Екатеринодара.

Полкъ въ составѣ I-й дивизіи, 27-го Января, погрузился на ст. Крыловской въ эшелоны и двинулся черезъ Екатеринодаръ въ станицу Ильскую, куда прибылъ 31-го.

Проѣздомъ черезъ Екатеринодаръ семейные офицеры получили возможность повидать свои семьи. Здѣсь стоялъ эвакуированный изъ Ростова лазаретъ полка. Размѣстить его въ городѣ за забитостью послѣдняго тыловыми и правительственными учрежденіями не удалось и лазаретъ размѣщался въ вагонахъ-теплушкахъ, поставленныхъ на запасныхъ путяхъ станціи Екатеринодаръ. При лазаретѣ жили эвакуированные съ Дона семьи офицеровъ, дѣвать кои больше было некуда. Первые дни прибытія лазарета въ Екатеринодаръ были кошмарны. Вся станція и запасные пути были забиты эшелонами полными сыпнотифозными и ранеными. Лазареты въ городѣ были переполнены и о вновь прибывшихъ никто не заботился. Эшелоны стояли по нѣсколько дней, не получая не только пищи, но не имѣя возможности достать даже горячей воды. Два дня стоялъ неразгруженнымъ длиннѣйшій санитарный поѣздъ, гдѣ мертвецы лежали вперемежку съ умирающими, въ которомъ слегъ въ тифу весь медицинскій персоналъ, а уцѣлѣвшіе санитары разбѣжались. Раненые и больные, предоставленные себѣ, отъ холода, голода и отсутствія ухода, быстро вымирали.
Станціонные сараи были забиты трупами.

Характеренъ нижеслѣдующій случай: въ семьѣ Полковника В. В. Кононова, находившейся при лазаретѣ, опасно заболѣлъ ребенокъ. При содѣйствіи офицера полка подъесаула Жеребкова, адъютанта Генерала Богаевскаго, удалось получить автомобиль Донского Атамана, на которомъ мать отправилась въ городъ за докторомъ-спеціалистомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, не рискуя въ морозъ и свирѣпствующую вьюгу взять съ собою ребенка температура коего поднялась подъ 40 градусовъ. Ни одинъ изъ докторовъ Екатеринодара, несмотря на мольбы матери, не согласился ѣхать на станцію, считая весь раіонъ вокзала зараженной мѣстностью...

Ребенокъ умеръ...

---

*) На фронтъ спеціально командированъ былъ отъ 1-ой дивизіи полковникъ Шаминъ, разыскивавшій и отбиравшій казаковъ, годовъ призывовъ, соотвѣтственныхъ службѣ въ постоянной Донской Арміи. За мѣсяцъ работы ему удалось вернуть лишь 160 казаковъ.

Въ числѣ однополчанъ, скончавшихся отъ сыпного тифа за время пребыванія лазарета полка въ Екатеринодарѣ, отмѣтимъ младшаго врача Виноградова и въ особенности — полкового священника протоіерея отца Сергія Лебедева. Смерть этого преданнѣйшаго полку человѣка, дѣлившаго съ офицерами съ 1914 года всѣ тягости Великой и Гражданской войнъ, была большой потерей. Отецъ Сергій обычно въ бояхъ не отдѣлялся отъ передового перевязочнаго пункта, гдѣ несъ обязанности не только духовника умиравшихъ, но и рядового санитара, облегчавшаго физическія страданія раненыхъ.

Въ концѣ 19-го года, за громадной убылью офицеровъ, онъ завѣдывалъ скромнымъ, умѣщавшимся въ одной двуколкѣ, офицерскимъ полевымъ собраніемъ и, благодаря его энергіи и заботамъ, скрашивалась, полная лишеній, жизнь офицера на фронтѣ. Въ бояхъ Октября и Ноября, отецъ Сергій мужественно и съ большимъ авторитетомъ даже командовалъ всѣмъ обозомъ І-го разряда полка, что по условіямъ боевъ того періода, являлось ничуть не болѣе безопаснымъ, нежели пребываніе въ строю. Онъ полностью вошелъ въ офицерскую семью, былъ на Ты рѣшительно со всѣми офицерами и стоялъ на большой высотѣ, какъ уважаемый всѣми духовный пастырь. Ни въ Великую, ни въ Гражданскую войну не проходило ни одного Великаго поста, когда отецъ Сергій не провелъ бы обязательнаго для каждаго офицера и казака ежегоднаго говѣнія, исповѣди и причастія. Стоило полку только занять какую либо деревню, гдѣ имѣлась церковь, какъ отецъ Сергій, не обращая вниманія на превратности боевой обстановки, торжественно служилъ въ ней обѣдню или молебенъ, неизмѣнно поминая молитвой убіеннаго Державнаго Шефа и всѣхъ павшихъ въ бояхъ однополчанъ.

Въ Екатеринодарѣ эшелоны полка простояли сутки и 31-го прибыли въ Ильскую, откуда полкъ, со слѣдующаго дня, началъ серію экспедицій противъ зеленыхъ.

Въ рамки настоящаго очерка не входитъ подробный разборъ движенія, извѣстнаго подъ именемъ «зеленаго». Нѣкоторые изслѣдователи зеленаго движенія усматриваютъ въ немъ черты начальнаго противобольшевистскаго подъема въ крестьянствѣ, другіе, наоборотъ, считаютъ пробольшевистскимъ и, наконецъ, третьи сводятъ его къ дезертирству изъ боевыхъ рядовъ.

Истина лежитъ гдѣ то посерединѣ.

Отмѣтимъ, что характеръ движенія былъ далеко не одинаковъ въ разныхъ раіонахъ и въ разные періоды времени. Что касается зеленаго движенія въ Черноморьѣ и на Кубани разсматриваемаго времени, то, судя по фактамъ его субсидированія большевиками*), прямой связи съ послѣдни-

---

*) Денежныя суммы поступали черезъ Селезнева изъ ростовской организаціи большевиковъ.

(Справка: Докладъ Разв. Отд. Куб. Войск. Штаба отъ 2 февр. 1920 г. № 609: Имѣется въ архивѣ Музея Л. Гв. Казачьяго полка).

ми**), участіе нѣкоторыхъ кубанскихъ дѣятелей агитаторовъ за невыходъ кубанскихъ казаковъ на фронтѣ (Пилюкъ, Савицкій) и наконецъ, по малой численности и слабости зеленыхъ активныхъ группъ***), оно имѣло здѣсь характеръ пробольшевизма и дезертирства.

3-го Февраля былъ полученъ нижеслѣдующій приказъ Кубанскаго Атамана ген. Букретова.

Кубанскаго Войска
Войсковой Атаманъ
Кубанскаго
№ ОЗОЗ-К

3 Февраля 1920 г. Начальнику I-й Донской Казачьей Дивизіи.
г. Екатеринодаръ

На Васъ возлагаются слѣдующія задачи:

1. Очистить отъ зеленыхъ раіонъ къ Югу отъ жел. дор. Екатеринодаръ-Тунельная и къ Западу отъ линіи Екатеринодаръ-Саратовская-Ключевская вплоть до главнаго Кавказскаго хребта.

2. Задержать въ станицахъ и поселеніяхъ указаннаго раіона дезертировъ и уклоняющихся отъ явки по призыву, отправляя ихъ подъ конвоемъ въ гор. Екатеринодаръ Атаману Отдѣла и предавая наиболѣе виновныхъ, а такъ же подстрѣкателей къ неповиновенію властямъ, Военно-Полевому Суду

3. Взять отъ населенія по безплатной реквизиціи всѣхъ подлежавшихъ поставкѣ лошадей и всѣ сѣдла, отправить все это Атаману Екатеринодарскаго Отдѣла.

4. Арестовать и препроводить въ Екатеринодаръ, въ случаѣ обнаруженія, слѣдующихъ лицъ: Сотника Пилюка, Есауловъ Петра и Павла, Степ. Рябоволовъ; Есаула Луку Удовико, Хорунжаго Ив. Манжула, Подх. Павла Стусь, Вахм. Ищенко, Казаковъ Саенко Ливадіи Левень, Тим. Россомаха, Ив. Подгирняго, Петра Удовико, Гр. Рахманя, Гр. Стусь, Кн. Бобаки, Виктора Гуровича, Галушко и Запорожца.

Далѣе въ приказѣ изложенъ порядокъ исполненія задачи. Приказъ подписали: Войск. Атаманъ Кубанскаго Войска Ген. Штаба Ген.-Маіоръ Букретовъ и Упр. Воен. Вѣдомствомъ Ген. Штаба Ген.-Лейтенантъ Болховитиновъ.

Въ исполненіе приказа, Начальникъ дивизіи Генералъ Дьяковъ расположилъ 2-ю бригаду на переходъ южнѣе Екатеринодара, а Гв. Казачью бригаду поставилъ въ ст. Ильской, откуда полки дивизіи повели развѣдку во всѣ пункты появленія зеленыхъ.

**) Связь Пилюка съ совѣтскими представителями имъ признана въ переговорахъ 6 марта 1920 г. съ офицеромъ Штаба Донской Арміи. (Справка: Н-къ Разв. Отд. Донской Арміи Добрынинъ «Борьба съ большевизмомъ», стр. 106).

***) Всего въ Черноморьѣ и Кубани существовало 5 активныхъ группъ: 1-я, Геленджикъ — 400 штык., 2-я, Широкая Щель — 300-400 штык., 3-я и 5 я группы — Попайка — Ильская — Холмская — 600 штык., 60 сабель, 10 пулеметовъ, 4-я группа, Новороссійскъ — 400 штык. (Справка: вышеупомянутый докладъ Разв. Отд. Куб. В.

Борьба съ зелеными была трудна тѣмъ, что гористая и сильно поросшая лѣсомъ и кустарникомъ мѣстность была проходима для конницы лишь по узкимъ, обычно лежащимъ въ лощинахъ, дорогамъ. Кромѣ того, зеленые боя никакъ не принимали и при первомъ извѣстіи о появленіи вблизи отряда немедленно разбѣгались и скрывались въ лѣса.

Однако, были случаи и удачъ. Такъ, 6-го Февраля, по тревогѣ, въ станицу Дербентскую, куда вошелъ отрядъ зеленыхъ Пилюка, была брошена сотня Атаманцевъ подъ командою Войскового Старшины Иванова.

Верстахъ въ трехъ отъ станицы, Атаманцы опрокинули разъѣздъ зеленыхъ и на его плечахъ ворвались въ станицу, гдѣ зеленые, не ожидавшіе столь стремительнаго появленія Донцовъ и митинговавшіе съ жителями на центральной площади, атакованные Атаманской сотней, шедшей въ атаку прямо по центральной улицѣ въ колоннѣ по три, послѣ небольшой перестрѣлки, бѣжали въ горы, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ своихъ зарубленныхъ.

Атаманцами, потерявшими лишь двухъ казаковъ ранеными и нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей, былъ взятъ одинъ пулеметъ и отбита, уже забранная зелеными, станичная казна.

7-го Февраля удачное столкновеніе съ зелеными имѣлъ отрядъ Лейбъ-Казаковъ Полковника Кононова въ окрестностяхъ ст. Убинской — пос. Азовскій, дѣйствовавшій въ пѣшемъ строю. Зеленые бѣжали, но отрядъ захватилъ весь ихъ обозъ въ 23 лошади и 9 подводъ и 10 плѣнныхъ.

Тѣмъ временемъ, въ связи съ ухудшающимся положеніемъ дѣлъ на фронтѣ за невыходомъ въ строй Кубанцевъ, а такъ же въ связи съ крайнимъ негостепріимствомъ, выказаннымъ Кубанью по отношенію къ Донскимъ казакамъ-бѣженцамъ, недовольство Донцовъ Кубанцами ширилось.*)

10-го Февраля, на засѣданіи Верховнаго Круга, Донская фракція поставила Кубанцамъ ультимативный вопросъ — намѣрены ли они вообще воевать съ большевиками, оставляя за собою, въ противномъ случаѣ, свободу дѣйствій.

Нѣкоторые делегаты Донцы угрожали расправой съ Кубанскими станицами.

Кубанцы изъявили согласіе бороться съ «Кубанской болѣзнью» и даже допустить Донскіе вооруженные отряды для принужденія кубанскихъ станичниковъ къ выходу на фронтъ.

Слѣдствіемъ этого соглашенія явилось нижеслѣдующее приказаніе, отданное имъ 10-го февраля Кубанскаго Атамана Генерала Букретова.**)

---

*) Выдержка изъ рѣчи Донского делегата Янова на Верховномъ Кругу:

...«У васъ, кубанцевъ, нѣтъ души. Вы — лицемѣры. Посмотрите на нашихъ бѣженцевъ. Помогли ли вы имъ? Они на, казалось, родной имъ Кубани получили вмѣсто хлѣба камень... Души кубанцамъ мы не вдохнемъ и не зажжемъ ихъ. Уйдемъ съ Кубани»...

**) Подлинное приказаніе за подписью ген. Букретова хранится въ Архивѣ Музея Л. Гв. Казачьяго полка.

«Начальнику 1-й Донской Казачьей дивизіи — Дополненіе.»

Въ Таманскомъ отдѣлѣ казаки 3-го и 4-го Таманскаго полковъ забыли свой долгъ и начали дезертировать изъ полковъ, расположенныхъ въ станицѣ Славянской. Предлагаю двинуть въ раіонъ станицы Славянской бригаду ввѣренной Вамъ дивизіи и произвести чистку станицъ Таманскаго отдѣла отъ дезертировъ и зеленыхъ, войдя въ сношеніе съ Атаманомъ Таманскаго отдѣла.

Всѣхъ зачинщиковъ дезертирства и атамана станицы Славянской Клименко немедленно арестовать и предать Военно-Полевому Суду.

Членовъ Кубанской Краевой Рады Атамана Ст. Полтавской сотника Крикуна и члена Рады Щербака арестовать и отправить въ Екатеринодаръ для преданія Суду Краевой Рады.

Войск. Атаманъ Ген.-Маіоръ Букретовъ.»

Приводимое выше приказаніе было того же числа препровождено начальникомъ 1-й Донской казачьей дивизіи Командиру Гвардейской Казачьей бригады Генералу Фарафонову, при слѣдующей надписи:

«Генералу Фарафонову — Во исполненіе приказанія Генерала Букретова, предлагаю Вамъ съ ввѣренной Вамъ бригадой выступить во исполненіе задачи. Арестовывать и предавать суду всѣхъ препятствующихъ исполненію задачи бригады, кромѣ членовъ Рады и Круга, коихъ арестованными препровождать ко мнѣ въ Екатеринодаръ. Генералъ Дьяковъ. 10 Февраля 1920».

Во исполненіе этого приказанія, Генералъ Фарафоновъ, оставивъ въ Ильской обозъ и небольшую команду съ Полковникомъ Воронинымъ, двинулся 13-го Февраля съ 2-мя сотнями Лейбъ-Казаковъ и 3-мя сотнями Атаманцевъ черезъ хутора Львовскіе и ст. Мингрельскую на станицу Славянскую.

По дорогѣ, какъ и при стоянкѣ въ раіонѣ Ильской, производились поиски дезертировъ и военно-обязанныхъ, не исполняющихъ приказъ Кубанскаго Атамана.

Поиски давали скромный результатъ, ибо главная масса дезертировъ, еще при приближеніи бригады, заблаговременно скрывалась въ окрестные камыши и хутора.

Производились одновременно и обыски, однако, и они давали небольшой результатъ, ибо вообще сыскъ и обыскъ не составляютъ дѣла строевой части и должны бы были проводиться какими либо спеціальными органами Кубанскаго розыска, коихъ бригадѣ придано не было.

Обнаружилось еще одно грустное явленіе: рядовые казаки Донцы были сильно озлоблены невыходомъ на фронтъ Кубанцевъ, почему часто обыски переходили въ злоупотребленія и къ предписанной Кубанскимъ Атаманомъ реквизиціи огнестрѣльнаго оружія, сѣделъ и лошадей, прибавилась самочинная реквизиція холоднаго оружія и... папахъ, особенно дорогихъ казачьему сердцу и нужныхъ на фронтѣ. Генералъ Фарафоновъ, какъ то видно изъ хранящихся въ Архивѣ Музея Л. Гв. Казачьяго полка документовъ, энергично боролся съ этимъ зломъ, однако, его приказы принимались

къ строгому исполненію лишь въ Л. Гв. Казачьемъ полку, гдѣ внутренній порядокъ былъ на большой высотѣ.

Къ 20-му Февраля бригада подошла къ ст. Славянской, гдѣ стояло лагеремъ въ баркахъ около 5000 казаковъ Таманскаго Отдѣла, отказавшихся исполнить приказъ Атамана о выходѣ на фронтъ. Въ станицѣ нѣкоторыми членами Рады велась агитація за присоединеніе къ зеленымъ и по нѣкоторымъ даннымъ Пилюкъ и Савицкій именно здѣсь расчитывали получить сильное пополненіе необходимое имъ для движенія на Екатеринодаръ.

Лагерь долженъ былъ быть ликвидированъ въ кратчайшій срокъ, и прибывшему изъ Екатеринодара Начальнику 1-й Донской дивизіи Генералу Дьяконову не оставалось иначе другого, какъ, не останавливаясь передъ крайними мѣрами, добиться исполненія приказа Кубанскаго Атамана.

Находящіеся въ лагерѣ Кубанцы численно во много разъ превышали 5 сотенъ Доноцовъ Гв. Бригады, но они представляли собою вооруженную, сбитую сь толку толпу, тогда какъ Донская бригада представляла сплоченную воинскую часть, почему и перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣдней.

Поставивъ на позицію два орудія и 4-мя сотнями окруживъ лагерь, Генералъ Дьяковъ съ одной сотней подъѣхалъ къ выстроеннымъ по его требованію Кубанцамъ.

Выдѣливъ полкъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ наиболѣе большевизанствующій генералъ Дьяковъ потребовалъ выдачи зачинщиковъ, давъ извѣстное время на размышленіе.

Время истекло — зачинщики выданы не были.

Генералъ Дьяковъ вызвалъ впередъ Полевой Судъ, въ составѣ Полковника Жирова и 4-хъ казаковъ и урядниковъ, который послѣ минутнаго совѣщанія, постановилъ: каждаго 50-го въ рядахъ подвергнуть разстрѣлу, а каждаго десятаго выпороть плетьми. Предсѣдатель Суда Полковникъ Жировъ самъ отсчиталъ ряды, послѣ чего здѣсь же передъ строемъ 6 человѣкъ были разстрѣляны, а 36 выпороты плетьми.

Одновременно, согласно приказу Генерала Букретова, былъ арестованъ станичный атаманъ Динченко и членъ Рады Щербакъ.

Оцѣпленіе было снято и на слѣдующій же день лагерь двинулся на фронтъ.

Въ запискахъ Генерала Фарафонова читаемъ: «Согласно приказа Генерала Букретова, я приказалъ арестовать атамана ст. Славянской Лейбъ-Казачьему полку, а члена Рады Щербака Атаманскому полку и доставить ихъ въ поѣздъ Генерала Дьякова для отвоза въ Екатеринодаръ. Лейбъ-Казаки въ точности исполнили приказаніе и станичный атаманъ былъ сданъ Сотникомъ Прокофьевымъ Командиру бронепоѣзда подъ росписку для доставки въ Екатеринодаръ. Члена Рады Щербака Атаманцы опоздали доставить на станцію и мною было приказано взять его съ собою въ Троицкую, куда бригада шла на ночлегъ. Здѣсь я получилъ телеграфное распоряженіе Генерала Букретова Щербака освободить и послалъ соотвѣтственное приказаніе Атаманцамъ, однако, ко мнѣ прибылъ Командиръ Атаманскаго полка, доложившій, что Щербакъ, при попыткѣ къ побѣгу, застрѣленъ»...

Этотъ случай вызвалъ рядъ рѣзко враждебныхъ Донской бригадѣ вы-

падовъ въ печати ряда членовъ Рады. Донская бригада дѣйствовала въ исполненіе распоряженій Кубанскаго Атамана и членамъ Рады, если они желали, ничего бы не стоило усилить Кубанскій элементъ въ экспедиціи, ругань же въ печати по адресу Донской бригады, являвшейся въ данномъ случаѣ органомъ Кубанской исполнительной власти, лишь подрывала авторитетъ послѣдней. Мобилизованные бригадой Кубанцы, видя такую неразбериху въ собственныхъ правительственныхъ верхахъ, возвращались съ пути обратно, не доѣзжая до фронта.

Изъ Троицкой бригада должна была двигаться противъ зеленыхъ на Крымскую, однако, согласно полученнаго новаго приказанія, двинулась обратно на Славянскую, Ивановскую, Новомышастовскую и Марьевскую, (ввиду появленія въ послѣднихъ станицахъ Пилюка и Савицкаго).

22-го Февраля бригада заняла ст. Ивановскую, легко выбивъ передовыми разъѣздами отрядъ въ 150-200 конныхъ Савицкаго, поспѣшно бѣжавшій на Марьевскую, гдѣ съ отрядомъ зеленыхъ было обосновался Пилюкъ. При приближеніи бригады Пилюкъ и Савицкій ночью бросили Марьевскую и, переправившись черезъ Кубань, бѣжали на Югъ, уничтоживъ за собою паромъ.

На станицу Марьевскую, за укрывательство Пилюка, въ первый разъ за всю экспедицію, была наложена контрибуція, ввидѣ суточнаго прокормленія людей и лошадей бригады.

24-го Февраля бригада выступила черезъ Екатеринодаръ на Георгіе-Афипскую и на Ильскую. Въ ночь на 26-е бригада, находившаяся въ Георгіе-Афипской, была разбужена орудійной стрѣльбой. То рвались на станціи Сѣверской снаряды кѣмъ то подожженнаго эшелона съ боевыми припасами. Бригада двинулась на рысяхъ, однако, ранѣе ея къ мѣсту взрыва прибылъ бронепоѣздъ, при приближеніи котораго банда зеленыхъ, если она вообще тамъ была, разбѣжалась.

Къ вечеру въ тотъ же день бригада прибыла въ Ильскую, гдѣ полкъ ждалъ пріятный сюрпризъ: прибыло 500 комплектовъ обмундированія изъ Новороссійска; полкъ сильно обтрепавшійся, облекся въ новое обмундированіе.

27-28 и 29 бригада вела развѣдку въ раіонахъ, южнѣе Дербентской и Убинской. Этимъ, собственно, и кончились дѣйствія бригады противъ кубанскихъ зеленыхъ, ибо на слѣдующій день пришло приказаніе переходить въ Новороссійскъ, гдѣ стать въ резервъ Главнокомандующаго.

Дабы закончить описаніе дѣйствій противъ зеленыхъ, приведемъ выдержку изъ донесенія Генерала Фарафонова Начальнику 1-й Донской дивизіи отъ 29-го Февраля 1920 г.

...«Зеленые не представляютъ никакой серьезной силы, сопротивленія не оказываютъ, дѣйствуютъ пѣшими съ малымъ количествомъ всадниковъ, недостачу пулеметовъ замѣняютъ трещотками (для созданія впечатлѣнія пулеметнаго огня). Захватывать ихъ отряды почти не представляется возможнымъ: при закрытіи имъ путей отступленія разбѣгаются, лѣзутъ въ горы и ущелья, покрытыя густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Дѣйствія въ горахъ для насъ тяжелы, конные двигаются въ одинъ конь, цѣпляясь за кусты мѣстами движеніе только въ поводу. Пулеметы перевозили переложивъ на санки, необ-

ходимы вьюки, коихъ у насъ нѣтъ. Артиллерія необходима только горная, наша въ экспедиціи участвовать не можетъ, ибо для ея протаскиванія приходилось рубить деревья и она дѣйствовать не могла»...

1-го Марта бригада черезъ Ахтырскую, Крымскую и Нижне-Баканскую, не спѣша, небольшими переходами, двинулась въ предмѣстье Новороссійска Мефодіевку, куда прибыла 6-го Марта.

На переходѣ къ Крымской, обозъ 4-го Донского полка подвергся нападенію зеленыхъ, легко отогнанныхъ разъѣздомъ Подъесаула Ротова.

Въ Крымской Гвардейская бригада простояла два дня (2 и 3-го Марта). Генералъ Дьяковъ произвелъ здѣсь смотръ бригадѣ и пришедшей въ станицу дивизіи Генерала Чеснокова. Части представились въ полномъ порядкѣ.

7-го Марта, въ Мефодіевкѣ, Лейбъ-Казачій полкъ смотрѣлъ Донской Атаманъ Генералъ Богаевскій. Послѣ смотра, прошедшаго блестяще, Генералъ Богаевскій былъ приглашенъ офицерами полка на ужинъ. Несмотря на безотрадность общей обстановки, или вѣрнѣе, наперекоръ ей, Донской Атаманъ былъ принятъ широко. Былъ поданъ сытный ужинъ, играли трубачи и создалось приподнятое настроеніе.

Атаманъ неоднократно благодарилъ за блестящій порядокъ въ полку и произвелъ нѣсколькихъ офицеровъ въ слѣдующій чинъ.

Въ заключеніе, Генералъ Богаевскій, коренной офицеръ Л. Гв. Атаманскаго полка и бывшій Командиръ Л. Гв. Сводно-Казачьяго, выразилъ горячее желаніе числиться въ спискахъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка. По полковому обычаю, Командиръ полка, съ разрѣшенія Атамана, провелъ вопросъ черезъ голосованіе всѣхъ офицеровъ, тутъ же выразившихъ свое согласіе и поднесшихъ Донскому Атаману полковой нагрудный знакъ.

Вечеръ закончился звуками полкового марша, сопровождавшаго заключительныя здравицы.

Кончился праздникъ и наступили будни.

Уже изъ словъ Атамана явствовало, что положеніе фронта безнадежно и эвакуація въ Крымъ предрѣшена. Въ словахъ Генерала Богаевскаго сквозило явное сомнѣніе въ возможность ея осуществленія полностью, чувствовалась недоговоренность, неувѣренность и... нѣкоторая растерянность.

То что офицеры и казаки сами видѣли въ Новороссійскѣ, было мало утѣшительно.

Въ эти тревожные дни полкъ еще тѣснѣе сплотился: Казаки молчали и жались къ офицерамъ. «Мы офицеры,» читаемъ въ запискахъ Генерала Поздѣева, «по отъѣздѣ Атамана, обмѣнялись впечатлѣніями и дали другъ другу слово не грузиться безъ своихъ казаковъ и въ случаѣ неудачи раздѣлить съ ними общую участь»...

Къ приходу Лейбъ-Казаковъ въ Мефодіевку, городъ Новороссійскъ уже былъ забитъ тыловыми частями и чувствовался сильный недостатокъ въ фуражѣ и продуктахъ. Интенсивно шла, съ помощью союзниковъ, эвакуація больныхъ, раненыхъ и гражданскаго элемента. Кораблей было мало и была ясна необходимость направить часть войскъ, подлежащихъ эвакуаціи, на

Тамань, гдѣ ширина Керченскаго пролива, отдѣлявшаго Кубань отъ Крыма, была невелика и гдѣ богатыя транспортныя средства Керчи легко позволили бы быструю переброску въ Крымъ значительныхъ массъ.

Уже директивой отъ 4-го Марта Генералъ Деникинъ приказалъ Добровольческому корпусу, при отходѣ за Кубань, прикрыть у Темрюка Таманскій полуостровъ. Директивой 7-го Марта онъ вновь приказалъ Добровольческому корпусу частью силъ занять Таманскій полуостровъ и прикрыть дорогу отъ Темрюка.

Обѣ директивы Добровольцами не только были оставлены безъ исполненія, но, говоритъ Генералъ Деникинъ (Стр. 344-я) ...«Добровольческій корпусъ, ослабивъ сильно свой лѣвый флангъ, обратилъ главное вниманіе на дорогу Крымская-Тонельная, въ направленіи желѣзной дороги на Новороссійскъ».

Движеніе Донскихъ корпусовъ на Тамань, не только запоздало по времени, но и вообще было невыполнимо: отъ разстроенныхъ отходомъ Донскихъ корпусовъ было невозможно требовать выполненія своеобразнаго «шассе круазе» съ Добровольческимъ корпусомъ, да еще притомъ посредствомъ фланговаго марша по отношенію къ наступавшему противнику...

Въ результатѣ... «11-го Марта Добровольческій корпусъ, два Донскихъ и присоединившаяся къ нимъ Кубанская дивизія... сосредоточились въ раіонѣ Крымской, направляясь всей массой на Новороссійскъ. Катастрофа становилась неизбѣжной*) и неотвратимой» — резюмируетъ Генералъ Деникинъ (на стр. 344-й своихъ Очерковъ).

9-го Марта Начальникъ 1-й Донской Конной дивизіи получилъ слѣдующее срочное приказаніе:**)

«Главкомъ приказалъ 1-й Донской Казачьей дивизіи выступить девятаго сего Марта на Таманскій полуостровъ, имѣя задачей —

ПЕРВОЕ — срочно особымъ сильнымъ офицерскимъ разъѣздомъ произвести рекогносцировку южной дороги на Тамань черезъ Благовѣщенскую запятая результаты рекогносцировки срочно сообщить по телеграфу изъ Анапы Комкор Дон и Штаглав.

ВТОРОЕ — особымъ заслономъ у Ахтанизовской преградить противнику путь на Тамань по сѣверной дорогѣ и

ТРЕТЬЕ — очистить Таманскій полуостровъ отъ зеленыхъ точка Дивизія

---

*) Катастрофа стала неотвратимой лишь 11-го марта.

Какъ мы видѣли выше, 1-я Донская дивизія съ дивизіей генерала Чеснокова уже 2-го и 3-го марта находилась въ раіонѣ ст. Крымской.

Дивизія не участвовала въ бояхъ съ декабря и была въ полномъ порядкѣ.

Непосредственно за дивизіей шли 1-й, 2-й и 3-й запасные Донскіе полки, кои можно и должно было влить въ ряды 1-й дивизіи.

Выдвиженіе 1-й Донской Дивизіи 4-го марта (или хотя бы до 7-го марта) на Варениковскую переправу (35 верстъ отъ Крымской) и Темрюкъ (еще 20 верстъ) на лѣвый флангъ Добровольческаго корпуса надежно обезпечивало бы замкнутый водными преградами Таманскій полуостровъ и дѣлало бы выводъ войскъ на Керчь легко осуществимымъ.

**) Подлинное приказаніе хранится въ Арх. Музея Л. Гв. Каз. полка.

переходитъ въ непосредственное подчиненіе Главкому точка. За оріентировкою и подробными указаніями Вамъ надлежитъ прибыть въ поѣздъ Главкома 9 с. Марта въ 9 час. утра. Новороссійскъ 9 Марта 1920 Нр. Романовскій».

Во исполненіе приказанія Генерала Романовскаго, авангардъ 1-й дивизіи въ составѣ Л. Гв. Атаманскаго полка (Генералъ Хрипуновъ), 6-й сотни Л. Гв. Казачьяго (Есаулъ Кундрюковъ) и эскадрона Л. Гв. Конно-Гренадеръ, всего 427 сабель, 78 штыковъ при 10 пулеметахъ 9-го занялъ Раевскую и 10-го Марта къ 3-мъ часамъ дня — Анапу, выбивъ занимавшихъ городъ зеленыхъ.

Остальныя части 1-й дивизіи сосредоточились 10-го Марта въ Раевской, войдя въ подчиненіе Генералу Барбовичу, который, одновременно съ выдвиженіемъ Атаманцевъ на Анапу, долженъ былъ занять Гостогаевскую станицу.*)

Занявъ Анапу, Атаманцы приступили къ чисткѣ города отъ прятавшихся въ немъ зеленыхъ. Совершенно неожиданно со стороны ст. Анапской, гдѣ былъ слабый разъѣздъ Сотника Клевцова, послышалась ружейная стрѣльба. Двинутый туда, въ цѣляхъ выясненія обстановки, съ ½ сотней и двумя пулеметами Войсковой Старшина Ивановъ былъ встрѣченъ огнемъ 4-хъ орудій и многихъ пулеметовъ... «Изъ за станицы Анапской стали выдвигаться эскадроны красныхъ и разворачиваться въ лаву. Весь горизонтъ покрылся густой массой конницы. Красная дивизія со всѣхъ сторонъ окружила Анапу, отрѣзавъ путь на Раевскую.**)

Стало ясно, что Добровольческій корпусъ, стремясь опередить въ погрузкѣ на суда въ Новороссійскѣ Донскую Армію, бросилъ нижнее теченіе р. Кубани, не пытаясь замедлить продвиженіе на югъ красной конницы и не оставивъ даже наблюденія.

Единственнымъ путемъ отступленія Атаманцамъ оставался мостикъ, переброшенный черезъ р. Анапку, отъ котораго шла дорога на пляжъ и далѣе на виноградники. Генералъ Хрипуновъ лично съ небольшой группой Атаманцевъ атаковалъ красныхъ, подходившихъ къ мостику и отбросилъ ихъ. Отходъ увлекъ за собою назадъ цѣлый участокъ красной лавы. Этого выигрыша времени оказалось достаточнымъ для сбора и выхода изъ города остальныхъ сотенъ и Генералъ Хрипуновъ быстро двинулся на пос. Благовѣщенскій. Около поселка, пытаясь выйти изъ кустарника, Генералъ Хрипуновъ натолкнулся на красную пѣхоту, открывшую пулеметный и оружейный огонь. Выручила наступившая темнота и ошибка красныхъ, перенесшихъ огонь своихъ орудій на занявшую Анапу красную же конницу, немедленно отвѣтившую тѣмъ же.

Снаряды обѣихъ сторонъ пролетали надъ головами Атаманцевъ. Пользуясь темнотой Генералъ Хрипуновъ двинулся прямо на сѣверъ и вышелъ

---

*) Справка: приказанія к-ра Гв. Каз. бригады за №№ 102, 103 и 104 отъ 9-го марта. Кромѣ того, въ запискѣ к-ра Гв. Каз. бр. ген. Фарафонова указано, что поданнымъ, полученнымъ имъ отъ ген. Романовскаго, 9-го марта Варениковская переправа должна была быть занята Алексѣевскимъ дивизіономъ.

**) Архивъ Музея Л. Гв. Атаманскаго полка. Записка полк. Иванова.

къ Гостогаевской станицѣ. Узнавъ отъ взятаго въ плѣнъ, спавшаго на дорогѣ красноармейца, что въ станицѣ ночуетъ пѣхотная красная дивизія, Генералъ Хрипуновъ повернулъ на Юго-Востокъ и къ 12 час. дня, 11-го Марта, вышелъ къ Натухаевской станицѣ, откуда пошелъ на присоединеніе къ 1-й дивизіи, сосредоточившейся въ Тонельной.

Атаманцы за бой 10-го потеряли убитыми и ранеными 38 казаковъ и нѣсколько десятковъ лошадей.

6-я Лейбъ-Казачья сотня — ранеными 6 казаковъ и убитыми и ранеными лошадей — 10.

Приказаніе Генерала Романовскаго опоздало.

Путь на Тамань былъ закрытъ.

День 11-го Марта дивизія простояла въ Тонельной. Обстановка быстро ухудшалась. Мимо катился въ Новороссійскъ сплошной потокъ обозовъ, бѣженцевъ и войсковыхъ частей съ винтовками, а частью уже безъ винтовокъ, не исполняющихъ никакихъ приказаній. Ихъ можно было расцѣнивать лишь какъ матеріалъ для возможныхъ въ будущемъ формированій, но не какъ боевую силу въ данный моментъ.

Ночью полкъ вызвали на позицію къ Малому Тунелю.

Дивизія попрежнему была подчинена Генералу Барбовичу.

Въ смыслѣ естественныхъ преградъ позиціи Новороссійска были прекрасны. Съ сѣвера и востока тянулся хребетъ Маркахтъ настолько высокій и крутой, что на него противникъ не могъ бы втащить орудія. Съ юга позиція надежно была защищена флотомъ.

Тонельная командовала надъ всей мѣстностью.

Къ сѣверо-западу отъ нея къ Новороссійску шелъ хребетъ весьма удобный для защиты. Противникъ могъ двигаться только по хорошо видимымъ лощинамъ и ущельямъ, кои легко можно было запирать хотя бы отдѣльными артиллерійскими взводами. Артиллеріи, снарядовъ и патроновъ было сколько угодно и нужны были только войска. Ихъ то и не было, ибо вышедшую изъ рукъ начальниковъ массу временно войсками считать нельзя было.

Позиція полка у Малаго Тонеля состояла изъ двухъ рядовъ цементированныхъ окоповъ въ ростъ, хорошо укрывающихъ отъ пораженія.

Въ 8 часовъ утра 12-го Марта отъ Раевской показался противникъ. Далеко на горизонтѣ вытянулась длинная колонна красной конницы (16-я Совѣтская дивизія), двигавшаяся на Тонельную.

Полковникъ Поздѣевъ подпустилъ ее ближе и скоро приданный полку артиллерійскій взводъ открылъ на прицѣлѣ 38-40 бѣглый огонь. Колонна красныхъ стала размыкаться. Заработали только что полученныя полкомъ 8 новыхъ англійскихъ пулеметовъ. Противникъ не выдержалъ огня и, оставивъ въ почтительномъ отдаленіи передъ участкомъ полка 2-3 конныхъ эскадрона, стянулся на свой правый флангъ и двинулся на дорогу Раевская-Абрау-Дюрсо, какъ бы обтекая лѣвый флангъ позиціи. Движеніе шло внѣ досягаемости ружейнаго огня и противникъ поражался лишь огнемъ пулемета лѣвофланговаго поста, коимъ командовалъ отличный урядникъ 1-й сотни Пшеничновъ. Постъ этотъ передвигался по горамъ на Югъ, все время вися

на флангѣ противника и успѣшно велъ бой съ лѣвофланговымъ боковымъ эскадрономъ противника.

Полкъ оставался на позиціи, пославъ донесеніе о движеніи противника начальнику дивизіи.

Приданный полку артиллерійскій взводъ преслѣдовалъ своимъ огнемъ противника, поворачивая по мѣрѣ его движенія свои орудія, причемъ къ концу дня стрѣлялъ уже назадъ, измѣнивъ направленіе орудій на 135 градусовъ.

Съ наступленіемъ темноты полкъ былъ смѣненъ и отведенъ на ночлегъ въ деревню Владиміровку.

Весь день дулъ страшный Нордъ-Остъ и люди промерзли основательно, отдыхъ былъ совершенно необходимъ. Однако, полкъ ночью былъ поднятъ по тревогѣ и двинутъ на Новороссійскъ съ задачей выбить противника, занявшаго Борисовку. Полковникъ Поздѣевъ открылъ по Борисовкѣ артиллерійскій огонь и конница противника, занявшая эту деревню, стала поспѣшно уходить. Здѣсь полкъ потерялъ тяжело раненымъ 3-мя пулями Сотника Дубенцева.

Утромъ 13-го Марта пришло приказаніе идти на погрузку. При прохожденіи Мефодіевки Начальникъ дивизіи Генералъ Дьяковъ собралъ старшихъ начальниковъ. Полковникъ Никитинъ, начальникъ штаба дивизіи, настаивалъ на необходимости отказаться отъ, по его мнѣнію, безнадежной погрузки и двигаться черезъ Кабардинку и Туапсе, на Грузію, однако, большинство начальниковъ стояло за погрузку въ Новороссійскѣ, полагаясь на обѣщанія Командованія вывезти 1-ю дивизію.

Къ 12 час. 13-го Марта дивизія, сквозь безпорядочныя толпы народа, съ трудомъ добралась до цементнаго завода, гдѣ построила резервный порядокъ.

13-го Марта, на разсвѣтѣ, Л. Гв. Казачьяго полка полковникъ Кононовъ, съ разрѣшенія нач. див. Ген. Дьякова, отправился въ гор. Новороссійскъ, для помощи коменданту лазарета полковнику Андріянову и для развѣдки условіи будущей эвакуаціи Лб. Каз. полка.

Убѣдившись что эвакуація лазарета и состоявшихъ при немъ раненыхъ и семей энергіей полковника Андріанова благополучно произведена, полковникъ Кононовъ, обходя пристани замѣтилъ, что всѣ суда, безъ исключенія, не только уже расписаны, но и заняты караулами исключительно Добровольческихъ частей. Развѣдкой въ штабахъ Главнокомандующаго и Донскаго Атамана онъ быстро выяснилъ что все распоряженіе погрузкою сосредоточено въ рукахъ Ген. Кутепова. Немедленно, черезъ находившагося при обозѣ въ Мефодіевѣ зав. хоз. полковника Воронина давъ знать въ полкъ о создавшемся положеніи, полковникъ Кононовъ бросился къ Генералу Кутепову. Пользуясь давнишними хорошими отношеніями Ген. Кутепова къ Лейбъ Казачьему полку, послѣ долгихъ упрашиваніи ему удалось уговорить уступить для эвакуаціи Лейбъ Казачьяго полка шхуну «Дунай».

Въ тотъ же день утромъ, съ разрѣшенія Ген. Дьякова, въ Новороссійскъ прибылъ Комбриг. ген. Фарафоновъ хлопотать о судахъ для всей 1-ой Донской дивизіи. Съ собой онъ прихватилъ полковника Воронина и конную полусотню 1-ой сотни съ есауломъ Агафоновымъ.

Далѣе приведемъ дословный разсказъ Генерала Фарафонова: ...«Атаманъ заявилъ, что онъ не въ силахъ намъ помочь и погрузкою распоряжается Генералъ Романовскій. Отправился въ штабъ Генерала Деникина, розыскалъ Генерала Романовскаго, который мнѣ лично сказалъ, что погрузка отъ него не зависитъ и что этимъ распоряжается Генералъ Кутеповъ. Найдя съ трудомъ, совершенно въ противоположной сторонѣ набережной, поѣздъ Генерала Кутепова и приказавъ полусотню 1-й сотни подвести ближе къ вагону, чтобы видѣли, что прошу о погрузкѣ не сброда, а дисциплинированныхъ частей, я вошелъ въ вагонъ.

Генералъ Кутеповъ любезно меня принялъ и, увидѣвъ въ окно строй полусотни, сказалъ: «Такихъ молодцовъ нельзя не погрузить». Узнавъ, что прошу о погрузкѣ 3 500 человѣкъ, онъ назначилъ транспортъ «Тигръ» (на 5 тысячъ человѣкъ), но, подойдя къ телефону и переговоривши съ начальникомъ порта Адмираломъ Ермаковымъ, узналъ, что «Тигръ» — госпитальное судно и предназначено уже подъ госпиталя съ тифозными, назначилъ другой корабль вмѣстимостью въ 2 тысячи человѣкъ. Однако, и этотъ корабль оказался занятымъ и Генералъ Кутеповъ, послѣ долгихъ переговоровъ съ Адмираломъ Ермаковымъ, назначилъ шхуну «Дунай» на 700 человѣкъ, сказавъ — берите хотя то, что есть. — Отказываться не приходилось и взявъ предписаніе на шхуну «Дунай», подписанное Генераломъ Кутеповымъ, я приказалъ спѣшеннымъ казакамъ полусотни занять молъ № 3, гдѣ должна была происходить погрузка «Дуная».

Предписаніе *) гласило: «Командиръ 1-го Армейскаго Корпуса Добровольческой Арміи

13 Марта 1920 г.

Шхуну «Дунай» назначаю для погрузки 1-й Донской дивизіи

Генералъ-Лейтенантъ Кутеповъ».

Къ молу подошли хозяйственныя части, пулеметныя команды и сотни при больныхъ и слабыхъ лошадяхъ Гв. Казачьей бригады, коимъ я приказалъ начать погрузку, взявъ съ собою все оружіе и сѣдла и, оставляя на берегу повозки и лошадей.

Многіе оставляли и послѣднее свое имущество, которое пронести сквозь сгрудившуюся толпу уже не было никакой возможности.

Къ концу погрузки подошли 1-я и 6-я сотни Л. Гв. Казачьяго полка и на вопросъ командировъ сотенъ «что я прикажу дѣлать», приказалъ имъ разсѣдлать лошадей, взять сѣдла, оружіе и грузиться.

Капитанъ нѣсколько разъ докладывалъ, что шхуна переполнена и больше

*) Хранится въ архивѣ Л. Гв. Казачьяго полка.

грузить нельзя. Когда начальники частей доложили, что всѣ погружены я, въ $17\frac{1}{2}$ час. разрѣшилъ капитану отчаливать...»

Согласно свѣдѣніямъ, даннымъ генералу Фарафонову, перевезенными въ Ѳеодосію частями изъ Новороссійска было вывезено:

	Штабъ - офиц.	Оберъ - офиц.	Казаковъ	Чиновниковъ
Л. Гв. Казачій полкъ	4	18	427	1
Л. Гв. Атаманскій полкъ	8	13	289	2
Конно-Саперная сотня				
Штаба дивизіи	1	4	42	2
1-й Запасн. полкъ			28	
Члены Донск. Прав-ва:	Свѣдѣній не поступало и численность неизвѣстна.			
	18	35	786	5

Генералъ Дьяковъ тщетно хлопоталъ до вечера, дабы погрузить остальную часть дивизіи. Ему дѣятельно помогалъ Полковничъ Поздѣевъ, заручившійся обѣщаніемъ Генерала Хольмана взять дивизію хотя бы на военные корабли, при условіи, если будетъ въ ней сохраненъ порядокъ.

Въ общемъ хаосѣ, Генералу Хольману не удалось сдержать этого обѣщанія, хотя англійская эскадра взяла много больше, нежели обѣщала.

Полковнику Поздѣеву въ 7 часовъ вечера, съ трудомъ, удалось, лишь благодаря офицерамъ Лейбъ-Казачьей полусотни Конвоя Главнокомандующаго, находящейся на пароходѣ «Георгій», погрузиться на послѣдній.

На «Георгіи» находился штабъ Главнокомандующаго, куда вечеромъ пріѣхалъ Генералъ Дьяковъ. Отчаявшись добиться погрузки онъ разыскалъ Полковника Поздѣева: «Константинъ Ростиславовичъ, дивизію не погрузили, иду сейчасъ на Кабардинку». Они расцѣловались и Генералъ Дьяковъ вернулся на берегъ къ дивизіи.

На берегу и въ городѣ, забитомъ толпами людей и массой лошадей, брошенныхъ на произволъ судьбы, царилъ кошмаръ, описывать который мы не будемъ, ибо онъ достаточно хорошо извѣстенъ.

Не погрузившіяся части 1-й дивизіи въ полночь двинулись на Кабардинку. Здѣсь утромъ разыгрался неудачный для дивизіи бой. Генералъ Дьяковъ, раненый Генералъ Хрипуновъ и нѣсколько десятковъ офицеровъ и казаковъ дивизіи, среди коихъ были Атаманцы Полковникъ Жировъ, Войсковые Старшины Ивановъ и Васильевъ, Есаулъ Семеновъ, Сотники Божковъ и Корольковъ, были подобраны и доставлены въ Ѳеодосію французскими миноносцами.

14-го Марта «Дунай» выгрузилъ въ Ѳеодосіи вывезенныя изъ Новороссійска части Гв. Казачьей бригады. Здѣсь офицеры нашли лазаретъ полка и свои семьи, энергіей коменданта лазарета полк. В. П. Андріянова и ст. врача В. Н. Евфанова погруженныя 11-го Марта въ Новороссійскѣ и 12-го доставленныя въ Ѳеодосію. За этотъ переходъ, совершенный совмѣстно съ

сыпно-тифозными, нѣсколько женъ офицеровъ заболѣли тифомъ (по прибытіи въ Севастополь, скончались Графиня М. Канкрина, М. А. Кононова и О. Д. Оприцъ).

Кромѣ полкового лазарета, на Кубани въ ст. Ильской, существовалъ и лазаретъ 1-й Донской дивизіи, гдѣ лежали сыпнотифозные. Изъ Лейбъ-Казачьяго полка въ немъ находился Вольноопредѣляющійся Графъ Орловъ-Денисовъ. Несмотря на усилія коменданта и ст. врача, дивизіонному лазарету не удалось въ общемъ хаосѣ выбраться въ Новороссійскъ. О больныхъ этого лазарета нѣтъ никакихъ свѣдѣній и всѣ въ немъ находившіеся числятся безъ вѣсти пропавшими.

При погрузкѣ въ Новороссійскѣ не удалось погрузить десятка четыре казаковъ, частью бывшихъ въ отдѣлѣ, частью замѣшкавшихся въ городѣ и не смогшихъ пробиться въ послѣдній моментъ черезъ толпу.

Къ условной потерѣ полка нужно отнести гибель сотни пополненія присланной изъ 1-го Западнаго Донского Коннаго полка въ послѣдній моментъ погрузки.

Приказомъ Инспектора конницы Дон. Арміи ген. Абрамова, отъ 9-го Марта, за № 5, три донскихъ запасныхъ полка должны были передать свой составъ: 1-ый запасный полкъ — въ 1-ую Донскую дивизію, а 2-ой и 3-ій запасные полки въ 9-ый и 10-ый Дон. полки.

Сотня пополненія для Лейбъ Казачьяго полка, численностью въ 201 человѣкъ, прибыла лишь 13-го въ Новороссійскъ и была направлена полковникомъ Номикосовымъ на пристань, для присоединенія къ полку.

Съ величайшимъ трудомъ ей удалось пробиться къ пристани гдѣ погрузка шкуны ДУНАЙ была почти закончена. За отсутствіемъ на шкунѣ мѣста полкъ смогъ взять лишь урядниковъ и казаковъ «кадровыхъ», т. е. уже служившихъ въ полку.

Сотня пополненія была присоединена къ оставшимся на берегу остальнымъ частямъ дивизіи съ которыми и должна была грузиться.

Погрузиться ей не удалось и судьба этой сотни неизвѣстна.

17-го Марта Лейбъ-Казачій полкъ былъ снова погруженъ и, по приказанію Штаба Главнокомандующаго, доставленъ въ Севастополь.

Началась новая страница Бѣлой борьбы за Крымъ.

23-го Марта въ полку былъ полученъ нижеслѣдующій приказъ Главнокомандующаго отъ 22-го Марта 1920 г. № 2899.

§ 1. «Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Врангель назначается Главнокомандующимъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи».

§ 2. «Всѣмъ честно шедшимъ со мною въ тяжкой борьбѣ — низкій поклонъ. Господи, дай побѣду Арміи и спаси Россію.

Генералъ-Лейтенантъ Деникинъ».

Вопросъ объ обстоятельствахъ смѣны Главнокомандующихъ выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка, почему мы коснемся его лишь въ общихъ

чертахъ, поскольку смѣна Главнокомандующаго нашла свое отраженіе въ Лейбъ-Гвардіи Казачьемъ полку, описаніе дѣятельности коего составляетъ содержаніе настоящаго труда.

Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ не имѣлъ характеръ Добровольческихъ частей. Полкъ держался работой своего офицерскаго состава, отрицательно относившагося ко всякой партизанщинѣ и старавшагося сохранить обликъ воинской части старой Россійской Арміи. Благодаря большому % старыхъ кадровыхъ офицеровъ полка, поддержкѣ Донскихъ Атамановъ Генераловъ Краснова и Богаевскаго, работѣ и горячей поддержкѣ Начальника 1-й Донской дивизіи (а затѣмъ Начальника ремонта и пополненія частей Донской Постоянной Арміи) Генерала Абрамова, указанное начало удалось сохранить въ полной мѣрѣ, почему и настроеніе полка отличалось сравнительно большой устойчивостью.

Если не считать Кубанскаго періода полка изъ боевъ не выходилъ, а въ промежуткахъ неизмѣнно велась напряженная работа по улучшенію строевой подготовки, поэтому офицерамъ особенно не было и времени особенно интересоваться политикой и правительственной дѣятельностью.

Смущалъ конечно все болѣе увеличивающійся безпорядокъ въ тылу и отсутствіе въ немъ стройной организаціонной работы.

Эти пороки тыла офицеры относили не къ личности Главнокомандующаго, а къ винѣ «общественности».

Какъ говорилось выше, отношеніе офицеровъ къ Генералу Деникину было положительнымъ: въ немъ видѣли честнаго, авторитетнаго и доблестнаго представителя стараго Россійскаго офицерства.

Не одобрялись въ полку, правда, тренія, бывшія у Главнокомандующаго съ казачествомъ. Именно этими треніями офицеры были склонны объяснять (замѣтимъ, часто несправедливо) неудовлетвореніе въ должной мѣрѣ частей Донской Арміи обмундированіемъ, отсутствіе у Донцовъ новыхъ пулеметовъ, отсутствіе броневиковъ, танковъ, аэроплановъ и часто даже достаточнаго количества снарядовъ, тогда какъ по слухамъ (замѣтимъ, часто неосновательнымъ) привиллегированныя Добровольческія части, въ указанныхъ отношеніяхъ, якобы были обставлены хорошо.

Тренія эти нѣсколько расхолаживали отношенія офицеровъ къ Генералу Деникину.

Для примѣра отмѣтимъ что когда въ серединѣ 1919 года, въ ознаменованіе признательности Дона Главнокомандующему, Генералы Деникинъ и Романовскій были Донскимъ Атаманомъ зачислены въ казачье сословіе и внесены въ списки Л. Гв. Казачьяго полка, то дѣло свелось къ обмѣну привѣтствіями, не создавъ никакой болѣе тѣсной связи полка съ новыми однополчанами.

Отсутствіе въ Лейбъ-Казачьемъ полку повышенно-горячихъ чувствъ къ Генералу Деникину, въ обстановкѣ конца 1919 года, и начала 1920 года, имѣло и положительную сторону: несмотря на катастрофическія неудачи Юга, полкъ не испыталъ и сколько нибудь остраго разочарованія въ Генералѣ Деникинѣ. И теперь такъ же какъ и раньше, твердо и вѣрно несла службу конвоя при Ставкѣ Генерала Деникина сотня отъ Гв. Казачьей бригады, такъ

же какъ и раньше тыловыя сплетни, дрязги и «разговорчики» не находили почвы для своего развитія въ полку и потому не понижали его духа.

Уступки начала 20-го года, сдѣланныя казачеству Генераломъ Деникинымъ, его солдатскія, прямыя и честныя выступленія на Верховномъ Кругу, гдѣ онъ произносилъ рѣчи, полныя искренней и горячей вѣры въ возсозданіе, общими усиліями, всѣмъ дорогой Родины Россіи, вновь подняли увѣренность въ способность Генерала Деникина довести дѣло до побѣднаго конца.

Переломъ въ отношеніяхъ къ Генералу Деникину произошелъ въ полку лишь во время Новороссійской эвакуаціи, только послѣ того, какъ здѣсь были брошены на произволъ судьбы три четверти Донской Арміи и ярко сказалась тенденція Добровольческаго Командованія дѣлить части на свои (Добровольческія) и чужія (Донскія).

Если Донскія части прибыли въ Новороссійскъ, временно утративъ свою боеспособность, то не на много лучше обстояло дѣло и у Добровольцевъ.*)

Однако, даже и потерявшія временно боеспособность части, нельзя было не расцѣнивать, какъ нужнѣйшій элементъ для будущихъ Крымскихъ формированій и переброска ихъ въ Крымъ должна была быть обезпеченной.

Ровно, надлежало перевести въ Крымъ и часть Кубанскихъ и Донскихъ бѣженцевъ. Выше было сказано, что нѣкоторыя Донскія станицы ушли въ бѣженство полностью, во главѣ со своими станичными Атаманами и станичными правленіями. Брошенные въ руки красныхъ, пройдя черезъ всѣ тяжелыя переживанія Новороссійска, они вернутся по домамъ, принося съ собою конечное разочарованіе въ способности Бѣлой Арміи ихъ защитить и явятся для красныхъ лучшими агитаторами противъ возникновенія новыхъ возстаній и тѣмъ, въ извѣстной степени, предопредѣляетъ грустный удѣлъ будущихъ десантовъ Генерала Врангеля изъ Крыма на Кубань и Донъ.

Выполненіе указанныхъ задачъ по эвакуаціи въ Крымъ требовало времени.

Новороссійскія позиціи, заранѣе подготовленныя и исключительно благопріятно расположенныя, при наличіи громадной тяжелой и легкой артиллеріи (полтора десятка бронепоѣздовъ, мощная артиллерія флота, большое количество полевыхъ батарей) при неограниченномъ запасѣ снарядовъ, могли долго держаться и дать необходимый выигрышъ времени при относительно небольшомъ количествѣ войскъ обороны.

Съ войсками, однако, дѣло обстояло неблагополучно.

Отходя на Новороссійскъ, они быстро теряли свою боеспособность.

Главныя причины упадка духа частей заключались въ быстромъ ростѣ, ранѣе уже обозначившагося, взаимнаго недовѣрія начальниковъ и въ отсутствіи заблаговременно принятаго свыше, всѣмъ извѣстнаго, твердаго рѣшенія.

Остановить процессъ распада нужно было во что бы то ни стало и уже, во всякомъ случаѣ, надлежало хотя бы попытаться поправить дѣло.

Такой попыткой могло быть личное вступленіе Генерала Деникина въ фак-

*) Если бы дѣло обстояло не такъ, то одинъ бѣглый взглядъ на карту говоритъ, что оставленіе вопреки приказа ген. Деникина безъ боя Добровольцами 4-го и 7-го Марта Варениковской переправы и станицы Гостогаевской, составляло бы тяжкое преступленіе и должно было бы повлечь для соотвѣтствующихъ начальниковъ жестокія кары.

тическое и непосредственное командованіе частями обороны позиціи Новороссійска, съ выдѣленіемъ въ составъ оборонительнаго отряда какой либо крупной части Добровольческаго корпуса, всей 1-й Донской дивизіи, Донской запасной бригады и сводной Донской дивизіи (кою еще 10 и 11-го Марта можно было бы сформировать подборомъ частей и начальниковъ изъ состава двухъ Донскихъ корпусовъ.*)

Штабъ Главнокомандующаго не только не взялъ дѣло обороны въ свои руки, но, наоборотъ, самоустранился, что нашло внѣшнее выраженіе въ передачѣ Генераломъ Романовскимъ всего распоряженія дѣломъ обороны и погрузки Генералу Кутепову.

При тѣхъ отношеніяхъ, кои сложились у Генерала Кутепова съ Командующимъ Донской Арміей Генераломъ Сидоринымъ, эта передача, кромѣ того, выразила рѣшеніе вывоза Добровольческаго корпуса за счетъ Донской Арміи и обреченіе послѣдней на ускоренное и полное разложеніе.**)

---

*) Что послѣднее формированіе являлось возможнымъ, явствуетъ хотя бы изъ слѣдующихъ строкъ Генерала Деникина, лично видѣвшаго еще 14-го утромъ, когда Новороссійскъ былъ полностью брошенъ, на берегу, гдѣ царилъ кошмаръ и хаосъ... «выстроившуюся подчеркнуто стройно какую то воинскую часть».

**) Интересна телеграмма Командира Добровольческаго корпуса Генерала Кутепова, посланная имъ 28-го Февраля Главнокомандующему... «о рѣшительныхъ мѣрахъ, кои надлежитъ принять въ цѣляхъ эвакуаціи бойцовъ за идею Добровольческой Арміи». Въ этой телеграммѣ Генералъ Кутеповъ требовалъ, съ момента подхода Добровольцевъ къ ст. Крымской, передачи въ руки Командующаго Добровольческимъ корпусомъ, всей власти въ тылу, съ диктаторскими полномочіями по опредѣленію порядка посадки частей на транспорты и предоставленія въ его исключительное вѣдѣніе линіи жел. дор., всѣхъ пловучихъ средствъ и флота. Въ пунктѣ 5-мъ телеграммы, Генералъ Кутеповъ указывалъ, что учрежденія Ставки и Правительства должны быть погружены не ранѣе послѣдней грузящейся на транспорты Добровольческой части.

Генералъ Деникинъ, обиженный телеграммой, отвѣтилъ, что вся власть принадлежитъ Главнокомандующему, который дастъ Командиру корпуса такія права, кои сочтетъ нужными.

Относительно Донскихъ Корпусовъ Главнокомандующій сообщалъ что расчитываетъ удержать ими фронтъ по Кубани, «если же казачій фронтъ разсыплется, то Добровольческій Корпусъ пойдетъ на Новороссійскъ»...

Что же касается пункта 5-го то... «Добровольцы должны бы вѣрить, что Главнокомандующій уйдетъ послѣднимъ, если не погибнетъ ранѣе»...

Приводя въ «Очеркахъ» (стр. 342, Т. V), телеграмму ген. Кутепова, ген. Деникинъ говоритъ: «Вотъ и конецъ. Тѣ настроенія, которыя сдѣлали психологически возможнымъ такое обращеніе Добровольцевъ къ своему Главнокомандующему, предопредѣлили ходъ событій: въ этотъ день я рѣшилъ безповоротно оставить свой постъ»...

Несомнѣнно что пунктъ пятый явился незаслуженнымъ ударомъ подорвавшимъ моральныя силы Главнокомандующаго въ моментъ, когда требовалось полное ихъ напряженіе.

Генералъ Кутеповъ, позже, при личномъ свиданіи съ Главнокомандующимъ, ему

Самоупраздненіе Главнокомандующаго и его штаба въ рѣшающій моментъ Новороссійской эпопеи, въ условіяхъ послѣдовавшей катастрофы, не могло не уронить авторитета Генерала Деникина, уже подорваннаго зимними неудачами Юга.

Если въ Добровольческомъ корпусѣ, подъ вліяніемъ естественнаго чувства признательности за вывозъ Добровольцевъ изъ Новороссійска, авторитетъ Главнокомандующаго еще держался, то среди Кубанцевъ и Донцовъ онъ палъ безповоротно. Среди послѣднихъ даже повелась открытая и печатная агитація противъ Добровольческаго Командованія, исходившая изъ штаба Генерала Сидорина, этимъ путемъ желавшаго затушевать долю собственной вины передъ Донскимъ казачествомъ.

Сложнѣйшій вопросъ о возглавленіи новаго періода Бѣлой борьбы, начинающейся въ Крыму, въ условіяхъ исключительной трудности, быстро былъ честно разрѣшенъ инициіативой самого Генерала Деникина, сложившаго съ себя Командованіе и назначившаго своимъ преемникомъ Ген. барона Врангеля.

Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Крымъ, новый Главнокомандующій, по соглашенію съ Донскимъ Атаманомъ, смѣстилъ и ген. Сидорина, а Донскую Армію, сведенную въ Корпусъ, принялъ Генералъ Ф. Ф. Абрамовъ.

Настроеніе въ Л. Гв. Казачьемъ полку, бывшее все это время спокойнымъ и устойчивымъ, теперь, съ назначеніемъ Ген. Врангеля, извѣстнаго какъ лично такъ и своей боевой славой, и съ назначеніемъ ген. Абрамова, своего популярнаго стараго боевого начальника дивизіи, сильно поднялось.

Такъ начался новый періодъ борьбы съ большевиками, періодъ борьбы въ Крыму.

объяснилъ, что при посылкѣ телеграммы руководился недовѣріемъ къ Правительству и Казачеству.

Въ дѣйствительности мѣры имъ предложенныя и въ конечномъ счетѣ санкціонированныя ген. Деникинымъ, сводились къ осуществленію планомѣрной эвакуаціи Добровольческаго Корпуса за счетъ Донской Арміи.

Если позиція Генерала Кутепова, до нѣкоторой степени, можетъ быть оправдана тѣмъ, что онъ былъ Командиромъ корпуса, объ интересахъ коего былъ обязанъ исключительно заботиться, то позиція Главнокомандующаго такого извиненія не имѣетъ.

Генералъ Деникинъ возлагаетъ вину за невывозъ Донскихъ корпусовъ на Командующаго Донской Арміей Генерала Сидорина, потерявшаго всякій командный авторитетъ и долго сомнѣвавшагося въ желаніи рядового казачества идти въ Крымъ.

Однако, послѣ доклада Генерала Сидорина 5-го Марта, о результатѣ совѣщанія Донскихъ начальниковъ, постановившихъ идти въ Крымъ, хотя бы и черезъ Тамань, мѣста для такого сомнѣнія уже быть не могло.

Потеря Генераломъ Сидоринымъ командного авторитета выяснилась за много дней до 12-го Марта и ничто не мѣшало Генералу Деникину просить Донского Атамана своевременно замѣнить Генерала Сидорина другимъ Донцомъ (Генералы Гусельщиковъ, Абрамовъ, Секретевъ).

ГЛАВА XIV-я.

ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ КРЫМА.

Общее положеніе. — Работа Главнокомандующаго. — Возстановленіе порядка въ Арміи и тылу. — Гражданская дѣятельность Генерала Врангеля. — Законъ о землѣ и Волостномъ Земствѣ. — Соглашеніе съ Казачествомъ. — Назначеніе Генерала Абрамова Командиромъ Донского Корпуса и подъемъ боеспособности Донцовъ. — Овладѣніе выходами изъ Крыма. — Лейбъ-Казаки въ Севастополѣ. — Выходъ Р. А. въ Сѣверную Таврію. — Борьба съ зелеными. — Іюльскія бои на фронтѣ и пораженіе Жлобы. — Отправка десанта на Кубань. — Обстановка въ Сѣверной Тавріи и отправка на фронтъ Гвардейской Казачьей бригады....

18-го Марта Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ выгрузился съ парохода «Аскольдъ» на пристани гор. Севастополя и переночевавъ въ первый день на пристани, а на второй — въ зданіи Коммерческаго клуба, 20-го Марта былъ расквартированъ въ предмѣстьи города, Карантинной Слободкѣ. Тамъ же и размѣстился и полковой лазаретъ.

Настроеніе рядовыхъ Лейбъ-Казаковъ было хорошее: они понимали, что, если полкъ благополучно выбрался, то только благодаря энергіи и сплоченности, проявленной офицерскимъ составомъ. Вѣрили, что если были выведены въ цѣлости изъ Новороссійскаго хаоса, то будетъ благополучно выведены и въ дальнѣйшемъ. Въ полку сохранялось спокойствіе и держался полный порядокъ несмотря на крайне тяжелое общее положеніе.

Изъ Новороссійска было вывезено около 30.000 Добровольцевъ и около 10.000 Донцовъ, безъ артиллеріи, повозокъ, безъ лошадей, а частью и безъ винтовокъ.*)

Боеспособность вывезенныхъ войскъ была весьма относительной, ибо духъ былъ подорванъ, какъ длительнымъ безотраднымъ отступленіемъ по Кубани, такъ и безобразіемъ Новороссійской эвакуаціи.

Перешейки Крыма оборонялись корпусомъ Ген. Слащева, куда входили Донская Казачья бригада Генерала Морозова въ 2000 коней и многочисленныя мелкія формированія добровольческаго характера. Осаждавшая перешейки Крыма до сего времени малочисленная XIII-я Совѣтская армія,

---

*) Впослѣдствіи, съ береговъ Чернаго Моря удалось доставить еще нѣсколько тысячъ Кубанцевъ.

особой энергіи не проявляла, но усиленіе ея въ ближайшемъ будущемъ новыми частями представлялось очевиднымъ.

Наряду съ этимъ обстоятельствомъ, относительно небольшая численность населенія Крыма не давало надежды расчитывать на сколько нибудь значительное усиленіе Бѣлой Арміи.

Армія была раздѣта, громадные склады обмундированія и снаряженія были частью сожжены, частью брошены на Кубани и въ Новороссійскѣ, въ Крыму же крупныхъ складовъ не имѣлось.

Союзники-англичане твердо заявили о прекращеніи всякой поддержки и настойчиво требовали вступленія въ переговоры о мирѣ съ большевиками. На помощь союзниковъ-французовъ надежды было мало.

Армія явно была предоставлена самой себѣ.

Единственной бодрой нотой звучалъ приказъ новаго Главнокомандующаго Генерала Врангеля, отданный имъ 22-го Марта: ...«Я сдѣлаю все, чтобы вывести Армію и Флотъ съ честью изъ создавшагося тяжелаго положенія. Призываю вѣрныхъ сыновъ Россіи напречь всѣ силы, помогая мнѣ выполнить мой долгъ»...

25-го Апрѣля на Нахимовской площади Генералъ Врангель принималъ парадъ, на коемъ участвовалъ и Л. Гв. Казачій полкъ. Обмундированіе войскъ было сильно потрепаннымъ, однако, общая подтянутость, въ связи съ присутствіемъ Главнокомандующаго, скрашивала внѣшнюю неприглядность.

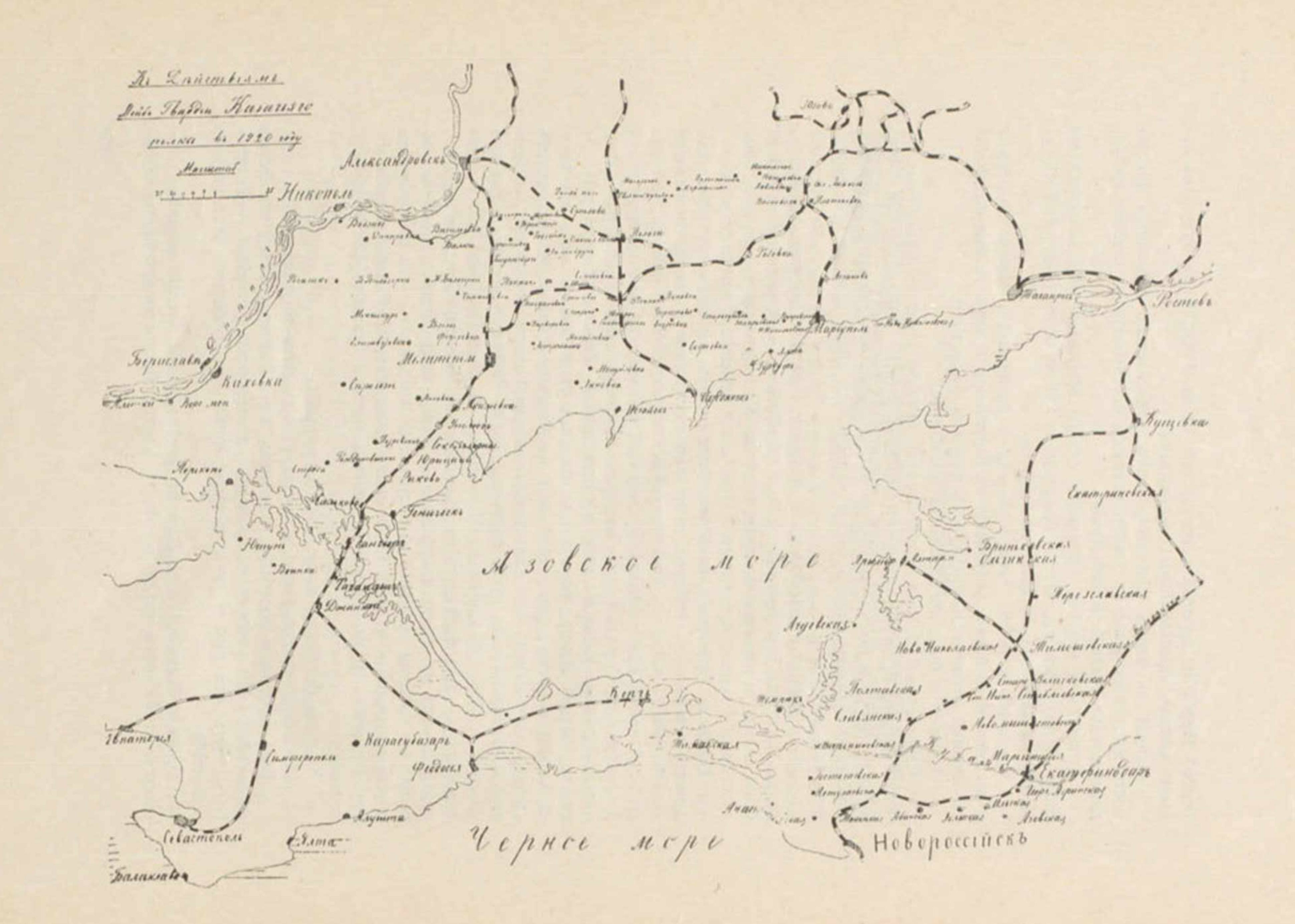
Генералъ Врангель, послѣ молебена, вставъ на подножье памятника Адмиралу Нахимову, полнымъ энергіи и внутренней вѣры голосомъ, произнесъ слово: «Орлы... Три года тому назадъ, забывъ присягу, честь и совѣсть, непобѣдимыя дотолѣ Русскія войска, открыли фронтъ германцамъ и обезумѣвшій Русскій народъ пожаромъ и кровью залилъ Россію. Нашлись, однако, честные сыны Родины, которые пошли безстрашно умирать за счастье Родной Земли. Безъ снарядовъ, безъ патроновъ, босые и раздѣтые, въ морозъ и стужу, въ палящій зной на высотахъ Кавказа, въ безводныхъ степяхъ калмыцкихъ, шли они своимъ великимъ крестнымъ путемъ. Ширилась и развивалась эта кучка вѣрныхъ сыновъ Родины и освобождалась отъ красной нечисти Русская земля. И чудился уже намъ трезвонъ Московскихъ колоколовъ. Уже бѣлѣли стѣны Кремля... Но Господу Богу угодно было покарать насъ за наши прегрѣшенія и, ранѣе побѣдоносное движеніе, перешло въ тяжелый крестный путь страданій и невзгодъ. Теперь изстрадавшіеся, измученные и порѣдѣвшіе наши ряды нашли убѣжище въ Тавріи. Грудь противъ груди стоимъ мы противъ нашихъ братьевъ, обезумѣвшихъ, потерявшихъ совѣсть.

За нами бездонное море. Исхода нѣтъ.

И въ этотъ грозный часъ я призванъ былъ стать во главѣ васъ.

Безъ трепета и колебанія я сдѣлалъ это. Я твердо знаю, что Россія не погибла. Мы увидимъ ее свободной и счастливой. Я вѣрю — Господь Богъ дастъ мнѣ умъ и силы вывести Армію изъ тяжелаго, безвыходнаго положенія.

Сейчасъ Великій Постъ, Великая недѣля, когда русскій человѣкъ очищается, чтобы безъ грѣха встрѣтить Святое Воскресеніе. Пусть тяжкій


Къ Действиямъ
Лейбъ Гвардіи Казачьяго
полка въ 1920 году
Масштабъ
Александровскъ
Никополь
Бериславъ
Каховка
Мелитополь
Геническъ
Таганрогъ
Ростовъ
Маріуполь
Бердянскъ
Кущевка
Екатериновская
Азовское море
Черное море
Керчь
Феодосія
Карасубазаръ
Симферополь
Евпаторія
Севастополь
Балаклава
Ялта
Алушта
Новороссійскъ
Екатеринодаръ
Тимашевская
Ново Николаевская
Ачуевская
Славянская
Полтавская
Темрюкъ
Брюховецкая
Переяславская

крестный путь будетъ для насъ искупленіемъ послѣ котораго наступить Воскресеніе. Пройдемъ черезъ горнило испытаній и, подобно тому, какъ желѣзо, пройдя черезъ огонь, переходитъ въ сталь, будемъ тверды, какъ сталь.

Твердо вѣрю — Русская Армія явится оплотомъ дѣйствительно свободной и счастливой Россіи.

Воскресеніе Родины увидимъ скоро!»

Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ:

...«Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые заплатанные сапоги, усталыя землистыя лица, но весело и бодро блестѣли глаза, твердо отбивается шагъ. Гдѣ то въ глубинѣ шевелится теплое и бодрое чувство: нѣтъ не все потеряно, нѣтъ, мы можемъ еще держаться»...*)

28-го Марта, послѣ Свѣтлой Заутрени, Главнокомандующій Генералъ Врангель, Донской Атаманъ Генералъ Богаевскій, Генералъ Шатиловъ, Генералъ Абрамовъ были приглашены разговѣться въ Собраніе Лейбъ-Казачьяго полка, помѣстившемся въ слободской школѣ. Пасхальный столъ былъ болѣе нежели скроменъ, обстановку нѣсколько скрашивала игра трубачей, однако, общее настроеніе собравшихся напоминало офицерскую среду стараго времени.

«Послѣ Заутрени», отмѣчаетъ Генералъ Врангель въ своихъ Запискахъ,**) «разгавливался въ собраніи Лейбъ-Казаковъ. Полкъ этотъ одинъ изъ немногихъ, гдѣ сохранился старый офицерскій составъ. Большинство сотенныхъ командировъ командовали сотнями еще въ Германскую войну»...

Послѣднее, конечно, не вѣрно, но ошибка Генерала Врангеля точно передаетъ внутренній духъ полка и личное впечатлѣніе вынесенное Главнокомандующимъ.

За Пасхальнымъ столомъ Генералъ Врангель произнесъ горячее слово, гдѣ, не скрывая тяжести обстановки, повторилъ свое обѣщаніе вывести съ честью изъ тяжелаго почти безвыходнаго положенія.

Въ полку былъ извѣстенъ мужественный поступокъ Генерала Врангеля въ Константинополѣ, когда на предупрежденіе англійскаго Адмирала о полномъ прекращеніи поддержки англичанъ и на совѣтъ не ѣхать въ Крымъ, гдѣ остатки Арміи обречены на гибель, онъ отвѣтилъ: «Еще сегодня сомнѣвался, слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать въ Крымъ, но, узнавъ изъ словъ Вашего Превосходительства о почти безвыходномъ положеніи Арміи, считаю долгомъ чести ѣхать».

Поэтому и пріемъ оказанный Главнокомандующему Генералу Врангелю Лейбъ-Казаками носилъ исключительно теплый характеръ.

Генералъ Врангель не ограничивалъ своей дѣятельности одними словами и, не теряя ни минуты, приступилъ къ кипучей организаціонной работѣ.

*) Генералъ Врангель. «Записки». Стр. 24. Томъ II.
**) Генералъ Врангель. «Записки». Стр. 32. Томъ II.

Приказомъ отъ 24-го Марта, Помощникомъ Главнокомандующаго былъ назначенъ однополчанинъ Лейбъ-Казаковъ Генеральнаго Штаба, живой и энергичный, чуждый канцелярщины, произведенный еще Генераломъ Деникинымъ въ Генералъ-Лейтенанты, П. Н. Шатиловъ.

Быстро была приведена въ порядокъ Армія.

Генералъ Врангель твердо отказался отъ началъ партизанщины, что нашло внѣшнее выраженіе въ переименованіи Арміи изъ Добровольческой въ Русскую. Армія была сведена въ три корпуса, въ коихъ установленъ твердый порядокъ.

Быстро былъ упорядоченъ вопросъ довольствія войскъ.

Приведена въ порядокъ Военно-Судебная часть.

Неимовѣрно разбухшія Добровольческія тыловыя учрежденія, по ироніи судьбы вывезенныя почти цѣлыми изъ Новороссійска, сокращены. Въ короткій срокъ было упразднено и расформировано болѣе 300 учрежденій, отчего дѣло только выиграло.

Въ границы настоящаго очерка не вмѣщается описаніе дѣятельности Генерала Врангеля по гражданской части.

Однако, нельзя обойти молчаніемъ удачнаго разрѣшенія имъ коренныхъ вопросовъ взаимоотношеній съ крестьянствомъ и казачествомъ, вопросовъ, въ условіяхъ гражданской войны обуславливавшихъ обстановку въ коей текли боевыя операціи.

Первый вопросъ былъ разрѣшенъ законами о землѣ и волостномъ земствѣ:

При разрѣшеніи аграрнаго вопроса, Генералъ Врангель отказался, какъ отъ губительнаго непредрѣшенчества, такъ и отъ реально неосуществимой идеи обязательнаго надѣленія землей всѣхъ, кто бы того ни пожелалъ.

Былъ установленъ переходъ всей земли въ прочную собственность въ руки, на ней работающихъ. Выкупъ устанавливался въ размѣрѣ стоимости 5 среднихъ урожаевъ, съ разсрочкою выплаты на 25 лѣтъ. (1/5 урожая въ годъ).

Разверстка отчуждаемой и распредѣляемой земли была полностью предоставлена органамъ вновь создаваемаго волостного земства.*)

Представители этихъ органовъ привлекались кромѣ того къ участію къ нѣкоторымъ сторонамъ административной и даже судебной дѣятельности (участіе въ контрольно-судебныхъ комиссіяхъ фронта).

---

*) Позднѣе было опубликовано положеніе и объ уѣздномъ земствѣ. Приказъ отъ 20 Сентября за № 150 говорилъ: ...«Новая земская волость дастъ и обновленное свѣжими силами земли, готовое къ творческой работѣ уѣздное земство, эту необходимую ступень подъема на пути къ дальнѣйшему возрожденію русской государственности. Вѣрю, что междуусобица скоро закончится и настанетъ время избрать достойныхъ земскихъ людей во Всероссійское Народное Собраніе, которое и укажетъ, какъ должна быть устроена Русская Земля».

Такимъ образомъ, къ строительной государственной работѣ привлекалось крестьянское населеніе, при этомъ привлекалось непосредственно въ своей толщѣ, а не черезъ условное представительство оторванной отъ него интеллигенціей.

Ставка ставилась на наиболѣе крѣпкій слой хозяйственныхъ крестьянъ, но съ возможностью и пріобщенія къ нему лучшей части бѣднѣйшаго слоя.

Благодаря приведеннымъ выше мѣропріятіямъ ,дальнѣйшее выдвиженіе Арміи въ Сѣверную Таврію не встрѣтило враждебнаго отношенія крестьянъ, а равно и зеленое движеніе въ Крыму, несмотря на широкую поддержку, оказываемую совѣтскими деньгами, и несмотря на исключительно благопріятныя мѣстныя топографическія условія, особеннаго развитія не получило.

Взаимоотношенія съ казачествомъ были упорядочены соглашеніями съ Войсковыми Атаманами отъ 2-го Апрѣля и 22-го Іюля.

Согласно этимъ соглашеніямъ, Государственныя образованія Дона, Кубани, Терека и Астрахани были обезпечены полной независимостью въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и управленіи. Представители Войскъ входили въ составъ Совѣта при Главнокомандующемъ съ правомъ рѣшающаго голоса по всѣмъ вопросамъ. Иностранное представительство осуществлялось единолично Главнокомандующимъ, но по вопросамъ касающихся казачьихъ интересовъ, онъ обязывался предварительно входить въ соглашеніе съ Атаманомъ непосредственно заинтересованнаго Войска.

Донъ, Кубань, Терекъ и Астрахань передавали, въ оперативное и органинизованное подчиненіе Главнокомандующаго, свои вооруженныя силы и обязывались производить мобилизаціи, не менѣе сроковъ и годовъ установленныхъ для неказачьихъ раіоновъ В. С. Ю. Р.

Управленію Главнокомандующаго передавались ж. д. пути и главныя телеграфныя магистрали.

Соглашеніе сохраняло дѣйствительность впредь до окончанія гражданоской войны и, такимъ путемъ, создавалась опредѣленность отношеній, исключавшая возможность повторенія вновь губительной для общаго дѣла междуусобной внутренней борьбы.

Заключеніе договора носило характеръ обоюдной искренности:

Слѣдствіемъ установившихся хорошихъ отношеній явилось зачисеніе Донскимъ Атаманомъ генерала Врангеля въ Войско Донского и списки Л. Гв. Казачьяго полка.

Одновременно Донскимъ Атаманомъ въ списки Л. Гв. Казачьяго полка былъ зачисленъ и помощникъ Главнокомандующаго Ген. Лейт. П. Н. Шатиловъ.

---

*) П. Н. Шатиловъ, начавъ службу въ Л. Гв. Казачьемъ Е. В. полку, состоялъ въ спискахъ Донского Войска, будучи принятъ въ казачье сословіе въ 1900 году, въ станицу Калитвенскую.

Соглашеніе отъ 2-го Апрѣля имѣло и другое слѣдствіе. Въ предыдущей главѣ уже говорилось объ агитаціи, ведшейся штабомъ Донской Арміи (сосредоточенной въ Евпаторіи) въ лицѣ Ген. Сидорина и Ген. Кельчевскаго, противъ Командованія Добровольческой Арміи, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ прикрыть долю собственной вины въ преступной неорганизованности эвакуаціи въ Крымъ.

Штабомъ издавалась газета «Донской Вѣстникъ», помѣстившая рядъ статей Начальника Политической части Донской Арміи Сотника Графа дю-Шайля, гдѣ производились косвенные призывы къ расколу собравшихся въ Крыму силъ.

Главнокомандующій, съ согласія Донского Атамана, отрѣшилъ отъ должностей Генерала Сидорина и Кельчевскаго и, послѣ дознанія, предалъ ихъ Военно-Полевому суду, приговорившаго подсудимыхъ къ каторгѣ.

Во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ подсудимыхъ, Главнокомандующій замѣнилъ имъ каторгу исключеніемъ безъ мундира изъ списковъ Арміи и высылкою за предѣлы Крыма заграницу.

Въ Командованіе Донской Арміей, сведенный въ Донской корпусъ, вступилъ Генералъ Ф. Ф. Абрамовъ.

Нездоровая атмосфера Штаба Корпуса съ пьяными загулами, безалаберщиной и интригами отошла въ область преданій.

Чрезвычайно скромный въ своей личной жизни, строгій къ себѣ и одновременно знающій и требовательный начальникъ, Генералъ Абрамовъ быстро привелъ штабъ въ порядокъ и приступилъ къ дальнѣйшей организаціонной работѣ.

Донское офицерство сразу пріободрилось и работа закипѣла.

Встряхнулись, поднявъ голову, и рядовые казаки.

Донской корпусъ въ короткій срокъ вернулъ свою блестящую боеспособность.

Рессурсовъ Крыма, жившаго въ мирное время хлѣбомъ, нынѣ занятой большевиками Сѣверной Тавріи, было конечно недостаточно для прокормленія Арміи, насчитывавшей 150.000 ртовъ.

Страдало и населеніе Крыма, какъ отъ недостачи продуктовъ, такъ и отъ быстраго роста цѣнъ.

Представлялось совершенно необходимымъ занять Сѣверную Таврію и въ этихъ цѣляхъ надлежало, незамедлительнымъ захватомъ перешейковъ, обезпечить будущій выходъ изъ «Крымской бутылки» на сѣверъ.

Вниманіе красныхъ было занято ожившимъ польскимъ фронтомъ, но все же, занимавшая перешейки XIII-я Совѣтская армія, быстро усиливалась, какъ пополненіями, такъ и подходившими новыми частями. Медлить не приходилось и Генералъ Врангель перешелъ въ наступленіе.

31-го Марта, въ раіонѣ Перекопа, разыгрался бой.

Недавно прибывшая Латышская дивизія, съ приданной ей красной кон-

ницей, была на голову разбита Донской бригадой Генерала Морозова, поддержаннаго пѣхотой, танками и броневиками.

На слѣдующій день, красные, подтянувъ свою 3-ю стрѣлковую дивизію и свѣжую конницу, пытались наступать, но успѣха не имѣли.

Въ тотъ же день, за лѣвымъ флангомъ красныхъ въ Кириловкѣ, въ 40 верстахъ отъ Геническа, высадился дессантъ Генерала Слащева, а на слѣдующій день, въ Хорлахъ, за правымъ флангомъ красныхъ, при поддержкѣ флота, высадилась Дроздовская дивизія.

Противникъ, зажатый дессантами въ клещи, три дня велъ отчаянные бои, пока не былъ разбитъ и отброшенъ на сѣверъ, потерявъ 6 орудій, 60 пулеметовъ и оставивъ выходы изъ Крыма въ нашихъ рукахъ.

Первый и прочный успѣхъ поднялъ духъ защитниковъ Крыма.

Укрѣпился окончательно и авторитетъ Главнокомандующаго.

Давъ краткую обрисовку общей обстановки первыхъ мѣсяцевъ Крымской борьбы, вернемся къ Л. Гв. Казачьему полку.

Такъ какъ среди рабочаго и городского населенія Крыма имѣлись элементы сочувствовавшіе большевикамъ, то Гв. Казачья бригада была первоначально оставлена въ Севастополѣ, гдѣ полки ея, чередуясь, несли гарнизонную службу.

Здѣсь полкъ получилъ первое укомплектованіе — 200 казаковъ, призыва 20 и 21 годовъ, присланное изъ Евпаторіи.

Вскорѣ получена была первая партія лошадей и 1-я сотня, переведенная на стоянку въ Балаклаву, сѣла на коней.

Было получено нѣкоторое количество англійскаго обмундированія и полкъ пріодѣлся.

Изо дня въ день, въ промежуткахъ отъ караульной службы, велись занятія и офицеры были заняты съ ранняго утра до 5 часовъ вечера.

Функціонировало скромное полковое собраніе, внѣ котораго офицеру не было возможности довольствоваться, такъ какъ болѣе нежели скромный размѣръ жалованья*) не позволялъ пользоваться ресторанами. Меню разнообразіемъ не блистало, ибо повару приходилось готовить, пользуясь продуктами интендантскаго пайка, полагавшагося каждому офицеру.

Ввиду недостатка мяса, оно обычно замѣнялось крымской рыбешкой — камсой, быстро пріѣвшейся.

Тотъ же паекъ получали и казаки.

Настроеніе ихъ было хорошимъ. Всѣ попытки агитаціи со стороны этимъ твердымъ настроеніемъ разбивались.

Полученные листовки и брошюры казаками неукоснительно сдавались сотеннымъ командирамъ. Были случаи избіеній и ареста агитаторовъ.

---

*) При переводѣ денегъ на стоимость продуктовъ, жалованье офицера въ Крыму равнялось, приблизительно, 1/6 содержанія, получавшагося имъ до войны.

Хорошо неслась и караульная служба. Для примѣра приведемъ случай съ карауломъ взводнаго 1-й сотни Пономарева (Егорлыкской станицы), бывшаго въ нарядѣ на берегу Севастопольской бухты у мельницы Рудокопани, гдѣ былъ крупный складъ сахара и боевыхъ припасовъ. Ночью подъѣхала къ складу подвода, съ коей сошли два неизвѣстныхъ, предложившихъ Пономареву за пропускъ въ складъ взятку въ милліонъ рублей, что даже и въ ту пору обезцѣненія бумажныхъ денегъ представляло весьма крупную сумму.

Пономаревъ вызвалъ свой караулъ и арестовалъ преступниковъ, препроводивъ ихъ въ управленіе Севастопольской крѣпости.

При арестѣ злоумышленники пытались оказать казакамъ сопротивленіе один изъ нихъ даже выхватилъ револьверъ и былъ раненъ штыкомъ.

Случай этотъ нашелъ отраженіе въ приказѣ Коменданта Севастопольской крѣпости Генерала Стогова, выразившему Пономареву благодарность, и Пономаревъ, имѣвшій ранѣе за боевыя заслуги званіе вахмистра, былъ произведенъ Начальникомъ дивизіи въ Подхорунжіе.

Парадъ 5 мая 1920 года на Нахимовской площади, въ гор. Севастополѣ. Генералъ баронъ П. Н. Врангель проходитъ передъ строемъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка. Вправо отъ него — его помощникъ генералъ П. Н. Шатиловъ, влѣво — Донской Атаманъ генералъ А. П. Богаевскій. За Донскимъ Атаманомъ, съ рукой на перевязи, нач. 1-ой Донской Конной дивизіи ген. В. А. Дьяковъ, имѣля влѣво вр. ком. полкомъ полковника К. Р. Поздѣева. На лѣвомъ краю снимка — командующій Гв. Каз. бригадой генералъ В. И. Фарафоновъ.

5-го Мая Главнокомандующій смотрѣлъ Гв. Казачью бригаду по случаю предполагаемой отправки ея на фронтъ, остался доволенъ и горячо благодарилъ офицеровъ за ихъ работу.

Однако, на этотъ разъ, распоряженіемъ Штаба, отправка была почему то отложена.

Полкъ продолжалъ готовиться къ предстоящимъ боевымъ дѣйствіямъ.

Съ назначеніемъ Генерала Фарафонова Командиромъ Гв. Казачей бригады, вакансія Командира Л. Гв. Казачьяго полка, съ 5-го Февраля, была свободна.

Полкомъ временно командовалъ Полковникъ Поздѣевъ.

Временно командующій никогда не чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ полка, что не можетъ не отражаться на дѣлѣ, почему Начальникъ дивизіи Генералъ Дьяковъ счелъ необходимымъ теперь же разрѣшить вопросъ.

Запись начальника 1-ой Дон. Дивизіи Генерала Дьякова говоритъ:

...«Съ назначеніемъ генерала Фарафонова командиромъ бригады освободившійся Лейбъ Казачій полкъ я предложилъ старшему полковнику полка — коренному Лейбъ Казаку выпуска 1906-го года — полковнику Оприцу. Послѣдній еще не оправился отъ тяжелаго раненія и не могъ еще передвигаться иначе какъ на костыляхъ.

Считая что его командованіе на ближайшіе мѣсяца боевой дѣятельности полка сведется лишь къ управленію хозяйствомъ, а вся боевая работа и тяжелая за нее отвѣтственность невольно ляжетъ на его помощника, лишеннаго въ этихъ условіяхъ имѣть единственное преимущество съ должностью командира Лейбъ Казачьяго полка связанное — быть произведеннымъ въ генералъ маіоры, полковникъ Оприцъ полкъ принять отказался, прося однако его принять немедленно по выздоровленіи, сохранивъ за собою право на слѣдующую же очередь.

Съ болью душевной я долженъ былъ согласиться съ мужественнымъ и безусловно жертвеннымъ рѣшеніемъ полковника Оприца и въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Поздѣевъ — Полковникъ Оприцъ, впредь до выздоровленія, былъ прикомандированъ для службы къ Особому Отдѣленію Ген. Штаба, съ оставленіемъ его въ спискахъ полка»...

Приказомъ Донского Атамана, отъ 8-го Іюня за № 222, Полковникъ К. Р. Поздѣевъ былъ назначенъ Командиромъ полка.

4-го Октября, въ день полкового праздника, Полковникъ Поздѣевъ, былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры.

Нельзя не отмѣтить и не подчеркнуть характерной полковой черты ярко проявлявшейся во все теченіе гражданской войны.

Старшіе офицеры весьма неохотно покидали ряды полка, систематически отказываясь отъ назначеній на сторону внѣ 1-й Донской дивизіи.

Первымъ подалъ примѣръ Генералъ Дьяковъ.

Весною 1919 года, ему было офиціально предложено принять одну изъ

дивизій постоянной Донской Арміи. Онъ отказался предпочтя остаться на должности Командира Л. Гв. Казачьяго полка.

Въ дальнѣйшемъ неоднократно предлагались полки почти всѣмъ штабъ-офицерамъ и старшимъ командирамъ сотенъ Л. Казачьяго полка. Всѣ запрашиваемые систематически отказывались, предпочитая службу на низжей должности, но подъ своимъ штандартомъ.

Причины указаннаго явленія лежали въ нижеслѣдующемъ:

1. Офицеры полка принимали участіе въ гражданской войнѣ, руководствуясь исключительно чувствомъ долга, а не соображеніями матеріальнаго либо карьернаго характера.
2. Лейбъ-Казакамъ были глубоко чужды начала партизанщины и импровизаціи, присущіе за рѣдкими исключеніями всѣмъ войсковымъ частямъ того времени и отъ которыхъ Лейбъ-Казачій полкъ, какъ то явствуетъ изъ всего изложеннаго въ предыдущихъ главахъ, былъ совершенно свободенъ.
3. Ближайшія и промежуточныя цѣли въ борьбѣ за конечное сверженіе большевистской власти, были часто неясны далекому отъ политики строевому офицеру. Служба же въ рядахъ своего коренного полка имѣла близкій офицерскому сердцу, ясный и понятный стимулъ службы славному бытію своего сѣдого полка и его Императорскому Штандарту.

Выше было сказано, что полкъ каждодневно ждалъ приказа о движеніи на фронтъ.

Въ концѣ Мая и началѣ Іюня боевыя операціи въ Тавріи приняли благопріятный характеръ.

Армія Генерала Врангеля, приведенная въ порядокъ и развернувшаяся въ 4 корпуса, 24-го Мая перешла въ наступленіе противъ, къ тому времени усилившейся до 20.000 бойцовъ, XIII-й Совѣтской арміи.

Упорными боями, XIII-я Сов. армія была опрокинута и отброшена на Сѣверъ. Къ 10 Іюня Генералъ Врангель захватилъ около 10.000 плѣнныхъ, 9 броневиковъ, 48 орудій, 250 пулеметовъ, 3 бронепоѣзда.

Въ руки В. С. Ю. Р. перешла наиболѣе богатая часть Сѣверной Тавріи и крупные большевистскіе склады хлѣба и боевыхъ припасовъ.

Раіонъ былъ богатъ лошадьми, что позволило, путемъ платной реквизиціи, посадить на коней большую часть конницы.

Армія вышла изъ «Крымской бутылки» на просторъ.

Въ Крымъ изъ Сѣверной Тавріи потекъ хлѣбъ, продукты, цѣны быстро упали и населеніе вздохнуло свободнѣе.

Вслѣдствіе благопріятнаго, въ серединѣ Іюня, положенія дѣла въ Сѣверной Тавріи и упрочившагося порядка въ городѣ Севастополѣ, Гвардейская Казачья бригада, предварительно отправкѣ на фронтъ, была командирована для борьбы съ зелеными на побережье Крыма.

16-го Іюня, полки бригады были доставлены моремъ — Лейбъ-Казаки въ Ялту, Атаманцы — въ Бахчисарай.

Полковые лазареты и канцеляріи остались въ Севастополѣ.*)

Жители Ялты съ восторгомъ встрѣтили давно не виданную дисциплинированную часть.

19-го Іюня полкъ выполнилъ первую задачу въ раіонѣ Гурзуфа, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ отрядъ зеленыхъ въ 35 человѣкъ, во главѣ съ войсковымъ старшиной Пономаревымъ.

21-го Іюня, полкъ снова двинулся въ горы, для очищенія раіона къ сѣверу отъ имѣнія «Ливадія». 3-й сотнѣ была дана задача подняться до водопада Учанъ-Су и на вершину хребта Ай-Петри, 6-й сотнѣ и пулеметной командѣ по-взводно и разными горными тропами — сойтись къ санаторіи, что выше дачи «Эриклитъ».

Лѣсъ въ этихъ мѣстахъ настолько густъ, что въ 50-ти шагахъ ничего не видно. Много скалистыхъ пещеръ и крутыхъ подъемовъ. За весь день удалось обнаружить лишь небольшой лагерь группы зеленыхъ съ еще тлѣвшимъ костромъ, спѣшно покинутый скрывшимся противникомъ.

Черезъ нѣсколько дней былъ очищенъ раіонъ Чернаго Камня, и въ ближайшихъ окрестностяхъ Ялты зеленые надолго прекратили всякую дѣятельность.

Для дальнѣйшей борьбы съ зелеными, дѣйствовавшими крупными шайками по шоссе Алушта-Симферополь въ раіонъ Бешуйскія Копи — Монастырь, сотни были переброшены въ слѣдующіе пункты: 6-я сотня съ коннымъ взводомъ 1-й сотни въ раіонъ Алушты, 3-я сотня съ коннымъ взводомъ 1-й сотни — въ имѣніе Графа Сумарокова, въ д. Кахозы. Штабъ полка, команда связи и конная полусотня, все подъ начальствомъ Полковника Кононова (вр. командовавшаго полкомъ по болѣзни Полковника Поздѣева) остались въ Ялтѣ.

Каждой сотнѣ было придано по 2 пулемета и при каждомъ отрядѣ состояли чины контръ-развѣдки, руководящіе производившимися каждодневно поисками и засадами.

Уничтожить окончательно зеленыхъ, избѣгавшихъ встрѣчъ и прятавшихся небольшими группами въ трудно доступныхъ глухихъ горныхъ мѣстахъ, не удалось, но всякая ихъ дѣятельность, въ раіонахъ занятыхъ Лейбъ-Казаками, была въ корнѣ прекращена и возобновилась лишь съ уходомъ полка на фронтъ.

---

*) Охрана Севастополя перешла въ руки спеціально сформированныхъ мѣстныхъ командъ и конвоя Главнокомандующаго. Мѣстныя команды состояли, главнымъ образомъ, изъ отставныхъ и категорійныхъ (негодныхъ для строя) офицеровъ. Такъ, въ одной изъ Севастопольскихъ командъ служилъ взводнымъ офицеромъ бывшій Военный Министръ Императорской Россіи Генералъ-отъ-Инфантеріи Редигеръ.

Конвой Главнокомандующаго былъ развернутъ въ полкъ. Въ составѣ полка конвоя, коимъ командовалъ Лейбъ-Казакъ (выпуска 1900 г.) Полковникъ В. Б. Упорниковъ, вошла полностью и прежняя сотня конвоя Генерала Деникина отъ Гв. Казачьей бригады, коей командовалъ теперь Лейбъ-Казакъ Войск. Ст. В. П. Андріяновъ.

27-го Іюля полкъ получилъ приказаніе двигаться на фронтъ черезъ Симферополь, гдѣ надлежало получить, изъ ремонтнаго бюро, поставленныхъ населеніемъ по платной реквизиціи, лошадей.

2-го Августа, лошади были получены и разбиты по сотнямъ. Въ 1-ю сотню были отобраны гнѣдыя, въ 6-ю вороныя, въ пулеметную команду — сѣрыя и, наконецъ, въ 3-ю сотню пошли всѣ отмастки. Всего въ полку насчитывалось теперь около 400 лошадей, почему казаки, коимъ не хватило лошадей, были сведены въ сотню (№ 2) Подъесаулъ Гриневъ) въ расчетѣ получить для нихъ коней съ приходомъ на фронтъ, куда Гв. бригада выступила, погрузившись въ эшелоны въ Симферополѣ 4 и 5-го Августа.

Истекшій періодъ борьбы съ зелеными былъ труденъ лишь въ физическомъ отношеніи. Постоянныя поиски и засады требовали лазанія по кручамъ и продолжительныхъ передвиженій по заросшимъ лѣсомъ горамъ.

Сильно износилось обмундированіе и пострадала обувь.

Зеленые систематически избѣгали встрѣчъ, а затѣмъ и прекратили дѣятельность въ занятыхъ полкомъ раіонахъ, почему за Іюнь и Іюль потерь Лейбъ-Казаки не понесли.

Единственной потерей была смерть отъ крупознаго воспаленія легкихъ, только что вернувшагося въ полкъ, командовавшаго полкомъ въ 1917 году, Полковника Александра Андреевича Мишарева, скончавшагося въ лазаретѣ полка и похороненнаго 14-го Іюля, на Севастопольскомъ кладбищѣ.

Въ слѣдующей главѣ мы приступимъ къ изложенію дѣятельности Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка на фронтѣ, куда Гв. Казачья бригада прибыла 6-го Августа, а потому настоящую главу закончимъ краткимъ обзоромъ событій въ Сѣверной Тавріи въ Іюнѣ и Іюлѣ и обзоромъ общей обстановки, сложившейся въ началѣ Августа.

Въ серединѣ Іюня, сильно потрепанная въ бояхъ конца Мая, XIII-я Совѣтская армія, энергичной работой краснаго тыла, быстро была приведена въ порядокъ, пополнена и приготовлена къ наступленію, въ цѣляхъ овладѣнія Сѣверной Тавріей. Красное командованіе особыя надежды возлагало на только что переброшенный съ Сѣвернаго Кавказа, въ раіонъ ст. Пологи, мощный конный корпусъ Жлобы, въ 7.500 сабель и 6000 штыковъ, усиленный кав. дивизіей Блинова и двумя кав. бригадами 40-й Совѣтской дивизіи.

15-го Іюня, Жлоба перешелъ въ наступленіе въ направленіи Пологи-Мелитополь. Подъ натискомъ Жлобы, 16, 17, 18 и 19-го Іюня, доблестный Генералъ Гусельщиковъ, со своей 3-й пѣшей Донской дивизіей, медленно отходилъ, ведя бои съ все глубже вклинявшимся въ нашъ фронтъ значительно превосходнымъ въ силахъ противникомъ

Генералъ Врангель, короткимъ ударомъ остановилъ на другихъ участкахъ, было начатое красными, наступленіе и, оставивъ тамъ лишь заслоны,

бросилъ всѣ свои силы противъ корпуса Жлобы, принявъ на себя лично непосремственное руководство операцiей.

19-го Iюня Главнокомандующiй, выразивъ глубокую благодарность 3-й Донской дивизiи за доблестную работу послѣднихъ дней, предложилъ ей на 20-е Iюня, во что бы то ни стало, удержать линiю Астраханка-Варваровка, дабы дать другимъ частямъ возможность своевременно выйти во флангъ и тылъ противника.

Генералъ Гусельщиковъ блестяще справился съ задачей и утромъ 20-го Iюня, его атаковавшiя тучи конницы Жлобы, были взяты во флангъ подошедшими Корниловцами.

Жлоба, оставивъ Донцовъ, обрушился пятью бригадами на Корниловцевъ. Однако, его атака разбилась объ выдержанный пулеметный и ружейный огонь. Артиллерiя Корниловцевъ, выскочивъ на открытую позицiю, открыла огонь во флангъ атакующихъ красныхъ. Одновременно въ лѣвый флангъ Жлобы ударилъ, перешедшiй въ энергичное наступленiе, Генералъ Гусельщиковъ. Массы красной конницы смѣщались и, разстрѣливаемые налетѣвшей флотилiей аэроплановъ Генерала Ткачева, разбившись на двѣ группы, стали уходить. Первая группа двинулась было на сѣверъ, гдѣ наскочила на 13-ю пѣхотную дивизiю Слащева и на бронепоѣзда, вторая группа бросилась на югъ, гдѣ наскочила на подошедшихъ Дроздовцевъ. Разбитыя группы красной конницы бросились уходить на востокъ, гдѣ были перехвачены ударившими съ юга 2-й Донской дивизiей и съ сѣвера — Донской бригадой Генерала Морозова.

Конный корпусъ Жлобы былъ совершенно разгромленъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ 40 орудiй, 200 пулеметовъ и, главное, около 3000 лошадей съ сѣдлами.

Полки 2-й Донской дивизiи полностью теперь сѣли на коней.

Разгромъ Жлобы рѣшилъ и общую участь краснаго наступленiя, ликвидированнаго къ 23-му Iюня, вернувшимися на свои мѣста частями Русской Армiи.

За эту вторую крупную операцiю въ Сѣверной Таврiи, продолжавшуюся всего недѣлю, (съ 15-го по 23-е Iюня) было взято у красныхъ — 60 орудiй, 300 пулеметовъ и около 11.000 плѣнныхъ.

Планъ краснаго командованiя овладѣть Сѣверной Таврiей потерпѣлъ неудачу и фронтъ, на нѣкоторое время получилъ передышку.

Противникъ, однако, продолжалъ усиливаться и доведя къ серединѣ Iюля численность своей XIII-й Армiи до 35.000 штыковъ и 10.000 сабель, вновь изготовился къ наступленiю.

Генералъ Врангель рѣшилъ сильнымъ короткимъ ударомъ предупредить красныхъ, разбить ихъ и, обезпечивъ Сѣверную Таврiю и развязавъ себѣ здѣсь руки, бросить часть силъ въ экспедицiю на Кубань.

Съ 10-го по 20-е Iюля въ Сѣверной Таврiи шли упорные тяжелые встрѣчные бои въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленiяхъ (Александровское, Орѣховское, Пологское и Верхне-Токмакское).

Корпуса и дивизіи Русской Арміи, соперничая въ доблести, отбросили численно превосходящаго ихъ противника, взявъ до 5000 плѣнныхъ, 30 орудій, 150 пулеметовъ и 4 бронепоѣзда.

22-го Іюля, Генералъ Врангель получилъ возможность снять съ фронта Кубанскія части и, образовавъ изъ нихъ отрядъ силою около 5000 штыковъ и шашекъ, при 130 пулеметахъ и 30 орудіяхъ, направить его въ Ѳеодосію для погрузки на суда и производства дессанта на Кубань.

1-го Августа, Кубанскій дессантъ, подъ общей командой Генерала Улагая, высадился въ Ахтырской станицѣ и двинулся вглубь Кубани.

Тѣмъ временемъ, въ Сѣверной Тавріи, красные перешли въ новое наступленіе, на этотъ разъ съ сѣверо-западнаго Днѣпровскаго направленія, переправившись у Каховки, Корсунскаго Монастыря и Алешекъ. Одновременно большевики своей II-й конной арміей, усиленной 1-й, 3-й и 46-й стрѣлковыми дивизіями, атаковали съ сѣвера 1-й Армейскій корпусъ, стремясь прорваться вдоль Днѣпра и выйти въ тылъ войскамъ защищавшимъ Днѣпровское направленіе.

Тяжелыми боями, съ 25-го Іюля по 2-е Августа, противникъ, какъ перешедшій черезъ Днѣпръ, такъ и атаковавшій 1-й Армейскій корпусъ, былъ, при содѣйствіи Донскихъ дивизій и конницы Генерала Барбовича, отброшенъ.

Однако, на этотъ разъ Каховскій плацдармъ, сильно укрѣпленный противникомъ, обратно взять не удалось, что создало постоянную угрозу лѣвому флангу Генерала Врангеля, притомъ въ направленіи ведшемъ къ кратчайшему пути на Перекопскій перешеекъ и потому особо важному для Русской Арміи.

Кромѣ того, Армія въ послѣднихъ тяжелыхъ бояхъ понесла большія потери, особенно въ своемъ командномъ составѣ.

Потери нужно было пополнить, тѣмъ болѣе, что красные быстро усиливали свой Крымскій фронтъ переброскою частей изъ Восточной Россіи, Сибири и Кавказа, и численное и техническое ихъ превосходство угрожающе быстро росло.

Возможности маленькой территоріи Крыма, по сравненію съ рессурсами остальной части Россіи, были весьма скромны.

Необходимо было пытаться расширить базу въ сторону казачьихъ областей, гдѣ, по слухамъ, шли возстанія и образовались крупные мѣстные партизанскіе отряды.

Попытками въ этомъ направленіи явились небольшой Донской дессантъ Полковника Назарова и крупный Кубанскій — Генерала Улагая. Дессанты надеждъ не оправдали, чему причинъ было много, изъ коихъ главнѣйшей была ограниченность въ средствахъ, не позволившая довести силу дессантовъ до нужной для успѣха величины.

Дессантъ Полковника Назарова погибъ на Дону, дессантъ Генерала Улагая 17-го Августа вернулся въ Крымъ.

Несмотря на понесенныя потери, численность вернувшихся Кубанцевъ возросла, ибо къ нимъ, изъ ближайшихъ къ мѣсту высадки станицъ, присоединилось 10.000 бѣжавшихъ отъ краснаго ига казаковъ.

Генералъ Врангель принималъ и мѣры къ привлеченію въ Крымъ многочисленныхъ офицерскихъ группъ, оказавшихся за рубежомъ Россіи (остатки Сѣверной и Сѣверо-Западной Арміи, интернированныя въ Польшѣ части Генерала Бредова, офицерство эвакуировавшееся изъ Сибири, Одессы и Новороссійска и т. д.).

Черезъ сѣть своей военной агентуры заграницей, Главнокомандующій довелъ до свѣдѣнія зарубежнаго офицерства свое предложеніе выѣзда желающимъ въ Крымъ съ тѣмъ, однако, что всѣ, не пожелавшіе ѣхать и оставшіеся заграницей, почитались вышедшими въ отставку и исключенными изъ списковъ Россійской Арміи.

Приказъ этотъ привлекъ въ Крымъ довольно значительное количество офицеровъ,*) причемъ, вмѣстѣ съ годными для строя, понаѣхало довольно много и категорійныхъ, лишь обременившихъ и безъ того перегруженные тылы.

Прибывавшихъ, конечно, было недостаточно, дабы покрыть потери тяжелыхъ боевъ и въ особенности уравновѣсить угрожающій ростъ численнаго превосходства красныхъ, тѣмъ болѣе что сильно отвлекавшая большевиковъ борьба на польскомъ фронтѣ явно близилась къ концу.

Въ первыхъ числахъ Августа начался новый тяжелый періодъ боевъ на Крымскомъ фронтѣ и Главнокомандующій принималъ всѣ мѣры для направленія на фронтъ всего, что могло его усилить.

---

*) Этотъ приказъ имѣлъ и другое слѣдствіе: въ послѣдующіе годы, въ обстановкѣ борьбы за сохраненіе Арміи за рубежомъ Россіи, до извѣстной степени предопредѣлилась нѣкоторая рознь между офицерствомъ, состоящимъ въ Арміи и не состоящимъ въ ней.

Замѣтимъ, что право Генерала Врангеля на отдачу упомянутаго приказа лежитъ внѣ всякихъ сомнѣній: будучи Главнокомандующимъ на территоріи Россіи, онъ пользовался не только преемственной Властью Верховнаго Главнокомандующаго, но де факто осуществлялъ и весьма важныя функціи Верховной Власти (объявленіе мобилизаціи, веденіе войсы, переговоры съ Иностранными Державами и т. д. и т. д.):

ГЛАВА XV.

УСПѢХИ КРЫМСКАГО ФРОНТА ВЪ АВГУСТѢ И СЕНТЯБРѢ.

Прибытіе на фронтъ Гв. Каз. бригады. — Бои у Гохгейма и Щербаковки. — Организація довольствія въ сотняхъ. — Бой 14-го Августа подъ Верх. Токмакомъ. — Бои за Шпарау 19-го и 22-го. — Атака Черниговки. — Составъ полка къ 27-му Августа. — Уничтоженіе матросскаго экспедиціоннаго отряда у Андреевки и Стародубовки. — Взятіе Маріуполя. — Настроеніе населенія. — Атака слободы Никольской. — Бои у Керменчика и Святодуховки. — Движеніе Гв. Каз. бригады на Поповку. — Бои 28-го и 29-го Сентября у Андреевки. — Полковой праздникъ 4-го Октября 1920 года. — Нападеніе 5-й Сов. Кав. дивизіи на наши тылы. — Набѣгъ на колоніи Ялта-Гурзуфъ (Азовское море). — Измѣненія въ общей обстановкѣ и ухудшеніе ея въ послѣднихъ числахъ Сентября и началѣ Октября.

Въ Августѣ 1920 г. въ связи съ быстро нароставшимъ усиленіемъ красныхъ, Генералъ Врангель стянулъ на фронтъ максимумъ силъ и реорганизовалъ ихъ въ двѣ группы: I-я — Генерала Кутепова, состоявшая изъ Добровольческаго (Генерала Писарева) и Донского (Генерала Абрамова) корпусовъ, имѣла цѣлью защиту Тавріи съ Сѣвера и Востока; II-я (впослѣдствіи II-я Армія Генерала Драценко), состоявшая изъ корпусовъ Генерала Слащева, Генерала Витковскаго Кубанской конницы Генерала Бабіева и регулярной — Генерала Барбовича, имѣла цѣлью защиту западнаго Таврическаго фронта, по линіи Днѣпра.

Донской корпусъ Генерала Абрамова состоялъ изъ трехъ дивизій съ соотвѣтствующей артиллеріей. Эти дивизіи были:

1-ая Донская конная, (Ген. Дьяковъ), въ составъ коей входили Гв. Каз. бригада (ген. Фарафоновъ) изъ Л. Гв. Каз. и Л. Гв. Атаман. полковъ (полк. Поздѣевъ и ген. Хрипуновъ); и 2-ая бригада (Ген. Морозовъ, а затѣмъ послѣдовательно ген. Клочковъ и Грековъ) изъ 1-го и 2-го Донскихъ полковъ (полковники Дроновъ и Ружейниковъ).

2-я Донская конная (Генералы Калининъ, Татаркинъ и Секретевъ), состоявшая изъ конныхъ имени Атамановъ Графа Платова, Каледина, Назарова и Ермака Тимофѣевича полковъ.

3-я Донская (Генералъ Гусельщиковъ), куда входили пѣшіе Донскіе полки и 18-й Донской съ Дзюнгарскимъ калмыцкимъ конные полки.

Наиболѣе сильной частью Донского корпуса являлась 2-я Донская ди-

визія, состоявшая изъ полнорядныхъ полковъ, укомплектованныхъ старыми бывалыми въ бояхъ казаками, съ прекраснымъ, за время Гражданской войны подобравшимся, командным составомъ (Генералы Секретевъ, Татаркинъ, Губкинъ, Рубашкинъ, Полковники Чапчиковъ и Шмелевъ).

1-я Донская дивизія, изъ 2-хъ бригадъ впервые сведенныхъ вмѣстѣ, имѣла значительно меньшій численный составъ.

Ея первая (Гв. бригада) была укомплектована молодыми казаками 20 и 21 годовъ, среди коихъ процентъ прошедшихъ школу боевъ 1919 года былъ весьма невеликъ. Какъ выше мы видѣли, обученіе укомплектованія было кратковременнымъ, велось урывками, въ промежуткахъ между караульной службой и борьбою съ зелеными; лошади, (кромѣ 1-хъ сотенъ) были получены только за нѣсколько дней до прихода на фронтъ, почему въ рядахъ полковъ бригады имѣлось много казаковъ не только плохо владѣвшихъ оружіемъ съ коня, но и весьма неувѣренно себя чувствовавшихъ въ сѣдлѣ. Часть сѣделъ была регулярнаго типа (датскія) очень плохого качества. Часть казаковъ не имѣла шашекъ и была вооружена исключительно винтовками (послѣднія были, правда, прекраснаго качества, новыя, англійскія, магазинныя на 5 и 14 патроновъ).

Въ каждомъ казачьемъ полку, въ Крыму, кромѣ штатныхъ пулеметовъ, имѣлись и «собственные». Всѣ взятые казаками у красныхъ пулеметы оставлялись въ полкахъ. Возились они на Крымскихъ обывательскихъ, весьма прочныхъ и подвижныхъ, тачанкахъ, запряженныхъ тройками лошадей. Такихъ пулеметовъ имѣлось отъ 10 до 25 (какъ во 2-мъ полку) на полкъ.

6-го Августа эшелоны Гв. Каз. бригады выгрузились на станціи Федоровка и Л. Гв. Казачій полкъ сосредоточился въ дер. Новобогдановкѣ.

Немедленно, въ первые же дни, было произведено нѣсколько конныхъ ученій. Конечно, съ точки зрѣнія Красносельскихъ смотровыхъ ученій оставалось желать многаго, но казаки всегда остаются казаками, благодаря чему, какъ и благодаря хорошему составу офицеровъ, ученія прошли сносно, а въ 1-й сотнѣ, (получившей лошадей еще въ Іюнѣ), даже и хорошо.

8-го Августа, прибывшую на фронтъ Гв. Каз. бригаду смотрѣлъ Генералъ Абрамовъ, по распоряженію котораго полки получили пики въ Гальбштадтѣ.

Генералъ Абрамовъ сообщилъ, что вошелъ съ ходатайствомъ о включеніи бригады въ составъ Донского Корпуса вмѣсто 1-го Армейскаго, куда она предназначалась.

На слѣдующій день, 9-го Августа, бригада была переведена въ составъ Донского Корпуса, гдѣ вмѣстѣ съ бригадой Генерала Морозова, составила 1-ю Донскую конную дивизію.

Все начало Августа противникъ наступалъ съ Сѣвера на 1-й Армейскій корпусъ и на фронтѣ шли сильные бои. Къ 10-му Августа красные усилились здѣсь всей II-й конной арміей, состоявшей изъ четырехъ кав. дивизій, усиленныхъ придачей пѣхоты.

Генералъ Кутеповъ рѣшилъ перейти 11-го Августа въ энергичное наступленіе всѣмъ 1-мъ Армейскимъ корпусомъ и группой 1-й и 2-й Донскихъ дивизій.

Донцы должны были наступать параллельно и правѣе 1-го корпуса, въ сѣверномъ направленіи на Сладкую балку — Тифенбургъ-Гохгеймъ, уничтожить находившіяся тамъ слабыя части противника и, выдвинувшись такимъ образомъ, впередъ, повернуть правымъ плечомъ на западъ, ударить на Янчекракъ-Трактиръ, по тыламъ наступающихъ на 1-й корпусъ красныхъ.

10-го Августа отъ Л. Гв. Казачьяго полка были высланы первые разъѣзды на Гейдельбергъ-Эристовку-Андреабургъ. Молодые казаки съ удовольствіемъ вызывались въ разъѣздъ и заданія были ими выполнены блестяще. Одинъ изъ разъѣздовъ привелъ партію первыхъ взятыхъ полкомъ въ Крыму, плѣнныхъ.

Въ ночь на 11-е Августа вся 1-я дивизія сосредоточилась на сѣв. окраинѣ Б. Токманъ, а 2-я дивизія — въ раіонѣ Ст. Мунталь.

На разсвѣтѣ, 2-я дивизія двинулась на Н. Куркулакъ и Гейдельбергъ гдѣ взяла плѣнныхъ и трофеи и откуда начала движеніе на Эристовку. 2-я бригада 1-йдивизіи двинулась на Сладкую балку, которую послѣ короткаго боя и заняла, взявъ плѣнныхъ и одно орудіе. Гв. Каз. бригада, бывшая въ резервѣ Командира Корпуса, черезъ два часа послѣ начала наступленія, была направлена на Тифенбургъ и Гохгеймъ, кои заняла безъ сопротивленія противника. Далѣе бригадѣ было приказано обезпечить правый флангъ 2-й дивизіи, наступавшей на Эристовку-Карачекракъ.

Лейбъ-Казачій полкъ, не доходя четырехъ верстъ до Эристовки, былъ повернутъ на сѣверъ и развернулся на 1/2 дорогѣ къ Трактиру, откуда появились сильныя части красной конницы. Конница эта, однако, дѣйствовала нерѣшительно и вела лишь артиллерійскій бой.

Ввиду того, что 2-я дивизія, встрѣченная ураганнымъ огнемъ бронепоѣздовъ и сильной конницей красныхъ, не смогла продвинуться далѣе Карачекрака, Генералъ Абрамовъ, съ наступленіемъ темноты, отвелъ обѣ дивизіи на ночлегъ — первую въ раіонъ Гохгейма, вторую — Гейдельберга.

Потери полка за бой 11-го: Легко раненъ осколкомъ снаряда командиръ полка полк. Поздѣевъ, контуженъ тѣмъ же снарядомъ полк. адъютантъ подъес. Кутейниковъ. Ранено 3 казака и 3 лошади. Убито 4 лошади.

На 12-е было назначено повтореніе прежней задачи, причемъ 2-я Донская дивизія должна была брать Эристовку-Трактиръ-Янчекракъ, а 1-я, взявъ Щербаковку, должна была повернуть правымъ плечомъ на Трактиръ, съ цѣлью помочь 2-й дивизіи прижать красныхъ къ Днѣпровскимъ плавнямъ.

Всю ночь въ сторожевомъ охраненіи Гв. Каз. бригады велась перестрѣлка съ подходившими разъѣздами красныхъ, а съ разсвѣтомъ противникъ началъ тѣснить сторожевое охраненіе Атаманскаго полка, въ помощь которому была выслана 6-я Лейбъ-Казачья сотня и батарея.

Къ 9 час. утра, на участокъ лѣвѣе Гохгейма, вышла 2-я Донская дивизія и Гв. Казачья бригада, имѣя въ головѣ Л. Гв. Атаманскій полкъ, перешла въ наступленіе. Здѣсь имѣла мѣсто доблестная атака Атаманцевъ, кои своими 1-й и 3-й сотнями опрокинули вышедшіе на нихъ 3-4 эскадрона красныхъ и гнали ихъ на протяженіи 1½-2 верстъ.

Начальникъ дивизіи Генералъ Дьяковъ, оставивъ въ резервѣ 2-ю бригаду, приказалъ Гвардейской ускорить движеніе на Щербаковку. На правомъ флангѣ шелъ Л. Гв. Атаманскій полкъ, имѣя впереди дивизіонъ изъ своихъ 1-й и 3-й сотенъ съ пулеметною командою, долженствовавшихъ выйти къ восточной части Щербаковки. Уступомъ назадъ и влѣво шелъ Л. Гв. Казачій полкъ. Во время движенія на сѣверъ, еще лѣвѣе, было видно движеніе какихъ то скрывавшихся, то появлявшихся на гребняхъ конныхъ частей, принятыхъ за части 2-й дивизіи.

...«Когда мы, перейдя дорогу Эристовка-Орѣхово, взошли на высокую гряду, съ коей была уже видна Щербаковка», — заноситъ въ свой дневникъ Командиръ Л. Гв. Казачьяго полка Полковникъ Поздѣевъ, «то насъ слѣва безпокоила какая то лава съ броневиками. Я выслалъ влѣво полусотню съ Подъесауломъ Моргуновымъ и Агафоновымъ.

Начальникъ дивизіи приказалъ не обращать вниманія на то, что дѣлается влѣво, ибо тамъ 2-я дивизія, а продолжать движеніе на Щербаковку»...

Атаманцы начали наступленіе въ охватъ Щербаковки съ востока. Лейбъ-Казачій полкъ былъ остановленъ въ лощинѣ передъ Щербаковкой, поджидая для начала атаки присоединенія полусотни Под. Моргунова.

Вскорѣ послѣдняя и присоединилась.

Однако подъесаулъ Моргуновъ доложилъ что конница, лѣвѣе, не 2-ая Донская дивизія, а красная, и что она движется на насъ.

Подъесаулъ Агафоновъ привелъ плѣннаго красноармейца, показавшаго, что противъ насъ части 16 сов. кав. див., а лѣвѣе вся 21-я сов. дивизія.

Одновременно вышедшіе на Щербаковку Атаманцы попали подъ сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь и въ ихъ 1-й сотнѣ и пулеметной командѣ, еще не успѣвшихъ развернуться, очередью снарядовъ было сразу выведено изъ строя 42 лошади. Подъ вліяніемъ большихъ потерь, Атаманцы повернули на югъ и вышли временно изъ боя.

Между тѣмъ слѣва обнаружилось наступленіе красной конницы.

Лейбъ-Казаки развернулись фронтомъ на западъ.

...«Я увидѣлъ, какъ противъ насъ неожиданно появилась конная масса», — читаемъ въ запискахъ Генерала Поздѣева, «мимо лѣвофланговой сотни прошли какіе то два эшелона конницы, принятые нами за части 2-й бригады. Главная же масса, взобравшись на впереди лежащую гряду, медленно рысью двигалась впередъ.

На правомъ флангѣ противникъ тѣснилъ Есаула Кундрюкова. Въ это время въ полусотнѣ 3-й сотни Б. Дубенцева, бывшей въ центрѣ, раздался крикъ «ура», перекинувшійся на 1-ю сотню Войскового Старшины Краснова и далѣе на 6-ю Есаула Кундрюкова. Въ первой сотнѣ я отчетливо слышалъ голосъ подъесаула Ротова своимъ примѣромъ увлекшаго всю сотню.

Эшелоны, оказавшіеся не частями 2-й бригады, а красными, проскочили

мимо 1-й сотни назадъ. 1-я сотня рванулась впередъ. Противникъ поддался назадъ»...

...«Возбужденіе и крикъ были большія» — пишетъ комбригъ Генералъ Фарафоновъ, «отступали красные, но видя, что насъ много меньше, оправились и снова двинулись въ атаку. Мы шагомъ начали отходить и навели на свои пулеметы, конница красныхъ отхлынула, мы устремились за ней, но она снова перешла въ наступленіе»...

...«Каждая сотня, отдѣленная другъ отъ друга большимъ разстояніемъ, дѣйствовала самостоятельно» — записываетъ участникъ боя Есаулъ Могилянскій, «общаго управленія быть не могло и сотни ходили въ атаку не одновременно. Атаки слѣдовали одна за другой. То красные шли въ атаку — мы уходили. Останавливались красные, замѣтивъ обозначеніе фланговой атаки другой нашей сотни, сворачивались и удирали — мы бросались ихъ догонять. Черезъ нѣсколько сотъ шаговъ останавливались мы и повторялась та же картина въ обратномъ порядкѣ. Пулеметы трещали со всѣхъ сторонъ и было невозможно разобраться, гдѣ были свои, гдѣ чужіе. Представьте себѣ поле, квадратомъ въ 2 версты, заполненное кучками всадниковъ, бросающіеся изъ стороны въ сторону и временами соприкасающихся, прибавьте трескъ пулеметовъ, разрывы рвущихся гранатъ, дымки шрапнелей, столбы пыли и получите картину конная боя Лейбъ-Казаковъ подъ Щербаковкою»...

Бой, благодаря громадному численному превосходству красной конницы, могъ бы кончиться для 3-хъ Лейбъ-Казачьихъ сотенъ печально, если бы не братская помощь 2-й бригады, усиленной сотней конвоя начальника дивизіи, атаковавшей часть красной конницы, уже глубоко обошедшей Лейбъ-Казаковъ съ юга. Видя неудачу своей обходной колонны, красная конница отхлынула окончательно. Лейбъ-Казаки не преслѣдовали, ибо некормленные и непоенные за день кони были вымотаны въ конецъ.

...«Для насъ это былъ первый серьезный въ Крыму бой» — говоритъ дневникъ Есаула Могилянскаго. «Со стороны противника дѣйствовали испытанныя въ бояхъ части на добрыхъ коняхъ. Для нашихъ молодыхъ казаковъ это было первое боевое крещеніе. Многіе никогда въ жизни не держали раньше въ рукахъ шашки, а тѣмъ болѣе пики. Малорослый конскій составъ нашъ былъ много слабѣе конскаго состава противника. Съ утра непоенный и некормленныя лошади сильно притомились и поднять ихъ на аллюры выше рыси было трудно. Несмотря на значительное численное превосходство противника, молодые казаки наши вышли съ честью изъ своего перваго боя.

Разскажу нѣсколько эпизодовъ боя: 6-я сотня идетъ въ атаку. Съ ней двигалась пулеметная двуколка подъ командою Ст. Ур. Большепаева. Атака не удалась. Въ пулеметной двуколкѣ ранены двѣ лошади. Номера ускакали. Видя невозможность увести пулеметъ, Большепаевъ продолжаетъ разстрѣливать скачущихъ на него красныхъ. Злоба красныхъ не имѣетъ предѣла. Большепаеву наносятъ нѣсколько шашечныхъ ранъ и, когда онъ падаетъ на землю, разстрѣливаютъ изъ револьвера. Но обстановка мѣняется. 6-я сотня переходитъ въ контръ-атаку. Красные отходятъ. Казаки 6-й сотни подбираютъ Большепаева, у коего 2 холодныя и 2 огнестрѣльныя раны,

и передаютъ на перевязочный пунктъ. Большепаевъ поправился и черезъ два мѣсяца вновь сражался въ рядахъ полка (впослѣдствіи Большепаевъ былъ Подхорунжимъ и вахмистромъ пулеметной команды).

А вотъ другой эпизодъ: 6-я сотня идетъ въ атаку. Правофланговый казакъ скачетъ, держа въ рукѣ пику съ сотеннымъ значкомъ «въ руку». На него наскакиваетъ съ шашкой красный казакъ. Молодой казакъ такъ растерялся, что взялъ пику «по плечу» и получилъ нѣсколько шашечныхъ ранъ. Возьми онъ пику «къ бою», никакая шашка его бы не достала»...

Потери полка за бой подъ Щербаковкой: Раненъ полковникъ Шаминъ и контуженъ подъесаулъ Ротовъ (оба остались въ строю). Казаковъ — убито 4 — ранено 18. Лошадей — убито 12 — ранено 29.

Въ числѣ убитыхъ казаковъ былъ сраженный снарядомъ нашей батареи доблестный вахмистръ 6-й сотни Подхорунжій Злодюшкинъ*), Подхорунжій 6-й сотни Илья Садчиковъ (Грушевской ст.) и вз. ур. 6-й сотни Чекаловъ (Мелиховской станицы).

«По окончаніи боя, — говоритъ записка Генерала Поздѣева, полкъ стянулся и двинулся назадъ на Гохгеймъ. Когда мы туда подходили, тамъ уже въ резервной колоннѣ стояли Атаманцы. 2-я бригада оставалась еще на высотахъ, гдѣ вела артиллерійскій огонь, по отходящему противнику».

Дѣйствія 1-й Донской дивизіи связали значительную часть силъ II-й конной арміи, чѣмъ значительно облегчили задачу 2-й Донской дивизіи по разгрому правой группы красной конницы.

Приведемъ оцѣнку Главнокомандующаго Генерала Врангеля:

«12-го Августа, южнѣе Щербаковки, противъ 1-й и 2-й Донскихъ дивизій развернулась вся II-я конная армія красныхъ, но она не выдержала удара Донцовъ и ушла на сѣверъ» («Записки». Ч. II. Стр. 158).

Одновременно съ нажимомъ съ сѣвера, красные энергично наступали съ запада отъ Каховки въ раіонѣ Александровки и Сѣрогазъ противъ Генерала Барбовича. Генералъ Кутеповъ былъ вынужденъ перебросить въ помощь послѣднему Корниловскую дивизію, занимавшую Б. Токмакъ. Корниловцевъ смѣнила Гв. Каз. бригада, прибывшая 13-го Августа въ Н. Мунталь. «Въ Мунталь мы прибыли въ 12 час. дня, — говоритъ Есаулъ Могилянскій, «здѣсь уже находился нашъ обозъ и походныя кухни. Три дня голодовки (ибо въ разоренныхъ красными деревняхъ и хуторахъ почти ничего нельзя было достать) дали возможность завѣдывающимъ хозяйствомъ приготовить великолѣпный обѣдъ.

Въ каждую кухню положили чуть ли не цѣлую свинью. Пища была настолько жирна, а казаки настолько голодны, что въ результатѣ многіе заболѣли разстройствомъ желудка, а нѣкоторые даже «съѣздили въ Ригу».

---

*) Подхорунжій Злодюшкинъ былъ лихимъ и беззавѣтно храбрымъ вахмистромъ. Съ начала гражданской войны онъ не пропустилъ ни одной изъ многочисленныхъ атакъ своей 6-ой сотни, неизмѣнно вырываясь впередъ и увлекая за собой казаковъ. Онъ былъ твердымъ казакомъ и не признавалъ никакихъ компромиссовъ: въ атакѣ 19-го Февраля 1919 на Донцѣ, онъ лично зарубилъ своего, уже сдавшагося, хуторца, сосѣда по хатѣ, казака «мироновца».

Не скрою, что и нѣкоторые офицеры, любители поѣсть, тоже поплатились тѣмъ же. За то, завѣдывающіе хозяйствомъ сотенъ торжествовали.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ о новой организаціи сотеннаго хозяйства, введенной Генераломъ Абрамовымъ еще въ Іюлѣ 1920 года, приказомъ по Донскому Корпусу.

Въ сотняхъ и командахъ старшіе офицеры были назначены завѣдывающими хозяйствомъ своихъ частей и находились въ прямомъ подчиненіи штабъ-офицеру, завѣдывавшему хозяйствомъ полка. Сотенные командиры были полностью освобождены отъ хозяйственныхъ заботъ и работали исключительно въ области строевой и боевой.

Офицеры, назначенные завѣдывающими хозяйствомъ, быстро вошли въ роль, и рѣдки были случаи, когда усталые люди и лошади, возвращаясь изъ боя, не находили горячій обѣдъ и заготовленный и доставленный на мѣсто ночлега фуражъ. Упорядочилось и веденіе отчетностей. Правда, организація эта отвлекла нѣкоторый процентъ офицеровъ. Однако, въ условіяхъ гражданской войны и большихъ потерь въ офицерскомъ составѣ, полку было полезно имѣть какъ бы нѣкоторый свой вѣрный резервъ готовыхъ сотенныхъ командировъ.

Бригада недолго пробыла въ дер. Мунталь.

Весь восточный фронтъ до Азовскаго моря былъ занятъ только одной 3-й Донской пѣшей дивизіей Генерала Гусельщикова.

Въ ночь съ 13-го на 14-е Августа 42-я Сов. дивизія нажала на Б. Токмакъ, занятый 8-мъ Донскимъ пѣшимъ полкомъ Генерала Фицхелаурова и 18-мъ Донскимъ коннымъ Полковника Кузнецова и Гв. бригада была спѣшно затребована въ помощь.

Тревога оказалась напрасной: красные наступленіе не развивали и Генералъ Фицхелауровъ рѣшилъ использовать прибытіе Гв. Каз. бригады для контръ-удара.

По диспозиціи, Лейбъ-Казаки должны были выдвинуться къ колоніи Шензе, перейти черезъ рѣчку и атаковать красныхъ въ лобъ. Эта атака должна была быть поддержана доблестнымъ 18-мъ Донскимъ полкомъ Полковника Кузнецова, атакующимъ противника черезъ Либенау въ тылъ. Лѣвѣе Лейбъ-Казаковъ, отъ Токмака, наступалъ Генералъ Фицхелауровъ съ 8-мъ Донскимъ пѣшимъ полкомъ, при 1танкѣ и, наконецъ, сѣвернѣе Токмака, въ охватъ праваго фланга красныхъ, должны были атаковать Атаманцы.

Прекрасное описаніе боя даетъ дневникъ участника Есаула Могилянскаго:

...«14-го Августа, пройдя Токмакъ, мы въ двухъ верстахъ отъ этого селенія соединились съ 18-мъ Донскимъ полкомъ. Командиръ полка Полковникъ Кузнецовъ объяснилъ намъ планъ общаго удара и указалъ мѣсто, откуда по его мнѣнію удобнѣе всего идти въ атаку. Самъ онъ остался съ нами, а свой полкъ отправилъ въ обходъ, дабы одновременно съ нашей атакой ударить краснымъ въ тылъ.

Плѣненіе красныхъ для него было только вопросомъ времени. Въ ис-

ходѣ боя онъ не сомнѣвался. Такая увѣренность передалась и намъ, сперва немного волновавшимся, ибо это былъ первый бой нашихъ молодыхъ казаковъ съ красной пѣхотой.

Рѣшено было идти въ атаку эшелонами, въ двухшереножномъ развернутомъ строю, съ интервалами между всадниками въ 20 шаговъ.

Кинули жребій, какой сотнѣ идти головной. Судьба указала 6-ю сотню Есаула Кундрюкова. Роль его сотни рѣшила участь боя: на что сухой человѣкъ Полковникъ Кононовъ и тотъ, когда мы возвращались съ поля боя, съ лихо звучащими пѣснями, усталые, но полные того радостнаго нервнаго подъема, который даетъ одержанная побѣда, онъ подъѣхалъ къ Есаулу Кундрюкову и, поблагодаривъ отъ имени полка, расцѣловалъ.

По условному знаку, 6-я сотня поднялась рысью на бугоръ изъ балки, въ которой скрывался полкъ. Противоположный спускъ шелъ къ болотистой рѣчкѣ, за которой лежали цѣпи красныхъ. Разстояніе до противника 1500 шаговъ. Все пространство прострѣливалось пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Поднявшись на вершину, сотня перешла въ наметъ и бросилась въ атаку. Навстрѣчу засвистѣли пули. Къ счастью, большинство летѣли надъ головами или зарывались въ песокъ подъ ногами лошадей. Видно красные, захваченные врасплохъ, волновались и стрѣляли не цѣлясь.

3-я сотня, въ которой былъ я, двинулась вслѣдъ за 6-й, въ направленіи полъ-оборота вправо. Насъ встрѣтили такимъ же огнемъ, но еще болѣе безпорядочнымъ. Чтобы доскакать до красныхъ, пришлось пробираться сквозь лѣсокъ на берегу рѣчки. Помню, какъ непріятно было продираться черезъ лѣсъ, прострѣливаемый невидимымъ противникомъ. Когда мы переправились черезъ рѣчку, противникъ уже бѣжалъ, все еще, правда, отстрѣливаясь. Въ то же время справа показался 18-й полкъ. Видя безвыходность положененія, красные стали сдаваться, а конные комиссары удирать. Когда поспѣла 1-я сотня, бой уже, собственно, былъ конченъ»...

Полкъ преслѣдовалъ противника и забиралъ плѣнныхъ на протяженіи 5 верстъ.

Командиръ бригады Генералъ Фарафоновъ наступалъ съ 8-мъ полкомъ. Съ появленіемъ на гребнѣ Лейбъ-Казаковъ и началомъ атаки, артиллерія открыла огонь и 8-й полкъ двинулся впередъ.

Генералъ Фицхелауровъ съ Генераломъ Фарафоновымъ сѣлъ въ автомобиль и, приказавъ одному орудію слѣдовать карьеромъ за собою, выѣхалъ на лѣвый флангъ, далеко опередивъ свои цѣпи.

Занявъ здѣсь вершину холма, онъ своимъ орудіемъ открылъ огонь.

...«Атаманцы, разсказываетъ Генералъ Фарафоновъ, видимо, не слѣдили за боемъ и, увидѣвъ насъ впереди себя, открыли по нашей группѣ пулеметный огонь. Пришлось лечь подъ ихъ пулями на землю, причемъ одинъ казакъ артиллеристъ былъ раненъ. Артиллеристы сыпали проклятія и грозили кулаками, а я послалъ своего ординарца Хорунжаго Обухова съ приказаніемъ наметомъ атаковать врага»...

Хорунжій Обуховъ испросилъ разрѣшенія идти съ Атаманцами въ атаку, взявъ лично около 50 плѣнныхъ, но подъ конецъ зарвался и оказался одинъ

среди красныхъ. Подъ нимъ ручной гранатой была убита лошадь и онъ, отстрѣливаясь изъ револьвера, будучи тяжело раненъ въ пахъ, съ трудомъ вырвался назадъ.

Согласно донесенія Генерала Фарафонова, Гв. Каз. бригадой было сдано 800 взятыхъ плѣнныхъ, изъ коихъ 640 было взято Лейбъ-Казаками. Кромѣ того, полкъ взялъ 10 пулеметовъ и 1000 винтовокъ.

Взятые плѣнные принадлежали къ 3, 4 и 5 полкамъ 125 бригады 42-й Сов. дивизіи.

Потери Лейбъ-Казаковъ: Ранены (всѣ три тяжело) Сотникъ Поповъ (скончался отъ раны черезъ два часа), Сотникъ Упорниковъ и Хорунжій Обуховъ.

Казаковъ — убито 5, ранено 10.

Лошадей — убито 6, ранено 17.

Въ числѣ почившихъ смертью храбрыхъ отмѣтимъ 3-ей сотни лихихъ подхорунжаго Рубашкина вахмистра Горина и взводнаго урядника Домащенкова.

Вечеромъ Генералъ Фицхелауровъ горячо благодарилъ Командира полка Полковника Поздѣева за порывъ Лейбъ-Казаковъ, по его словамъ, нанесшихъ противнику главный ударъ.

15-го и 16-го Августа полкъ простоялъ въ Токмакѣ.

Сильная группа противника, сосредоточившаяся въ раіонѣ Черниговки и Шпарау, начала безпокоить фронтъ 3-й дивизіи, потѣснивъ Запасный Донской полкъ (въ 300 штыковъ) Генерала Гаврилова, на 3/4 состоявшій изъ взятыхъ въ плѣнъ красноармейцевъ.

Лейбъ-Казачій полкъ спѣшно перебрасывается на помощь Генералу Гаврилову и 17-го Августа переходитъ въ кол. Гнаденфельдъ, гдѣ смѣняетъ батальонъ 10-го Донского полка и конный Гундоровскій дивизіонъ. Днемъ противникъ пытался перейти въ наступленіе, но былъ отбитъ огнемъ.

Противникъ изъ Черниговки занялъ Бегимъ-Чокракъ, однако, атакой полусотни 1-ой сотни подъес. Моргунова былъ выбитъ. Въ этой стычкѣ былъ раненъ вольноопредѣляющійся Георгій Ивановъ и одинъ казакъ, изъ лошадей, 1 убита, 2 ранены.

Къ вечеру въ Гнаденфельдъ прибылъ Запасный Донской полкъ Генерала Гаврилова, а Лейбъ-Казачій полкъ былъ переведенъ въ Фриденсдорфъ, гдѣ и имѣлъ ночлегъ.

Утромъ 19-го Августа Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ получилъ приказаніе взять, совмѣстно съ полкомъ Генерала Гаврилова колонію Шпарау. Лейбъ-Казаки должны были атаковать колоніи Контеніусфельдъ и Шпарау съ сѣвера, вдоль теченія рѣки Кульманъ, а Генералъ Гавриловъ съ запада.

Полкъ, построенный въ три эшелона, имѣя 1-ю сотню въ головѣ, пошелъ въ атаку одновременно съ пѣхотой. До противника было 3 версты. Дви-

женіе шло поперекъ пашень, кукурузы и подсолнуховъ. Пошелъ сильный дождь, перешедшій въ ливень, и черноземный грунтъ быстро размякъ. Грязь налипала на подковахъ и кони еле вытягивали ноги. ...«У насъ, читаемъ въ запискахъ Генерала Поздѣева, съ самаго начала движенія не было нацѣливанія на флангъ противника и только впослѣдствіи, уже въ полосѣ ружейнаго огня, полку пришлось искать флангъ (движеніемъ вдоль краснаго фронта) подъ сильнымъ пулеметнымъ огнемъ противника»...

Головная сотня дошла было на 200 шаговъ, но далѣе атака захлестнулась и полкъ былъ отведенъ назадъ къ Гнаденфельду.

Начдивъ 1-й Донской ген. Дьяковъ, лично наблюдавшій бой, относитъ неуспѣхъ атаки къ медленности аллюра лавы. Онъ видѣлъ, какъ красная пѣхота, уже было покидая позицію, бросилась назадъ и какъ пулеметы противника, выброшенные на тачанкахъ карьеромъ впередъ, только и остановили нашу лаву.

Къ сожалѣнію, изъ дневниковъ участниковъ не видно, гдѣ находилась артиллерія 1-ой дивизіи и почему пулеметы противника, помѣшавшіе атакѣ, не были своевременно ею ликвидированы.

20-го и 21-го полкъ простоялъ въ Гнаденфельдѣ.

На 22-е была назначена новая атака Шпарау совмѣстно съ Запаснымъ полкомъ Генерала Гаврилова и подошедшимъ батальономъ Гундоровскаго полка. Однако, послѣдній передъ боемъ былъ вытребованъ къ Токмаку и участія въ атакѣ Шпарау принять не могъ.

По плану атаки Лейбъ-Казаки должны были ночью подняться до Валдгейма, откуда двигаться въ направленіи на высоту, что сѣвернѣе Шпарау, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ 5 час. утра начать атаку. Одновременно Шпарау отъ Гнаденфельда долженъ былъ атаковать Генералъ Гавриловъ.

Атаманскому полку надлежало сосредоточиться южнѣе Руднервейде и боемъ не дать возможности противнику, занимавшему Руднервейде и Михайловку, усилить свои части въ Шпарау.

Гв. батарея должна была открыть огонь по Шпарау въ 5 часовъ утра.

Полковникъ Поздѣевъ выступилъ изъ Валдгейма въ 3 часа утра, прошелъ не занятый Бегимъ-Чокракъ, развернулъ сотни на интервалы въ 700 шаговъ и двинулся впередъ.

Едва начинало свѣтать и не было еще 5 часовъ, какъ со стороны вершины сѣвернѣй Шпарау, по сотнямъ Полковника Поздѣева былъ открытъ сильный ружейный и пулеметный огонь (позднѣе узнали, что ночью изъ полка Генерала Гаврилова перебѣжала къ краснымъ сторожевая застава изъ плѣнныхъ, красноармейцевъ, предупредившая противника объ атакѣ).

...«Не дожидаясь помощи отъ артиллеріи, я приказалъ 6-й и 3-й сотнѣ идти въ атаку, а 1-й сотнѣ содѣйствовать удару. Наша атака успѣха не имѣла. Противникъ занималъ широкій фронтъ, былъ хорошо укрытъ и вполнѣ изготовился къ бою» — говоритъ записка Генерала Поздѣева. «У противника работало большое количество пулеметовъ»...

...«Огонь, подъ который мы попали, — говоритъ есаулъ Могилянскій, вѣрнѣе шумъ пулеметной трескотни, былъ таковъ, что заглушалъ крикъ. Чтобы кому нибудь отдать приказаніе, нужно было подъѣхать вплотную и кричать въ ухо»...

Полкъ, понеся большія потери, отхлынулъ назадъ. Только тогда раздался первый нашъ орудійный выстрѣлъ, ибо батарея изъ-за темноты не могла открыть огня ранѣе 5 3/4 утра.

Узнавъ о неудачѣ Лейбъ-Казаковъ, не перешелъ въ наступленіе и Генералъ Гавриловъ и части были отведены въ исходное положеніе.

За бои подъ Шпарау 19-го и 22-го полкъ понесъ слѣдующія потери:

Ранены тяжело сотникъ Ананьевъ и хорунжій Н. Ефремовъ. Контужены (остались въ строю) есаулъ Агафоновъ и хор. Мигулинъ.

Казаковъ — убито 6, ранено 14.

Лошадей — убито 17, ранено 35.

23-го Августа полкъ, подъ проливнымъ дождемъ, перешелъ въ колонію Паульгеймъ, 26-го въ колонію Елизаветталь, а 28-го въ колонію Маріенталь, гдѣ смѣнилъ Атаманцевъ, перешедшихъ въ Мануйловку.

Противникъ находился въ кол. Руднервейдѣ, Михайловкѣ и Юрьевкѣ.

24-го Августа былъ полученъ приказъ Начальника дивизіи замѣнить, черезъ старостъ у мѣстныхъ жителей, путемъ мѣны, раненыхъ и побитыхъ лошадей.

При Штабѣ дивизіи была образована спеціальная ремонтная комиссія подъ предсѣдательствомъ Штабъ-офицера.

Нечего говорить о недовольствѣ возбуждаемомъ этой операціей среди мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что мѣна лошадей рѣзко расходилась съ общими, по конской повинности населенія, распоряженіями Главнокомандующаго Генерала Врангеля.

Однако, въ условіяхъ безпрерывныхъ боевъ гражданской войны съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, потребность сохраненія максимальной боеспособности строевыхъ частей не могла не доминировать надъ всѣми прочими соображеніями.

Полученіе лошадей въ законномъ порядкѣ, т. е. черезъ ремонтный кавалерійскій запасный полкъ, хотя и являлось главнымъ источникомъ пополненія конскаго состава, производилось въ размѣрѣ не удовлетворявшемъ дѣйствительной нужды казачьихъ полковъ.

Главной причиной являлась относительная бѣдность конскимъ составомъ Тавріи.*)

---

*) Были, конечно, и косвенныя причины другого характера.

Такъ, въ дневникѣ Командира Гвардейской Казачьей бригады Генерала Фарафонова имѣется слѣдующая запись:

...«Ремонтный запасный полкъ не желаетъ давать намъ казачьимъ офицерамъ

29-го Августа къ полку присоединилась 2-я сотня Подъесаула Гринева, получившая, наконецъ, въ тылу лошадей.

Согласно сохранившейся въ полковомъ архивѣ вѣдомости о наличномъ составѣ Л. Гв. Казачьяго полка къ 27-му Августа, численность его представилась въ нижеслѣдующихъ цифрахъ:

	КАЗАКИ				ЛОШАДИ			
	по списку	въ командировкахъ	въ лазаретѣ раненые и больные	боевой составъ	по списку	въ командировкахъ	больные и раненые	боевой составъ
1-я сотня	104	9	16	79	99	5	39	55
3-я сотня	50	—	—	50	50	—	—	50
6-я сотня	164	45	17	102	104	9	15	80
2-я сотня	131	34	18	79	80	2	9	69
Пулемет. К-да	97	20	11	66	77	—	11	66
К-да связи	59	16	4	39	57	4	5	48
	605	124	66	415	467	20	79	368

Примѣчаніе: а) Въ списочномъ составѣ не показана трубаческая команда, находившаяся въ Севастополѣ.

б) Въ графѣ командировочныхъ показаны казаки полусотни Конвоя при Главнокомандующемъ въ Севастополѣ, ординарцы штабовъ бригады и дивизіи, санитары, нестроевые и обозные, какъ и часть деньщиковъ и вѣсовыхъ, находившихся внѣ строя.

Къ концу Августа наступленіе красныхъ противъ 1-го Армейскаго корпуса на Днѣпровскомъ фронтѣ было полностью ликвидировано, однако, несмотря на успѣшность тяжелыхъ боевъ, и на этотъ разъ не удалось овладѣть оставшимся въ рукахъ красныхъ, Каховскимъ плацдармомъ.

Противникъ спѣшно усиливалъ свои войска переброссками новыхъ частей и къ началу Сентября сосредоточилъ на своемъ Крымскомъ фронтѣ уже три арміи (VI, VIII и II-ую конную).

Удержать фронтъ пассивной обороной нечего было и думать и Генералъ Врангель рѣшилъ попытаться продвинуться на Украину, дабы поддержать и разжечь начавшіяся тамъ противобольшевистскія возстанія крестьянъ.

хорошихъ лошадей и присылаетъ непригодныхъ для себя, либо малолѣтокъ, либо съ пороками.

Одинъ генералъ, завѣдывающій ремонтомъ, присланному отъ Лейбъ-Казачьяго полка офицеру сказалъ: «А зачѣмъ вы, казаки, бросили лошадей въ Новороссійскѣ и вообще зачѣмъ вы пришли сюда». (Дневникъ Генерала Фарафонова. Стр. 26).

Замѣтка Генерала Фарафонова очень характерна, ибо показываетъ, что духъ узкой кружковщины, несмотря на всѣ усилія Главнокомандующаго Генерала Врангеля, еще въ тыловыхъ учрежденіяхъ не былъ изжитъ.

Предварительно Генералу Врангелю необходимо было развязать себѣ руки, разбивъ красныхъ въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленiяхъ.

Задача эта легла на 1-й Армейскiй и Донской корпуса.

1-го Сентября Донской корпусъ перешелъ въ наступленiе. 2-я Донская дивизiя вышла съ боемъ въ раiонъ Елизаветовки и двинулась на сѣверъ, въ направленiи на Поповку, Гусарку и Гуляй Поле, по тыламъ, сражавшихся противъ 1-й и 3-й Донскихъ дивизiй красныхъ.

Въ тотъ же день Лейбъ-Гвардiи Казачiй полкъ получилъ приказанiе занять Руднервейде и Михайловку. 6-я сотня легко сбила противника и заняла Руднервейде, остальныя вошли въ Михайловку, выдвинувъ 2-ю сотню въ Францисталь и взводъ той же сотни въ Паству.

Далѣе пришло приказанiе ограничиться занятiемъ указанныхъ пунктовъ и выдвинуть на сѣверъ лишь разъѣзды, а ночью перейти черезъ Гнаденфельдъ и Валдгеймъ на Стульнево, гдѣ, въ 7 час. утра, войти въ подчиненiе Генералу Гусельщикову.

Въ исполненiе приказанiя, полкъ 40-верстнымъ кружнымъ переходомъ, въ 6 час. утра, подошелъ къ Стульнево, гдѣ былъ встрѣченъ огнемъ сторожевого охраненiя противника.

Вскорѣ подошла 3-я дивизiя и полкъ вошелъ въ распоряженiе Генерала Гусельщикова.

...«Порядокъ движенiя 3-й дивизiи былъ слѣдующiй:» читаемъ въ запискахъ Генерала Поздѣева, «впереди на пулеметной тачанкѣ самъ начальникъ дивизiи Генералъ Гусельщиковъ, далѣе два орудiя — одно полевое, другое гаубица, за ними рѣдкая цѣпь пѣхоты и колонна дивизiи. Конница, 18-й Донской и Дзюнгарскiй двинуты на 5 верстъ лѣвѣе на хуторъ Козинковатый.

Пулеметы и два орудiя идутъ впереди и сбиваютъ цѣпи противника.

Генералъ Гусельщиковъ то идетъ пѣшкомъ, то ѣдетъ верхомъ, то мчится въ пулеметной тачанкѣ, то сидитъ въ автомобилѣ. Приказанiя быстры, часто сбивчивы, непослѣдовательны, но въ нихъ чувствуется увѣренность, боевое счастье и чутье»...

Наступленiе на Стульнево и Черниговку блестяще удалось. Лейбъ-Казаки были двинуты въ атаку восточнѣе Черниговки.

Дивизiономъ Лейбъ-Казаковъ, брошенныхъ въ атаку (3-я и 6-я сотни и пулеметная команда) командовалъ (вернувшiйся въ строй по расформированiю въ Крыму 1-го Дон. Кон. Запаснаго полка) полковникъ Номикосовъ.

Задача его затруднялась не столько сопротивленiемъ противника сколько полной вымотанностью лошадей, голодныхъ, непоенныхъ и проведшихъ всю ночь въ тяжеломъ ночномъ, 40 верстномъ, кружномъ маршѣ.

Несмотря на 10 верстное пространство, отдѣлявшее въ началѣ атаки дивизiонъ отъ противника, и на то, что лошади двигались лишь короткой рысью и шагомъ, энергiей полковника Номикосова атака была доведена до конца и увѣнчана успѣхомъ.

Видное участiе въ атакѣ принимала и пулеметная команда Лейбъ-Казаковъ. Интересна запись дневника вахмистра Колбасина, которую приведемъ дословно: ...«Всѣ пулеметы были выдвинуты въ пулеметную цѣпь. Пу-

леметы, не снимаясь съ двуколокъ, мѣняли позиціи быстро передвигаясь на Черниговку. Лѣвѣе и нѣсколько назадъ двигалась наша конница. Какъ только противникъ былъ сбитъ пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ конныя сотни бросились въ атаку. Порывъ казаковъ былъ такой, что приходилось угрозами останавливать пулеметные нумера. Всѣ пулеметные урядники ускакали въ схватку. Богатые трофеи достались намъ. Для насъ важно было подобрать новенькія шинели и сапоги. За шинели вымѣнивали все, что намъ только было нужно: сѣно, ячмень, самогонъ, яйца, куръ...».

Пѣхота противника, атакованная съ одной стороны полковникомъ Номикосовымъ, съ другой — подошедшей частью первой сотни полка, воткнула штыки въ землю и сдалась.

Лейбъ-Казаки взяли 180 плѣнныхъ, 3 пулемета и обозъ въ 12 нагруженныхъ подводъ.

Потери, понесенныя полковникомъ Номикосовымъ, свелись къ 1-му раненому казаку и къ двумъ убитымъ и семи раненымъ лошадямъ.

Тѣмъ временемъ ген. Фицхелауровъ отрѣзалъ путь отхода краснымъ на сѣверъ, 2-я Донская закрыла путь отхода на востокъ, а съ юга къ В. Токмаку подошелъ генералъ Дьяковъ съ пѣхотой и частью Атаманцевъ. Черниговская и Верхне-Токмакская группы (40-я и 42-я Сов. див.) красныхъ были разгромлены, оставивъ болѣе 1000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы.

Три красныхъ бронепоѣзда, развивавшихъ бѣшеный огонь, пытались уйти на Бѣльманку, однако, 2-я Донская дивизія успѣла подорвать путь и бронепоѣзда достались ей.

На слѣдующій день Лейбъ-Казачій полкъ перешелъ въ Семеновку, въ резервъ командира Дон. Корпуса, а 5-го Сентября, вмѣстѣ со штабомъ Дон. Корпуса, перешелъ въ Бѣлогорье.

Въ этотъ день въ распоряженіе Ком. Дон. Корпуса перешла, подтянутая въ раіонъ Б. Токмака, 1-я Кубанская Каз. дивизія ген. Бабіева.

2-я Донская дивизія двинулась черезъ Конскіе Раздоры на Гуляй Поле, 3-я Донская — на Орѣхово и вторая бригада 1-й Донской — изъ Очертоватаго на Вербовый. Такимъ образомъ почти весь Донской Корпусъ, съ приданной ему Кубанской дивизіей, двинулся на Сѣверъ, гоня передъ собою растроеннаго противника и забирая плѣнныхъ.

Для обороны временно оставленнаго 100 верстнаго участка юго-восточнаго и восточнаго фронта, оставалась лишь Донская Гвардейская бригада ген. Дьякова, съ приданнымъ ей Гундоровскимъ батальономъ.

1-я полусотня 1-й Лейбъ-Казачьей сотни, совмѣстно съ батальономъ Гундоровскаго полка, при двухъ орудіяхъ, подъ общей командой полковника Краснова, заняла раіонъ станцій Пологи.

Л. Гв. Атаманскій полкъ былъ выдвинутъ южнѣе, въ Поповку, откуда велъ широкую развѣдку.

Между тѣмъ красное командованіе, желая облегчить положеніе своей безпорядочно отходившей и гонимой на Сѣверъ XIII-ой Арміи, бросило въ наступленіе, на восточный участокъ фронта, свою сосредоточенную въ Маріуполѣ Морскую Экспедиціонную дивизію.

Составъ этой дивизіи, образованной изъ многочисленныхъ матросскихъ

отрядовъ, стяжавшихъ своими жестокими карательными расправами громкую извѣстность, былъ нижеслѣдующій:

Каспійскій	матроскій	полкъ	800	штыковъ
Днѣпровскій	„	„	900	„
Черноморскій	„	„	600	„
Кронштадскій	„	„	1360	„
Бѣломорскій	„	„	970	„
Конный	„	„	250	шашекъ
Всего................			4.630 шт. и 250 шашекъ.	

(Справка: Гражд. Война. Дѣйствія на моряхъ — Томъ III, стр. 294 и 302).

Генералъ Абрамовъ спѣшно двинулъ на югъ, на усиленіе Атаманцевъ, Лейбъ Казаковъ и 2-ую бригаду 1-ой Дон. див.

Уже 7-го Сентября ген. Дьяковъ имѣлъ первое столкновеніе своими передовыми частями съ противникомъ. Большевисткая Исторія Гражд. Войны говоритъ...: «Кавалерійскія части противника, при поддержкѣ двухъ орудій, послѣ боя у Бѣлоцерковки, къ вечеру 7-го Сентября, принудили части Каспійскаго полка отойти на Темрюкъ. Въ тотъ же день Черноморскій полкъ занялъ Берестовое, а Днѣпровскій полкъ — Темрюкъ и Захарьевку»....

8-го Сентября вся 1-ая Донская дивизія сосредоточилась въ Поповкѣ.

Немедленно по вступленіи головныхъ частей дивизіи въ Поповку, была выслана въ расположенную восточнѣй дер. Бѣльманку сильная конная застава, при трехъ Лейбъ Казачьихъ пулеметахъ, подъ командой хор. Ярцева.

Деревня Поповка была растянута по балкѣ почти на 13 верстъ и своими послѣдними домами подходила къ Бѣльманкѣ, гдѣ предполагалась застава отъ Атаманскаго полка. Совершенно неожиданно отрядъ Ярцева, при выходѣ изъ Поповки, попалъ подъ сильный огонь, открытый изъ послѣднихъ домовъ деревни.

Хор. Ярцевъ быстро подался нѣсколько назадъ и пулеметнымъ огнемъ выбилъ засѣвшихъ въ концѣ Поповки красныхъ. Одновременно, онъ выслалъ нѣсколько казаковъ, со взводнымъ пул. команды вахмистромъ Колбасинымъ, дабы подобрать раненыхъ казаковъ и лошадей и узнать что впереди.

Далѣе приведемъ разсказъ подхорунжаго Колбасина, хорошо характеризующій настроеніе жителей: ...«Казаковъ я встрѣтилъ уже идущими съ сѣдлами, снятыми ими съ подбитыхъ лошадей. Раненыхъ не было, но не хватало подхорунжаго Текутова. Сталъ распрашивать крестьянъ. Они явно знали, что какой то раненый спрятался въ клунѣ, но выдавать не хотѣли, не вѣря, что я бѣлый. Напрасно показывалъ я на свои погоны: крестьянки выли, но не выдавали. Я было хотѣлъ ѣхать, какъ одна подходитъ и говоритъ: — А ну, перехрестысь. — Я нѣсколько разъ перекрестился и побожился, что я бѣлый. «Ну, говоритъ она, винъ тутечко у клуни, тилько не убій его; если винъ красній, а не вашъ». Я подошелъ къ клунѣ и сталъ вызывать. Текутовъ выскочилъ и въ зубы мнѣ револьверъ тычетъ: онъ думалъ, что красные по его душу пришли»...

Далѣе вахмистръ Колбасинъ, съ хорунжимъ Ярцевымъ, отправились на

развѣдку въ дер. Бѣльманку. Уже совершенно стемнѣло и Колбасинъ смѣло проникъ въ самое село...: «Всюду громыхали подводы, кричали и скакали всадники — было очевидно, что противникъ только еще вступалъ въ деревню.

Я зашелъ во дворъ: тамъ стояли лошади, но людей видно не было. Я только подошелъ къ окну хаты, какъ вышла крестьянка. Я былъ въ сѣрой фланелевой сорочкѣ и чернымъ виднѣлись на мнѣ Лейбъ Казачьи погоны. Она на мигъ растерялась. На вопросъ: кто здѣсь — она часто, часто зашептала: — Красные матросы, ихъ много, много, только что пришли. Дитко убигай, а то поймаютъ и будутъ мучить. Ваши всѣ ушли въ Поповку»...

Выяснилось, что вытѣсненная красными передовыми частями Атаманская застава, не зная о подходѣ хор. Ярцева, отошла на Поповку полемъ, почему и разошлась съ Лейбъ Казаками.

Развѣдкой былъ установленъ приходъ въ раіонъ Бѣльманки частей красной Морской дивизіи, въ составѣ Каспійскаго полка, двухъ ротъ Днѣпровскаго полка и дивизіонной конницы.

На утро завязался съ ними подъ Поповкою бой.

Красные пытались атаковать, но, понеся большія потери отъ огня, отошли.

Одновременно выяснилось, что Черноморскій полкъ Морской дивизій изъ Берестовскаго продвинулся въ, расположенную южнѣе Поповки, Андреевку.

Генералъ Дьяковъ рѣшилъ уничтожить Черноморцевъ и, оставивъ въ направленіи Бѣльманки лишь наблюденіе за отошедшими туда Каспійцами, двинулъ всю 1-ую Дон. дивизію на Андреевку.

Гв. Каз. бригадѣ было приказано выступить въ 1 часъ ночи 10-го Сентября и на зарѣ атаковать Андреевку съ востока. 2-й бригадѣ произвести то же самое съ запада. Съ сѣвера ударъ по Андреевкѣ наносилъ батальонъ Гундоровскаго полка.

Маневръ удался.

Генералъ Дьяковъ ворвался съ двумя сотнями Гундоровцевъ на сѣверную окраину растянутаго на добрый десятокъ верстъ селенія Андреевки и одновременно Гвардейская Казачья бригада атаковала противника съ востока.

Матросы по началу оказали ожесточенное сопротивленіе, но затѣмъ, видя охватъ деревни со всѣхъ сторонъ, пытались выйти, двигаясь сомкнутой колонной, на Берестовое.

...«Лейбъ-Казаки нѣсколько разъ ходили въ атаку», читаемъ въ запискахъ Комбрига Фарафонова, но упорство матросовъ было отчаянное и атаки отбивались. Тогда въ нашу лаву были поданы открывшіе огонь Лейбъ-Казачьи пулеметы. Всѣхъ своихъ ординарцевъ я послалъ ускорить подходъ орудій Гв. батареи и пулеметной команды Атаманцевъ, едва продвигавшихся по топкому грунту. Наконецъ, одно орудіе взвода Гв. батареи Сотника Семенова снялось и открыло прямой наводкой мѣткій огонь съ дистанціи въ версту.

Снаряды ложились въ самую гущу матросовъ. Оставивъ одно орудіе стрѣлять, другое увлекъ ближе къ Лейбъ-Казакамъ и, такимъ образомъ, перекатами, все время перебрасывалъ орудія по мѣрѣ продвиженія матросовъ.

Въ дѣло вступили пулеметы Атаманцевъ и Гв. Каз. бригада бросилась въ атаку, сломивъ упорство матросовъ.

Изрубленныхъ и убитыхъ жители снесли на кладбище въ количествѣ болѣе 300.

Раны были ужасны: шашками порублены черепа, тѣла разворочены ударами пикъ, снарядами оторваны конечности. Плѣнныхъ взяли 349 человѣкъ, изъ коихъ 49 начальниковъ и комиссаровъ были выданы самими матросами и тутъ же разстрѣляны.

Лица почти у всѣхъ матросовъ, какъ у убитыхъ, такъ и у раненыхъ и плѣнныхъ звѣрскія и каторжныя.

Озлобленіе казаковъ было велико: упорный бой ожесточилъ людей, мстили матросамъ за ограбленіе ими Дона, за разстрѣлы и за всѣ ихъ революціонныя безчинства.

Одѣты матросы были прекрасно, имѣли богатый обозъ, обильно снабженный продуктами и запасомъ сахара, и казакамъ досталась хорошая добыча.

Кромѣ плѣнныхъ и обоза, было взято два орудія и нѣсколько пулеметовъ»...

Красная Исторія Гражд. Войны говоритъ: ...«10-го (23) Сентября крупныя силы пѣхоты и конницы противника, при 8 орудіяхъ, окружили Черноморскій полкъ. Полкъ былъ разбитъ и только немногимъ удалось прорваться черезъ кольцо противника. Въ руки непріятеля попало — полковой обозъ, 2 орудія и 12 пулеметовъ»...

Потери Лейбъ Казачьяго полка были невелики.

Изъ офицеровъ былъ раненъ хорунжій Мокровъ.

Несмотря на утомленіе людей, Генералъ Дьяковъ приказалъ въ ночь на 11-е начать движеніе на Берестовое.

Впереди щла Гвардейская Казачья бригада.

Однако, Берестовое оказалось очищеннымъ противникомъ и бригада, не останавливаясь, двинулась на Стародубовку.

Потрясенные понесенными потерями и гибелью Черноморцевъ, красные матросы быстро отходили. Дабы сдержать ихъ красное командованіе поспѣшно бросило на Стародубовку свой самый сильный (1390 штыковъ) Кронштадскій полкъ.

Подойдя къ Стародубовской, Лейбъ-Казаки въ конномъ строю ворвались въ деревню, но встрѣченные огнемъ красныхъ, засѣвшихъ въ каменныхъ домахъ, принуждены были въ ожиданіи подхода своей пѣхоты и пушекъ, ограничиться преграждені̇емъ пути отхода краснымъ на Маріуполь.

Черезъ два часа на повозкахъ прибылъ Гундоровскій батальонъ и, немедленно открывшія огонь, двѣ батареи 1-ой дивизіи.

Гундоровцы ворвались въ деревню, а Лейбъ-Казаки, перейдя рѣку, атаковали красныхъ со стороны Покровской.

Матросы, пытавшіеся отойти на Покровское были изрублены въ атакѣ Гвардейской Казачьей бригадой.

Лейбъ Казаки взяли 220 плѣнныхъ, причемъ особенно отличился пулеметный на тачанкахъ взводъ Хорунжаго Ярцева, занимавшій промежутокъ между бригадой и Гундоровцами, самостоятельно ходившій въ атаку и взявшій одинъ 110 плѣнныхъ.

Часть красныхъ засѣла въ каменномъ зданіи паровой мельницы и яростно отстрѣливалась. Пришлось подтащить орудія и выжечь ихъ огнемъ. То были остатки какой-то, только что прибывшей на фронтъ, инженерной матросской Ораніенбаумской роты и командный составъ Кронштадскаго полка. «Имъ удалось пробиться до балки», говоритъ записка Комбрига Генерала Фарафонова «и по ней эти послѣдніе 60 человѣкъ, отстрѣливаясь, шагомъ шли 4 версты, преслѣдуемые лавой 6-й сотни Лейбъ-Казаковъ.

Появился на автомобилѣ Начальникъ дивизіи Генералъ Дьяковъ съ ружьемъ пулеметомъ. Пулеметчикъ открылъ огонь. Лава бросилась въ атаку и послѣдніе остатки красныхъ были порублены».

Всего за бой 11-го противникъ потерялъ 300 убитыхъ и около 400 плѣнныхъ.

Красная Исторія Гражданской Войны говоритъ: ...«11-го (24) Сентября 1-й батальонъ Кронштадскаго полка у Стародубовской былъ окруженъ и уничтоженъ конницей противника. 2-ой батальонъ — около 400 штыковъ былъ окруженъ въ (самой) Стародубовской и уничтоженъ»...

Трофеями полка, кромѣ плѣнныхъ, явились 3 пулемета, знамя сапернаго полка и много повозокъ со снарядами и продуктами.

Среди плѣнныхъ оказалось 20 мобилизованныхъ красными Кубанцевъ, коихъ отправили на пополненіе Кубанской дивизіи.

12-го Сентября Командиръ полка Полковникъ Поздѣевъ, вызванный въ Севастополь телеграммой Генерала Шатилова, по случаю опасной болѣзни жены, отбылъ въ отпускъ и во временное командованіе полкомъ вступилъ Полковникъ Кононовъ.

12-го и 13-го 1-я дивизія отдыхала въ селѣ Захарьевскомъ. Это была первая остановка полка въ населенномъ пунктѣ, гдѣ совѣтская власть держалась безъ перерыва продолжительное время, и поэтому приведемъ интересную запись дневника Комбрига Генерала Фарафонова, характеризующую настроеніе жителей — крестьянъ: ...«Красные славно досадили крестьянамъ своей коммуной. О свободѣ больше слушать не хотятъ, а о землѣ говорятъ «только бы свое оставили». Теперь, видимо, они душой съ нами. По разсказамъ хозяина хаты красные только голяковъ не тронули, а его, крестьянина средняго достатка, заставили свезти 180 пудовъ пшеницы по 30 коммунистическихъ рублей за пудъ (коихъ онъ такъ и не получилъ), по 15 яицъ съ десятины и по 4 фунта коровьяго масла съ коровы. Когда онъ отказался сдать такое количество, то его арестовали и грозили разстрѣломъ. Лица у крестьянъ грустныя, но глаза смотрятъ на насъ открыто и добро, не такъ

какъ раньше. Законъ о землѣ, изданный въ Крыму, они знали, такъ какъ листовки разбрасывались съ нашихъ аэроплановъ, читать приходилось тайкомъ, ибо за чтенiе красные разстрѣливали»...

Интересна и запись Генерала Фарафонова нѣсколько другого рода:

...«Въ деревнѣ невозможно достать яицъ. Причиной отчасти являются послѣдствiя введенной здѣсь большевиками коммунальной системы хозяйства, а главной причиной — наши рядовые казаки, имѣющiе много денегъ, отобранныхъ ими отъ плѣнныхъ красноармейцевъ (по не писанному закону гражданской войны, все имущество комиссаровъ и красноармейцевъ переходило къ взявшему ихъ въ плѣнъ казаку).

Рядовые казаки сорятъ деньгами, платятъ высокiя цѣны и всѣ съѣдаютъ. Они настолько богаче офицеровъ, что послѣднiе въ денежномъ отношенiи съ ними состязаться не могутъ, а потому и остаются безъ продуктовъ»...

Въ ночь на 14-е Сентября 1-я дивизiя двинулась далѣе на востокъ, на Покровское и Никольское. Въ тотъ же день къ Лейбъ-Казачьему полку присоединилась полусотня 1-ой сотни Войскового Старшины Краснова, пришедшая со ст. Пологи.

Передъ 1-й дивизiей, почти безъ боя, отходила группа недавно прибывшихъ совѣтскихъ полковъ (10, 11, 12 и 13-й Донскiе и 15-й Стрѣлковый).

По слухамъ, въ нихъ было много насильно мобилизованныхъ красными казаковъ, кои не хотѣли сражаться.

Учитывая это обстоятельство, начальникъ дивизiи Генералъ Дьяковъ рѣшилъ ускорить наступленiе на Марiуполь.

14-го дивизiя имѣла бой съ не оказавшимъ большого сопротивленiя противникомъ у Покровской и имѣла ночлегъ въ слободѣ Нижне-Никольской.

Въ этотъ день въ полку былъ раненъ тремя пулями въ ноги бывшiй на наблюдательномъ пунктѣ Полковникъ Шаминъ.

Утромъ 15-го дивизiя атаковала Марiуполь.

Въ головѣ шелъ Гундоровскiй батальонъ, а правѣе Атаманцы, усиленные Лейбъ-Казачьей пулеметной командой. Лейбъ-Казачiй полкъ, бывшiй въ началѣ въ резервѣ Комбрига, во главѣ съ послѣднимъ, бросился въ атаку, какъ только Гундоровцы выбили противника изъ окоповъ, и ворвался въ городъ. Противникъ бѣжалъ черезъ городъ на мостъ на рѣкѣ Кальмiусъ.

...«Жители были въ домахъ», записываетъ Генералъ Фарафоновъ, «городъ точно мертвый, только одиночныя фигуры показываются въ воротахъ и торопливо украдкою осѣняютъ насъ крестнымъ знаменiемъ. Выскочивъ на восточную опушку и выпустивъ десятокъ снарядовъ по отходящимъ краснымъ, я съ конницей и пулеметами, не останавливаясь, преслѣдовалъ ихъ десятокъ верстъ, почти дойдя до станицы Ново-Николаевской. За время преслѣдованiя взяли до 700 плѣнныхъ»... (Изъ состава 2-ой Донской стрѣлк. дивизiи).

Потери полка: Казаковъ — убито 1, ранено 1.

Лошадей — убито 2, ранено 5.

Интерссна запись дневника Подъесаула Моргунова:

...«Всѣ симпатіи жителей на нашей сторонѣ, но они боятся ихъ проявлять, говоря, что, если вы уйдете, намъ очень плохо будетъ. Въ городѣ были двѣ чрезвычайки. Я лично видѣлъ въ стѣнахъ, около которыхъ разстрѣливали, огромныя углубленія, выбитыя пулями. Всѣ стѣны покрыты запекшейся кровью, смѣшанной съ мозгомъ и мелкими осколками костей. Въ одномъ изъ угловъ стражникъ поднялъ человѣческую губу съ усами. Всюду удушливо пахло трупнымъ смрадомъ»...

Въ городѣ были взяты большіе трофеи и въ числѣ ихъ большое количество совершенно новыхъ японскихъ винтовокъ.

Имѣлся въ городѣ водочный заводъ. Съ разрѣшенія начальника дивизіи полки получили каждый извѣстное количество водки. Лейбъ-Казаки получили 35 ведеръ, немедленно отосланныхъ частью въ обозъ, частью на базу полка въ Севастополь, въ распоряженіе завѣдывающаго хозяйствомъ.

Водка служила, конечно, не только для потребленія, а, главнымъ образомъ, какъ объектъ мѣновой торговли, совершенно неизбѣжный при крайней скудости денежныхъ отпусковъ и быстро падающей цѣнности бумажныхъ денегъ. Бутылка водки по тѣмъ временамъ расцѣнивалась отъ 10 до 20 тысячъ рублей.

Нѣкоторое количество спирта было отпущено по разрѣшенію Начальника дивизіи и офицерамъ. Это былъ первый случай за всѣ три года гражданской войны, когда офицеры воспользовались взятой съ боя добычей.

Одновременно и параллельно съ 1-й Донской дивизіей, но значительно сѣвернѣй наступали на востокъ 2-я и 3-я Донскія дивизіи.

2-я дивизія, 14-го Сентября, разбила 4-хъ тысячную группу красныхъ у ст. Великій и, взявъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ и два бронепоѣзда, дошла до границы Донецкаго бассейна (15-го Сентября 4-й Донской полкъ Полковника Рубашкина взялъ ст. Юзовку, гдѣ взорвалъ громадные склады снарядовъ).

3-я дивизія 14-го Сентября достигла ст. Волноваха, а 15-го повернула на югъ на станцію Асланово, откуда двинулась на станицу Ново-Николаевскую.

За Маріупольскую операцію всѣ три Донскія дивизіи взяли 5000 плѣнныхъ, 90 орудій и много пулеметовъ.

17-го Сентября противникъ пытался наступать сѣвернѣй Волновахи и въ помощь 2-й дивизіи была спѣшно двинута на сѣверъ 1-я Донская, смѣненная въ Маріуполѣ 3-й Донской.

18-го Сентября 1-я дивизія переходомъ въ 55 верстъ перешла въ с. Ива-

новское, а 19-го переходомъ въ 30 верстъ — въ раіонъ сл. Никольская-Васильевская-Павловская.

Здѣсь разыгрался встрѣчный бой.

Начальникъ дивизіи приказалъ 1-му дивизіону Лейбъ-Казаковъ атаковать деревню Покровку, а 2-му дивизіону Егоровку. Быстро развернулись дивизіоны и почти одновременно заняли обѣ деревни, изрубивъ противника и взявъ 318 плѣнныхъ, 3 пулемета и 42 повозки обозовъ.

Далѣе двинулись въ атаку Атаманцы.

Трудность первыхъ атакъ усугублялась тѣмъ, что наша артиллерія сильно отстала и прибыла лишь къ концу боя.

Атаманская сотня Войскового Старшины Васильева, сбивъ заслонъ противника, проникла ему въ тылъ, а двѣ другія сотни атаковали красныхъ въ обнажившійся ихъ флангъ.

...«Очень красивая была атака двухъ сотенъ Атаманцевъ», читаемъ въ запискахъ Комбрига Генерала Фарафонова, «какъ взяли пѣхоту съ праваго фланга, такъ и доскакали до лѣваго, забравъ 500 плѣнныхъ. Во время этой атаки, пропустивъ Атаманцевъ мимо себя, я съ 1-й сотней Лейбъ-Казаковъ выскочилъ на бугоръ. Сотня спѣшилась и залпами отбила массу пѣхоты красныхъ, коя наступленіемъ отъ Константиновки пыталась выручить своихъ, атакованныхъ Атаманцами. Пѣхота эта залегла и открыла сильный огонь. Рой пуль свистѣлъ въ воздухѣ. Въ этотъ моментъ на автомобилѣ подъѣхалъ Генералъ Дьяковъ. Въ мигъ ему пулями разбили фонарь, кузовъ и стекла автомобиля, самому Начдиву щелкнуло пулей вдоль ноги. Слѣва показалась лава красной конницы, однако, огнемъ на прицѣлѣ 12 она была отбита. Пѣхота красныхъ отходитъ толпами»...

За бой 19-го 1-я дивизія взяла болѣе 1000 плѣнныхъ, изъ состава 9-ой Сов. стр. и 7-ой Сов. кон. див., 5 пулеметовъ и много повозокъ обоза.

Потери Лейбъ-Казачьяго полка:

Тяжело въ грудь раненъ Подъесаулъ Жеребковъ.
Казаковъ — убито 3, ранено 4.
Лошадей — убито 14, ранено 11.
Дивизія ночевала въ Никольскомъ.

День 19-го Сентября былъ кульминаціоннымъ пунктомъ успѣховъ на Крымскомъ фронтѣ: II-я армія Генерала Драценко твердо держала линію Днѣпра готовая къ переходу въ наступленіе и выходу на Украину; 1-й Армейскій корпусъ занималъ Александровскъ, а Дроздовцы и Кубанцы поднимались на сѣверъ до Синельниково; Донской корпусъ своими тремя дивизіями стоялъ на границѣ Донской Области.

Настроеніе Донцовъ было бодрымъ и не было сомнѣнія въ успѣхѣ дальнѣйшаго движенія вглубь Донской Земли.

Однако, судьба сулила иное...

...И открылся намъ широкій
Путь свободный на Востокъ.
Ужъ виднѣлися границы
Войска славнаго Донцовъ,
И сердца ихъ, словно птицы,
Улетали въ край отцовъ.
Но съ Днѣпра намъ врагъ проклятый
Отъ Каховки угрожалъ,
И побѣды бѣгъ крылатый
Корпусъ въ горести сдержалъ.
И струями Донъ блистая,
Не напоитъ сыновей,
Не овѣетъ ширь родная
Ихъ дыханіемъ степей.
Не пройдутъ передъ очами
Благодатныя поля,
Не откроютъ имъ вѣтвями
Отчихъ кровель тополя...

(Стих. С. Ф. Сулина. Сборникъ «Донцы въ Тавридѣ». Стр. 43).

Въ промежуткѣ между 1-мъ Арм. корпусомъ съ Донскимъ и въ тылу послѣдняго въ раіонѣ Пологи-Орѣховая наблюдалось оживленіе дѣятельности противника.

9-я Сов. кав. дивизія смѣлымъ рейдомъ проникла до Царево-Константиновки и Розовки.

Одновременно наблюдалось сильное усиленіе противника на Днѣпрѣ, гдѣ Генералъ Врангель дѣятельно готовился къ переходу въ наступленіе для выхода на Украину. Представлялось необходимымъ, для успѣха послѣдней операціи, предварительно сократить общій свой фронтъ, сильно растянувшійся на сѣверъ и востокъ.

Въ связи со всѣми этими обстоятельствами, продвиженіе Донскихъ дивизій на востокъ было остановлено и Донской корпусъ двинутъ обратно на западъ.

1-я и 2-я Донская дивизіи были двинуты въ раіонъ Орѣховки, ст. Пологи съ попутной задачей ликвидировать прорвавшуюся къ Розовкѣ красную конницу.

3-я Донская дивизія два дня оставалась въ городѣ Маріуполѣ, въ обезпеченіе его эвакуаціи, а затѣмъ также была двинута на западъ.

20-го сентября Гв. Каз. бригада ночевала въ Пречистенкѣ, а 21-го выступила въ Керменчикъ. 2я бригада двигалась сѣвернѣй на Маіорское.

...«Я съ бригадой подошелъ къ Керменчику, — разсказываетъ генералъ Фарафоновъ, — село большое, предварительной развѣдки не было, и головная застава стала при входѣ въ село, видимо въ чемъ-то разбираясь. Видя заминку передовой заставы, я, въ ожиданiи донесенiя, спѣшилъ бригаду въ полуверстѣ. Подъѣхалъ на автомобилѣ начдивъ генералъ Дьяковъ. Я доложилъ о причинѣ задержки, но генералъ Дьяковъ, не обращая вниманiя на мой докладъ, направилъ свой автомобиль прямо въ село и скоро скрылся за хатами.

Послышались одиночные выстрѣлы, и изъ села въ обратномъ отъ насъ направленiи стали выскакивать пушки, пулеметы и отдѣльные эскадроны. Я приказалъ двумъ батареямъ карьеромъ выѣхать на открытую позицiю и открыть бѣглый огонь. Противникъ рысью уходилъ на сѣверъ. Не зная, въ Маiоркѣ ли наша 2-я бригада, я послалъ Лейбъ-Казаковъ вправо наперерѣзъ, а съ Атаманцами карьеромъ пошелъ въ село, гдѣ былъ встрѣченъ пулеметнымъ огнемъ. Выбивъ изъ села прикрывавшiя отходъ части красныхъ, я вышелъ на другую сторону. Красная бригада 9-й сов. кав. дивизiи, возвращавшаяся съ набѣга на Розовку, уже ушла. Проходя мимо Маiорки, она была встрѣчена пулеметнымъ огнемъ 2-й нашей бригады, этимъ ограничившейся.

Въ деревнѣ было взято нѣсколько пулеметовъ, зарядныхъ ящиковъ, патронныхъ двуколокъ и весь бригадный околодокъ 9-й сов. кав. дивизiи»...

Лейбъ-Казаки, посланные вправо, оказались отрѣзанными отъ красныхъ рѣкою съ болотистымъ дномъ. Въ поискахъ переправы, войсковой старшина Красновъ, командовавшiй дивизiономъ, бросился къ Керменчику, гдѣ еще шла пулеметная стрѣльба. Командиръ 3-й сотни войсковой старшина Дубенцевъ увидѣлъ плывущую по водѣ алую Лейбъ-Казачью фуражку, вокругъ которой рикошетировали пули большевиковъ. Онъ немедленно пулеметнымъ огнемъ отогналъ красныхъ. Подъ крутымъ откосомъ противоположнаго берега оказались начальникъ дивизiи генералъ Дьяковъ и его начальникъ штаба полковникъ Арванити. Въѣхавъ въ Керменчикъ, они наскочили на красныхъ. Не теряя присутствiя духа, оба бросили автомобиль и кинулись въ рѣку, гдѣ прижались къ обрыву. Красные было бросились за ними, но были отогнаны пулеметнымъ огнемъ Лейбъ-Казаковъ. Оба отдѣлались холодной ванной, но полковникъ Арванити два раза съ головой уходилъ подъ воду, совершенно замерзъ и, будучи вытащеннымъ на берегъ, упалъ въ обморокъ.

Генералъ Фарафоновъ двинулся вслѣдъ за ушедшей красной бригадой. Впередъ были посланы двѣ сотни Лейбъ-Казаковъ при 4-хъ орудiяхъ гвардейской батареи. Едва только эти сотни прошли Святодуховку, какъ сначала были обрстрѣляны пулеметнымъ огнемъ, а затѣмъ атакованы во флангъ подошедшей съ юга компактной конной массой. Выпустивъ нѣсколько очередей, орудiя Гв. батареи взялись на передки и вмѣстѣ съ дивизiономъ начали быстрый отходъ, стремясь выйти изъ-подъ удара. Вскорѣ выяснилось, что дивизiонъ былъ атакованъ бригадой 2-ой Донской дивизiи, шедшей вдогонку за уходившей бригадой 9-й сов. кав. дивизiи.

Благодаря произошедшей ошибкѣ и эта бригада 9-й сов. див. ушла.

Во избѣжаніе повторенія подобныхъ ошибокъ, было рѣшено, что 1-ая Донская конная дивизія одѣнетъ на пики флюгера.

Въ Музеѣ Л. Гв. Казачьяго полка хранится образецъ спроектированнаго для Лейбъ-Казаковъ флюгера: верхняя половина алая — по цвѣту полка, нижняя — желтая, по цвѣту басона старой гвардіи.

На полотнищѣ указаннаго образцоваго флюгера имѣется надпись:

«Утверждаю. 4-го X. 1920. Донской Атаманъ ген. Богаевскій».

Развитіе дальнѣйшихъ событій на фронтѣ не позволило провести эту мѣру въ жизнь.

За день 21-го сентября Лейбъ-Казаки взяли 3 пулемета, 2 зарядныхъ ящика и 4 патронныхъ двуколки.

(На долю Атаманцевъ достался весь перевязочный пунктъ красной бригады, со всѣми его медицинскими и санитарными повозками).

За день 21-го сентября Лейбъ-Казаки понесли слѣдующія потери:

Казаковъ:
Убито — 1.
Ранено — 4.
Лошадей:
Убито — 2.
Ранено — 6.

Далѣе 1-я дивизія тремя переходами движется на Орѣхово, куда прибываетъ 25 сентября.

26-го дивизія переходитъ на хут. Храпуновъ, ибо предполагается ея участіе въ бояхъ въ Александровскомъ направленіи. Однако, на слѣдующій день дивизія 50-верстнымъ переходомъ была переброшена въ южномъ направленіи въ Семеновку, такъ какъ обнаружилось усиленіе красныхъ на юго-восточномъ участкѣ фронта.

27-го сентября къ вечеру 1-я Донская дивизія прибыла въ дер. Семеновку.

28го въ 8 час. утра дивизія выступила на дер. Поповку. Пройдя 20 верстъ, 1-я дивизія при содѣйствіи бригады ген. Долгопятова (3-й Донской дивизіи) къ полудню завязала бой съ занявшими Поповку красными. Несмотря на свое значительное численное превосходство противникъ былъ выбитъ и къ вечеру отошелъ на Андреевку и Бѣльманку.

29-го противникъ съ утра атаковалъ Поповку. Въ 10 час. утра 1-я дивизія перешла въ энергичное контръ-наступленіе, и противникъ началъ отходъ на югъ.

Генералъ Дьяковъ былъ вызванъ въ штабъ 3-ей Донской дивизіи, и наступленіемъ руководилъ очень уважаемый въ Лейбъ-Казачьемъ полку генералъ Морозовъ.

...«Ген. Морозовъ вытягиваетъ дивизію въ свою любимую взводную

колонну, — говоритъ участникъ боя, полковникъ Номикосовъ, — и дивизія движется по направленію на Андреевку ,имѣя впереди себя небольшой броневикъ. Остановивъ дивизію въ ложбинѣ, ген. Морозовъ съ нѣсколькими ординарцами выдвигается впередъ, все высматриваетъ, послѣ чего, пославъ одинъ полкъ 2-ой бригады слѣва въ обходъ, самъ съ главными силами движется на Андреевку.

Не доходя трехъ верстъ до Андреевки, онъ лично «нацѣливаетъ» полки, разворачиваетъ ихъ и бросаетъ въ атаку. Къ моменту атаки подоспѣлъ возвратившійся ген. Дьяковъ»...

Маневръ былъ произведенъ быстро и скрытно, и появленіе бригады у Андреевки явилось для красныхъ полной неожиданностью.

«Подойдя съ бригадой къ Андреевкѣ, — отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ участникъ боя, есаулъ Моргуновъ, — генералъ Морозовъ приказалъ Атаманцамъ обойти Андреевку съ юга, а нашему полку идти прямо черезъ Андреевку, начавъ атаку одновременно съ открытіемъ артиллерійскаго огня. Красные, однако, замѣтили нашъ подходъ и начали быстро отходить, бросая окопы. Командиръ 6-ой сотни есаулъ Авиловъ, не дожидаясь начала артиллерійскаго огня и подхода Атаманцевъ, боясь упустить красныхъ, бросился въ атаку. 1-я сотня, видя, что 6-я атакуетъ, бросилась за 6-й.

Примѣру 1-й и 6-й сотенъ послѣдовали и 2-я и 3-я сотни. Полкъ ворвался въ Андреевку и, пройдя ее, бросился преслѣдовать красныхъ, отходившихъ на Берестовое»...

1-й взводъ Гв. Донской батареи есаула Зубова выѣхалъ на открытую позицію и прямой наводкой открылъ огонь по 4-орудійной батареѣ противника, подбивъ одно орудіе.

...«Лейбъ-Казаки захватили одно орудіе, прислуга котораго была выбита удачной стрѣльбой Гвардейской батареи, — говорилъ комбригъ генералъ Фарафоновъ (стр. 29), — казаки сами изъ захваченнаго орудія открыли немедленно огонь по отступающимъ группамъ. Такъ какъ панорама и курокъ были сняты, то казаки на мѣсто курка просовывали шомполъ отъ винтовки и, ударяя по немъ, разбивали капсюль. Эта картина и самихъ стрѣлявшихъ и окружавшихъ приводила въ восторгъ»...

Одновременно 5-я сов. кав. дивизія, подошедшая отъ Берестового на выручку своимъ, пыталась атаковать Гв. бригаду. Бѣглымъ огнемъ 2-го взвода Гв. батареи (сотн. Семеновъ), 16 пулеметовъ бригады и конной лавой Лейбъ-Казаковъ атака была остановлена, и Андреевка осталась за нами. 5-я сов. кав. дивизія, не принявъ атаки, поспѣшно отошла.

За день 29-го было взято болѣе 400 плѣнныхъ, одно орудіе и много пулеметовъ. Къ намъ перебѣжалъ взводъ Донскихъ казаковъ съ подъесауломъ Качалинымъ (не погруженныхъ въ свое время въ Новороссійскѣ и мобилизованныхъ красными).

30-го сентября, 1-го и 2-го октября полкъ имѣлъ отдыхъ въ Андреевкѣ и несъ лишь развѣдывательную службу.

3-го октября дивизія перешла въ Николаевку, а 4-го Лейбъ-Казачій полкъ былъ переведенъ въ Софіевку, гдѣ праздновалъ свой полковой праздникъ.

Съ этимъ днемъ были сопряжены большія ожиданія.

Предполагался отводъ полка въ Руднервейде, парадъ въ конномъ строю, съ трубачами, въ присутствіи Главнокомандующаго генерала Врангеля и Донского Атамана генерала Богаевскаго и торжественный обѣдъ. Командиръ полка, полковникъ Поздѣевъ, долженъ былъ къ этому дню прибыть изъ отпуска въ Руднервейде, привезя съ собою хранившійся въ Севастополѣ, при Лейбъ-Казачьемъ взводѣ Конвоя Главнокомандующаго Р. А., штандартъ, команду трубачей, поправившихся отъ раненій офицеровъ и казаковъ, вино и припасы для параднаго обѣда.

Однако, радостное ожиданіе быстро смѣнилось чувствомъ горячей тревоги: 5-я сов. дивизія, уклонившаяся отъ боя, пользуясь прерывчатостью фронта, прошла въ тылъ и вышла на Б. Токмакъ, гдѣ чуть не захватила прибывшаго на фронтъ генерала Богаевскаго. Возникло опасеніе, что командиръ полка и штандартъ попали въ руки красныхъ. Нѣсколько успокоила телеграмма полковника Воронина, сообщавшая, что онъ, слѣдуя къ полку съ обозомъ, у кол. Штейнфельдъ, нарвался на красную конницу, однако, хотя и преслѣдуемый ею, но благополучно выбрался на дер. Орловъ. Свѣдѣній о судьбѣ командира полка и Донского Атамана не было, и день полкового праздника прошелъ сумрачно. Былъ отслуженъ молебенъ и вмѣсто ожидавшейся богатой трапезы была организована подъ рюмку водки очень скромная закуска.

Въ обозъ II-го разряда былъ посланъ сильный разъѣздъ на отборныхъ коняхъ, подъ командой войскового старшины Рыковскаго, съ приказаніемъ срочно выяснить судьбу командира полка и штандарта. Въ слѣдующіе дни пришли успокоительныя свѣдѣнія: штандартъ не покидалъ Севастополя. Полковникъ Поздѣевъ, прибывъ съ поѣздомъ слѣдующаго на фронтъ Донского Атамана, не остался въ поѣздѣ, двигавшемся въ Б. Токмакъ, а выгрузился 1-го октября въ Мелитополѣ и съ командою трубачей на подводахъ проѣхалъ въ Вознесенское, гдѣ былъ расположенъ полковой обозъ II-го разряда. 2-го октября полковникъ Поздѣевъ долженъ былъ выѣхать къ полку вмѣстѣ съ полковникомъ Воронинымъ на 14 повозкахъ съ погруженными на нихъ трубачами, припасами и т. д. Полковникъ Воронинъ выступилъ на разсвѣтѣ 2-го октября по направленію черезъ кол. Астраханку на кол. Штейнфельдъ. Полковникъ Поздѣевъ нѣсколько задержался и предполагалъ догнать обозъ на походѣ, слѣдуя на верховой лошади.

Придя съ обозомъ въ Штейнфельдъ, полковникъ Воронинъ встрѣтилъ здѣсь крестьянку, только что пріѣхавшую на подводѣ изъ кол. Елизаветдаль. Она разсказывала, что ночью Елизаветдаль занялъ крупный отрядъ не то бѣлой, не то красной конницы. Колонія оцѣплена, и никого не выпускаютъ. Ее выпустили въ видѣ исключенія, такъ какъ она ѣхала за акушеркой для роженицы. Она видѣла, какъ прибывшіе ловили какого-то мотоциклиста.

Зная, что въ нашемъ глубокомъ тылу никакой нашей конницы быть не могло полковникъ Воронинъ приказалъ обозу спѣшно трогаться изъ деревни въ обратный путь. Не успѣлъ еще обозъ вытянуться, какъ къ колоніи подошли головные, двигавшіеся широкой рысью, эскадроны красныхъ. Полковникъ Воронинъ приказалъ обозу уходить карьеромъ. По счастью, на по-

слѣдней подводѣ оказался оружейный мастеръ полка, везшій починенный пулеметъ. Быстро наладивъ свой Люисъ, онъ открылъ огонь. Красные замялись, что дало возможность обозу оторваться отъ нихъ на 1½ версты.

Красные преслѣдовали до кол. Клефельдъ, откуда обозъ благополучно выбрался на хут. Орловъ. Во время скачки двѣ подводы перевернулись и достались краснымъ. Одна была съ водкой и запасомъ сапогъ, другая трубаческая.

Казаки-подводчики успѣли спастись, но два трубача были захвачены красными. Въ слѣдующіе дни во время переполоха при обстрѣлѣ красной конницы налетѣвшей эскадрильей нашихъ аэроплановъ, они бѣжали изъ плѣна и присоединились къ полку. По разсказу бѣжавшихъ, они были взяты въ плѣнъ казаками Донской Области, Бѣлокалитвенской станицы. Послѣдніе настроены были весьма не воинственно, ибо были мобилизованы красными насильно. Говорили, что охотно бы сдались бѣлымъ, но боятся, что опять ихъ бросятъ, какъ бросили въ Новороссійскѣ. Красная дивизія состояла изъ 6 полковъ (1-й и 3-й коммунистическіе, два Донскихъ и два Кубанскихъ).

Полковникъ Поздѣевъ, не доѣзжая кол. Штейнфельдъ, увидѣлъ отходящій карьеромъ и преслѣдуемый красными обозъ. Одновременно слѣва показалась лава 3-хъ эскадроновъ конницы. Полковникъ Поздѣевъ поскакалъ на сѣверъ и благополучно ушелъ на кол. А. Кноксасъ. Передохнувъ и закусивъ, онъ на слѣдующее утро вернулся въ Мелитополь, гдѣ узналъ, что красная конница, его преслѣдовавшая, повернула на сѣверъ и вышла ночью на Б. Токмакъ, гдѣ на станціи стоялъ поѣздъ Донского Атамана.

Атаманъ успѣлъ все же выскочить изъ вагона и спастись, но два съ нимъ бывшихъ казака погибли.

3-го октября Атаманъ вернулся въ Мелитополь, и полковникъ Поздѣевъ пригласилъ его на 4-ое октября въ Вознесенское, гдѣ стоялъ полковой обозъ II-го разряда и куда уже прибылъ и полковникъ Воронинъ съ бывшими при немъ офицерами и казаками.

По случаю полкового праздника былъ отслуженъ молебенъ и предложена скромная трапеза.

Послѣ обычныхъ привѣтственныхъ рѣчей, генералъ Богаевскій объявилъ приказъ о зачисленіи генерала Врангеля, въ знакъ признательности Войска, въ списки Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка.

Зачисленіе генерала Врангеля не было для полка неожиданностью. Донской Атаманъ еще въ бытность полковника Поздѣева въ Севастополѣ предложилъ ему запросить мнѣніе г. г. офицеровъ. Полковникъ Поздѣевъ телеграфировалъ въ полкъ и получилъ утвердительный отвѣтъ.

Въ концѣ трапезы Донской Атаманъ генералъ Богаевскій поздравилъ съ производствомъ въ генералъ-маіоры полковника Поздѣева и въ полковники — войсковыхъ старшинъ: Андріянова, Краснова и Воронина.

6-го и 7-го октября дивизіонъ Лейбъ-Казаковъ (полк. Красновъ, 3-я и 6-я сотни) и дивизіонъ Атаманцевъ (полковники Васильевъ и Ивановъ) съ 2мя орудіями Гв. батареи и двумя пулеметными командами, подъ командой генерала Фарафонова, произвели набѣгъ на колоніи Ялта и Гурзуфъ, что на р. Мокрой у Азовскаго моря.

Набѣгъ увѣнчался успѣхомъ: было взято 25 плѣнныхъ, 2 пулемета, 6 лошадей и много повозокъ. Сдѣлавъ около 120 верстъ, отрядъ къ 8-му октября вернулся въ Софіевку.

Съ 9-го по 12-ое октября полкъ простоялъ въ Софіевкѣ, гдѣ былъ полученъ приказъ о грядущемъ сокращеніи фронта и предстоящихъ тяжелыхъ бояхъ съ быстро усиливавшимся противникомъ.

12-го октября 1-я дивизія, въ исполненіе приказа, двинулась на западъ.

Вернемся нѣсколько назадъ.

Въ концѣ сентября генералъ Врангель приступилъ къ осуществленію тщательно подготовленной Заднѣпровской операціи.

II-я Армія генерала Драценко 25-го сентября неожиданно для красныхъ переправилась въ раіонѣ Александровска и Никополя и двинулась впередъ.

Генералъ Драценко, выдающійся офицеръ Генеральнаго Штаба, не обладалъ достаточнымъ команднымъ боевымъ опытомъ и рѣшительностью. Это обстоятельство, какъ и смерть въ бою доблестнаго генерала Бабіева, начальника служившей стержнемъ всей операціи Кубанской дивизіи, предопредѣлило конечную неудачу.

Переправившіяся было части II-ой Арміи отошли 2-го октября обратно на лѣвый берегъ Днѣпра, Заднѣпровская операція кончилась, и надежда выхода на Украину отпала.

Одновременно произошло и другое важное событіе: поляки 26-го сентября заключили перемиріе съ большевиками, а 29-го сентября подписали съ ними договоръ о прелиминарныхъ условіяхъ мира.

Не могло быть сомнѣній, что большевики,развязавъ себѣ руки на польскомъ фронтѣ, всѣ свои силы бросятъ на Крымъ.

Полосѣ удачъ талантливаго Главнокомандующаго генерала Врангеля приходилъ конецъ.

Однако, борьбу останавливать было нельзя, ибо никакого иного выхода не представлялось.

...«1-го октября, — говоритъ генералъ Врангель (стр. 209), — я предложилъ ближайшимъ своимъ помощникамъ, генералу Шатилову и генералу Кутепову, вопросъ — принимать ли намъ бой впереди Крымскаго дэфилэ, или, очиствъ Сѣв. Таврію, отойти за перешейки..· Мы пришли къ единодушному рѣшенію — бой въ Сѣв. Тавріи принять. Это была послѣдняя ставка: всякое другое рѣшеніе предопредѣляло неизбѣжный конецъ»...

ГЛАВА XVI.

КОНЕЦЪ КРЫМСКОЙ БОРЬБЫ.

Общая обстановка и исходъ боевъ за Сѣверную Таврію. — Дѣйствія Донского Коннаго Корпуса подъ М. Бѣлозеркой. — Атака Днѣпровки. — Бои у Елизаветовки, станціи Сокологорной, станціи Рыково. — Выходъ 1-й дивизіи на Чонгарскій полуостровъ. — Борьба за перешейки. — Общій отходъ. — Итоги потерь Л. Гв. Казачьяго полка за всѣ три года Гражданской войны. — Движеніе на Керчь и посадка на суда для эвакуаціи заграницу.

Ко второй половинѣ октября 1920 года, противъ Русской Арміи въ Крыму развернулись для рѣшительнаго удара IV, VI и XIII совѣтскія арміи, ихъ I-я и II-я конныя арміи и повстанческіе отряды, именовавшіеся повстанческой арміей Махно. Генералъ Врангель опредѣляетъ численность боевого состава развернувшихся совѣтскихъ 14 пѣхотныхъ и 12 кавалерійскихъ дивизій въ 55-60 тысячъ штыковъ и 22-25 тысячъ сабель, что давало имъ въ три съ половиной раза превышающее соотношеніе силъ (стр. 223).

Армія генерала Врангеля къ тому времени располагалась въ слѣдующемъ порядкѣ: II-я Армія генерала Абрамова, состоявшая изъ 6 и 7 пѣхотныхъ и 3-й Донской пѣшей дивизій, занимала Восточный и Сѣверо-Восточный фронтъ отъ Азовскаго моря до Днѣпровскихъ плавней.

I-я Армія генерала Кутепова, состоявшая изъ Марковской, Корниловской, Дроздовской, 13-й и 34-й пѣхотн. дивизій, Гвардейскаго отряда, 2-хъ регулярныхъ кавалерійскихъ дивизій, одной Кубанской казачьей дивизіи и Терско-Астраханской Конной казачьей бригады, занимала Сѣверо-Западный и Западный фронтъ, отъ Днѣпровскихъ плавней до Чернаго моря.

1-я и 2-я Донскія Конныя дивизіи къ 14 октября были сосредоточены въ раіонѣ Михайловка — Тимашевка, гдѣ составили резервъ Главнокомандующаго.

15-го октября красные перешли въ рѣшительное наступленіе всѣми своими силами. Главный ударъ наносился съ запада, отъ Каховскаго плацдарма, VI-ою совѣтской арміей, усиленной только что прибывшею на фронтъ I-ою конною арміей Буденнаго. Обѣ эти арміи атаковали 2-й корпусъ ген. Витковскаго, стремясь прорваться по кратчайшему пути на югъ, къ Перекопу, дабы отрѣзать остальные корпуса генерала Врангеля отъ выходовъ въ Крымъ.

XIII-ая совѣтская армія наступала съ востока, съ линіи Бердяны — Пологи, въ направленіи на Мелитополь.

IV-ая совѣтская армія наступала съ линіи Орѣхово — Александровскъ на Васильевку — Тимашевку, стремясь нанести ударъ съ сѣверо-востока.

И наконецъ, II-я конная армія, переправившись черезъ Днѣпръ у Никополя, наступала съ сѣверо-запада на Рогачикъ, гдѣ потѣснила Корниловскую дивизію.

Тяжесть боевъ съ значительно превосходнымъ въ силахъ противникомъ еще увеличилась неожиданно наставшими, совершенно небывалыми въ Таврія 20-градусными морозами. Люди, не получившіе теплой одежды, мерзли, и къ потерямъ отъ огня прибавились потери обмороженными.

16-го октября IV-ой совѣтской арміи удалось потѣснить 2-й корпусъ, начавшій отходъ на Перекопъ. Одновременно 1-я конная армія Буденаго, обтекая правый флангъ 2-го корпуса, двинулась въ тылъ, въ направленіи на Сальково.

Генералъ Врангель, въ ночь съ 16-го на 17-ое, приказалъ генералу Кутепову оставить раіонъ Сѣрагозъ и спѣшно двинуться на Сальково, дабы прижать прорвавшагося противника къ Сивашу, а генералу Абрамову приказалъ перебросить по жел. дорогѣ на Сальково, въ тѣхъ же цѣляхъ, сосредоточенную въ Мелитополѣ 7-ю пѣхотную дивизію.

Въ сумерки, 17-го октября, передовыя части красной конницы подошли къ Сальково, но были отбиты огнемъ нашихъ слабыхъ частей.

Утромъ 18-го октября подошла съ сѣвера 3-я Донская дивизія генерала Гусельщикова, которая, совмѣстно съ подвезенной по желѣзной дорогѣ 7-ой пѣхотной дивизіей, обрушилась на главную массу конницы Буденнаго, занимавшую раіонъ Ново-Алексѣевка — Сальково — Геническъ, и прижала противника къ еще не замерзшему болотистому Сивашу. Заметалась красная конница, прорываясь между нашей пѣхотой обратно на сѣверъ и сѣверозападъ. Въ руки доблестнаго генерала Гусельщикова попала одна батарея съ полной запряжкой и почти весь обозъ. Генералъ Кутеповъ былъ уже въ раіонѣ Рождественскаго и Отрады и дѣйствуй онъ рѣшительнѣе, Буденному не пришлось бы уйти. Однако, какъ отмѣчаетъ генералъ Врангель (стр. 225), «потрясенныя жестокими испытаніями войска дрались вяло. Главная масса красной конницы почти безпрепятственно успѣла проскочить передъ фронтомъ конницы генерала Кутепова»...

Тѣмъ не менѣе, главное было сдѣлано: выходъ въ Крымъ былъ вновь открытъ.

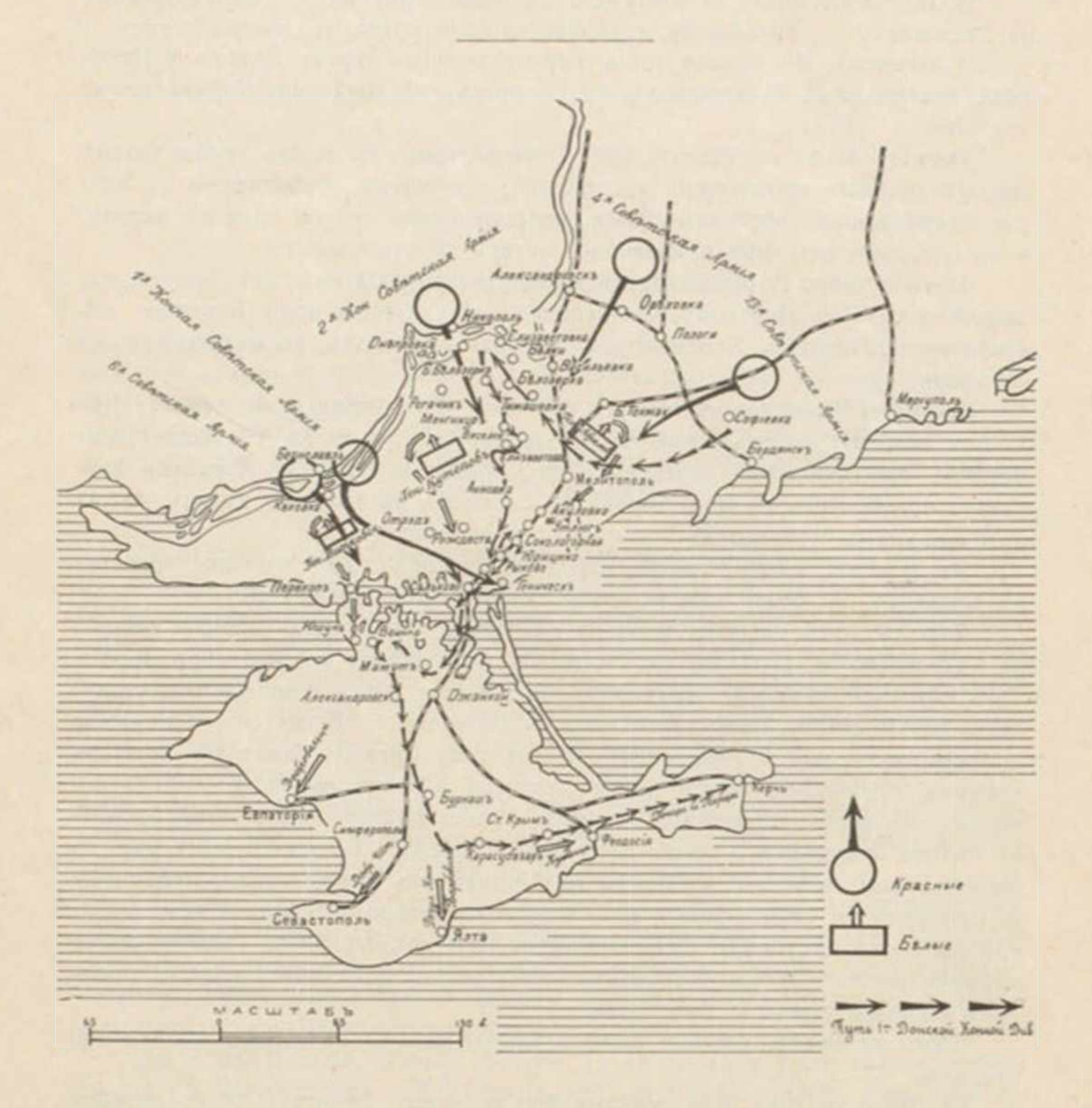
Съ 18-го по 20-е шли тяжелые бои по всему фронту, а 20-го октября части генерала Абрамова стали втягиваться въ Сальковское дэфилэ, проходя на Чонгарскій полуостровъ. За ними послѣдовали и части генерала Кутепова.

Къ вечеру 20-го Сальковскую позицію заняла Дроздовская дивизія.

2-й Армейскій корпусъ занялъ Перекопскую позицію.

Марковская дивизія, часть 3-й Донской и 7-й пѣх., пройдя Геническъ, попали на Арбатскую стрѣлку и двигаясь кружнымъ путемъ временно находились внѣ боевого поля.

Битва за Сѣверную Таврію окончилась переходомъ всей ея территоріи въ руки красныхъ и отходомъ Русской Арміи въ Крымскую «бутылку».



Вернемся къ дѣйствіямъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка.

1-я Донская дивизія, 12-го октября, переходомъ въ 30 верстъ, перешла въ Юрьевку, 13-го октября, переходомъ въ 45 верстъ — въ Астраханку и 14-го — переходомъ въ 35 верстъ — въ Александергеймъ, не доходя до Тимашевки, гдѣ стала въ резервъ Главнокомандующаго.

15-го 1-я Донская дивизія, совмѣстно съ подошедшей 2-й Донской дивизіей, были переданы въ распоряженіе генерала Абрамова и двинуты на Малую Бѣлозерку.

Лейбъ-Казачий полкъ, переночевавъ 14-го въ колоніи Александергеймъ, прибылъ переходомъ въ 25 верстъ 15-го октября въ 5 час. дня въ М. Бѣлозерку. 2-я дивизія, шедшая въ головѣ, вела бой въ 2-хъ верстахъ впереди селенія. Противникъ особаго упорства не проявилъ и къ вечеру отошелъ. Обѣ Донскія дивизіи составили Донской Конный корпусъ и ночевали въ Малой Бѣлозеркѣ.

Согласно оперативному приказу по Арміи, Донскому Конному корпусу надлежало разбить и отбросить за Днѣпръ переправившуюся у Никополя II-ю конную армію, тѣснившую Корниловцевъ у Рогачика.

Ночь прошла безпокойно: подходили развѣдывательныя части красной конницы, отброшенныя огнемъ сторожевого охраненія.

Въ 7 час. утра корпусъ сосредоточился на сѣв.-зап. окраинѣ М. Бѣлозерки и двинулся впередъ.

Погода была отвратительная. Шелъ дождь, перешедшій затѣмъ въ снѣгъ. Дулъ пронизывающій до костей вѣтеръ. Холодъ все усиливался, переходя въ морозъ.

Верстахъ въ 7-ми отъ Бѣлозерокъ показался шедшій широкой лавой противникъ.

Правый флангъ Донского корпуса составляла 2-я Донская дивизія, двигавшаяся правѣе дороги М. Бѣлозерка — Елизаветовка. Вниманіе 2-й дивизіи было привлечено пѣхотой противника, появившейся съ сѣвера въ направленіи отъ дер. Балки.

Вторая дивизія успѣшно атаковала эту пѣхоту и, изрубивъ головную бригаду красныхъ, двинулась на Балки, оторвавшись отъ находившейся лѣвѣе дороги Бѣлозерка — Елизаветовка 1-й дивизіи. Противъ послѣдней оказалась 16-я совѣтская кав. дивизія, наступавшая съ запада отъ Днѣпровки.

На лѣвомъ флангѣ 1-й дивизіи двигался Лейбъ-Казачій полкъ подъ командой генерала Поздѣева.

6-я сотня есаула Авилова и 3-я сотня войскового старшины Дубенцева, съ пулеметной командой есаула Евфимьева, смѣло атаковали противника.

Одновременно, на далекомъ нашемъ правомъ флангѣ, успѣшно атаковала лѣвый флангъ противника 2-я бригада 1-й дивизіи.

Красная конница дала тылъ и стала по всему фронту отходить на Днѣпровку.

Отходъ красныхъ скоро принялъ безпорядочный характеръ.

Лейбъ-Казаки шли крупной рысью — усилить аллюръ нельзя было, ибо двигаться приходилось безъ дорогъ по мерзлой кочковатой землѣ.

На плечахъ красныхъ Лейбъ-Казаки ворвались на хуторокъ, что въ 4-хъ верстахъ отъ Днѣпровки, гдѣ полкъ остановился, поджидая подхода другихъ частей дивизіи.

При преслѣдованіи противника полкомъ было взято одно орудіе, 2 зарядныхъ ящика и 4 пулемета.

Съ подходомъ другихъ полковъ дивизіи было рѣшено атаковать Днѣпровку.

Генералъ Поздѣевъ говоритъ: «...Отъ Лейбъ-Казаковъ въ атаку пошли 1-я сотня есаула Агафонова и 6-я сотня есаула Авилова, 3-я сотня войскового старшины Дубенцева была оставлена на уступѣ влѣво назадъ, а 2-я сотня

есаула Гринева отсутствовала, ибо была значительно раньше послана далеко влѣво, для связи съ находившимися въ Б. Бѣлозерки Марковцами. Атаманцы шли резервной колонной далеко вправо. 1-й Донской полкъ былъ направленъ въ далекій обходъ *) и, двигаясь по сильно пересѣченной мѣстности, къ моменту атаки находился въ 3-4 верстахъ отъ мѣста ея и не могъ оказать поддержки. 2-й Донской полкъ оставался въ резервѣ начальника дивизіи.

Такимъ образомъ, въ атакѣ Днѣпровки приняли участіе лишь 6 сотенъ (2 Лейбъ-Казачьихъ и 4 Атаманскихъ). Лейбъ-Казачьи сотни, дойдя до шашечнаго удара, опрокинули конницу, бывшую передъ ними, и дошли до Днѣпровки, гдѣ были встрѣчены огнемъ красной пѣхоты».

Атаманцы не успѣли еще развернуться, какъ попали подъ сильный огонь, потерявъ выбывшими изъ строя сразу — командовавшаго полкомъ полковника Андріянова и его замѣстителя полковника Попова. Видя заминку, къ Атаманцамъ бросился лично командиръ бригады генералъ Фарафоновъ.

...«Надъ Днѣпровкою, — читаемъ въ его запискахъ, — стояла бригада конницы полнаго состава, а правѣе, въ резервной колоннѣ, появилась другая, видимо только что подошедшая свѣжая бригада, явно готовящаяся насъ атаковать. Мы были значительно слабѣе красныхъ, лошади наши сильно утомлены, и во что бы то ни стало надлежало не позволить краснымъ насъ атаковать, продержавшись до темноты.

Свѣжая красная бригада двинулась въ атаку. Моментъ былъ критическій. Видя заминку у Атаманцевъ, я бросился къ нимъ и, назначивъ командующимъ полкомъ старшаго изъ оставшихся офицеровъ, подъесаула Грекова Юрія, приказалъ держаться на мѣстѣ.

Одновременно, я приказалъ командиру 3-й Лейбъ-Казачьей сотни войсковому старшинѣ Дубенцеву быстро выдвинуть впередъ его сотенные пулеметы и открыть огонь.

Въ строй 3-й сотни въѣхалъ взводъ Гвардейской Донской батареи, открывшій бѣглый огонь. Другой взводъ открылъ бѣглый огонь въ помощь Атаманцамъ.

Конная масса противника замялась, остановилась и покатилась назадъ въ Днѣпровку».

«Положеніе было спасено, — отмѣчаетъ дневникъ генерала Поздѣева, — съ одной стороны находчивостью командира бригады, съ другой наличіемъ свободной 3-ей сотни, имѣвшей 6 пулеметовъ Виккерса. Пулеметы всѣ вмѣстѣ стали влѣво отъ дороги и открыли огонь на 1.500 шаговъ, а 3-я сотня войскового старшины Дубенцева, при поддержкѣ интенсивнаго огня Гв. батареи, энергично пошла впередъ. Вся масса противника замедлила ходъ, остановилась и пошла обратно. Вскорѣ наступила темнота»...

Захваченные Лейбъ-Казаками плѣнные показали, что ихъ 16-ая кав.

---

*) Ген. Дьяковъ говоритъ: «При движеніи на Днѣпровку верстахъ въ пяти къ югу отъ насъ показалась красная пѣхота. Я выслалъ 1-й полкъ полковника Дронова. Доблестный командиръ полка справился съ задачей, но ему пришлось довольно долго повозиться съ пѣхотой противника и присоединился онъ къ дивизіи лишь съ темнотой».

дивизія, утромъ пытавшаяся наступать на М. Бѣлозерку, въ безпорядкѣ прошла черезъ Днѣпровку на Водяное, но что вечеромъ мы имѣли дѣло съ только что подошедшей свѣжей особой бригадой II-ой арміи, состоявшей изъ 3-хъ полковъ, и что въ Днѣпровкѣ находилась, кромѣ того, бригада красной пѣхоты.

Командиръ бригады былъ вызванъ къ только что прибывшимъ на хуторъ, замѣнявшему командира Донского корпуса генералу Говорову и начальнику дивизіи генералу Дьякову, предполагавшимъ продолжать наступленіе на Днѣпровку.

Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣніями, ввиду потери связи со 2-ой дивизіей, потери связи со штабомъ арміи и поступившими свѣдѣніями объ отходѣ Марковцевъ на югъ отъ Б. Бѣлозерки, было рѣшено отъ продолженія наступленія отказаться, и 1-я дивизія двинулась на ночлегъ въ д. Б. Бѣлозерку. 2-я дивизія ночевала въ М. Бѣлозеркахъ.

Съ темнотой морозъ усилился до 20-ти градусовъ. Легко одѣтые казаки, продѣлавшіе за день съ боемъ 60 верстъ, сильно мерзли.

...«Голодные и замерзшіе, простоявъ на мѣстѣ часа два, — говоритъ дневникъ есаула Могилянскаго, — въ 23 часа мы двинулась на ночлегъ въ с. Б. Бѣлозерки. Предстояло пройти 20 верстъ. Помню, какъ сейчасъ, этотъ кошмарный переходъ.

Морозъ не позволялъ сидѣть въ сѣдлѣ. Почти всѣ шли пѣшкомъ ,несмотря на утомленіе 16-часовымъ боемъ. Люди на ходу засыпали. Я самъ, идя пѣшкомъ, нѣсколько разъ засыпалъ и просыпался, натыкаясь на задъ впереди идущей лошади»....

За бой 16-го Лейбъ-Казаки взяли 1 орудіе, 4 пулемета и около 50 плѣнныхъ и понесли потери: убито — казаковъ 4, лошадей — 16, ранено — казаковъ 11, лошадей 22.

На ночлегъ дивизія заняла восточную часть растянувшагося на 15 верстъ селенія Б. Бѣлозерки.

Ночью, въ западную часть того же селенія, вошла красная дивизія, подошедшая съ юга.

Однако, морозъ и вьюга, какъ и утомленіе людей, были таковы, что обѣ дивизіи остались на мѣстѣ, ведя лишь перестрѣлку сторожевыми охраненіями.

За ночь Лейбъ-Казаками было захвачено въ плѣнъ около 50 красныхъ, проникшихъ въ наше расположеніе.

Въ 7 час. утра 17-го октября дивизія двинулась на югъ на Менчикуръ.

Отходъ дивизіи прикрывали въ началѣ 2-я дивизія, а затѣмъ дивизіонъ изъ 6-ой Лейбъ-Казачьей сотни есаула Авилова и одной сотни отъ 1-го полка 2-й бригады.

Красные видимо сильно устали и позамерзли, поэтому преслѣдовали вяло, и дивизіонъ отлично справился съ задачей.

При перестрѣлкѣ съ красными былъ, однако, тяжело раненъ пулей въ животъ командиръ 6-й сотни есаулъ Авиловъ, убито въ 6-й сотнѣ 2 казака, 4 лошади и ранено 6 казаковъ и 5 лошадей.

Послѣ получасового привала въ Пескошино, дивизія черезъ Менчикуръ прошла въ Веселое, гдѣ расположилась на ночлегъ, пройдя за день 35 верстъ.

Морозъ еще усилился, и было много казаковъ, поморозившихъ себѣ уши и конечности.

Въ 3 часа ночи красные повели наступленіе на дер. Веселое, открывъ артиллерійскій и ружейный огонь.

Донской Конный корпусъ не принялъ боя и перешелъ въ Елизаветовку, гдѣ и расположился.

Черезъ 3 часа къ Елизаветовкѣ подошла 30-я совѣтская стрѣлковая дивизія, завязавшая огневой бой. Лейбъ-Казачій полкъ, а затѣмъ и Атаманскій, поочередно ходили въ атаку, однако, составъ 30-й совѣтской дивизіи былъ стойкій, и атаки были отбиты огнемъ.

Тогда, оставивъ въ Елизаветовкѣ лишь одинъ Калединскій полкъ и 1-ю батарею, обѣ дивизіи вышли — 1-я на сѣверо-востокъ отъ селенія, вторая — на юго-востокъ, обойдя фланги втягивавшейся въ Елизаветовку 30-ой совѣтской дивизіи.

Красные поняли, что попали въ ловушку, однако, никакой паники въ ихъ рядахъ замѣтно не было: медленно и стройно, въ трехъ параллельныхъ сомкнутыхъ колоннахъ, они начали вытягиваться обратно изъ Елизаветовки на Веселое, открывъ боковыми колоннами интенсивный огонь. Однако, было поздно.

Дадимъ интересное описаніе атаки, сдѣланное очевидцемъ, хорунжимъ Н. Ефремовымъ, бывшимъ въ этотъ день ординарцемъ при командирѣ бригады и хорошо видѣвшимъ всѣ перипетіи боя.

...«Красные, замѣтивъ охваты фланговъ, стали медленно тремя колоннами вытягиваться изъ Елизаветовки, открывъ изъ пулеметовъ и винтовокъ убійственный огонь. Но не хуже работали и наши пулеметы и орудія. Въ особенности замѣчательно били наши батареи, стрѣляя черезъ наши головы и поражая буквально каждой выпущенной гранатой.

Одновременно со всѣхъ сторонъ наши казаки бросились въ атаку.

Красные разстрѣливали казаковъ въ упоръ, не желая сдаваться.

Я стоялъ за командиромъ бригады на холмѣ, откуда все было видно, какъ на ладони. Командиръ бригады послалъ меня въ полкъ съ приказаніемъ выслать наблюденіе къ Веселому. Когда я садился на коня, то видѣлъ, какъ наша конница съ крикомъ «ура», красиво выдерживая равненіе, бросилась въ атаку.

Нашъ холмъ былъ отдѣленъ отъ мѣста атаки балкой, и когда я въ нее спустился, то небольшой бугоръ, минутъ на 5, загородилъ мнѣ видъ на это величественное — красивое и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткое зрѣлище. Стрѣльба и крикъ «ура» прекратились, но, къ моему удивленію, когда я выѣхалъ на бугоръ, я увидѣлъ только разъѣзжающихъ по полю отдѣльныхъ всадниковъ, слѣзающихъ и садящихся и собирающихся въ колонны, но совсѣмъ не видно было красной пѣхоты, за исключеніемъ группы, человѣкъ въ 500, стоявшей около нашей Гв. бригады. «Неужели ушли?» — мелькнула у меня въ головѣ мысль, но подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ, что все поле усѣяно трупами съ разсѣченными головами (попадались и совсѣмъ безъ головы) и изувѣ-

ченныхъ ударами пикъ. Зрѣлище было потрясающимъ: еще 5 минутъ назадъ это была одна изъ лучшихъ совѣтскихъ дивизій въ 3 тысячи штыковъ, отъ которой сейчасъ осталось одно воспоминаніе въ видѣ груды труповъ и 500 плѣнныхъ.

Трофеями Лейбъ-Казаковъ были: 9 пулеметовъ и болѣе 300 плѣнныхъ. Полкъ понесъ, однако, большія потери *), особенно въ лошадяхъ.

Убито: казаковъ — 1, лошадей 14.

Ранено: тяжело командиръ полка ген. Поздѣевъ, хорунжій Мигулинъ и прикомандированный къ полку сотникъ Смерткинъ;

казаковъ — 27 и лошадей — 50.

За выбытіемъ изъ строя генерала Поздѣева, во временное командованіе Лейбъ-Гвардіи Казачьимъ полкомъ вступилъ полковникъ Кононовъ.

...«Послѣ боя полки были разведены на прежнія квартиры, — читаемъ въ дневникѣ командира пулеметной команды есаула Евфимьева, — хотя было уже извѣстно о движеніи на Елизаветовку конной арміи Миронова, но было необходимо обогрѣться, ибо стоялъ жестокій морозъ. Черезъ два часа пришло приказаніе выходить на сборное мѣсто, ибо передовая бригада красной конницы, двигаясь въ колоннѣ рысью, находилась уже въ полуверстѣ отъ деревни.

Выскочившая первой Гв. Донская батарея открыла по краснымъ бѣглый огонь. Колонна красныхъ стала разворачиваться въ лаву. Изъ деревни навстрѣчу выскакивали отдѣльныя сотни, взводы, пулеметы и рысью двинулись на красную лаву. Красные остановились и открыли пулеметный огонь. Скоро подошла къ краснымъ еще дивизія, усилившая лаву. Командиръ Донского Коннаго корпуса генералъ Говоровъ рѣшилъ не ввязываться въ бой

---

*) Начдивъ 1-ой Донской ген. Дьяковъ говоритъ: ...«Какъ это завелъ Ген. Говоровъ, первой была выпущена противъ 30-ой Сов. Дивизіи наша 1-ая Донская, вышедшая краснымъ съ фланга. Не видя передъ собой другого противника, красные перестроились къ намъ фронтомъ, подставивъ 2-ой дивизіи флангъ, а 7-му полку даже тылъ.

Этимъ взаимнымъ расположеніемъ и объясняются наши, относительно 2-ой дивизіи, большія потери.

На собраніи старшихъ начальниковъ, послѣ атаки, начдивъ 2-ой Донской приписалъ весь успѣхъ боя удару исключительно 2-ой дивизіи. Будучи недоволенъ еще позавчерашними дѣйствіями 2-ой дивизіи, не поддержавшей нашего удачнаго наступленія на Днѣпровку и, приведя продѣланную нами сегодня работу и понесенныя потери, я горячо возражалъ».

и приказалъ отходить на Екатериновку*). Полки медленно, раскинувъ лавы, двинулись на югъ. Красные пытались обойти фланги и скоро всѣ $3\frac{1}{2}$ дивизіи Миронова были введены въ дѣло. Однако, атаковать красные не рѣшились, и 1-я дивизія, шедшая въ хвостѣ, отойдя верстъ 8, свернулась въ колонну. Стало темнѣть»...

...«Отходъ былъ классическимъ, такъ спокойно и красиво не продѣлаешь и на ученьи, — отмѣчаетъ генералъ Фарафоновъ. — Все было отлично видно въ открытой степи на бѣломъ снѣгу»... Отлично работали наши двѣ батареи, поочередно, не прекращая огня, отходя на новыя позиціи.

Пройдя за день, послѣ тяжелаго боя, 25 верстъ, 1-я дивизія стала на ночлегъ въ дер. Анновкѣ..

2-я дивизія ночевала въ Екатериновкѣ.

19-го октября, на разсвѣтѣ, 2-я Донская дивизія была въ Екатеринов-

*) Начдивъ 1-ой Донской ген. Дьяковъ говоритъ: «Ген. Говоровъ рѣшилъ принять бой со 2-ой Конной Арміей Миронова, причемъ опять предложилъ начинать мнѣ. Исходя изъ соображенія, что начинающему въ отношеніи крови бой обходится дороже, а въ отношеніи трофеевъ и результата ему хуже чѣмъ входящему потомъ, я просилъ измѣнить порядокъ выхода дивизіи.

Тутъ горячо и сердечно вступилъ въ разговоръ ген. Татаркинъ, указывая, что, какъ гораздо болѣе сильный численно, онъ болѣе сокрушительно нанесетъ рѣшительный ударъ, и просилъ меня не протестовать, обѣщая войти въ бой безъ замедленія.

1-ая дивизія вышла навстрѣчу Миронову и завязала бой. Занявъ собою добрую половину 2-ой Конной Арміи я, случайнымъ поворотомъ удачно повернулъ дивизіи Миронова бокомъ къ стоящей отъ меня уступомъ вправо 2-ой нашей дивизіи.

Совершенно неожиданно для меня 2-ая дивизія стала отходить назадъ. Одновременно я получилъ отъ ген. Говорова приказаніе отходить на Екатериновку, куда уже направлялась 2-ая дивизія.

Проскакавъ къ ген. Говорову, я взвылъ бѣлугой ,доказывая невозможность для меня, не имѣя резервовъ, вырваться изъ уже завязаннаго коннаго боя, съ въ шесть разъ сильнѣйшимъ противникомъ, (хотя и относительно инертнымъ) и просилъ не отказываться отъ боя.

Указывалъ на выгодность для насъ условій: ровное, какъ нарочно для коннаго боя созданное, поле, инертный противникъ, очевидно не забывшій Никопольской суматохи и потрясенный впечатлѣніемъ только что пройденнаго имъ поля нашей утренней атаки на пѣхоту.

Все было напрасно, причиной выставлялось полученное изъ обоза донесеніе о нападеніи какой то конной части на наши обозы, находившіеся въ 20 верстахъ позади.

Пришлось начинать отходъ. Цѣлый день одна 1-я дивизія, прикрывая отходъ, вела напряженнѣйшій бой со всей конной массой Миронова.

Уже въ серединѣ дня у меня не было ни одной сотни резерва и для парированія разныхъ случайностей приходилось выдергивать отдѣльныя сотни. Огромную роль въ успѣхѣ отхода сыграли наши многочисленные станковые пулеметы (ихъ было въ дивизіи около 100) и прекрасно работавшія батареи»....

кѣ атакована и, не ввязываясь въ бой, начала отходить. Двинулась на югъ по направленію на ст. Юрицыно и 1-я Донская дивизія.

Впередъ былъ посланъ штабъ-офицеръ для установленія связи по телефону со Штабомъ Арміи. Отъ него впервые узнали, что штабъ генерала Абрамова на ст. Сальково и что 17-18 октября конница Буденнаго занимала перешейки въ нашемъ глубокомъ тылу, но была отогнана генераломъ Гусельщиковымъ.

Въ Юрицыно узнали, что Сокологорная занята конницей красныхъ и что тамъ на путяхъ остались два бронепоѣзда, кои Гвардейской Казачьей бригадѣ было предложено выручить. Генералъ Фарафоновъ повелъ бригаду назадъ на сѣверъ и послѣ огневого боя отогналъ красную конницу, занявъ станцію.

Всѣ пути были забиты интендантскими вагонами, полными всякимъ добромъ, въ которомъ чувствовалась столь острая нужда на фронтѣ. Расчистить путь для бронепоѣздовъ не удалось, и ихъ начальники, выгрузивъ лишь то, что можно было вывезти, ихъ взорвали. При станціи былъ маленькій поселокъ, и жители тащили къ себѣ въ хаты товары цѣлыми вязанками.

Генералъ Фарафоновъ приказалъ подводить казаковъ партіями поочередно къ вагонамъ и брать, что кому необходимо.

Казаки набрали бѣлья, кожи, сахара, сала и массу прекрасныхъ вещей. Повозокъ не было, и каждый бралъ лишь, что увезти въ сѣдлѣ. Изъ богатаго поѣзда Американскаго Краснаго Креста было приказано взять одѣяла на попоны и пополнить запасъ консервовъ.

На ночь бригада пошла ночевать въ хуторокъ неподалеку отъ ст. Юрицыно. Остающіеся эшелоны генералъ Фарафоновъ зажегъ (часть ихъ горѣла, еще будучи подожжена красными). Они горѣли всю ночь.

За день 19-го пройдено около 40 верстъ.

Ночь на 20-ое прошла безпокойно: на хуторокъ наступала красная конница, сдержанная огнемъ сторожевого охраненія. Нѣсколько разъѣздовъ проникли въ самый хуторокъ, гдѣ наскочили на 1-ю сотню Лейбъ-Казаковъ, подпустившую ихъ безъ выстрѣла вплотную. Всадники были порублены шашками, а захваченныя лошади немедленно поставлены въ строй. «Одѣты были кавалеристы отлично, — отмѣчаетъ комбригъ генералъ Фарафоновъ, — въ хорошихъ сапогахъ, желтыхъ короткихъ полушубкахъ и въ безобразныхъ суконныхъ колпакахъ, заостренныхъ кверху, съ наушниками и пятиконечной звѣздой»... Принадлежали они къ составу какого-то Оренбургскаго полка, только что прибывшаго съ Урала.

Изъ опроса заваченныхъ кавалеристовъ выяснилось, что станція Рыково, находившаяся въ 25 верстахъ въ нашемъ тылу, занята красными, почему 1-я дивизія, еще въ темнотѣ, двинулась на югъ.

Проходомъ черезъ станцію Юрицыно лично генералъ Фарафоновъ взорвалъ покинутый на путяхъ вагонъ съ аэропланными бомбами.

Отъ Юрицыно дивизія пошла рысью вдоль желѣзнодорожнаго полот-

на. Все время по колоннѣ разъѣзжали ординарцы начальника дивизіи съ приказаніемъ прибавить ходу, такъ какъ былъ перехваченъ приказъ красного командованія о предположенномъ согласованномъ ударѣ по Донскому Конному корпусу частями Буденнаго и Миронова, въ раіонѣ Рыково, и надлежало опрокинуть занявшихъ Рыково большевиковъ до подхода прочихъ красныхъ частей.

Въ головѣ шла 2-я бригада, въ хвостѣ Гвардейская. Сзади и справа насѣдала красная конница, сдерживаемая огнемъ пулеметовъ съ тачанокъ и бѣглымъ огнемъ очередныхъ батарей.

Быстрое движеніе, пулеметный и орудійный огонь и туча пыли, высоко поднявшаяся надъ колонной, произвели на красныхъ, занявшихъ Рыково и не знавшихъ количества идущей на нихъ напроломъ на рысяхъ конницы, такое впечатлѣніе, что они не оказали 2-й бригадѣ особенно стойкаго сопротивленія и подались влѣво, очистивъ дорогу *)... «Не доходя 3-хъ верстъ до Рыкова, — отмѣчаетъ дневникъ участника есаула Могилянскаго, — мы попали подъ пулеметный и орудійный огонь лавы красныхъ, стоявшихъ въ 1.000 шагахъ западнѣе полотна желѣзной дороги.

Не уменьшая аллюра, дивизія отстрѣливалась слѣдующимъ порядкомъ: пулеметныя команды полковъ попеременно останавливались и открывали огонь, пропуская мимо всю колонну, затѣмъ карьеромъ неслись въ голову своего полка, гдѣ снова останавливались и открывали огонь. То же дѣлала и Гвардейская Донская дивизія. Огонь заставилъ красныхъ скрыться въ балку и уменьшилъ дѣйствительность ихъ огня.

Такимъ порядкомъ дивизія прошла Рыково и далѣе пошла уже шагомъ. Измученныя лошади еле двигались.

«Лѣвѣе насъ, на рысяхъ отходила 2-я Донская дивизія, — отмѣчаетъ комбригъ генералъ Фарафоновъ, — я могъ наблюдать ея движеніе. Шла она въ резервной колоннѣ и по ея хвостамъ била на недолетахъ артиллерія противника. Позже выяснилось, что 2-я дивизія, не любящая вообще держать связь, принимала нашу колонну за красныхъ и торопилась придти первой на перешейки. Она шла, преслѣдуемая конницей красныхъ; лошади въ артиллеріи выдохлись, и 2-ая дивизія была вынуждена бросить часть орудій. 1-ая дивизія въ 3 часа дня прибыла въ Сальково, гдѣ находился штабъ генерала Абрамова.

Во время послѣдняго перехода былъ убитъ находившійся въ разъѣздѣ прикомандированный къ Лейбъ-Казачьему полку капитанъ Романенко.

Впереди Сальково находилась пресловутая укрѣпленная линія, закрывавшая выходы изъ Крыма, занятая частями 3-й Донской дивизіи генерала Гусельщикова.

---

*) Ген. Дьяковъ говоритъ: «Подъ Рыковымъ особенно доблестно дѣйствовалъ 2-ой полкъ доблестнаго полковника Ружейникова. Раскинувъ широко лаву, онъ продвигалъ за собою батарею изъ 10-15 пулеметовъ. Приблизившись къ краснымъ, онъ отходомъ наводилъ ихъ на свои пулеметы, а затѣмъ атаковалъ ближайшими сотнями. Вылеталъ онъ первый, не оборачиваясь, за нимъ неслась ближайшая часть лавы быстро на ходу смыкаясь и давая хорошій аллюръ»...

Плохенькіе окопчики для стрѣльбы съ колѣна, безъ блиндажей, жидкое проволочное загражденіе въ три, мѣстами обвисшихъ, проволоки, отсутствіе землянокъ и какихъ бы то ни было помѣщеній для жилья поблизости, несмотря на жестокій морозъ и вѣтеръ, производили мало утѣшительное впечатлѣніе.

Однако, настроеніе офицеровъ и казаковъ поднялось, ибо казалось, кончился неимовѣрно трудный отходъ, и впереди рисовалась перспектива отдохнуть и погрѣться... «Мы были совершенно изнурены ежедневными боями днемъ и ночью, холодомъ, голодомъ и нервной напряженностью этихъ дней, когда даже я, командиръ бригады, не говоря о младшихъ офицерахъ, не имѣлъ понятія объ общей обстановкѣ», — говоритъ генералъ Фарафоновъ.

Пройдя Сальково, дивизія ночью перешла Чонгарскій мостъ, продуваемая пронизывающимъ до костей вѣтромъ, дошла до селенія Озузъ-Киркъ, вплотную забитаго прибывшими частями. Казаки сосредоточились около костровъ, ибо въ переполненныя хаты не было возможности войти.

За день дивизія прошла болѣе 95 верстъ.

Между тѣмъ, престояло пройти еще 20, дабы стать въ назначенную для стоянки дивизіи дер. Ажумашъ Киркъ. Лошади всѣ сплошь лежали подъ сѣдлами; люди такъ устали, что предпочитали провести ночь на морозѣ у костровъ, и переходъ былъ отложенъ на утро.

21-го октября полкъ перешелъ въ дер. Ажумашъ Киркъ, гдѣ на всю бригаду съ батареей пришлось 5 хатъ. Несмотря на морозъ и отсутствіе продовольствія, усталость людей и лошадей была такова, что 22-го октября бригада имѣла здѣсь дневку и только 23-го перешла въ кол. Мамутъ. Здѣсь расположились, хотя и въ крайней тѣснотѣ (по 20 казаковъ на хату), но подъ крышей и въ теплѣ. Всѣ офицеры полка съ командиромъ бригады размѣстились въ одной хатѣ.

Такъ закончился отходъ Донского корпуса изъ Сѣверной Тавріи въ Крымъ, совершенный въ обстоятельствахъ исключительной трудности.

Отходили въ условіяхъ жестокихъ морозовъ, въ легкой не зимней одеждѣ, не защищавшей отъ пронизывающаго вѣтра, отходили въ условіяхъ боевъ, двигаясь крупными переходами, полуголодными, отдыхая по 3-4 часа и снова вступая въ бой съ появлявшимся со всѣхъ сторонъ и преграждавшимъ дорогу противникомъ, отходили, утративъ связь съ Командующимъ Арміей, въ полномъ незнаніи общей обстановки.

Четыре дня переходовъ потребовали совершенно исключительнаго нервнаго напряженія. «Мы держались одними нервами», — справедливо отмѣчаетъ комбригъ генералъ Фарафоновъ.

Это нервное напряженіе еще увеличивалось полной необезпеченностью участи раненыхъ.

Въ дневникѣ генерала Поздѣева, выбывшаго изъ строя 18-го октября за раненіемъ въ бедро, съ пулей, застрявшей въ позвоночникѣ, находимъ слѣдующій разсказъ:

...«Я, выбывъ изъ строя, выѣхалъ изъ Елизаветовки и взялъ направленіе

на югъ, куда отходили обозы корпуса. Первый же хуторъ Рахманиновъ, куда я прибылъ, былъ забитъ повозками. На улицѣ я увидѣлъ повозку съ раненымъ въ животъ есауломъ Авиловымъ и тачанку съ ранеными еще 10-го октября Атаманцами — полковниками Андреяновымъ и Поповымъ.

Я пересѣлъ въ повозку къ есаулу Авилову.

Посовѣтовавшись, мы, по моему настоянію, рѣшили сейчасъ же ѣхать къ желѣзной дорогѣ, дабы попасть на санитарный поѣздъ.

Отъ жителей мы узнали, что 17-го былъ оставленъ Мелитополь.

Я приказалъ гнать лошадей во-всю. При проѣздѣ Петровки показался въ сторонѣ подозрительный разъѣздъ. Мы имѣли при себѣ пулеметъ Люиса, немедленно приведенный въ готовность. Разъѣздъ, однако, насъ не тронулъ и мы благополучно проѣхали въ Екатериновку.

Здѣсь я измѣнилъ первоначальное рѣшеніе ѣхать на ст. Акимовку и двинулся на болѣе южную ст. Утлюгъ и хорошо сдѣлалъ, ибо отъ случайно встрѣтившагося мальчишки-добровольца, бѣжавшаго изъ Акимовки, узналъ, что эта станція уже захвачена красной конницей.

Подъѣзжая къ ст. Утлюгъ, далеко съ горы я замѣтилъ, что тамъ одни бронепоѣзда, и поэтому свернулъ еще южнѣе на Сокологорную, гдѣ мы и нашли застрявшій санитарный поѣздъ.

Со станціи Сокологорная я послалъ телеграмму генералу Абрамову, находившемуся со штабомъ на станціи Рыково, оріентировалъ его въ мѣстоположеніи Донского Коннаго корпуса и просилъ содѣйствія по продвиженію нашего санитарнаго поѣзда.

Отвѣтной телеграммой генералъ Абрамовъ благодарилъ за оріентировку и сообщалъ, что на утро, 19-го, пришлетъ за нами свой автомобиль.

Утромъ 19-го къ Сокологорной подошелъ головной полкъ 1-й Донской дивизіи.

Въ обозѣ я увидѣлъ раненаго сотника Мигулина, отъ котораго я узналъ, что послѣ моего раненія начатый мною обходъ удался и завершился нашей атакой, причемъ полкомъ взято 350 плѣнныхъ, а 2-й дивизіей 11 пушекъ.

Санитарный поѣздъ все не двигался: то у машиниста не было воды, то угля, то пара. Можно было ждать появленія красныхъ съ минуты на минуту, и настроеніе раненыхъ было тревожнымъ. Я пересѣлъ было въ повозку нашего полкового обоза, какъ появился автомобиль, присланный генераломъ Абрамовымъ.

Передъ отъѣздомъ я прошелъ на станцію. Здѣсь я увидѣлъ генерала Манштейна, который, давъ машинисту полчаса на размышленіе, предупреждалъ его, что если поѣздъ не тронется, онъ его повѣситъ.

Я все же съ нашими ранеными офицерами поѣхалъ на автомобилѣ.

Когда мы пріѣхали въ Рыково, то одновременно съ нами прибылъ и нашъ санитарный поѣздъ.

Генералъ Абрамовъ насъ любезно встрѣтилъ и, накормивъ, отправилъ въ томъ же автомобилѣ черезъ Сивашъ въ Таганашъ, гдѣ стоялъ штабъ генерала Кутепова. Переночевавъ здѣсь на этапѣ, утромъ 20-го мы санитарнымъ поѣздомъ были отправлены въ Севастополь».

Съ полкомъ на Чонгарскій полуостровъ благополучно прошелъ и обозъ 1-го разряда дивизіи, состоявшій только изъ походныхъ кухонь, патронныхъ двуколокъ и повозокъ съ ранеными. Остальной обозъ 1-го разряда дивизіи, подъ общей командой прикомандированнаго къ Лейбъ-Казачьему полку есаула Потапова, былъ еще 15-го октября, при движеніи на М. Бѣлозерку, отдѣленъ и отправленъ на присоединеніе къ обозу II-го разряда, коимъ заправлялъ завѣдывающій хозяйствомъ полка полковникъ Воронинъ.

Громада обозовъ всѣхъ корпусовъ, двигаясь въ 6 рядовъ, подошла къ Геническу, какъ разъ во время занятія этого города конницей Буденнаго. Однако, одновременно подошли и части 3-й дивизіи генерала Гусельщикова. Красная конница ,не принявъ боя, спѣшно очистила городъ и ушла на Сальково.

Полковые обозы благополучно прослѣдовали черезъ Геническъ и, пройдя 110 верстъ по Арбатской стрѣлкѣ, свернули черезъ Владиславовку — Царкевичи — Джанкой на присоединеніе къ полку въ Воинку.

Неудача постигла лишь строевое отдѣленіе полковой канцеляріи, двуколки коего слѣдовали отдѣльно отъ обозовъ полка.

Эти двуколки вышли на Сальково, не подозрѣвая о наличіи тамъ красной конницы, и были ею захвачены врасплохъ.

Спасся лишь впослѣдствіи присоединившійся къ полку старшій писарь Ѳоминъ, успѣвшій спрыгнуть съ канцелярской двуколки и спрятаться въ канаву.

26-го октября ночью 1-я дивизія была спѣшно двинута къ ст. Чирикъ.

2-я Донская дивизія осталась до утра на мѣстѣ, а затѣмъ догнала 1-ю.

Въ тотъ же день заболѣвшій генералъ Фарафоновъ былъ эвакуированъ въ Севастополь, а во временное командованіе бригадой вступилъ полковникъ Кононовъ.

Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ во временное командованіе принялъ войсковой старшина Дубенцевъ.

Общая обстановка катастрофически мѣнялась: казалось, сама природа ополчилась на насъ и небывалые въ Крыму морозы заморозили солончаковатый Сивашъ.

Красные перебросили по льду Сиваша, въ тылъ укрѣпленій Перекопа, двѣ пѣхотныхъ и одну кавалерійскую дивизіи.

Обходъ былъ соединенъ съ жестокими фронтальными атаками, веденными на много превосходящими силами, и Добровольцы, послѣ упорнаго боя, были вынуждены въ ночь на 27-е оставить Перекопскій валъ и отойти на Юшуньскую позицію.

Красные не остановились, а введя въ дѣло тяжелую артиллерію и болѣе 100 легкихъ орудій, яростно атаковали Юшунь.

Добровольцы доблестно защищались, и цѣлыя горы вражескихъ труповъ выросли у разрушенныхъ проволочныхъ загражденій.

Красные безостановочно вливали все новыя и новыя части.

Добровольцы отбили 14 послѣдовательныхъ атакъ, но красные пода-

вили своею численностью, и въ ночь съ 28-го на 29-ое Юшуньская позиція была оставлена.

Попытка отбить ее обратно утромъ 29-го октября успѣхомъ не увѣнчалась.

Вслѣдъ за Юшуньской пала и Чонгарская линія обороны.

Входы въ Крымъ теперь были широко открыты.

Въ тотъ же день, 29-го октября, генералъ Врангель приказалъ войскамъ оторваться отъ противника и слѣдовать въ заранѣе имъ назначенные порты для погрузки на суда и эвакуацію заграницу.

Всѣмъ, желающимъ остаться въ Крыму, была предоставлена полная свобода рѣшенія.

Вернемся къ Лейбъ-Казакамъ.

Лейбъ-Казачій полкъ, въ составѣ 1-й дивизіи, вначалѣ былъ въ резервѣ, а вечеромъ 28-го октября занялъ окопы на крайнемъ правомъ флангѣ Юшуньской позиціи, у Карповой балки. Участокъ былъ спокойный, и попытка конницы противника переправиться черезъ Сивашъ, противъ участка дивизіи, была легко отражена огнемъ Гв. Донской батареи.

Главный бой шелъ далеко влѣво противъ Добровольцевъ у Юшуни, гдѣ къ 2 часамъ дня 29-го октября была окончательно потеряна наша главная позиція.

Полкъ былъ посаженъ на коней и въ составѣ 1-й Донской дивизіи долженъ былъ прикрывать отходъ остальныхъ 4-хъ конныхъ дивизій.

Лейбъ-Казаки вскорѣ были повернуты въ направленіи на Юшунь, получивъ задачу развѣдать промежутокъ между озерами.

Выдвинувшись впередъ, полкъ оказался лицомъ къ лицу съ значительно превосходной въ силахъ конницей и пѣхотой противника и, охватываемый съ фланговъ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ, сталъ отходить на Воинку.

Видя трудное положеніе полка, Лейбъ-Гвардіи Атаманскій полкъ и 2-ая бригада, во главѣ съ генераломъ Морозовымъ, уже шедшіе на югъ, повернули обратно и вмѣстѣ съ Лейбъ-Казаками атаковали противника. Остановилась и 2-я Донская дивизія, въ готовности оказать поддержку.

Командовавшій всей конницей ген. Барбовичъ двинулъ въ атаку и регулярную конницу.

Растерявшійся противникъ замялся и, когда конница врубилась въ его ряды, началъ быстро отходить, бросая свои орудія.

Пройдя двѣ версты и порубивъ большое количество красныхъ, 1-я Донская дивизія повернула и, уже не преслѣдуемая противникомъ, отошла на ночлегъ въ деревню Александровку. За день съ боемъ сдѣлано около 50 верстъ.

Потери Лейбъ-Казачьяго полка въ атакѣ подъ Воинкой:

убито: казаковъ — 2, лошадей — 3.

Тяжело контуженъ снарядомъ есаулъ Агафоновъ.

Ранены: подъесаулъ Моргуновъ, хорунжій Фабрицкій и хорунжій Мокровъ. Казаковъ — 22, лошадей — 27.

Конная атака подъ Воинкой была послѣдней атакой Гражданской войны, почему умѣстно подвести итоги потерь Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка:

ОБЩІЙ ПОДСЧЕТЪ ПОТЕРЬ Л.-ГВ. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА
За гражданскую войну 1918-1920 годовъ.

		ОФИЦЕРЫ				КАЗАКИ				ЛОШАДИ		
		убиты	ранены	эпидемія сыпн. тифа	безъ вѣсти пропавшие	убиты	ранены	эпидемія сыпн. тифа	безъ вѣсти пропавшие	убито	ранено	чесотка и подбившіеся
Первая полов. 1918.	Захватъ большевиками Дона и періодъ казач. возстаній.	7	3			Точныхъ		данныхъ		не имѣется.		
Первая треть 1919.	Очищеніе Дона отъ большевиковъ.	5	21	14		79	289	374		70	167	97
Вторая треть 1919.	Общее наступленіе всѣхъ Армій Юга Россіи.	5	13	6		85	367	385	33	47	173	139
Третья треть 1919.	Генеральное сраженіе на Воронежскомъ направленіи и отходъ на Кубань.	1	11	9	1	62	242	424	56	31	75	63
Начало 1920.	Борьба съ Кубанскими зелеными и Новороссійская эвакуація.		4	3	1		8	30	50	3	7	
Продолженіе 1920.	Борьба въ Крыму и въ Сѣв. Тавріи.	2	23	4		31	169	56	10	102	246	
ОБЩІЙ ИТОГЪ..		20	72	36	2	257	1.075	1.269	149	253	668	299

Примѣчанія: 1) Въ 1919 году средній боевой составъ полка сводился къ 150 шашкамъ, 200 штыкамъ при 6-8 пулеметахъ. Въ строю обычно единовременно находилось не болѣе 10-12 офицеровъ и 350 казаковъ, при 150-175 лошадяхъ.

Въ 1920 году боевой составъ полка сводился въ среднемъ къ 15 офицерамъ и 350 казакамъ, при таковомъ же количествѣ лошадей.

2) Въ графѣ сыпнотифозныхъ показано число заболѣвшихъ и эвакуированныхъ съ фронта въ тылъ. Количество скончавшихся не показано за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній.

3) Поименный списокъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ полка приложенъ въ началѣ книги.

Въ исполненіе приказа Главнокомандующаго, конницѣ надлежало отходить на югъ въ Мелитопольскомъ направленіи, дабы прикрыть отходъ пѣхоты.

Гвардейская Казачья бригада отходила въ арьергардѣ всей конницы.

30-го октября бригада 50-верстнымъ переходомъ перешла въ дер. Бурнашъ.

31-го задача прикрытія отхода пѣхоты была завершена, и регулярная конница двинулась на погрузку въ Ялту, Кубанская дивизія — въ Ѳеодосію, а Донскія дивизіи — въ Керчь.

Въ арьергардѣ Донскихъ и Кубанской дивизій шли попрежнему Лейбъ-Казаки, со взводомъ 6-й Л. Гв. Донской батареи.

Около Карасу-базара, между хвостомъ колонны главныхъ силъ и арьергардомъ, вклинился конный отрядъ зеленыхъ, открывшій пулеметный огонь. Лавой 3-й сотни Лейбъ-Казаковъ есаула Могилянскаго зеленые были отогнаны.

3-я сотня потеряла ранеными 2 казаковъ и 3 лошадей.

Эта задержка оторвала арьергардъ отъ колонны главныхъ силъ, точный маршрутъ движенія коихъ не былъ извѣстенъ командовавшему арьергардомъ войсковому старшинѣ Дубенцеву.

Пройдя Карасу-базаръ, послѣдній увидѣлъ передъ собою двѣ дороги: одна — нанесенное на карту шоссе, болѣе похожее на горную дорогу съ глинистымъ грунтомъ и плохенькими мостами; другая, не обозначенная на картѣ, — новое шоссе на Старый Крымъ. Войсковой старшина Дубенцевъ, предполагая, что дивизія выбрала вторую дорогу, двинулся по ней.

Пройдя 40 верстъ, онъ Донскихъ дивизій не обнаружилъ. Сдѣлавъ большой привалъ, онъ прошелъ еще 25 верстъ и, догнавъ остановившуюся на ночлегъ около Ст. Крыма Кубанскую дивизію генерала Фостикова, здѣсь узналъ, что Донскія дивизіи ночуютъ сѣвернѣе и съ утра двинутся на Керчь, гдѣ и будутъ грузиться. Въ виду утомленности лошадей, войсковой старшина Дубенцевъ остановился на короткій ночлегъ и, передохнувъ 4 часа, въ 5 часовъ утра выступилъ на поиски своей дивизіи.

Переваливъ черезъ горы, ввиду Ѳеодосіи, онъ наконецъ увидѣлъ Донскія дивизіи: пространство нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ было покрыто массой двигавшихся безъ дорогъ мелкихъ конныхъ группъ. То тамъ, то сямъ виднѣлись значки полковыхъ и бригадныхъ командировъ. Войсковой старшина Дубенцевъ поѣхалъ являться начальнику 1-й дивизіи, ожидая получить нагоняй, однако получилъ благодарность: дорога, по коей двигалась отъ Карасу-базара колонна главныхъ силъ, оказалась непроѣзжей и ей пришлось бросить всѣ орудія. Нынѣ орудія Л. Гв. 6-й Донской батареи, пришедшія съ арьергардомъ войскового старшины Дубенцева, представляли собою всю артиллерію Донцовъ.

Къ вечеру 2-го ноября Донскія дивизіи добрались до Керчи.

За 4 дня, по сквернымъ дорогамъ, въ условіяхъ недостатка фуража и продовольствія, было пройдено около 300 верстъ.

Особенно тяжело пришлось больнымъ и раненымъ, кои слѣдовали при обозахъ частей.

Есаулъ Могилянскій отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ:

...«Второй день отступленія. Полкъ рысью идетъ въ арьергардѣ. Шагахъ въ 30-ти отъ дороги брошенныя какой-то частью повозки. На одной лежитъ повидимому тяжело больной или раненый. Онъ старается приподняться, но безпомощно падаетъ, продолжая махать худой рукой въ нашу сторону. Ну, что я могу сдѣлать? Всѣ наши повозки полны нашими казаками. На орудіяхъ, и то сидѣли люди. Жуткая картина....»

Къ вечеру 2-го ноября, Лейбъ-Казачій полкъ подошелъ къ Керчи и расположился въ предмѣстьи, однако, въ 12 часовъ ночи онъ былъ вызванъ въ городъ для прекращенія начавшихся тамъ грабежей.

Съ утра 3-го ноября началась погрузка частей, коею распоряжался лично самъ генералъ Абрамовъ.

Лейбъ-Казачій полкъ, поддерживавшій порядокъ, долженъ былъ грузиться послѣднимъ на еще не прибывшій пароходъ «Хараксъ».

Казаки полка были построены около пристани. Лошади были разсѣдланы. Съ собою бралось лишь оружіе и самыя необходимыя вещи. Въ полку держался полный порядокъ, однако, не только казаки, но и офицеры волновались: придетъ ли во-время «Хараксъ» и не повторится ли Новороссійская трагедія?

Но вотъ изъ стоявшаго надъ моремъ тумана вынырнулъ носъ подошедшаго «Харакса», и быстро началась погрузка, за порядокъ коей полкъ получилъ особую благодарность генерала Абрамова.

Лазаретъ полка, какъ и находившіеся въ немъ и пожелавшіе эвакуироваться раненые, больные офицеры, казаки и солдаты, были 31-го октября погружены и вывезены непосредственно изъ Севастополя.

Лейбъ-Казаки Конвоя Главнокомандующаго были погружены съ полкомъ Конвоя въ Ялтѣ.

Въ 3 часа дня переполненный до отказа людьми пароходъ «Хараксъ» вышелъ на Керченскій рейдъ.

Генералъ Абрамовъ объѣхалъ на катерѣ всѣ погруженные пароходы, отдалъ послѣднія распоряженія и, въ ночь на 4-ое ноября, суда, въ кильватерной колоннѣ, пошли на Константинополь.

Съ грустью покидали Лейбъ-Казаки предѣлы Родной Земли, щедро орошенной кровью ,пролитой ими подъ сѣнью своего полкового штандарта, увѣнчаннаго державнымъ двуглавымъ орломъ и Императорской короной.

Нынѣ и этотъ гордый штандартъ, послѣ четырехъ лѣтъ упорной, ожесточенной, жертвенной борьбы, покидалъ послѣднимъ предѣлы Россіи.

Горесть оставленія Родины умѣрялась въ полку сознаніемъ исполненнаго до конца долга и вѣрою въ близость возрожденія Россіи.

Лейбъ-Казакамъ казалось, что отбываютъ они ненадолго, что скоро опомнятся народы россійскіе и поднимутся на богоборческую большевистскую власть. Казалось имъ, что скоро понадобятся вновь руки и головы вѣрныхъ сыновъ Россіи и отъ береговъ Босфора Русская Армія вернется на Родину для отвѣтственной работы по возсозданію былой мощи и величія Россійской Имперіи.

Сроки измѣненій въ жизни великаго государства иные, нежели размѣръ жизненнаго удѣла отдѣльнаго человѣка, и многимъ однополчанамъ привелось сложить свои головы на чужой землѣ.

Однако, наступитъ день, когда уцѣлѣвшіе Лейбъ-Казаки будутъ имѣть радость на Родной Землѣ любоваться стройными и мощными рядами своего возрожденнаго полка.

Въ тотъ день они, на правомъ флангѣ строя, увидятъ родной штандартъ, яркое свидѣтельство исполненнаго ими полностью въ тяжелые годы воинскаго долга и твердый залогъ свѣтлаго и славнаго будущаго.

Крымская борьба закончилась утратой послѣдняго клочка родной территоріи и оставленіемъ Родины.

Армія имѣла достаточный запасъ времени и пространства, дабы благополучно завершить прекрасно подготовленную генераломъ Врангелемъ посадку на суда и эвакуацію заграницу.

Главнокомандующій сдержалъ полностью свое обѣщаніе, данное имъ при прибытіи въ Крымъ, — вывести Армію съ честью изъ въ ту пору создавшагося почти безвыходнаго положенія.

На большее нельзя было и расчитывать: слишкомъ велико было несоотвѣтствіе между скромными возможностями Крыма и громадными рессурсами остальной, находившейся въ распоряженіи большевиковъ, Россіи, и слишкомъ мало было времени для исправленія ошибокъ Бѣлаго движенія, сдѣланныхъ въ 1918-1919 годахъ.

На комъ же, по мнѣнію строевого офицера, лежала отвѣтственность въ прежнихъ ошибкахъ?

Одинъ, нынѣ модный въ нѣкоторыхъ кругахъ и обладающій «бойкимъ» перомъ журналистъ (кстати сказать, въ отвѣтственные годы вооруженной борьбы съ большевиками уклонившійся отъ всякаго въ ней участія), нынѣ спокойно сидя за рубежомъ, рѣшаетъ этотъ сложнѣйшій вопросъ необычайно просто: виновата якобы «бездарность» Главнокомандующаго.

Попутно, этотъ же журналистъ обливаетъ грязью офицеровъ старой Императорской Арміи, якобы, по его словамъ, стоявшихъ на низкой ступени культуры и умственнаго развитія.

Такъ ли обстояло дѣло въ дѣйствительности?

Высокія профессіональныя качества рядового состава русскаго кадроваго офицерства засвидѣтельствованы во многихъ научныхъ трудахъ даже

нашихъ бывшихъ противниковъ и нуждаются въ защитѣ развѣ только передъ полными невѣждами въ вопросѣ.

...«Единственная корпорація среди всѣхъ классовъ, сословій, профессій, проявившихъ общее стихійное стремленіе рвать отъ государства, выпустившаго изъ своихъ рукъ вожжи, все, что возможно въ своихъ частныхъ интересахъ — офицерство ничего не просило для себя лично...», — правильно отмѣчаетъ въ своихъ «Очеркахъ» ген. Деникинъ.

Лишь одно травимое со всѣхъ сторонъ офицерство вело тяжелую борьбу на фронтѣ за сохраненіе боеспособности своихъ частей.

И, наконецъ, въ бѣломъ движеніи, совмѣстно съ казачествомъ, офицерство щедро и жертвенно оросило своей кровью имъ однимъ поднятое знамя государственности.

Если офицерство, представлявшее къ концу Великой войны рѣшительно всѣ слои не оказавшейся на высотѣ положенія интеллигенціи, лишь одно проявило чувство государственности и достойной жертвенности, то объяснить это можно только духомъ уцѣлѣвшаго на фронтѣ остатка стараго кадроваго офицерства. Это офицерство — преемникъ тѣхъ незамѣтныхъ армейскихъ капитановъ, кои одни, въ 1905 и 1906 годахъ, остановили Россію на краю большевистской пропасти.

Какъ же можно говорить о «сравнительной» некультурности этого офицерства?

Что же касается отвѣтственности Главнокомандующаго, то представляется большимъ вопросомъ — могъ ли онъ не считаться и не строить расчетовъ на помощь пресловутой россійской «общественности», полная оторванность коей отъ глубокихъ массъ населенія выявилась лишь процессомъ гражданской войны.

А между тѣмъ, эта общественность подъ своими мертвыми партійными схемами, полными громкихъ словъ: свобода, равенство, народоправство, демократизмъ и т. д., и т. д., скрывала лишь тенденцію городской интеллигенціи своекорыстно и монопольно осуществлять представительство широкихъ народныхъ рядовыхъ массъ населенія, интересы и нужды разнородныхъ слоевъ котораго ей были извѣстны весьма поверхностно.

Не отсюда ли возникла невозможность поднять и соотвѣтственно организовать на борьбу съ гибельнымъ для Россіи большевизмомъ крестьянскій слой, что въ свою очередь обусловило неуспѣхъ бѣлыхъ мобилизацій и предрѣшило возникновеніе облегчившихъ большевикамъ побѣду движеній Петлюры, Махно и зеленыхъ?

Не отсюда ли шло систематическое гашеніе духа самостоятельно поднявшагося на борьбу казачества, приведшее къ роковому для исхода бѣлой борьбы самоотстраненію, въ концѣ 1919 и началѣ 1920 годовъ, Кубанской рядовой массы? Такимъ образомъ, если на Главнокомандующемъ и лежитъ какая-то доля вины за неуспѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, львиная доля отвѣтственности падаетъ на россійскую интеллигенцію въ ея цѣломъ...

«Особенность и счастье русскаго бѣлаго движенія въ величайшей честности и безупречной доблести всѣхъ его вождей», когда-то сказалъ участникъ движенія и талантливый журналистъ Б. Суворинъ, «за что мы имъ обязаны глубочайшимъ уваженіемъ»...

Именно это чувство, сохранившееся, несмотря на понесенное пораженіе, сплотило вывезенныя въ Константинополь части Русской Арміи вокругъ послѣдняго Главнокомандующаго генерала барона Врангеля.

Базируясь на вывезенной изъ Крыма Арміи, генералъ бар. Врангель за рубежомъ приступилъ къ новой большой національной работѣ, описаніе коей, какъ и участіе въ ней Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка уже не входитъ въ рамки настоящей книги.

И. Н. Оприцъ.

Курбевуа.

1 мая 1939 г.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ XVI-й.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ СПИСОЧНОМЪ СОСТАВѢ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1920-ГО ГОДА.

Зачислены въ списки полка приказомъ по Войску Донскому.

1. Донской Атаманъ **Ген. Богаевскій** Африканъ Петровичъ
2. генералъ-лейтенантъ **баронъ Врангель** Петръ Николаевичъ.
3. Помощникъ Главнокомандующаго генералъ-лейтенантъ **Шатиловъ** Павелъ Николаевичъ.

Въ знакъ признательности Донского Войска за ихъ дѣятельность.

4. Генералъ-маіоръ **Фарафоновъ** Владиміръ Ивановичъ. — При назначеніи Ком. Гв. Каз. бр., какъ бывшій командиръ полка.

Зачислены въ списки полка для службы въ его рядахъ.

1. Полковникъ **Мишаревъ** Александръ Андреевичъ	Изъ отставки. Коренной офицеръ и старый командиръ полка. Занялъ должность комендата полков. лазарета въ Севастополѣ.
2. Есаулъ **Ефремовъ** Алексѣй Ивановичъ	Изъ отставки. Коренной оф. полка. Занялъ должность помощника полкового казначея.
3. Хорунжій **Упорниковъ** Левъ Алексѣевичъ	Переведенъ изъ сотни конвоя Донского Атамана.
4. Хорунжій **Мигулинъ** Григорій Петровичъ.	Изъ подхорунжихъ полка.
5. Хорунжій **Прокофьевъ** Николай Павловичъ	Изъ вольноопредѣл. полка.

Состояли въ прикомандированіи къ полку:

1. Хорунжій **Ярцевъ** Алексѣй Васильевичъ.
2. Штабсъ-капитанъ **Романенко.**
3. Хорунжій **Харламовъ,** Илья Ильичъ.
4. Есаулъ **Потаповъ** Яковъ Ивановичъ.
5. Хорунжій **Мокровъ** Андрей Дмитріевичъ.
6. Хорунжій **Тарасовъ** Андрей Юльевичъ.
7. Хорунжій **Смерткинъ.**
8. Сотникъ **Егоровъ** Алексѣй Федоровичъ — исполнялъ должность дѣлопроизводителя по хозяств. части.
9. Хорунжій **Обуховъ** Вячеславъ Васильевичъ (4 октября 1920 г. переведенъ Донскимъ Атаманомъ въ списки полка).

Выбыли изъ списковъ полка.

1.	Хорунжій **Поповъ** Иванъ Ивановичъ	Убиты въ бояхъ въ строю полка.
2.	Прикомандированный къ полку штабсъ-капитанъ **Романенко**	
3.	Полковникъ **Мишаревъ** Алекс. Андреевичъ	За смертью.
4.	Войск. старш. **Полковниковъ** Сергѣй Петровичъ	Инвалидность по роду раненія.
5.	Есаулъ **Нарышкинъ** Александръ Михайловичъ	Переводъ на службу въ Зимовую ст. въ г. Константинополѣ.
6.	Сотникъ **Чекуновъ** Сергѣй Акимовичъ	Исключены по причинѣ неприбытія своевременно изъ эвакуаціи заграницу.
7	Хорунжій **Жеребковъ** Алексѣй Сергѣевичъ	

Находились въ командировкѣ.

1.	Полковникъ **Андріяновъ В. П.**	Помощн. командира полка конвоя Главнокомандующаго Русской Арміей.
2.	Войск. старш. **Рыковскій Ф. Ф.**	К-ромъ полусотни отъ Гвард. Каз. бр. того же полка конвоя
3.	Подъес. **Кобіевъ Ю. М.**	К-ромъ Л. Каз. взвода той же полусотни.
4.	Подъес. **Ляховъ Н. Д.**	Адъютантомъ Главнокомандующаго Р. А.
5.	Подъес. **Жеребковъ А. М.**	Адъютант. Донск. Атамана.
6.	Сотникъ **Поляковъ Н. М.**	Въ командировкѣ при Музеѣ и регаліяхъ полка въ Константинополѣ.
7.	Сотникъ **Ефремовъ Н. П.**	
8.	Подъес. **Ротовъ М. М.**	Въ командировкѣ на подрывныхъ курсахъ.

Примѣчаніе. Войск. ст. **Рыковскій,** подъес. **Жеребковъ,** подъес. **Ротовъ** въ бытность полка на Крымскомъ фронтѣ, нѣкоторое время провели въ строю и принимали участіе въ боевой работѣ полка.

Находились внѣ строя полка, какъ не оправившіеся отъ раненій, полученныхъ въ теченіе 1919 года.

1. Полковникъ **Оприцъ И. Н.**
2. Войсковой старшина **Чеботаревъ В. С.**
3. Сотникъ **Чекуновъ Г. А.**
4. Сотникъ **Семилѣтовъ В. С.**
5. Хорунжій **Дубенцевъ Г. А.**

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

1) Документы полкового архива: приказы, приказанія, копіи донесеній, послужные списки г. г. офицеровъ. Полковой и сотенные дневники боевыхъ дѣйствій.
2) Краткая записка о дѣйствіяхъ полка въ гражданскую войну, составленная И. Оприцемъ въ 1921 году, по словеснымъ разсказамъ участниковъ-однополчанъ.
3) Записки, воспоминанія офицеровъ полка: В. И. Фарафонова, К. Р. Поздѣева, Н. В. Номикосова, Н. П. Воронина, И. Г. Шамина, С. Н. Краснова, Ю. А. Черемшанскаго, Н. П. Ефремова, Н. Н. Ефремова, Ю. А. Могилянскаго, Г. М. Гринева, В. С. Семилѣтова, А. К. Авилова, П. П. и Н. П. Прокофьевыхъ, Н. Г. Евфимьева, А. С. Моргунова, М. М. Ротова, Ю. Н. Агафонова, А. А. Грекова, Г. П. Мигулина и вахмистра-подхорунжаго Колбасина.
4) Комментаріи къ запискѣ И. Н. Оприца генераловъ П. Н. Краснова, Ф. Ф. Абрамова и В. А. Дьякова.
5) Сводка показаній нѣкоторыхъ участниковъ-однополчанъ, произведенная по заказу полка въ 1924 году Ген. Штаба генераломъ Эрномъ.
6) Копіи нѣкоторыхъ документовъ Донского Архива въ Прагѣ.
7) Ген. П. Н. Красновъ. «Всевеликое Войско Донское». Арх. Русск. Рев. Томъ V.
8) Ген. Денисовъ С. В. «Гражданская война на Югѣ Россіи», кн. 1-ая. 1921.
9) Полк. Добрынинъ. Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи». 1921.
10) Комплектъ журнала «Донская Волна» 1918-1919 г. г.
11) «Донская Лѣтопись». Три книги. 1923.
12) Макаренко. «Трагедія Казачества», 4 части, 1933 - 1938.
13) Ген. Врангель. «Записки». 2 тома. Бѣлое Дѣло, 1928.
14) Ген. Деникинъ.«Очерки Смуты», 5 томовъ, 1921-1926.
15) Гинсъ. «Сибирь, Колчакъ, Союзники», 2 тома, 1921.
16) К. Н. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина», 1921.
17) «Гражданская война 1918 - 1920 г. г.», подъ ред. Бубнова, Каменева, Эйдемана и Тухачевскаго. Три тома. Изд. «Воен. Вѣстника СССР». 1928.
18) «Гражданская война». Матеріалы по ист. Кр. Арміи. Три тома. 1923. Изд. В. Воен. Р. Сов.
19) «Гражд. война. Дѣйств. на моряхъ и рѣчн. сист.», изд. Морск. Ист. Комм. 1926.
20) Н. Какуринъ. «Какъ сражалась революція». Госиздат. 1926.
21) Антоновъ-Овсѣенко. «Записки о гражд. войнѣ». 4 тома. Госиздат. 1928.
22) Ген. Е. И. Мартыновъ. «Армія въ Февральскомъ переворотѣ». 1927. изд. РККА.
23) Анищевъ. «Очерки исторіи гр. войны». Госиздат. 1925.
24) Калинин. «Русская Вандея». Госиздат. 1926.
25) Егоровъ. «Разгромъ Деникина».
26) Матеріалы и труды, на кои въ текстѣ приведены ссылки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Imprimerie VAL
124, Rue Compans, 124
PARIS (XIXe)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
LIBRAIRIE E. DE SIALSKY
2, rue Pierre-le-Grand, PARIS (8e)
Tél. : CARNOT 88-67